

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Педагогический институт
Историко-филологический факультет
Кафедра русского языка и русской литературы

СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных трудов по итогам
Международной научной конференции

г. Белгород, 12-13 февраля 2018 г.

Белгород
2018

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
С 56

Рецензенты:

Аглеева З.Р., доктор филологических наук, профессор (г. Астрахань);
Рубенкова Т.С., кандидат филологических наук, доцент (г. Белгород)

Под общей редакцией

Озеровой Е.Г., доктора филологических наук, доцента,
профессора кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ»

С 56 **Современные достижения и новые направления филологии**: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции (12-13 февраля 2018 г.) / Под общ. ред. д.ф.н., доц. Е.Г. Озеровой. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2018. – 422 с.

ISBN 978-5-6040047-0-8

В сборник научных работ включены статьи, отражающие проблематику современных направлений филологии. Представленные исследования посвящены осмыслению актуальных направлений когнитивной лингвистики, языка и культуры, художественного текста, языковой личности, актуальных проблем русской словесности.

Сборник адресуется лингвистам-исследователям, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-6040047-0-8

© НИУ «БелГУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	8
Алефиренко Н.Ф. ДИСКУРС & КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ	8
Вовчок А.Д. ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕКСТА И ИНТЕРТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКЕ.....	12
Голубева И.С. ЛИНГВОКВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «УЧИТЕЛЬ» В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ	17
Единак О.В. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ (НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСА ПОБЕДЫ)	20
Калинина Л.В. СЕМАНТИКА НЕУЛОВИМОГО И ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ	23
Кривошеев Г.С. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ «СОЛЬВЕЙГ» В ЛИРИКЕ А.А. БЛОКА	29
Лапшина М. С. ИНТРЕТЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РАДИОЭФИРЕ «БРИГАДЫ У» «ЕВРОПЫ ПЛЮС».....	32
Матыцина М.С. , Цинтула И. СВЯЗЬ ЯЗЫКА И ПОЛИТИКИ С ПОЗИЦИЙ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА	35
Мишина Е.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА БОЛЕЗНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В.М. ГАРШИНА	38
Семененко Н.Н. ТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЦЕННОСТНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ПАРЕМИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	40
Тхакушинова Ж.Б., Назарова И.П. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И МОДЕЛИ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ .	43
Саввина С.В. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА НАРОДНЫХ ЗАГОВОРОВ.....	50
Саенко М.И. КОНЦЕПТ «ДОМ» КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВИДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН)	52
Чьонг Тхи Кам Ми ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» ВО ВЬЕТНАМСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ.....	55
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В СЛОВЕ И ТЕКСТЕ	60
Алейник А.С. БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРОВ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	60
Болдырева С.М. РОЛЬ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. СЕМЕНОВОЙ	64
Бондарчук Т. А. ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ ДОНБАССА В РОМАНЕ Б.Л.ГОРБАТОВА	70
Ивона Борыс ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ПОКЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (СЕМАНТИКА)	74
Дуплякина А.В. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЦЕНКИ ГЛАЗ ...	80
Евсеева М.Г. КОННОТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИМЕНИ ГОРОДА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)	83
Жиленкова И.И. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АНТРОПОТОПОНИМЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	85
Завтрикова П. С. , Ничипорчик Е. В. АТРИБУТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ МОЕГО И НАШЕГО МИРА В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	89
Кириченко Ю.С. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭМЕ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ».....	94
Кошарная С.А. К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ ЛАНДШАФТЕ БЕЛОГОРЬЯ ..	97

Кравченко Ю.В. ПСЕВДОНИМ КАК ФАКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	103
Летка-Спыхала О. PRZEKŁAD IDIOMÓW A ICH KONTEKST KULTUROWY (NA PRZYKŁADZIE JĘZYKA ANGIELSKIEGO, ROSYJSKIEGO I POLSKIEGO) ...	108
Медведева А.И. ЗООНИМЫ В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ	113
Ожеховска Иоанна АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «МЕДВЕДЬ» В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ	118
Папоян К.О. ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ	122
Федюнина И.Э., Ляшенко И.В. РАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)	128
Шаколова А.И. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОЙКОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИКИ СТАРООСКОЛЬКОГО РАЙОНА)	132
Шубина Н.Г. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЙМСТВОВАННЫХ СЛОВ В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	134
ЛИНГВИСТИКА И СТИЛИСТИКА ТЕКСТА	140
Голикова М.М. КОННОТАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ФРАЗЕМ КАК ИНДИКАТОР АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. СЕНКЕВИЧА)	140
Ерохина Т.А. ПОЭТИКА ОНИМОВ МАЛОГО «ПАРИЖСКОГО ТЕКСТА» М.А. ВОЛОШИНА: «ГОДЫ СТРАНСТВИЙ»	142
Жигулина Т.С. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ	149
Ливинская А. И. ИДИОСТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ ТЕКСТОВ А.П. ЧЕХОВА	152
Никулина Д.С. ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ Д. РУБИНОЙ	156
Озерова Е.Г. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ТЕКСТА ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ	159
Покручина М.Ю. СТИЛИСТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА «АВТОРУЧКА» В.Н. КРУПИНА	162
Птахина Е. Ю. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА В ПОВЕСТИ А. А. ЛИХАНОВА «БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ»	166
Тарасенко Е.И. СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И СИМВОЛИКА КОЛОРАТИВОВ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН- ФРАНЦИСКО»	171
Тарасова О.А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И.А. БРОДСКОГО	175
Царева Я.А. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕРМИНА «ИДИОСТИЛЬ»	178
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	184
Бекорюкова Е.А. ПЕРЦЕПТИВНАЯ МЕТАФОРА В СТИХОТВОРЕНИИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «НИКОГО НЕ БУДЕТ В ДОМЕ»	184
Левина Э.М. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМА КАК ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ)	189
Мальшева М.С. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЭТА И.А. ЧЕРНУХИНА	193
Мальцева Г.Ю. АЛЛЮЗИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИГРОВОЙ ПОЭТИКИ В РАССКАЗЕ «ИСТРЕБЛЕНИЕ ТИРАНОВ» В.В. НАБОКОВА	200

Огнева Е.А. СИНЕРГИЯ В ПЕЙЗАЖНОЙ МОДЕЛИ «СТЕПЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА») ..	204
Осадчая М.Н. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В АВТОРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	209
Проскурнина Л.В. ФУНКЦИИ КОЛОРАТИВОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА.....	216
Чумак-Жунь И.И. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	222
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	228
Гиголаева А.Т. ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ПЕТРА ПЕРВОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР I»)	228
Иванова И.Д. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	232
Кинаш А.А. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА Б. АХМАДУЛИНОЙ.....	235
Харченко В.К. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА):	240
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ НЕОЛОГИИ И НЕОГРАФИИ ..	243
Грекова Л. В. УНИВЕРБАЦИЯ КАК СПОСОБ КОМПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	243
Киреева Ю.Н. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕПОЗИТИВНЫХ ФОРМАНТОВ СВЕРХ-, ПОЛУ-, СУПЕР- В СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ В. ТОКАРЕВОЙ	246
Коробских Л.С. СПЕЦИФИКА СУБСТАНТИВНОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	249
Плотникова Л.И. О СПОСОБАХ КОМПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	252
Плотникова Ю.В. СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале произведений В. Молчанова)	257
Тимашова Ж.Е., Ульяненко Е.Н. СЛОЖНЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СИМВОЛИСТОВ	260
Топоркова И.С. К ВОПРОСУ О ДЕТСКОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ	263
Францевская Е.И. О СПЕЦИФИКЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВА З. ГИППИУС....	266
Цзи Гуаньшэн НОВЫЕ СОСТАВНЫЕ СЛОВА В РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ.....	269
Шаталова Ю.Н. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ СУБСТАНТИВОВ.....	272
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ	277
Виниченко М.А. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПЬЕСЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ИСПАНЦЫ»	277
Кругляк А.В. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СБОРНИКЕ Н.В.ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ».....	283
Ночевка Е.И. РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»	286
Солдатова К. Э. МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»	291

<i>Трошина Е.А.</i> ОБРАЗ РУССКОГО ОФИЦЕРА В РОМАНАХ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»	296
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ...	302
<i>Лебедева В.Ю.</i> «ШАХМАТНЫЙ КОНЬ» В. НАБОКОВА: ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ	302
<i>Обухова Е.А.</i> ПОЛЕМИКА КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «КОММЕНТАРИЕВ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» В.В. НАБОКОВА И Н.Л. БРОДСКОГО).....	305
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ..	309
<i>Заговеньева В.Ю.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЯ «КОЛЕБАНИЯ» С ДРУГИМИ МОДАЛЬНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В ТЕКСТАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.	309
<i>Иванюта К.В.</i> ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ Н.В. ГОГОЛЯ.....	312
<i>Ивахненко Ю.В.</i> ФУНКЦИИ МОДАЛЬНО-ПЕРСУАЗИВНЫХ ЧАСТИЦ В ТЕКСТЕ.....	316
<i>Ивницкий Е. И.</i> ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КВАЛИФИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	321
<i>Нагорный И.А.</i> ЛЕКСИЧЕСКИ ОПУСТОШЕННЫЕ СЛОВА ТАКОЙ И КАК БЫ В РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ	323
<i>Чересюк П.А.</i> МЕТАФОРА И ЕЕ ФУНКЦИИ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»)	330
РЕЧЕВЫЕ НОРМЫ И ИХ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	335
<i>Буцкая А.В.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕКСТАХ СТАТУСОВ «ВКОНТАКТЕ»	335
<i>Голева Н.М. Воронкова Л.С.</i> ЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	339
<i>Заходякина О. М.</i> КУЛЬТУРА ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ.....	341
<i>Макарова А.Г.</i> ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ЕЕ ОТКЛОНЕНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ И ОБЪЯВЛЕНИЯХ.....	344
<i>Сидельникова Н. С.</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕКСТАХ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ	347
<i>Шаповалова Ю.Ю.</i> ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА И ЧИСТОТА РЕЧИ	350
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ..	353
<i>Глазунова И.В.</i> ЭПИТЕТ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	353
<i>Головчанская С.В.</i> УРОК СЛОВЕСНОСТИ – УРОК ДОБРА И КРАСОТЫ	356
<i>Голубчикова И.А.</i> РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ НАД СЛОВОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	359
<i>Демичева В.В., Лазарева О.С.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В РАБОТЕ ПО ОБОГАЩЕНИЮ СЛОВАРЯ УЧАЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СЛОВ ГРУППЫ «ТЕАТР»)	362
<i>Ильенко Н.М.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРОВОЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С БУДУЩИМИ ПЕДАГОГАМИ.....	366

Корнейко Е.А. «ДОРОГ ИЗМЕРЕНО НЕМАЛО...» (УРОК СЛОВЕСНОСТИ В 8 КЛАССЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ).....	369
Наприенко И.В. К ВОПРОСУ О ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ.....	374
Новикова Т.Ф. СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ».....	376
Пашкова Г.И. СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ОРФОГРАФИИ.....	382
Петрова С.В., Сычева К.В. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	386
Самосенкова Т.В., Назаренко Е.Б. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В АДЕКВАТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	390
Самосенкова Т.В., Цотова Д.Ю. ЛИНГВОТЕАТРАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ – ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	395
Табакаева Н.С. УЧЕБНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УУД МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	402
Телкова В.А. ОБ ОДНОМ ПРИЕМЕ РАБОТЫ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	405
Фадеева М.И. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	408
Шановалова А.Э. УРОК РАЗВИТИЯ РЕЧИ ПО КАРТИНЕ С ОПОРОЙ НА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОНЯТИЯ	411
Шипицына Г.М. УЧИТЕЛЮ О РАБОТЕ НАД ЯЗЫКОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ	415
Яковлева Т.В., Касилова Н.Н. К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ «НАРЕЧИЕ»).....	418

Алефиренко Н.Ф.

ДИСКУРС & КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
n-alefirenko@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс дискурсивного порождения текста, который является многоуровневой речемыслительной деятельностью. Стимулом к текстопорождению выступает реальный жизненный факт, который превращается в коммуникативное событие с определенной коммуникативной ситуацией. Мысленное моделирование коммуникативного события формирует дискурс – когнитивный субстрат будущего текста.

Ключевые слова: дискурс, текстопорождение, коммуникативное событие.

В современных лингвопоэтических исследованиях намечается тенденция к отождествлению коммуникативного события и дискурса. Поводом для этого служит понимание дискурса, сформулированное Т. ван Дейком: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте» (Дейк ван Т.А. Язык., 1989). К сожалению, последователи Т. ван Дейка не всегда обращают внимание на вторую часть его дефиниции, представленную причастным оборотом, где указывается на контекстуальное восприятие события всеми креативными участниками коммуникации. Высказанные здесь суждения требуют более взвешенного отношения к попыткам отождествления дискурса и коммуникативного события. В моем представлении, дискурс – продукт ассоциативной, интерпретативной и собственно рефлексивной деятельности коммуникантов над референтной ипостасью события, отобранного для текстовой репрезентации. По отношению к дискурсу коммуникативное событие предстаёт в двух ипостасях: а) как модель протодискурсивного восприятия референтного факта (объекта речевой интенции) и б) как когнитивный субстрат для дискурсивного порождения текста. Обе вариации коммуникативного события как дискурсивной категории имеют свою деривационно-смысловую специализацию: первая служит средой порождения дискурса, предметно-смысловым источником дискурсообразования [см.: Алефиренко Н.Ф., 2007: 14-20], а вторая – деривационно-смысловой платформой текстопорождения. И в том и в ином случае коммуникативное событие, следует согласиться с В.И. Тюпой, «не следует отождествлять с физической реальностью отдельного человека или предмета» [Тюпа В.И. URL: http://nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm]. Для истолкования своей мысли автор использует аналогию со сценической жизнью актера в том или ином спектакле. Она, как известно, отличается от его личной жизни, хотя жизнь на сцене – неотъемлемая часть жизни этой личности. Так же и дискурс отличается от отображаемого в нем реального события, подобно виртуальной жизни актера, порой, совсем не похожей на его

обычный жизненный мир. Более того, коммуникативное событие само по себе «в своей житейской данности не является говорящим бытием». Смыслорождающую функцию оно выполняет только в процессе его интенционально обусловленного восприятия коммуникантами (креативной обработки воспринимаемого отправителем и получателем информации о данном событии).

Интенциональная обусловленность восприятия коммуникативного события приводит к изменению когнитивной сущности объекта вербализации. Благодаря интенциональному восприятию референтная сущность события дискурсивным сознанием (Алефиренко Н.Ф., 2009: 3) преобразуется в эйдос – его денотативно-сигнификативный конструкт. Если, разумеется, под эйдосом понимать не просто «видимое», внешний факт или прообраз вещей в мышлении, а явленность сознанию сущности события. Коммуникативное событие, преобразованное в эйдос, представляет собой продукт ментальной конвергенции результатов денотативно-сигнификативной интерпретации события автором и получателем текста.

Так, ведущие мировые СМИ всего за несколько дней до открытия Олимпийских игр 2018 года в южнокорейском Пхенчхане сообщили о крайне высоком содержании допинга в крови российских спортсменов. Эту информацию (внешний факт) смоделировал, например, в качестве коммуникативного события известный тренер Сергей Крянин. На основе его понимания этого события сформировавшийся дискурс послужил когнитивным субстратом для следующего текста: «Честно говоря, – пишет он, – давно привык ничему не удивляться. Для меня это просто очередной фейк, не более. ... Как по мне, продолжается борьба против России. Кто-то выполняет политический заказ. Сейчас поднимут пробы с 2001 года. Слушайте, ну давайте перепроверим анализы 40-х годов прошлого века! Возможно, WADA это просто выгодно. Там всё не могут успокоиться после оправдательного решения CAS в пользу наших ребят. ... Хотелось бы, чтобы там работали всё-таки адекватные люди, а не разрушители» (tass.ru/doping-skandal-vokrug-rossiyskogo-sporta). Причем такая конвергенция реального события в коммуникативное оставляет простор для вариативной версификации предметно-смыслового содержания текста [см.: Бахтин М.М., 1979: 291] обоими субъектами (автором и читателем) дискурсивной деятельности.

Поскольку дискурс является денотативно-сигнификативным конструктом события, к нему, как представляется, не применимо понятие *дискурсивное событие*, поскольку по определению событие – это то, что имеет место, происходит, наступает в произвольной точке пространства-времени; факт общественной или личной жизни. Дискурс же не само событие, а его мысленная модель в сознании коммуникантов. Такое понимание дискурса несовместимо с его определением как «совокупность коммуникативно значимых, прагматически связанных речевых действий (речевых актов), направленных на достижение общей коммуникативной цели» [ср.: Гришаева Л.И., Цурикова Л.В., 2006]. В нашем представлении, данная дефиниция, скорее, ха-

рактирует коммуникативную ситуацию. Именно она представляет собой динамическую совокупность всех обстоятельств, в которых осуществляется речевое общение (место и время коммуникации, степень и характер знакомства ее участников, наличие/отсутствие общих фоновых знаний, которыми располагают коммуниканты к моменту общения и др.).

На наш взгляд, некорректно называть «ситуацией» референт высказывания или отрезок реальной действительности, конкретное событие, факт, о котором в нём сообщается. Так же нет достаточных оснований относить понятие ситуации не только к дискурсу (мыслимой модели коммуникативного события), но и к языковой семантике, как это предлагает В.С. Храковский. Исходя из логики его рассуждений, к ситуации приравнивается смысловая структура любого высказывания (предложения, контекста, текста), которая, в его интерпретации, представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности. Такую мыслительную модель оязыковляемой действительности он называет денотативной ситуацией или событием. Ближе к истине, надо думать, последний вариант – *событие*. Коммуникативная ситуация всё-таки – это атрибут дискурсивно моделируемого события, указывающий на обстоятельства и отношения между субъектами коммуникативного акта, а также на условия его осуществления.

И только «пережитая» ситуация как совокупность признаков и условий некой со-бытийности, подкрепленная положительным или отрицательным опытом и фиксируемая в долговременной памяти в виде культурного кода (Озерова Е.Г., 2016), способна стать дискурсивным средством порождения свернутого текста в виде фраземы или паремии. Ср.: 1) *козел отпущения* – (чаще неодобр.) – ‘о человеке, на которого постоянно сваливают ответственность за ошибки, проступки, грехи других’. Данная фразема содержит свернутый текст, описывающий существование древнееврейского обряда возложения грехов всего народа на живого козла. Неодобрительную коннотацию фраземе придает практиковавшееся изгнание невинного животного в пустыню возложенными на него грехами еврейского народа. Таким образом, прагматический смысл фраземы мотивирован библейским коммуникативным событием: ‘человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, несущий ответственность за других’. 2) *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней* – (неодобр.) – ‘о том, кто пытается сравняться в каком-нибудь деле с тем, кто умнее (важнее, сильнее)’. Кстати, от данной паремии образована фразема *куда конь с копытом*. И паремия, и фразема представляют свернутый текст басни, в которой содержится забавный эпизод: когда ковали коня, рак, чтобы выглядеть так же величаво, как конь, подставил свою клешню, чтоб и его подковали. Аксиологический смысл паремии проецируется отраженным в ней коммуникативным событием, а сама паремия содержит уничижительный упрек тому, кто неоправданно пытается подражать более умному, сильному, талантливому, хотя сам не обладает этими качествами.

Таким образом, дискурс представляет в миниатюре некую интерпретируемую картину мира и знаний о нем. Процесс дискурсивного порождения текста является многоуровневой речемыслительной деятельностью. Стимулом к текстопорождению выступает реальный жизненный факт, который, став объектом переживания, превращается в коммуникативное событие с определенной коммуникативной ситуацией. Мысленное моделирование коммуникативного события формирует дискурс – когнитивный субстрат будущего текста.

Взаимоотношения между текстом и дискурсом можно показать на выполнении всем известного со школы задания: порождения связного текста по картинке, на которой изображено некое реальное или вероятное жизненное происшествие.

Так же, как и при написании рассказа по картинке, при моделировании дискурса, необходимо:

а) выявить и подвергнуть интерпретации все компоненты данного коммуникативного события, установить их связи и отношения, т.е. создать соответствующую смысловую модель будущего текста;

б) преобразовать эту смысловую модель в смысловое сопряжение этих компонентов в тексте;

в) преобразовать смысловую модель в синтезированное сочетание языковых значений и обозначить их словами и сочетаниями слов;

г) оценить когерентность текста с коммуникативно-прагматической точки зрения: (а) наметить последовательность отражения в тексте компонентов смысловой модели; (б) обеспечить связанность всех элементов порождаемого текста, необходимой для его цельности и когерентности.

Как и при порождении рассказа по картинке, текстопорождающий дискурс, хотя и опирается на реальное положение дел в коммуникативном событии, служит, скорее, его когнитивно-прагматической основой для творческой интерпретации, реализующей авторские интенции.

Таким образом, событие – это происшедший факт, коммуникативное событие – это единица дискурса; ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный модель речевого взаимодействия автора и читателя, а текст – продукт их дискурсивной деятельности.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса. Когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). Вып. 15. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. С. 3-11.

2. Алефиренко Н.Ф. Методологические проблемы теории дискурса и дискурс-анализа // Язык и метод. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. – Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. С. 105-115.

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1986. 445 с.

4. Богин Г. И. Интенциональность как средство выведения к смысловым мирам // Понимание и интерпретация текста: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г. И. Богин. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1994. С. 8 -18.

5. Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. 3-е изд., исправл. – М.: ИЦ «Академия», 2006. 300 с.

6. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Сост. В.В.Петрова; под ред. В. И. Герасимова; Вступ. Ст. Ю.Н. Караулова и В. В. Петрова Текст. – М.: Прогресс, 1989. 310 с.

7. Озерова, Е.Г. Культурные коды лирикопрозаического текста: монография. – М.: Эдитус, 2016. 118 с.

8. Тюпа В.И. Архитектоника коммуникативного события (к первоосновам коммуникативной дидактики) // ДИСКУРС – 1/96. [Электронный ресурс]. URL: http://nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm.

Abstract. The article considers the process of discursive advancement of the text, which is a multilevel speech-making activity. The stimulus for text generation is a real fact of life, which turns into a communicative event with a certain communicative situation. Mental modeling of a communicative event forms a discourse-cognitive substrate of the future text.

Keywords: discourse, text generation, communicative event.

Вовчок А.Д.

ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕКСТА И ИНТЕРТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКЕ

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
sunnynasty95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие интертекстуальности, как отсутствие завершенности и закрытости текста информационного сообщения, его неоднородность и множественность. Данное понятие исследуется как характерная черта современного публицистического дискурса. Материалом для исследования послужили такие современные онлайн-газеты, как Газета.ru, Сноб, Правда.Ру, На Линии.

Ключевые слова: постмодернизм в лингвистике, интертекст, интертекстуальность, публицистический дискурс, интернет-публицистика.

Одним из самых исследуемых понятий в современном языкознании, к которому приковано внимание многих известных ученых-лингвистов последних лет (Ю. Кристева, Р. Барт, Н.Ф. Ковалева, Н.А. Фатеева, И. Ильин и другие), является понятие интертекстуальности. Однако, несмотря на большой интерес к данному понятию (что объясняется постоянным обращением и заинтересованностью исследователей проблемой текста в целом, как основным компонентом глобальной системы информации и материализации знаний), однозначного своего истолкования оно до сих пор не нашло.

Известно, что термин «интертекстуальность» был впервые использован в середине 60-х годов XX века теоретиком постструктурализма Ю. Кристиевой, по мнению которой, «интертекстуальность – это пермутация текстов: она свидетельствует именно о том, что в пространстве каждого художественного текста несколько определённых высказываний, взятых из других художественных текстов, взаимно

пересекаются и зачастую нейтрализуют друг друга»; это «транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» (Кристиева, 1994: 447). В 70-х годах XX века теория Кристиевой была доработана Р. Бартом, который говорил о том, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» (цит. по Ильин, 1999: 207). Соответственно, интертекстуальность — это «способность текста принимать элементы другого, ранее созданного текста» (Ковалева, 2004: 36), а «интертекст позволяет ввести в свой текст некоторую мысль или конкретную форму представления мысли, объективированную до существования данного текста как целого ... интертекст, порождая конструкции «текст в тексте» и «текст о тексте», создает подобие тропеических отношений на уровне текста» (Фатеева, 2006: 37). Для нашего исследования также актуально определение Е.А. Баженовой, которая утверждает, что «интертекстуальность — это текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» (Баженова, 2003: 104).

Как мы обнаружили в ходе анализа современной научной литературы по вопросу, чаще всего интертекстуальность рассматривается исследователями в рамках художественных произведений, включающих ранее созданные тексты. Также нередко данное понятие изучается как механизм культурного взаимодействия и социокультурный феномен, как понятие постмодернистской текстологии. Однако встречается немало исследований, в которых интертекстуальность — это важнейшая категория современного Интернет-дискурса в целом, и его публицистического пространства, в частности. Так, лингвисты Е.Н. Галичкина (2012), О.В. Лутовинова (2009.), Т.Н. Колокольцева (2014) и другие, называют интертекстуальность и гипертекстуальность важнейшими признаками современной интернет-публицистики. Несомненно, что с появлением новых компьютерных технологий, и в частности с развитием интернет-среды, создаются и новые уникальные возможности для формирования различных форм интертекстуальности. Так, по мнению С. Корнева, «безграничные возможности для культурной дифференциации, полифоничность, шизоидность Интернета, отсутствие иерархии, “виртуальная смерть автора”, частичная автодеконструкция текста, попавшего в гипертекстовую среду, — всё это в совокупности создаёт ощущение, что только в Интернете по-настоящему выполняются все пункты постмодернистской программы.... Кажется, завершение постмодернистской революции возможно только в Интернете как в принципиально “постмодернистской среде”» (Корнев, 1998: 38). Среди наиболее ярких проявлений интертекстуальности в Интернете современные исследователи выделяют следующие: (1) возможность быстрого автоматического обнаружения экс-

плицитных межтекстовых связей как результат резкого увеличения степени открытости текстов; (2) формирование условий для создания глобального текстуального континуума виртуального характера; (3) наличие такого свойства Интернет-среды, как электронная гипертекстуальность; (4) категория диалогичности и усиление её значимости; (5) увеличение числа функций и ролей различных фигур интертекста, а также (6) рост количества ссылок на всевозможные прецедентные феномены.

Быстрое развитие информационных технологий, а также внедрение их в повседневную жизнь всего общества обусловило трансформацию традиционных средств массовой информации, в том числе и появление печатных изданий в интернет-пространстве. Из этого последовало, что на данный момент почти все печатные СМИ дублируются онлайн-версиями, а также отдельные газеты вообще уходят в виртуальное пространство, отказавшись от печатных версий. Онлайн-версии печатных изданий обладают определёнными характерными для них чертами (стандартизованность, информативность, экспрессивность, эмоциональность и оценочность и другие). Также трудно не согласиться с мнением Глаголевой А.В., что «современные тексты СМИ сплошь пронизаны интертекстуальными связями, позволяющими журналисту актуализировать оценочную глубинность с помощью, так называемых, неавторских слов» (Глаголева, 2014: 38).

Известно, что проявление интертекстуальных связей происходит благодаря фигурам интертекста, в основе которых лежит приём использования фрагментов прецедентных текстов. В современной публицистике используются все типы фигур интертекстуальной речи: наиболее частотны среди которых (1) цитирование (то есть воспроизведение с указанием на первоисточник), (2) аппликация (вставка фрагмента прецедентного текста без указания на первоисточник), (3) парафраз (перефразирование фрагмента прецедентного текста), (4) аллюзия (подчеркнуто фрагментарно выраженный намек на прецедентный текст). Также отметим, что в зависимости от дискурсивных ролей интертекстуальности (социокультурная, презентационно-коммуникативная, аргументативно-риторическая, эстетическая и семантическая) выделяются и функции фигур интертекста, к которым относятся такие, как

- аккумулятивная (фиксирование коллективного опыта),
- трансляционная (информационная преемственность),
- этнохарактеризующая (отражение особенностей менталитета),
- имиджевая (свидетельство эрудиции и начитанности автора текста),
- идентифицирующая (адресат и адресант обладают общими фоновыми знаниями) и
- пояснительно-иллюстративная и полемическая,
- декоративная,
- креативная или игровая и так далее.

Практически все выше перечисленные функции реализуются при прецедентном использовании устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, афоризмов, пословиц и поговорок, сопросовождующимся более или менее заметной трансформацией исходных единиц. Например:

...чего тянуть резину, она же время? Ее (его) надо всемерно и эффективно убивать [URL: <https://snob.ru/selected/entry/117496>. Дата обращения 22.12.2016];

Собака лает — уголовный процесс идет [URL: <https://snob.ru/selected/entry/117496>. Дата обращения 22.12.2016];

А Его Величество, перефразируя персонажа булгаковского «Бега», экономикой не (очень) интересуется. Ведь что есть экономика перед лицом вечности? Яркая заплатка на ветхом рубище русского народа, не более и не менее того [URL: <https://snob.ru/selected/entry/117496>. Дата обращения 22.12.2016];

...твердое слово самого в планетарном масштабе влиятельного человека последнего десятилетия — здесь и сейчас на вес золота [URL: <http://www.pravda.ru/politics/authority/kremlin/02-12-2016/1319346-corruption-o>. Дата обращения 22.12.2016];

На самом деле тема «миллиардов Путина» является лакмусовой бумажкой, на которой проявляются, возможно, главные проблемы современного мира [URL: <https://www.nalin.ru/na-chto-putin-potratit-svoi-milliardy-o-glavnoj-probleme-mirovoj-politiki-2408>. Дата обращения 22.12.2016];

И 67 (предлагаемые скорее мною, чем Минфином) — это не Бог весть какой преклонный возраст. Особенно с учетом глобальной тенденции на увеличение продолжительности жизни, которая воленс-ноленс затронет и полужевропейскую Россию [URL: <https://snob.ru/selected/entry/108080?preview=print>. Дата обращения 22.12.2016].

В качестве примеров применения в тексте статьи инструментов интертекстуальных связей следует отметить заголовки современных газетных статей, поскольку «являясь своеобразной сверткой текста, заголовков демонстрирует свою интертекстуальность в полной мере» [Глаголева 2014: 39]. Например:

Блеск и нищета: как живет содержанкам богатых мужчин [URL: <https://snob.ru/profile/30478/blog/130945>. Дата обращения 28.11.17].

«Будьте бобры», или «Гиря от ума» [URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10998194.shtml>. Дата обращения 28.11.17].

Богатыри и вы [URL: https://www.gazeta.ru/culture/2017/11/29/a_11017364.shtml. Дата обращения 28.11.17]

Старушка — расхитительница гробниц
[URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/11/26_a_11008124.shtml. Дата обращения 28.11.17]

Таким образом, интертекстуальность, в широком смысле как отсутствие завершенности и закрытости текста информационного сообщения, вследствие чего тот «становится внутренне неоднородным и множественным», является характерной чертой современной интернет-публицистики. Прибегая к интертекстуальности, журналисты современных онлайн-газет не только фиксируют коллективный опыт, создают информационную преемственность и отражают особенности менталитета, но и создают собственный имидж, доказывая свою начитанность и эрудированность, а также, безусловно, привлекают внимание читателей.

Литература

1. Баженова, Е.А. Интертекстуальность / под ред. М.Н. Кожиной // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. 641 с.
2. Галичкина, Е.Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса. Глава 2 / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : кол. монограф. – М. : Флинта: Наука, 2012. 312 с.
3. Глаголева, А.В. Интертекстуальность как средство формирования имиджа в заголовках медиатекстов / Филологические науки. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 36-40.
4. Ильин, И.И. Интертекстуальность: Современное литературоведение (страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины) / Энциклопедический справочник. – М., 1999. С. 204–205.
5. Кристева, Ю. Революции поэтического языка / Вестн. МГУ. – Сер. 9, Филология. – 1994. № 5. С. 447.
6. Ковалева, Н.Ф. Комментарии к тексту как лингвистический гипертекст / дис. канд. филол. наук. – Самара, 2004. 181 с.
7. Колокольцева, Т.Н. Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации: к вопросу о соотношении категорий / Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. – М.: Флинта, 2014. С. 71-95.
8. Корнев, С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна. Интернет как место обитания литературы / Новое литературное обозрение. – 1998. № 32. С. 29-47.
9. Лутовинова, О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / автореф. канд. филолог. наук. – Волгоград, 2009. 72 с.
10. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2009. 280 с.

Abstract. The article considers the concept of intertextuality, as the lack of completeness and closeness of the text of the information message, its heterogeneity and plurality. This concept is explored as a characteristic feature of modern publicistic discourse. The materials for the study were such modern online newspapers as Gazeta.ru, Snob, Pravda.Ru, On the Line.

Keywords: postmodernism in linguistics, intertext, intertextuality, publicistic discourse, Internet-journalism.

Голубева И.С.
ЛИНГВОКВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «УЧИТЕЛЬ»
В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
beblackcat67@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся результаты использования методики свободного ассоциативного эксперимента в целях исследования концепта «Учитель» в современной речи.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, слово-стимул, ассоциаты, учитель.

В данной статье представляется целесообразным рассматривать концепты с использованием ассоциативного эксперимента, так как он является одним из способов выявления специфики отражения представлений о том или ином слове в обыденном сознании носителя русского языка.

Рассмотрение ассоциативных связей слов дает возможность обнаружить специфическую внутреннюю структуру концептов, ассоциации помогают понять, каким образом мысль находит отражение в языке. Теоретическое обоснование ассоциативного подхода начинается в работах А.А. Леонтьева, который неоднократно отмечал «принципиальное единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» (Леонтьев, 1969: 268). Метод ассоциативного эксперимента помогает экспериментально определить субъективные семантические поля и связи внутри них.

Поскольку ассоциативный эксперимент является эффективным средством доступа к языковому сознанию человека, в границах нашего исследования мы предъявили в качестве стимула концепт «Учитель» группе испытуемых, в состав которой вошли ученики 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 классов. Количество реципиентов составило 222 человека. Учащимся предлагалось записать все слова-реакции любой части речи на слово-стимул (иногда фиксировались словосочетания).

Целью нашей работы является анализ концепта «Учитель» в языковом сознании современных людей, в частности рассмотрение дефиниций, которые могут передавать значение концепта, исследование разницы в оттенках их значений и особенностей употреблений данного концепта.

Приведём лексикографическую представленность слова:

Учитель 1. (мн. учителя́). Тот, кто преподает какой-л. учебный предмет в школе; преподаватель. *Учитель математики. Сельский учитель. Учитель средней школы.* **2.** Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-л. в какой-л. области, имеющий последователей. [*Художник*] *оставил себе в учители одного божественного Рафаэля.* Гоголь, *Портрет. Исполнилось ровно десять лет с того момента,*

когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя: Петроград был переименован в Ленинград. Киров, Статьи и речи 1934 (Словарь русского языка, Т.4, 1999: 543).

В ходе эксперимента были получены следующие результаты:

1) Совпадение по лидирующим ассоциациям к слову-стимулу «Учитель» у учащихся 5-8 классов и 9-11 классов не наблюдается (рисунок 1, 2).

2) У учащихся 5-8 классов более положительные ассоциации к слову-стимулу «Учитель», чем у учащихся 9-11 классов. Для учащихся слово-стимул «Учитель» сопряжён с такими положительно окрашенными дефинициями, как «добрый», «умный», «наставник», «весёлый» (при этом учащиеся отмечают, что слово-стимул «Учитель» предполагает и «строгость», и «требовательность»). Присутствуют и нейтрально окрашенные ассоциации: «оценки», «урок», «помощь», «учит». У учащихся 9-11 классов преобладают нейтральные ассоциации («знания», «урок», «школа», «педагог», «серьёзный») и присутствует лишь несколько положительных ассоциаций («доброта», «помощник», «наставник») (рисунок 1, 2).

3) Ассоциативное поле слова-стимула «Учитель» также составляют редкие индивидуальные ассоциации, негативно окрашенные: «монстр», «тюремщик», «двойки», «только не к доске», «тиран», «власть», «мучитель», «накричит», позитивно окрашенные: «поддержка», «поток знания», «вторая мама», «уважение», «прав», «красавчик», «шутник №1», «интерес», «взаимопонимание», а также ироничная характеристика: «бедняга», «царь».

Рисунок 1. Ассоциации на слово-стимул УЧИТЕЛЬ учеников 5-8 классов

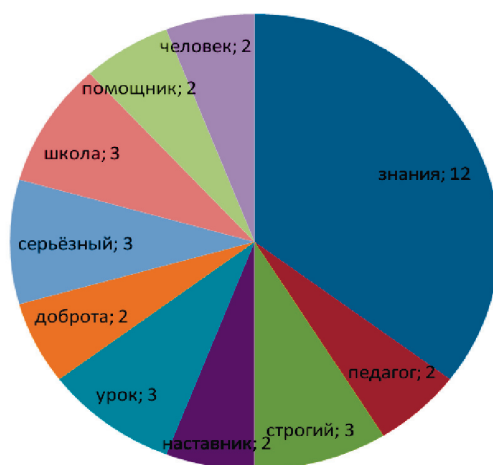

Рисунок 2. Ассоциации на слово-стимул УЧИТЕЛЬ учеников 9-11 классов

4) Также мы проанализировали количество положительно окрашенных, негативно окрашенных и нейтрально окрашенных ассоциаций к слову-стимулу «Учитель». Учащиеся 5-8 классов намного чаще положительно реагировали на слово-стимул «Учитель» (42%), тогда как у учащихся 9-11 классов количество положительных ассоциаций составило 24%. Нейтрально окрашенные ассоциации преобладают у учащихся 9-11 классов (72%), тогда как у учащихся 5-8 классов – 46%.

Лингвоквантитативный анализ особенностей репрезентации концепта «Учитель» в школьном дискурсе позволил сделать следующие выводы: а) большая часть ассоциатов совпадает с лексикографическими дефинициями; б) в речевой практике ассоциации показывают восприятие реципиентами окружающей действительности и личностное отношение к слову-стимулу, что раскрывает интегративный фактор субъективно-рефлексивного пространства.

Литература

1. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания [Текст] / А.А. Леонтьев. – М., 1969. – 316 с.

2. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – Т. 2. – 736 с. [МАС]

Abstract. The article presents the results of application of the method of free associative experiment in order to study the concept of "Teacher" in modern speech.

Key words: associative experiment, concept, stimulus word, associates, teacher.

Единак О.В.

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ
(НА ПРИМЕРЕ ДИСКУРСА ПОБЕДЫ)**

Россия, г. Белгород, НИУ «БелГУ»
oksana786000@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие дискурса, дается определение дискурсу Победы, раскрывается сущность публицистического дискурса, приводятся примеры лингвостилистических характеристик публицистического дискурса Победы.

Ключевые слова: антропоцентризм, дискурс, дискурсология, интернет-публицистика, категория оценки, социокультурный опыт, коммуникативно-речевое пространство.

В рамках заданной в последние десятилетия антропоцентрической тенденции в развитии лингвистики дискурс выступает как объект междисциплинарных исследований. Нам представляется интересной позиция В.Е. Чернявской, понимающей дискурс как «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» (Чернявская 2011: 93).

Примером тематически общих текстов, формирующих социокультурный опыт носителей языка, может служить дискурс Победы, который мы исследуем на материале информационно-аналитической интернет-публицистики и под которым понимается коммуникативно-речевое пространство, актуализируемое средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне (Семененко 2015: 90). Выбор предмета исследования обусловлен идеологической направленностью дискурса, которая наиболее ярко прослеживается в медиатекстах: с одной стороны, наблюдается стремление к взаимодействию с адресатом, с другой – к персуазивному (манипулятивному) воздействию на него.

Как отмечают современные дискурсологи, публицистический дискурс уходит корнями в риторику и направлен, прежде всего, на достижение какой-либо убеждающей цели. Публицистичность как свойство мышления может быть элементом и других дискурсов, чаще всего политического и патриотического, поскольку стремится описать действительность: проникнуть в сущность общественных явлений и политики, актуализировать, поддержать либо опровергнуть ту или иную идеологию (Каминский 2007: 101).

Главным стилеобразующим компонентом публицистического текста является категория оценки, с помощью которой может формироваться устойчивое мнение о чем-либо (Закиева 2016: 69). Оценка, как правило, создается посредством определенного набора стилистических, композиционных, лексических, грамматических, синтаксических

средств. В том случае, если оценка выражена косвенно, её выявление «требуется интерпретационных усилий со стороны адресата» (Сальникова 2010: 12).

Среди стилистических параметров дискурса Победы в современной информационно-аналитической интернет-публицистике следует выделить активное использование клише, прецедентных единиц языка, приёма стилистического смешения и приёмов создания экспрессивности (обращения к читателю, комментирование факта, использование авторских уточнений, демонстрация собственного авторского отношения, включение в текст малых синтаксических конструкций, ответ на поставленный вопрос, авторские неологизмы и т.д.).

1. Кличе: Всего в акции «Бессмертный полк» в Симферополе приняли участие несколько тысяч человек, в том числе около 300 сотрудников прокуратуры – с портретами родных и близких. Участники пели песни из военных кинофильмов. Шествие закончилось у могилы Неизвестного солдата(Сноб, Владимирова, 9.05.2016).

2. Прецедентные единицы: А в телевизоре была душевная нарезка «поздравления с 9 мая отовсюду». Страна была окутана туманом старых песен о главном (На Линии, Мараховский, 25.11.2015); или Именно в эти дни нам особенно трудно увернуться от «изнасилованных немок», «штрафбат», «ГУЛАГа», «цены победы», «бездарного командования», «борцов против большевистской диктатуры», «мифов советской пропаганды», «цивилизованного европейского вермахта» и прочих истеричных ужасных правд (Однако, Сорокин, 21.04.2016).

3. Приёмы речевой экспрессии: (а) обращения, акцентирование внимания, комментирование факта: Уважаемые читатели!<...> Мы помним времена, когда на центральном телевидении России бушевала безжалостная задушевность. Ну вы помните: Красную площадь увенчали обнимающимися на Эльбе советским и американским солдатами. На трибунах были все-все-все (На Линии, Мараховский, 25.11.2015); (б) собственно авторское отношение: Во вновь развернувшейся в связи с юбилеем двадцатого съезда КПСС немного истеричной дискуссии о роли личности Сталина есть только одна по-настоящему положительная сторона. И она заключается в том, что чересчур повышенный градус разговоров позволяет расставить некоторые очевидные точки в этой подзатянувшейся «конференции (На Линии, Лекух, 27.02.2016); (в) усиление эмоционального накала с помощью использования малых синтаксических конструкций: Герои. Не щадили живота своего, отдали жизнь за други своя. Теперь состоят в небесном воинстве. Оба раза война была народная. Священная война (Однако, Куликов, 09.2013); (г) ответ на собой же поставленный вопрос: Черно-оранжевый лоскуток оказался тем недостающим атрибутом, который превратил День Победы в точку сборки и торжества исторического и национального самосознания.

Что вы говорите? «Элемент массовой культуры»? Да, так и есть. И массовой (то есть всенародной) культуры (Однако, Сорокин, 9.05.2016); (д) авторские неологизмы: Но в то же время написаны благоглупости вроде «Бессмертный полк – Некоммерческая, Неполитическая, Негосударственная Гражданская Инициатива» (Однако, Юлин, 21.05.2014).

4. Скрытая аллюзия: 9-е мая ненавистно нашим противникам по двум основным причинам. Первая причина в том, что этот день охраняет остатки того миропорядка, который наши уважаемые оппоненты хотели бы упразднить окончательно – остатки миропорядка, созданного в Ялте (Однако, Носиков, 13.03.2015).

5. Использование разговорной, сниженной и сленговой лексики: (а) На трибунах были все-все-все, ведь президента нашей Родины Б.Н. Ельцина еще на многое предстояло уломать (На Линии, Мараховский, 25.11.2015); (б) Предыдущие Дни Победы – по крайней мере с начала десятилетия – непременно сопровождалась организацией какого-нибудь «антипраздника» <...> И даже 2015 год – попытка изобразить марш Бессмертного полка чем-то вроде принудиловки, «на которую сгоняли» (На Линии, Мараховский, 12.05.2016); (в) День Победы для нас, за исключением отдельных выродков, – праздник абсолютно бесспорный (На Линии, Лекух, 9.05.2016).

6. Средства языковой выразительности: (а) метафора: Мы помним времена, когда на центральном телевидении России бушевала безжалостная задушевность и совершенно потерявшая человеческое лицо общечеловечность (На Линии, Мараховский, 25.11.2015); (б) гипербола, эпитеты: Мы выкручиваем себе шею, глядя назад. Мы ищем силы в своем чудовищном, жестоком, кровавом прошлом, потому что хотим себя убедить, что самое страшное уже позади – и мы пережили его (Сноб, Глуховский, 9.05.2015); (в) сарказм: То есть плачут о лопочих жертвах ненужной войны в основном реликтовые особи, одновременно в режиме онлайн сообщающие о маршруте своего бегства из России. Так сказать, ошметки старого времени (На Линии, Мараховский, 25.11.2015).

Как мы видим, современный дискурс Победы изобилует стилистическими особенностями, которые могут трансформироваться в процессе изменений в обществе. Язык средств массовой информации способен, в свою очередь, оказывать влияние на сознание читателей, поэтому требует постоянного изучения и анализа.

Литература

1. Закиева, Т.М. Лингвостилистические стратегии выражения субъективной оценки в корпусе информационно-аналитических текстов [Текст] / Т.М. Закиева, А.А. Рамазанова // Политическая лингвистика. – 2016. – №59. – С. 69-76.

2. Каминский, П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе [Текст] / П.П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – №1. – С. 97-105.

3. Сальникова, Ю.А. Социопрагматика оценки в дискурсе качественной прес-

сы США: на материале современных информационно-аналитических газетных статей [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Сальникова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Хабаровск, 2010. – 203 с.

4. Семененко, Н.Н. Дискурс «Победы» в ценностно-смысловом пространстве отечественной культуры: когнитивно-прагматические доминанты / Н.Н. Семененко // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – №2(3). – С. 90-95.

5. Чернявская, В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? [Текст] / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. Междунар. эл. сб. научн. трудов. – 2011.- Вып. 3. – С. 86-95.

Abstract. The article discusses the concept of discourse the definition of discourse Victory, the essence of journalistic discourse, the examples of formal characteristics of the publicistic discourse of Victory.

Key words: anthropocentrism, discourse, discourse studies, online journalism, category assessment, sociocultural experiences of communicative-speech space.

Калинина Л.В.

СЕМАНТИКА НЕУЛОВИМОГО И ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Россия, г. Киров, Вятский государственный университет
grifon.kalinina@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается семантика неуловимого, обнаруживающая себя в случаях невозможной или затруднительной категоризации. Отмечаются отличия семантики неуловимого от смежных смысловых зон неопределённости, неизвестности, невыразимости и других и её противопоставленность семантике типичности. Показывается, что стадия обозначения объекта или явления как «неуловимого для понимания» является неотъемлемой частью процесса категоризации.

Ключевые слова: категоризация, типизация, понимание, семантика неуловимого.

Проникать в глубины должны и мы, если хотим что-то поймать.

*Винсент Ван Гог.
Письма к брату Тео*

Изучение когнитивных категорий и самого процесса категоризации давно привлекает внимание лингвистов. Обсуждаются сущность категоризации и её связь с процессами номинации, концептуализации, интерпретации, принципы устройства мыслительных и языковых категорий, иерархические отношения между членами категорий, прототипический характер категорий, вопрос о категориальной принадлежности полисемантов и многие другие аспекты. Ср., напр.: Алефиренко 2006; Болдырев 2004, 2006; Боярская 2011; Булгакова 2009; Золотова 2017; Лакофф 2004; Шарандин 2017 и др.

Исследование лексико-грамматических разрядов существительных с точки зрения их роли в отражении действительности (Калинина 2009а) привело нас к мысли о том, что процесс категоризации может быть градуирован, шкалирован в зависимости от того, насколько субъек-

ект уверен в правильности осуществлённой категоризации и в самой возможности отнести какой-либо объект или какое-либо явление к той или иной категории. На одном полюсе этой «шкалы категоризации» находятся «типичные объекты», в которых наиболее ярко представлены прототипические признаки какого-либо класса, на другой стороне – объекты, в которых классификационные признаки стремятся к нулю до такой степени, что эти объекты становятся «неуловимыми» для категоризации вообще. Между «типичными» и «неуловимыми» объектами существует множество переходных состояний, поскольку и «типичное», и «неуловимое» являются модусными (то есть оценочными, интерпретативными) категориями полевой структуры (ср. Калинина, Трушков 2017).

Цель настоящей статьи – попытаться обосновать релевантность изучения семантики неуловимого для исследования категоризации.

Прежде всего дадим разъяснения относительного избранной терминологии, в частности того, чем отличается семантика неуловимого от семантики неопределённого, неизвестного, невыразимого, приблизительного и других близких понятий и категорий, с которыми семантика неуловимого может пересекаться, но не отождествляться.

Так, категория неопределённости-определённости предназначена для характеристики объекта как принадлежащего к целому классу подобных объектов (неопределённость) либо как единственного в данной ситуации (определённость) (ср. Николаева, 1990: 349). Семантика же неуловимого связана с трудностями определения сущности некоторого объекта (ср. *что-то неуловимое, нечто неуловимое*), но не с вопросами различения объектов по принципу «этот стол – стол вообще». При этом нельзя сказать, что трудность определения объекта напрямую обусловлена отсутствием сведений о нём, что характеризуется как «неизвестность» (ср. в связи с этим: Акимова, 1999) – «неуловимый» объект или явление может быть даже хорошо известным (ср.: *неуловимый жест, неуловимая улыбка, неуловимое сходство*), но при этом представлять трудности для чёткого вербального обозначения, для окончательной идентификации. В этом семантика неуловимого пересекается с семантикой невыразимого (ср. Михайлова, 2017), но лишь отчасти. Если «денотативную область семантики невыразимого составляет то, что не подлежит прямому восприятию органами чувств, это: 1) внутренний мир человека и 2) мир запредельного, инобытия» (Михайлова, 2017: 39), то семантика неуловимого может быть связана и с тем, что воспринимается органами чувств (*неуловимый шорох, неуловимый отблеск, неуловимое дуновение*), но является слишком быстротечным или сложным для дальнейшей интерпретации и детальной идентификации. Не тождественна семантика неуловимого и с понятиями приблизительности (аппроксимации), имплицитности, отрицания, с которыми также имеет некоторые точки соприкосновения (см. об этом в: Калинина, Трушков 2017).

Как видим, при попытке обозначить противоположность «типичному объекту» каким-то из уже используемых в лингвистике терминов, у нас возникли бы определённые затруднения. Имеющиеся «терминологические ниши» оказываются занятыми, к тому же ни одно из перечисленных понятий (неопределённость, неизвестность, невыразимость, приблизительность и др.) не передаёт нужный смысл. Ещё меньше для нашей цели подходят лексические антонимы (*нетипичный, необычный, единичный, уникальный* и т. д.). Поэтому мы избираем для противопоставления объектов как доступных или недоступных для однозначной категоризации обозначения «типичный» и «неуловимый».

Использование слова «неуловимое» в качестве термина, обозначающего сложности категоризации, оправдано и логически, и этимологически. Следует учитывать, что процесс категоризации тесно связан с пониманием, а лексемы *понимать/понять* восходят к праформам **ęti*, **ǰmō* 'брат, получать', в которых представлен тот же самый корень, что и в глаголе *поймать* (ср. Толковый словарь русского языка, 2008: 90). Глагол совершенного вида *поймать* называет действие, достигшее своего предела или результата, а это же действие в процессе его осуществления обозначается глаголом несовершенного вида *ловить*. Получается такое логическое построение: «поймал/уловил суть чего-либо = понял → способен осуществить категоризацию», «не поймал/не уловил сути = не понял → не способен осуществить категоризацию». Ср. в связи с этим слова А.А. Брудного: «Понимание выступает как присвоение знания и обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность в соответствии с требованиями практики. Когнитивная функция понимания именно и заключается в том, чтобы обрести определённое знание о действительности и применить его; в результате понимания знание становится частью внутреннего мира личности и влияет на регуляцию её деятельности» (Брудный, 1998: 26).

По указанным причинам мы предлагаем использовать адъектив «неуловимое» в качестве термина, обозначающего случаи невозможной, затруднительной или пограничной категоризации, когда объект или явление воспринимаются субъектом, осознаются им как существующие во внешнем или внутреннем мире, но при этом не могут быть с определённой отнесены к той или иной категории по причине либо своей слабой проявленности, либо сложности устройства, либо быстроте происходящих с ними изменений. Если же сущность объекта «неуловима» и объект не может быть однозначно отнесён к той или иной категории, то в этом случае и возникают эффекты неопределённости, невыразимости, приблизительности и другие, благодаря которым семантика неуловимого пересекается с обозначенными смысловыми зонами.

Далее охарактеризуем основные языковые средства выражения семантики неуловимого с учётом её полевой структуры. Сразу отме-

тим, что с точки зрения категоризации нас интересует лишь «неуловимое», связанное с переносным (со вторым словарным) значением адъектива *неуловимый* – ‘неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению’ (ср., напр.: Толковый словарь русского языка, 1938; Толковый словарь русского языка, 2008).

«Точкой отсчёта», своеобразным «нулём» на шкале категоризации являются словосочетания *что-то неуловимое* и *нечто неуловимое*. Об объекте или явлении, обозначенных таким способом, невозможно сказать ничего, кроме того, что данные объект или явление существуют. При этом в большинстве случаев говорящий пытается каким-то образом дополнительно охарактеризовать что-то/нечто неуловимое, чтобы сделать этот объект если не «узнаваемым», то хотя бы представляемым в воображении, ср., напр.: *что-то неуловимое, трогательно-беспомощное; что-то неуловимое, но осязаемое; что-то неуловимое, совершенно безумное; нечто тонкое, лёгкое, неуловимое; нечто неуловимое и мучительно притягательное* и др. (Калинина, 2017).

Рядом с такого рода сочетаниями находятся конструкции типа *это неуловимо, оно неуловимо, что неуловимо* и др., в которых местоимения обобщённой семантики выступают в роли подлежащего, а краткое прилагательное *неуловимо* – в роли сказуемого, характеризующего «признак аномальный, необычный с точки зрения человеческого восприятия мира и человеческих возможностей» (Петрова, 2009: 25).

К центральной зоне неуловимого близки и сочетания словоформ адъектива *неуловимый* с существительными (обычно перцептивной или абстрактной семантики): *неуловимый жест, звук, идеал, облик, образ, силуэт; неуловимая атмосфера, дымка, идея, красота, нежность; неуловимое воспоминание, движение, дыхание, равновесие, чувство* и др.

Семантику неуловимого передают и сочетания глаголов и прилагательных с наречием *неуловимо*: *неуловимо измениться, отличиться, напоминать, скользнуть, мелькнуть, содрогнуться, раствориться; неуловимо похожий, знакомый, быстрый, краткий* и др. Также сюда относятся сложные прилагательные с лексемой *неуловимый* в качестве одного из компонентов (*неуловимо-скользящий взор, неуловимо-лёгкие оттенки* и др.).

Уже более опосредованно семантику неуловимого выражают разного рода синонимы к представленным выше единицам языка, в том числе контекстуальные, тем или иным образом передающие мысль о затруднённости осуществления категоризации. Например, это могут быть сочетания неопределённых местоимений с конкретизирующими словами (*что-то странное, нечто голубоватое, что-то из детства, нечто в стиле ретро, какой-то тихий звук* и др.) или такие языковые единицы, как *незримый, невидимый, неслыши-*

мый, неосязаемый, неявный, неясный, неузнаваемый, невесомый, смутный, туманный, зыбкий и др., подчёркивающие затруднённость восприятия чего-либо органами чувств, прежде всего зрением. В нашу задачу сейчас не входит полная характеристика всех смысловых зон, из которых складывается семантика неуловимого, но в соответствии с поставленной целью мы далее покажем, что «неуловимое» – неотъемлемая часть процесса категоризации.

Процесс категоризации может осуществляться через несколько стадий: от полной невозможности отнести воспринимаемый объект к той или иной категории до абсолютной уверенности в произведённой категоризации. В связи в этом «семантика неуловимого» через ряд переходов может превратиться в «семантику типичного». Примеры преодоления трудностей первичной категоризации были нами проанализированы в работе: Калинина, 2009б: 99–105. В настоящей статье мы рассмотрим, как один и тот же признак объекта может в разных ситуациях осознаваться как «неуловимо присутствующий», «кажущийся присутствующим» и «бесспорно присутствующий».

В качестве примера возьмём признак ‘провинциальность’ и рассмотрим степени его проявления в контекстах, извлечённых из Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка URL).

Этот признак может лишь угадываться в объекте, быть «*неуловимым*», характеризоваться с помощью неопределённого местоимения «*что-то*». Ср., напр.: *В нём [в синеглазом человеке. – Л. К.] было что-то неуловимо провинциальное. Мы бы, например, не удивились, если бы однажды увидели его в цветном жилете и в ботинках на пуговицах* (В. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977); *Есть что-то провинциальное в этих навязчивых фразах вместо одного скромного слова* (Н. Широкова. Письмо доброго сказочника. К 100-летию со дня рождения К. И. Чуковского // «Уральский следопыт», 1982); *Корюшкин не мог не понимать, что в таком безоблачном размеренном семейном существовании есть что-то провинциальное и ущербное* (Г. Горин. Измена (1960–1985)).

Признак может быть выражен в большей или меньшей степени, на что в контексте указывают слова «*наверное*», «*вероятно*», «*очевидно*», «*некоторый*», «*смахивает на*», «*похож на*» и т. п., ср.: *Некоторая провинциальность фильма «Любовь и голуби» делает его поистине «Народным кино»!* (Форум: Любовь и голуби (2007–2011); – *Странная манера, – говорила она, колыхая клетчатými бедрами, – увидеть даму и сейчас же пристать. Вы, вероятно, провинциал?* – *Ничего подобного, я из Ростова, сударыня, на Дону* (М. Булгаков. Бубновая история (1926)); *Я так сразу и подумал: наверно, провинциал* (Д. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко (1894)); *Поначалу он показался мне очень похожим на провинциальный город средней России* (В. Бережков. Рядом со Стали-

ным (1971–1998)); *Всё это здорово смахивает на провинциальный ТЮЗ* (Отчего свиньи не летают? (2002) // «Культура», 2002.04.08).

Наконец, признак может быть проявленным столь чётко, что предмет обсуждения квалифицируется как «настоящий», «явный», «типичный» носитель этого признака. Ср.: *Барашек ещё куда ни шло, ну цыгейка, но чтоб норка... Явный провинциал. И чемодан, перетянутый брезентовыми ремнями* (А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)); *...хозяин фургона, высокий мужик лет тридцати пяти в широких брюках, пиджаке и зеленоватой рубашке с узким жёлтым галстуком. Явный провинциал* (В. Мясников. Водка (2000)); *Вот они: Снова-здорово, Наша, Ваша, Мыс Доброй Надежды, Зачатье, Долгие Бороды, Кудыкина Гора, Концово, Завидово, Эдемское – настоящий провинциальный космос* (Т. Гобзева. За околицей Хитровщины начинается космос // «Общая газета», 1997); *В целом это был типичный провинциальный городок, не лишенный девственного очарования, тихий и светлый, с головой нырнувший в цветущую сирень* (В. Пелевин. Чапаев и пустота (1996)).

Таким образом, для изучения процессов категоризации важными являются не только «типичные представители» какого-либо класса объектов или явлений, но и случаи затруднённой категоризации, когда отнесение объекта или явления к тому или иному классу представляется проблематичным ввиду «неуловимости» (слабой выраженности, многокомпонентности, изменчивости, скоротечности манифестации) его значимых признаков.

Литература

1. Акимова, О.Б. Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1999. 37 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. – Волгоград: Перемена, 2006. 227 с.
3. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.
4. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С.5–22.
5. Боярская, Е.Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 2. С. 18-28.
6. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
7. Булгакова, О.А. Полисемия как результат концептуализации, категоризации и номинации // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 21-24.
8. Золотова, Н.О. Некоторые аспекты категориальной организации знаний // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. № 2. С. 14-18.
9. Калинина, Л.В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как средство когнитивной категоризации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009а. № 3. С. 12–20.
10. Калинина, Л.В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семиологический анализ). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009б. 225 с.

11. Калинина, Л.В. *Что-то неуловимое и нечто неуловимое* как точка отсчёта на шкале категоризации // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2017. С. 101-109.

12. Калинина, Л.В., Трушков, М.А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 78-89.

13. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

14. Михайлова, М.Ю. Семантика невыразимого в языке и речи. – Самара: СГСПУ, 2017. 244 с.

15. Николаева, Т.М. Определённости – неопределённости категория // Лингвистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 349.

16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

17. Петрова, Н.Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. 38 с.

18. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Т.2. – М.: ОГИЗ, 1938. 1040 с.

19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

20. Шарандин, А.Л. Типы знаний в контексте теории интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 10–18.

Abstract. In the present article the semantics of imperceptible, finding itself in cases of an impossible or difficult categorization is considered. Differences of semantics of imperceptible from related semantic zones of uncertainty, inexpressibleness and others and its opposition to semantics of typicality are noted. It is shown that the stage of designation of an object or the phenomenon as «imperceptible for understanding» is an integral part of process of categorization.

Keywords: categorization, typification, understanding, semantics of imperceptible.

Кривошеев Г.С.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ «СОЛЬВЕЙГ» В ЛИРИКЕ А.А. БЛОКА

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
glebuschka@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности концептуализации прецедентного имени «Сольвейг» в поэзии А.А. Блока. В ходе компонентного анализа смысловой структуры стихотворения «Сольвейг» определяются ведущие концепты-ассоцианты одноимённого прецедентного имени.

Ключевые слова: художественный дискурс, поэтический дискурс, прецедентное имя, концепт.

В отечественной культуре на протяжении веков сохранялся интерес к литературе, культуре и мифологии Скандинавии как в плане адаптации эстетических элементов скандинавских мифов, так и в художественной интерпретации данных образов в рамках различных

направлений в искусстве. В отечественной художественной литературе увлечение скандинавскими произведениями в нашей стране популяризируется в 1900-1910 годы на фоне особого интереса к мифологии северных стран, которую проявляют русские символисты той эпохи. Данный интерес обусловлен тем, что миф сочетает в себе элементы памяти и фантазии, проводит важную для символистов идею преемственности (Шелогоурова, 1986: 123–124).

В данном исследовании выявление отдельных элементов мифологической основы индивидуальной художественной картины мира приводится в соответствии с современной концепцией интертекстуального художественного дискурса в целом, поскольку художественный дискурс – это та среда, в которой интертекстуальные связи являются одним из условий его развития. В соответствии с данным положением, цель художественного дискурса может быть определена следующим образом: писатель посредством своего произведения осуществляет попытку воздействия непосредственно на «духовное пространство» читателя как реципиента с целью воздействия на него и внесения некоторых изменений (Осадчая, 2013: 132). Соответственно, духовное пространство, в таком случае, определяется системой ценностей, принципов и знаний человека.

Аксиологическая детерминация поэтического дискурса обусловлена и тем, что он «одновременно и динамический процесс словесно-художественного мышления, отражающего ценностно-смысловые константы соответствующей лингвокультуры, и его результат – поэтический текст» (Алефиренко, 2012: 50). В связи с подобным пониманием особую роль приобретают те символические образы, содержание которых значимо для всей эстетически ориентированной языковой картины мира.

Одним из концептуальных авторов, определившим облик эпохи русского символизма, является А.А. Блок. Его творчество характеризуется своей авторской системой символов, в том числе индивидуальных и прочтённых А.А. Блоком общественных мифологем. В рамках данного исследования мы обращаемся к стихотворению А.А. Блока «Сольвейг», образная система которого мотивирована, в том числе, и созвучным прецедентным именем. Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т. д.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств. (Терещенко, 2017: 76) С помощью прецедентного имени появляется возможность связать авторский текст с прецедентным, в чём и проявляется интертекстуальность данного явления.

В данном произведении А.А. Блок использует прецедентное имя с опорой на традиционно ассоциируемый с ним концептуальный смысл 'верность':

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне! (Блок, 1989: 389). Имя Сольвейг напрямую связано с произведением Г. Ибсена «Пер Гюнт» и по сюжету драмы Г. Ибсена её образ олицетворяет преданность по отношению к главному герою. Девушка бросает собственных родителей ради возлюбленного и дожидается его после долгих лет путешествий.

Но кроме прецедентно обусловленного для данного имени концепта «Верность» данный образ реализует и концепт «Воскрешение», актуальный для художественного пространства стихотворения А.А. Блока. Репрезентация данного концепта осуществляется в ходе контаминации авторских образов «Весны» и «Возвращения героя к жизни»:

*Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!
Слышишь звонкий топор? Видишь радостный взор,
На тебя устремленный в упор?
Голос твой — он звончей песен старой сосны!*

Сольвейг! Песня зеленой весны! (Блок, 1989: 389) В данном случае образ «Сольвейг-воскресительницы» мотивирован такими образами, как «Весна» и «Песня», а фундаментом для построения авторской концептуальной связки «Сольвейг» – «Воскрешение» являются такие контекстуальные смыслы, как 'радость', 'свет' и 'пробуждение'.

Однако не только в данном стихотворении А.А. Блок использует Сольвейг как прецедентное имя. Так, в стихотворении «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!» мы наблюдаем несколько иной «рисунок» концептуализации образа, связанного с прецедентным именем:

*Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздыхнуть, освежить мою грудь!
Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!
Чтобы лохматые тролли, визжа,*

Вниз сорвались, как потоки дождя (Блок, 1989: 419). В этом стихотворении посредством введения в контекст прецедентного имени реализуется концепт «Освобождение», чему способствует следующий дискурсивно обусловленный смысловой «фон»: *вздыхнуть, освежить мою грудь* – 'испытать новые чувства'; *отдохнуть на уступе скалы* – 'найти новое прибежище/своё место в жизни' (данный смысл «подкреплён» и контекстуальной интерпретацией образа *солнечного пути*); *расколоть зеркало мглы* – 'найти долгожданный выход', который позволит 'изменить жизнь' (*потоки дождя*).

Возвращаясь к сюжету драмы Г. Ибсена, хочется отметить не только сюжетную связь образа Сольвейг А.А. Блока с героем оригинального произведения, но и с определённую концептуальностью его прочтения. Молодой Пер Гюнт пребывая в лесном царстве троллей

осознаёт свои оковы, скучает по своей любимой в обществе троллей, Женщины в Зелёном Плаще и Доврского короля. Соответственно и у Блока появление Сольвейг реализует мотив освобождения.

Таким образом, как мы можем наблюдать, актуальное для понимания символической идеи стихотворений А.А. Блока прецедентное имя Сольвейг не только создаёт отсылку к оригинальному произведению, но и способствует реализации концептов, актуальных для модели миропонимания поэта, коррелирующее в том числе и с личным оттенком авторского восприятия системы образов произведения Г. Ибсена.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов/ Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованцева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. М.: Флинта: Наука, 2012. — 232 с.

2. Блок А.А. Стихотворения и поэмы / А.В. Семёнов Ленинград: Художественная литература, 1983 — 471 с.

3. Осадчая М.Н. Прецедентное имя как лингвокультурный фактор в художественном дискурсе. // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2013. С. 132–135.

4. Терещенко А.В. Образ скандинавского севера в русской лирике 1890–1910 гг. // Вестник ТГПУ. Томск: Томский государственный педагогический университет. 2017 С. 76 – 84.

5. Шелогурова, Г. Н. Об интерпретации мифа в литературе русского символизма // Из истории русского реализма конца XIX — начала XX века / под ред. А. Г. Соколова. М.: Издательство Московского ун-та, 1986. С. 122-135.

Abstract. In this article features of conceptualization of the precedent name "Solweig" in A.A. Blok's poetry are considered. During the component analysis of semantic structure of the poem "Solweig" the leading concepts-assotsianty of the precedent name of the same name are defined.

Key words: artistic discourse, poetic discourse, precedent name, concept.

Лапшина М. С.

ИНТЕРТЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РАДИОЭФИРЕ «БРИГАДЫ У» «ЕВРОПЫ ПЛЮС»

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
mascha.lapschina@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты образования фразеологических единиц в языке СМИ на примере медиатекста радиоэфира. При этом основное внимание уделяется вопросу об интертекстуальном потенциале фразеологизмов. Отдельные фразеологизмы, используемые в радиоэфире трактуются как элементы интертекста и фактор неологизации в спонтанной речи.

Ключевые слова: текст; интертекст; интертекстуальность; фразеологизация; фразеология; фразеологическая единица, радиоэфир, СМИ.

Характерной особенностью текстов современных СМИ является активное цитирование, которое рассматривается нами в соответствии с

постмодернистской ориентацией современного медиатекста на интертекстуальность в качестве одного из критериев эстетической и гносеологической ценности текста. Действительно, интертекстуальность – это прямое свидетельство взаимовлияния целостного пространства культуры и субъекта речевого творчества. Современные лингвисты выделяют различные типы языковых личностей, что соотносимо с разными типами интертекстуальности и самих СМИ. Соответственно, использование интертекстуального тезауруса, то есть тех элементов, которые использует говорящий в качестве цитат, зависит от его компетенций, а реализация этого тезауруса зависит от условий коммуникации и культуры речи самого субъекта. Помимо этого, следует учитывать и сторону, воспринимающую метатекст, то есть читателя, зрителя или слушателя, в частности его когнитивно-личностные и культурно-фондовые аспекты восприятия.

Изучение интертекстуальности современной публицистической речи ориентировано прежде всего на её дискурсивно-коммуникативный план. Формально интертекст обеспечивает взаимодействие разнообразных прецедентных текстов в едином дискурсивном пространстве, а единицы интертекста служат аллюзиями к конкретному прецедентному тексту, создавая, таким образом, расширение смысла в тексте, элементом которого такие единицы являются.

Прецедент как стилистический приём и механизм интертекстуальной связи реализуется с помощью таких механизмов образной речи, как реминисценции, цитации, пародии; элементы с аксиологическим и символическим значением. Соответственно, для расшифровки и адекватной интерпретации смысла прецедентных отсылок требуется изучение большого объёма культурной информации, которая зачастую и закодирована в интертексте. С данной точки зрения, особый интерес представляют фразеологические единицы, как вторично закодированные аллюзии, отсылающие нас к изначальному источнику и расширяющие смысл исходного текста.

Рассмотрим примеры таких интертекстуальных единиц на материале эфиров развлекательной программы «Бригада У» радиостанции «Европа Плюс». Для выполнения поставленной задачи, эфиры за ноябрь 2017 года были переведены в медиатекст и проанализированы на предмет фразеологизации радиоэфира программы «Бригада У»:

- *Расскажи, как ты сходил на концерт недавно.*

- *Оооо, там такая история, так и хотелось сказать: как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь (Эфир программы «Бригада У» от 05.11.2017 г.).*

В данном примере, в усеченном виде цитируется фрагмент из басни И. А. Крылова «Квартет»: *А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё с музыканты не годитесь.* В «Большом словаре крылатых слов русского языка» данный фразеологизм «характеризует ситуацию, когда за дело берутся не специалисты, а случайные люди, у которых в результате ничего не получается» (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005: 4).

Несмотря на усечение, пословица сохраняет смысл исходного варианта текста.

Пример другого фрагмента радиоэфира:

- *Аристарх Венес заявил, что не хочет жениться*

- *А годы летяаяаяят!* (Эфир программы «Бригада У» от 16.11.2017 г.). Фразеологизм является аллюзией к одноимённой песне М. Фрадкина на стихи Е. Долматовского. «Оборот выражает сожаление о быстротечности времени» (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005: 4).

Фразеологизм-канцеляризм цитируется в следующем фрагменте:

- *Смотри, а то у тебя головокружение от успехов случится!*

(Эфир программы «Бригада У» от 17.11.2017 г.). Этимологически данный фразеологический оборот – это отсылка к названию статьи И. В. Сталина в газете «Правда». «Заглавие возникло на основе известного выражения голова кружится от успехов у кого. О зазнайстве, переоценке своих сил и достижений» (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005: 145).

Цитируются в прямом эфире и фразеологические единицы, в языковом сознании большинства уже не мотивированные каким-либо текстом. Например:

- *Розовый кабриолет – моя голубая мечта!*

- *Я бы и сам от такого не отказался* (Эфир программы «Бригада У» от 18.11.2017 г.). Данная фразеологическая единица относится исследователями к сфере символических образов и трактуется как следствие фразеосемизиса на основе символики голубого цвета в пьесе-сказке М. Метерлинка «Синяя птица», написанной в 1908 году, а так же в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802)», где подобный символ также характеризуется как идеалистическая, несбыточная мечта.

Ещё один пример – из числа фразеологизации, «подкреплённой» прецедентным использованием с последующим обретением статуса крылатых слов:

- *Ну, что за погода такая, нужно что-то делать с этим.*

- *Из-за погоды ты негативишь, а я опять без вины виновата!*

(Эфир программы «Бригада У» от 20.11.2017 г.). *Без вины виновата* – вариант выражения *без вины виноватые*, которое стало известным благодаря его употреблению в названии комедии А. Н. Островского, «прежде оно было известно в народной речи и лит. языке. Ср.: «Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии. – Без вины виноват» (Д. И. Фонвизин, «Недоросль»)» (Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005: 303).

Таким образом, следует отметить, что данные фразеологические единицы, используемые в речи радиоведущих, являются интертекстуальными единицами. Мотивированность фразеологизмов, которую во многом обуславливает интертекстуальность, увеличивает экспрессивно-изобразительные и функциональные возможности и даёт дополнительный толчок к вариативности этих единиц.

Литература

1. Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, В. М. Шулежкова. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. – 624 с.

Abstract. Some aspects of the formation of phraseological units in the language of the media are considered in the article, in particular, with the example of radio ether. In the work the author comes to the conclusion that some phraseological units used in radio air are inherently intertextual, and this property serves as an important factor in the neo-logical processes occurring in the phraseology.

Key words: text; intertext; intertextuality; phraseologization; phraseology; phraseological unit, radio, media.

Матъцина М.С. , Цинтула И.

СВЯЗЬ ЯЗЫКА И ПОЛИТИКИ С ПОЗИЦИЙ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Россия, Липецк, Липецкий государственный технический университет lipmarina@gmail.com

Словакия, Трнава, университет им. Св. Кирилла и Мефодия yuri.orlov.ic@gmail.com

Аннотация. Авторы раскрывают основные категории, концептуальные и теоретические положения критического дискурс-анализа, в основе которого лежит понимание политического дискурса как формы социального взаимодействия. Актуальность исследования обусловлена ростом научного интереса к феноменологии политического дискурса и его различным аспектам.

Ключевые слова: язык, социальная практика, политический дискурс, критический дискурс-анализ

Мир в XXI веке живет в условиях повышенной террористической угрозы, интенсификации миграционных процессов, роста ксенофобии по отношению к разнообразным социальным группам. Это обуславливает необходимость теоретического обоснования новых реалий в жизни общества, использования дополнительных способов языковой номинации и расстановки некоторых акцентов на определенных фрагментах реальности. Усилия, направленные на реализацию данных целей, отчетливо показывают, что важную роль в решении поставленных целей в политике играет язык. Одним из основных направлений в современной методологии изучения взаимодействия языка и общества принадлежит критическому дискурс-анализу (КДА).

В работах сторонников современного КДА постулируется проблема использования языка как инструмента речевого воздействия, позволяющего власти осуществлять свое господство в обществе, при этом язык рассматривается как социальный феномен, который тесным образом связан с механизмами отправления власти. Как пишет Р. Водак: «Язык сплетен с социальной властью различными способами: язык отмечает власть, выражает власть, вовлечен в борьбу за власть и оспаривание власти» (Wodak, 2002: 10). Отношения между

языком и властью наиболее отчетливо эксплицируются в политическом дискурсе, что является серьезным аргументом, обуславливающим стабильно высокий интерес со стороны ученых к данному виду речевой практики. В рамках КДА политический дискурс рассматривается как форма социальной практики, так как идеология, господство и процессы осуществления власти задают форматирующие правила дискурса, определяют его содержание. В этой связи, любое дискурсивное событие, текст имеет социально структурированный порядок и подчинен четким правилам и нормам, ассоциированным с определенными социальными институтами. С одной стороны, политический дискурс, будучи видом социальной практики, «структурирует социальные структуры и социальные практики, а также социальные агенты, люди, вовлеченные в социальные события» (Fairclough, 2003: 22). С другой стороны, сами события и тексты политического дискурса вносят свой вклад в изменения и укрепление существующих социальных отношений, влияют посредством семиотического кода на социальные структуры, навязывая всему, что представляет, «определенную структуру ценностей, социальную и экономическую по своему происхождению» (Fowler, 1991: 4), конструируют реальность согласно собственным образцам. «Для теоретиков критического направления локальные практики и эмпирические результаты коммуникации не могут приниматься за чистую монету, но должны оцениваться в свете рефлексивного анализа искажающих воздействий власти и идеологии в обществе» (Крейг, 2003: 108). Иными словами, «дискурс влияет на общество: он конституирует ситуации и социальные идентичности, отношения между людьми и группами людей. Одновременно он помогает поддерживать и воспроизводить общественный статус-кво, но также позволяет его трансформировать» (Fairclough, 2011).

Дискурс и социальный контекст являются взаимно конституирующими сущностями: дискурс конструирует социальную и политическую реальность, в то время как социальный контекст форматирует дискурс. Таким образом, речь идет о двувекторной связи «между знаками, значениями и социальными и историческими условиями, которые задают семиотическую структуру дискурса» (Fowler, 1991: 5). По мнению критических лингвистов, понимание дискурса как формы социальной практики не только отражающей процессы конструирования социального порядка, но и способной оказывать на них обратное влияние, позволяет исследователям обоснованно ставить вопрос о рекурсивном взаимодействии языковых процессов и властного, в том числе идеологического, производства.

Специалисты стремятся выяснить, как при помощи коммуникативной стратегии воспроизводится социальное доминирование, этническое и расовое неравенство. Обязательным этапом анализа становится поиск мотивационной базы тех позиций, установок, целей и интересов правящей социальной группы, которые определяют дискурс как властный ресурс, используемый для поддержания идеологическо-

го превосходства, а также отношений субординации и подчинения. Дискурсивные практики анализируются с позиции производимых ими идеологических эффектов: они формируют и воспроизводят неравенство в социальных отношениях, создают идентичности путем позиционирования и категориальной классификации групп и людей. Важным положением КДА является признание изменчивости социальных норм и регуляций, которая выступает следствием трансформации дискурсивных практик, т.е. дискурс является активным фактором, формирующим мировоззрение в обществе (Русакова, 2006).

Рассматривая язык как «средство доминирования и социальной силы, которое служит для законодательного закрепления отношений организованной власти» (Habermas, 1973: 259), представители данного научного направления исследуют факты проявления власти, контроля и дискриминации в дискурсивной практике и за ее пределами посредством лингвистического анализа. Обязательным компонентом исследований критического дискурс-анализа служит определение взаимосвязи и обусловленности семиотических структур дискурса социальным, когнитивным, политическим, историческим и культурным контекстами. Исследование контекста должно стать дополнением к дескриптивному анализу дискурса, основная задача которого сводится к выявлению лингвистических особенностей текстов, с целью выявления «контекстуализации» дискурса в различных языковых и социально-политических контекстах.

Литература

1. Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика-III. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 72-126.
2. Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. 177 с.
3. Fairclough N. Textual analysis for social research. New York: Routledge, 2003. Fiske S.T., Taylor S.E. Social Cognition. New York, 1984.
4. Fairclough N., Mulderrig J., Wodak R. In: Discourse Studies. A multidisciplinary Introduction. London Sage, 2011. pp. 357-378.
5. Fowler R. Language in the news: discourse and ideology in the press. London; New York: Routledge, 1991. 254 p.
6. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. Suhrkamp Verlag, Frankfurt a. M., 1973. 419 s.
7. Wodak R. Aspects of critical discourse analysis // ZfAL. 2002, №. 36. p. 10.

Abstract. The authors highlight the main categories, conceptual and theoretical foundations of critical discourse analysis, which is based on the understanding of political discourse as a form of social interaction. The relevance of the study is determined by the growing scientific interest to the phenomenology of political discourse and its various aspects.

Keywords: language, social practice, political discourse, critical discourse analysis.

Мишина Е.А.
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА БОЛЕЗНИ В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В.М. ГАРШИНА

Россия, г. Белгород, НИУ «БелГУ»
mischina.shenja@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть основные особенности лексической репрезентации концепта «Болезнь» в прозе В.М. Гаршина. В ходе анализа выделяются отдельные лексические доминанты области вербализации концепта.

Ключевые слова: художественная картина мира, индивидуально-авторская картина мира, художественная реальность, концептосфера, концептуализация, концепт.

Человеческие эмоции обладают сложной концептуальной структурой, или обладают концептуальным каркасом, а описание вербализации тех или иных эмоций делает возможным их когнитивное описание. Разные формы выражения знаний (концепт-образ, «сценарий проживания эмоционального состояния и выражения эмоционального отношения»), по мнению Ю.В. Крылова, взаимодействуют друг с другом, что позволяет говорить о том, что эмотивный концепт может описываться и как образ, и как сценарий проживаемого эмоционального состояния (Крылов 2007: 5).

В ходе исследования были проанализированы сказки «Attalea princeps», «Сказка о розе и жабе», а также рассказ «Красный цветок», где рассматриваемый концепт входит в состав структурированной концептосферы и занимает разные позиции: от доминирующих до периферийных.

В ходе предварительного дефинитивного анализа были определены ведущие семантические признаки ключевой лексемы концепта. Так, в «Толковом словаре современного русского языка» С.И. Ожегова лексема «болезнь» имеет значение: «расстройство здоровья, нарушение деятельности организма (перен.: трудности, возникающие при становлении, освоении чего-нибудь нового)» (Ожегов 1999: 55). Данные, представленные в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой, показывают что слово *болезнь* становится доминантой синонимического ряда: «болезнь, заболевание, недуг, немочь, хворь» (Александрова 1998: 47).

Соответственно, при анализе репрезентантов концепта в художественных текстах В.М. Гаршина, мы отталкивались от таких узуальных признаках лексемы, как 'неприятное (нестерпимое, невыносимое) ощущение (чувство), физическое и нравственное страдание.'

Многие герои анализируемых произведений больны той или иной болезнью, их душевные и нравственные силы обычно напряжены до предела. Болезнь чаще всего приводит к смерти. Модели сценариев болезней автор для выражения глубокого философского содержания. В смысловой структуре концепта «Болезнь» можно выделить смысловые пласты «*болезнь телесная*», т.е. «ощущение физической боли» и «*болезнь душевная*», иначе «ощущение душевной боли»; «*болезнь духовная*», или «ощущение духовного, нравственного страдания» (Лошаков 2008: 423). Первый пласт может оказывать влияние на проявление последующих, физи-

ческая боль может влиять на появление душевной, а душевная на появление физической, например художник Рябинин переживает творческий кризис и истощение нервной системы (болезнь духовная), но эти переживания приводят и к физическому страданию. Например, *Голова болит больше и больше, туман наплывает на меня* (Гаршин 2015: 89).

В рассмотренных нами текстах концепт «Болезнь» репрезентируется в следующих моделях:

- 1) «Болезнь – смертельное заболевание»;
- 2) «Болезнь – горе, мука, причиняемая душевными страданиями».

Рассмотрим примеры передачи концептуальных моделей болезни:

- «Болезнь – смертельное заболевание».

Данная модель концепта находит особенно наглядное воплощение в «Сказке о розе и жабе». В этом произведении главный герой, маленький хозяин розы, неизлечимо болен и болезнь эта заканчивается для него смертью: *Он вдыхал в себя нежный [розы] запах и, счастливо улыбаясь, прошептал: “Ах, как хорошо...”. Потом его личико сделалось серьезным и неподвижным, и он замолчал... навсегда* (Гаршин 2015: 294).

Роза тоже умирает, ведь ее срезали, однако все ее переживания и душевные муки были не зря: *Роза, хотя и была срезана прежде, чем начала осыпаться, чувствовала, что её срезали даром* (Гаршин 2015: там же).

- «Болезнь – горе, мука, причиняемая душевными страданиями».

В рассказе «Красный цветок» концепт «Болезнь» репрезентируется имплицитно и эксплицитно и выражает, в первую очередь, душевные страдания персонажа, психическое расстройство, которое возникает из-за неприятия полной зла действительности, осознания собственного несовершенства и греховности. Концепт репрезентируется при помощи включения лексем *болезнь, больной и безумный*, например: *с удвоенной от болезни силою он легко вырывался из рук нескольких сторожей* (Гаршин 2015: 174); *его снова волною охватывали впечатления; больной мозг не мог справиться с ними, и он снова был безумным* (Гаршин 2015: 179);

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что интерпретация моделей концептуализации «Болезни» особенно значима для правильного восприятия прозы В.М. Гаршина. Все смысловые пласты концепта «Болезнь» объединяет то, что они отражают идею несовершенства мира, в котором живет человек, и греховность самого человека. Болезни общества, отдаление от идеалов гуманизма – все это выражает целостность художественного мира автора.

Литература

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник [Текст] / З.Е. Александрова. – М.: Рус.яз., 1998. – 495 с.
2. Гаршин, В.М. Красный цветок: сборник [Текст] / В.М. Гаршин. – М.: АСТ, 2015. – 416 с.
3. Крылов, Ю.В. Эмотивный концепт «Злость» в русской языковой картине мира: идентификация и разграничение ментальных и языковых структур [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Крылов. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2007. – 22 с.

4. Лошаков, А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология [Текст]: дис. ... доктора филол. наук / А.С. Лошаков: Московский пед. гос. ун-т. – Москва, 2008. – 564 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь современного русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1995. – 928 с.

Abstract. In article an attempt to consider the main features of lexical representation of a concept "Disease" in V.M. Garshin's prose is made. During the analysis separate lexical dominants of area of verbalization of a concept are allocated.

Key words: art picture of the world, individual and author's picture of the world, art reality, sphere of concepts, conceptualization, concept.

Семенов Н.Н.

ТИПИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЦЕННОСТНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ПАРЕМИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал НИУ «БелГУ»
nsemenenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов анализа ценностно-смыслового пространства русской паремиологии, связанный со способностью пословиц формировать устойчивые когнитивные конфигурации, соотносимые с оценкой типических ситуаций, составляющих обыденный тезаурус культуры.

Ключевые слова: паремия, ценность, стереотип, концепт, фрейм, лингво-синергия.

Лингвокогнитивный статус ценности как предмета семантического анализа паремий определяется в русле дискуссии относительно этнокультурной обусловленности языкового сознания, одним из базисных теоретических постулатов которой и является методологический подход, опирающийся на понимание синергетического взаимодействия языка и культуры в системе «язык – познание – культура». В русле предлагаемого подхода ценностно-смысловой потенциал паремий – аспект насколько очевидный (что подтверждается высокой частотностью обращений к своду народной мудрости как источнику сведений о ценностях этноса), настолько и актуальный в плане уточнения следующих проблемных вопросов:

1) самого понятия ценности применительно к паремической семантике,

2) категориально-когнитивного статуса ценности и

3) характера взаимообусловленности функционально-семантической природы паремий различных жанров и дискурсивно-прагматического фактора оценки как когнитивно-прагматического фокуса смыслообразования. При разработке каждого из обозначенных аспектов мы опираемся на понимание ценности как продукта когнитивно-прагматической деятельности, ведущим признаком которой является «привязанность» к стереотипной ситуации.

Выступая в качестве проводников ценностных смыслов, паремии характеризуют **стереотипную ситуацию** (поговорки, устойчивые

сравнения, загадки), либо предлагают **стереотипную модель** осмысления той или иной ценности (пословицы, приметы). Это как раз и способствует реализации паремиями их культуротворческой функции – функции моделирования, трансляции и аккумуляции опыта в оценке и интерпретации наиболее значимых для этноса ситуаций.

Поскольку паремия как этноязыковой носитель ценностно-смыслового содержания выступает не столько в качестве номинативного, сколько интерпретирующего средства языка, само её ценностное содержание носит эксплицитный оценочный характер. Этот характер изначально обусловлен конкретной дискурсивной привязкой, которая ощущается в конкретной речевой коммуникации или предполагается при осмыслении семантики пословицы применительно к гипотетической ситуации общения. Указанная сложность однозначного прочтения и толкования мнения, выраженного в пословице, в случае отсутствия выраженного контекста ситуации общения и собственно речевого контекста не только вызывает разночтения в отнесении пословиц к той или иной тематической группе, но и порождает дискуссию при определении рекомендуемой в паремии позиции относительно той или иной ценности культуры. Например, *Мать высоко замахивается, да не больно бьёт* – пословица с конкретной семантикой (афористическое значение характеризуется денотативной обусловленностью), традиционно относимая к тематическим группам «Семья – Родня», «Мать – Отец» по принципу «ключевого слова». В силу достаточной референтности денотата 'мать' «вывести» данную пословицу за пределы дискурса о матери крайне сложно, – разве что за счёт метафорического переноса 'мать – начальница' или 'мать – учительница', и то гипотетически... Вместе с тем, «Мать» – далеко не единственная ценность, вербализованная в семантическом пространстве паремии: на уровне логической пропозиции здесь реализована ценность «Истинные намерения», а посредством подтекста – «Любовь», которые в определённом исследовательском ракурсе также могут стать основанием для группировки паремий.

Подобная методологическая акцентуализация свойств объекта исследования вполне согласуется с общими задачами современной аксиологической лингвистики, которая занимается моделированием и описанием неявных семантических механизмов, выполняющих роль «связующего звена между лексико-семантической оценочной системой и социальным опытом национально-культурного сообщества» [Болотина, Шабашева 2013: 22]. Сам же процесс осознания ценности связан преимущественно с ситуативно обусловленной ассоциацией и, таким образом, относится к числу фреймовых конфигураций. Например, *Гордость въезжает верхом, а возвращается пешком* – фрейм «Гордыня», реализуется в условиях прозрачной внутренней формы событийного характера и в своём актуальном интегративном пространстве выражается в антитетическом балансе концептов «Победа» – «Пораже-

ние», и именно в аспекте данной когнитивной интеграции репрезентируется ценность «Скромность/Сдержанность» как прагматически обусловленный смысл, отличающийся от собственно концепта данной выраженной внешней этнокультурной обусловленностью. По сути, сама паремическая формула является залогом этой сложной синергической связи знания, значения, оценки и характеристики, которая и выливается в то, что мы понимаем как стереотипное выражение ценности.

Как показывает разноаспектный анализ ценностной акцентуализации паремической семантики, сам состав ценностей культуры, получающий своё стереотипное воплощение в паремическом составе языка, вряд ли может быть оценен как специфическое образование. Вместе с тем, прагматический фокус паремической семантики обеспечивает репрезентированным ценностям ту самую ментально обусловленную оценку, которая и характеризует стереотипную сторону народного мышления, как правило, напрямую не связанную с собственно лексическим значением слов-компонентов, а скорее, мотивированную стереотипным восприятием категорий, обозначенных данными словами. Например, в пословицах

а) *День прошёл – ближе к смерти* и

б) *День долог, а век короток* репрезентирована ценность «Время» в двух её стереотипных моделях прагматической оценки: а) 'время быстротечно' и (б) 'время бесценно', а пословицы

а) *Будет время – всё минется* и

б) *Во время успел, как в иголку вдел* репрезентируют ценность «Судьба/Момент жизни» с оценкой 'дорог конкретный момент жизни' и ценности (а) «Терпение» и (б) «Своевременность действия». Соответственно, лексема *день* в своём обобщённо-темпоральном значении, – кстати, весьма характерном для фольклорного дискурса, – является ключевым фактором реализации внутренней формы, мотивирующей образ 'этапа жизни человека', а лексема *время*, в свою очередь, мотивирует образ 'конкретного момента жизни'.

Исходя из подобного понимания пословица *Все мы говорим, да не всё по говорённому выходит* позволяет рассмотреть следующую поликонцептуальную структуру: антитетический концепт «Желаемое – Действительное» и концепт «Судьба» в их интегративном взаимодействии в составе фрейма «Жизнь» в части слота «Законы жизни». Статус же ценности в когнитивном основании данной паремии имеет «Объективное мышление» – когнитивная единица, стимулирующая синергию внутренней формы исходя из сугубо прагматического назначения высказывания – трансляция этнокультурного стереотипа 'цени не разговоры, а результат дела'.

Таким образом, репрезентированная в паремии ценность – результат, по сути, вторичной вербально-когнитивной деятельности, своеобразная рефлексия сознания, опосредованная стереотипом куль-

туры, связанным с той или иной стереотипной ситуацией. Оценивая прагматически потенциал ценностно-смысловых акцентов в оценке выше обозначенных ситуаций, можно сказать, что ценность проецирует социальный опыт на образ мышления, выступая в качестве элемента языковой синергии.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Значение и смысл паремий в свете когнитивной прагматики // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т.85. – №6-2. – С. 169-180.

2. Болотина М.А, Шабашева Е.А.: Когнитивный аспект оценочной семантики фразеологических единиц с цветообозначениями // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград, 2013, 2. – С. 21-28.

3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / под общ. Ред. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Abstract. The article deals with one aspect of the analysis of value-semantic space of the Russian paremiology associated with the ability of Proverbs to form a stable cognitive configuration, correlated with the rating of the typical situations that make up everyday thesaurus culture.

Key words: paremia, value, stereotype, concept, frame, linguasinerger.

Тхакушинова Ж.Б., Назарова И.П.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И МОДЕЛИ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный аграрный
университет

jannetb777@gmail.com

Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет
физкультуры и туризма

leto_eto_i@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются наиболее распространённые современные лингвистические методы понимания единиц языка и речи, различные модели понимания, такие как анализ аттракторов, факторный, пропозициональный и системный анализ, сублогическая модель, психолингвистическое моделирование, создание конструктивно-интегративной модели и коммуникативной модели представления текста.

Ключевые слова: понимание, язык, модель, моделирование, лингвистический анализ, ментальные состояния и репрезентации, коммуникативность.

Процесс понимания речи весьма сложен для исследования, тем более что мозг не обладает своим собственным языком, человек для объяснения ментально-когнитивных процессов должен пользоваться тем же языком, что и для межличностной коммуникации. Однако многие ментальные процессы у людей сходны, универсальны, что позволяет для их постижения переходить на уровень абстрагирования и моделирования процессов.

Как отмечает М.Л. Мотько, моделирование, относящееся к основным научным понятиям, в широком смысле – это любой мысленный или знаковый образ моделируемого объекта, который в определенной степени похож на объект-оригинал. В любом случае модель-аналог – это всегда упрощение оригинала, необходимый акт познания. Этапу рационального освоения познаваемого аспекта действительности предшествует внерациональный – в сознании гносеологического субъекта возникает образ объекта в форме представлений, ощущений. В ситуации моделирования умопостигаемых объектов мысль прибегает к чувственно постигаемым образам предметов или субстанций, проецируя их на невидимое и необратимое (Мотько, 2007: 95). То есть переход от незнания о познаваемом объекте к дискурсивному (рациональному, логическому) знанию о нем опосредуется его внерациональным, чувственно воспринимаемым образом, что и представляет собой его *сублогическую модель* (Базылев, 2005), приводящую к «наглядности» оригинала, к его отчетливости. Создание такой модели открывает путь к дальнейшему познанию объекта, позволяет интерпретировать его и объяснить, что в конечном итоге приводит к осмыслению «на уровне абстрактного, теоретического конструирования. Схематично этот процесс может быть представлен следующим образом: личностное знание, или пред-знание (интуиция, воображение, пред-знание, неартикулированные пресуппозиции, непосредственно встроенные в жизненный мир, культурные универсалии, фиксирующие общий познавательный горизонт и пр.) → метафорическая номинация → модель → интерпретация → объяснение → понимание (Мотько, 2007: 96). Применительно к ситуации лингвистического познания в образах-признаках проецируемых на метаобъекты концептов отражаются сублогические модели языка-объекта, апеллирующие к воображению и обладающие объяснительной силой синтеза, в отличие от логических моделей, апеллирующих к разуму и обладающих объяснительной силой анализа (Там же: 101).

В числе задач, стоящих перед учеными-когнитологами, – найти адекватную модель сопряжения двух миров: «мира ментального (мыслей, чувств и т.п.) и мира материального (“объективной реальности”), репрезентируемого ментальному через интерфейс языка как некоего кода» (Кравченко, 2011: 96), поскольку именно кодовая модель языка лежит в основе когнитивной науки, целью которой является выяснение природы знания, составляющих его источников, его развития и применения.

Для понимания высказывания, текста современные лингвисты всё активнее привлекают понятие аттрактора (от лат. *attrahere* – притягивать, привлекать), **аттракции**, под которой понимается уподобление по какому-либо признаку (Баранов, Добровольский 1996: 51). В сложной системе аттрактор захватывает в сферу своего влияния и притягивает элементы, сходные с ним по каким-то основаниям.

А.А. Залевская отмечает, что трактовка аттрактора как доминантного смысла в значительной мере пересекается с тем, что ранее было принято называть ключевым словом, ключевым смыслом, опорным элементом понимания текста и что в материалах ряда исследований фигурируют креативные аттракторы, точечные, полевые и циклические аттракторы, обнаруживаемые при выявлении опорных элементов понимания текстов реципиентами или выявляемые «экспертами» в качестве ключевых для формирования смысла текста (Залевская, 2005: 357). Данный подход может оказаться весьма успешным при изучении процесса понимания языковых единиц.

С учетом того, что сознание индивида производит обработку поступающей информации целостно, используя при этом факторы оценки, силы и потенции, активности, плотности, реальности, обычности, сложности, Л.Ф. Маркова утверждает, что можно определить, как производится обработка личности сознанием, с помощью **факторного анализа**. При этом «фактор рассматривается как обобщенное категориальное значение образа мира, которое дислоцируется в сознании индивида. Чем меньше факторов имеется в наличии в сознании индивида, тем проще пространство сознания, и наоборот. Фактор подлежит исчислению и представлен шкалами» (Маркова, 2005: 139).

Помимо факторного анализа, процесс понимания индивидом предложения, высказывания, текста может быть изучен и посредством **пропозиционального анализа**, поскольку пропозиция, являясь единицей репрезентации, понимается как элементарная единица смысла (Маркова, 2005: 137). В когнитивной науке пропозиция рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, единицы, репрезентирующей мир и выступающей в виде определенной формы его репрезентации (Панкрац, 1996: 139–140). Ментальные состояния как сложные сущности, куда включаются и пропозиции, анализируются как сложные выражения (Демьянков, 1996: 100). Именно этим Н.Д. Арутюнова обосновывает возможность использования пропозиции не только при анализе предложения как единицы языка, но и при анализе высказывания как реальной единицы речевого общения (Арутюнова, 1999: 401).

Существующая корреляция между ментальными словами, синтаксическими структурами, семантикой и системой концептов языка позволяет сделать анализ этих сущностей обобщенным, междисциплинарным с привлечением методов, характерных для данных разделов лингвистического знания. Это оказывается возможным постольку, поскольку правила формирования языка мысли аналогичны соответствующим правилам формирования синтаксических структур обычного языка.

Кроме пропозиционального, ученые выделяют также и другие виды когнитивного анализа. Л.В. Бронник указывает, что **системный анализ**, нацеленный на изучение концептов как систем, состо-

ящих из единиц разных уровней (фонологического, морфологического, лексического, синтаксического, прагматического и т. д.), конкретизируется в следующих формах: а) как **системно-структурный анализ**, который позволяет выявить структуру концептуальной системы в виде множества компонентов, объединенных устойчивыми связями в единое целое; он включает частные виды анализа, зарекомендовавшие себя эффективными инструментами моделирования структуры концептов и, как правило, использующиеся в определенном сочетании друг с другом (здесь – компонентный анализ по словарным дефинициям, анализ синонимов, афоризмов, энциклопедических, бытовых, художественных, публицистических, новостных текстов); б) как **системно-функциональный анализ**, направленный на определение той роли (функции), которую концептуальные структуры играют в системах более высокого, в первую очередь дискурсивного порядка, поддерживая их системное существование (функционирование); в) как **системно-динамический анализ**, который рассматривает концепты как динамические системы, способные изменяться во времени, и имеет своей целью выявить факторы и механизмы их динамики (Бронник, 2010).

Когнитивный подход к пониманию коррелирует с **психолингвистическим моделированием**, с построением ментальной модели, дабы «уловить и зафиксировать в модели специфику ментального содержания по вербальным репрезентациям» (Бутакова, 2005: 51). М.Л. Мотько доказала, что понимание достигается через построение ментальных образных моделей на основе перцептивно-образного компонента, находящегося в основании метафоры и связанного с био-социокультурным опытом существования человека в реальном мире, закрепленном в сознании (в виде разнообразных концептуальных образований – концептов, фреймов, сценариев, схем и т.д.) и репрезентированном в языке (в семантике языковых знаков) (Мотько, 2007).

Термин «**ментальная модель**» появился в 1943 году, он принадлежит К. Крейку, который говорил, что люди переводят внешние события во внутренние модели и рассуждают посредством манипулирования этими символическими репрезентациями; они могут переводить используемые символы обратно в действия или устанавливать соответствия между ними и внешними событиями (Craik, 1952). Для Крейка ментальная модель была динамической репрезентацией или имитацией внешнего мира.

Известны разработки ментальных моделей, которые представили П. Джонсон-Лэйрд, Т.А. ван Дейк, У. Кинч. Для ван Дейка одним из ключевых стало понятие *модели ситуации*, где под *моделью* стал пониматься конструкт в эпизодной памяти, репрезентирующий то событие или ту ситуацию, о которой идет речь в тексте (Dijk, 1995). Ученый настаивает на том, что подлинное понимание текста в таком случае должно трактоваться как конструирование новой модели или «осо-

временивание» активированной имевшейся ранее модели, которая является субъективной, характеризуется личностными ассоциациями, выводными знаниями, включает фрагменты других моделей и т.д. Вследствие этого получаемая модель текста оказывается значительно богаче, чем репрезентация самого текста.

Особое внимание проблеме моделирования процессов понимания уделял У. Кинч. Различные модели, создаваемые им в течение двадцати лет, в итоге привели его к созданию **конструктивно-интегративной модели**. В соответствии с ней понимание есть слабо контролируемый процесс конструирования, протекающий преимущественно по ассоциативному принципу «снизу вверх». Ментальные репрезентации формируются на базе первоначально получаемых беспорядочных, избыточных и даже противоречивых исходных данных, которые далее претерпевают процесс интеграции, результатом которого становятся хорошо сконструированные ментальные репрезентации (Kinch, 1998). Для конструирования моделей ситуации используются различные источники: знания о языке, о мире в общем и о специфической коммуникативной ситуации. К общему знанию добавляется личностный опыт читателя. Все эти источники знания, отмечает Кинч, могут оказаться необходимыми в дополнение к тому, что дается в тексте, для трансформирования того, что может быть изолированной структурой, в нечто, связанное с личностным опытом читателя и интегрированное в этот опыт (Op. cit.: 103).

Безусловно, конечная цель, с которой создаются такие модели, – когнитивно-герменевтическая: познать принцип и технологию понимания человеком знаков языка и речи. Однако это невозможно сделать без признания роли и индивидуальных свойств познающего субъекта. Поскольку «знание у человека никогда не бывает строго абстрактным», особое значение придаётся взаимодействию разума и тела, сенсорно-аффективным процессам (Hurdy, 1998). Поэтому «исследование процессов понимания текста на современном уровне требует непременно учета особенностей психических процессов человека, без чего все рассуждения останутся на уровне умозрительного теоретизирования, далекого от реального функционирования текста как такового» (Залевская, 2005: 385). А.А. Брудный объясняет это тем, что понимание есть в той или иной мере процесс творческий, а значит, в чем-то индивидуальный; продукт понимания создается, а не просто воспроизводится по правильному эталону. «И как бы мы не верили в могущество того или иного метода, он все же неразделен с гениальными умами его создателей: когда их нет, слабеет и сила метода. Применение метода еще ничего не гарантирует – нужен адекватно развитый интеллект, иначе говоря – реализованная способность понимать» (Брудный, 1998: 273).

Но способность понимать, как ни парадоксально, иногда может оказываться более сильной и широкой, нежели способность создавать.

О том, что процессы восприятия и творения скрытых смыслов никогда не могут совпадать полностью, говорит Л.А. Исаева: «С одной стороны, читатель никогда не воссоздает весь авторский скрытый смысловой пласт, с другой стороны, талантливое произведение обладает значительным количеством субъективно не планируемых автором “сцеплений”, которые могут быть “выстроены” читателем с опорой на его собственный жизненный и эстетический опыт» (Исаева, 2011: 133).

В связи с тем, что существующее ныне множество исследовательских концепций отличает стремление изучать не только структурную модель текста, но и учет обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, складывается **коммуникативная модель** представления текста, которая являет собой подход к изучению живой речи в условиях реальной коммуникации: «Если в структурной модели представления текста последний есть результат, а не процесс речи, то в коммуникативной модели на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, погруженного в ситуацию общения» (Гергокаева, 2008: 8–9).

Ученые пришли к выводу о том, что коммуникативность языковой модели и отражение в ней фокуса зрения исследователя присущи любым моделям, описывающим языковой материал. В описательной модели работа с разнообразным материалом даёт возможность увидеть и воссоздать разные образы сознания, разные состояния динамической системы. «Эта модель в качестве своих единиц и инструментов описания содержит конструкторы, выстроенные определенным образом в зависимости от выбранных оснований и структуры и отражает ЯЗЫК-ПРОДУКТ₂ (по терминологии А.А. Залевской). Ей соответствует речевая организация индивида как система концептов и стратегий пользования ими в процессе речемыслительной деятельности (ЯЗЫК₁) (Залевская, 2005). Работая с разными “овнешнителями” образов сознания,.. можно моделировать динамику ментального существования определенного информационного фрагмента, связанного с одним и тем же словом» (Бутакова, 2005: 52–53), например, проводить смысловой анализ высказываний-сентенций (поговорок, афоризмов, крылатых слов и выражений) с последующим концептуальным моделированием.

Итак, наиболее актуальными лингвистическими методами изучения процесса понимания языковых единиц в настоящее время являются анализ аттракторов, факторный анализ, пропозициональный анализ, системный анализ в трех разновидностях (системно-структурный, системно-функциональный, системно-динамический), сублогическая модель, психолингвистическое моделирование (построение ментальной модели), создание конструктивно-интегративной модели и коммуникативной модели представления текста. Однако эти методы в определенной мере субъективны, ориентированы на личность их создателей и исследователей.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Базылев, В.Н. «Философия» машинного перевода // Вестник ВГУ. 2005. № 2. С. 88-96.
3. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. – М.: Помовский и партнеры, 1996. 656 с.
4. Бронник, Л.В. Динамическая сложность концепта в дискурсе: когнитивно-синергетический подход: монография. – Краснодар: КубГУ, 2010. 334 с.
5. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика. Учеб. пособие. – М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
6. Бутакова, Л.О. Динамика ментального существования: проблемы методологии лингвокогнитивного моделирования // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 51–56.
7. Гергокаева, Д.Д. Эгоцентризм лингвистического дискурса (на материале русского, английского, кабардино-балкарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик: КБГУ, 2008. 23 с.
8. Залевская, А.А. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Исаева, Л.А. Лингвистический анализ художественного текста: герменевтико-интерпретационный подход. – Краснодар: КубГУ, 2011. 150 с.
10. Кравченко, А.В. Что такое “когнитивная структура”, или об одном распространенном заблуждении // Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – М: ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 96–104.
11. Маркова, Л.Ф. Методы выявления когнитивного механизма для идентификации высказывания // Язык и дискурс в современном мире: Мат-лы междунаучно-лингвистической конф. (19-20 мая 2005 г.). Ч. 1. – Майкоп: АГУ, 2005. С. 135–139.
12. Мотько, М.Л. Метафора в метаязыке лингвистики: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. 217 с.
13. Панкрац, Ю.Г. Пропозиция // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. С. 137–140.
14. Craik, K.J.W. The nature of explanation. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1952. 123 p.
15. Hardy, C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. 217 p.
16. Kinch, W. Comprehension: A paradigm for cognition. – Cambridge University Press, 1998. 461 p.
17. Dijk, T.A. van. On macrostructures, mental models, and other inventions: A brief personal history of the Kintsch – van Dijk theory // Discourse comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch. – Hillsdale, NJ; Hove, UK: Lawrence Erlbaum, 1995. Pp. 383–410.

Abstract. The article deals with the most common linguistic methods of understanding of language units and speech, touches upon various ways of understanding, such as attractor analysis, factor, preposition and system analyses, sub-logical model, psycholinguistic modeling, creating a constructive-integrative model and the communicative model of text presentation.

Key words: understanding, language, model, modeling, linguistic analysis, mental states and representations, communicative

Саввина С.В.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА НАРОДНЫХ ЗАГОВОРОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
savvina_s@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье на примере жанра народного заговора раскрывается проблема изучения действенности сказанного (изреченного) слова. Тексты рассматриваются с точки зрения прагматического аспекта, выделяются наиболее существенные элементы прагматики.

Ключевые слова: заговор, лингвопрагматика, речевой акт, адресант, адресат.

«Словом можно убить, словом можно спасти» – с этих строк начинается знаменитое стихотворение русского поэта Вадима Шефнера. На сегодняшний день проблема изучения значимости звучащего слова особенно актуальна. Развитие таких направлений, как лингвопрагматика, психо- и нейролингвистика приблизили современную науку о языке к пониманию слова как особого энергетически заряженного элемента действительности, несущего как положительную, так и отрицательную иллюктивную силу.

Такое понимание важности звучащего (и мысленного) слова в древности было особенным. Человек соотносил слово с действием, сказанное воспринималось как реальное. Об этом в XIX в. писал и собиратель фольклора А.А. Афанасьев: «В древности значение корней было осязательно <...> Большая часть названий основывалась на весьма смелых метафорах» (по Зуевой, Кирдану 1998: 152). Со временем метафоры стали восприниматься как реальное действие: «Стоило только забыться, затеряться первоначальной связи понятий, чтобы метафорическое уподобление получило для народа все значение действительного факта и послужило поводом к созданию целого ряда баснословных сказаний» (по Зуевой, Кирдану 1998: 152).

Прагматический аспект играет самую значимую роль в понимании народных заговоров. Данный жанр сам по себе предполагает явное воздействие на человека, предметы и явления действительности. Происхождение заговоров зачастую связывают с ритуалами, проводимыми жрецами и волхвами еще до принятия христианства. Заговор – один из древнейших жанров, входящих в сферу магической практики и воплотивший в художественно-образной форме архаические представления наших предков. В самом широком смысле слова заговор – это словесная формула, имеющая магическое значение.

Субъектом действия в текстах всегда выступает заговаривающий, а объект воздействия меняется в зависимости от цели. Цель можно определить по тематическим группам, поскольку условно все заговорные тексты разделяются на лечебные, любовные и хозяйственно-бытовые. В отдельных, конкретных наименованиях можно увидеть

намерение говорящего. Например, есть заговор «на любовь красной девицы», есть заговоры от конкретных болезней («от родимца» – старое название эпилепсии), заговоры «от укуса осы» и др.

В отличие от обычного речевого акта, где есть адресант и адресат, в заговорном тексте адресат – не всегда является тем, кто должен «слушать». В заговорном тексте адресат – это тот, на кого направлено воздействие, объект, который не обязательно должен воспринимать это (человек, болезнь, антропоморфные явления, животные). Наоборот, чаще всего заговор произносится в тайне от всех. И его специфическая прагматическая особенность заключается в том, что он всегда несет отрицательную модальность, поскольку направлен на изменение естественного хода событий, часто идущего вразрез с желанием объекта, если объект – человек. Слова, используемые в таком речевом акте, изначально семантически несут отрицательную иллокутивную силу. Положительная модальность может возникать только в заговорах от болезней. Остальные же тематические группы всегда подразумевают отрицательное отношение заговаривающего к объекту воздействия, что отражается в используемой лексике: *дьявольско болото; сатанинская сила; развести, чтоб друг друга не любили, друг друга колотили, и порой ножом поразили; как он бьет травы и цветы ломает и бросает, так же бы (имя рек) бил, ломал (имя рек) и бросал, и на очи не принимал, и до себя вплоть не допущал, и казался бы тот человек пуще змея лютого, и жгло, и палило бы его огнем, громом и молнией; не мог бы услышать, не мог бы увидеть на сей день грядущий* и др.

По своей сути заговор является максимально прагматичным сакральным текстом. Он восстанавливает ту полноту картины мира, которая веками складывалась в народном сознании. В качестве субъекта действия выступает заговаривающий, а объектом магического воздействия является то, на что это воздействие направлено. Все устройство заговорного текста, включая ритуальные действия, необходимо для осуществления желаемого, претворения слова в реальность. Почти все виды заговоров несут отрицательную модальность, заговаривающий «навязывает» свое волеизъявление на окружающую действительность, т.е. действие над объектом всегда происходит против его воли, нарушается естественный ход событий.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка / Н.Д. Арутюнова. – 1981. – Т.40. – №4. – С. 367-386.
2. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний / А.А. Блок // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 147-152.
3. Зуева Т.В., Кирдан Б. П. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений / Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – М.: Наука, 1998. – 400 с.
4. Майков Л. Великорусские заклинания / Л. Майков. – СПб.: типография Л. Майкова, 1869. – 166.
5. Познанский Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул/Н.Ф. Познанский. – М.: Индрик, 1995. – 352 с.

Abstract. The article reveals the problem of sustitutivos it is written (spoken) words in the genre of folk spells. Texts are considered from the point of view of pragmatic aspects, the most essential elements of pragmatics.

Keywords: conspiracy, linguo-pragmatics, speech act, the addresser, the addressee.

Саенко М.И.

КОНЦЕПТ «ДОМ» КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВИДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКИХ НАРОДНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
исследовательский университет
marina.saenko.95@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена концептологическому анализу текстов народных колыбельных песен. Одним из ключевых элементов концептосферы материнского фольклора является концепт «Дом», рассматриваемый автором статьи как репрезентант национального мировидения. Исследование концепта «Дом» в аспекте наивно-мифологического мышления дополнило представление о семантическом поле концепта значением 'безопасное пространство', 'граница', ограждающая реальный мир от ирреального, мира злых духов.

Ключевые слова: фольклор, колыбельная песня, концепт, мифологическое мировидение.

Фольклорные концепты, закрепившиеся в традиционном тексте, не только аккумулируют представления и понятия, составляющие ментальную систему мира предков, но и обладают свойством воздействовать на процессы ценностно-смыслового восприятия действительности новыми поколениями. «Это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не «творец духовных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее», – читаем в научном труде Ю.С. Степанова (Степанов, 1997: 40).

Именно поэтому огромное значение в процессах становления личности и формирования представлений о мире народная педагогика придает фольклорным текстам, с которыми ребенок сталкивается в самые первые годы жизни. Материнский фольклор – колыбельные песни, пестушки, потешки и т.п. – в своей архетипичной прагматике направлен на формирование первичных пространственно-временных и ценностных ориентиров. Сложный, но жизненно необходимый комплекс знаний об устройстве мироздания и месте человека в нем частично сосредотачивается в масштабном концепте-архетипе русской культуры «Дом».

Семантическая структура концепта «Дом», представленного в тексте колыбельных, помогает младенцу на бессознательном уровне освоить окружающее пространство (пространство колыбели, комнаты,

дома, улицы, леса и т.д.) и даже осознать границы своего тела (тело воспринимается как «дом для души»). Огромное значение в восприятии пространственно-смысловых координат имеет понятие «край», включающее в себя семы 'контур' и 'граница'.

Выделение края как контура объекта определяет успешность формирования предметного восприятия. На этом строится способность личности ориентироваться в пространстве внешнего мира (Гра-новская, 1991: 202). Для ребенка – дискурсивно обусловленного адресата колыбельной песни – понятие «край» с психологической точки зрения является одной из самых ранних и прочувствованных характеристик пространства.

Автор монографии «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» М.В. Осорина пишет: «Как только познающий ребенок-наблюдатель становится способен выделять контуры, т.е. края отдельных вещей, из общего фона окружающего мира, его восприятие делается предметным. Он видит мир уже не как хаос невнятных движущихся и статичных пятен (что свойственно совсем крошечным детям), а как вместилище отдельных предметов, каждый из которых имеет свои очертания, границу, отделяющую его от фона всего остального» (Осорина, 2008: 20). Тексты материнского фольклора, вербально оформляя когнитивный образ края, помогают ребенку сформировать осмысленный образ не только окружающих предметов, но и собственного тела: *Потягушечки, / Порастушечки, / Вдоль да поперек / Толстушечки! / Ручки-хватушечки, / Ножки-ходушечки...* (Науменко, 1998: 153).

Телесный контакт при проговаривании подобных текстов является одним из условий постижения ребенком культурной программы освоения пространства телесного «Я», телесного «дома».

Понятие края в традиционной культуре реализуется на материале мифологического образа границы двух миров: реального и ирреального, безопасного и опасного, своего и чужого. При этом в материнском фольклоре обозначение края позволяет выстроить для младенца особую модель мироустройства, основанную на противопоставлении пространства дома ('защита') и пространства вне дома ('опасность'): *Баю-баюшки-баю, / Не ложися на краю: / Придет серенький волчок, / Он ухватит за бочок, / И потащит во лесок, / И положит под кусток* (БГЦНТ, 1999: 17).

Интересно отметить, что традиционные для фольклорной колыбельной песни образы животных также противопоставлены по принципу «жизнь в доме – жизнь вне дома». Система образов «помощников», призываемых согласно сюжету фольклорной колыбельной для успокоения младенца, представлена такими животными, как кот (*котичка, коток, котик, киса, кица*), голубь (*гули, гульки, гуленьки*) и др., а система образов «вредителей» включает следующие номинации животных: волк (*волчок*), собака (*собачка*). Функциональное распре-

деление осуществлялось, вероятно, также с опорой на знания о естественной жизни животных: манера поведения (*кот любит спать, волк – агрессивное и хищное животное*), звуковая характеристика (*собака громко лает, голубь тихо воркует*).

Доминирующую позицию среди образной системы колыбельной занимает образ кота. В украинской и белорусской традициях есть даже жанровое обозначение колыбельной песни через сюжет с котом – «Спивать кота» (Капица, 1928: 43). Дело в том, что в славянской фольклорно-языковой картине мира *кот* – магическое животное, связанное с потусторонним миром (*Кота убить – семь лет ни в чем удачи не видать* (Даль, 2011: 269)). Именно *кот* становится проводником в мир злых духов или в мир сновидений (состояние сна по древним поверьям приравнивалось к состоянию смерти) (Головин, 2000: 241). Более того, русский фольклор тесно связывает кошку с домовым: *кот* – помощник, «скотинка» домового, домовый – «хозяин», кошка – «хозяйка» (Даль, 2011: 271). Так краткий обзор культурно-семантического блока, заложенного в лексеме *кот*, дает основание говорить об особой смыслопорождающей роли языкового знака *кот* в семантическом поле концепта «Дом»

Из всего вышесказанного следует, что концепт «Дом», реализуемый в фольклорно-языковой традиции, эксплицируется не только в широко известных национальному этносознанию семантоконституентах, (*дом – ‘кров’, ‘убежище’; дом – ‘место жительства’; дом – ‘символ жизни семьи’; дом – ‘символ человеческой личности’; дом – ‘тело человека’*), но и включает в себя смыслы, порожденные наивно-мифологическим мировосприятием (*дом – ‘безопасное пространство’; дом – ‘граница, защищающая от угрозы ирреального мира, мира злых духов’*).

Литература

1. БГЦНТ: Ходит сон у окон: этнографический сб. / сост. и нотация Н. Моисеева; отв. за выпуск Т. Романенко. – Белгород: БГЦНТ, 1999. 27 с.
2. Головин, В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. – Турку: ÅboAkademiUniversityPress, 2000. 451 с.
3. Грановская, Р.М. Интуиция и искусственный интеллект / Р.М. Грановская, И.Я. Березная. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1991. 273 с.
4. Даль, В.И. Поверья, суеверья и предрассудки русского народа. – М.: Харвест, 2011. 608 с.
5. Капица, О.И. Детский фольклор. – Л.: Прибой, 1928. 114 с.
6. Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – СПб.: Питер, 2008. 304 с.
7. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
8. Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов / Г.М. Науменко. – М.: Российский союз любительских фольклорных ансамблей; Издательство Беловодье, 1998. 390 с.

Abstract. This article is devoted to the conceptual analysis of texts of folk lullabies. One of the key elements of the conceptsphere of mother folklore is the concept "House", considered by the author of the article as a representative of the national world

view. The study of the concept "House" in the aspect of naive-mythological thinking supplemented the semantic field of the concept with the meaning of 'safe space', the 'border' that encloses the real world from the surreal, world of evil spirits.

Keywords: folklore, lullaby, concept, mythological world view.

Чьонг Тху Кам Ми

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» ВО ВЬЕТНАМСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
1220353@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена отражению концепта «Любовь» во вьетнамском национальном сознании на материале народных лирических песен. Анализ лексических конститuentов изучаемого концепта позволяет выявить лингвокультурные особенности языковых единиц во вьетнамском языке.

Ключевые слова: концепт, любовь, эмоциональный концепт, лингвокультурная специфика, языковая картина мира, народные песни.

Взаимосвязь языка и культуры, мышления, мировоззрения его носителей находит отражение в концепте как в ментальном образовании. Концепт является междисциплинарным термином, поскольку данное понятие рассматривается как философское, так и лингвокультурологическое. Ученые по-разному дают определение концепта, так как «концепт – это понятие, погруженное в культуру» (Маслова, 2008: 110). Под этим термином Слышкин Г.Г. понимает «единицу, призванную связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» (Слышкин, 2000: 9). Концепт способен отражать сознание и мировидение человека средствами языка. В данной работе мы определяем концепт как совокупность языковых и культурных представлений, знаний, оценок и ассоциаций к тому или иному идеальному объекту.

Одним из ключевых концептов, имеющим большое значение для представителей вьетнамской лингвокультуры является концепт «любовь». Этот эмоциональный концепт дает возможность раскрыть внутреннее психическое состояние человека, так же сущность национального менталитета.

Концепт «любовь» получил яркое отражение в фольклорных текстах, в частности, в народных лирических песнях. Во Вьетнаме народные лирические песни принято называть «казао». Под термином «казао» понимаются короткие песенки, исполнявшиеся без музыкального сопровождения, состоящие чаще всего из восьми, шести, четырех, а очень часто – только из двух стихотворных строк. Они создавались в основном в крестьянской среде. «Казао», как и народные песни любых стран, – это яркая картина исторического прошлого Вьетнама, которая отражает характер народа, его душевную красоту,

доброту, отзывчивость, искренность, щедрость и т.п. В результате исследования мы нашли большое количество вьетнамских лирических песен, посвященных теме любви.

Само слово «любовь» (вьетн. «tình yêu») во вьетнамском языке в первую очередь определяет чувство глубокой привязанности и устремлённости к кому-либо, чему-либо, отношение двух лиц, взаимно связанных этим чувством. Она связана с межличностными отношениями и неподконтрольна человеку. В концепте "любовь" заложены разные смысловые планы:

- чувство, дающее счастье и желание;
- чувство, несущее страдание.

Эти два противоположных свойства любви отражает влияние данного чувства на человека. В первом случае любовь способна согреть мир, помогать преодолеть пространство и время, менять людей и делать их лучше. Рассмотрим пример вьетнамского «казао», в котором говорится об искренней любви:

*«Chiếc buồm nhỏ, ngọn gió hiu hiu.
Nay nước thủy triều, mai lại nước rươi...
Sông sâu, sóng cả, em ơi!
Chờ cho sóng lặng, Buồm xuôi, ta xuôi cùng.
Trót đã mang kiếp bèo bông,
Xuống ghềnh, lên thác, một lòng thương nhau.»*

Перевод:

*«Малый парус, маленький ветер ...
Сегодня прилив и отлив, а завтра будет буря...
Река глубока, волны высоки, любимая!
Дождемся, пока волны утихнут,
Парус надуется, и мы вместе поплывем,
Будем качаться на волнах,
Преодолевать быстрины и пороги,
Ведь любовь у нас одна на двоих» (Старикова, 2014: 4)*

В данной песне лодка фигурирует как символ любви и влюбленной пары, символизирующее, что искреннее чувство помогает влюбленным справляться со всеми трудностями на жизненном пути. Смысловый план «любовь – это счастье» здесь формируется на основе лексических единиц *em* (любимая), *cùng* (вместе), *một lòng* (одна на двоих), *thương* (любовь). Вьетнамский глагол *thương* не имеет эквивалента в русском языке, его значение можно передать с помощью нескольких слов – *сочувствовать, вибрировать, тревожить, беспокоиться и ждать*. В данном контексте для перевода глагола *thương* автор использовал существительное *любовь* и поменял конструкцию последней строки. Хотя исходное слово и его перевод на русский не полностью совпадают по значению, но в целом при условии перевода это можно воспринимать правильно.

Для выражения любви как чувства, несущего счастье в «казао», оказываются значимыми следующие лексические единицы:

1. Имена существительные, входящие в состав концепта «любовь»: *tình yêu* – любовь, влюблённость; *sự thu hút* – влечение; *niềm yêu thích* – увлечение; *sự rung động* – вибрация; *niềm đam mê* – страсть; *sự tôn thờ* – обожание; *niềm vui* – радость; *sự hài lòng* – восторг; *hạnh phúc* – счастье; *ưa thích* – сладострастие; *trung thành* – преданность; *mong muốn* – возжелание; *điểm yếu* – слабость; *sự chờ đợi* – ожидание; *sự ấm áp* – теплота; *chân thành* – искренность.

2. Глаголы, отражающие концепт «любовь»: *yêu* – любить, возлюбил; *thích* – нравиться; *ngưỡng mộ* – восхищаться; *sắm tắn* – влюбляться; *chiếm lĩnh* – заглядываться, любоваться; *viết ve* – ласкать; *chạm* – тащить; *á rí* – лелеять; *ôm* – обнимать; *hôn* – целовать, расцеловать; *tôn thờ* – обожать; *thú hút* – завлекать; *mê hoặc* – завораживать; *tán tỉnh* – заигрывать; *muốn* – хотеть; *dưỡng* – обольщать; *mê hoặc* – очаровывать, околдовывать; *quyến rũ* – пленять; *cúi mình* – поклоняться; *làm say mê* – привораживать; *viết ve* – приголубить; *thông cảm* – симпатизировать; *chăm sóc* – ухаживать; *đam mê* – увлекаться; *tôn trọng* – уважать.

3. Имена прилагательных, входящие в состав концепта «любовь»: *hạnh phúc* – счастливый; *thân yêu* – милый (-я), дорогой; *đông giản* – легкий; *ấm áp* – теплый; *duy nhất* – единственный *mơ mộng* – мечтательный; *vô tư* – беззаботный; *trầm tĩnh* – ласковый; *trong sạch* – чистый; *vô giá* – бесценный.

Для понимания концепта «любовь» в этом смысловом плане оказываются важным традиционно-поэтические образы-символы любви. Если в русских народных лирических песнях символом влюбленных выступают голубь с голубкой, гусь с лебедушкой, сокол с вишней, дуб с березой и т.д., то в «казао» самыми популярными метафорами любовной лирики считаются птица с розовым садом, бабочка с цветком, колодец и дождь, гора и ручей, слива и персик. Очень часто во вьетнамских лирических песнях мы встречаем образ лодки и причала, где лодка символизирует молодца, а причал – девушку.

*«Thuyền về có nhớ bến chăng
Bến thì một dạ khăng khăng đợi thuyền»*

Дословный перевод:

*Лодка, помнишь ли ты причал?
Ведь причал упорно лодку ждет.*

Как и в русском национальном сознании, так и в сознании носителей вьетнамского языка любовь – это чувство искреннее, основанное на честности и доверии, ее нельзя купить за деньги. С другой стороны для вьетнамского языкового сознания она связана с негативными эмоциями, со страданием и мукой (в первую очередь, от измены, разлуки). Причиной негативных эмоций являются сомнения, обман,

разочарование, измена и разлука. Любовь в этом случае связана и с душевной тоской и болью.

Приведем пример:

«Người ơi người ở đừng về
Người về em vẫn khóc thầm
Đôi bên vạt áo ướt đầm như mưa
Người ơi người ở đừng về
Người về em vẫn trông theo,
Trông nước nước nước chảy, trông bèo bèo trôi
Người ơi người ở đừng về
Người về em nhấn tái hồi
Yêu em xin chớ đứng ngồi với ai!»

Перевод:

Ой, милый мой, ко мне вернись!
Ты ушел, а я все плачу и плачу,
И слезы мои текут в два ручья, будто дождь.
Ой, милый мой, ко мне вернись!
Ты ушел, а я все смотрю и смотрю,
Смотрю на воду, вода течет; смотрю на ряску, ряска плавает.
Ой, милый мой, ко мне вернись!
Ты ушел, а тебя жду бесконечно.

Если меня еще любишь, не встречайся с другой!

Песня начинается с обращения к любимому «Ой, милый мой, ко мне вернись!» и с этим поэтическим повтором мы встречаемся три раза в небольшой песне, что способствует ее восприятию и запоминанию. В песне передаются переживания девушки, которая все время тоскует по ушедшему молодому человеку. Любовь здесь приносит неизбежное одиночество.

Любовь и связанная с ней грусть, боль и тоска подчеркиваются в разных вьетнамских любовных песнях ядерными лексемами: *đau đôn* – печаль, *tiếng gào* – крик, *lo lắng* – тревога, *cô đơn* – одиночество, *mất mát* – потери, *địa ngục* – ад, *bệnh tật* – болей, больной, *đau khổ* – страдание, *dẫn vạt* – мучиться, *thương tổn* – ранить, *bi đôn bã* – скорбный, *nặng nề* – тяжелый, *điên* – безумный, *khóc* – плакать, и т.д.

Большую роль в осмыслении любви как сложного чувства, несущего и счастье, и страдание в «казао» играют лексические антонимы: *hạnh phúc* – *đau khổ* (радость – горе), *thiên đàng* – *địa ngục* (рай – ад), *niêm tin* – *sự thay đổi* (верность – измена), *sáng* – *tối* (светлый – темный), *vui* – *bi đôn* (веселиться – грустить), *si cười* – *khóc* (смеяться – плакать), *cùng nhau* – *ngoài cuộc* (вместе – врозь), *ánh sáng* – *bóng tối* (свет – тень), *khởi đầu* – *kết thúc* (начало – конец) и т.п. Антонимы помогают передать богатство и неоднозначность состояний и переживаний лирических героев.

Пронализировав семантические признаки, входящие в состав концепта «любовь» в «казао», мы сделали вывод, что среди других

компонентов в концепте «любовь» (чувство привязанности к родине, к природе, к семье и дружбе), центральным местом считается «чувство между двумя лицами и их отношения». Во вьетнамском национальном сознании любовь определяет чувство, являющееся источником положительных эмоций (чувство счастья, защищенности, надежды) и одновременно несущее страдание, муку.

Изучение специфики культурных концептов в разных языках является актуальным, поскольку именно он способен выражать особенности сознания и мировосприятия определенного этноса, что помогает ознакомиться с культурой и обучить языку.

Литература

1. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М.: Academia, 2000. – С. 9.
2. Старикова Е. О. Художественный мир вьетнамской народной песни и влияние китайской традиции. Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2014. Вып.2.
3. Нгуен Ван Нгок. Пословица и казао Вьетнама. Изд. Хошиминь, 1992 – 662 с.
4. Вьетнамское устное народное творчество. Государственный педагогический институт г. Хошимина, 1985. С.3-45.

Abstract. This article is devoted to the concept of "love" in the Vietnamese consciousness as exemplified by folk songs of studied languages. The analysis of the lexical constituents of the concept under study allows us to identify the linguocultural features of linguistic units in Vietnamese.

Keywords: concept, love, emotional concept, linguo-cultural specificity, language world, folk songs.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В СЛОВЕ И ТЕКСТЕ

Алейник А.С.

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРОВ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
940078@bsu.edu.ru

Аннотация. Научный интерес к изучению южнорусских говоров, в частности белгородских диалектов, не ослабевает. Особое внимание при этом уделяется бытовой лексике, которая объединяет в себе результаты языкового и культурного осмысления бытия. В настоящее время накопился объемный диалектный материал, требующий описания и систематизации. В данной статье рассматриваются наименования предметов быта и кухонной утвари, функционирующие в белгородских говорах и отражающие культурную историю Белгородчины как языкового пограничья.

Ключевые слова: диалектизм, украинизм, лексико-тематическая группа, бытовая лексика, кухонная утварь, номинация, белгородские говоры, языковое пограничье.

В русском языке бытовая лексика занимает особое место: посредством анализа данной группы слов возможно проследить историю целых поколений. По этому поводу Л.А. Власова пишет, что бытовая лексика «ценна в том аспекте, что она дает возможность обратиться к наиболее древнему, изначальному лексическому пласту русского языка, обслуживающему жизненно важную сферу физического существования человека» (Власова, 2002: 15).

Как известно, хозяйственная домашняя утварь подразделяется на два кластера: наименования *кухонной* и *не кухонной* утвари.

I. К наименованиям **кухонной утвари** относятся ряд более частных подгрупп.

1. Названия посуды.

Бодня́ – сущ., -и, жен.р., нейтр. Деревянная посуда, в которой солят сало /Бодн'а// (с. Шмеховое, Чернянский р-н, 1999 г.); **водя́нка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Кадка для воды /Вад'анка// (с. Лубяное, Чернянский р-н, 1999 г.); **вы́варка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Большая кастрюля /Вы́варка// (Красненский район, с. Лесное Уколово, 1998 г.); **га́рчик** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Небольшая посуда, куда набирали зерно или муку /҃а́рчик// (Ровеньской район); **глэ́чик** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Глиняный кувшин для молока /҃лэ́чик// (Ровеньской район); **грахви́н** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Графин. /҃рахв'ин дара҃о ј// (Красненский район, с. Ураково, 2005 г.); **гырю́н** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Глиняный кувшин /҃ыр'у́н// (Ровеньской район); **дажда́** – сущ., -ы, жен.р., нейтр. Бочка. /Т'э сто у даждэ́// (Красненский район, с. Ураково, 2005 г.); **квашня́** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Деревянная посуда для закваси-

вания хлеба. /**Квашн'а**'// (Ровеньской район); **кры́нка** – суц., -и, жен.р. Посу́ да для хране́ ния смета́ ны /**Кры́нка**'// (с. Боровое, Новооскольский район); **ку́ хлик** – суц., -а, муж.р., нейтр. Кувшин для молока /**Ку́ хл'ик**'// (х. Высокий, Прохоровский район); **ла́ збень** – суц., -и, жен.р. Посу́ да для пригото́ вле ния пи́ щии /**Ла́ зб'ен'**'// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.); **лоха́нка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Деревянная посуда, предназначенная для воды /**Д'ар'ав'а́ наја лаха́нка**'// (Красненский район, с. Ураково, 2005 г.); **маки́тра** – суц., -ы, жен.р. 1. Сосуд для хранения масла, сметаны /**Мак'итра**'// (с. Боровое, Новооскольский район), 2. Глиняная посуда для приготовления или обработки в печи жидких и полужидких блюд, продуктов. (с. Городище и др. села, Старооскольский район), 3. Глиняная большая посуда для выпечки хлеба (с. Хорошилово, Старооскольский район); 3. Глиняная посуда для замешивания теста (х. Петровский, с. Обуховка, Старооскольский район), 4. Специальная посуда для приготовления кваса (с. Верхнечуфичево, Старооскольский район); **ману́ тырка** – суц., жен.р., -ы. Глиняная, на подобии кувшина кастрюлька /**Ман'и́ тырка**'// (с. Грущевка, Волоконовский район); **махо́тка** – суц., -и, жен.р. Блю́ до для пригото́ вле ния еды́ /**Махо́тка**'// (с. Боровое, Новооскольский район); **начо́вка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Железное корыто /**Начо́вка**'// (Прохоровский район); **черпа́к** – суц., -а́, муж.р., нейтр. Ковш /**Ч'ернако́м**'// (Красненский район, с. Лесное Уколово, 1998 г.); **по́мы ныца** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Посуда для помоев /**Памы́ ныца**'// (Ровеньской район); **черепу́шка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Емкость для хранения сметаны /**Ч'ер'епу́шка**'// (Красненский район, с. Камызино, 1999 г.); **пля́шка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Бутылка /**Пл'а́шка**'// (Ровеньской район); **цы́ба́рка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Ведро /**Ус'а́ цыба́рка по́ лнаја**'// (Красненский район, с. Лесное Уколово, 1998 г.); **шарни́ца** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Сковорода /**Шарн'и́ца гар'ач'а**'// (Красненский район, с. Лесное Уколово, 1998 г.).

2. Тематическая группа «Кухонные приборы».

Рога́ч – суц., -а, муж.р., нейтр. Ухват /**Рага́ч**'// (с. Николаевка, Новооскольский район); **весе́лка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Предмет, которым размешивают тесто в квашне /**В'ис'о́лка**'// (Борисовский райой); **дра́чка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Терка механическая. /**Дра́чка**'// (Ровеньской район); **колоту́шка** – суц., жен.р. -и. Скалка с одной ручкой /**Взбыва́ jem ма́ слыч'ка калату́шка**'// (с. Грущевка, Волоконовский район); **ка́нтир** – суц., -а, муж.р., нейтр. Домашние весы /**Ка́нт'ир**'// (Ровеньской район); **коче́ре́жка** – суц., -и, жен.р., экспр. Кочерга. /**Качир'о́жка**'// (с. Артельное, Шебекинский район); **мутóвка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Мешалка для размешивания теста /**Мут'вка**'// (с. Скородное, Губкинский район); **тырту́шка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Терка

/Тырту́шка// (Ровеньской район); **циды́лок** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Марля для процеживания молока /Цыды́лак// (Ровеньской район); **ча́пля** – суц., -и, жен.р. Прибо́р для вынима́ния сковоро́ды /Ча́пля// (с. Боровое, Новооскольский район); **се́чка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Специальное приспособление для рубки капусты. /Пада́ж с'э́чку// (Красненский район, с. Ураково, 2005 г.); **тырпу́г** – суц., -а, муж.р., нейтр. Предмет для заточки ножей, кос, тяпок /Тырпу́г// (Ровеньской район).

3. Наименования предметов гигиены.

Ви́нык – суц., -а, муж.р., нейтр. Веник /В'и́нык// (Ровеньской район); **ви́хоть** – суц., -и, жен.р., нейтр. Кухонная тряпка /Ч'и́сту́у в'и́хат' ваз'м'и́ /пасу́ду выт'р'и// (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.); **ганчи́рка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Тряпка /ґанчи́рка// (Ровеньской район); **зоо́лик** – суц., -а, муж.р., нейтр. Веник без листьев /ґо́лик// (Чернянский район); **насто́льник** – суц., -а, муж.р., нейтр. Скатерть. /Но́вы́ насто́л'н'ик куп'и́ла// (с. Киселевка, Новооскольский район); **посу́дник** – суц., -а, муж.р., нейтр. Полка для чистой посуды, находящаяся в кухне /Пасу́дн'ик// (с. Беломестное, Новооскольский район); **рушны́к** – суц., -а, муж.р., нейтр. Полотенце /Купы́ла но́вы́ рушны́к// (Корочанский район, х. Миндоловка, 1999 г.); **скабе́лка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Щетка /Скаб'е́лка// (Красненский район, с. Лесное Уколово, 1998 г.); **утира́льник** – суц., -а, муж.р., нейтр. Полотенце /Ут'ира́л'н'ик// (Корочанский район, с. Кощеево, 1999 г.).

II. Наименования предметов, не относящихся к кухонной утвари, подразделяются на следующие подгруппы.

1. Лексика, номинирующая предметы мебели.

Карва́ть – суц., -и, жен.р., нейтр. Кровать /Мы́но́ву́у карва́т' куп'и́л'и// (с. Киселевка, Новооскольский район); **колы́ска** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Детская колыбель. /Калы́ска// (Ровеньской район); **ла́ва** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Большая широкая скамейка /Ла́ва// (Ровеньской район); **лижа́нка** – суц., -и, жен.р. нейтр. Отдельно пристроенный к русской печи хорошо прогреваемый дымоход /Па́ду на́ лижа́нку паур'е́ју с'// (с. Киселевка, Новооскольский район); **осло́н** – суц., -а, муж.р., нейтр. Деревянная скамейка /Асло́н// (Ровеньской район); **поли́ца** – суц., -ы, жен.р., нейтр. Полка /На пал'и́це пасматр'и// (Красненский район, с. Лесное Уколово, 1998 г.); **поставе́ц** – суц., -а, муж.р. Место для крупных ку́хонных предме́тов /Пастав'е́ц// (с. Боровое, Новооскольский район); **посу́дник** – суц., -а, муж.р., нейтр. Шкаф с полками для посуды /Пасу́дн'ик// (с. Казачье, Прохоровский район); **пи́л** – суц., -а, муж.р., нейтр. Деревянная кровать /П'и́л// (Ровеньской район); **поста́вец** – суц., -а, муж.р., нейтр. Шкаф для посуды /Паста́в'е́ц// (Красненский район, с. Ка-

мызино, 1999 г.); **поцы́пка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Вешалка для одежды и предметов домашнего обихода /**Пацы́пка**// (Ровеньской район); **сти́л** – сущ., -а́, муж.р., нейтр. Стол /**Ст'и́л**// (с. Большетроица, Шебекевский район); **сту́лка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Стул /**Сту́лка**// (Ровеньской район); **скры́ня** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Сундук для белья /**Скры́ня**// (Ровеньской район).

2. Названия постельных принадлежностей.

Вареття́ – сущ., -и́, ср.р., нейтр. Покрывало /**Вар'етт'а́**// (Ровеньской район); **ва́тник** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Матрас /**Ва́тник**// (с. Великомихайловка, Новооскольский район); **дару́шка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Постельная принадлежность, сделанная из шерсти /**Ч'и стаја дару́шка**// (Красненский район, с. Ураково, 2005 г.); **ря́дины** – сущ., общ. р. Летнее одеяло из полыни и шерсти уток /**Р'ад'и́ны**// (с. Боровое, Новооскольский район); **ли́жнык** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Домотканное покрывало /**Ли́жнык**// (Ровеньской район); **ло́жник** – сущ., -а, муж.р. Одеяло из конопли́ и шерсти. /**Ло́жник**// (с. Боровое, Новооскольский район); **попо́на** – сущ., -ы, жен.р., нейтр. Простынь /**Папо́на**// (Борисовский район); **пыды́дяльник** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Пододеяльник /**Пыды́дяль'ник но́вь**// (Корочанский район, х. Миндоловка, 1999 г.).

3. Названия предметов для хранения и переноса вещей.

Гама́н – сущ., -а, муж.р. Мешок для табака /**ґама́н**// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.); **кашо́лка** – сущ., -и, жен.р., нейтр. Корзина /**Це лаја кашо́лка ґр'ибо ф'**// (Красненский район, с. Лесное Уколово, 1998 г.); **кото́мка** – сущ., -и, жен.р. Мешок, который носят за плечами /**Като́мка**// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.); **луко́шко** – сущ., -а, ср.р. Сплетенное из лоз, прутьев приспособление для переноски продуктов /**Луко́шко**// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.); **то́рба** – сущ., -ы., жен.р. Кожаная сумка для продуктов /**То́рба**// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.); **у́зел** – сущ., -а, муж.р. Кусок тка́ни, в кото́рый сло́жено что-ли́бо /**У́зел**// (с. Троженец, Новооскольский район, 1999 г.); **чува́л** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Мешок /**ґажо́льј ч'увал**// (Красненский район, с. Ураково, 2005 г.); **чула́н** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Небольшое помещение внутри дома для хранения предметов быта и продуктов /**Паклад'и у чула́н**// (с. Киселевка, Новооскольский район).

Статистический анализ данных групп показал, что 60% от общего количества диалектных слов домашнего обихода составили диалектные наименования кухонной утвари; лексика, не относящаяся к номинациям предметов кухонного обихода, составила 40%.

При этом в контексте этнолингвистического описания народных говоров и их происхождения является значимым, что 23% наименований домашней хозяйственной утвари в говорах Белгородчины, то

есть почти четверть, составляют украинизмы, например: *гама́н* – сущ., -а, муж.р. Мешок для табака /*ґама́н*/; *бодня́* – сущ., -и́, жен.р., нейтр. Деревянная посуда, в которой солят сало /*Бодн'а́*/; *ку́ хлик* – сущ., -а, муж.р., нейтр. Кувшин для молока /*Ку́ хл'ик*/; *маки́ тра* – сущ., -ы, жен.р. большая посуда для приготовления пищи, напоминающая чугунок /*Мак'и́ тра*/ и т.д., что свидетельствует о взаимодействии белгородских говоров с пограничными диалектами Украины и смешении разноязычной диалектной лексики в микросистемах белгородских говоров.

Литература

1. Власова, Л.А. Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 Орел, 2002. – 269 с.

Abstract. Scientific interest in the study of southern Russian dialects, in particular the Belgorod dialects, continues unabated. Special attention is paid to the household lexicon, which combines the results of the linguistic and cultural understanding of being. Currently, the accumulated volume of dialect material for the description and systematization. This article discusses the names of household items and kitchen utensils, functioning in Belgorod dialects and reflect the cultural history of Belgorod region as a linguistic Borderlands.

Keywords: dialecticism, ukrainianism, lexical-thematic group, household vocabulary, kitchen utensils, nomination, Belgorod dialects, the linguistic Borderlands.

Болдырева С.М.

РОЛЬ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. СЕМЕНОВОЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
sofkasov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается народно-поэтическая лексика в системе языковых средств, участвующих в создании индивидуально-авторской художественной картины мира М. Семеновой, яркой представительницы славянского фэнтези. В произведениях автора данная группа слов играет важную для формирования художественного образа роль и обеспечивает взаимосвязь с традиционной фольклорной картиной мира русского народа.

Ключевые слова: лингвокультурология, народно-поэтическая лексика, псевдофольклорная лексика, славянское фэнтези, окказионализм, фольклоризм, антропоним, теоним, историзм, архаизм.

Культурологическое видение текста как текстовой лингвокультуры может дать ответ на эти вопросы. При помощи лингвокультурологического анализа становится возможным выявление тех или иных свойств культуры, на которых основывается жизненный опыт читателя. Текст как явление лингвокультуры отражает все лингвокультуролобразующие функции в рамках одного текста, что придает ему статус фактора лингвокультурного развития (Болотнова, 2007: 156).

В процессе формирования художественного мира писателя именно выбор лексики определяет идейно-эстетическое содержание произведения. В произведениях Марии Семёновой как автора-представителя современного славянского фэнтези народно-поэтическая лексика является катализатором мифологических образов, находящихся глубоко в подсознании каждого человека. Мастерство автора в использовании народно-поэтической лексики заслуживает особого внимания исследователей этого явления.

В учебных пособиях по современному русскому языку народно-поэтическая лексика определяется как лексика, которая зафиксирована в фольклорных жанрах и является частью книжной лексики. Для народно-поэтической лексики характерна образность и яркость в описаниях. В ней имеются и средства художественной изобразительности – метафоры, эпитеты, и стилистические фигуры – инверсия, умолчание, риторические вопросы и восклицания и т.д. Народно-поэтическая лексика призвана воздействовать воображение читателя или слушателя.

В нашей работе *народно-поэтическая лексика* понимается широко – как лексика, которая зафиксировалась в фольклорных жанрах или создана художником слова по её образцу (псевдофольклорные элементы), а также элементы бытовой разговорной речи (просторечные слова) и устаревшие лексемы, употребляющиеся прежде всего в устной речи персонажей и формирующие в комплексе особый языковой аромат литературной стилизации, какой является славянское фэнтези.

Народно-поэтическая лексика призвана воздействовать воображение читателя или слушателя, помещая его в изображаемую картину мира. Так, М. Семенова неоднократно использует орнитонимы, характерные народно-песенной традиции: *сокол, орел, голубка, лебедь* и т.д., например: «*Что ж ты, батюшка **орёл**...*» (Семёнова, 2007: 484); «*...краса, привыкшая к почтению и любви, выступала **белой лебедью**...*» (Семёнова, 2007: 27); «*А он будет сильный и большой, **орёл** против меня, **птенчика желторотого**. Что ж не быть **птенчиком** у такого-то под крылом*» (Семёнова, 2014: 12).

В произведениях автора используются и типичные для фольклора формулы, например: *красна девица, девица-краса, добрый молодец, стать молодецкая, лебедушка, трава-мурава*. Неоднократно встречается формула обращения *гой еси*: «***Гой еси, государыня***» (Семёнова, 2007: 195).

Всё это позволяет автору создавать своеобразную «реконструкцию» исторической действительности. Устное поэтическое творчество народа, элементы которого активно использует автор, включает в себя различные жанры словесного творчества: это обрядовые, исторические и лирические песни, частушки, причитания, сказки, предания, легенды, пословицы, загадки, былины и т.д.

Используются и характерные фольклорным произведениям приемы. Так в романах М. Семёновой частотны олицетворения (**86** еди-

ниц), только в романе «Валькирия» олицетворение леса и земли наблюдается более 20 раз, воды и воздуха – более 10 раз.

Элементы, заимствованные из фольклора, выступают в роли оценочных слов, которые характерны для устно-поэтической традиции и экспрессивно окрашенной речи. В частности, эту функцию выполняют диминутивы, составившие **50 единиц** (*соколик, лебедушка, хлебушко* и т.д.), из них 27 лексем – с суффиксами *-онк/оньк-* и *-еньк/енк-*; 15 слов – с суффиксами *-ушк/юшк/ьшк/ишк-*, 4 слова – с суффиксом *-ек*.

В целом фольклорные элементы выполняют текстообразующую роль и создают неповторимый идиостиль автора. Кроме того, данные элементы выполняют функции традиционных символов (*сокол, орел, лебедь* и т.п. – всего **около 40 единиц**, при этом только в одном из романов («Волкодав») слово *сокол* употребляется в символическом значении *32 раза*, а лексема *орел* – *7 раз*, что говорит о значимости данных символов в контексте произведений автора). Элементы, заимствованные из фольклора, выступают в роли оценочных слов, которые характерны для устно-поэтической традиции и экспрессивно окрашенной речи. Кроме того, идиостиль М. Семеновой отличает стилизованный под «сказ» язык национального героя, помещенного в универсальное мифологическое пространство.

В романах М. Семеновой используются характерные фольклору антропонимы, употребляется старая антропонимика; автор использует, помимо реально существовавшей древнерусской (*Ждан, Желан, Славомир, Ярун, Велета* и др.), условную антропонимику. Искусственно созданные автором имена мы называем *псевдофольклорными*, так как при всей своей искусственности они построены по образцу фольклорных антропонимов. Их употребление в одном ряду с реально существовавшими именами снимает с авторских номинаций налет искусственности: *Зима Желановна, Мстивой Ломанный*. Иногда трудно ответить на вопрос, где перед нами реально существовавшее имя, а где – плод фантазии автора. Но в целом они призваны создать исторический колорит произведений.

Нами установлено, что в романе «Тот, кого я всегда жду» из общего количества антропонимов (**42 имени**) славянские имена (древние языческие: *Ждан, Желан* т.п., а также псевдофольклорные, построенные автором по образцу фольклорных имен: *Нежата* и др.) составили **33 единицы**, а иноязычные – **9 номинант**. Помимо этого, нами зафиксированы **9 славянских теонимов**: *Даждьбог, Рожаницы, Волос (Велес), Перун, Ярило, Макошь, Морана, Род, Сварог (Стрибог)*. Таким образом, антропонимика в произведениях М. Семеновой играет сюжетобразующую роль и составляет значимую часть художественной картины мира автора в целом.

Авторские окказионализмы также органично входят в «фольклорное» пространство текста. В своих романах М. Семёнова создает

условный мир древней дохристианской Руси. Используя в качестве корней для вновь создаваемых слов устаревшую лексику, автор производит новые слова на основе продуктивных моделей и при помощи морфем, уже известных языку. Чаще всего используется приставочно-суффиксальный способ, а также приставочный и суффиксальный – в отдельности: «Теперь, верно, даст нам *Соболекполесовничать*» (Семёнова, 2014: 53); «Посиделки у тебя здесь устроить вздумали, *беседы досветные*» (Семёнова, 2007: 185); «Облака *сметанились*, их края теряли чёткость и понемногу смыкались» (Семёнова, 2014: 7). Авторское новообразование *Мать-вода* построено по типу устойчивого традиционного образования *мать-земля*, в результате вода предстаёт перед читателем как архетипическое начало, определяющее отношение людей к стихии воды как к источнику жизни, породившему человека и всё сущее на земле.

Авторские окказионализмы создаются по продуктивным моделям и потому воспринимаются не как элементы художественного стиля, но как разговорные вкрапления. К примеру, жену кузнеца автор устами одного из героев называет *кузнечихой*: «Войдя в жильё, я сложила самого крупного гуся перед *кузнечихой*» (Семёнова, 2014: 37). Данное новообразование заменяет словосочетание *жена кузнеца* и образуется при помощи суффикса *-их-*, имеющего значение «самка животного» (*зайчиха* и т.п.), что призвано создать комический эффект.

Следует отметить, что словотворчество не является самоцелью для М. Семёновой, поэтому лексических новообразований в исследуемых текстах не так много: в двух романах – «Волкодав» и «Валькирия» – мы насчитали **29 окказиональных образований**. Структурно и семантически авторские окказионализмы наиболее приближены к фольклорно-языковой картине мира.

В произведениях М. Семеновой описываются быт, обычаи и нравы древних и средневековых славян и их ближайших соседей. Это обуславливает привлечение автором значительного количества устаревшей лексики. В одном только романе «Валькирия» мы насчитали около **120 устаревших слов**, из них **50** – составили **историзмы** (*кмети, гридни, воевода, бояре* и др.) и почти **70** – **архаизмы**, например: «у самой разума *недостанет* – *стрыя-батюшку* призовут, чтобы сломал. ...» (Семёнова, 2014: 45), где *стрый* – дяди по отцу или матери. При этом историзмы употребляются чаще, нежели архаизмы: средняя частотность употребления конкретного архаизма в романе – 1-2, а историзма – 8-10 раз. Такие историзмы, как *гридница, гридни*, употребляются в тексте данного романа больше 30 раз.

В романах М. Семеновой показана жизнь людей в их постоянном общении между собой, с природой и т.п. По этой причине в текстах много диалогов, монологов, то есть разговорной стихии автор отводит значительное место. И это отражается на выборе лексических средств.

Нами насчитано **более 400** просторечных, разговорных и диалектных слов, выражений, функционирующих в произведениях писательницы, например: «*Я стала **смежать** и сама испугалась, поняв: шутки шутками, а ведь одна ринула здоровенных парней бросить с силой*» (Семёнова, 2014: 11).

Диалектологи нередко полагают ошибкой, когда исследователи художественных средств языка принимают за отличительные черты фольклорных произведений явления, которые широко распространены не только в устно-поэтических текстах, но и в разговорной речи. В то же время следует заметить, что язык устного народного творчества и диалектный язык, а также – частично – и просторечие – неразрывны в своем едином устном бытовании, переплетении и взаимопроникновении элементов. В славянском фольклоре морфология народной песни, безусловно, существенно отличается от морфологии диалекта в его коммуникативной функции, но язык фольклора активно пользуется богатствами бытовой народной устной речи в своих прозаических жанрах. В частности, говоря о роли уменьшительно-ласкательных слов как специфических единиц славянского фольклора, следует равным образом указать, что диминутивы свойственны и бытовой разговорной народной речи, откуда они и вливаются в фольклорный язык.

Отметим, что фэнтези – жанр весьма яркий и обладающий значительным количеством почитателей среди современной молодежи, он с легкостью адаптируется, присваивается и интерпретируется поклонниками потому, что близок к "первородной" структуре мифа. Не стоит забывать, что фэнтези рассчитано, в основном, на молодого читателя. Отсюда и совершенный герой, и военные сцены, и путешествия, и колдовство – то, что на заре человечества было общим достоянием, а сейчас помогает юному читателю удовлетворить жажду испытать «ужасные опасности и страшные приключения» и, вероятно, пройдя «мифологическую стадию развития», пройти своеобразную инициацию, гармонизировать свои отношения с реальным миром.

Не удивительно, что именно произведения Марии Семенович снискали необычайную популярность. М. Семенова предлагает нам условную древнерусскую этнографию, стилизованный под «сказ» язык и совершенного героя. И не случайно в основе её произведений оказывается поэтический и народно-поэтический стили. Поэтический стиль отчасти смыкается с высоким (торжественным), но содержит и менее «патетические» слова и обороты (*тишь, синь, даль, лучистый, пламенеть, озарить, реять*), а также включает в том или ином количестве разговорные элементы, порой даже бытовые и сниженные, которые придают речи естественность и простоту или приносят ироническую окраску. Заметим, что в современной прозе и поэзии нередко наблюдается нарочитое столкновение элементов разных языковых стилей или стремление практически полностью отказаться от использования «поэ-

тических» слов, которые в той или иной мере воспринимаются как «избитые» и «затасканные» или искусственные, манерные.

Напротив, весьма устойчив и традиционен состав народно-поэтического фонда, что находит продолжение в произведениях фэнтези: *добрый молодец, красна девица, белы ручки, тоска-кручина, горе-горемычное, леса дремучие, мать – сыра земля, буйная головушка, пригорюниться* и т. п.

Общеизвестно, что национальная самобытность народа, действительность, его окружающая, в том числе и природа, отражаются в национальном сознании, объективируясь в языке. У людей, говорящих на различных языках, имеют место разные способы концептуализации, категоризации, классификации, структурирования и описания объектов, их свойств и отношений.

Способ представления, членения и номинирования действительности национально специфичен в силу различных факторов: экологических, социальных, культурно-исторических и этнопсихологических. И все эти факторы спецификации языка в полной мере отражаются в корпусе народно-поэтической лексики, лежащей в основе фольклорной картины мира и проникающей в картины мира художников слова.

Заметим, что в последние годы в различных науках, таких, как философия, культурология, лингвистика, лингвокультурология, наметилась тенденция к более глубокому исследованию человека: его природы, внешности, внутреннего мира, менталитета и т.д. Причем крепнет убежденность в том, что путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки. Именно благодаря «естественному» языку героев произведений славянского фольклора мы узнаем больше о человеке. Для них, как и для нас, язык – не просто средство коммуникации, передачи и выражения мысли: в их языке оформляется концептуальный образ мира. И герой понимается нами как его носитель.

В ходе анализа текстов произведений М.А. Семёновой мы установили, что народно-поэтическая лексика, а также устаревшие слова, просторечная лексика, фольклорные и псевдофольклорные антропонимы и т.д. играют важную роль в создании художественной языковой картины мира писательницы. Указанная лексика выполняет роль проводника в реализации замысла писательницы при создании миров её вселенной.

Таким образом, индивидуально-авторская языковая картина мира отражает определенный способ концептуализации созданного на реальной основе мира фэнтези. Формулируемые в нем смыслы складываются в некую единую систему взглядов, особую коллективную философию, которая становится естественным укладом жизни для каждого из членов этого сообщества. И репрезентацией этой особой философии становится язык персонажей. При этом данный язык

несет на себе печать этнокультуры, он национально специфичен. Важно, что созданные автором носители этого языка видят мир через призму своего восприятия, детерминированного этнокультурой. И за всем этим стоит целенаправленный кропотливый труд писателя, во-бравшего истоки народной культуры.

Литература

1. Богатова, Г. А. Историко-культурный аспект лексико-грамматического описания русского языка и проблемы менталитета // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. С. 22-23.
2. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.
3. Семёнова, М.А. Валькирия. – СПб: АЗБУКА, 2014. 382 с.
4. Семёнова, М.А. Волкодав. – СПб: АЗБУКА, 2007. 640 с.

Abstract. The article discusses people's poetic lexicon in system of language means participating in the creation of individual author's artistic picture of the world M. Semenova, bright representatives of the Slavic fantasy. In the works of the author of this group of words plays an important for the formation of the artistic image of the role and provides a link to traditional folk worldview of the Russian people.

Keywords: cultural linguistics, folk poetry vocabulary, pseudoallergy vocabulary, Slavic fantasy, occasionalism, folklorism, anthroponym, teonim, historicism, anachronism.

Бондарчук Т. А.

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ ДОНБАССА В РОМАНЕ Б.Л.ГОРБАТОВА

ДНР, г. Донецк, Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
tanya04bond@gmail.com

Аннотация. В статье производится анализ лингвокультурем «дело» и «уголь» в романе Б. Горбатова «Донбасс» с точки зрения их включенности в региональную языковую картину мира, представленную в данном произведении. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что рассмотренные лингвокультуремы являются базовыми конструктами гиперонимической лингвокультуремы «шахта», трактуемой как «дело, связанное с углем», и в силу этого определяют содержания и культурные смыслы, формирующие данный концепт в структуре романа Б. Горбатова.

Ключевые слова: региональная языковая картина мира, лингвокультура, гиперонимическая лингвокультура, гипонимическая культура.

Как утверждает В. А. Маслова, «Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» (Маслова, 2001: 208).

Языковая картина мира является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Впервые мысль об особом языковом мировидении высказал В. фон Гумбольдт. Появление в лингвистике понятия языковая картина мира (далее – ЯКМ) связано с

практикой составления идеографических словарей и с возникшими в связи этим проблемами структуры и содержания лексико-семантических полей, отношений между ними, с тем, что новый, антропоцентрический подход к языку «требовал разработки новых исследовательских методов и расширения метаязыка науки» (Карданова, 2010: 63).

По мнению Л. А. Климковой, «ЯКМ, являясь инвариантом, представляет собой систему фрагментов (частных ЯКМ) – этнического, территориального (регионального), социального, индивидуального, отражая восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определенной территории (региона), социума, как личностью» (Климкова, 2008: 65). В свою очередь этническая ЯКМ также включает в себя частные фрагменты: региональные ЯКМ в составе национальной ЯКМ и диалектные ЯКМ с региональными ЯКМ в ее составе.

Региональная языковая картина мира (далее РЯКМ) определяется спецификой языковой ситуации, которая представляет синтез функционирования вариантов языков, языковых систем, наличием в них существующих (действующих) идиолектов, наречий, говоров, диалектов, а также территориальных и национальных аспектов языка (7).

Актуальность исследования текста романа, описывающего жизнь донецких шахтеров, обусловлена интересом лингвистов к проблеме многоаспектного изучения языка города, донецкого региолекта, особенностями регионального менталитета.

Цель предложенной статьи: на основе анализа художественного текста Б. Л. Горбатова «Донбасс» рассмотреть лингвокультуры «дело» и «уголь», определить их связь с лингвокультурой «шахта» и показать включенность данных лингвокультур в региональную языковую картину мира Донбасса.

Лингвокультура – это единица описания взаимосвязи языка и культуры. Воробьев В. В. определяет ее как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» (Воробьев, 2006: 44).

Художественный текст романа «Донбасс» Б. Л. Горбатова (на наш взгляд, является ярким примером текста, в котором воплощается РЯКМ Донецкого региона. В произведении представлены наиболее значимые ценности, характеризующие тип культуры данного социума, и изобразительные возможности лингвокультур в РЯКМ.

Лексическое значение слова «дело» трактуется в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова таким образом: «Работа, занятие, деятельность, событие, обстоятельство, факт, положение вещей, то, что непосредственно, близко касается кого-либо, чего-либо, входит в чье-либо ведение, задачи» (11).

В тексте романа «Донбасс» «дело» представлено лексемами, словосочетаниями и фразеологизмами: *великое дело, горное дело, курс дела, дело рук, святое дело, не шуточное дело* и т.п.

Значение словосочетания «великое дело» понимаем как: хорошее, большое, важное дело. «Он сказал это ровным, обыкновенным голосом, сам не подозревая, какая взрывчатая сила была в этих простых словах, какое новое, великое дело они зачинали» (Горбатов, 1981: 220).

«Курс дела» указывает направление, какой-либо деятельности, установка на какую-либо цель (8): «У этих цепких ребят была счастливая способность сразу схватывать все: и детали и суть. Они как-то сразу входили в курс дела» (Горбатов, 1981: 52).

Функционирование и развитие производственных процессов в шахте основаны на изучении горного дела как науки. Одним из примеров связи горного дела с шахтой может служить роман Б. Горбатова «Донбасс». Горное дело – практическая деятельность человека, связанная с добычей из недр Земли твердых полезных ископаемых, таких, как уголь (9).

«Верный своей привычке до всего доискиваться самому, он притащил к себе домой ворох книг, все, что нашел на шахте по горному делу: учебники, справочники, монографии, курсы лекций, и стал искать в них ответ» (Горбатов, 1981: 272).

В художественном тексте использованы глаголы «сделать», «делать», которые также входят в поле лингвокультуры «дело» и занимают особое место в нашем исследовании и в РЯКМ.

Сделать – выполнить какую-либо работу, совершить что-либо (6) «...начальники участков, их помощники и десятники "наряжают" очередную смену: выясняют, сколько людей вышло в упряжку, кто едет в шахту, где и кому работать, что, как и сколько сделать» (Горбатов, 1981: 254).

Делать – действовать, проявлять деятельность, заниматься, быть занятым чем-либо (6): «...вы, мол, шахтеры, черная кость, уголь рубайте, а я, старый инженер, белая косточка, буду вами руководить, и свою политику на шахте делать, какую захочу» (Горбатов, 1981: 188). Семантическое значение лексемы «дело» включает в себя следующее: семема «дело» – это круг знаний, профессия, мастерство (6). «Больше на шахте делать было нечего» (Горбатов, 1981: 28).

Также «дело» трактуется как: какой-либо вид деятельности, направленный на достижение, осуществление чего-либо (6). «Андрей тоже скоро кончит урок, и тогда уж им обоим нечего будет делать в лаве. Придется ехать на-гора». Устойчивое сочетание «уголь рубать» трактуется в значении выполнять дело шахтерского труда, а «ехать на уголь» – значит ехать в Донбасс. «Многие удивились, когда узнали, что он сам вызвался ехать на уголь» (Горбатов, 1981: 64). В тексте романа передается эмоциональное состояние шахтеров: гордость за свой труд, вдохновение на лучший результат: «А просто пожелаю не успокаиваться на достигнутом, а давать родине побольше донецкого уголька!» (Горбатов, 1981: 264).

Образно-переносное значение лингвокультуремы «уголь» представлено в романе словосочетаниями: «угольные сугробы» (огромные кучи угля), «угольные реки» (поток угля по конвейеру сравнивается с потоком воды в реке). Фразеологизм «святое дело» трактуем как дело чрезвычайно благородное, почётное, важное: «уголек – не чернила. Чернилами я действительно мазаться не люблю. А уголек – святое дело!» (Горбатов, 1981: 258). Труд шахтера опасный и экстремальный, поэтому результат труда (уголек) дело великое, значимое, возвышенное (святое дело): «Зато даст этот уголь тепло и свет людям» (Горбатов, 1981: 326).

В художественном тексте Б. Горбатова «Донбасс» используются гиперонимические и гипонимические культуремы. **Гипонимическая культурема** – двусторонняя единица, выражающая частную сущность по отношению к другому, более общему понятию (10). Концепт «шахта» как «горнопромышленное предприятие по добыче полезного ископаемого при помощи подземных горных выработок» (11) носит гиперонимический характер, объединяющий гипонимические семы «дело» и «уголь».

Парадигматика лингвокультурологических единиц, их системные связи представлены гипонимическими («шахта» – угольная, соляная, алмазная, золоторудная); синонимическими (копь, выработка, карьер, ствол, штольня). Кроме того, в парадигматический ряд названий реальных войдет наименования составных частей и принадлежностей шахты: лава, штрек, уголь, забой, вагонетка. Все эти наименования образуют парадигматический ряд поля. Функциональные связи представлены синтагматическими отношениями единицы с классами других единиц, так или иначе связанных в тестах с данной единицей (Воробьев, 2006: 42): донецкие шахты – «в былое время много беглых каторжников спасалось на донецких шахтах» (Горбатов, 1981: 368); соседние шахты – «на соседних шахтах он не объявился» (Горбатов, 1981: 374); второй дом – «и шахта никогда не была для нее черной каторгой, а всегда вторым домом» (Горбатов, 1981: 214).

При трактовке лингвокультуремы «шахта» как дело, связанное с углем, ярче определяется содержание и культурный смысл, формирующий данное понятие в структуре романа Б. Горбатова. Анализируя лингвокультуремы «дело» и «уголь» с точки зрения их включенности в РЯКМ, представленную в данном произведении, находим, что рассмотренные лингвокультуремы являются базовыми конструктами гиперонимической лингвокультуремы «шахта» и в силу этого определяют содержание и культурный смысл, формирующий данный концепт в структуре романа Б. Горбатова.

Литература

1. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. – М., РУДН, 2006. 330 с.
2. Горбатов, Б. Л. Донбасс: роман. – Донецк, Донбасс, 1981. 400 с.
3. Карданова, К. С. Языковая картина мира: мифы и реальность. – 2010. –

4. Климкова, Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дисс. – М., 2008. 65 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология. – М., Академия, 2001. 208 с.
6. classes.ru/all-russian/dictionary-russian-paradigm-term-14940.htm.
7. <http://study-english.info/article053.php>.
8. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/244631.
9. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/5969.
10. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1464803>.
11. <https://slovar.cc/rus/tolk.html>.

Abstract. The article is an analysis of the linguocultural units "business" and "coal" in the novel by B. Gorbатов "Donbass" from the point of view of their inclusion in a regional language picture of the world presented in this work. The results of the study indicate that the considered linguocultural units are the basic constructs of giperonimical linguocultural unit "mine" treated as a business involving the coal, and thus determine the content and cultural meanings that form this concept in the structure of the novel by B. Gorbатов.

Keywords: regional picture of the world, linguocultural unit, giperonimical linguocultural unit, hyponymical unit.

Ивона Борыс
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ
ПОКЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (СЕМАНТИКА)

Польша, г. Ольштын, Варминско-Мазурский университет,
Институт восточного славяноведения
paroles1@wp.pl

Аннотация. Целью настоящей статьи является проведение наблюдений процесса семантической адаптации как основного этапа формирования русской и польской покерной терминологии, происходящей из английского языка. В исследовательском материале выделены четыре основные тематические группы и несколько подгрупп. Выявлено, что основной терминологический ресурс покерной терминологии был полностью заимствован из английского языка, причем отмечено явление формирования параллельных, более разговорных версий.

Ключевые слова: англицизм; заимствование; покер; семантическая адаптация; терминология; терминообразование.

Термин «логическая игра» получил широкое распространение в языке науки, стал общим для таких областей знаний, как, например, математика, экономия, биология, психология, философия, языкознание (Wittgenstein 1972:47) и др. Особой популярностью пользуются игры в обучении и воспитании детей и молодежи, в частности, в лингводидактике. Игры стали одним из основных элементов занятий практически на всех этапах обучения, так как они совмещают в себе элементы развлечения, усвоения материала и соперничества, позволяют приобрести опыт в области преодоления трудностей и поиска логически обоснованных способов решения проблем. Теоретики обучения придерживаются мнения, что игры способствуют развитию речи и мышле-

ния, наблюдательности, скорости реагирования, логического сопоставления информации, аналитического критицизма, способности работы в группе, чувства ответственности (Wiśniewska, 2011).

Участники, пользователи и любители игры, как и в случае других видов профессиональной и/или общественной деятельности, образуют особое коммуникативное сообщество, одним из признаков которого является общение с помощью высокоспециализированного субъязыка. Как и в случае других субъязыков-профессиолектов, характерной чертой языков логических игр является наличие узкоспециальных терминологических ресурсов, практически почти полностью изолированных из общелитературного слоя языка – в еще более высокой степени, чем, например, медицинская, техническая или юридическая терминология (Lukszyn, 2005: 40). В свою очередь, в отличие от вышеназванных областей человеческой деятельности, игры относятся к исключительно узкому кругу пользователей, а связанная с ними лексика намного реже проникает в другие слои языка (следует заметить, однако, что терминология из области компьютерных игр заимствуется молодежным сленгом, и через его посредство, а также благодаря Интернету, все активнее входит в общеупотребительную лексику). Тем не менее, мы позволим себе полемизировать с классификацией, предлагаемой Станиславом Гайдой (Gajda, 1990: 39-40), который выделяет следующие группы терминов: научно-технические, ремесленнические, народные, общественно-политические, административные, культурные (в том числе религиозные), из области искусства и бытовые (связанные с различными сферами личной жизни, как, например, из области кулинарий или карточных игр). С. Гайда однозначно включает карточную терминологию, значит, и терминологии игр как таковые, в бытовую сферу человеческой деятельности, в то время как игры могут относиться также и к научной или спортивной человеческой деятельности, а относящаяся к ним терминология – к соответствующим терминологическим ресурсам.

Одной из «новейших» среди логических игр, и, одновременно, известной уже не одно столетие и пользующейся популярностью во всем мире, является покер. На протяжении веков покер считался азартной, полуправильной игрой, и не оказался в кругу внимания научных исследований. Ситуация резко изменилась в конце XX века, когда покер стали относить к числу интеллектуальных, логических игр. В 1994 году Джон Нэш, вместе с Райнхардом Зельтенем и Джоном Харсаньи, были удостоены Нобелевской премии по экономике за Анализ равновесия в теории некооперативных игр. В том же году была выпущена книга Давида Скланского Теория покера (Theory of Poker), первая из целого ряда теоретических работ, посвященных этой игре. В 2007 году семь государств, в том числе Россия, основали в Лозанне Международную федерацию покера, входящую в состав Международной ассоциации интеллектуального спорта. Регулярно организуются спортивные соревнования по

спортивному покеру World Series of Poker, которые можно смотреть на телеканале Eurosport . В Польше существует Польский союз покера и Польская федерация спортивного покера (который с 2016 года не считается азартной игрой), в России – Федерация спортивного покера России (ФСПр).

Хотя международным языком покера считается английский язык, то в каждой стране покер и круги его любителей имеют свой особый субъязык, жаргон, отличающийся высокой степенью изолированности и почти совершенно непонятный тем, кто не имеет никакого отношения к покеру (www.pokertexas.pl, доступ: 23.05.2009). В силу своей специфики лексические элементы данного жаргона выполняют все условия, которым должны отвечать лексические ресурсы специального языка: понятийности (максимальное соответствие значения термина содержанию данного специального понятия), системности (значение и форма термина должны размещать его в определенном месте терминосистемы, и, тем самым, относиться к определенному звену системы понятий), оперативности (семантические и формальные свойства термина должны облегчать пользование им) и соответствия общезыковым нормам (Gajda, 1990: 38).

Лексические ресурсы покерной терминологии образуют сами игроки, покерные крупье и организаторы покерных соревнований. Покерная лексика, как и все терминологии из области игр, систематизировалась в ходе унификации самой игры, образуя компактный, герметичный и весьма стабильный терминоресурс.

Терминология покера попала из английского языка в заимствующие языки в полном объеме, с «готовой» семантической окраской. Как в польском, так и в русском языке она полностью прошла этап фонетической адаптации, реже подвергаясь морфологического и словообразовательного усвоения. Что касается графической адаптации в русском языке, то в большинстве случаев существует двойная версия написания: подлинная, английская, и русская (кириллицей). Однако в заимствующих языках (в том числе польском и русском) спонтанно образуется параллельная, неофициальная терминология, не обладающая официальным статусом и употребляемая в покерной разговорной речи. Можно предполагать, что именно эта терминология будет постепенно проникать в более широком объеме в другие слои языка, чему способствует рост интереса к спортивному покеру. Однако данному явлению может в значительной степени препятствовать рост значения положительного гетеростереотипа восприятия англоязычной культуры и образа жизни в Польше и в России конца XX – начала XXI века. Эту тенденцию подтверждает В.Г. Костомаров: «очень многие люди настроены сейчас не на возмущенно-безапелляционное отвержение иностранщины, а на ее принятие, пусть и не всегда безоговорочное. И в речи американизмы вызывают, скорее, добродушное посмеивание, нежели непримиримое осуждение (Костомаров, 1994: 104)».

Настоящие исследования были проведены на материале 101 польских и 67 русских покерных терминов. Они происходят из словарей, размещенных на польских и русских веб-сайтах, посвященных покеру:

- *Pokerowy słownik*, www.pokertexas.pl
- *Словарь покера*, www.pokerland.ru

В процессе отбора исследовательского материала не учитывалась международная англоязычная терминология, не прошедшая ассимиляцию.

Следует подчеркнуть, что как в польских, так и в русских источниках существуют многочисленные неофициальные словари покерной терминологии, но нет официального, утвержденного покерными организациями источника. Тем не менее, вышеуказанные словари были выбраны для исследования в силу того, что они размещены на веб-сайтах, пользующихся популярностью и признанием среди специалистов по спортивному покеру. В процессе отбора материала мы учитывали также мнение эксперта – Катажыны Бадурек, профессиональной покерной турнирной крупье ЕРТ международного уровня, инструктора на организованных Польским союзом покера обучениях для крупье спортивного покера Texas Hold'em и Omaha, русиста по образованию.

Покерная терминология подразделяется на следующие семантические группы:

А. Терминология, связанная с поведением игрока за покерным столом:

1. Терминология, относящаяся к динамической, агрессивной игре, напр.: *akcja, all-in, check-raise, dołożenie się do puli, licytacja, podbijać, rozgrywanie rozdania* и др.; *алл-ин – ва-банк, бет, купить банк, открывать беттинг, поставить ставку, рейз, сделать рейз, чек-рейз* и др. (12 польских и 12 русских терминов);

2. Терминология, относящаяся к пассивной статической игре: *czekanie, sprawdzenie, sprawdzać, pasywny gracz*; *чек, сделать чек, пассивный игрок* (4 польские и 3 русские термины);

В. Терминология, относящаяся к картам:

1. Терминология, определяющая карты, общие на столе, напр.: *as, czwórka, dwie pary, dwójka, flop, ful, karo, kolor (flush), król, najwyższa karta, offsuit, ósemka, parastrit, set – trójka, układ kart* и др.; *хорошая комбинация, бесплатная карта, борд, дама, достоинство, двусторонний стрит, карты соседствующего достоинства, кварта, общие карты, слабая рука, стрит, тёрн, триплет, флеш* и др. (41 польских и 34 русских термина);

2. Терминология, определяющая стоимость игровых карт, напр.: *as, dwójka, dziewiątka, walet, dama, król* и др.; *валет, восьмерка, дама, девятка* (13 польских и 4 русских термина);

3. Терминология, определяющая числовые карты по достоинству: *dwójka, ósemka, dziesiątka* и др.; *девятка, восьмерка* (9 польских и 2 русских термина);

4. Терминология, определяющая фигуры по достоинству: *as, dama, król, walet*; *валет, дама* (4 польских и 2 русских термина);

С. Терминология, относящаяся к виду игры:

1. Наименования турнирных видов игры, напр.: *poker, Hi/Lo, Omaha, Texas Hold'em, 7 Card Stud, bez limitu, WSOP* и др.; *Техасский Холдем, один на один, пот-лимит, Семикарточный Стад-Покер* (14 польских и 4 русских термина);

2. Наименования настольных игр: *poker, Hi/Lo, Omaha, Texas Hold'em, 7 Card Stud, cash game (gra stolikowa), pot limit*, и др.; *Техасский Холдем, один на один, пот-лимит* и др. (14 польских и 5 русских терминов);

3. Терминология, содержащая слово «гра» / «игра»: *gra, gra pokerowa, gra stolikowa, organizator gry*; *замедленная игра* (4 польских и 1 русский термин);

4. Терминология, определяющая лиц, связанных с игрой: *rozdający, gracz, organizator gry, przeciwnik*; *оппонент, игрок* (4 польских и 2 русских термина);

Д. Терминология, определяющая объекты, связанные с игрой:

1. Наименования покерных фишек и их роль в игре, напр.: *duża ciemna, check-raise, pula, pot limit, wejście all-in, żeton, straddle*; *бет, колл, рейз, фишка, открывать беттинг, блайнд, колл, чек-рейз, поднять ставку, сделать рейз, структура ставок* и др. (19 польских и 22 русских термина);

2. Наименования блайндов: *ciemna, duża ciemna, mała ciemna, блайнд, малый блайнд, большой блайнд* (3 польских и 3 русских термина);

3. Наименования предметов, связанных с игрой, напр.: *karta, pieniądze, przycisk, wpisowe* и др.; *деньги, фишка, игровой стол, банк игрок* (8 польских и 4 русских термина).

Итак, в большинстве семантических групп наблюдается почти полное сходство терминологии в обоих заимствующих языках. Тем не менее, к примеру, группа 'Терминология, относящаяся к картам' содержит 54 польские лексические единицы и 38 русских, то есть, польских терминов почти в два раза больше. Похоже обстоит дело в подгруппах группы 'Терминология, относящаяся к виду игры'. В подгруппе 'Наименования турнирных видов игры' выделено 14 польских и только 4 русских термина, в подгруппе 'Наименования настольных игр' соотношение 14:5, подгруппа 'Терминология, содержащая слово «гра» / «игра»' содержит 4 польских и один русский термин, подгруппа 'Терминология, определяющая лиц, связанных с игрой' – 4 польских и 2 русских термина. Предполагается, что количественные различия не свидетельствуют о том, что отсутствующих терминов вообще

нет в данном языке. Скорее всего, в силу неофициального характера единственных доступных источников они были пропущены, так как автором словарей они могли казаться слишком очевидными и общепонятными (данное мнение разделяет также и упомянутый нами выше эксперт-консультант).

Как мы уже заметили, большинство покерных терминов – интернационализмы, происходящие из английского языка, в том числе заимствованные в неизменном виде или как кальки (напр., *Ni/Lo*, *Отаха*, *Texas Hold'em*, *heads-up*, *no limit*; *блайнд*, *пот-лимит*, *Техасский Холдем*). Преобладание англицизмов в покерной терминологии вполне обосновано тем, что как в Польше, так и в России покерные соревнования не организуются слишком часто, и игроки участвуют чаще в международных, чем в отечественных турнирах. Преобладание международного значения спортивного покера над национальным подчеркивают также и сами участники соревнований, описывая характер покерного сленга следующим образом: «Простой язык покера, содержащий не более чем несколько десятков основных понятий, (...) объединяет людей вокруг одной общей цели – игры – и помогает им успешно общаться» (Krauze, 2008). Тем не менее, в покерной терминологии существуют единицы, для которых основным языком-источником не является английский язык. Однако они вошли в покерную терминологию еще на этапе ее формирования и в момент заимствования данной терминосистемы в польский и русский языки представляли собой ее интегральную часть. Данные термины в английской покерной терминологии получили новые, не существующее до сих пор в языке источнике значения, в которых они и были заимствованы в другие языки вместе со всем ресурсом. Следовательно, на наш взгляд, данные термины считаются англицизмами, даже если эти лексемы существовали раньше в обоих языках в других значениях. К их числу относятся (с указанием на основной язык-источник): галлицизмы: *as* (>*asse*), *karo* (>*carreau*), *trefl* (>*trèfle*), *фишка* (>*fiche*), *va banque* / *ва-банк* (< *va banque*); германизмы: *licytacja* (>*Lizitation*); грецизмы: *para* (>*pará*); итальянизмы: *kareta* (>*carrotta*); латинизмы: *akcja* (>*actio*); ориентализмы: *деньги* (>*теңге* или >*деңге*); лексемы славянского происхождения: *reka*, *сделать руку*.

В итоге следует подчеркнуть, что основной ресурс покерной терминологии в польском и русском языке является исключительно стабильным и не предусматриваются его существенные изменения. Одновременно можно предполагать, что параллельная терминология, относящаяся к более разговорному общению лиц, связанных с покером, будет развиваться, главным образом, путем заимствования лексики из других слоев данного языка.

Литература

1. Костомаров, В.Г Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб. : Златоуст; 1999.

2. Gajda, S. Wprowadzenie do teorii terminu. – Opole, 1990.
3. Krauze, M. „Teksasński klincz”, czyli dlaczego lepiej, żeby terminologia pokerowa była po angielsku. Доступ: www.pokertexas.pl, 4.11.2008.
4. Lukszyn, J. (ред.). Języki specjalistyczne. Słownik terminologii przedmiotowej. – Warszawa, KJS 2005, s.40.
5. Sklansky, D. The Theory Of Poker. – Boston, 1994.
6. Wiśniewska, A. Rola gier dydaktycznych w nauczaniu przedmiotów przyrodniczych. / Cichy, D., Gry dydaktyczne w nauczaniu biologii w szkole podstawowej. – Warszawa, WSiP 1990.; Доступ: <http://www.profesor.pl/publikacja,9015> 14.07.2011 r.
7. Wittgenstein, L. Dociekania filozoficzne. – Warszawa: PWN, 1972
8. www.pokertexas.pl, доступ: 23.05.2009

Abstract. The Polish and the Russian poker terminology originates mainly from the English language since it is the international, official language of this sport. The terminological content is coherent, hermetic and highly stable. The research material was divided into four basic thematic groups as well as several subgroups.

Keywords: loanwords; Polish; poker terminology; Russian; semantics; terminology.

Дуплякина А.В.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЦЕНКИ ГЛАЗ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Duplyakina@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируются идиоматические выражения с лексемой *глаз* с точки зрения их семантики в разных языках. В ходе исследования было проведено сопоставительное изучение фразеологических единиц разных языков. Статья адресуется широкому кругу лингвистов и всем, кто интересуется проблемами лингвокультурологии.

Ключевые слова: лингвокультурология, идиоматические выражения, фразеология.

В настоящее время число желающих познать смысл своего этнокультурного континуума заметно растет. Это представляется важным для когнитивной лингвокультурологии (Алефиренко, 2010: 94). Французский антрополог Л. Леви-Брюль указывал: изучить мышление индивида можно по культуре, к которой он принадлежит. Данное положение имеет и обратную сторону: познать скрытый семиотический аспект культуры можно, исследуя идиоматические выражения.

Глаза, как известно, являются зеркалом души и характеризуют не только физические, но и духовные способности человека к постижению явлений. Языковые средства, которые репрезентируют данную информацию, представлены во фразеологизмах, пословицах, афоризмах разных языков мира.

В.А. Маслова указывает, что 80 % информации о мире приходит через глаза, потому они считаются важнейшим из органов, им приписывается таинственная магическая сила (Маслова, 2001: 132). Обратимся к этимологии слова *глаз*. Впервые это слово встречается в Ипа-

тьевской летописи под 6622 г.: «...яко се здѣ егда будсть туча велика, и находятъ дѣти наши *глазкы стекляныи*» (Шахматов, 1940: 26). Летописец сообщает о посещении Ладоги во время постройки там новой крепостной стены. находками детей были *глазкы стекляныи* – стеклянные шарики, известные по раскопкам в Ладоге многоцветные бусы X в. с выпуклыми глазками. В этимологической справке Фасмера находим подтверждение: «Связано, очевидно, с польск. *głaz* "камень, скала", *głazny* "гладкий, ловкий". Глазна река, букв. "Каменка". Вероятнее, первоначальное значение – "шар" или "камень"» (Фасмер, 1964: 213). Общеславянский лексический синоним слова *глаз* – око (очи), которое происходит от индоевропейского око. (ср.: лат. *oculus*, нем. *Auge*, лит. *akis*). *Глаз* у С.И. Ожегова: «ОКО, -а, мн. очи, очей (устар. и высок.) и (стар.) очеса, очес, ср.(устар. и высок.). То же, что *глаз* (в 1 знач.)» (Ожегов, Шведова, 2004: 564).

Отсюда связь между словами *око* и *окно*. Н.М. Шанский указывал, что *окно* образовалось от существительного *око*, обозначающее глаз, орган зрения, то, с помощью чего мы видим, с помощью суффикса –н(–ън). Для того, чтобы можно было видеть, что происходит вне дома, окно делали из щели между бревнами сруба. Поэтому оно и уподоблялось оку, то есть глазу (Шанский, 1978:113).

Мы говорим *око за око, зуб за зуб*, когда хотим посчитаться, припомнить кому-нибудь обиду. В английском языке с аналогичным значением существует идиома *An eye for an eye* – 'глаз за глаз, месть'.

Проницательный *острый (зоркий) глаз* имеет тот, кто быстро и точно воспринимает ситуацию. Синонимичное выражение *глаз-алмаз*, возможно, имеет связь с огранкой камней: только человек с хорошим зрением мог быть мастером в этом деле. Все тонкости в производстве он замечал *невооруженным глазом*. В английском языке – *With the naked eye* ('невооруженным взглядом').

Но бывает и *дурной глаз* (англ. *The evil eye*) – взгляд недоброжелательного человека, который способен сглазить. «Сглазить можно все на свете, но особенно дурному глазу подвержено то, что дорого, любо и красиво. Именно поэтому нельзя было слишком явно хвалить любимого ребенка, собственную жену или счастливые события из своей жизни» (Мокиенко, 1990: 130).

Устойчивое выражение *смотреть смерти в глаза*, в русском языке употребляющееся в значении 'подвергаться смертельной опасности, рисковать своей жизнью', в немецком языке соответствует фразеологизму *dem Tod ins Auge schauen (sehen)* – 'быть в смертельной опасности'. Правильно оценивая истинное положение дел, мы *смотрим правде в глаза* (нем. *einer Sache (den Tatsachen) ins Auge sehen* – 'быть реалистом').

Приведённые примеры демонстрируют совпадение значения дословного перевода и сути идиомы в разных языках.

Но зачастую идиоматический смысл может быть утрачен. Например, пословица *у семи нянек дитя без глазу*. В «Русско-немецком сло-

варе пословиц и поговорок» она переводится так: «Bei sieben Kindermädchen verliert das Kind ein Auge», т.е.: ‘у семи нянек **дитя теряет один глаз**’. В «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова смысл пословицы разъясняется так: «Дело страдает, если за него берется несколько человек» (Жуков, 1991: 319). В данном случае представляется важным толкование самого выражения *без глаза*. В этом сочетании предполагается не основное значение слова *глаз* как органа зрения, а устаревшее – ‘надзор, присмотр’, сохранившееся в идиомах *свой глаз нужен, нужен глаз да глаз*.

В английском языке существует идиома, аналогичная русскому афоризму *Глаза – зеркало души*, – *The eyes are the window of the soul*, дословный перевод которой ‘глаза – это окно души’. Таким образом, глаза всегда репрезентируют духовное богатство личности. Как заметил герой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «...вы недооцениваете значения человеческих глаз. Поймите, что язык может скрыть истину, а глаза – никогда! Вам задают внезапный вопрос, вы даже не вздрагиваете, в одну секунду овладеваете собой и знаете, что нужно сказать, чтобы укрыть истину, и весьма убедительно говорите, и ни одна складка на вашем лице не шевельнется, но, увы, встревоженная вопросом истина со дна души на мгновение прыгает в глаза, и все кончено. Она замечена, а вы пойманы!» [Булгаков, 2014: 194].

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – СПб: Лениздат, 2014. – 511 с.
3. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Русский язык, 1991. – 544.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 183 с.
5. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
6. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.) / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964. – Т. 1. – 562 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
9. Шанский, Н.М. В мире слов / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1978. – 255 с.
10. Шахматов, А.А. «Повесть временных лет» и ее источники / А.А. Шахматов. – М.: АН СССР, 1940. – 150 с.

Abstract. The article analyzes idiomatic expressions with the eye lexicon from the point of view of their semantics in different languages. In the course of the study, a comparative study of phraseological units of different languages was carried out. The article is addressed to a wide circle of linguists and everyone who is interested in the problems of linguoculturology.

Keywords: linguoculturology, idiomatic expressions, phraseology.

Евсеева М.Г.

КОННОТАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИМЕНИ ГОРОДА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

г. Донецк, Донецкий национальный университет
yevseeva.m@gmail.com

Аннотация. Данная статья представляет собой краткий обзор основных семантических тенденций поэтического именования Санкт-Петербурга и семантической парадигматики таких именований.

Ключевые слова: семантика, парадигма, семантический пучок, коннотация.

В наблюдении семантических тенденций именования Санкт-Петербурга в поэтических текстах нам представляется целесообразным исходить из смыслового вектора, ставящего во главу угла семантику и коннотационные характеристики концепта 'камень' ("Но имя – камень, и счастливый / Творец мечтает о дарах" [Лившиц, 1989: 67]) с его нейтральными стилистикой и оценочностью и полным спектром эмоционально-экспрессивных сем: 'прочность, оформленность, долговечность', 'холод, безжизненность, острые (ранящие) края'.

В семиотике культуры концепт 'камень' рассматривается как совокупность смыслов, которая так или иначе задействована в культурных, мифологических и иных символических системах "всех времен и народов". Значимыми для нашего исследования представляются следующие семиотические интерпретации: 'надвременная доминанта (вечность)', 'творчество, строительство', 'дом Божий', 'пуп земли (центр Вселенной)', 'субстанция, порождающая богов и людей', 'свидетельство, память', 'тяжелое наказание', 'преграда, помеха' (ср. лат. "*Lapis offensionis et petra scandali*" (Камень преткновения и скала соблазна) [Боровский, 1982: 402], 'дикий, необработанный' – 'грубая, дикая душа' (в противоположность обработанному, кубической формы), 'знак, амулет' (камень Лондона на Канон Стрит с сидящим на нем хозяином города), 'сила, материал для изготовления сакрального оружия (мечей короля Артура и Галахада)' (ср. лат. "*Inter sacrum sahitque*" (Между жертвенником и камнем (топором) [Боровский, 1982: 378]), 'индикатор добра и зла' (пробный камень) [Штерн, 1998: 226-228].

Минуя случаи употребления анализируемого топонима (Санкт-Петербург, Петербург, Петроград, Петрополь) в поэтических текстах первых десятилетий существования города, гипертрофированная коннотированность которых имеет в основном искусственную, "партикулярную" природу и потому малоинтересна, позволим себе начать с классических образцов.

▲ "А Петербург неугомонный / Уж барабаном пробужден" [Пушкин, 1997: 199].

Общеизвестно, что текст – источник данного примера предельно насыщен реальными бытовыми и светскими подробностями описываемого периода “русской жизни”, адресованными соответствующей аудитории. Поэтому можно сказать, что коннотативная выразительность этого и других подобных фрагментов пушкинского текста построена на фоновых знаниях читателя о тех или иных бытовых реалиях [Тульнова, 2000: 85]. Далее следует отметить, что коннотационная картина данного примера выглядит противоречиво. Если бы речь шла о городе вообще, то выражения типа “шумный город”, “неугомонный город” (‘гомон’ – ‘шум’) воспринимались бы вполне стандартно и гармонично. Отметим, что этимологически концепт ‘шум’ соотносится, во-первых, со всеми видами нечленораздельных звуков, производимых живыми и неживыми источниками: др.-рус. шумъ: шумь ‘буря, волнение на море’, ‘грохот’, ‘крик’, ‘треск’, во-вторых, – с понятием ‘движение’: ‘шум’, и.-е. **seu-* ‘приводить в движение’, ‘поворачивать’, ‘сгибать’ [Черных, 1999: 428]. Однако актуализированная в приведенном словосочетании семантическая связка ‘камень’ – ‘город’ эмоциональной окрашенностью своей первой составляющей ощутимо диссонирует с коннотацией концепта ‘неугомонность (шумность, подвижность, суетность)’. Подобная реляция вполне соответствует представлению о темпе жизни столицы вообще, и тем более – “военной столицы”, живущей и функционирующей по сигналу барабана (пушки на Заячьем острове). В то же время эмоциональный элемент ‘упорядоченности’, ‘стабильности’, ‘прочности’, упоминавшийся нами выше как одна из составляющих концепта ‘камень’, входит также и в коннотацию адъектива ‘военная (“пробуждаемая барабаном”)’. С точки зрения последнего замечания ср. приводимый в одном из текстов гражданский адрес в Петербурге XIX в.: “Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике низком” [Баратынский, Дельвиг, 1988: 66]. Таким образом, полная семантическая парадигма имени города выглядит в данном случае как ‘камень’ – ‘город’ – ‘военный’ и схематически соответствует, к примеру, концепту ‘крепость’, вполне адекватному реальности, если вспомнить, какое именно архитектурное сооружение послужило началом и стало затем географическим центром этого города.

Коннотативные особенности языковых средств следующего примера соответствуют традициям “державной” одичности первых десятилетий существования города.

▲ “Летами юный, ветхий славой, / Величья русского залог, / Прости, Петрополь величавый, / Невы державный полубог!” [Ершов, 1988: 112].

Обращает на себя внимание стремление сделать город “старше своих лет” и, следовательно, семиотически значимее. В качестве скрытого механизма создания целостности языкового образа города, по видимому, выступает отмеченная Н.Я.Марром архаичная семантическая связь ‘исполин’, ‘камень’ – ‘герой’, ‘полубог’, ‘бог’ [Марр, 1936:

106; 128, 509]. Что касается мотивации вербально-образной “псевдодревности” города, то ее лингвистический аспект становится очевидным в свете традиционного понимания эпитета ‘юный, молодой’ как ‘слабый, уязвимый’: ‘юный’ – юрь, ярь, буй ‘открытое место’ [Ларин, 1977: 100]; ‘молодой’ (**molodъjъ*) ‘мягкий, нежный’, ‘слабый’ [Куркина, 1985: 6]. Отмеченный набор оттенков отчетливо перекликается с реальными обстоятельствами создания и первых лет существования данного города в условиях постоянной геополитической опасности. Таким образом, вербализация идеи ‘древности города’ сама по себе предполагает функцию охранительного заговора, “оберега” по отношению к реалии как таковой.

Литература

1. Куркина Л.В. Славянские этимологии // Этимология 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 20-30.
2. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
3. Лившиц Б.К. Полутораглазый стрелец. Стихотворения, переводы, воспоминания. – Л.: Советский писатель, 1989. – 417 с.
4. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. II. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 527 с.
5. Петербург в русской поэзии. XVIII – начало XX века. Поэтическая антология. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 383 с.
6. Пушкин А. С. Сочинения. В 3 т. Т.2. – М.: Художественная литература, 1997. – 527 с.
7. Словарь латинских крылатых слов; под ред. Боровского Я.М. – М.: Русский язык, 1982. – 781 с.
8. Тульнова М.А. Социокультурная коннотация слова в контексте иллюстративного примера словарной статьи // Языковая личность: проблемы креативной семантики. – Волгоград, 2000. – С. 84-90.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1999. – 560 с.
10. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний словник. – К.: АртЕк., 1998. – 336 с.

Abstract. This article is a brief overview of the main semantic trends in the poetic naming of St. Petersburg and the semantic paradigm of such naming.

Keywords: semantics, paradigm, semantic bundle, connotation.

Жиленкова И.И.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АНТРОПОТОПОНИМЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Zhilenkova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье как особые ориентиры лингвокультурного пространства Белгородской области рассматриваются региональные антропотопонимы – названия населенных пунктов (ойконимы), образованные от антропонимов разных типов. Представлены и анализируются следующие группы ойконимов: 1) образованные от архаических именных основ; 2) восходящие к древнерусским нека-

ноническим именам и прозвищам; 3) образованные от канонических личных имен.

Ключевые слова: региональный топонимикон; Белгородская область; антропотопоним; топоним; антропоним; ойконим; каноническое имя, неканоническое имя, прозвище.

Антропонимы и топонимы, являясь основными разрядами собственных имен, тесно взаимосвязаны. Антропонимы и в прошлом и в настоящее время служили и служат базой для образования географических имен. Названия населенных пунктов (ойконимы) антропонимического происхождения широко представлены в любом регионе. Ойконимия Белгородской области в этом плане не составляет исключения, так как антропонимическую основу имеет значительная часть белгородских ойконимов. Во многих названиях населенных пунктов образующей базой являются личные неканонические и канонические имена, прозвища и фамилии первопоселенцев, основателей или владельцев селений.

Подчеркнем, что в нашем материале часто трудно установить связь топонима с образующей антропонимической основой. Так как сами антропонимические лексемы вторичны, как и все онимы, то здесь возможен сложный путь от апеллятива к личному имени или прозвищу, позднее к фамилии. По замечанию Д.Б. Лугового, «фамилия кодирует знания об определенном фрагменте действительности, пропущенные через призму внутреннего мира носителя языка ...» (Луговой, 2002: 127).

В белгородской ойконимии, связанной с антропонимическими базами разных типов, можно выделить следующие группы топонимов: 1) образованные от архаических именных основ; 2) восходящие к древнерусским неканоническим именам и прозвищам; 3) образованные от канонических личных имен.

Первую группу составляют всего четыре местных топонима, восходящие к древнеславянским именам, – с. *Белозорово* (от имени *Белозор*), с. *Ладомировка* (от имени *Ладомир*), с. *Святославка* (от имени *Святослав*), с. *Яропольцы* (от имени *Ярополк*). Важно отметить, что подобные двухосновные древние славянские имена церковь не признавала, но вплоть до XVII века сохранялась традиция именованья по древнерусской традиции. В связи с этим можно предположить, что ойконимы, образованные от архаических именных основ, появились еще в начальный период заселения Белгородского края, то есть до XVII века.

При рассмотрении ойконимов второй группы следует учитывать, что в истории русской антропонимии прозвища тесно переплетаются с некалендарными или мирскими (то есть славянскими дохристианскими) именами, поэтому в большинстве случаев трудно определить, к неканоническому имени или прозвищу восходит тот или иной ойконим. Несомненно, что многие из подобных антропотопонимов прошли сложный путь от апеллятива к неканоническому имени, прозви-

щу, прозванию или прозвищной фамилии и на какой-то из этих стадий преобразовались в топоним.

Отметим, что многие неканонические и прозвищные имена лежат в основе русских фамилий, от которых, в свою очередь, образована значительная часть белгородских топонимов. Неслучайно В.А. Никонов предупреждает, что в большинстве случаев «нет видимых признаков, которые позволили бы различать, где имеем дело с фамилиями, а где с прозвищами» (Никонов, 1993: 214). В целом неканонические имена и прозвищные основы, отраженные в ойконимии края, в силу своей смысловой наполненности семантически весьма разнообразны, так как во многом связаны с обычными явлениями повседневной жизни русичей, их древними верованиями, традициями рода или племени.

Все это позволяет распределить исследуемый материал в зависимости от семантики производящей именной основы наименования населенного пункта. Отметим, что по характеру производящей основы зафиксированные в ойконимии Белгородской области имена делятся примерно на те же группы, которые представлены в энциклопедической работе А.М. Селищева (Селищев, 1968: 108-115).

В образовании ойконимов Белгородчины особую продуктивность проявили основы определенных неканонических имен/прозвищ, которые зафиксированы в топонимах следующих тематических групп: 1) ойконимы, в которых отразились обстоятельства появления нового члена семьи: *х. Жданов* (от древнерусского имени *Ждан*), *х. Малютин* (от имени *Малюта, Малый*), *х. Осьмаков* (от древнерусского числового имени *Осьмак, Осьмой*, то есть восьмой ребенок в семье); 2) ойконимы, связанные с именованиями по внешнему виду человека: *х. Бородин* (от имени/прозвища *Борода*), *с. Красавка* (от древнерусского имени *Красава*), *х. Некрасовка* (от имени *Некрас* – вероятно, имя-оберег); 3) ойконимы, в производящих основах которых отражаются внутренние качества, свойства характера и склонности человека: *с. Бессоновка* (от древнерусского имени *Бессон* – «беспокойный»), *х. Жилин* (от прозвища *Жила* – «жадный»), *с. Прокудино* (от диалектного прозвища *Прокуда* – «проказник»); 4) ойконимы, в которых отразились обозначения человека по роду деятельности или профессии: *х. Бондарев*, *с. Бондари*, *с. Бочаровка*, *х. Гончаровка*, *х. Кузнецовка*; 5) ойконимы, в основе которых лежит лексика фауны: *х. Быков*, *х. Волков*, *с. Воробьево*, *с. Коньшино*, *с. Коровино* (подобные имена и прозвища могли даваться человеку по какому-либо сходству с животными).

Третью группу представляют антропотопонимы, образованные от канонических личных имен или фамилий. О широком распространении географических названий с христианскими именами в основе можно говорить лишь с XVI-XVII веков. В это время, как отмечает Т.В. Бахвалова, «наблюдается переход от системы некалендарных имен к системе календарных» (Бахвалова, 1976: 114). В ойконимии

Белгородской области в качестве образующих основ используется 105 канонических имен, из них – мужских 83 и женских – 22. В качестве самых употребительных базовых основ выступают следующие канонические имена: *Александр* (6 сел с названием *Александровка*), *Алексей* (5 топонимов *Алексеевка*), *Иван* (12 сел с названием *Ивановка*), *Николай* (8 сел с названием *Николаевка*). Единичные антропотопонимы возникли от имен: *Авдей* (с. *Авдеевка*), *Аверий* (с. *Аверино*), *Агей* (с. *Агеево*), *Алпей* (с. *Алпеевка*), *Астах* (х. *Астахов*). В указанных топонимах зафиксированы теперь уже редкие канонические имена.

Своеобразно в топонимах х. *Авилы*, с. *Авиловка*, образованных от мужского имени *Вавила*, отображен процесс усечения начального звука [в] в исходной антропонимической основе. Еще один фонетический процесс – метатеза нашел отражение в названии х. *Кирпин* от имени *Киприан*.

Часть топонимов Белгородской области представляет собой названия, которые образованы от просторечных или диминутивных форм крестильных имен: х. *Гавшин* (от имени *Агафон*), х. *Гордюшкин* (от имени *Гордей*), х. *Египкин* (от имени *Агапий*), с. *Макешино* (от *Макар*), х. *Химичев* (от имени *Ефим*), х. *Терешков* (от имени *Терентий*), х. *Ромахово* и х. *Ромашовка* (от имени *Роман*), х. *Филькино* (от *Филипп*).

Среди женских канонических имен продуктивными для белгородских топонимов являются: *Акулина* (3 ойконима *Акулиновка*), *Анна* (2 села с названием *Анновка*), *Марина* (3 ойконима *Мариновка*), *Марья* (3 села с названием *Марьевка*). Как видим, женские имена при образовании антропотопонимов использованы в меньшей степени, что типично и для других регионов.

Таким образом, одним из основных источников образования ойконимов Белгородской области являются антропонимы. При этом следует отметить, что преобладание в ойконимии края неканонических именных баз отражает историческую реальность периода становления русского именослова в начальные моменты массового заселения Белгородского края, то есть в XVI-XVII века.

В заключение подчеркнем, что, выявляя основные ценностные характеристики, закодированные в антропотопонимах Белгородской области, мы можем с лингвокультурологической точки зрения отметить особо значимые ориентиры духовной культуры народа, закрепляемые в региональных топонимах.

Литература

1. Бахвалова, Т.В. Закономерности развития русских личных имен в XVI-XVII вв. // Ономастика Поволжья. Вып. 4. – Саратов, 1976. С 114-118.
2. Луговой, Д.Б. Материально-духовная культура этноса сквозь призму фамильных образований // Проблемы региональной ономастики: Материалы 3-ей межвузовской научной конференции. – Майкоп, 2002. С. 127-129.
3. Никонов, В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушевский. – М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.
4. Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. 640 с.

Abstract. In the article, regional anthropotonyms – names of settlements (oikonyms), formed from anthroponyms of different types – are considered as special reference points of the lingvocultural space of the Belgorod region. The following groups of oikonyms are represented and analyzed: 1) formed from archaic nominal bases; 2) ascending to Old Russian non-canonical names and nicknames; 3) formed from canonical personal names.

Keywords: regional toponymics; Belgorod region; anthropotonym; toponym, anthroponym, oikonym, canonical name, non-canonical name, nickname.

Завтрикова П. С. , Ничипорчик Е. В.

**АТРИБУТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ МОЕГО И НАШЕГО МИРА
В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Беларусь, г. Гомель, УО «ГГУ им. Ф. Скорины»
tumanika1@gmail.com, evnich@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема определения границ языкового знака, используемого для идентификации референта в дискурсивных практиках носителей языка. На материале текстов Национального корпуса русского языка анализируются обозначения мира как фрагмента реальной действительности, характеризующегося по принадлежности лицу и коллективу. Устанавливается различие функций относительных и качественных прилагательных в сочетании со словом *мир*. Сопоставляется обозначаемое посессивно-атрибутивными комплексами, имеющими в качестве компонентов притяжательные местоимения *мой* и *наш*.

Ключевые слова: мир, слово, посессивно-атрибутивный комплекс, качественное прилагательное, относительное прилагательное, детерминация, функция, значение.

Предметом речи для человека потенциально может быть все, однако каждое конкретное предложение-высказывание соотносит содержание мысли с определенным фрагментом реальной действительности, в котором различаются объекты (референты высказывания) и их признаки, прямо или косвенно обозначенные в структуре предложения. Наш исследовательский интерес вызван употреблением слова *мир* в сочетании с лично-притяжательными местоимениями *мой* и *наш* в речи носителей языка. Кажется, нет более объемного и «растянутого», неопределенного экстенционала, чем тот, которым характеризуется слово *мир* в русском языке. В толковых словарях фиксируется две лексемы *мир*, и первая лексема включает семь дефиниций, весьма различных по «масштабу» означаемого. Так, фактически неограниченный объём основного значения '1. совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, Вселенная' можно противопоставить более узкому '2. отдельная область Вселенной', '3. Земной шар, Земля, а также люди, население земного шара', '4. объединенное по каким-н. признакам человеческое общество, общественная среда, строй', '5. отдельная область жизни, явлений, предметов' и др. (Толковый словарь С. И. Ожегова). Значение слова, как известно, конкретизируется только в контексте, и для определения значения слова *мир* при его упо-

треблении в речи влияние контекстуального окружения особенно велико. Хотя «обычно мы говорим не отдельными словами, а предложениями или текстами» (Вайнрайх, 1987 : 44) и смысл предложения не является суммой значений слов, входящих в его состав, наша речь дискретна и для обозначения референтов и их признаков используются словесные знаки. Интересно проследить, в какой мере атрибутивные распространители способны детерминировать значение слова *мир* в сочетании с местоимениями *мой* и *наш* и насколько различны при этом объекты, обозначаемые посессивно-атрибутивными комплексами. В качестве источника фактического материала были использованы ресурсы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (Национальный корпус русского языка).

Функция прилагательного в составе словосочетания, построенного по модели «*мой* + прилагательное + *мир*» / «*наш* + прилагательное + *мир*», во многом определяется его лексико-грамматическим разрядом. В наибольшей степени приспособленными для контекстуального ограничения понятия «мир» (по терминологии У. Вайнрайха, «детерминации значения слова» (Вайнрайх, 1987 : 57) – являются относительные прилагательные. Это согласуется с общим положением, касающимся функции относительных прилагательных: их функция, в отличие от качественных прилагательных, заключается не в характеристике, а в «спецификации» (Виноградова). Уточним: в речи данная функция осмысливается как функция, способствующая выделению носителя признака из среды – идентификации референта. Обозначаемое посессивно-атрибутивным словосочетанием с главным словом *мир* может представлять собой круг явлений психической жизни человека («*мой внутренний мир*» / «*наш внутренний мир*», «*мой духовный мир*» / «*наш духовный мир*»); людей, объединенных общностью профессии, занятий, интересов, верований, либо среду, в которой люди связаны общностью географической, национальной, возрастной, гендерной и др. («*наш актёрский мир*», «*наш буржуазный мир*», «*наш семейный мир*», «*наш христианский мир*», «*мой московский мир*», «*наш европейский мир*», «*наш русский мир*», «*наш мужской мир*», «*наш взрослый мир*», «*наш мальчишечий мир*»), общественную среду, событийное и предметное окружение человека, бытие человека в тот или иной период («*мой теперешний мир*», «*мой тогдашний мир*», «*наш сегодняшний мир*», «*наш советский мир*», «*мой детский мир*»). Приведем несколько иллюстраций к сказанному: *Вместе с гибелью семейного очага, я увидел разбитым и мой духовный мир* (Н. Цуриков. Дети эмиграции); *Мой детский мир был под звездным, а не под дымным городским небом* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний); *В Лейпциге вышли на немецком языке знаменитые «Записки врача» Вересаева, так сильно взволновавшие наш медицинский мир и живо задевшие широкие слои нашей читающей публики* (Неизвестный. Известия); *Возникло у Андреева изображение о том, что, покуда есть плохие, никому нельзя быть хоро-*

шим, что **в нашем преступном мире**, среди порочных и несчастных людей, нас оскверняет наша собственная чистота и мы должны сложить ее к ногам тех, кто не соблюл себя во тьме страдательской жизни (Ю. Айхенвальд. Леонид Андреев). Анализ этих и многих других контекстов с относительными прилагательными в роли распространителей словоформы *мир* в предложении убеждает, что средством обозначения фрагмента реальной действительности, характеризующейся по личной и коллективной принадлежности, выступает все посессивно-атрибутивное словосочетание, функционирующее как комплексное наименование.

Иначе дело обстоит с качественными прилагательными. Качественные прилагательные используются, как правило, не для идентификации обозначаемого словом *мир*, а для характеристики мира; означаемое же словесного знака *мир* в сочетании с качественными прилагательными приходится «улавливать» в более широком контексте, порой выходящем за рамки одного высказывания: *Там, в моем прекрасном мире, у меня будут свои задачи и преодоления – тут никаких иллюзий, – но они должны стать качественно иными – созидательными и позитивными* (К. Махненко. Обращение); *Да вот еще эти вертикальные черточки в углах рта, что всегда сообщали его лицу выражение детского дружелюбия, вечной готовности растянуть губы в улыбке: я люблю тебя, мой огромный добрый мир...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); *Но солдаты прошли, их песня исчезла, а я остаюсь один, в прежней тишине, в моем страшном мире, наедине с Существом, сидящим во мне, и с безразличным осознанием, что я, видимо, выпил лишнего* (М. Палей. Ланч); *И вдруг как-то неожиданно, без всякого предупреждения наш прекрасный мир начал рушиться* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания); *«Могильный» холод этот не что иное, как простая химическая реакция при соприкосновении тончайших энергий с нашим грубым миром* (Е. Рерих. Письма в Европу); *Позволить себе такую модель, как моя Кая, могут лишь весьма немногие обитатели нашего тесного маленького мира* (В. Пелевин. S.N.U.F.F). Нельзя не упомянуть в связи с этим положение о семантической недостаточности оценочных слов (Арутюнова 1999 : 215). Добавим, в нашем случае не только общеоценочные, но и частнооценочные, то есть качественно характеризующие, прилагательные в плане детерминации значения слова *мир*, с которыми они сочетаются в контексте, оставляют рецепиенту домысливать, каковы границы означаемого – того мира, который, будучи принадлежащим говорящему или коллективу, «прекрасен», «страшен», «огромен», «тесен», «мал» и др.

Закономерен вопрос: какой вообще «фрагмент действительности» может быть осмыслен по принадлежности лицу или коллективу, если этот фрагмент обозначен словом *мир* и детерминируется социальными ожиданиями реализации одного из системно заданных значений данного слова?

В поисках ответа на данный вопрос, прежде всего, обратим внимание на тот факт, что носители языка значительно чаще используют в своей речи посессивный комплекс *наш мир*, чем посессивный комплекс *мой мир* (это подтверждается статистикой в более репрезентативном ресурсе русскоязычных текстов Google Books). То же можно сказать и о посессивно-атрибутивных комплексах с главным словом *мир*; сравн.: в Основном корпусе НКРЯ фиксируется 459 таких сочетаний с компонентом *наш* и только 89 с компонентом *мой*. Это можно объяснить рядом причин.

Начнём с того, что посессивный комплекс *наш мир* может быть использован для обозначения гораздо более широкого «поля» денотатов (потенциальных референтов), чем посессивный комплекс *мой мир*. Трудно себе представить, чтобы *моим* мог быть определен *земной, официальный, биржевой, урбанизированный, буржуазный* и т. п. мир, в то же время именно эти прилагательные фиксируются в НКРЯ в составе комплекса «*наш мир*». В принципе, можно абстрагироваться от текстов НКРЯ и сделать предположение, что такие словосочетания, как *мой театральный мир, мой политический мир, мой придворный мир* и др., – вполне естественны, но в этом случае притяжательное местоимение *мой* реализует совершенно иное значение, чем то, которое представлено в посессивно-атрибутивных комплексах с компонентом *мой*, фиксируемых в текстах НКРЯ. Это значение – ‘основанный на личном опыте взгляд’. Соответственно, такого рода словосочетания будут обозначать ‘то, как я представляю и понимаю театр’, ‘то, как я представляю и понимаю политику’, ‘то, как я представляю и понимаю придворную жизнь’, иными словами, будут обозначать ‘мое видение чего-либо’. Если речь идет о профессиональной деятельности человека, то тогда словосочетания типа *мой театральный мир, мой политический мир* могут быть употреблены в значениях ‘область моей театральной деятельности’, ‘мой театральный опыт’, ‘область моей политической деятельности’, ‘мой опыт в политике’ и т. п. Но такие посессивно-атрибутивные комплексы в НКРЯ нами не зафиксированы, следовательно, они не типичны. Для реализации подобных смыслов носители языка выбирают другие конструкции (например: *моя театральная жизнь, мой театральный опыт, театр для меня...* или даже просто *мой театр* (ср. «Мой Китай» Б. С. Мисюка)).

Ещё одной причиной большей распространённости комплекса *наш мир*, чем *мой мир*, можно считать то, что человеку в меньшей степени свойственно желание анализировать себя, привычнее и гораздо легче смотреть *вокруг*, чем *внутри*. Подтверждает данную закономерность то, что основная часть высказываний о *моём мире* как раз и передаёт внутреннее состояние человека.

В свете сказанного о различиях посессивно-атрибутивных комплексов с местоимениями *мой* и *наш*, можно предположить, что в восприятии *моего* и *нашего мира* не будет много сходств. Однако при

сравнении списков прилагательных выяснилось, что из 47 прилагательных, зафиксированных в сочетаниях с местоимением *мой*, девятнадцать употребляются и в составе посессивно-атрибутивных комплексов с компонентом *наш* (*внутренний, душевный, духовный, собственный, детский, прекрасный, новый, теперешний, замкнутый, уютный, нравственный, сложный, человеческий, маленький, эмоциональный, размеренный, видимый, огромный, иной*). Следует учитывать и то, что некоторые другие прилагательные, употребляющиеся со словом *мир* в сочетании с местоимением *мой* и *наш*, близки в понятийном отношении; сравн.: *мой нынешний мир – наш современный мир, мой пошлый мир – наш грубый мир*.

Вероятно, такой, на первый взгляд, парадокс схожести в осмыслении мира личного и коллективного объясняется свойственным для любого человека, как члена социума, перенесением собственных представлений на представления коллективные.

Необходимо отдельно оговорить словосочетания *мой внутренний мир* и *наш внутренний мир*. Они фиксируются чаще других рассматриваемых нами посессивно-атрибутивных комплексов; сравн.: в Основном корпусе НКРЯ 31 фиксация словосочетания *мой внутренний мир*, 8 – *мой душевный мир*, 6 – *мой собственный мир*; 34 – *наш внутренний мир*, 18 – *наш христианский мир*, 17 – *наш современный мир*, 14 – *наш реальный мир*, 12 – *наш земной мир*. Словосочетание *внутренний мир* без посессивного конкретизатора в Основном корпусе НКРЯ характеризуется 1228 вхождениями; сравн.: *реальный мир* – 1153, *современный мир* – 975. Такая высокая частотность названных словосочетаний побуждает проанализировать их в контексте фразеологии. Выяснилось, что из трех высокочастотных словосочетаний только одно – *внутренний мир* – фиксируется авторитетным Фразеологическим онлайн-словарем (Фразеология.ру). Заметим, что в иных фразеологических словарях данное словосочетание не зафиксировано. Поиск ответа на вопрос, почему такие высокочастотные словосочетания, как *реальный мир* и *современный мир*, не относятся к коллокациям, а словосочетание *внутренний мир* квалифицируется как воспроизводимая единица, может составить предмет отдельного исследования.

Основными выводами по результатам анализа являются следующие положения.

1. Не каждая отдельная языковая единица, характеризующаяся свободной сочетаемостью, при своем употреблении в речи способна выполнять функцию идентификации референта. Функцию ограничения экстенционала слова *мир* при употреблении этого слова в сочетании с притяжательными прилагательными *мой* и *наш*, способны выполнять относительные прилагательные.

2. Качественные прилагательные в сочетании со словом *мир*, имеющим посессивные конкретизаторы значения, выполняют, как

правило, характеризующую функцию; и для идентификации референта необходима опора на ближайший либо дальний, иногда выходящий за рамки предложения контекст.

3. Носители языка в своих дискурсивных практиках во многом сходным образом осмысливают *мир*, детерминированный по принадлежности лицу, и *мир*, детерминированный по принадлежности коллективу. Однако значительно более широким «полем» референтов характеризуется посессивно-атрибутивный комплекс с компонентом *наш*.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

2. Вайрайх, У. Лингвистика лжи / У. Вайнрайх / Пер. Н. Португалова // Язык и моделирование социального взаимодействия / Под ред. В. В. Петрова. – М., 1987. С. 44–88.

3. Виноградова, С. А. К вопросу о семантической классификации прилагательных / С. А. Виноградова. – Официальный сайт МАГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mshu.edu.ru/Виноградова/Семантика_ДО.zip. – Дата доступа: 07.10.2017.

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorgora.ru. – Дата доступа : 30.12.2017.

5. Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.slovarozhegova.ru. – Дата доступа : 04.01.2018.

6. Фразеология.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.frazeologiya.ru>. – Дата доступа : 06.01.2018.

Abstract. The article raises the problem of defining the boundaries of the linguistic sign used to identify the referent in the discourse practices of native speakers. Based on the texts from the National Corpus of the Russian language the definition of the world as a fragment of reality, characterized by belonging to the person and the collective, is being analyzed. The article sets the distinction between the functions of relative and qualitative adjectives in conjunction with the word world. Signified by the possessive-attributive complexes that have, as components, possessive pronouns *mine* and *ours* is being compared.

Keywords: world, word, possessive-attributive complex, qualitative adjective, relative adjective, determination, function, meaning.

Кириченко Ю.С.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭМЕ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА «ОБИТЕЛЬ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
1147148@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема статуса диалектных единиц в структуре литературного текста, а именно – анализируются фонетические особенности диалектной лексики в ткани поэмы И. Григорьева "Обитель".

Ключевые слова: идиостиль, диалектизмы, фонетические диалектизмы.

Проблема стилевого статуса художественной речи в структуре функциональных стилей в современной лингвистической науке считается дискуссионным и приводит к предложенному В.В. Виноградовым понятию «*индивидуальный стиль*», понимаемому как «структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» (Виноградов, 1963: 105). В качестве основных аргументов замены понятия «*художественный стиль*» термином «*идиостиль*» сторонники изменений (Д.Н. Шмелев, В.Д. Бондалетов) приводят факты использования художественными текстами языковых средств других функциональных стилей и изменения специфики языковой нормы (Воронцова, 2008) (поскольку, согласно Д.Н. Шмелеву, художественный стиль «включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка явно недостаточна», в том числе и диалектные единицы (Шмелев, 1977)).

В лингвистической науке проблема диалектных единиц в структуре художественного произведения остаётся активно разрабатываемой, однако большинство исследований базируется на изучении литературы XIX и первой половины XX века. Художественная литература конца XX изучена недостаточно. Последнее утверждение значимо в контексте нашего исследования, в центре внимания которого – фонетические особенности диалектной лексики поэмы «Обитель» Игоря Григорьева (1923-1996).

Отметим, что при анализе фонетических диалектных включений в поэму возникают некоторые трудности, обусловленные главным образом тем, что текст представляет собой синтез различных языковых стихий, вбирающий отдельные вкрапления живой диалектной речи в художественной ткани произведения. Письменный текст накладывает свои ограничения, связанные с орфографией, зачастую не позволяя выявить какие-либо характерные фонетические особенности. Поэтому можно лишь обозначить некоторые диалектные фонетические «приметы» диалекта, нашедшие отражение в тексте:

1) наблюдается чередование согласных, обусловленное наличием или, наоборот, отсутствием палатализации:

– [г]//[ж] с последующим изменением морфемной структуры слова – присоединением аффикса («*Всех на бюро да **припужать**...*»): *припужать* – припугн^уть;

– [м]//[мл^л]: *земь* («*И **земь** – под громовым навесом...*», «*И **земь**, любовью повита...*», «*Ты трижды **земь** облобызала...*») – земля; заметим, что в данном случае возможно усмотреть и факт семантического варьирования, так как говорам известно слово *земь* в значении ‘земляной пол’;

2) проявление фонетического принципа в отражении звучащей речи:

– *мово* («***Мово** Сидорку и Тимошу ...*») – моего (данный пример демонстрирует и словообразовательные изменения в структуре слова: [мъ^ли^эво] → [м^лво], т.е. исчезновение суффикса (-j-), а не просто звуков слова);

– ково («**Ково** там каменна – простая ...») – кого (этот пример можно отнести и к семантическим диалектизмам, поскольку слово ково (кого) выступает в ином значении и замещает характерную для таких речевых ситуаций лексему какой);

3) встречаются словоупотребления, в которых при переходе из литературного языка в диалект произошли комбинаторные изменения звуков. Рассмотрим некоторые из них.

А) Метатеза: *ведьмедь* («**Боюсь волков и ведьмедей!**») – медведь (если рассматривать диалектный вариант в синхронии по сравнению с современным литературным эквивалентом); при этом восстанавливается исходный, древнерусский облик слова, ср.: «**Ведмѣдь**, я. м. Медведь. Медын. Калуж., 1849» (СРНГ 4: 92).

Б) Дизэрезы:

– *безвѣсно* («**Зима безвѣсно замела**») – безвестно (отметим также характерный русскому языку, в особенности северным говорам переход *Е* в *О* после мягкого согласного);

– *краул* («– **Краул**, горим! Проснись: пожар!») – караул;

– *ишас* («**Ишас** не скрутит – не восплачешь») – ишиас (медицинский термин подвергается в живой речи упрощению за счет устранения зияния гласных, не характерного русскому языку).

4) В тексте присутствуют фонетические диалектизмы, отличающиеся от литературных эквивалентов ударением (акцентные диалектизмы) или фонемным составом.

Акцентные диалектизмы:

– *земный* («**Тем стражам зѣмный** мой поклон!») – земной;

– *родный* («**Что рѳдной** тетке был бы рад») – родной;

– *документ* («**Документ** личности покажь!») – документ (здесь речь идет о просторечном варианте);

– *забрала* («**Забрала** дочек и – в дорогу») – забрала;

– *шелковых* («Они, как две **шелковых** шали») – шѳлковых (в этом случае фонетический облик слов маркирует его принадлежность к русской фольклорной картине мира: ударение различает литературный и народно-поэтический варианты слова: *шѳлковый* – *шелко́вый*, что отражает намеренную стилизацию под фольклорный текст).

Диалектизмы, отличающиеся **звуковым составом**:

– *трахтур* («**Вчерасть чуть трахтур** не утоп») – трактор (подобные элементы Н.А. Мещерский выносил за границы диалектной лексики, но тем не менее они отражают факт живого произношения заимствованного слова в речи сельских жителей; в данном случае происходит диссимиляция согласных по способу образования (*кт > xt*), свойственная диалектной речи);

– *власы* («**Посытать** пеплом бы **власы**») – волосы (употребление старославянизма с неполногласием, нередко присутствующего и в фольклорных текстах, вновь свидетельствует о стремлении автора следовать народно-песенной традиции);

– *черёмха* («– Да ты ж **черёмху**, кровосос...») – черёмуха, ср. укр. *черемуха, черемха, черемшина* (об отдельном кусте);

– **ворог** («Бездушен **ворог** и безбожен») – враг (вновь наблюдаем отражение авторской установки на включение в поэтический текст элементов архаичной, в частности фольклорно-языковой, картины мира: слово *ворог* является восточнославянизмом, о чем свидетельствует полногласие, в отличие от заимствованного из старославянского языка неполногласного варианта *враг*).

Отклонения от литературной нормы и стремление к архаизации и разговорности обнаруживает возвратный постфикс. Как известно, сохранение гласного в возвратном постфиксе –ся происходит в позиции после ударного гласного, однако в диалектных системах в этом же положении оказывается возможным сохранение –ся, что находит отражение в поэме «Обитель»: «Ну что ж, **садися**, удружу...» (сидись); «Побелки **заждалася** печка...»; «И побрела, **впрягшися** в дроги...» (здесь же следует отметить употребительный в говорах суффикс –ши); «И, не **ломася** наперед...».

Общий вывод заключается в том, что И. Григорьев намеренно включает в свою поэму элементы фольклорно-языковой картины мира, следуя стилистике народной лирической песни.

Литература

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.

2. Воронцова Т.А. Элементарная стилистика. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008. – 130 с.

3. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

4. Словарь русских народных говоров. Т. 1-47. – М.-Л.: Наука, 1965-2014.

Abstract. In the article the problem of the stylistic status of the speech in the structure of functional styles, the conditionality of the formation of a literary text, including dialectal units. Analyzes the phonetic features of the dialect vocabulary in the fabric of the poem I. Grigorieva "Abode". The conclusion about the predominance of elements of folk-linguistic picture of the world.

Keywords: dialect, dialect words, phonetic level of language, language picture of the world.

Кошарная С.А.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ ЛАНДШАФТЕ БЕЛОГОРЬЯ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kosharnaja@bsu.edu.ru

Аннотация. Диалекты Белгородчины – это часть языковой палитры России, отражение её истории, в том числе – особенностей порубежья с Украиной, которые находят репрезентацию в белгородских говорах. Уникальность говоров Белгородской области обусловлена тем, что в результате межъязыко-

вого взаимодействия в диалектах Белгородчины имеют место факты лексического параллелизма, что обуславливает развитие в белгородских говорах вариативности. Кроме того, в говорах Белогорья активно сохраняется языковая архаика.

Ключевые слова: Белгородчина, говор, региолект, констрат, заимствование, архаика, вариативность, регионалистика.

Задача фиксации и научного описания особенностей живой народной речи Белогорья остается важной задачей регионалистики. Следует отметить, что еще в середине XX века была начата, но не завершена работа над «Курско-орловским словарём» С.М. Кардашевского (первый выпуск вышел свет в 1956-ом году, последний – пятый – в 1960-ом году). В словарь вошли как современные автору диалектные записи, так и исторические материалы. В задачи составителя входило описание лексики, функционирующей на данной территории, установление ареала ее распространения, толкование значения слов, определение отношения к русскому литературному языку и другим диалектам, включая диалекты украинского и белорусского языков.

Именно в курско-орловскую группу говоров входят говоры Белогорья. Это особый регион, сформировавшийся на пограничье с Украиной (некогда частично входивший в Харьковскую губ.), включивший в свой состав территории бывш. Курской и Воронежской губерний и сохраняющий значительное количество архаичных языковых черт. Так, во втором десятилетии XX в. Н.Н. Дурново собирал на территории современной Белгородчины материалы для своей докторской диссертации (1918 г.), посвященной архаичным типам яканья, которые сохраняются на территории области и поныне, как и многие другие архаичные особенности (фонетические, морфологические, лексические).

При этом исследование различных групп лексики белгородских говоров актуально не только в региональном, но и в более широком контексте: диалекты Белгородчины – это часть языковой палитры России, отражение её истории, в том числе – особенностей порубежья с Украиной, которые находят репрезентацию в белгородских говорах. Исследователи справедливо считают белгородские говоры уникальными в своей основе (Г.В. Денисевич, В.П. Загоровский, Н.Г. Шубина и др.). Это связано с тем, что они прошли довольно длительный период формирования и явились средоточием особого мировосприятия, духовных и культурных ценностей жителей Белгородчины. Специфика белгородских говоров в первую очередь связана с тем, что они представлены говорами с исконно русской языковой основой и говорами с украинской основой. Это сосуществование и взаимодействие предопределило довольно сложный диалектный ландшафт территории Белгородской области.

Формирование региональных языковых особенностей началось, по мнению учёных, ещё в ранние эпохи феодализма. Исследователи, изучавшие историю Белгородского края (А.И. Дудка, В.В. Овчинников, А.И. Папков, В.А. Шаповалов и др.) говорят о существовании на

его территории в XII веке трёх поселений. Это город, расположенный недалеко от современного села Крапивное Шебекинского района, крепость на Холковском городище, а также город и крепость на Хотмыжском городище. Однако во время монголо-татарского нашествия эти города были полностью разрушены. Таким образом, историками установлено, что во времена Киевской Руси на территории современной Белгородской области жили славяне, а после татаро-монгольского нашествия XIII века Белгородчина надолго опустела. Неслучайно степные земли к югу от Рязанского княжества назывались в течение нескольких веков *Диким полем*, ставшим открытой дорогой для крымских татар и кочевников, совершавших набеги на Московское государство. В этот период здесь, по мнению исследователей, практически не было славянских поселений.

Лишь с конца XVI века началось новое заселение Белгородского края: были основаны города Белгород, Старый Оскол и Валуйки. Уже в первой четверти XVII века на территории современной Белгородской области было 3 уезда – Белгородский, Оскольский и Валуйский. В Белгороде проживало более 12 тысяч человек. С этого же времени начинается массовое поселение на Белгородчине украинцев, бежавших от социально-религиозного гнёта польско-литовской и украинской шляхты. Этому переселению благоприятствовало стремление московских правителей к славянизации окраин, в положении которых оказались южные лесостепные и степные области (Дудка, 2005: 82).

Исследуя отношения на территории порубежья Российского царства и украинских земель Речи Посполитой, историк А.И. Папков пришёл к выводу о том, что «интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями» (Папков, 2004: 68-69). Заселение территорий современных Воронежской, Белгородской и Харьковской областей происходило практически одновременно как с севера русскими служилыми людьми, так и с запада украинскими казаками и крестьянами. Царское правительство было заинтересовано в переселении украинцев: это позволяло укреплять южные границы. Таким образом, в XVII – XVIII веках в верховьях Ворсклы, Северского Донца, Нежеголи и Оскола возникли целые украинские поселения. Поселения, в которых жили украинцы, назывались *слободами* (отсюда и название земель – *Слобожанщина*).

По-видимому, с этого времени начинается формирование диалектов, представляющих сплав материнских южнорусских говоров и говоров украинского языка. «Во время проведения первой ревизии населения Российской империи в начале двадцатых годов XVIII века западные и центральные районы современной Белгородской области находились в составе Белгородской провинции Киевской губернии, а восточные районы – в составе Воронежской провинции Воронежской губернии. Граница между Воронежской и Белгородской провинциями проходила по границе современного Валуйского района с Вейделев-

ским районом, далее по центру Красногвардейского района и по границе Красногвардейского и Волоконовского районов. На юго-востоке современной Белгородской области находились Верхососенский (северо-запад Красногвардейского района) и Усердский (Алексеев. и центр Красногвардейского района) уезды Воронежской провинции, а также Полатовский (юг Красногвардейского и восток Волоконовского районов), Новооскольский и Валуйский уезды Белгородской провинции. Территория современного Ровеньковского района входила в состав Острогжского слободского полка» (Бережной, <http://www.vgd.ru/STORY/belgorod.htm>) . При этом, как указывает А.А. Бережной, «по данным переписи малороссиян 1748 г., <...> основную часть населения составляли украинцы, жившие на землях российских помещиков, однодворцы и помещичьи крестьяне. <...> Большинство населения всех трех юго-западных уездов Воронежского наместничества составляли украинцы, жившие на землях российских помещиков» (Там же).

Всё это не могло не сказаться на языковом «портрете» края. И в этой связи встает «основной вопрос» – о том, каким образом следует квалифицировать этот особый язык (диалекты) пограничья с Украиной, в котором будто бы присутствует значительное количество прямых заимствований.

На первый (поверхностный) взгляд, региолект Белогорья схож с суржигом, который традиционно трактуется как результат наложения на русскую или украинскую основу. Однако, как показывает фактический материал, речь идёт о непротиворечивом сосуществовании элементов двух языков, проявляющемся в обилии лексических вариантов. В этом нет наложения, но есть сосуществование двух «языковых течений», выступающих в виде двух равноправных источников, внутри особой региональной разновидности языка. Большинство диалектов Белгородской области являют собой результаты этого смешения, или сращения, то есть речь в данном случае не идет о заимствованиях из украинского языка, как это было бы в случае с суржигом: в белгородских говорах, граничащих с Украиной, мы имеем не одну базовую основу в виде конкретного языка, на которую накладываются элементы другой языковой системы, а две основы, взаимодействие коих повлекло возникновение особого местного региолекта.

Уже в XVII веке в основном закончились массовые переселения народов и сложилась этническая карта Белгородчины. Можно говорить о том, что в этот период сформировались основные черты этнической структуры населения современной Белгородской области и сформировались белгородские диалекты, давшие основу особому языковому образованию – региолекту Белгородчины.

Вследствие того, что диалектные единицы зачастую функционируют в микросистемах, не связанных непосредственной речевой практикой, в структуре конкретных лексико-семантических групп имеют

место факты лексического параллелизма. Однако отличие белгородских говоров состоит в том, что подобный параллелизм наблюдается и внутри диалектных микросистем, в пределах одного говора или в соседствующих и взаимодействующих диалектах, то есть в системах, связанных непосредственной речевой практикой. Такое сосуществование и «переплетение» говоров двух близкородственных языков обуславливает развитие в диалектах, полудиалектах и региолекте области в целом лексической вариативности (и/или синонимии). Лексические параллели чаще всего представляют собой однокорневые образования, различающиеся в элементах словообразовательной структуры или проявляющие различия в области грамматики.

Особое географическое, а как следствие – лингвокультурное, положение Белгородской области (близость границы с Украиной, смешанный состав населения) обусловило наличие констратных наименований в говорах региона, проникновение большого количества украинизмов в лексику белгородских диалектов. В результате межъязыкового взаимодействия в структуре семантических групп имеют место факты лексического параллелизма, что обуславливает развитие в говорах лексической вариативности. В то же время региолект Белгородчины представляет собой особый феномен, который, в отличие от суржика, базируется на двух близкородственных основах, на интеграции языков и культур. Исходя из этого, на материале диалектной лексики Белгородчины, включающей значительное количество элементов констрата, могут быть решены вопросы, связанные не только с синхронным и диахронным представлением диалектных микросистем, но и с особенностями становления и развития общенародного языка в целом.

Можно утверждать, что современные белгородские говоры характеризуются проявлением двух основных тенденций. С одной стороны, в силу соседства с Украиной они демонстрируют результаты этого взаимодействия, а порой и смешения диалектов, о чем свидетельствуют такие языковые факты, как: **шля́х** – *сущ., -а, муж.р., нейтр.* Путь. /Шл'а́ х-та пра́шл'и н'ималь'ј//; **як** – *нареч.* Как. /Ны забут'/ **ја́к** по́д'еш//; **тро́шки** – *нареч., нейтр.* Чуть-чуть, мало. /Ха́ј тро́шк'и пау́л'аит'//; **хай** – *част.* Пусть. /Ха́ ј па́д'о у хату и там с'ад'ит// и др.

С другой стороны, говоры Белогорья отличаются известной традиционностью. По-видимому, не случайно здесь фиксируется языковая архаика, уходящая корнями в древнерусский язык, например: **тя́мка** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* [смекалка] /Ды т'а́мка у н'ауо́ харо́шаја//, ср. *тям* – 'разум, ум'; **калю́жа** – *сущ., -и, жен.р., нейтр.* Лужа. /кал'у́ж понат'икло посл'е даж'а//, ср. с названием города *Калуга*.

Архаика в говорах Белогорья проявляется не только на уровне лексики, но и в фонетике и грамматике: отсутствие фонем <Ф> и <Ф'>,

что уходит корнями в языковое прошлое, но проявляется и в современной лексике (**конхvéта** – ‘конфета’: /Как’и́жа ўкусньи́жа канхв’эты//), переход в 1-ое склонение существительных бывшего склонения на *-й: **цёрква, морква** («У етам гаду **мо́рква** плахая»; «У **цёркву** заутри пайду»); рефлексy старых русских окончаний имен прилагательных с наложением южнорусского аканья: **толстай, хорошай** (из др.-рус. *то́лстой, хорóшой*) и т.п.; старые глагольные формы изъявительного наклонения в 3 лице наст./буд. простого времени: (он) **несеть** (с мягким финальным согласным и без перехода Е в О), (он) **ходить** и т.п.

Достаточно регулярно фиксируются характерные южнорусским говорам факты яканья, мягкого шоканья и др. (**пятьх, нявэста** и др., **дэвоуца, щётоуца** и подоб.).

Несмотря на то, что территория современной Белгородской области в XVI-XVII вв. заселялась украинскими переселенцами из восточной Черниговщины, Полтавщины и слобожанами Правобережья Украины, первыми переселенцами были русские люди из современных Орловской и Тульской областей: переселенцы несли караульную службу и одновременно занимались земледелием, скотоводством и бортничеством. Поскольку это были служивые люди (стрельцы, пушкари), специфика их воинской деятельности нашла отражение в топонимике области: с. *Стрелецкое*, с. *Пушкарное*, с. *Драгунское*. Отметим, что подобные топонимы фиксируются по всей засечной черте, но в Белогорье обнаруживается своеобразие таких ойконимов, проявляющееся в их грамматическом оформлении. Так, в Тульской области, где для охраны государственных границ также селились служивые люди, имеются ойконимы *Пушкари, Стрельцы* и подоб., омонимичные формам множественного числа нарицательных имен *пушкари, стрельцы*. На Белгородчине аналогичные топонимы оформляются как прилагательные, согласуемые со словом *село* (*Пушкарное, Стрелецкое, Казацкое*).

Яркой чертой всякого говора является активное варьирование и развитие синонимических отношений. Такие отношения охватывают как собственно диалектные лексемы, так и вовлекают в системные взаимосвязи единицы общенародного языка.

В ряду собственно-диалектной лексики выделяется значительная группа этнографизмов: *бархатник, велёк, дежа, понёва, саян, сорока, павлины, чаплейка, хата* и мн.др. Такие слова могут присутствовать в словаре литературного языка (с пометой *обл.*), например *хата, панёва*.

Лингвогеографический и лингвокультурологический анализ диалектизмов и региононимов, функционирующих в речи жителей Белогорья, выявление и описание основных лексико-семантических групп диалектизмов, рассмотрение системных отношений внутри диалектной лексики, соотношения диалектных и общенародных лексем; установление фактов диалектной вариативности и синонимиче-

ских отношений между единицами говоров и общенародного языка и внутри диалектных систем демонстрируют, что говоры Белогорья, с одной стороны, развиваются в общерусском русле, репрезентируя эволюцию национального языка в целом, а с другой – являются уникальным явлением, возникшим на пересечении этнокультур.

Литература

1. Бережной, А.А. Заселение юго-востока Белгородской области в XVIII веке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vgd.ru/STORY/belgorod.htm>
2. Дудка, А.И. Активизация межнациональных контактов в XVI-XVIII веках и их влияние на развитие традиционной культуры Белгородчины [Текст] / А.И. Дудка // Современные наукоемкие технологии. – Пенза: ИД «Академия естествознания». №9. 2005. С. 82-84.
3. Папков, А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века) [Текст] / / А.И. Папков; науч. ред. А.Л. Хорошкевич. – Белгород: «КОНСТАНТА», 2004. 352 с.

Abstract. Dialects of Belgorod region is a part of the language palette of Russia, a reflection of its history, including the characteristics of contiguous with Ukraine, which find representation in the Belgorod dialects. The uniqueness of the dialects of the Belgorod region due to the fact that a result of cross-language interaction in dialects of Belgorod region there are cases of lexical parallelism, which causes the development in the Belgorod dialects of variability. In addition, facts of the language's archaic actively preserved in the dialects of the Belgorod region.

Key words: Belgorod region, dialect, regiolect, constract, borrowing, archaic, variability, regional studies.

Кравченко Ю.В.

ПСЕВДОНИМ КАК ФАКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
kravchenko.djulia2016@yandex.ru

Аннотация. В данной статье псевдоним рассматривается как антропонимическая единица языка и как особое имя собственное, репрезентирующее лингвокультурные и индивидуально-авторские мотивационные установки. В статье представлена классификация псевдонимов, мотивированных именами существительными – собственными и нарицательными.

Ключевые слова: псевдоним, язык и культура, мотивация, авторский замысел.

Антропоним – важнейший компонент лексической системы любого языка. В языковой картине мира они занимают уникальное положение. Имена – одни из первых слов, которое усваивает человек, и последние, которые он утрачивает при афатических расстройствах речи (Якобсон, 1972:113).

Известному русскому учёному, философу и богослову П. А. Флоренскому, которого современники называли «Леонардо да Винчи 20-го века» принадлежит философский труд «Имена», созданный им в начале XX столетия. Сущность имён раскрыта им с истори-

ческой, литературной и метафизической точек зрения. Павел Флоренский составил подробное описание 16 имён, восьми мужских и восьми женских (Флоренский, 1993: 319). Русская антропонимическая система включает в себя имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы и другие категории онимов. Мартин Хайдеггер, занимаясь исследованием онимов, утверждал, что имя и его носитель неразрывно связаны, но при этом имя само по себе не имеет отношения к произведению. Наличие разных точек зрения на проблему номинации человека настоящим или вымышленным именем обусловили интерес к изучению псевдонимов в последнее время.

Особое место среди антропонимов занимают псевдонимы. По утверждениям Н.Н. Вербицкой и Н.С. Гребенщицкой, «существуют две самостоятельные, довольно тесно связанные между собой группы собственных имен: имена, сложившиеся естественным путем, и имена искусственно созданные, вымышленные» (Вербицкая, 2000: 137), где вторые имена или искусственные фамилии, придуманные самим автором в качестве нового именованного, относятся к группе псевдонимов. Псевдоним отличается от имени тем фактом, что он денотативно соотносится не с самим человеком, а с авторским «я» своего создателя – неким интроспективным образом, который для говорящего ассоциируется с собственной творческой субъектностью. Если в буквальном переводе сам термин обозначает «ложное имя», то в филологической практике псевдоним принято считать одним из средств литературной мистификации, что сделало изучение псевдонимов предметом исследования нескольких наук.

В русском языке известны псевдонимы различных типов, которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми. Различают такие виды псевдонимов, как *криптонимы* (скрываемое имя); *антропонимы литературных произведений* (литературная антропонимика), *героев* в фольклоре, в мифах и сказках; *антропонимы – производные этнонимов* (названий наций, народов, народностей).

Структурно псевдонимы могут быть монолексемными и могут представлять собой сочетания слов.

В настоящей работе мы рассмотрим псевдонимы, мотивированные именами существительными.

Как отмечает А. В. Суперанская, «личные имена могут обладать так называемым энциклопедическим (информативным) значением, которое возникает в речи при отнесении только к одному лицу-денотату и предполагает его локализацию во времени, пространстве и множестве социальных полей» (Суперанская, 1973: 336). Имя собственное отражает, прежде всего, национально-языковую картину мира, которая, по словам О. И. Фоняковой, «отображает обиходно-эмпирический, культурный или исторический опыт некоторого языкового коллектива» (Фонякова, 1990: 104). Еще более это справедливо в отношении псевдонимов.

Писатели, обращаясь к своему происхождению, нередко стремились отобразить в псевдониме название родного места или аллюзию на него. В.Я. Брюсов работал под псевдонимом *Москвитянин*; А.Г. Барвинский – *Подольнин*, А.В. Абрамов – *Ширяевец*. Словообразующие суффиксы *анин-/-янин-*, *-ец-*, использованные для образования данных псевдонимов, являются классическими для этнохоронимов (ср.: *белгородец*, *пензенец*, *калужанин*, *елабужанин*). По этой же схеме образован псевдоним *Азовец*, под которым публиковал свои труды Н. В. Никитин.

Среди рассмотренных нами псевдонимов выделяется группа лексем, образованных от имён существительных присоединением суффикса *-ск-*, обозначающего принадлежность к чему-либо: псевдоним *Н. Станицкий* (А.Я. Панаева) образован от существительного *станца*, *Елена Арбатская* (Владислав Ходасевич) – от существительного *Арбат*; *Марлинский* (А.А. Бестужев) – от имени собственного *Марли*, названия дворца в Петергофе. Ариадна Тыркова подписывалась псевдонимом *Вергежский*. *Вергежа* – это усадьба в Новгородской области. Однако больший интерес представляет не столько тот факт, что биография Тырковой не была связана с Новгородом, сколько то, что революционно настроенная писательница скрывала свою личность под мужским именем.

К данному способу словообразования относятся фамилии, образованные от названий местности или населённых пунктов (*Белозерский* – владелец Белоозера, *Маковецкий* – владелец Маковца); церковных приходов, образованных от названий церковных праздников, имён святых (*Вознесенский*, *Крестовоздвиженский*, *Рождественский*, *Троицкий*); искусственно созданные в семинарии (*Афинский*, *Афонский*, *Добровольский*). Здесь выделяются псевдонимы, образованные по модели традиционных русских фамилий (*Дымский* – Дементьев Д.Н.; *Омулевский* – И.В. Федоров) и искусственно созданные (*Толстоевский* – Е.В. Катаев; *Краснорогский* – А.К. Толстой). Отметим аллюзивную связь псевдонима *Толстоевский* с фамилиями писателей *Толстой* и *Достоевский*, что можно считать фактом языковой игры.

Важно отметить псевдофамилии, образованные по образцу стандартных русских фамилий с суффиксами *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*. Этимологически это фамилии, образованные от отчества или дедичества (имя деда, от которого происходила временная фамилия отца), от церковных или нецерковных личных имён или прозвищ, например, *Иван > Иванов сын > Иванов*. Подобную этимологию имеют большинство русских фамилий.

Большинство псевдофамилий образовано по модели традиционных русских фамилий (*Николаев* – Н.Х. Давингоф; *Пагин* – А.В. Поляков; *Вересаев* – В.В. Смидович). Вторая часть образована по окказиональной модели с добавлением указанных суффиксов (*Гамлетов*, *Бессмыслов*, *Пустоцветов* – Н.А. Полевой; *Прогрессистов*, *А. Ленивец* – А.В. Эвальд).

В этой связи важно понимать семантику каждого имянаречения. Так, псевдоним *Бессмыслов* образован от существительного *смысл* префиксально-суффиксальным способом. Данная лексема, согласно словарю С.И. Ожегова, имеет три значения: 1) содержание, суть, сущность;

2) цель, разумное основание чего-либо; 3) разум, разумность (Ожегов, 2003: 336).

Писатель А.Ф. Володский работал под псевдонимом *Валентин Балясный*. Фамильный псевдоним *Балясный* образован от существительного *балясы* (мн.ч.), имеющего переносное значение «праздные, пустые разговоры» (Ожегов, 2003: 84).

Логично предположить, что Н.А. Полевой вкладывал в свой псевдоним значение «бессодержательный». Важно отметить, что писатель использовал целый ряд псевдонимов, особый интерес среди которых вызывают уже упомянутый *Гамлетов* и *Пустоцветов*. Оба псевдонима также мотивированы именами существительными. В первом случае в основу легло имя шекспировского персонажа *Гамлета*, которое несёт в себе метафорическое значение несчастной личности, жаждущей отпущения. Лексема *Пустоцветов* образована от словосочетания *пустой цвет (цветок)*, то есть цветок, не имеющий возможности перерасти в плод, растение, цветущее только для красоты. Необходимо отметить, что подобные имянаречения несколько диссонируют с литературным вкладом Н.А. Полевого: он вошёл в историю отечественного литературного процесса как яркий журналист и мощный критик.

Антонимические псевдонимы принадлежат журналисту и писателю XIX столетия А.В. Эвальду. Некоторые свои работы он подписывал именем *Прогрессистов*. Данная лексема образована от существительного *прогресс*, трактуемого словарём С.И. Ожегова как «поступательное движение, улучшение в процессе развития» (Ожегов, 2003: 286). Первый суффикс *-ист-*, обнаруживаемый в данном псевдониме, придаёт слову значение «того, кто связан с указанной в основе деятельностью» (ср.: *футбол – футболист, машина – машинист*). Второй суффикс *-ов-* образует притяжательно-относительное прилагательное со значением родовой отнесённости. Таким образом, А.В. Эвальд показывал собственную принадлежность к сообществу людей, способствующий развитию социума. Второй же его псевдоним – *А. Ленивец* – содержал в себе иную качественную характеристику. Данное слово мотивировано существительным *ленивец*, которое включает в себе два значения: «лентяй» и «медленно передвигающееся млекопитающее». Предположительно эмоциональную окраску данного псевдонима составило именно первое значение. Суффикс *-ев-* синонимичен суффиксу *-ов-*, то есть также выражает значение родовой принадлежности.

Таким образом, вычленяются псевдонимы, восходящие к именам собственным и к именам нарицательным. Так, личность А.Т. Аверчен-

ко скрывалась за именами *Журналист* и *Интервьюер* – это названия профессий в сфере журналистики. А.П. Андреев подписывался псевдонимом *Музыкант*.

Ф.В. Волховский работал под псевдонимом *Консерватор* – «человек консервативных убеждений» (Ожегов, 2003: 178).

Довольно редко, но встречаются и псевдонимы-зоонимы, в основе которых лежит название животного: *Волк* – А.Т. Аверченко; *Сом* – С.А. Бергман; *Комар* – А.И. Вознесенский.

В группе неодушевленных имен нарицательных также можно выделить подгруппу псевдонимов-фитонимов – имен, в основу которых легло название растения: *Незабудка* – Н.Г. Вичетич; *Ирис* – М.П. Чехов; *Анчар* – А.Х. Рабинович.

Псевдонимы, образованные от имён собственных, можно классифицировать по семантическому признаку, легшему в основание каждого из них:

1. литературные персонажи (*Лаэрт* – А.П. Чехов; *Рики-Тики-Тави* – Л.М. Рейснер);

2. мифологические персонажи (*Икар* – Б.И. Ивинский; *Улисс* – А.П. Чехов);

3. библейские персонажи (*Каин* – О.П. Перельман; *Люцифер* – А.И. Вознесенский);

4. древнегреческие деятели (*Гиппократ* – Д.Л. Мордовцев; *Демокрит* – В.Г. Голиков; *Эзон* – П.К. Мартыанов);

5. зарубежные и русские писатели и поэты (*Рабле* – А.П. Подуров; *Северянин* – Н.В. Щугуров);

6. исторические лица (*Коперник* – Е.П. Катаев).

Весьма интересны литературные псевдонимы, образованные от имени самого автора. Они не носят скрытого смысла и не требуют разгадки замысла автора. Так, Г.П. Карпов подписывался *Жоржем*, М.И. Карцов – *Мишей*.

Таким образом, в основе псевдонимов писателей, образованных от имен существительных, лежат следующие группы слов:

1) географические названия (*Москва* – *Москвитянин*, *Азов* – *Азовец*);

2) имена, фамилии, прозвища (*Игнат* – *Игнатов*, *Бусыга* – *Бусыгин*);

3) слова, обозначающие нематериальные сущности (смысл – *Бесмыслов*);

4) имена нарицательные (*Журналист*, *Интервьюер*);

5) зоонимы (*Сом*, *Комар*);

6) фитонимы (*Ирис*);

7) имена собственные (*Коперник*).

Таким образом, проблема осмысления псевдонимов в контексте лингвокультуры высвечивает целый ряд вопросов, перспективных для изучения.

Литература

1. Виноградов, В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. 362 с.
2. Вербицкая, Н.Н., Гребенщикова, Н.С. Тематические группы женских имен в русской поэзии / Вопросы фундаментальной грамматики. – М.: Гродно, 2000. 137 с.
3. Ожегов, С.И.; Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-е 4-е. – М.: ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
4. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. 336 с.
5. Суперанская, А.В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. – М.: Наука, 1969. 208 с.
6. Флоренский, П.А. Малое собр. соч. Вып.1. Имена. – М.: Купина, 1993. 319 с.
7. Фоякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 104 с.
8. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. 113 с.

Abstract. In this article, the alias is considered as an anthropological unit of language and as a special name of its own, representing the linguistic-cultural and individual-more motivational attitudes. The article presents the classification of aliases, motivated by nouns – proper or common nouns.

Keywords: alias, language and culture, motivation, the author's intent.

Летка-Сыхала О.

PRZEKŁAD IDIOMÓW A ICH KONTEKST KULTUROWY (NA PRZYKŁADZIE JEZYKA ANGIELSKIEGO, ROSYJSKIEGO I POLSKIEGO)

Польша, г. Ольштын, Варминско-Мазурский университет
olgaleтка@wp.pl

Аннотация. Целью данной статьи является анализ перевода идиоматических выражений с культурным компонентом. Идиомы тесно связаны не только с историей и географией определенного народа но очень часто отражают также его повседневную жизнь и быт. Контекст таких идиоматических выражений представляет собой реальную проблему для переводчиков, которые сталкиваются как с культурными различиями, так и безэквивалентной лексикой.

Ключевые слова: идиома, перевод, контекст, культурный, язык, польский, русский, английский.

Trafne określenie czym właściwie jest „**idiom**” (gr. *idioma* szczególna właściwość) to zadanie niezwykle trudne. W literaturze przedmiotu oraz źródłach obcojęzycznych odnajdujemy wiele interpretacji wspomnianego terminu, które w mniejszym lub większym stopniu są ze sobą zbieżne¹. W niniejszej analizie posłużymy się definicją zaczerpniętą ze

¹ U. Weinreich, polsko-amarykański lingwista stwierdził, że idiom to „phraseological unit which has at least two polysemous constituents”. (idiom to jednostka frazeologiczna, która zawiera przynajmniej dwa polisemiczne komponenty. Tłum. własne) (Weinreich, 1969: 25); C. Fernando i R. Flavell odnotowali: „idiom is conventionalized multi-word expressions often, but not always, non-literal” (idiom jest skonwencjonalizowanym złożonym

Słownika terminów literackich traktującego idiom jako stały związek frazeologiczny – frazeologizm, charakterystyczny tylko dla danego języka i dosłownie nieprzekładalny. Idiomami są często wyrażenia przenośne – metafory zleksykalizowane w języku potocznym (Głowiński, Sławiński, 2008: 655).

C. Fernando i R. Flavell podkreślali, wielowarstwowość zjawiska idiomatyczności. Badacze utrzymywali, że ich (idiomów) zdefiniowanie jest możliwe, gdy odwołamy się do zespołu kryteriów odnoszących się do pewnych cech charakterystycznych. Za teoretykami możemy wyróżnić takie atrybuty omawianego pojęcia jak: złożoność (idiomy to związki wielowyrzowe), instytucjonalizacja (idiomy to wyrazy zleksykalizowane bądź spetryfikowane) i brak dosłowności (idiomy to wyrażenia, których sens figuratywny nie odpowiada znaczeniu literalnemu). C. Fernando i R. Flavell rozpatrując wariacje retoryczne wynikające z zastosowania idiomów podkreślali, że idiom, bardziej niż jakikolwiek inny element języka, wymaga od tłumacza nie tylko dokładności, ale szczególnej wrażliwości na retoryczne niuanse języka (Fernando, Flavell, 1981: 14).

A.N. Baranov oraz D.O. Dobrovolskij za szczególny wyróżnik idiomatyczności uznali niewyprowadzalność znaczenia całości ze znaczenia poszczególnych komponentów jednostki frazeologicznej. Zamknęli pojęcie idiomu w trzech charakterystycznych określeniach – „неоднословность, устойчивость и идиоматичность” (Баранов, Добровольский, 2008: 28).

O. Wojtasiewicz, polski językoznawca odniósł idiomatyczność do całokształtu każdej zbiorowości zakorzenionej w danej kulturze. Badacz pojmował ją jako: „zespół predyspozycji do swoistych sposobów reagowania na rzeczywistość, który jest właściwy ludziom mówiącym pewnym językiem i który ich różni od ludzi mówiących innymi językami” (Wojtasiewicz, 2005: 15). Poprzez „sztywne umocowanie” w kulturze idiomy stają się więc specyficznymi nośnikami wiedzy o otaczającym świecie.

Przywołane stwierdzenia potwierdzają „problematyczną” naturę idiomu. I nie chodzi tylko o kwestie definicyjne, terminologiczne czy językowe, ale przede wszystkim translacyjne. Już sam przekład będąc operacją polegającą na sformułowaniu w pewnym języku odpowiednika wymaga od tłumacza nie lada wysiłku (Wojtasiewicz, 2005: 17). Pojawienie się idiomu dodatkowo komplikuje cały proces i obliuguje tłumacza do zdobycia określonej wiedzy na jego temat. Bywa tak, że zastosowanie wyrażenia, które nie jest już przenośne lub użycie odpowiadającego idiomu w języku docelowym może w pełni rozwiązać problem. Innym wyjściem z kłopotliwej sytuacji jest tłumaczenie dosłowne. Należy jednak pamiętać o tym, że niesie

wyrażeniem, nie zawsze figuratywnym. Tłum. własne) (Fernando, Flavell, 1981: 65); N.N. Amosowa twierdziła: „Идиомы – это единицы постоянного контекста, в которых указательный минимум и семантически реализуемый элемент нормально составляют тождество и оба представлены общим лексическим составом словосочетания и которые характеризуются целостным значением” (Амосова, 1963: 72); D.O. Dobrovolskij odnotował: „Идиома – это устойчивое словосочетание различных структурно-семантических типов, чье значение является результатом полного или частичного семантического переосмысления компонентом его структуры” (Добровольский, 2008: 27).

ono za sobą ryzyko pojawienia się nienaturalnie brzmiących związków wyrazowych. By tego uniknąć, tłumacz powinien przede wszystkim uwzględnić perspektywę odbiorcy, dla którego nie wszystkie odniesienia mogą być zrozumiałe oraz musi wykazać się gotowością do zastosowania zabiegów kompensujących „ubytek” treści” (Eftekhari, online).

W literaturze przedmiotu są prezentowane różne strategie przekładu, ułatwiające tłumaczowi „pracę” z idiomami. E. Dobrogowska stwierdziła, że właśnie ekwiwalenty powinny być głównym środkiem, za pomocą których należy tłumaczyć wyrażenia tego typu (Dobrogowska, 2007: 53). E. Tabakowska w poszukiwaniu ekwiwalencji dostrzegała odkrywanie tego, co uniwersalne, a więc przekładalne, w odróżnieniu od tego, co charakterystyczne dla danego języka i niepowtarzalne w sposobie jego używania przez daną osobę, a tym samym potencjalnie niemożliwe do przełożenia na inny język (Tabakowska, 2001: 56). Należy jednak pamiętać, że przejście od jednej kultury do drugiej może uniemożliwić uzyskanie pełnej ekwiwalencji, ponieważ jak zauważyła A. Pstyga: „Przekład jest rozszczepieniem sensu między dwa systemy znaków i dwa „horyzonty konceptualne” odrębnych języków i kultur – a jego znaczenie dokonuje się właśnie w owym rozszczepieniu, w owej różnicy” (Pstyga, 2004: 196). Do kontekstów kulturowych, które utrudniają adekwatną translację E. Nida zaliczył: szeroko rozumianą ekologię – środowisko człowieka, kulturę materialną, ustrój społeczny, sferę religijną i sferę językową.

E. Dobrogowska zaproponowała dwa rozwiązania ułatwiające przezwyciężenie różnic kulturowych. Pierwszym z nich jest ekwiwalent bezpośredni, czyli idiom języka docelowego, którego sens przenośny i dosłowny jak również nacechowanie emocjonalne i stylistyczne są bardzo zbliżone do idiomu języka wyjściowego. Należy podkreślić, że sytuacja taka ma miejsce niezbyt rzadko, ponieważ każdy idiom oparty jest na metaforach lub obrazach specyficznych dla danej kultury. Przykład idiomu bezpośredniego stanowi angielskie wyrażenie: *hide one's head in the sand*, które w języku rosyjskim przybrało podobną formę: *прятать голову в песок* lub funkcjonuje jako *струсовая тактика*. Podobny ekwiwalent możemy odnaleźć w języku polskim: *chować głowę w piasek*.

Znacznie większą grupę stanowią ekwiwalenty semantyczne lub tłumaczeniowe. Idiomy te charakteryzują się innym znaczeniem dosłownym. Występowanie takiego wyrażenia językowego oparte jest na odmiennym obrazie metaforycznym, konotacjach oraz kontekście kulturowym. Przyjrzyjmy się idiomom angielskim oraz ich rosyjskim i polskim odpowiednikom, w których komponenty leksykalne uległy zmianie dostosowując się do realiów kulturowych:

ang. Carry coals to Newcastle
ros. Ехать в Тулу со своим самоваром
pol. Nosić drewno do lasu

Przykład ten potwierdza tezę, że idiomy konstytuują pewien fragment językowego obrazu świata. Dosłowne tłumaczenie angielskiego idiomu – *wieźć węgiel do Newcastle* odpowiada rosyjskiemu *jechać do Tuły ze swoim samowarem*. Zmianie uległy dwa komponenty leksykalne wyrażenia: węgiel (*coal*) został zastąpiony samowarem (*самовар*) – charakterystycznym atrybutem rosyjskiej kultury. Natomiast brytyjskie miasto Newcastle, które w średniowieczu słynęło z wydobycia węgla kamiennego w wersji rosyjskiej zmieniło się w Tułę, w której w XIX wieku produkowano samowary oraz wyroby jubilerskie. Idiom ten występuje w języku polskim w odmiennej formie, ponieważ został niejako „pozbawiony” toponimu. Jak zauważyła T.Z. Czerdancewa: „идиомы с топонимами при переводе заменяются на наиболее обобщенный образный эквивалент или передаются нейтральным эквивалентом” (Черданцева, 1990: 274). Warto podkreślić, iż znaczenie figuratywne nie uległo zmianie (niepotrzebnie się trudzić). Przyjrzyjmy się kolejnym egzemplifikacjom:

ang. Rome was not built in a day
ros. Не сразу Москва строилась
pol. Nie od razu Kraków zbudowano

ang. When in Rome, do as the Roman do
ros. В чужой монастырь со своим уставом не ходи
pol. Jeśli wszedłeś między wrony musisz krakać tak jak one

Powyższe przykłady ilustrują zastosowanie takiego ekwiwalentu, który jest najbliższy kulturze docelowej. Angielski „Rome” przeistacza się w Moskwę – w rosyjskiej wersji, oraz Kraków – w polskiej. Pozostałe elementy nie uległy w zasadzie żadnej modyfikacji, co więcej nie zauważamy przeformułowań kategoryalnych (mamy do czynienia z czasownikiem: „was not built”, „не сразу строилась”, „nie od razu zbudowano”) oraz semantycznych.

Do całkowitej transformacji poszczególnych jednostek przekładu doszło natomiast w kolejnym wyrażeniu, którego znaczenie można sprowadzić do następującego stwierdzenia: jeśli wkroczysz do pewnej grupy społecznej to musisz przestrzegać jej zasad. Analogami Rzymu (Rome), będącego metaforą obcości, odmienności stał się rosyjski „cudzy” klasztor (*чужой монастырь*) oraz wrony – a odpowiednikami Rzymian (Romans) oznaczających przedstawicieli określonej zbiorowości, устав – zbiór praw oraz wrony, których bezpośrednia nazwa została zastąpiona zaimkiem osobowym – one.

Innym przykładem zastosowania ekwiwalentu tłumaczeniowego możemy odnaleźć dla angielskich wyrażeń, które zawierają w swym polu semantycznym słowo deszcz (*rain*) lub mgła (*fog*)¹. Jak stwierdził

¹ Inne przykłady z leksemem „rain” oraz „fog”: „come rain or shine”, „it never rains but it pours”, „it’s raining pitchforks”, „fog a mirror”, „fog something up” zostaną omówione w publikacji o tym samym tytule.

N.A. Jerofiejew w utworze *Туманный Альбион. Англия и Англичане глазами русских 1825–1853* warunki klimatyczne Anglii były nie tylko czynnikiem kształtującym charakter Anglików, ale również wpływały na ich język. Sumarokow w następujący sposób pisał o pogodzie w „mglistym Albionie”: „Редко здесь редко проглянет солнце и то не на долго: а без него трудно жить на свете” (Ерофеев, 1982:15). Tradycyjnym przykładem tego, jak zaskakujące znaczenie kryje się pod angielskimi idiomami jest wyrażenie użyte po raz pierwszy przez Jonatana Swifta w satyrycznym utworze *A Description of a City Shower* – „it rains cats and dogs”. Wielu etymologów twierdzi, że zastosowanie idiomu ma związek z obfitymi deszczami, które nawiedziły Londyn w XVII wieku, i które przyczyniły się do tego, iż na ulicach miasta pojawiły się martwe zwierzęta.

ang. It rains cats and dogs.
ros. Льёт как из ведра
pol. Leje jak z cebra

Zauważamy, że idiom rosyjski jest bliższy polskiemu odpowiednikowi. Obecny w angielskiej wersji element zoonimiczny został zastąpiony przedmiotami związanymi z życiem codziennym (ведро, cebr). Taka metoda koresponduje ze stwierdzeniem T.Z. Czerdancewej: „идиома отражает определённый фрагмент картины мира, связанный с повседневной жизнью и бытом носителей языка, их восприятием мира и наконец социальными отношениями между членами языкового коллектива” (Черданцева, 1990: 280).

Trudności związane z tłumaczeniem idiomu nie wynikają jedynie ze złożoności semantycznej idiomów, różnic w językach charakteryzujących się albo „ubogą” albo „rozbudowaną” morfologią, odmiennego sposobu grupowania semantycznych komponentów i konceptów. Wypływają głównie z „nieprzekładalności” pewnych elementów kulturowych, które mają związek z realiami danej epoki w wymiarze zarówno materialnym jak i społecznym.

Literatura w języku rosyjskim

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии. –Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. 208 с.
2. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии.– М.: Знак, 2008. 656 с.
3. Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853.– М.: Наука, 1982. 320 с.
4. Черданцева, Т.З. Прагматика и семантика идиом (теоретический подход к проблеме эквивалентности идиом разных языков). В: Res Philologica. Памяти академика Г. В. Степанова / отв. ред. Д.С. Лихачёв. – М., Л.: Наука, 1990. 273–283 с.

Literatura w języku angielskim i polskim

1. Dobrogowska, E. Idiomy a kwestia ekwiwalencji. W: Językowy obraz świata w przekładzie i oryginale / Red. A. Szczęsny, K. Hejwowski. – Siedlce: ILS, 2007. 129–136 s.

2. Eftekhari, N. (n.d.). *Lingua.pl – Worldwide Translations*. Retrieved from http://mlingua.pl/pol/czytelnia,,krotki_zarys_problematyki_tlumaczenia_idiomow_negar_eftekhari_tlum_anna_biega_a,713,p,6.html (online: 20.01.2018).

3. Fernando, C., Flavell, R. *On idiom: critical views and perspectives*. – Exeter: University of Exeter, 1981. 94 p.

4. Pstyga, A. *Jednostki frazematyczne w dyskursie publicystycznym – intertekst i ekwiwalencja w przekładzie*. W: *Przekładając nieprzekładalne* / Red. O. i W. Kubińscy. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. 196–202 s.

5. *Słownik terminów literackich* / Red. M. Głowiński, J. Sławiński. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2008. 706 s.

6. Tabakowska, E. *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*. – Kraków: Universitas, 2001. 181 s.

7. Weinreich, U. *Problems in the Analysis of Idioms*. In: *Substance and Structure of Language* / Ed. J. Puhvel. – Berkeley: University of California Press, 1969. 23–81 p.

8. Wojtasiewicz, O. *Wstęp do teorii tłumaczenia*. – Warszawa: Wydawnictwo TEPIS, 2005. 104 s.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the translation of a specific group of expressions – idioms. Apart from its figurative meaning, such phrases are deeply rooted in a culture. This feature very often poses a real challenge for translators who have to deal with cultural differences and problems of non-equivalence between certain languages. The material for the present analysis was taken from three languages: English, Polish and Russian.

Keywords: idiom, translation, context, culture-related terms, languages, Russian, English, Polish.

Медведева А.И.

ЗООНИМЫ В БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Medwedewa1995@yandex.ru

Аннотация. Говоры Белгородчины представляют значимый в контексте становления русского общенародного языка диалектный лексический фонд. При этом говоры Белогорья являются малоизученным объектом отечественной диалектологии. Цель данной работы – представить зоонимы, функционирующие в белгородских говорах, выявив диалектную и региональную специфику лексических единиц, входящих в данную тематическую группу.

Ключевые слова: диалект, региолект, тематическая группа, лексико-семантическая группа, зооним, украинизм.

В русской лексической системе важное место занимает лексико-семантическое поле, формируемое из единиц тематической группы названий животных. Для обозначения слов, входящих в эту тематическую группу, используются такие термины, как *зооним*, *зоолексема*, *зоономинанта* и т.п. В нашей работе мы используем наиболее распространенный термин «зооним». Зооним – это номинация, выступающая в качестве родового названия животного. В народных говорах тематические подгруппы зоонимов могут проявлять отличия от зоони-

мических объединений в литературном языке. Это зачастую связано с той ролью, которую играют животные в сельскохозяйственной деятельности. Кроме того, охота и рыбная ловля также более развиты в сельской местности, а потому народные говоры нередко представляют более детализированные группы зоонимических единиц и ряды вариативных наименований.

В частности, в речи сельских жителей Белгородчины функционируют такие диалектизмы, как **ярка** 'овца'; **бирюк** 'волк'; **трусы** 'кролики'; **беляк** 'заяц'; **ведьми дь / ведми дь / ведмедь** 'медведь' и т.д.

В целом тематическая группа «Названия животных» в говорах Белогорья представлена следующими подгруппами:

- наименования домашних животных;
- наименования диких животных;
- наименования животных по возрасту.

В отдельный кластер мы выделили слова-характеристики животных (**видовые характеристики**).

К группе наименований **домашних животных** относятся те номинации, которые используются в основном в сельском хозяйстве и находят применение непосредственно в деятельности человека. Приведем некоторые примеры.

Буга й – суц., -я, муж.р., экспр. 1. Крупный бык. /Бууа́й// (п. Пролетарский, Ракитян.; п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Верховень, Ивнян.; Ровеньск.; Шебекин.); 2. Бык, который бодается. /Сос'ид / пр'ид'иржы своуо бууа́йа // (с. Волчья Александровка, Волокон., 1998 г.). || «**Буга й, я, м.** 1. Племенной бык. Бобр. Ворон., 1849. Тамб. Пойдем, а то бугай заколет. 2. Кастрированный бык. Россошан. Ворон., Попов, 1961» [СРНГ 3: 235-236]+ **Р вивця** – суц., -ы, жен.р., нейтр. 'овца': /В'ифца́ // (Ровеньской район) (ООСБ, 2017: 43).

Кобы ла – суц., -ы, жен.р., нейтр. Лошадь. /Папрас'ил'и кабы́ лу с падво́ дај// (с. Двухлучное, Валуйск.). [СРНГ 14: 17]+ **Р** (ООСБ, 2017: 140).

Коня ка – суц., -и, общ.р., экспр. Конь, кобыла, лошадь вообще. /Кан'а́ ка крупньй у т'иб'а //; /Кан'а́ ка ст'араја// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.; с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Голловчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Алексеенково, Алексеев.; Ровеньск.; с. Грушевка, Волокон.). [СРНГ 14: 279]+ **Р** (ООСБ, 2017: 146).

Телушка, тядушка – суц., -и, жен.р., нейтр. Молодая корова, теленок женского пола. /Т'илу́шка// (п. Пролетарский, Ракитян.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.); /Напаи́ ид'и́ т'алу́шку//; /Т'а́лушка// (с. Казацкое, Яковлев.; п. Троцкий, Губкин.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). [СРНГ 44: 14]+ (ООСБ, 2017: 279).

Тру ска – суц., -и, жен.р., нейтр. Крольчиха. /Тру́ ска д'у́ же т'ажела́ у на с// (п. Уразово, Валуйск., 1999 г.). Ср. укр. *трус* –

‘кроль, кролик’. || «<...> 3. **Тру́ска**, ж. Самка кролика. Ставроп. Самар., 1897» [СРНГ 45: 170]+ (ООСБ, 2017: 228).

Хря́к – суц., -а, муж.р., нейтр. Кабан, самец свиньи. /Н’икада́ хр’а́ка н’е д’аржа л’и//; /У на́с здрао́ выј хр’а́к// (с. Песчаное, Корочан., 1998 г.; с. Большая Ивановка, Новооск., 2004 г.; с. Богородское, Новооск.); 2. бран., переносн. О толстом, большом человеке. /Во здрао́ выј хр’а́к// (с. Грушевка, Волокон.). [Даль IV: 567]+ (ООСБ, 2017: 307).

Я́рка – суц., -и, жен.р., нейтр. Овца. /ја́рка// (с. Алексеенково, Алексеев.; с. Грушевка, Волокон.; с. Богородское, Новооск.; с. Великомихайловка, Новооск.). || «зап. пск. **ярка, ярочка, ярыш** м. молодая овца, еще яловая, неперегодоваляя» [Даль IV: 680]+ (ООСБ, 2017: 329).

Здесь мы видим распространенные в говорах наименования крупного рогатого и мелкого скота, лошадей, свиней, то есть тех животных, которые приоритетно разводит человек в данной местности. В данном ряду преобладают исконно русские наименования – русизмы, однако проявляется и влияние украинских говоров, см. наименования *трус* – ‘кролик’, *труска* – ‘крольчиха’, *трусунёнок* – ‘крольчонок’.

Группа **номинаций диких животных** включает в себя зоонимы, номилирующие животных, живущих за пределами сферы деятельности человека, место их обитания – дикая природа, в частности – лесистая местность:

Бея́к – суц., -а́, муж.р., нейтр. Заяц. /Б’ил’а́к// (Красноярж.). || «Бея́йка, и, м. Заяц-беяк. Ай не заякка скачет, Не беяйка пляшет (песня)» [СРНГ 2: 239]+ (ООСБ, 2017: 36).

Бирю́к – суц., -а́, муж.р., нейтр. 1. Волк. /Б’ир’у́к шастал// (Красноярж.). 2. **Перенос.** неодобрит.: прозвище нелюдимого человека. /Б’ир’у́к / н’и с к’ём н’и лад’ит// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.; г. Бирюч, Красногвард., 2016). [СРНГ 2: 294](+) (ООСБ, 2017: 37).

Ведме́дь, см. также **вядмедь** – суц., -я, муж.р., нейтр. Медведь. /Да в’ич’и в’и д’ил’и ф ч’ащ’и н’и в’идм’ед’а//; /Та́ мы в’идм’ид’и в ныко́лы ны ба́чи’лы// (с. Илек-Пеньковка Красноярж.; с. Волчья Александровка, Волокон., 1998 г.; с. Грушевка, Волокон.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Казацкое, Красногвард., 2016 г.). Украинизм, ср. укр. *ведмідь*. [СРНГ 4: 92]+ (ООСБ, 2017: 51).

Жабалу́ха – суц., -и, жен.р., нейтр. Лягушка. /Да то жаба-лу́ха ква́ка// (с. Славянка, Чернян., 1999 г.). [Даль]-; [СРНГ]- (ООСБ, 2017: 107).

Косо́й – суц., субстантивир., -ая, -ое, муж.р., нейтр. Заяц. /Косо́й// (Красноярж.). [СРНГ 15: 64-65](-) (ООСБ, 2017: 148).

Кри́т, см. также **крот, слепыш, слепец, слепчик, слепушанок** – суц., -а́, муж.р., нейтр. Крот, слепыш, землеройное животное, вредитель огородов. /Кр’и́т в’ис’ аґаро́т п’ир’икапа́л// (Красноярж.; г. Бирюч, Красногвард., 2016 г.). Украинизм, ср. укр.

крит. || «Слепы́ш, м. <...> 5. Крот. Курмыш. Симб., 1897. Алатыр. Симб.» [СРНГ 38: 271]+ (ООСБ, 2017: 151).

Мы́ша – суц., -и, жен.р., нейтр. Мышь. /**Мы́ша зав’ула́с’**// (п. Троицкий, Губкин.; Корочан.); [СРНГ 19: 68]+» (Кошарная, 2017: 175).

Ры́ жая – суц., субстантив., жен.р., нейтр. Лиса. /**Ры́ жаја**// (Красноярж.). [СРНГ]- (ООСБ, 2017: 245).

Соха́ тый – субстантив., -ого, муж.р., нейтр. Лось. /**Саха́ тый**// (Красноярж.). || «Соха́ тый <...> 2. Рогатый. Соха́тый олень. Двухгодовалый северный олень, у которого вырастают рога. Сев.-Сиб., Даль. <...> Моск. Соха́тый, м. 1. Олень в возрасте от двух лет, у которого уже выросли рога. Сиб., Камч., 1842» [СРНГ 40: 81](-) (ООСБ, 2017: 265).

Как видим, здесь имеют место как общерусские лексемы: беляк, сохатый и т.п., так и диалектно маркированные: *жабалуха*, *мыша* и др. Проявляется и влияние украинского языка: *крит*, *ведмедь*.

В подгруппе **наименований животных по возрасту** представлены номинации коров и коней разного возраста, например, наименования молодых коров, телят:

Ке́ рвитка – суц., -и, жен.р., нейтр. Корова от 2-ух до 3-х лет. /**К’е́ р’витка**// (с. Ильинка, Алексеев.). [СРНГ]- (ООСБ, 2017: 137);

Не́ тель – суц., -и, жен.р., нейтр. 1. Корова в возрасте от 1-го до 3-х лет. /**Н’е́ т’ил’**// (с. Вязовое, Прохоров.; с. Меняйлово, Алексеев.; 2. Слученная телка. /**Н’е́ т’ил’**// (Вейдел.). [СРНГ 21: 181](+) (ООСБ, 2017: 171);

Перва́ тка, см. также **первотелка**, **первотёлка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Корова от 2-х до 3-х лет. /**П’ирва тка**// (с. Богородское, Новооск., 1993 г.; Новооск.). [СРНГ 25: 351]+ (ООСБ, 2017: 201);

Теля́ , тыля́ – суц., -и, жен.р., нейтр. Корова в возрасте до года, телёнок. /**Т’ел’а́ / т’ел’о́ нок’éта**// // (с. Хмелевое, Корочан., 1998 г.; с. Волоотово, Чернян., 1999 г.; п. Уразово, Валуйск., 1999 г.; с. Меняйлово, Алексеев.; с. Радьковка, Прохоров.); /**Тыл’а́**// (с. Большая Ивановка, Новооск.; п. Пролетарский, Ракитян.). *Мн.ч.* Телята, телятки. /**За т’ал’а́ ткам’и сматр’е́ т’ на́ да**// (с. Хмелевое, Корочан., 1998 г.). [СРНГ 44: 18]+ **R** (ООСБ, 2017: 280).

Обнаружено традиционное для русского языка собирательное наименование молодых животных:

Молодня́ к – суц., -а, муж.р., нейтр. 1. Коровы (телята) в возрасте до года. /**Маладн’а́ к**// (с. Вязовое, Прохоров.); 2. Молодая поросль деревьев, молодой лес. /**Маладн’а́ к**// (с. Истобное, Губкин., 1997 г.; с. Ливенка, Красногвард.). [СРНГ 18: 226]+ (ООСБ, 2017: 171).

Наименования жеребенка характеризуются вариативностью:

Стрига́ н, см. также **стригун**, **стригунок**, **стригун** – суц., -а, муж.р., нейтр. Жеребенок в возрасте от года до двух лет. Обычно годовалому жеребёнку подстригают гриву, что и обусловило название. /**Стр’иуа́ н**// (с. Яблоново, Корочан., 1995 г.). [СРНГ 41:

339]+**стригуно́к** – суц., -а, муж.р., нейтр. ‘лошадь до года’: /Стр’иуно́к// (с. Меняйлово, Алексеевский район) (ООСБ, 2017: 271).

В кластер номинаций **видовых характеристик** вошли слова, обозначающие окраску животных, в частности:

Вóрон – крат. прил., -ы, -а, нейтр. Черная масть лошадей. /Варана́ кабыла// (с. Меняйлово, Алексеев.). || «Вороне́ юшко, а, м. Конь вороной масти. Что-то мой миленький работает?.. Тапочки ка-тает, Воронеюшка седлает, Оседлавши, коня. Со двора милой съезжа-ет. Вят., Соболевский. Онеж. КАССР, 1933. Пример. Арх.» [СРНГ 5: 113]. **красноря́ба** – крат. прил., -ы, жен.р. ‘масть коровы в рыжих пятнах’: /Краснар’а́ ба// (с. Меняйлово, Алексеевский район) (ООСБ, 2017: 64);

Пáлевый – прил., -ая, -ое, нейтр. Бледно-коричневый (цвет). **Палива**. **Па́лива** – усеч. прил., жен.р. Масть коровы бледно-коричневого цвета. /Па́лива карóва// (с. Меняйлово, Алексеев.). [СРНГ]- (ООСБ, 2017: 197).

Следует отметить, что некоторую часть от общего количества диалектизмов во всех группах рассмотренной зоонимической лексики составляют украинизмы: **вивця́** – ‘овца’; **ведьми́дь** ‘медведь’ и т.д. Это свидетельствует о влиянии украинского языка на белгородские говоры, в связи с чем наблюдается смешение диалектов и образование особого белгородского региолекта.

Таким образом, даже предварительное описание зоонимической лексики, функционирующей в белгородских говорах, выявляет важные для понимания культуры и региональных языковых особенностей Белгородской области факты. Данная лексическая группа включает «культурно маркированные единицы», которые несут в своей семантике информацию об истории и культуре носителей говоров, а потому разноаспектное описание белгородских диалектных и региональных зоонимов представляется важной задачей, освещение которой значи-мо для решения целого ряда лингвистических и экстралингвистиче-ских вопросов.

Литература

1. ООСБ – Кошарная А.С. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3 700 слов / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева; под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 332 с.

Abstract. Dialects of Belgorod region represent meaningful in the context of the formation of Russian popular language the dialectal lexical Fund. The dialects of the Belgorod region are poorly known object of domestic dialectology. The aim of this work is to present names of operating in Belgorod dialects, identifying dialectal and regional specificity of the lexical units included in this thematic group.

Key words: dialect, regiolect, thematic group, lexical-semantic group, the name of the animal, ukrainianism.

Ожеховска Иоанна
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «МЕДВЕДЬ»
В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Польша, г. Ольштын, Варминско-Мазурский университет

Аннотация. Одним из методов исследования лингвокультурологического объекта является описание его ассоциативного поля. Сопоставление ассоциативных полей позволяет выявить различия в языках и культурах, открыть причины взаимного непонимания носителей разных языков и культур. В данной статье сопоставляются поля «Медведь» в русском и польском языках и выявляются существенные различия между ними.

Ключевые слова: лингвокультурология, ассоциативное поле, «Медведь».

С появлением нового направления в науке, возникшего на стыке культурологии и лингвистики – лингвокультурологии, язык исследуется не только как средство общения, но и как хранитель и собиратель культуры, а также носитель культурных ценностей, которые передаются из поколения в поколение. В языковом сознании каждого народа функционируют слова и выражения, называющие лингвокультурологические объекты, объединяющие народ, носителей одного языка в одно культурное пространство. В таких словах и выражениях запечатлены знания русского народа о самом себе и об окружающей природе, но они чужды и непонятны носителям других языков и представителям других культур (Воробьев, 2006: 23-24).

Одним из методов исследования лингвокультурологического объекта является описание его ассоциативного поля (Воробьев, 2006: 40-43), которое создает для определенного народа кусок своей «картины мира». Лингвокультурологические ассоциативные поля у разных народов могут значительно отличаться друг от друга, поэтому их сопоставление позволяет выявить различия в языках и культурах, открыть причины взаимного непонимания носителей разных языков и культур (Воробьев, 2006: 34).

В настоящей статье рассмотрим лингвокультурологическое ассоциативное поле «Медведь» в русском языке и сопоставим его с ассоциативным полем «Niedźwiedź» в польском языке. Стимулом к проведению исследования послужили многочисленные случаи непонимания синонимов и определений слова *медведь* на практических занятиях по РКИ, а также проблемы с переводом на польский язык синонимов слова *медведь*, вошедших в его ассоциативное поле.

На основе данных ассоциативного словаря (Русский ассоциативный словарь, 2002), словаря синонимов (Словарь синонимов, 1975: 237), словаря Даля (Даль, 1979: 311), и русских сказок (Камалова, 2011: 185) нами выделены следующие элементы, образующие ассоциативное поле лингвокультурологического объекта «Медведь»: *барин, косолапый, Михаил Потапыч, Топтыгин, Михайло Иванович, мишка, неловкий, неповоротливый, неуклюжий, хозяин.*

В ходе проведенного ассоциативного эксперимента в группе из 36 студентов III курса русской филологии Варминско-Мазурского университета было выявлено, что в языковом сознании поляков указанные слова и сочетания не ассоциируются со словом *медведь*.

Польские студенты сумеют разгадать загадки:

Бурый, косолапый

По лесу бредет.

Любит «одолжить» он

У лесных пчел мед, —

или:

Косолапый и мохнатый,

Греет он в берлоге лапы.

Летом любит погулять

И зверушек охранять.

А зимой, под вьюжный вой,

Спит в избушке снеговой, —

лишь потому, что им хорошо знаком образ медведя, который любит мед и живет в берлоге. Однако непонятым остается прилагательное *косолапый*: 1. Ступающий пятками врозь *Косолапый медведь* (Ожегов, 1968: 292). Такой образ медведя вызывает у польских студентов недоумение, потому что в польской языковой картине мира медведи не страдают косолапостью. Носители русского языка узнают об изъяне в походке медведя уже в детском саду, когда учат наизусть стишок «Мишка косолапый», который является культурологической лакуной:

Мишка косолапый

По лесу идет,

Шишки собирает,

И в карман кладет.

Вдруг, упала шишка —

Прямо мишке в лоб!

Мишка рассердился

И ногою топ!

Польские дети в детских садах знают игру и учат песенку о старом, грозном медведе, который спит, но когда проснется может всех съесть:

Stary niedźwiedź mocno śpi,

stary niedźwiedź mocno śpi.

My go nie zbudzimy, bo się go boimy,

jak się zbudzi, to nas zje.

jak się zbudzi, to nas zje.

Слово *косолапый* вызывает также проблемы у переводчиков.

В переводе Виктора Длуского повести Бориса Акунина «Пелагия и черный монах» *косолапый* переводится как ***krzywołapy***:

Pewnego razu, lat temu sto, na jednego z pustelników napadł

niedźwiedź, który przyplynał z którejs z odległych wysp, i zaczął szarpać nieszczęśnika. Ten zaś, niewiele myśląc, zakrzyczał: „Bracia, bracia!” Przybiegło dwóch pozostałych, razem przegnali **krzywołapego** kosturami, ale potem żyć z towarzyszem, który naruszył ślub milczenia, nie życzyli sobie...(Akunin, 2001: 16).

В другой повести Бориса Акунина «F.M.» переводчик (Ежи Чех) создаёт однозвучный окказионализм (отсутствующий в словарях польского языка) — **kosolapy**:

Za to jeśli jesteś tu swój i znasz wszystkie ścieżki, norki, barłogi, to nie ma lepszego miejsca na świecie. Dobrzy koledzy, mieszkańcy lasu, i pouczą, i ostrzeżą, i pomogą w biedzie. Zając skoczybruzda podpowie, gdzie są grzyby i jagody, siostrzyczka lisiczka pomoże dogadać się z leśnikiem, szary wilk zaprowadzi, gdzie trzeba, a niedźwiedź **kosolapy** zapewni ochronę (Akunin, 2008: 46).

В повести-репортаже о путешествии через Сибирь Яцек Палкевич приводят рассказ местного жителя Славы о медведях. Для популярного в русском языке синонима слова медведь польский путешественник находит окказиональное соответствие **stopochodny**:

Stopochodny przemieszcza się z prędkością 30 kilometrów na godzinę — ciągnie Sława. — Wdrapuje się na drzewa, gdy głód go do tego popchnie, wchodzi do wiosek, nawet do domostw (Pałkiewicz, 2007: 144).

В переводе на польский язык народной сказки «Колобок» переводчик (М. Долинська) выбрала польское слово **krzywonogi**:

Toczy się kołaczyk, a idzie drogą niedźwiedź. – Kołaczyku, kołaczyku, zaraz cię zjem! – Gdzie tam, nie zjesz mnie, **krzywonogi!** (Kołaczyk, 1982).

В результате процесса субстантивации прилагательное *косолапый*, обозначающее черту походки медведя, превратилось в народно-разговорный эквивалент его названия (ср. *косой* – *заяц*, *серый* – *волк*, *сохатый* – *лось*). Поэтому носителям русской культуры понятно, кто является главным героем комедийного фильма «Косолапый друг» (1959, СССР, режиссер – Владимир Сухобоков), или репортажа в Вестях-Москва «Косолапый постоялец», но это не является очевидным для представителей и носителей польской культуры и языка.

Популярным синонимом слова *медведь* является слово *мишка*. Мишка является уменьшительной формой к собственному имени Михаил, поэтому именно так зовут медведя в детских стихах, сказках, мультипликационных фильмах. «Антропоморфизм при наименовании животных имеет древнейший источник и восходит к мифопоэтическому сознанию, в котором медведю отводилась роль тотемного животного» (Камалова, 2011: 191). Наделение медведя, фольклорного персонажа сказок человеческими чертами привело к появлению у него не только имени, но и отчества, а также фамилии – *Михайло Потопыч Топтыгин*.

Эти имена собственные часто используются как синонимы слова *медведь*, например:

Я присмотрелась и не удержалась от улыбки: Лена формировала семьи «плюшек». Вот большой медведь, у него на коленях сидит очень маленькая собачка, рядом восседает лиса, но она меньше **Топтыгина**. (...) На другой полке два **Топтыгина**, оба в красных одеяниях, «отец» в камзоде, «мать» в бальном платье (Донцова, 2015: 145-146).

В данном случае также можно говорить о культурологической лакуне. И так как в случае определения *косолапый*, переводчик может заменить элемент ассоциативного поля другим элементом, без потери информативности текста, но с потерей культурной коннотации (*косолапый* – *niedźwiedź*, *Топтыгин* – *niedźwiedź*).

Но, какой бы ни избрал переводчик прием передачи имени собственного, не сможет сохранить шуточного характера культурно обусловленного диалога:

– У меня есть один знакомый Михаил Потапович, он очень милый... – частила Рина.

– Топтыгин, – хихикнула я, – бурый медведь (Донцова, 2017: 109).

По сравнению с русским лингвокультурологическим ассоциативным полем «Медведь», польское поле кажется значительно уже. В ассоциативном поле «*Niedźwiedź*» отсутствуют соответствия *косолапый* и *Михаил Потапович Топтыгин*. В словаре синонимов польского языка (Broniarek, 2017) кроме уменьшительных и увеличительных форм слова *niedźwiedź* (*niedźwiadek*, *niedźwiedziątko*, *niedźwiedzisko*), находим соответствие *мишки* – *miś* и имя героя польского мультипликационного фильма *uszatek* (*ушастый*). В польском ассоциативном словаре (Польский ассоциативный словарь, 2008) не помещена статья «*Niedźwiedź*», но можно предполагать, что ассоциативное поле будут образовывать имена других мишек – героев сказок и мультфильмов – *Miś Koralgol*, *Miś Uszatek*, *Miś Puchatek*.

Сопоставление ассоциативных полей «Медведь» и «*Niedźwiedź*» показывает, что хотя семантика и сигматика слов, называющих лингвокультурологические объекты тождественны, то различие в составе ассоциативных полей может привести к непониманию высказываний носителей данного языка и культуры, и неудачным переводам, не учитывающим ни семантики, ни культурного наполнения слова.

Литература

Воробьев, В.В. Лингвокультурология. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. – М.: Эксмо, 2009.

Донцова, Д. Бабки царя Соломона. – М.: Эксмо, 2015.

Донцова, Д. Львина доля серой мышки. – М.: Эксмо.

Камалова, А.А. Русская народная сказка в этнолингвистическом аспекте/ *Bajka w przestrzeni naukowej i edukacyjnej*/ Под ред. J. Nawackiej, M. Zaorskiej. – Olsztyn: Katedra UNESCO Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011, s. 183-191.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Москва: Издательство «Советская Энциклопедия», 1968.

Русский ассоциативный словарь, Том I, От стимула к реакции, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ Астрель, 2002.

Словарь синонимов. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1975.

Akunin, B. Pelagia i Czarny Mnich. – Wydawnictwo Noir sur Blanc, 2001.

Akunin, B. F.M. – Wydawnictwo „Świat Książki”, 2008.

Broniarek, W. Gdy Ci słowa zabraknie. 2017, <https://www.synonimy.pl/>

Kołaczyk / Пер. М. Dolińska. – М.: Wydawnictwo „Małyś”, 1982.

Palkiewicz, J. Syberia. Wyprawa na biegun zimna. – Wydawnictwo: Zysk i S-ka, 2007.

Polski słownik asocjacyjny z suplementem, R. Gawarkiewicz, I. Pietrzyk, B. Rodziewicz. – Szczecin: PRINT GROUP Sp. z o.o., 2008.

Abstract. One of the methods of analysis applied in cultural linguistics consists in describing the connotative field of a given analyzed object. Comparing association fields allows one to determine differences between languages and cultures, as well as discovering causes of misunderstanding representatives of other languages and cultures. This paper constitutes a comparative analysis of the association fields of the word bear in Polish and in Russian, whose aim was to determine significant differences between them.

Keywords: cultural linguistics, connotative field, bear.

Папоян К.О.

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
reniteg@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются фольклорно-мифологические элементы, функционирующие в поэтической картине мира М.И. Цветаевой. Фольклорно-мифологическая лексика является значительным пластом в поэзии М.И. Цветаевой, включает в себе ряды различных живых образов и обращений автора к культурному наследию человечества, репрезентирует собственную идентификацию автора с этносом и позволяет в полной мере передать чувства, эмоции лирической героини.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, языковая картина мира, фольклор, миф, фольклоризм, мифоним, мифологема.

Несмотря на постоянный исследовательский интерес со стороны лингвистической научной мысли, поэтическое наследие М.И. Цветаевой продолжает оставаться во многом явлением слабоизученным. М.И. Цветаева оставила огромное, и пока еще в должной мере не оцененное, творческое наследие: «семнадцать поэм, сборники лирических стихов, восемь стихотворных драм, а также автобиографическую прозу, дневниковые записи и письма» (Алламуратова, 2017: 298).

Фольклорно-мифологическая лексика является значительным пластом в поэзии М.И. Цветаевой, который в силу специфики не только включает в себе ряды различных живых образов и обращений автора к культурному наследию человечества, репрезентирует собственную идентификацию автора с этносом, но и позволяет в полной мере передать чувства, настроение, эмоции лирической героини.

Прежде чем переходить к особенностям функционирования фольклорно-мифологической лексики в поэтических произведениях автора необходимо определиться с терминологией нашего исследования. В частности, фольклорная лексика сегодня уже не сводится только к лексическим единицам устного народного творчества, например таким, как народная песня или былина. Само понятие вбирает в себя структурирующие элементы всех форм и видов фольклора как единого комплекса невербальной и вербальной духовной культуры этноса или этносов (если речь идет о мировом фольклоре). Фольклор включает в себя пословицы и поговорки, загадки, диалектную речь, метафоры, сравнения, которые употребляются непосредственно в речи, молитвы и игры, рецепты блюд, прощальные и приветственные формулы, песни, стихи, сказки и др. Как справедливо полагает И.С. Климас, необходимо «разграничить понятия «лексика русского фольклора» и «фольклорная лексика». Под лексикой (словарным составом / словарем, лексическим фондом / лексиконом) русского фольклора мы понимаем всю совокупность лексических единиц, фиксируемых в произведениях устного народного творчества. В этом смысле словарный состав русского фольклора – часть общеязыкового фонда, выделяемая в связи со сферой и условиями использования. Фольклорная лексика – понятие более узкое; это те лексические единицы, которые не встречаются за границами фольклорных произведений и не используются «в коммуникативно-речевой функции, оставаясь лишь определенным средством художественно-языковой действительности» (Л.И. Ройзензон). Если рассматривать язык фольклора как своеобразную художественно-языковую систему в границах общенационального языка, то фольклорная лексика может считаться в своей сфере стилеобразующей, а за ее пределами переходит в разряд стилистически маркированной» (Климас, 2005: 5). Следовательно, фольклорная лексика – это все лексические элементы, так или иначе приходящие фольклору.

Что касается мифологической лексики, то сегодня не существует единых терминов для определения лексических единиц, представляющих мифологическую картину мира. Например, О.А. Черепанова в своих работах говорит о «мифологемах», дефиниция которых сводится к словам, служащим обозначением мифологических понятий. Исследователь А.А. Юнаковская обозначает их как «мифологизмы», которые являют собой слова, обозначающие различные мифологические персонажи, и словосочетания, фиксирующие мифологические

действия, отражающие древнее мифологическое сознание и употребляемые в речи современных носителей языка. С.А. Кошарная использует термин «мифоним», трактуя его как именование вымышленного объекта и – одновременно – средством объективации мифоконцепта (Кошарная, 2002). Таким образом, под мифологической лексикой мы будем понимать те лексические единицы, которые представляют собой, во-первых, наименования персонажей, которые так или иначе связаны с мифологией; во-вторых, слова, семантическое наполнение которых можно соотнести с результатами мифического мышления в процессе структурирования мира.

Фольклорная и мифологическая лексика не представляют два изолированных друг от друга класса слов, отличаясь взаимопроникновением (равным образом, фольклорная и мифологическая картина мира неразрывно связаны как в диахронии, так и в синхронии), поэтому мы в нашей работе используем синкретичный термин «фольклорно-мифологическая лексика». Этот лексический пласт играет значимую роль в формировании художественной картины мира, что подтверждает анализ поэтических текстов М.И. Цветаевой. Заметим, что с 1916 года происходит трансформация поэтических произведений М.И. Цветаевой: если до этого момента все ее стихи были подчинены ее же тезису: *Я одна с моей большой любовью / К собственной моей душе* (Цветаева, 1994: 178), то есть до 1916 года она пишет только о себе, о своих чувствах, преломляя через призму собственного «я» жизненные события и мир в целом; позже М. Цветаева начинает уделять огромное внимание фольклору и мифологии, соответственно частота употребления фольклорно-мифологической лексики значительно возрастает. Известно, что фольклорные произведения строятся совсем по другим критериям, нежели литературное лирическое авторское произведение, имеют другую структуру, здесь нет строго обозначенного концепта «я», само авторство предельно размывается. Но именно фольклорно-мифологический опыт стал отдельным творческим опытом, в контексте которого М.И. Цветаева «не ограничивалась простой стилизацией», и «данный факт стал тем важным звеном авторского духовного роста, его самоидентификации, когда он расширяет пределы уже достигнутого и выходит на новый уровень своего мастерства» (Александров, 1989: 84).

Как отмечают исследователи, одно из самых жизнеутверждающих поэтических произведений М.И. Цветаевой – «Посадила яблоньку...». Поэтика всего стихотворения построена на аксиологическом базисе народных представлений о том, что необходимо сделать мужчине/человеку для того, чтобы считать свою жизнь осмысленной: посадить дерево, построить дом, дать продолжение роду – вырастить сына. Необходимо отметить, что в момент написания этого произведения сама поэтесса стала матерью, родив дочь. Поэтому эти три ключевых момента подлинности существования человека, выраженные

народом, автор раскрывает с женской автобиографичной позиции, которые выражаются в глагольной анафоре, следующих строф: *посадила яблоньку; приманила в горницу; породила доченьку* (Цветаева, 1994: 251). То есть, установка «Я одна с моей большой любовью / К собственной моей душе» никуда не исчезла, она всего лишь претерпела трансформацию – с позиций переосмысления бытия. То есть, М. Цветаева в большинстве произведений, даже с присутствием фольклорно-мифологических включений, продолжает писать о себе, используя метафоры, отображает свою жизнь, пусть и стилизованную под фольклорное произведение. В данном стихотворении, кроме общей стилизации, выраженной в использовании уменьшительно-ласкательной лексики, без которой немыслимо русско-народное устное творчество: *доченька, оченьки, забавонька* и др., используются и метафоричные лексические единицы: *приманила горлицу*. Именно в образе горлицы сосредоточен глубинный символ мира, благой вести, любви, семейного счастья и других положительных концептов. В результате можно говорить о том, что глубокая образность произведения, сам его эмоциональный посыл, а также все образы связаны именно с фольклором и самобытной народной культурой, при этом автор не только не растворяется в ней или отдаляется от нее, но гармонично вплетает в неё свой голос, продолжая этнокультурную традицию. И происходит это не только потому, что автор создает стихотворение, похожее по ритму на народную песню, но благодаря подлинно цветаевскому стилю, в которой использование фольклорной лексики сочетается с глубокой цивилизационной образностью автора.

Приведем в качестве иллюстрации еще два стихотворения того же цикла: «К озеру вышла...» и «Отмыкала ларец железный...». В данных стихотворениях М.И. Цветаевой общий образ перстня, полученного от суженого (*млада-лебедя*), является элементом фольклорно-мифологической картины мира, где лебедь – не просто образ птицы, но олицетворение красоты, духовной чистоты, совершенства. Именно в таком прочтении лексема *лебедь* предстаёт как символ, соотносимый с фольклорной картиной мира. Для создания стилизации под народный эпос здесь также используется лексический повтор: ***С крупным жемчугом перстенек, / С крупным жемчугом*** (Цветаева, 1994: 250). *Перстень* здесь – символ, как и *ларец железный*. Если первый предстает как память о суженном (воспоминания о нем), то в *ларце железном* издревле хранили ценности. Его нутро было сокрыто от чужих людей, как и сокровенные чувства лирической героини.

Тематика данных произведений объединена общим смыслом – назначением и судьбой русской женщины. Ее духовный мир базируется на консервативных ценностях, чья судьба всегда связана с ролью хранительницы домашнего очага, с семьей и детьми, с суженым, а еще чаще – с несчастливой любовью. В соответствии с архаичной народной традицией, браки были договорными, родители дочерей ставили во главу угла материальную обеспеченность будущего жениха, возможность удачным

браком дочери устроить ее судьбу и свою. Именно отсюда и идут корни поговорки «*Стерпится – слюбится*». В результате судьба героинь народных лирических песен, баллад, других фольклорных произведений зачастую трагична, и смерть становится логичным итогом их горькой судьбы. В ряде фольклорных текстов героини, не в силах смириться с судьбой, порой выбирают путь самоубийства. Эта фольклорная традиция запечатлена в анализируемых текстах М. Цветаевой: закономерный итог юношеской трагической любви автор описывает в типично-русской традиции фатализма: *А надо мною – кричат сове, / А надо мною – шуметь траве...* (Цветаева, 1994: 250). Сова здесь, скорее всего, образ не мистический, не мифологический, а некая отсылка к народной песне «Черный ворон», трагически-фаталистические мотивы которой соотносятся и с цветаевскими строками.

Фольклорно-мифологическая лексика определяет специфику стихотворения «Але»: *Знай одно: что завтра будешь старой. / пей вино, правь тройкой, пой у Яра, / Синеокою цыганкой будь. / Знай одно: никто тебе не пара – / И бросайся каждому на грудь* (Цветаева, 1994: 355). Здесь поэтическая картина мира автора представлена следующими фольклоризмами: *тройка* – упряжка лошадей, которую в отличие от экипажей использовали во время праздничных, народных гуляний. Словосочетание *удалая тройка* репрезентирует образ, связанный, в первую очередь, с русским народным эпосом, и символизирует веселье, праздник. Например, тройки лошадей запрягали во время Масленичных гуляний. Лексема *цыганка* также символизирует свободу вплоть до разнузданного веселья, а словосочетание *петь у Яра* отсылает читателя к исторической (рубежа XIX–XX вв.) лингвокультуре «Яр»: «Яр» – название нескольких знаменитых ресторанов в Москве XIX – начала XX вв. Ресторан «Яр» пользовался популярностью у представителей богемы и был одним из центров цыганской музыки. Таким образом, используя вкрапления лексических элементов фольклора и культурной жизни народа, связанной с праздником, со свободой, удалью, поэтесса передает дух безграничного веселья, отражая в слове яркость красок жизни. Вместе с тем, используемая автором лексика репрезентирует характерную русскому человеку и самой поэтессе вольность, непокорность, свободолюбие, непокорность судьбе, что также является одной из культурных доминант русского человека.

Помимо собственно фольклорной лексики М.И. Цветаева активно использует и связанную с ней мифологическую, в большей части используемую в контексте магических ритуалов и обрядов, таких, как гадание, заговоры, обереги. Кроме этого, «Цветаева на протяжении всего творческого пути постоянно обращалась к образам античной мифологии, таких, как Орфей, Федра, Ипполит, Эвридика, Тезей и Адирана. Поэтесса постоянно не только обращалась к мифологии, но часто в своих произведениях использовала сами мифы, их трансформацию» (Хабарова, 2015: 99).

Наиболее ярким примером употребления М.И. Цветаевой фольклорно-мифологической лексики служит поэтический цикл «Гаданье», который увидел свет в 1917 году. Его название отражает связь с заговорами и гаданиями, христианскими и языческими ритуальными действиями, оно также соотносилось с духом эпохи, когда будущее России были неясным. Православная христианская религия осуждает гадание, соотнося его с колдовством, а потому в соответствии с традиционным русским так называемым «двоеверием» во время подобных ритуалов необходимо было снять с себя религиозные атрибуты (крест и т.п.). Данная народная практика также отражена в текстах М.И. Цветаевой: *Да сними – не забудь же – / Образочек с груди, ... Выходи ты под Троицу / Без Христа-без креста* (Цветаева, 1994: 350). В этом поэтическом цикле нашли отражение мифологические образы и магические предметы, такие, как *заговоренная вода, обручальные кольца, гадальные карты* и др. В данном цикле М.И. Цветаева описывает магический ритуал, который соотносится с мифом. Отметим, что религиозное сознание также проявляется в текстах поэтессы, что неслучайно: один из её дедов был сельским священником, а сама она отмечала в дневниковых записях, что, переезжая через реку – крестится: *Воды под мостом, / Дороги крестом...* (Цветаева, 1994: 350). В то же время здесь слышатся отголоски традиционного мифа, где мост – это всегда место, которое сопряжено с переходом, границей миров, с опасностью. Но в поэтическом контексте в подобных языковых единицах сосредоточены и актуализированы индивидуально-авторские представления о мире.

Таким образом, фольклорно-мифологическая лексика в поэзии М.И. Цветаевой выполняет прежде всего символическую функцию. При этом автор не просто «заимствует» традиционную фольклорно-мифологические элементы языковой картины мира народа, но и активно трансформирует их в соответствии со своими целями и задачами. В целом анализ фольклорно-мифологической лексики в лирике М.И. Цветаевой обнаруживает, что становление М.И. Цветаевой как поэта происходит через осознание себя как части огромного пласта русской культуры, уходящей своими корнями в глубину веков.

Литература

1. Абыякая, О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: автореферат диссертации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/mifologicheskaya-leksika-russkogo-yazyka-v-lingvokulturologicheskom-aspekte-i-printsipy-ee-1>
2. Александров, В.Ю. Фольклоризм Цветаевой: дис. канд. филолог. наук. – М., 1989. 183 с.
3. Алламуратова, А. Ж., Алламуратова, Г. Ж. Поэтика фольклора в лирике Марины Цветаевой // Молодой ученый. – 2017. – №8. С. 298-300.
4. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.com/b/246496/read>

5. Кошарная, С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. 287 с.

6. Марина Цветаева. Все стихи. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rurоem.ru/cvetaeva/all.aspx>

7. Филиппова Ю.Ф. Лексикографический подход в изучении фольклорной лексики этнических немцев. // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2011. – №1. С.196-201

8. Хабарова Я.И. Миф о Федре в стихотворении М. Цветаевой «Занавес». // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1. – № 3 (3). С. 99-107.

9. Цветаева М. Стихотворения: сб. соч.: в 7 т. Т. 1. – М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.

Abstract. This article discusses the folklore and mythological elements functioning in the poetic picture of the world of Marina Tsvetaeva. Folklore-mythological vocabulary is a significant layer in the poetry of M. I. Tsvetaeva, encompasses a series of different live images and references of the author to the cultural heritage of mankind, represents own identification of the author with the ethnic group and allows you to fully convey the emotions of the lyrical heroine.

Keywords: the author's individual picture of the world, language picture of the world, folklore, myth, folklorism, metonym, mythologem.

Федюнина И.Э., Ляшенко И.В.

РАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ
ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОЙ
И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
innafedyunina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика дискурсивного функционирования русских и английских ФЕ с семантикой вымысла и лести как форм подачи ложной информации. Анализируются соотношение и взаимодействие рационального и эмоционального аспектов оценочной коннотации исследуемых ФЕ. Выявляются общие и культурно-специфические черты категоризации ложной информации носителями русского и английского языков.

Ключевые слова: фразеологизм, оценка, коннотация, контекстуальная сензитивность, прагматический эффект.

Фразеологические единицы (ФЕ) справедливо характеризуются как «самоорганизующаяся система взаимодействия семиотических средств языка и культуры» (Алефиренко, 2008: 28) и, соответственно, представляют большую ценность для изучения особенностей восприятия и интерпретации действительности носителями различных лингвокультур. Особенно ценную информацию могут дать ФЕ, объективирующие различные формы коммуникации и взаимоотношений, поскольку именно эти сферы характеризуются максимальной вовлечённостью оценочного фактора. По утверждению Н.А. Красавского, оценка

является неотъемлемым «онтологическим свойством человека, который ... изначально пытается определить всякое явление с точки зрения ряда общечеловеческих универсальных категорий – утилитарных, эстетических, моральных и т.п.» (Красавский, 2008: 60). Оценка содержит не только рациональный аспект, но и эмоциональный, выражая «две стороны отношения: первая – мнение, вторая – чувства» (Вольф, 1985: 40-42). Хотя они нераздельны как реакция реципиента на характеризуемый объект, но могут по-разному соотноситься и взаимодействовать друг с другом в каждой конкретной ситуации, зачастую вступая в противоречие. Важно также помнить, что эмоциональный аспект оценки сам по себе также неоднороден: «Чистых» эмоций и отношений в природе не бывает. В действительности они тесно сплетены друг с другом; всякая эмоция комплексна» (Красавский, 2008: 29). Иными словами, при категоризации того или иного явления действительности возможно не только расхождение между рациональной и эмоциональной оценкой, но и наличие противоречивых эмоций и чувств. На лингвистическом уровне эта тенденция реализуется при взаимодействии ФЕ с контекстом благодаря ситуативности, гибкости оценки и, как следствие, гибкости значения, в результате чего контекст может акцентировать определённые стороны семантики ФЕ и создавать смысловые изменения. Такое свойство ФЕ называется контекстуальной сензитивностью.

Изучение ФЕ с общей семантикой лжи и обмана представляет в этом плане особый интерес. Хотя ложь в целом относится к числу социально осуждаемых явлений, специалисты считают определённые её формы «фундаментальным аспектом коммуникации» и заключают, что в ряде ситуаций адекватное функционирование социума и сохранение межличностных отношений «возможны лишь при сохранении приличествующего минимума лжи» (Barnes, 1994: 162). Более того, существуют определённые ситуации лжи и обмана, не подразумевающие неблагоприятных целей или корыстных намерений. Это несомненно обуславливает неоднозначность оценки ложной информации и её субъекта. В данной статье мы сосредоточим внимание на контекстуальном функционировании ФЕ русского и английского языков, объективирующих вымысел (*рассказывать басни, травить байки, плести небылицы, to tell cock-and-bull stories / traveller's tales, to spin a yarn, to tell tales*) и лесть (*гладить кого-л. по шерстке, неть дифирамбы, pay courts to smb, keep smb sweet, give smb the best butter*). Наше исследование выявило несколько основных групп оценочных реакций на эти формы обмана.

Первую группу составили ситуации, в которых оба аспекта оценки согласованы и являются негативными. ФЕ проявляет исключительно отрицательную коннотацию; действия субъекта в рациональном аспекте категоризируются как однозначная ложь и безнравственный поступок, а в эмоциональном плане вызывают гнев, унижение, возмущение и т.п. Происходит это в тех случаях, когда контекст сооб-

щает ФЕ дополнительные семы унижения, опасности, оскорбления: • She's **telling tales** behind my back! Well, whatever she told you, it's a lie (Longman, 1998: 339). • ...кормят обедами и **поют мне... дифирамбы** и в то же время готовы меня съесть (Устинова, 2004: 197). Отметим также специфическую особенность негативного восприятия лести: она вызывает особенно сильное презрение и отторжение в тех ситуациях, где ей эксплицировано противопоставляются истинные намерения и чувства субъекта.

Ко второй группе относятся ситуации, в которых эмоциональный аспект оценки практически не задействован. Реципиент просто осознаёт ложность информации и, не уличая субъекта и не конфликтуя с ним, обдумывает собственную стратегию поведения. • «Зачем я им нужен? Рассказы о долгах и честном дележе – **небрежно сложенная сказка**. Зачем я им нужен?» (Леонов, 1995: 64) • «Врешь! – подумал Иван Сергеевич. – **Байки травить!** Но все равно слушать приятно и для дела полезно» (там же: 306). • She had her own **hard-luck story** nobody really believed in: two marriages, two troubled kids, and a drink problem (Longman, 1998: 329).

Третья группа представлена контекстами, где негативные семантические признаки лести и вымысла либо не актуализируются вовсе, либо затушёвываются за счёт акцентуации позитивного эмоционального настроения реципиента: • “Cool. You know, I got your bio on the firm’s site. The photo doesn’t your justice”. “Thanks”. Mary knew it was **a sweet talk**, but it was about time. ...she was attracted (Scottoline, 2004: 85). В данном случае лесть очевидна для реципиента, но приятна ему; кроме того, он не видит в ней опасности и испытывает симпатию к субъекту. • Он мастер **травить байки**. Легко и непринуждённо **плетёт истории...** Причём все вокруг понимают, что он, мягко говоря, сочиняет, но делает это так увлекательно, что любо-дорого послушать (Леонов, 1995: 327). В этой ситуации незаурядное умение субъекта «врать красиво» приобретает статус искусства, а ложность информации совершенно не имеет для реципиента значения. Таким образом, в обоих контекстах происходит концентрация на признаке удовольствия, и негативная коннотация ослабляется. Однако следует отметить, что превалирование эмоционального аспекта оценки может обусловить и противоположный, т.е. негативный прагматический эффект ФЕ: • -...а на самой опушке-то он и стоит! Утопленник. Стоит и кивает... – Клавдия Фемистоклюсовна, полно **вздор молоть!** – Какой еще вздор! Никакой не вздор! – Да вы же всё придумываете! (Устинова, 2005: 102-104). В данной ситуации раздражение вызвано не ложностью информации как таковой, а скорее плохим настроением реципиента и отсутствием у него желания подыгрывать субъекту. Именно поэтому поведение субъекта объективировано посредством ФЕ **молоть вздор**, которая несёт пренебрежительную коннотацию за счёт дополнительных семантических признаков глупости и неуместности высказывания.

Следует также упомянуть о характерной особенности английского языка – наличии в нём «специализированных» ФЕ, объективирующих различные формы и сферы применения лести. Одной из таких ФЕ является идиома *oil the wheels*, функционирующая в основном в профессионально-деловой сфере. Обозначаемые ею действия заключаются в создании у потенциальных партнёров позитивного отношения к субъекту, призваны наладить необходимые для успеха в бизнесе и политике контакты, и, как правило, не вызывают неодобрения, являясь примером т.н. конвенциональной лести: • Normally, Paul would have been talking to the other ambassadors, *oiling the wheels* (Longman, 1998: 383).

Таким образом, ФЕ, объективирующие подачу ложной информации в форме вымысла или лести, проявляют высокую степень контекстуальной сензитивности, демонстрируя зависимость восприятия и категоризации такой информации не только от социокультурных норм, но и от личных установок и психологического настроения коммуникантов. Наиболее яркими национально-культурными особенностями в этом плане можно назвать: в русском языке – превалирование эмоционального аспекта оценки и готовность пренебречь фактом ложности информации, если она красиво и искусно подана и доставляет эстетическое удовольствие; в английском языке – детальная градация различных форм, целей и сфер применения лести, а также достаточно высокая представленность конвенциональной лести, являющейся своего рода социальным требованием.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 152 с.
2. Вольф, Е.М. Функциональная систематика оценки. – М.: Наука, 1985. 271 с.
3. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – М.: Гнозис, 2008. 374 с.
4. Леонов, Н.И. Ловушка. – М.: ЭКСМО, 1995. 464 с.
5. Устинова, Т.В. Первое правило королевы. – М., Эксмо, 2004. 352 с.
6. Устинова, Т.В. Закон обратного волшебства. – М.: Эксмо, 2005. 320 с.
7. Barnes, J.A. A Pack of Lies: Towards a Sociology of Lying. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 200 p.
8. Longman Idioms Dictionary. – London: Pearson Education Limited, 1998. 398 p.
9. Scottoline, L. Killer Smile. – London, Pan Books, 2004. 436 p.

Abstract. The article deals with discourse functioning of Russian and English idioms for false information, namely fiction and flattery. The paper analyses the interrelation between a rational and an emotional connotation of the idioms under study. The authors also seek to reveal common trends and differences in the ways English and Russian native speakers perceive and categorize the aforesaid forms of false information.

Keywords: idiom, appraisal, connotation, contextual sensitivity, pragmatic impact.

Шаколова А.И.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОЙКОНИМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМИКИ СТАРООСКОЛЬКОГО РАЙОНА)**

Россия, г. Старый Оскол, Староосколский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
nastia182549@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится словообразовательный анализ старооскольских ойконимов, характеризуются четыре структурно-словообразовательные типа в образовании названий населенных пунктов данной территории.

Ключевые слова: ойконимы, топонимика, структурно-словообразовательный тип, топоформант.

Исследование топонимической системы русского языка, содержащей этнолингвистическую и историческую информацию, обращается и к вопросам собственно лингвистического плана, так как слова, номинирующие географические объекты, имеют лексико-семантические, грамматические и функциональные характеристики. Ойконимы как элементы топонимической системы являются названиями населенных пунктов. Материалом для наших наблюдений послужили ойконимы Старооскольского района Белгородской области.

Рассмотрим способы образования ойконимов. Являясь вторичным именем по отношению к имени нарицательному, ойконим характеризуется специфической этимологией: «этимология ойконимов – это доведение его до апелятива ойконимного этимона, соответствующего имени нарицательному или другому имени собственному, от которого был образован ойконим» (Завёрткина, 2012: 69). При этом словообразовательная характеристика ойконимов представляет особый интерес.

Словообразовательная классификация ойконимов Старооскольского района, предложенная В.А. Никоновым, выделяет несколько групп на основе способов, которыми могут быть образованы ойконимы. Первая группа – первичные ойконимы, которые имеют нулевой топообразующий формант (Никонов, 2012: 87). В Старооскольском районе примерами таких ойконимических единиц являются: *с. Углы*, *с. Стойло*, *х. Липяги*, *с. Котёл*, *с. Городище*, *х. Плата* и др. Данные ойконимы представляют собой существительные в чистой форме. Также встречаются названия, которые образовались безаффиксным способом: *Жуково* (Жуков), *Черниково* (Черников), *Незнамово* (Незнамов), *Новиково* (Новиков).

Следующая группа названий представляет собой ойконимы, образованные путём присоединения к основе базового слова, с которым данное название связано семантически, различных аффиксов (суффиксов или префиксов). «Суффиксация – отличительная черта славянской, в частности русской, топонимической системы», – пишет Э. М. Мурзаев (Мурзаев, 1974: 253). Этот тезис подтверждает и проведенный нами анализ. К данной группе относится большая часть Ста-

рооскольских ойконимов. Географические названия женского рода оформляются с помощью более многочисленной группы суффиксов. Самый продуктивный для образования ойконимов на данной территории является суффикс -к- и его варианты -овк-, -евк-. Таким образом образованы ойконимы: *Знаменка* (Знамение + -к-), *Николаевка* (Николай +-евк-), *Обуховка* (Обухов + -к-), *Бабанинка* (Бабанин +-к-), *Голофеевка* (Голофеев + -к-), *Антиповка* (Антипов + -к-), *Змеевка* (Змеев +-к-), *Шаталовка* (Шаталов +-к-) и другие.

Суффикс -ск- оформляет ойконимы, называющих слободы Старого Оскола: *Ламская* («лом» + -ск-), *Ямская* («ям» +-ск-), *Пушкарская* (пушкарь + -ск-). Также суффикс -ск- образует ойконимы среднего рода: *Солдатское* (Солдат + -ск-), *Архангельское* (Архангел + -ск-).

Суффиксы -ов- и -ев- образуют ойконимы образуют следующие ойконимы: *Соковое* («сак» + -ов-), *Воротниково* (воротник + -ов-), *Терновое* (Тёрн + -ов-), *Боровое* (Бор + -ов-). Названия сел района также образуются еще и от аллоформов суффикса – ов-, которые присоединяются к словам, обозначающим такие признаки, как рельеф местности или отдаленность от городской среды.

Топоформанты -ищ-, -ец-, -иц-, которые были широко представлены в восточнославянской топонимии, в старооскольских ойконимах представлены единственным примером – название села *Городище*: слово образовано с помощью суффикса (городок + ищ).

Ойконимы *Шмарное* и *Песочное* образованы также суффиксальным способом путем присоединения к базовому слову суффикса -н-. Также имеет место в ойконимической системе Старооскольского района названия, образованные путем одновременного присоединения префикса и суффикса: *Приосколье* (При + Оскол + j-е); *Нагольное* (На + голый + н).

Третью группу составляют ойконимы, образованные путем сложения двух основ: *Новосёловка* (Новый + Село + овк), *Новокладовое* (Новый + село + ов), *Новоалександровка* (Новый + Александровка), *Нижнеатаманское* (Нижнее + Атаманское) и др. В данной группе старооскольских ойконимов большая часть названий имеет корень «нов», что говорит о недавнем образовании населенных пунктов по сравнению с другими.

Четвертую группу составляют ойконимы-словосочетания, относящиеся к типу согласований: *Красные Кусты*, *Долгая Поляна*, *Новая Деревня*, *Малый Присыток*.

Собранные в ходе исследования ойконимы Старооскольского района распределяются по четырём структурно-словообразовательным типам неравномерно. Ойконимы-словосочетания и сложные ойконимы являются самыми непродуктивными типами. В названия населенных пунктов встречаются словосочетания, имеющие идеологический смысл. Это обусловлено тем, что данный тип собственных географических имен часто ситуативен, трудно отличим

от ориентировочных указателей на местоположение объекта (Цветкова, 2012: 107). Эти ойконимы неудобны в обращении и тяготеют к однословности. Среди безаффиксальных большую часть составляют названия в форме качественных прилагательных, а также существительных, указывающих на физико-географические признаки объекта.

Самым продуктивным типом и резко доминирующим в названиях населенных пунктов является аффиксальный тип, который представлен различными словообразовательными моделями. В образовании онимов участвуют как суффиксы имен существительных, так и суффиксы имен прилагательных. В связи с различными выполняемыми ими функциями значение выявленных суффиксов дифференцируются: в каждой группе ойконимов они несут различное значение. Суффиксы -ск-, -ов, (-ев)-, -ин- и -н- выступают в ойконимах в роли относительных суффиксов. В образовании названий старооскольских сел они достаточно продуктивны, что обусловлено значимостью тех персон, которые были первыми жителями наших поселений.

Литература

1. Завёрткина, Е. В. Ойконимия и её ингерентные особенности [Текст] / Е.В. Завёрткина // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 68-72.
2. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики [Текст] / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
3. Никонов, В.А. Введение в топонимику [Текст] / В. А. Никонов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – 184 с.
4. Цветкова, Е.В. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов [Текст] / Е.В. Цветкова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 4. – С. 106-109.

Abstract. the article provides a derivational analysis starooskolskij oikonyms are characterized by four structural-derivational type in the formation of names of settlements of the area.

Keywords: placenames, toponymy, structural and derivational type, toponymy.

Шубина Н.Г.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Старый Оскол, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Старооскольский филиал)
Shubinang@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются примеры изменений в семантике заимствованных слов в русских народных говорах, обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: диалектная лексика, заимствования, трансформация семантики слова, лингвистические и экстралингвистические факторы

Лексические единицы языка, отражая специфику ментальности того или иного народа, тесно связаны с историческими процессами развития национального языка и культуры. При этом особая роль отведена диалектному слову: изучение лексики современных говоров позволяет не только выявить и сохранить ценнейшие сведения о традиционных русских народных говорах, но и помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, проследить влияние народной речи на становление и развитие литературного языка, а, следовательно, ответить на многие вопросы истории языка и истории народа. Диалектный язык сохраняет не только сведения о контактах русского народа, но и о способах освоения иноязычного материала. В литературном языке заимствованное слово чаще всего употребляется в значении, свойственном языку-донору. В народной речи семантика вновь приобретенного слова может изменяться в зависимости от понятийного аппарата носителей языка, обладающих иными представлениями о мире, иным опытом исторического развития.

В русских говорах Старооскольского района Белгородской области при описании бытовой лексики были отмечены слова, активно употребляемые в настоящее время, но этимологически являющиеся заимствованиями. Например, слова *баз*, *байдин*, *груба*, *пунька*, *плант*, *тын*, *хата*, *клуня*, *кухня*, *сарай*, и другие. При описании семантики таких диалектных слов необходимо учитывать их значения в языках-донорах. Рассмотрим некоторые лексемы, активно функционирующие в оскольских говорах и в настоящее время.

Интересна история освоения заимствованного из немецкого языка слово *груба* «яма» (Фасмер, 1986, I: 462). В словаре В.И.Даля данное слово зафиксировано как южнорусское, являющееся наименованием голландской или комнатной печи, особенно изразцовой; или лежанки при печи; а также отмеченное в значении «дымоволок, очельш и труба русской печи» (Даль, 1956, I: 399). В «Словаре русских народных говоров» у слова *груба* отмечено несколько значений: 1) комнатная кирпичная (иногда изразцовая) печь; 2) невысокий длинный выступ у печки – лежанка; 3) обогревающая стена печи; 4) верхняя плоская поверхность печи; 5) часть дымохода; 6) печная труба; 7) боковое углубление в русской печи для жара (СРНГ, 1972, VII: 155). То есть заимствованное слово, полностью освоенное русским диалектным языком, претерпело изменения в семантической структуре. Более того, слово зафиксировано в XX веке не только в говорах, относящихся к южному наречию. Так, в значении «обогревающая стена печи» *груба* употребляется в павлодарских говорах, а значения «верхняя плоская поверхность печи»; «часть дымохода, идущая от отопительной печи к русской печи»; «боковое углубление в русской печи для жара» известны в русских говорах Литвы (СРНГ, 1972, VII: 155).

На основе заимствованных лексем в диалектном языке появляются новообразования, созданные по одному из словообразовательных

типов деривационной системы русского языка. Например, *грубка* является производным от слова *груба*. При образовании существительных от существительных с помощью суффикса *-к-* в производном слове предполагается наличие семы «предмет маленького или меньшего размера», например: чашка, ручка, ножка, лавка сумка и др. Однако только одно из 14 значений слова *грубка*, содержит данную сему: «маленькая печка при русской печи с отдельной топкой и лежанкой» (СРНГ, 1972, VII: 155). Лексиколизированная форма *грубка*, ставшая самостоятельным словом со своей территорией распространения и со своей собственной лексической структурой, отличающейся от мотивирующего слова, семантически дифференцируется в диалектном русском языке: в псковских и смоленских говорах *грубкой* называют железную печь, а в новгородских – яму, в которую помещают глину (в гончарном производстве) (СРНГ, 1972, VII: 157). Такие лексико-семантические особенности позволяют констатировать развитие междиалектной омонимии для рассматриваемого слова.

Лексема *плант*, отмеченная в словарях А.Г. Преображенского и М. Фасмера как заимствование из немецкого в значении «изображение, чертеж плоскости; намерение, расчет вперед, распорядок» (Преображенский, 1959, 2: 67; Фасмер, 1986, III: 273), в говорах сел Староскольского района (села Городище, Солдатское, Владимировка, Шаталовка и др.) употребляется в значении «ряд домов, улица»: [*Вот то ўлица называ́ца щас / а-тада́ плант // ані́ всех аве́ц стере́гли / у-фсеу́о́ плáнта //*]. В результате заимствования в русском национальном языке функционируют две лексемы *план* и *плант*, которые образуют сложное лексическое различие: в литературном языке данные слова, не различаясь семантически, противопоставлены как слово активного запаса – *план* – и архаическое слово пассивного запаса – *плант*; в диалектном языке обе лексемы входят в активный запас, но при этом выступают как паронимы, дифференцируясь семантически в речи носителей говоров.

Лексема же *улица* жителями оскольских сел употребляется в значении «молодежное гуляние»: [*Тада́ па-ха́там хаді́ли / /эта называ́лася ўгри́ца // Ле́там на-дваре́ / ўлица́ там была́ / сабирáлась маладе́ш //*], [*Тада́ б/ыла па-ха́там ўлица́ // Аткупа́ли у-кау́о мóжна и-хаді́ли на-ўлицу́ //*] (Городище), [*Са-фсéх сел на-ўлицу́ схади́лись / как-наседле́ки //*] (Хорошилово). Несомненно, что это значение является результатом метонимического переноса первичного значения. Можно предположить, что слово *улица* появилось в говорах под влиянием литературного языка. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова отмечает многозначность данного слова: 1) два ряда домов и пространство между ними для прохода и проезда, а также само это пространство; 2) пространство, место вне жилых помещений, под открытым небом; 3) среда, лишенная культурного воздействия общества, семьи (Ожегов, 1987: 721). В семантической структуре слова *улица* в литературном языке интерес представляют те семемы, которые свя-

заны с понятием пространства. Именно эти элементы мы находим в семантике слов, имеющих родственный индоевропейский корень *ul (ayl, oyl): прилагательное *ulitъ "полый", др.-русск. *улица* "площадь; улица; проход", русское *улей* первоначально "выдолбленная колода", словен. *ulica* "улица, дорога, по которой гонят скотину", греч. *αὐλός* "продолговатая полость, дудка", *αὐλών* "овраг", *αὐλή* "двор", вестфальское *aul* "овраг, луг, впадина, канава" (Фасмер, 1987, IV: 159-160). Как нам представляется, такой сопоставительный ряд дает возможность предположить, что обозначение пространства с помощью корня -ул- в языковом сознании носителей русского языка появляется еще на ранних этапах освоения окружающего мира человеком.

В русском языке известно наименование *сарай*, которое используют для обозначения хозяйственных построек без дифференциации их размера или предназначения. В оскольских говорах *сараем* называют хозяйственную крестьянскую постройку, крытую, без потолочных перекрытий, используемую для хранения имущества, содержания скота или птицы: [... *абнакавѣнные сараи / и-для-птицы и-для-фсѣх / ну-а-шѣ ишѣ // Кур/ям атүарѣжена / ну-на-насѣсте ани сидѣли // Сѣна убяр/ѣм / слѣжыш яүѣ у-сараи / идѣ сүха //*]; [*Сараи у-нас двѣ / у-ваднѣм курѣи дѣржым / а-у-друүѣм щас сѣна складѣим //*]. Действительно, лексема *сарай* в данных примерах имеет сему «хозяйственная постройка».

Наличие этой же семы в значении рассматриваемого слова отмечается и В.И. Далем, который дает такое описание помещения, называемого *сараем*: «...одно из холодных холостых ухажей при доме, для уборки туда повозок, упряжи; иногда для сена, соломы, мякины и пр., или для складки тюков товарных и пр.» (Даль, 1956, IV: 138).

Общеупотребительное слово *сарай*, с помощью которого в лексической системе современного русского языка называется любая хозяйственная постройка, не имеет каких-либо территориальных ограничений (Ожегов, 1987: 606) и выступает в качестве синонима для тех диалектизмов, которые еще функционируют в говорах. Слово известно в южных говорах, как исконно русских, так и восходящих к украинскому языку. Например, 92-летняя жительница х. Петровского Чернянского района рассказывала: [*От/эц схотѣл нас тут посѣлѣть / и-хѣту пострѣыл / и-сараи //*], а в селе Осиновка Шебекинского района Белгородской области было записано: [... *сараи був мѣлѣнький для-курѣи //*]. Широко распространено наименование *сарай* и в украинских говорах: оно известно в восточнорусских говорах с начала заселения Слободской Украины (Глуховцева, 1997:178). Лексема *сарай* фиксируется и в севернорусских говорах, но со значением «вся хозяйственная часть крестьянского дома». Например, в Архангельской области говорят: [*Повѣть тут у-мен/я ф-сарае //*] (Верхняя Паденьга Холм.); [*Купѣли дом / ещѣ сараю нету //*] (Волосово Плес.).

Примеры употребления слова *сарай* в речи жителей разных территорий подтверждают, что сема «любая хозяйственная постройка в

целом» в значении слова *saraj* выделяется и южных, и в северных говорах. При этом возможна специализация использования помещения и в лексическом значении слова, выступающего в более узких, специализированных, значениях, мы наблюдаем семантическую дифференциацию. Так, в различных тверских говорах наблюдается противопоставленность значений слова: *saraj* – 1) верхняя часть двора, место над хлевом, где хранится сено или солома, 2) постройка для дров, 3) постройка для сушки снопов без печки. 4) то же, что хлев (с его широкой, в свою очередь, амплитудой местных значений, связанных с содержанием крупного и мелкого скота, общим наименованием «помещение для скота»), 5) место под хлевом, 6) постройка для хранения сельхозинвентаря (ТСГТО, 2002: 128).

Лексема *saraj* функционирует во многих славянских языках, например, в словацком *sàraĭj*, чешском *saraj*. В болгарском языке слово *saraj*, заимствованное из турецкого языка, известно в значении «дворец, палаты, большой дом», однако для современного болгарского языка рассматриваемая лексема является устаревшей (БРС, 1966: 594). Данное название известно и другим языкам: ит. *seraglio*, англ. *serai*, нгр. *сарáων*, *сарáγιον*, *сарáγη* (Преображенский, 1959, 2: 972), причем, часто используется для обозначения чистого и уютного помещения: в армянском *uipuh* – «салон, галерея» (Гарибян, 1982: 1066), французское *serial* (*sergure*) – «замок» (ФРС, 2001: 285).

Слово *saraj* тюркского происхождения, по мнению М. Фасмера, заимствовано русским языком через турецкий, кыпчакский, уйгурский, татарский языки: для всех названных языков лексема *sarai* известна в значении «дом; дворец; караван-сарай; комната для жилья; стойло; тележный сарай», в тюркских же языках оно восходит к персидскому *serai* «дворец, палаты» (Фасмер, 1986, III: 560). В словарях древнерусского языка слова *saraj* мы не находим (Срезневский 1989). Его появление на южной территории Русского государства связывают с татаро-монгольским влиянием на протяжении XII–XVI веков, а также тюркским влиянием и в последующий период. М.Фасмер указывает на употребление слова в литературе не ранее XVII века (Фасмер, 1986, III: 560).

Современному русскому языку, как и его говорам, слово *saraj* активного лексикона, известно в значении «крытое строение для различного имущества, обычно без потолочных помещений» (Ожегов, 1987: 606), что значительно отличает его от слова в языке-доноре. Изменение семантики у заимствованной лексемы, как нам представляется, могло быть вызвано как лингвистическими факторами, так и экстралингвистическими. Русский язык на момент заимствования лексем уже имел номинант жилой постройки (изба, дом, хата), поэтому активно употребляемое иноязычное слово и изменяет семантику. В то же время характер многовековой истории отношений между славянскими и тюркскими племенами и негативное восприятие русским человеком элементов культуры тюркских народов могли послу-

жить экстралингвистическими причинами трансформации лексического значения слова.

Приведенные примеры сохранившихся в русских говорах слов, служат иллюстрацией того, что носители национального языка, осваивая иноязычный материал, подвергают его переосмыслению, отражая в процессах изменения семантики особенности языковой национальной картины мира. Дialeктный язык, обладающий большим запасом консерватизма, аккумулирует в своей системе те факты, в которых непременно находят отражение неязыковые константы культуры. Заимствованные слова, являясь элементом иной культуры и изменяя свою семантику в системе диалектного языка, отражают особый механизм заимствования лексики русскими говорами: слова подвергаются семантической трансформации на основе культурно-национальных особенностей заимствующего языка.

Литература

1. Болгарско-русский словарь / Сост. Бернштейн С.Б. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 768 с.
2. Гарибян, А.С. Русско-армянский словарь. – Ереван: Айастан, 1982.
3. Глуховцева, К. Динаміка складу назв господарських приміщень у східно-слобожанських говірках // Український діалектологічний збірник. Книга 3. – Київ: Довіра, 1997. – С. 177-194.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ГИС, 1956.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987.
6. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР – М.; Л.: Наука, 1965-1987.
8. Срезневский, И.И. Материалы к словарю древнерусского языка: в 3 т. Репринт. изд. – М.: Книга, 1989 т. I ч.1,2 -1420 с.; т. II ч.1 – 852 с.; т. III.
9. ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1 // Под ред. Т.В. Кирилловой и Л.Н. Новиковой. – Тверь, 2002.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. – М.: Прогресс, 1986-1987.
11. ФРС – Французско-русский и русско-французский словарь для школьников: Грамматика: Лексика к разговорным темам / Сост. В.П. Грабовский. – Киев: А.С.К., 2001. – 698 с.

Abstract. The article discusses differences in the semantics of dialect lexicon in the Russian national dialects due to linguistic and extralinguistic factors.

Keywords: dialect words, borrowed words, transformation of the semantics of words, linguistic and extra-linguistic factors

ЛИНГВИСТИКА И СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

Голикова М.М.

КОННОТАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ФРАЗЕМ КАК ИНДИКАТОР АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. СЕНКЕВИЧА)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
mmgolikova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сформулированное автором понятие коннотативно-стилистической значимости фразем, а также предпринимается попытка соотнести его со спецификой репрезентации аксиологических параметров. Исследование проводится на материале произведений Г. Сенкевича в оригинале, а также в переводе на русский язык.

Ключевые слова: фразеология, фраземика, коннотативно-стилистическая значимость, фразема, Сенкевич.

Изучение фразем нередко сводится исключительно к анализу их содержательных особенностей: семантических характеристик, оттенков значения и т.п. Исследоваться могут и структурные особенности, грамматические признаки и прочие формальные параметры. Однако глубокий анализ невозможен без учета особенностей функционирования фразем. Это касается материалов, собранных как из письменных текстов, так и из живой речи.

В связи с этим особенно актуальным и ценным становится изучение условий употребления фразем в стилистическом аспекте, находящемся в тесной связи с коннотативными параметрами. Именно поэтому мы считаем уместным введение понятия коннотативно-стилистической значимости фразем, предполагающего синтез экспрессивно-оценочных и функциональных свойств фраземы, представляющий интерес в лингвокультурологическом аспекте.

Связь коннотативно-стилистического параметра с аксиологическими доминантами этноязыкового сознания бесспорна. Это обусловлено тем, что любая оценка содержит в своей основе субъективность, тесно сопряженную с эмотивными компонентами. Е.Ф. Арсентьева отмечает, что во фразеологии под коннотацией может пониматься «совокупность семантических наслоений, включающих в себя оценочный, экспрессивный, эмоциональный и функционально-семантический компоненты» (Арсентьева, 1989: 40).

Фраземы, за исключением ряда клишированных выражений, употребляются преимущественно в художественных текстах и разговорной речи. Особым фразеологическим аппаратом традиционно располагает публицистика. Такая «расстановка сил» обусловлена многими факторами, в частности, ярко выраженной экспрессией. Проведенное нами исследование показало, что примерно половина (55%) выяв-

ленных фразем относятся к нейтральному стилю, 37% – к разговорному и лишь 8% могут считаться возвышенными, книжными. При этом данные цифры весьма условны, ведь провести четкую демаркационную линию практически невозможно. Периферия каждой группы способна обладать признаками разных стилей, что делает точный подсчет весьма затруднительным.

Подобное распределение фразем вполне объяснимо с лингвокультурологической точки зрения. Фразеологические единицы, названные В.А. Масловой «**зеркалом жизни нации**» (Маслова, 2004: 67) вбирают в себя не только продукты этноязыкового мышления носителей языка, но и вполне «материальные» особенности их быта, повседневных реалий и т.п. Наиболее ярко и наглядно они могут быть репрезентированы именно в разговорной форме.

Разговорные фраземы особенно интересны исследователю, ведь именно здесь коннотативно-стилистическая значимость приобретает наиболее яркую окраску. Это связано с максимальной эмоциональностью подобных выражений. Как известно, именно эмотивный компонент служит одним из ключевых при характеристике аксиологических параметров: то, какие чувства испытывает субъект по отношению к объекту/явлению/действию и т.п. и насколько ярко он их проявляет, служит индикатором его системы ценностей. Так, например, фразема *giry poprzetrącać* (досл. 'ноги переломать') свидетельствует о ярко выраженном негативном отношении субъекта, репрезентируемом в виде угрозы физического насилия. В русском эквиваленте *бока наломаю* сохраняется это же коннотативный смысл.

Примечательно, что в большинстве случаев экспрессивность имеет негативный характер. Именно поэтому подобные фраземы часто описывают гнев (пол. *przewrócić kozła z gniewu* 'перевернуть козла от злости' – рус. *лопнуть со злости*), насилие (пол. *siódma skóra zabolí* 'седьмая шкура заболит' – рус. *десять шкур сдерут*), неадекватное поведение (пол. *wurawić kocią muzykę* 'устроить кошачью музыку' – рус. *устроить кошачий концерт*) и т.д. Даже стандартные жизненные факты в разговорных фраземах могут описываться с нарочитым пренебрежением: для нейтральной характеристики *молодой* в польском тексте используется выражение *koszulę w zębach nosić* (досл. 'рубашку в зубах носить'), а в русском – *молоко на губах не обсохло*.

Возвышенные фраземы, представленные и в русском, и в польском языках достаточно скудно, также имеют собственную коннотативно-стилистическую значимость. Большой интерес при их анализе представляют источники происхождения. Очень часто они связаны с Библией, что служит наглядной демонстрацией религиозности этноязыкового сознания. Не случайно подобные фраземы обычно характеризуют высокие материи (пол. *oddąćbyć życie* – рус. *отдать жизнь*, пол. *na woli Bożej* – рус. *на волю божью*) или же возносят стандартные явления. Так, например, одна и та же ситуация, связанная с резким

появлением каких-либо проблем, может быть охарактеризована как разговорным (пол. *być na głowie* 'быть на голове' – рус. *свалиться на голову*), так и книжным выражением (пол. *świat skończył* 'мир закончился' – рус. *светопреставление настало*). При этом если в первом случае имеет место несерьезная, пренебрежительная коннотация, то во втором та же самая ситуация приобретает более трагичную и глубокую окраску.

Нейтральные фраземы также могут скрывать в себе оценку, однако обычно она выражена достаточно слабо. Так, например, рус. *разрывать грудь* (пол. *rozrywać tu piersi*) свидетельствует о высокой степени значимости события для субъекта, которая вызывает у него сильные эмоции. В то же время другое польское нейтральное выражение – *zarzynać języka w gębie* ('забывать язык во рту') – не несет в себе выраженной оценки, хотя ее русский аналог (*проглотить язык*) в свою очередь имеет более яркую эмотивную коннотацию.

Таким образом, можно заметить, что объединенное изучение коннотативного и функционально-стилистического аспектов позволяет наиболее полно проявить фразеологическое значение. Фраземы, имеющие бо́льшую коннотативно-стилистическую значимость, служат показателями ценностных ориентиров того или иного социума и свидетельствуют об особенностях его ментальности.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 129 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

Abstract. The article discusses the author formulated the concept of connotative stylistic significance of phrasal units and attempt to correlate it with the specifics of the representation of the axiological parameters. The study is based on the works by H. Senkiewicz in the original and in translation into Russian language.

Key words: phraseology, connotative stylistic significance, phrases, Sienkiewicz.

Ерохина Т.А.

ПОЭТИКА ОНИМОВ МАЛОГО «ПАРИЖСКОГО ТЕКСТА» М.А. ВОЛОШИНА: «ГОДЫ СТРАНСТВИЙ»

ДНР, г. Горловка, Горловский институт иностранных языков
tet.eroxina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются поэтонимы стихотворений «Пустыня», «Письмо» и цикла «Париж» из книги М.А. Волошина «Годы странствий». Ключевым словом-магнитом в этих произведениях выступает Париж, который вовлекает в сферу своего притяжения остальные поэтонимы, формирующие ху-

дожественный образ французской столицы начала XX века. Это первая наша работа, посвящённая «парижскому тексту» М.А. Волошина. Мы называем его «малым», потому что весь «парижский текст» выходит далеко за пределы книги «Годы странствий».

Ключевые слова: Париж, «парижский текст», поэтонимы.

В жизни и культурной ориентации М.А. Волошина Париж занимал особое место. Поэт посетил этот город впервые в 1899 году, жил там в 1901–1905 и в 1915–1916, приезжал в 1906, 1908 и 1911 годах. В Париже он «на много лет», чтобы учиться «художественной форме у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мысли – у Бергсона, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эредиа...» [Волошин, 2008: 250].

В Париже М.А. Волошин посещал лекции в Лувре, Сорбонне и Высшей русской школе, работал в Национальной библиотеке, брал уроки рисования у художницы Е.С. Кругликовой, входил в литературные и художественные круги, знакомился с русскими и европейскими представителями искусства, переводил французских поэтов, писал стихи, статьи об искусстве, читал лекции. В Париже 1904-го была «весна с Аморе́й» [Волошин, 2008: 275] – будущей женой поэта М.В. Сабашниковой. В стихотворении «Письмо», адресованном ей, М.А. Волошин писал: / Для нас Париж был ряд преддверий / В просторы всех веков и стран, / Легенд, историй и поверий. / [Волошин, 2003: 50]. Пожалуй, это лучшее признание в любви городу, который «совсем покорил, уничтожил и влюбил в себя» [Волошин, 2009: 286].

Л.Г. Панова в книге «Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина» сказала: «Как известно, классическая русская литература создала свой Петербург, свой Крым, свою Италию. Искусство слова наполнило эти географические понятия столь художественно и человечески убедительным, а по сути мифогенным, содержанием, что они легко заслоняют собой реальный Петербург, Крым и Италию» [Панова].

Русская литература создала свой Париж. Этот город на протяжении десятилетий был для русского общества неотъемлемой частью жизни. Каждый, кто писал о Париже, демонстрировал собственное его видение, в результате чего город рассматривался в разных ракурсах и с различными коннотациями. Писал о Париже и М.А. Волошин. Первые произведения, посвящённые любимому городу, поэт включил в книгу «Годы странствий». Это стихотворения «Пустыня», «Письмо» и цикл «Париж», состоящий из 11 произведений. Это первая наша работа, посвящённая «парижскому тексту» М.А. Волошина. Мы называем его «малым», потому что весь «парижский текст» выходит далеко за пределы книги «Годы странствий».

Впервые проблема исследования структуры «городского текста» была поставлена в работах В.Н. Топорова [Топоров, 1984] и Ю.М. Лотмана [Лотман, 1984]. Многочисленные публикации и дис-

сертационные исследования свидетельствуют о непреходящем интересе к «городским текстам».

«Парижский текст» М.А. Волошина открывает стихотворение «Пустыня». Все му голова – поэтоном **Монмартр**. Со 130-метрового холма открывается вид на город: / **Монмартр...** / Внизу ревет **Париж** – / Коричневато-серый, синий... / [Волошин, 2003: 11]. «С чего начать изучение города для постижения его души? – читаем размышления Н.П. Анциферова в книге «Душа Петербурга». – Для постижения души города нужно охватить одним взглядом весь его облик в природной раме окрестностей. Проф. И.М. Гревс рекомендует начинать «завоевание» города с посещения какой-либо вышки. Так, хорошо в Риме прежде всего подняться на Яникульский холм или в сады Monte Pincio; Венецию и Флоренцию обозреть с высоты их стройных кампанилл; Париж – с холма Монмартра, из купола храма Святого сердца» [Анциферов]. Так и поступил М.А. Волошин.

В цикле «Париж» снова первым выступает поэтоном **Монмартр**. Он входит в название первого стихотворения: «С **Монмартра**». С высоты холма: / **Город-Змей**, сжимая звенья, / Сыпет искры в алый день. / [Волошин, 2003: 22]. Авторский поэтоном **Город-Змей** выступает синонимом **Парижа** и дополняет образ ревущего, «коричневато-серого, синего» города из первого стихотворения поэта.

Для Волошина-художника вид на Париж представляет собой череду живописных зарисовок, и потому Волошин-поэт для его описания пользуется приёмами художников-импрессионистов: цветовыми контрастами, размытостью контуров, эскизностью: / В дождь **Париж** расцветает, / Точно серая роза... / Шелестит, опьяняет / Влажной лаской наркоза. / [Волошин, 2003: 23]; / Осень... Осень... Весь **Париж**, / Очертанья сизых крыш / Скрылись в дымчатой вуали, / Расплылись в жемчужной дали. / [Волошин, 2003: 24]; / **Париж** тонул в лиловой мгле. / [Волошин, 2003: 25]; / **Парижа** я люблю осенний, строгий плен, / И пятна ржавые сбежавшей позолоты, / И небо серое, и веток переплеты – / Чернильно-синие, как нити темных вен. / [Волошин, 2003: 28].

Поэтоном **Париж** становится ключевым словом-магнитом, вовлекающим в сферу своего притяжения остальные поэтономы цикла.

М.А. Волошин пишет о соборе Парижской богородицы (Notre-Dame de Paris, *фр.*) – католическом храме, расположенном в центре Парижа. Особое внимание автора привлекают горгульи и химеры: / И на груди сокровищ, / Разлитых по камням, / Смотрят морды чудовищ / С высоты **Notre-Dame...** / [Волошин, 2003: 23].

Поэт говорит о своей любви к центральной площади Парижа – Place la Concorde (площадь Согласия): / Огненных линий аккорд, / Бездну зеркально-живую, / Ночью **Place la Concorde**, / Ночью дождливой люблю я. / [Волошин, 2003: 25] и олицетворяет Луксорский обелиск (obélisque de Louxor, *фр.*) – монолитную гранитную ко-

лонну фараона Рамсеса II, расположенную в её центре: / В вихре сверкающих брызг, / Пойманных четкостью лака, / Дышит гигант – **Обелиск** / Розово-бледный из мрака. / [Волошин, 2003: 25].

Привлекает внимание поэта и дворцово-парковый комплекс Версаль (Parc et château de Versailles, *фр.*), который неотделим от Парижа, как, к примеру, Петергоф никогда не рассматривался отдельно от Петербурга: / Бродит осень парками **Версаля**, / Вся закатным заревом объята... / [Волошин, 2003: 29], а также дворец Трианон (Trianon, *фр.*), расположенный на его территории: / Но поздний луч зари возжег благоговейно / Зеленый свет лампад на мутном дне бассейна, / Орозовил углы карнизов и колонн, // Зардел в слепом окне, золотые кинул блики / На бронзы черные, на мраморные лики, / И темным пламенем дымится **Трианон**. / [Волошин, 2003: 28].

М.А. Волошин восхищается садами Иль-де-Франса (Île-de-France, *фр.*) – наследственного владения Капетингов, ставшего основой и центром французского государства: / Взор пленен садами **Иль де-Франса**, / <...>. / [Волошин, 2003: 28].

Редко фиксируя место, где было написано то или иное произведение, поэт тем не менее отмечает, что стихотворение «Закат сиял улыбкой алой...» было написано «На **Сене** близ **Мэдона**» [Волошин, 2003: 26], а стихотворение «В серо-сиреневом вечере...» – «В **Булонском лесу**» [Волошин, 2003: 27] (первоначально это стихотворение имело название «Булонский лес»).

Среди поэтонимов «парижского текста» авторские поэтонимы **Большое Колесо** и **Башня-Великанша**: / Мосты, где рельсами ряды домов разъяты, / И дым от поезда клоками белой ваты, / И из-за крыш и труб – сквозь дождь издалека / **Большое Колесо** и **Башня-великанша**, / И ветер рвет огни и гонит облака / С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша. / [Волошин, 2003: 28]. **Большое Колесо** – имя, созданное М.А. Володиным для названия гигантского колеса обозрения с подвесными сиденьями, которое было установлено в 1900 году в Париже на проспекте Де Суффрен во время Всемирной выставки, а в 1937 году разобрано и отправлено в переплавку. **Башней-Великаншей** поэт именуется современный символ Парижа – Эйфелеву башню.

Заканчивается цикл «Париж» стихотворением «Перепутал карты я пасьянса...», в котором М.А. Волошин обращается к Парижу со словами, которые могут быть адресованы только старому другу: / Мне, **Париж**, желанна и знакома / Власть забвенья, хмель твоей отравы! / [Волошин, 2003: 29].

Все собственные имена, о которых до сих пор шла речь, относятся к разряду топопоэтонимов. В следующем произведении малого «парижского текста» – стихотворении «Письмо» – разрядность поэтонимов расширяется, и в текст вводятся мифопоэтонимы, антропопоэтонимы и артипоеэтонимы, что наполняет ключевой поэтоним **Париж** новыми образами и новыми смыслами.

В стихотворении «Письмо» М.А. Волошин вспоминает о совместных поездках с М. В. Сабашниковой по французской столице и её окрестностям в мае–июне 1904 года. Описание Парижа начинается с упоминания Сены и парка Тюильри, который расположен между площадью Согласия и Лувром: / Гляжу в окно сквозь воздух мгlistый. / Прозрачна **Сена... Тюильри...** / **Монмартр** и синий, и лучистый. / [Волошин, 2003: 49].

И снова Монмартр. Но теперь поэт не находится на его вершине, откуда открывается просторный вид на город, а смотрит на Монмартр из окна своей комнаты. Поэтому и город теперь предстаёт перед нами в другой перспективе: / Вот я опять один в **Париже** / В кругу привычной старины... / [Волошин, 2003: 48]. / То день идет... Гудит **Париж**. / [Волошин, 2003: 50]; / Для нас **Париж** был ряд преддверий / В просторы всех веков и стран, / Легенд, историй и поверий. / [Волошин, 2003: 50]. / **Париж** властительно и строго / Шумел у нашего порога. / [Волошин, 2003: 50].

Помимо **Парижа** и **Монмартра** в стихотворении «Письмо» присутствуют ещё два поэтонима, из упомянутых ранее, – **Версаль** и **Трианон**. Если в первом случае поэтоним **Трианон** выполнял номинативную функцию, то теперь он дан в определительной конструкции: / Затишье парка **Трианона**, / Шероховатость старых плит, – / (Там мрамор сер и мхом покрыт). / [Волошин, 2003: 51]. Говоря о Версале, М.А. Волошин снова использует поэтоним в определительной конструкции, но теперь с предлогом: / И всё мне снится день в **Версале**, / Тропинка в парке между туй, / Прозрачный холод синей дали, / Безмолвье мраморных статуй, / Фонтан и кони **Аполлона**. / [Волошин, 2003: 51].

В данном отрывке поэт употребил имя бога света и покровителя искусств Аполлона. Этот персонаж древнегреческой мифологии часто встречается в произведениях М.А. Волошина. Поэт называет его **Аполлоном, Кифаредом, Лучником, Ликеем, Фойбосом, Ликеем, Эойсом, Фебом, Фэбом**. В «парижском тексте» поэтоним **Аполлон** дан в определительной конструкции. Это не Аполлон, как действующий персонаж, а скульптура Жана-Батиста Тюби «Колесница Аполлона», украшающая фонтан в Версале, на которой изображён бог, восседающий на колеснице и управляющий квадригой.

В стихотворении «Письмо» есть поэтоним **Hall'e**: / Я помню тоже утро в **Hall'e**, / Когда у **Лувра** на мосту / В рассветной дымке мы стояли. / [Волошин, 2003: 52]. Les Halles (Ле-Аль) – крытый продовольственный рынок, располагавшийся в центре Парижа до начала 1970-х годов. Соседство рынка с Лувром – крупнейшим художественным музеем мира – в одном контексте говорит о том, что для М.А. Волошина в Париже всё одинаково дорого и одинаково значимо. При этом автор сначала подробно и живописно описывает, казалось бы, прозаичную «рынка суету»: / <...>, Капуста, словно сгустки пены, /

«Как солнца» тыквы и морковь, / Густые, черные, как кровь, / Корзины пурпурной клубники, / И океан живых цветов – / Гортензий, лилий, васильков, / И незабудок, и гвоздики, / И серебристо-сизый тон, / Обнявший нас со всех сторон. / [Волошин, 2003: 52] и только потом говорит о Лувре.

Художественному музею посвящены и такие строки: / Я буду помнить **Лувра** залы, / Картины, золото, паркет, / Статуи, тусклые зеркала, / И шелест ног, и пыльный свет. / [Волошин, 2003: 52].

Далее следует поэтическое описание музейной коллекции, которое представляет нам имена живописцев, чьи работы привлекли особое внимание поэта и его возлюбленной: / Для нас был **Грёз** смешон и сладок, / Но нам так нравился зато / Скрипучий шелк чеканных складок / Темно-зеленого **Ватто**. / [Волошин, 2003: 52]; / **Буше** – изящный, тонкий, лживый, / **Шарден** – интимный и простой, / **Коро** – жемчужный и седой, / **Милле** – закат над желтой нивой, / Веселый лев – **Делакруа**, / <...>. / [Волошин, 2003: 52].

Интересно представлена поэтическая характеристика художников. Жана Батиста Симеона Шардена М.А. Волошин называет «интимным и простым», возможно, потому, что работы художника выполнены в спокойной, задушевной манере и посвящены повседневной жизни людей из так называемого третьего сословия. Определение «скрипучий шелк чеканных складок темно-зеленого **Ватто**» отображает основную цветовую гамму полотен живописца Жана Антуана Ватто и передаёт изысканность его «галантных сцен». А вот ответ на вопрос, почему Эжена Делакруа, известного своими «беспокойными», «стремительными», выражающими часто трагические чувства картинами М.А. Волошин называет «веселым львом», нам ещё предстоит найти. Делакруа действительно любил рисовать львов, но он изображал не их портреты в статике, а яростную борьбу хищников за существование, о чём говорят названия его работ: «Охота на львов в Марокко», «Голова рычащего льва», «Лев, пожирающий кролика», «Лев, пожирающий лошадь». Откровенно говоря, «весёлого» тут мало или, лучше сказать, нет вовсе.

В следующем отрывке поэт указал на названия произведений искусства из собрания Лувра: / **Tête Inconnue!** Когда и кто / Нашел и выразил в ней то / В движеньи плеч, в разрезе глаза, / Что так меня волнует в ней, / Как и в **Джоконде**, но сильней? / [Волошин, 2003: 53].

«Tête inconnue» («Голова неизвестной») – бюст работы итальянского мастера Франческо Лаураны. В поэзии название бюста переходит на имя девушки. Поэт сравнивает **Tête Inconnue** со знаменитой **Джокондой**, изображённой на картине Леонардо да Винчи «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо» или «Мона Лиза». В конце января 1904 года М.А. Волошин писал своей будущей жене Маргарите Васильевне Сабашниковой: «La Tête inconnue». Мучительная загадка жизни. Тонкое девическое лицо с приподнятыми наискось глазами.

Улыбка Джиоконды. Нет, это загадочнее Джиоконды. Джиоконда – женщина. В ней весь блеск распустившегося цветка. Это смягчает ужас загадки. А здесь... “...J'aime l'horreur d'être vierge et je veux Vivre parmi l'effroi que me font mes cheveux...” (Волошин приводит слова Иродиады из одноимённой поэмы Стефана Малларме: Люблю проклятие быть девственной! меж грез / Жить ужасом своих распущенных волос!) Как странны эти оба лица средневековья: ужас ослепшей веры и загадочная улыбка познания» [Волошин, 2013: 55]. М.А. Волошин был настолько очарован бюстом, что приобрёл гипсовый слепок с него, и даже хотел разместить иллюстрацию «Tête inconnue» на первой странице своей книги «Годы странствий».

Ещё один поэтоним «парижского текста» М.А. Волошина – **Saint-Germain l'Auxerroy**: / <...>, / И в **Saint-Germain l'Auxerroy** – // Vitreaux – камней прозрачный слиток: / И аметисты, и агат. / [Волошин, 2003: 52–53]. **Saint-Germain l'Auxerroy** (Сен-Жермен л'Оксерруа, фр.) – церковь св. Германа (Жермена) Осерского (фр. Germain d'Auxerre), расположенная в центре Парижа. Во времена, когда Лувр был королевским дворцом, она служила приходской церковью для династии Валуа.

В редакции «Письма», отправленного М.В. Сабашниковой, существует отрывок, который впоследствии был изъят поэтом: / Я буду помнить жизнь вне рамок. / Поездки в лес на целый день. / **Фонтенебло**. И парк, и замок. / Скамью. Фонтан. Каштанов тень. / Потом в лесу три старых пушки. / Ущелья. Вечер у опушки / На диком склоне у сосны. / Леса, как море. Диск луны. / Дорога в белом лунном свете. / Внизу сквозь кружево ветвей / Миганье радужных огней. / Я помню их, прогулки эти – / Я четко помню каждый день: / **St. Cloud, Мэдон, Венсенн, Сюрень...** / [Волошин, 2013: 79]. Фонтенебло, St. Cloud, Мэдон, Венсенн и Сюрень – пригороды Парижа, которые поэт посетил вместе с М.В. Сабашниковой.

Закончить обзор поэтонимов малого «парижского текста» М.А. Волошина мы хотим словами В.Н. Топорова, который определяет «городской текст» как то, что «город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желанья, свои нужды и свои оценки», и считает, что «невнимание и тем более пренебрежение к таким текстам – ничем не оправданное расточительство и сужение объёма самого понятия культуры» [Топоров, 1995: 368–369].

Литература

1. Анциферов, Н.П. Душа Петербурга [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://e-libra.su/read/178951-dusha-peterburga.html>.

2. Волошин, М.А. Собрание сочинений. В 13 т. (17 кн.). Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. 608 с.

3. Волошин, М.А. Собрание сочинений. В 13 т. (17 кн.). Т. 7, кн. 2: Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания / Сост., подгот. текста, коммент. В.П. Купченко, Р.П. Хрулевой, К.М. Азадовского, А.В. Лаврова, Р.Д. Тименчика. – М.: Эллис Лак, 2008. 768 с.

4. Волошин, М.А. Собрание сочинений. В 13 т. (17 кн.). Т. 8: Письма 1893–1902 / Сост. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2009. 832 с.

5. Волошин, М.А. Собрание сочинений. В 13 т. (17 кн.). Т. 11, кн. 1: Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 / Сост. К.М. Азадовский, Р.П. Хрулева; подгот. текста Р.П. Хрулевой; коммент. К.М. Азадовского; под общ. ред. А.В. Лаврова. – М.: Эллис Лак, 2013. 736 с.

6. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. – Тарту, 1984. С. 30–45.

7. Топоров, В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. – Тарту, 1984. С. 3–29.

8. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.

9. Панова, Л.Г. Египетский текст русской литературы [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://zvezdaspb.ru/index.php?nput=529&page=8>.

Abstract. In the article poetonyms of poems "Desert", "Letter" and the cycle "Paris" from the book of M.A. Voloshin "Years of wanderings" are considered. The key word-magnet in these works is Paris, which draws into the sphere of its attraction the other poetonyms that form the artistic image of the French capital of the early 20th century. This is our first work, dedicated to the "Paris text" by M.A. Voloshin. We call it "small", because the entire "Parisian text" goes far beyond the book "Years of wanderings".

Keywords: Paris, "the Parisian text", poetonyms.

Жигулина Т.С.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
zhigu.tatyana@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию прецедентного феномена «дьявол», способы его репрезентации в художественном пространстве текстов А.С. Пушкина.

Ключевые слова: прецедент, демон, дьявол, бес, черт, огонь, препятствия, сила, обман, Бог.

Лингвокультурологический анализ является основополагающим для изучения различных явлений, которые эксплицируют культурную информацию. Анализ данного феномена раскрывает смысловую сущ-

ность текста, репрезентирует сформированный в коллективном сознании и авторском мировосприятии языковой и когнитивный опыт.

В Энциклопедическом словаре славянской мифологии представлена тематическая группа демонических персонажей низшей мифологии. Например, номинация «Бес» содержит следующую информацию: он может являться в различных образах – воина, зверя, змея, монаха, медведя, черного пса, волка, ангела и Иисуса Христа. Бес, как более ранний персонаж, был вытеснен чертом (в славянской мифологии злой дух). Лексемы 'бес' и 'дьявол' синонимичны черту. Являясь родовым понятием, черт означает всю нечистую силу. В русских легендах черт – ангел, уставший славить Бога. Христианские поверья о черте схожи с представлениями о дьяволе. Приведем толкование лексемы «дьявол»:

1. В религиозных представлениях – злой дух, черт, сатана.
2. Бранное слово (простореч.). *Куда прете, дьяволы!*
3. В знач. междом. употр. для выражения досады, недовольства, раздражения (разг. вульг.). *Тьфу, дьявол, что я наделал! Какого дьявола? или за каким дьяволом? или на кой дьявол? (разг. вульг.) – зачем? для чего?* (Ушаков, 1935-1940:131).

В народной демонологии представления о бесе как персонаже отличны от черта, дьявола и беса в книжной традиции, так как у восточных славян бесы обозначают всех демонических персонажей (Славянская мифология, 2002:35-36). В мифологическом словаре находим, что демон является воплощением обобщенного представления о потусторонней силе (Мифологический, 1990). У Гомера «демон» означает таинственное влияние божественной силы на человека, несущее как зло, так и благо. К примеру, в «Одиссее» демону приписывается дурное, враждебное влияние. В представлении Гесиода демоны были душами людей Золотого века, приставленные Зевсом к людям, чтобы охранять их. Далее Сократ в «Кратиле» Платона продолжает и развивает этот вариант: души людей Золотого века «были разумны и все было им ведомо», всякий «достойный человек» после смерти «становится демоном, заслужив это имя своей разумностью». «Благой демон» упоминается у аттических авторов и связан с хтоническими силами, которые предстают в облики змеи или доброго духа, охраняющего дом. В понимании Платона и его школы демон трактуется как промежуточное явление между богами и людьми, которые мудры, склонны к добру, ненавистны к злу и способны переживать боль, в отличие от богов. Отметим, что в христианских представлениях демоны связаны исключительно со злой силой.

В толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова зафиксировано следующее значение лексемы «демон»:

1. Божество, существо, среднее между богом и человеком.
2. В христианской мифологии – дьявол, злой дух.
3. Злой искуситель, существо, обладающее таинственной силой, которое побуждает к чему-нибудь недоброму, злему.

Интересным представляется анализ художественных контекстов с целью выявления значений исследуемого явления. В творчестве А.С. Пушкина демон предстает в образе мифического существа, *злого гения: Тогда какой-то злобный гений / Стал тайно навещать меня. / Печальны были наши встречи / Его улыбка, чудный взгляд, / Его язвительные речи / Вливали в душу хладный яд* («Демон», 1823). Однако данный образ, лишенный, казалось бы, материальной и рациональной составляющей, олицетворяет собой искушения, встречающиеся на пути человека. И лишь от самого человека зависит, сможет ли он не покориться жестокому миру, постоянно проверяющего нас на прочность и остаться с чистой душой. В стихотворении «Бесы» Пушкина читаем: *В поле бес нас водит, видно / Да кружит по сторонам.* Опять-таки, нечистая сила в образе беса ассоциируется со злой силой, способной запутать человека, сбить с верного пути, привести к гибели. В данном стихотворении лексема «бесы» употребляется несколько раз, с отрицательной коннотацией. Аналогичное значение имеет лексема «дьявол», она встречается в нескольких произведениях писателя, приведем пример: *Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий из рту, придавали ему вид настоящего дьявола* («Выстрел», 1830). С помощью пословицы репрезентируется лексема «черт»: *Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте* («Капитанская дочка», 1836). Противопоставление поп-черт основано на присутствии одного при условии отсутствия другого, что является еще одним примером отрицательной природы происхождения нечистой силы.

Отметим случаи употребления данного прецедентного феномена в художественно-изобразительных оборотах: *демон нетерпения опять мною овладел* (Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835). Данная метафора усиливает чувство нетерпения, придавая ему неистовую силу. Нами зафиксированы примеры, в которых исследуемое явление не имеет отрицательной коннотации: *Ты, слышал я, женишься в Августе поздравляю мой милый – будь щастлив хоть это чертовски мудрено* («Письмо А. А. Дельвигу», 1825). Имплицитное пространство данного контекста несет следующую интерпретацию: возможность постижения счастья чрезвычайно сложна, поэтому, чтобы ее постичь, нужно уметь ставить интересы супруга выше, чем свои, а веление души подчинять общим интересам.

Оппозиция Бог-дьявол репрезентирует имплицитный принцип дуальности: *Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман* («Капитанская дочка», 1836). Смысловое наполнение данного контекста имеет следующую интерпретацию: обман – это грех, поэтому, перекрестившись, можно найти спасение только у Бога.

В результате лингвокультурологического анализа мы выяснили, что в текстах А.С. Пушкина прецедентные феномены наполняются но-

выми смыслами, тогда как понятийная составляющая соответствует первоначальным представлениям.

Литература

1. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. – М.: Международные отношения, 2002. – С.512.
2. Мифологический словарь / гл. ред. Мелетинский Е.М. – М.: Советская энциклопедия, 1990 (2). – С. 709.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова Д.Н. – М.: 1935-1940. (4 т.).
4. Леманн А., Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней, пер. с нем., М., 1900.
5. Пушкин А.С. Выстрел [Электронный ресурс] // Известия (29.03.2002). – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.01.2018)
6. Пушкин А.С. Капитанская дочка [Электронный ресурс] // Известия (29.03.2002). – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.01.2018)
7. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года [Электронный ресурс] // Известия (29.03.2002). – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.01.2018)
8. Пушкин А.С. Мои замечания об русском театре [Электронный ресурс] // Известия (29.03.2002). – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.01.2018)
9. Пушкин А.С. Письмо А. А. Дельвигу [Электронный ресурс] // Известия (29.03.2002). – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.01.2018).

Abstract. The article describes the case-of the phenomenon of «demon», its representation in feature space of the texts of A. S. Pushkin.

Keywords: precedent, demon, devil, devil, hell, fire, obstacles, power, deception, God.

Ливинская А. И.

ИДИОСТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ ТЕКСТОВ А.П. ЧЕХОВА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
708494@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации ключевых концептов и изучению идиостилевых доминант в текстах А.П. Чехова.

Ключевые слова: идиостиль, концепт, средства репрезентации, индивидуально-авторская картина мира.

Современная лингвистическая наука при исследовании языковых средств, репрезентирующих авторское мировосприятие в художественном тексте, обращается к понятию идиостиля. В интерпретации Н.С. Болотновой, заложившей основы изучения идиостиля, данное понятие определяется как «многоплановое проявление мировидения создателя в структуре, семантике и прагматике текста, в характерной для него стратегии организации текстовой деятельности» (Болотнова 2001: 98). В нашей работе изучение идиостиля ведется в рамках когнитивной лингвистики, поэтому мы обращаемся к концепту как эле-

менту индивидуально-авторской картины мира. В данной работе творчество А.П. Чехова рассматривается через определенный ряд концептов, репрезентированных в тексте и отражающих авторское представление о действительности. И.А. Тарасова, разделяя взгляд Н.С. Болотновой на функцию ментальных образований, указывает, что исследование когнитивных феноменов в процессе их языковой реализации составляет современное изучение идиостиля. Так, в понимании лингвиста идиостиль представлен как ментальное и языковое единство, то есть связь концептов и когнитивных структур и их лингвистическая репрезентация (Тарасова 2012: 10). Такая характеристика является основой изучения идиостиля писателя, которая производится при помощи анализа выявленных индивидуально-авторских концептов.

Согласно нашему исследованию, концепт «Тоска», а также близкие к нему по смыслу субконцепты «Скука», «Печаль», «Грусть» являются важными для понимания мироощущения писателя и анализа индивидуально-авторской картины мира. Специфика репрезентации данных концептов, способ их объективации в текстах и составляет идиостилевое своеобразие А.П. Чехова.

Особым идиостилевым маркером писателя является «использование рассматриваемых слов в несвойственных им значениях» (Козакова, 2010: 275), которое встречается в рассказе «Моя жизнь»: *«...и мною мало-помалу овладела **тоска** – тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и все свое большое тело и не знаешь, что делать с ними, куда деваться»* («Моя жизнь»). Первоначально может показаться, что в данном контексте реализуется основное значение существительного тоска «сильное душевное томление в соединении с грустью и скукой», однако А.П. Чехов репрезентирует смысловое содержание как физическое чувство. Вероятно, основанием для развития указанного значения послужило бытующее в языке представление о тоске как о физической боли, телесной болезни, которая вполне может быть вызвана соответствующим состоянием души. Например, в тексте его письма наблюдается разделение «состояние души» и «физическая болезнь», когда существительное тоска получает способность характеризовать только физическое состояние человека, без отсылки к психологическому состоянию: *«У меня, голубчик, беда – у сестры что-то вроде тифа. Бедняга заболела в Москве. Когда я привез ее домой, она совсем осипла, захирела, 40°, боль во всем теле, **тоска**... Я возился с ней две ночи. Она стонала: «я умираю!», и это привело в ужас всю мою фамилию, особенно мать»* (Письмо А. С. Суворину 5 февраля 1893 г.) (Чехов, 1974: 163).

Иной особенностью идиостиля предстает музыкальность, поскольку для передачи душевного состояния персонажей А.П. Чехов вводит соответствующее обстановке музыкальное сопровождение, «чтобы усилить впечатление грусти, тоски и ужаса от предстоящей по-

гибели мира» (Родионова, 2010: 71). Читатель отмечает звук оборвавшейся струны, отъезжающего экипажа, стук топора по дереву, звук поворотов ключа. Об этом свидетельствует и замечание М.В. Давыдова: «Чехов был поэт, и творчество его насквозь поэтично. Созданию поэтической атмосферы в произведениях Чехова способствовали: подбор персонажей, музыкальность стиля и пейзаж» (Давыдов, 2003: 102). Например, о пейзаже в «Степи» Чехова хочется сказать, что он поет: *«Песнь тихая, тягучая и заунывная, похожая на плач и едва уловимая слухом, слышалась то справа, то слева, то сверху, то из-под земли, точно над степью носился невидимый дух и пел. Егорушка оглядывался и не понимал, откуда эта странная песня; потом же, когда он прислушался, ему стало казаться, что это пела трава; в своей песне она, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она уверяла, что ей страшно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя»*. Таким образом, в текстах писателя наблюдается музыкальное оформление при характеристике человека, пространства; музыкальность становится особым фактором при репрезентации концепта «Тоска». Помимо приема музыкальности как способа репрезентации исследуемого концепта, добавляются тишина и паузы в текстах пьес: использование данных приемов возвращает читателя к одному из смыслов понятия тоски – душевная пустота и незаполненность. «Поэтаенное, но не утаиваемое, сокрытое, но постигаемое незримым и неслышимым текстом – молчанием, возникшей в хаосе шумов паузой» (Возчиков, 2011: 128).

Идиостилевым маркером предстает раскрытие концепта через фразеологические и идиоматические номинации. В отличие от слова фразеологизм представляет целостную номинацию с косвенно-номинативным значением, которое возникает в результате образного переосмысления сочетания слов посредством передачи эмоционально-чувственного отношения субъекта к явлению действительности. Итак, в комплексном объединении репрезентантов концепта «Тоска» выделяются идиомы и фразеологические сочетания, обладающие «синергетическим взаимодействием языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурного факторов» (Алефиренко, 2008: 6).

В чеховском тексте можно отметить ряд идиоматичных выражений, содержащих эмоциональное состояние тоски, скуки. Отметим некоторые из них: *«Я нагоняю на вас тоску, Шурочка, простите, но я только и забываюсь на минуту, когда говорю с вами, друг мой...»* («Иванов»); *«Приехал только прошлую ночью, но уже умираю от скуки»* («Драма на охоте»). Значение идиом, которые функциониру-

ют в текстах А.П. Чехова, совпадает с имманентным русскому языковому сознанию. В русской картине мира тоска ассоциируется с образом тучи, о чем говорит употребление лексем *тоска*, *печаль*, *уныние* во фразеологизмах *нагонять тоску*, *наевать уныние*, *наводить тоску/печаль*. Состояние печали и тоски метафоризируется, поскольку происходит уподобление некоему хищному зверю, который охотится на душу человека. Данное народное представление совпадает с чеховским представлением: «**Тоска** грызет мое сердце. Меня душит какое-то тяжелое предчувствие» («Тысяча одна страсть, или Страшная ночь»).

Следует отметить, что репрезентация концепта «Тоска», «Скука» в текстах А.П. Чехова представлена антонимическим взаимодействием со словами радость, счастье, которая эксплицирует значение сравнения, смысл которого обрастает контекстуальным выражением чрезмерности, приторности: «*Все теперь отлично понимали, что это был влюбленный и счастливый человек, счастливый до **тоски**; его улыбка, глаза и каждое движение выражали томительное счастье*» («Степь»). Индивидуально-авторское значение строится на противопоставлении парам синонимов скука – пустота, скучный – недовольный синонимического ряда веселье, радость, довольство, счастье, полнота жизни. Формируемая антонимическая парадигма скука – счастье подкрепляется другим примером: «*При виде счастливого человека всем стало **скучно** и захотелось тоже счастья. Все задумались*» («Степь»). «Недовольство жизнью, отсутствие удовлетворения жизнью» контрастирует с противоположным – наслаждение жизнью. Подобный смысл наблюдается в тексте рассказа «Драма на охоте»: «*Опьянение не заставило долго ждать себя. Скоро я почувствовал легкое головокружение. В груди заиграл приятный холодок – начало счастливого, экспансивного состояния. Мне вдруг, без особенно заметного перехода, стало ужасно весело. Чувство пустоты, **скуки** уступило свое место ощущению полного веселья, радости. Я начал улыбаться. Захотелось мне вдруг болтовни, смеха, людей. Жуя поросенка, я стал чувствовать полноту жизни, чуть ли не самое довольство жизнью, чуть ли не счастье*» («Драма на охоте»). Таким образом, анализ данных концептов свидетельствует об основополагающем значении в мировосприятии писателя. В рамки исследуемых концептов входят общественные представления о национально-культурной специфичности и индивидуальное осмысление в преломлении к авторскому мироощущению, что «позволяет сформировать нарративный модус, который наполняет повествование живым поэтическим звучанием и эксплицирует ценностно-смысловые доминанты».

Анализ концепта «Тоска» показывает его преобладание в концептуальной системе А.П. Чехова, что обусловлено психологическими особенностями писателя и его мировоззрением, а также художественным методом, который представляет собой результат когнитивной,

эмоциональной и текстовой деятельности творческой личности. В результате исследования выявляются идиостилевые особенности воплощения концепта и средств его репрезентации, которые эксплицируют индивидуально-авторскую картину мира А.П. Чехова.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. – М.: Элпис, 2008. 271 с.
2. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: ТГУ, 2001. 321 с.
3. Возчиков, В.А. Звучащая пустота (к онтологии паузы) // Наука и современность. – 2011. – № 9-2. С. 128-132.
4. Давыдов, М.В. Музыкальность и подтекст в произведениях А.П. Чехова // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2003. – Вып. 24. С. 101-120.
5. Козакова, А.А. // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя. Сб. материалов Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1–4 октября 2009 года. Ростов-н/Д:НМЦ «ЛОГОС», 2009. 364 с.
6. Родионова, В.М. Музыка прозы А.П. Чехова // Literary Calendar: the Books of the Day. – 2010. – Вып. 6 (1). С. 68-81.
7. Озерова, Е.Г. Идиостилевые маркеры прозаических текстов И.А. Бунина / Е.Г. Озерова // Гуманитарные исследования. – 2017, № 3 (63). – С. 115-118.
8. Тарасова, И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография / И.А. Тарасова. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА, 2012. 196 с.
9. Чехов, А. П. Письмо Суворину А. С., 5 февраля 1893 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974-1983.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the representation of key concepts in A.P. Chekhov's texts in the framework of cognitive science, as well as studying the idiostyle dominants of his work.

Keywords: idiostyle, concept, cognitive linguistics, means of representation, individual author's picture of the world.

Никулина Д.С.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ Д. РУБИНОЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
1112207@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье описываются языковые особенности художественных текстов современного писателя Д. Рубиной. Особое внимание обращается на стилистически маркированную лексику и авторские слова.

Ключевые слова: художественный текст, языковая специфика, лексика, авторские слова

Изучение своеобразия художественного видения мира современного писателя представляет несомненную важность и интерес. Это обусловлено тем, что автор изображает многоплановую картину со-

временной жизни, представляет в произведениях своё мировосприятие. Особый интерес в этом плане представляет творчество современного писателя Дины Рубиной.

Дина Ильинична Рубина является популярным прозаиком, живым классиком современной литературы на русском языке. Она родилась 19 сентября 1953 года в семье художника и учительницы истории и воспитывалась в творческой обстановке. Многие события из биографии писателя были отражены в её рассказах и повестях.

Язык прозы – это отдельный объект в лингвистическом изучении художественного текста. Художественная литература не имеет того лексического набора «примет», который отличает одну функциональную разновидность языка от другой, здесь нет никаких ограничений в употреблении языковых средств. Всё их многообразие подчинено индивидуально-авторскому замыслу и выполняет определённые художественные функции.

В выборе слов для изображения или характеристики какого-либо предмета, явления или персонажа отображается индивидуальная языковая личность автора художественного текста. Таким образом, основной составляющей в сфере языковой специфики того или иного художественного текста является понятие индивидуального стиля писателя.

Творчество Д. Рубиной предоставляет исследователю богатый и разнообразный языковой материал для выявления лексико-стилистических особенностей художественных текстов автора.

Для того чтобы определить, в чем заключается лексическое своеобразие художественных текстов Д. Рубиной, нами был собран и проанализирован языковой материал из произведения «Бабий ветер». Проведённый анализ позволил заключить, что довольно активно Д. Рубина использует в данном произведении разговорные и просторечные лексические единицы, а также индивидуально-авторские образования.

Разговорная лексика употребляется в анализируемом произведении для характеристики людей или выполняемых ими действий, например:

*У него вся семья была такая – **головорезы**. Головорез – отчаянный озорник, а также хулиган, бандит; Я их не люблю – шумно там и многолюдно, вечная **толкотня**. Толкотня – движения многих теснящихся, толкающихся людей; ...Совсем не прочь **поболтать** о себе. Болтать – говорить (много, быстро, а также о чем-нибудь незначительном или то, о чем не следует) и др.*

Д. Рубина активно использует просторечную лексику, что придает речи персонажей яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Зафиксированные нами просторечные лексемы можно распределить на 3 группы:

1) экспрессивно-просторечные слова, например: ...*И прочее бытовое **барахло***». Барахло – старье, старые вещи;

2) грубовато-просторечные слова, например: – *Спектакль репетируем. Играю куру. – Кого? – Курицу, балда! Балда* – бестолковый человек;

3) собственно просторечные, например: *Он стоял в дверях и строго так на меня смотрел. Даже **чуток** презрительно. Чуток* – чуть-чуть, немного.

Анализ стилистически маркированной лексики позволяет говорить о том, что автор довольно активно использует данный пласт русской лексики. Однако его использование стилистически оправдано, так как подобного рода слова позволяют создавать наиболее яркие и «жизненные» образы и органично вписаны в ткань произведения.

«Язык – это способ выражения творческой индивидуальности автора и его художественного метода. Необходимость сказать новое слово побуждает авторов искать необычные формы выражения» (Плотникова, 2004: 28). В произведении «Бабий ветер» нами были отмечены окказиональные дефисные комплексы, или разнословные сложения. Они представляют собой «речевые новообразования, впервые встреченные в художественном тексте и не отмеченные в словарях национального языка соответствующего периода, когда живет автор, живущие только в тексте и поэтому обладающие признаком новизны, независимо от момента их создания, но могущие перейти в факты языка при определенных условиях» (Намиотокова, 1986: 158).

Основанием для классификации данных лексических единиц в произведении «Бабий ветер» можно считать количество слов в составе окказионального дефисного комплекса. В соответствии с этим основанием нами отмечены:

1) двухкомпонентные конструкции, например: *...И браслеты такие **цветные-детские**...*;

2) трехкомпонентные конструкции: *Я обратила внимание, что посуда – **тарелки-вилки-ложки** – была самая примитивная...*

Квантитативный приём позволил сделать вывод, что более частотными являются двухкомпонентные комплексы. Данный факт объясняется стремлением автора дать новое название реалии и выразить свое к ней отношение, что проще сделать с помощью конструкций малого объема.

В целом в анализируемом произведении авторских слов не много. Однако несмотря на то, что они немногочисленны, каждое из них, как правило, очень выразительно и дополняет необычные образы (зачастую наряду с яркими метафорами).

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что основная особенность языка художественных текстов Д. Рубиной заключается в использовании автором широкого спектра лексики современного русского языка. Важное место занимает стилистически маркированная лексика и индивидуально-авторские слова (разнословные сложения). Каждое из выбранных или созданных автором слов свидетельствует о креативных способностях писателя, репрезентирует его особое мировидение.

Литература

1. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Ростов: Издательство Ростовского университета, 1986. – 160 с.
2. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности (порождение, функционирование, узуализация нового слова). Автореф. дисс....д-ра фил. н. – Белгород, 2004. – 42 с.

Abstract. The article describes the linguistic features of the artistic texts of the modern writer D. Rubin. Particular attention address to stylistically marked vocabulary and author's words.

Keywords: artistic text, language specificity, vocabulary, author's words.

Озерова Е.Г.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ТЕКСТА ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ozeroва@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается стилистическая маркированность поэтики прозаического текста, которая репрезентируется изобразительно-выразительными средствами, а использование поэтических номинаций фокусируется в стилистических средствах художественной речи, её архитектонике, лирической организации прозаического текста и предопределяется чувственным восприятием авторских интенций, декодированием имплицитного содержания текста.

Ключевые слова: текст лирической прозы, стилистическая маркированность, . изобразительно-выразительные средства.

Стилистическая маркированность лирикопрозаического текста представляет многообразную систему, образующую определённое единство и целостность, позволяет рассматривать анализируемое слово с точки зрения его коммуникативного потенциала, выявлять авторские приемы трансформации слов и словосочетаний безобразного языка в фигуральные средства создания лирической прозы. Однако при всей диверсификации такого конструкта можно выделить отличительные свойства репрезентации текста лирической прозы: 1) индивидуальная маркированность изобразительно-выразительных средств; 2) функционирование и стилевое своеобразие типов и единиц текста; 3) структура, смысловая цельность, способы создания логичности и связности, членение и модальность текста.

Выразительные средства как художественно-речевое явление создают словесную образность повествования, формируют и порождают эмоционально-оценочное отношение к тексту. Специфика лирикопрозаического текста состоит в том, что он представляет художественно трансформируемую замыслом автора реальную действительность, наполненную эстетическим смыслом и содержанием. *Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до ве-*

чера, часами простаивал, глядя на ту дивную, переходящую в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, – и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно божественного смысла и значения земных и небесных красок (И.А.Бунин, «Жизнь Арсеньева»). При этом автор использует те языковые средства, которые, с его точки зрения, передают глубинные смыслы и вербализируются в тексте через эпитеты *дивная синева неба, божественный смысл, земные и небесные краски*; метафоры *синева сквозит, пачкал бумагу, проникся чувством, часами простаивал, значение красок*; сравнения *как бы купающихся в этой синеве*, фразеологизм *с утра до вечера*.

Фундаментом лирического восприятия служит закреплённая в сознании автора действительность, актуализированная в тексте, выразительность которого формируется не только при помощи использования художественно-изобразительных средств, но и синтагматики поэтического слова, фразеологизма, нарративных конструкций лирикопрозаического текста.

Стилистический анализ текста лирической прозы обусловлен *экстралингвистическими факторами*, которые служат базисом для раскрытия художественных приемов эготопа и выделения его функций в конкретном словесно-художественном построении лирикопрозаического текста. Стилистика как научное направление характеризуется динамикой и имеет широкий спектр функционирования, начиная от стилистических приёмов, изучения структуры текста, его типологий и заканчивая исследованием коммуникативного и деятельностного аспекта текста лирической прозы. Коммуникативная стилистика, с точки зрения Н.С. Болотновой, репрезентирует текст как *«речевое произведение, концептуально обусловленное (т.е. имеющее концепт, идею) и коммуникативно ориентированное в рамках определённой сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность»* (Болотнова, 2009: 224). Важным для этого определения являются следующие моменты: 1) текст – это речевое произведение (не языковая единица высшего уровня); 2) текст всегда имеет гиперконцепт (идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность текста); 3) текст обладает стилистической окраской, отражающей определённую сферу общения; 4) текст всегда ориентирован на адресата (даже если им является сам автор); 5) текст несёт информацию (отражаясь в сознании читателя, она приобретает статус смысла); 6) текст обладает эффектом воздействия (прагматикой) (Болотнова, 2009: 224).

Стилистика декодирования заключается в эмоциональном и идейном воздействии текста лирической прозы на адресата. Процедура внутренней интерпретации текста происходит в процессе декодирования не только фабульного смысла текста, но и его эмоционально-эстетического содержания. Таким образом, основополагающим для

стилистики лирикопрозаического текста является не структурно-грамматический, а функциональный аспект, который предполагает целостность формы и содержания и репрезентирует экстралингвистическую обусловленность текста.

Смысловая цельность, связанность и развернутость компонентов, композиция и интеграция репрезентирует текст лирической прозы, который является результатом художественного восприятия действительности и зафиксирован в сознании или даже подсознании эгогопа. Эмотивно-смысловые знания в конкретной речевой ситуации интерпеллируют те речевые средства, которые необходимы автору, чтобы синтезировать смыслы чувственного мировосприятия. Смысловая цельность лирикопрозаического текста формируется через призму эгогопа и порождает взаимодействие адресанта и адресата.

Вариативность и герменевтика смыслов составляют целостную структуру текста лирической прозы. Смыслы высказываний и смысл текста, отмечает Г.В. Колшанский, «представляют собой единство и цельность, в рамках которого семантика отдельных языковых единиц составляет лишь часть этого целого. Семантическая дискретность текста есть его смысловое структурирование, а не сумма отдельных значений единиц... Элементарные значения отдельных единиц есть результат структурирования тотального смысла высказывания (текста)» (Колшанский, 1980: 55).

Мы не перестаем удивляться чуду родной речи. Только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многомерностью и многозначностью языка предков. Именно в детстве закладывается подлинное знание родной речи, именно тогда возникает ощущение причастности своей к окружающим людям, окружающей среде, к определенной культуре (Чингиз Айтматов). В данном контексте автор привлекает читателя к рассуждению, использует оценочную лексику: «чудо», «родная речь», «родное слово», повтор лексемы «родной» эксплицирует коннотативную и смысловую аксиологичность текста. Смысловое наполнение «чуда» репрезентируют эпитеты *национальная гордость, эстетическое наслаждение, подлинное знание*; метафоры *напоить душу поэзией, пробудить первые истоки, возникает ощущение, заложить знания*. Одноструктурные лексемы «многомерность» и «многозначность», лексические повторы формируют коннотативное пространство текста лирической прозы, создают единый семантический и экспрессивный центр повествования.

Антропоцентрическое развертывание стилистического прочтения лирикопрозаического текста для современной филологии является доминирующим, поскольку использование поэтических номинаций фокусируется в стилистических средствах художественной речи, её ар-

хитектонике, лирической организации прозаического текста и предопределяется чувственным восприятием авторских интенций, декодированием имплицитного содержания текста.

Литература

1. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
2. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
3. Озерова, Е.Г. Идиостилевые маркеры прозаических текстов И.А. Бунина / Е.Г. Озерова // Гуманитарные исследования. – 2017, № 3 (63). – С. 115 -118.

Abstract. The article considers the stylistic marking of the poetry of the prosaic text, which is represented by visual and expressive means, the use of poetic nominations focuses in the stylistic means of artistic speech, its architectonics, lyrical organization of the prosaic text and is predetermined by the sensual perception of the author's intentions, decoding the implicit content of the text.

Keywords: text of the lyrical prose, the stylistic marking, visual and expressive means.

Покручина М.Ю.

СТИЛИСТИКА ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА «АВТОРУЧКА»

В.Н. КРУПИНА

Россия, г. Белгород, МБОУ Лицей № 32 г. Белгорода
Maуya91@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики лирикопрозаического текста на основе рассказа В.Н. Крупина «Авторучка», исследуются особенности нарратива писателя.

Ключевые слова: лирикопрозаический текст, интенциональность, нарратив, имплицитный смысл, каузативность.

Текст поэтической прозы – особый продукт лирикопрозаического дискурса, своеобразие которого определяется способом художественной репрезентации действительности. По мнению Е.Г. Озеровой, «преломляясь в эготопе и ассимилируя соответствующие эмоционально-смысловые впечатления, актуализируемые языковой памятью автора, художественно-словесная интерпретация описываемой действительности осуществляется в процессе ее вторичного ценностно-смыслового переосмысления на фоне социально значимых субъективных переживаний. Образуемая при этом этнокультурная синергетика мысли, чувства и слова выступает главным фактором интенциональности лирикопрозаического текстопорождения» (Озерова, 2017: 617).

Творчество В.Н. Крупина отличается особой духовной направленностью, верой в Бога. Рассказ «Авторучка» представляет собой репрезентацию концепта «Вера» с помощью образов-действий «Служение», «Обращение к Богу». Заметим, что одна из особенностей репрезентации концепта «Вера» в тексте – «наложение православного эт-

ноязыкового сознания на лирическое сознание автора» (Озерова, 2014: 29). Данное произведение по форме является лирикопрозаическим текстом: в основную сюжетную линию включаются переживания, чувства и мысли героя, они имеют превалирующее значение.

Как и многие другие произведения автора, название рассказа «Авторучка» представляет собой номинацию предмета, репрезентацию какого-либо вещественного образа (ср: «Амулет», «Гречиха», «Бумажные цепи», «Зелёнка», «Зеркало», «Змея и чаша», «Колокольчик», «Лист кувшинки», «Морская свинка», «Подкова» и др.). Изначально название в минимальной степени раскрывает содержание: читатель понимает, что рассказ пойдёт об авторучке, но о ее свойствах, применении, происшествии с ней или чем-то иным, неясно. Однако если обратиться к названию с онтологических позиций, можно предположить некоторую информацию. Авторучка – предмет, необходимый для письма, в целом, кажется, для повествования о ней непригодный. Но обратим внимание на то, что авторучка является средством передачи мыслей, чувств, эмоций на бумаге, с помощью текста. Таким образом, название приобретает более глубокий смысл – авторучка это уже не просто предмет, а средство оживления текста, то есть оформление и закрепление мыслей и чувств.

Сюжет рассказа не отличается сложностью: герою подарили очень красивую авторучку, которой он не осмеливался писать. Когда же он попадает в Троице-Сергиеву лавру, он пишет этой авторучкой имена родных и близких для поминовения о здравии, а затем оставляет эту авторучку другим людям.

Обратимся к тексту: *«Мне подарили красивую авторучку. Очень. Такую красивую, что ею я писать не осмеливался, но с собою возил»*, – речь идет о внешнем виде предмета, внешней красоте, причем красоте такой, которую герой не осмеливается нарушить. И использует он авторучку только в лавре, где ее существование наполняется особым смыслом. Если до этого герой «служил» авторучке, то теперь уже она служит людям, служит благому делу: *«Взял у монаха листочки чистой бумаги, достал красивую авторучку и ею написал имена родных и близких для поминовения о здравии у раки преподобного. У меня попросили ручку, я отдал, а сам пошел в храм, к гробнице»*.

В ходе повествования понятие, лексема «авторучка» наполняется особым смыслом: она приобретает не только внешнюю, но и внутреннюю красоту. Ручка становится общей, герою было как-то неловко заявлять, что это его вещь. Кроме того, постепенно приходит понимание, сколько блага успела сделать эта авторучка за несколько часов, сколько горячих молитв написали с ее помощью: *«И разве я могу написать что-то равное этим памяткам? Нет, конечно»*, – герой понимает, что ручка теперь используется для блага, она занята полезным делом, она приносит людям радость и покой, в некоторой степени она является «орудием веры».

Таким образом, нарративная модель рассказа «Авторучка» будет проистекать из имплицитного смысла лексемы (*авторучка как предмет*) и экстралингвистических факторов (*отражение мыслей и чувств героя о ней*). В качестве средств нарратива выступают: а) субъективность – повествование ведется от первого лица, чувства и мысли героя словно сливаются с авторскими; б) каузативные глаголы, то есть переходные глаголы, имеющие значение причины, повода для совершения действия.

Наиболее точная характеристика нарратива или нарративного дискурса принадлежит Бахтину: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте... Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов» (Бахтин, 1975: 403).

Главная особенность нарратива В.Н. Крупина в том, что его рассказ очень субъективен. Кроме того, возникает два субъекта рассказа – герой (его образ слит с автором) и сама авторучка, которую автор олицетворяет. Когда она становится общей, то обретает свой смысл жизни, свою судьбу и свою роль: «...я порадовался за ручку: каким же счастливым делом она занята», – герой говорит о ручке, как о человеке.

Нарратив В.Н. Крупина имплицитно образный, не используя специальных средств художественной выразительности (эпитетов, метафор), он, тем не менее, добивается того, что ситуация становится выпуклой, зримой, словно оживает. Эта особенность возникает потому, что автор тщательно прорисовывает каждую деталь, каждое событие окружающего его мира, читатель погружается в мир звуков Троице-Сергиевой лавры: это чтение акафиста, молитвенный распев «Господи помилуй!», величание, поющие вокруг люди, среди которых особенно выделяется монах на коляске. Даже образ толпы, обычно имеющий в литературе негативную коннотацию, здесь представлен иначе: «*почти всегда очередь, но такая благодатная, такая молитвенная, что очень хорошо, что очередь*», – такие чувства у героя возникают потому, что он чувствует общность с другими стоящими в этой очереди, все они пришли поклониться мощам святого Сергия Радонежского.

Каузативность в данном тексте материально выражена с помощью глагола *писать*, который не выражен материально, а существует лишь в области нашего сознания (языковой памяти и опыта), то есть писать авторучкой – это значит осуществлять с ее помощью написание, а сама авторучка пишет непосредственно, что образно описывается в тексте. Происходит семантическая трансформация: объект (авторучка) становится субъектом: «*я порадовался за ручку: каким же счастливым делом она занята – и пожелал ей долгой жизни*».

Отметим также, что нарратив построен на основе воспоминаний героя, таким образом, репрезентируется в рассказе концепт «Память», универсальный признак которого кодифицирован, его денотативное значение таково:

ПА́МЯТЬ

1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. Острая память. «Рыцари хотят послушать твоих песен, коли страх не отшиб у тебя памяти.» Пушкин. «Память может изменить вам.» Чернышевский. Зрительная память. Находясь в здравом уме и твердой памяти (формула завещания; устар.). Лишиться памяти.

|| Запас хранимых в сознании впечатлений. Ушло из памяти. Свежо в памяти. Врезаться в память.

2. Воспоминание о ком-чем-н. Чтить память борцов за революцию. Оставил по себе добрую память. В память наших встреч. Памяти друга и товарища (заглавие некролога). Светлой, печальной, блаженной, мрачной, недоброй и т. п. памяти (употр. как определение или приложение при воспоминании о ком-чем-н. для выражения какого-н., указанного прилагательным, отношения). Подарить на память (для того, чтобы сохранялось воспоминание) (Ушаков, 1937: www).

Концепт «Память» является одним из основных в лирикопрозаических произведениях Крупина, лексемы, его репрезентирующие, имеют высокую частотность в текстах писателя, очень часто произведения построены на основе воспоминаний. Писатель заново погружается в уже прошедшие события, вспоминает их, в результате чего возникает особая лиричность повествования, которая также является характерной особенностью нарратива В.Н. Крупина.

Ручка в рассказе выступает в качестве символа профессиональных признаний, памяти, и соответственно жалко тратить ее на бессмысленные записи. Герой понимает, что теперь у ручки гораздо более важная роль, чем ранее: она более не несет только эстетическую функцию, её задача – нести молитвы и чаянию людей к Богу: *«сколько же ею уже написали имен, сколько же с ее помощью вознесется горячих молитв о здравии болящих, о прозрении заблудших, об утешении страждущих!»* Важность новой роли ручки подтверждается не только лексико-семантически, но также с помощью средств пунктуации: восклицательный знак, показывает важность дела ручки, а также отражает эмоции героя, когда он осознает это.

Итак, лирикопрозаический текст в рассказе В.Н. Крупина «Авторучка» отличается особой духовной направленностью, он эксплицирует чувства и эмоции героя и создателя. Концепт «Вера» репрезентируется в образе авторучки как средства передачи мыслей и желаний людей Богу, которая из объекта превращается в субъект повествования.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

2. Озерова Е.Г. Библизмы как стилистические маркеры лирикопрозаического текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – № 20 (191). – 2014. – Вып. 23. – С. 28 – 34.

3. Озерова, Е.Г. Лингвопоэтика текста лирической прозы / Е.Г. Озерова // Когнитивные исследования языка – 2017. – №28. – С. 616-618.

4. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова // Эл. ресурс. – Т.3 – М.: Советская энциклопедия, 1937. – 1576с. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>

Abstract. The article is devoted to particularities of lyricprozial text based on the story by V. N. Krupina «Pen», examines the characteristics of narrative writer.

Key words: lyricprozial text, intentionality, narrative, implicit meaning, causatively.

Птахина Е. Ю.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА В ПОВЕСТИ А. А. ЛИХАНОВА «БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
794190@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается ономастическое пространство повести А. А. Лиханова «Благие намеренья». В ней утверждается, что антропонимы в литературных произведениях являются ярким отражением особенностей художественного стиля писателя. Они помогают лучше рассмотреть характеры персонажей, глубже раскрыть замысел писателя и идею произведения.

Ключевые слова: Ономастика, антропонимы, имена собственные, функции антропонимов, характерологическая функция, повесть А. А. Лиханова «Благие намеренья».

Любой писатель, являясь личностью творческой, на протяжении всей своей жизни создает особую картину мира, отражающуюся в его произведениях, являющуюся результатом его познавательной деятельности, отражающую определенный тип активности, жизненную позицию. Картина мира любого писателя передается средствами языка, самой языковой системой.

Фрагментом языковой модели мира автора является ономастическое пространство. В творчестве А.А. Лиханова в качестве единицы языковой картины мира выступают имена собственные, в частности, антропонимы.

Художественное произведение не может обойтись без имен собственных в их прямой, идентифицирующей функции. Имена собственные в художественном тексте так же, как и слова вообще, многофункциональны.

Одна из значительных функций имени собственного (и антропонимов в том числе) характерологическая. Лингвисты (Болотов, 1972: 43) считают ее несвойственной именам собственным в принципе. Однако ряд ученых (Бестужев-Лада И.В, Никольская Т.Е, Залевская А.А., Стальма-

хова Е.А., Абрамова Е.В) придерживаются противоположного мнения (Бестужев – Лада, 1970: 25) Именно антропонимы являются ярким отражением менталитета, служат показателем конкретной национальной и социальной принадлежности, т.е. выполняют социально-различительную функцию. Подтверждением характерологической функции антропонимов является использование их в творчестве писателей (Н. Гоголь, Л. Толстой, А. Чехов, И. Ильф, Е. Петров, М. Салтыков-Щедрин). При этом прослеживается стремление наделить антропонимы характеристическими качествами, это своего рода имена и фамилии – прозвища, которые отражают сущность, общественное положение, вкусы, привычки, мораль людей. Они не столько называют, сколько характеризуют и оценивают.

Характерологическая функция антропонимов слитна. С одной стороны, личные имена, выполняющие эту функцию, дают оценку героя-персонажа, с другой стороны – автора.

Имя человека, антропоним, – это индивидуальный знак, «различитель» человека, выделяющий его из всей массы людей. Человек и его имя – единое целое, хотя имя, казалось бы, ничего не сообщает нам о человеке. Имя человека – одно из важнейших составляющих его индивидуальности, именно поэтому оно входит первым компонентом в структуру самосознания.

В повести А.А. Лиханова «Благие намерения» антропонимы играют важную роль в раскрытии идейного содержания произведения. Речь идет о странном переплетении судеб Надежды Георгиевны, молодой учительницы словесности, и ее воспитанников – детдомовцев, которые волею случая оказались в школе-интернате. Их жизнь, их судьбы, в которых приняла участие и она, постоянно перекрещивались, расходились, сходились, чтобы через девять лет она услышала от них такое обыденное и простое – «мама Надя» и поняла, что дорога в ад вымощена не благими намерениями, а намерениями неисполненными. И потому мы в ответе за тех, кто нам доверяет.

В этой повести антропонимы используются в качестве характеристики, как взрослых, так и детей, выступают в формах трехчастного имени, имени-прозвища, одного отчества, в них выражается позиция автора, и каждое употребление оправдано.

Главная героиня повести – Надя, Надежда Георгиевна, от лица которой идет рассказ, – учитель словесности и, наверное, поэтому имена окружающих ее людей сразу же ассоциируются в ее сознании с литературными героями.

Дома ее окружают люди с красивыми именами – Ольга, Сергей, Татьяна, Кирилл. Она сравнивает их с Ольгой и Татьяной Пушкина, Кириллом Извековым Федина и восклицает: «Боже, но как далеки мои близкие и знакомые от этих героев!» (Лиханов, 1985: 131). Эти слова героини убеждают в том, что грань между знаменитыми личными именами собственными и незнаменитыми личными именами

собственными проходит широкой полосой переходных, колеблющихся случаев. Любые русские имена, взятые сами по себе: Татьяна, Евгений, Кирилл, Ольга – вне их связи с историко-литературными или художественно-эстетическими ассоциациями, обобщенно-понятийных значений не имеют. Те же самые имена, но в ассоциации с творчеством великого русского поэта и его эпохой обретают целую гамму идейно-эстетических значений. И так хочется, чтобы Кирилл был сильным, Татьяна – кроткой и нежной, а Ольга – светлой и справедливой.

Однако имя и характер человека, носящего его, не всегда совпадает с нашим представлением и пониманием. Надежда еще раз убеждается в том, что первое впечатление бывает обманчивым, что не всегда человек соответствует своему имени, уже работая в школе – интернате. Коренным образом меняется ее отношение к молодожавой семейной паре – Игорю Павловичу и Агнессе Даниловне. Они берут из интерната девочку, желая усыновить ее, а затем понимают, что поторопились с решением, и возвращают ребенка, забывая при этом, что ребенок – не вещь, а маленький человечек, верящий в то, что он обрел семью – папу Игоря и его жену. Но прагматики-взрослые осознали, что «привычка к покою сильнее интереса к чужому ребенку» (Лиханов, 1985: 154). Жестоко и цинично, но это реальная жизнь. Изменение отношения к этим людям передается в тексте не только с помощью интонационных конструкций, глаголов и наречий, но и с помощью антропонимов. Если при первой встрече Надя говорит об Игоре Павловиче: «Вылитый князь Игорь, только наших нынешних времен... Агнесса Даниловна – имя такое необычное, этакая лебедь», то в момент последнего разговора она видит перед собой уже «человека, похожего на князя Игоря», и замечает, что Агнесса – «слащавое имя» (Лиханов, 1985: 178).

В повести «Благие намерения» А.А. Лиханов сочетает употребление исконных и заимствованных имен простых и понятных каждому человеку и неожиданных, «трудных» – Надежда, Любовь, Лепестинья, Виктор, Аполлон Аполлинарьевич, Елена, Анна, Юра, Маша, Леня, Зина.

Нельзя не согласиться с Надеждой, юной Наденькой, говорящей, что ей везло на имена. Конечно же, самым особенным было имя директора школы – Аполлона Аполлинарьевича. Любое имя, как указывает И. В. Бестужев-Лада, выполняет не только социально-различительную, но и ритуальную функцию, то есть функцию соответствия традициям, обычаям, моде, личным вкусам (Бестужев-Лада, 1970: 16). Аполлон Аполлинарьевич – настоящий интеллигент, он родился в доме учителей-естественников, которые, по его словам, могли бы составить целое педагогическое общество.

Как известно, в художественном произведении доминирует эстетическая функция слова. При этом слова различаются по степени их

эстетической загруженности. Среди имен собственных эстетически нагруженными, «говорящими» являются трансформированные личные имена и прозвища людей.

Прозвища специально создаются как характеристики личных качеств героев, особенностей их внутреннего мира, родственных связей, совокупности внутренних и внешних признаков. Например, у Аполлона Аполлинарьевича было ласкательное прозвище Аполлоша: в этом слове не было ничего обидного, зато было точное совпадение с внешностью аполлона Аполлинарьевича. «Он состоял из круглой лысой головы, точно вырезанной по циркулю, из круглых очков, круглого туловища, да и ладошки были у него уютно кругленькими, ... и вообще он был весь уютненький, этот Аполлоша» (Лиханов, 1985: 135).

Чаще всего главную героиню повести называют по имени – отчеству, потому что сочетание Надежда Георгиевна также продумано автором. Имя Надежда – старославянское. Характер Надежды сочетает мужскую твердость и расчетливость, целеустремленность, скрытность и возвышенную эмоциональность, страстность, щедрость, способность все принимать близко к сердцу. Именно такой является героиня повести. При первой же встрече она получает прозвище от Аполлона Аполлинарьевича, и прозвище напрямую связано с ее отчеством. «Это, какого же Георгия? Победоносца? Надежда Победоносная? Послушайте сами! Любовь победоносная? Вполне вероятно! Вера Победоносная? возможно! Но Надежда! И Победоносная! Как необыкновенно! Вы словесник! Вы должны слышать, о чём я говорю» (Лиханов, 1985: 132). Прозвище Победоносна», Победительница закрепилась за Надеждой, несмотря на то, что она себя победительницей никогда не ощущала, но победила многих, когда решала для себя, что жить надо не только благими намерениями, но и благими делами.

Лепестинья – это удивительное имя квартирной хозяйки Надежды Георгиевны. Значение этого антропонима трудно объяснить, оно не фиксируется словарями имен, однако в тексте Лепестинью называют Липой, а это имя восходит к греческому языку Олимпиада. Но, это только предположительно, поскольку еще ребенком Лепестинья попала в детский дом, а помнила она свое имя или нет, об этом ничего не говорится в повести. Однако характер ее полностью соответствует имени Олимпиада. Она лишена романтичности, твердо стоит на земле, любое дело спорится в ее руках, может осуществить любой замысел, своей неиссякаемой энергией притягивает к себе людей. С ней очень приятно общаться, потому что она щедра душой и умна.

В повести проходят чредой имена детишек – детдомовцев, и каждое имеет свою историю. Отчество и фамилию Зины Пермяковой определили коллективом Дома ребенка. Имя в честь Героя Советского Союза Зинаиды Портновой, отчество – произвольно – Ивановна, фамилия в честь Перьми, где она передана в Дом ребенка, Саша Суворов получил имя в честь полководца Александра Суворова. Сколько таких

детей, у которых теперь новые имена, как сойдутся они со своими хозяевами, ведь имя во многом определяет человеческую судьбу, потому что получение человеком имени при рождении выступает своеобразным ритуалом принятия в общество людей. Становление человека в дальнейшем предполагает формирование у него уважения к человеческому имени как проявлению личностного «Я» – своему и окружающим. И, так хочется, чтобы Анечка Невзорова стала «грациозной, миловидной и несла благодать», потому как переводится ее имя с древнееврейского языка (Грушко, Медведев, 1997: 410). Саша Суворов стал «защитником людей» (Грушко, Медведев, 1997: 24); чтобы Коля Урванцев стал не просто «победителем народов» (Грушко, Медведев, 1997: 258), а побеждающим любовью; чтобы Женечка Андропова отвечала бы во всем значению своего имени «благородная» (Грушко, Медведев, 1997: 48).

Подчеркнем, что использование антропонимов в тексте повести позволяет проявить творческую способность А.А. Лиханова найти в языке характеризующую единицу, соотнести ее с персонажем, отразив соответствующие его качества. А.А. Лиханов оживляет внутреннюю форму имени до такой степени, что оно оказывается существенной единицей языкового пространства произведения.

Таким образом, антропонимы, которые выполняют характерологическую функцию, являются проявлением эстетической функции произведения, отражением языковой картины мира писателя.

Литература

1. Беленькая, В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка [текст] / В. Д. Беленькая. – Москва: Изд-во МГУ, 1969. – 168 с.
2. Бестужев-Лада, И. В. Исторические тенденции развития антропонимов [текст] / И.В. Бестужев-Лада // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – Москва, 1970.
3. Болотов, В.И. К вопросу о значении имен собственных [текст] / В. И. Болотов // Восточнославянская ономастика. – Москва, 1972. – С.333– 346.
4. Грушко, Е. Словарь имен [текст] / Е. Грушко, Ю. Медведев – Нижний Новгород: Русский купец, 1996 – 655 с.
5. Лиханов, А.А. Повести и рассказы [Текст] / А.А. Лиханов. – Москва: Современник, 1985.

Abstract. This article discusses the onomastic space of the novel A. A. Likhanova «Good intentions». It argues that the anthroponyms in literary works are a shining reflection of the peculiarities of literary style of the writer. They help to better examine the characters deeper to uncover the intent of the writer and the idea works.

Keywords: Onomastics, anthroponyms, proper names, anthroponyms functions, character function, the novel by A. A. Likhanova «Good intentions».

Тарасенко Е.И.

**СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И СИМВОЛИКА КОЛОРАТИВОВ
В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО»**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
tarasenko-el@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу и описанию цветowych номинаций в рассказе И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско». Исследуется специфика использования и символика колоративов в художественном тексте, их частотность и функции.

Ключевые слова: цветопись, колоратив, коннотация, символика, функции.

Цветопись, по мнению Л.В. Щербы, является существенным элементом стиля языка, «посредством которого выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» (Щерба, 1957: 97). Аспекты исследования цвета в парадигме лингвистических наук разнообразны. Цвет рассматривается в сопоставительном и в типологическом планах, изучается история отдельных цветолексем, этимология цветообозначений, цветосемантика в художественных произведениях писателей и поэтов, при этом возможно сравнение цветообозначений в произведениях разных авторов, а также на материале разных языков (работы Е. А. Дивиной, Ю. А. Карташовой, Н. В. Коптевой, С. И. Меньчевой, С. Г. Носовец, Л. П. Прокофьевой). Так, например, Е.В. Губенко занималась изысканиями в области цветowych полей в лирике Б.Л. Пастернака (Губенко, 1999), а Ю.А. Карташова проанализировала функциональную семантику цветowego поля в лирике И. Северянина (Карташова, 2004). Нас же заинтересовало использование колоративной лексики в творчестве И.А. Бунина. Особенности использования колоративной лексики в наследии этого писателя посвящены диссертация С.В. Шкиль «Колоратив как стилистическая категория в лирических идиостилях И.А. Бунина и М.А. Кузьмина» (Шкиль, 2005)

Обращаясь к творчеству талантливейшего художника слова И.А. Бунина, замечаешь, с каким мастерством он описывает своих героев и мир, окружающий их, используя разнообразные изобразительно-выразительные средства и в поэтических, и в прозаических текстах. Среди спектра средств выразительности обращает на себя внимание мастерское использование символика цвета и цветообозначений. Так, в рассказе «Господин из Сан-Франциско», автор, с помощью колоративной лексики создает образы самого господина, парохода, на котором он путешествует, служащих и пассажиров.

В ходе прочтения и анализа текста нами было обнаружено 75 вариантов словоупотребления колоративной лексики, обозначающей следующие цвета: красный, белый, золотой, чёрный, желтый, серый, зеленый. Особое внимание обращает специфичность использования колоративов при описании героев рассказа и окружающего мира.

Главным героем произведения является некий господин из Сан-Франциско, путешествующий с женой и дочерью. Имени его автор не указывает, но в тексте дано подробнейшее описание его внешности, основой которого служит цветопись: *«Смокинг и крахмальное белье очень молодили господина из Сан-Франциско. Сухой, невысокий, неладно скроенный, но крепко сшитый, он сидел в золотисто-жемчужном сиянии этого чертога за бутылкой вина, за бокалами и бокальчиками тончайшего стекла, за кудрявым букетом гиацинтов. Нечто монгольское было в его желтоватом лице с подстриженными серебряными усами, золотыми пломбами блестели его крупные зубы, старой слоновой костью — крепкая лысая голова»*. Заметим, что изначально портрет создает неоднозначное впечатление: колоративы *золотой, серебряный, слоновая кость, золотисто-жемчужный* создают впечатление богатства, благородства (*серебряные усы* – седые, ассоциация с убеленными сединой старцами), однако тут же имеется оговорка – *желтоватое лицо* – как правило, символизирующее болезнь либо какое-либо разрушение, да и оттенок слоновой кости имеет лысая голова господина. Цвет одежды господина из Сан-Франциско угадывается из контекста: смокинг (черный) и белье (крахмальное, белое). Такое сочетание цветов, с одной стороны, выглядит нарядно, празднично (*«Смокинг и крахмальное белье очень молодили господина...»*), с другой стороны, это стандартные деловые цвета, обезличивающие их носителя, что созвучно идее автора об отсутствии имени у героя.

Портрет господина из Сан-Франциско на протяжении текста не претерпевает значительных изменений, однако постепенно колоративы *серебряный* и *золотой* сменяются. Так, во время тяжелой качки на море герой выглядит следующим образом: *«Мистер, лежавший на спине, в широком пальто и большом картузе, не разжимал челюстей всю дорогу; лицо его стало темным, усы белыми, голова тяжело болела...»* – в сложной ситуации он теряет былой лоск, и портрет словно выцветает, золотые, серебряные и жемчужные оттенки сменяются колоративами *тёмный, белый*. Данное изменение обусловлено интенциями автора: целью показать господина вне его богатства.

В следующий раз герой показан перед самой своей смертью, портрет словно подводит читателя к мысли о скорой гибели героя, ключевой характеристикой является смугло-жёлтый череп. Изначально колоратив *смугло-жёлтый* не имеет отрицательной коннотативной окраски, она возникает из контекста в сочетании с существительным *череп*, таким образом, портрет приобретает коннотацию нездоровья, болезни. Заметим, что даже при плохом самочувствии господин одевается всё так же тщательно и парадно: кремовое шёлковое трико, белоснежная рубашка, чёрные шелковые носки и черные брюки, бальные туфли – весь его облик словно «кричит» о роскоши, способствует тому сочетание цветом (черный и белый) и ткани (шёлк). Но

автор вновь обращает внимание читателя на самого господина, а не его наряд: «с сияющими от напряжения глазами, весь сизый от сдавившего ему горло, не в меру тугого воротничка» – указывается нехарактерный для человеческого облика цвет сизый.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова дается следующая характеристика:

СИ́ЗЫЙ, сизая, сизое; сиз, сиза, сизо. Темно-серый с густым синеватым отливом. «Падает сизый туман на долину» Некрасов. «Стонет сизый голубочек.» И.Дмитриев (Ушаков, www).

Можно заметить, что такой оттенок скорее характерен для изображения природных явлений, человеческое лицо такого оттенка выглядит неестественно.

Интересно и необычно описание рук господина из Сан-Франциско: «потом привычно и внимательно оглядел свои короткие, с подагрическими затвердениями в суставах пальцы, их крупные и выпуклые ногти миндального цвета и повторил с убеждением: – Это ужасно...». Колоратив миндальный в данном контексте не только является внешней характеристикой, но выполняет информационную функцию: сообщает о состоянии здоровья героя: медик, увидевший его руки и ногти, сразу бы понял, что этот человек в течение своей жизни злоупотреблял алкоголем (чем темнее ногти, тем в большей степени, а миндальный является оттенком коричневого; кроме того причина подагрических затвердений – нездоровое питание и неумеренные возлияния). Таким образом, высказывание господина из Сан-Франциско приобретает иное значение: он прекрасно знает о своем слабом здоровье и его причинах.

После смерти никому нет дела до господина из Сан-Франциско: подробный портрет уступает место краткой характеристике: сизое, уже мёртвое лицо, с утончающимися светлеющими чертами, да ноги с плоскими ступнями в чёрных шёлковых носках («чёрные шелковые ноги»). Так автор показывает ничтожность героя самого по себе, без денег и подаренной ими власти, апофеозом же происходящего является погрузка тела в ящик из-под содовой вместо гроба.

Не менее мастерски используется автором колоративная лексика при описании окружающего господина мира, черно-белый герой изображается изначально на фоне природы, поражающей разнообразием своих оттенков: изумрудный газон, море цвета незабудок в ясную погоду, голуби, похожие на белые комочки. Впоследствии цвета изменятся: во время бури море становится похожим на серо-зелёную водяную пустыню, затем над свинцовой зыбью моря колыхнется туман, словно предсказывая грядущие события. Таким образом, природа становится отражением сюжетной линии рассказа, предвосхищает её, что позволяет говорить о сюжетообразующей функции мира природы и, соответственно, использованных колоративов.

Корабль, на котором путешествует семейство из Сан-Франциско, нуждается в особой характеристике. Во-первых, он носит говорящее

название: «Атлантида», по имени погибшей цивилизации. История Атлантиды – это история упадка и гибели по мере удаления от божественного образца. Во-вторых, корабль выступает как олицетворение рая и ада, причем рая с позиций буржуазной морали, где за деньги можно купить всё. Но в то же время корабль мало похож на рай, это скорее адское чудовище с *огненными несметными глазами*, звоном языческого гонга, чёрным трюмом, подводной частью с раскалёнными котлами в туннеле, похожем на жерло.

Преобладающими цветами на корабле являются красный и чёрный. Красный цвет представлен следующими образами: мужчины с лицами *малиновой красноты*, *негры в красных камзолах*, голые люди возле корабельных топок, *багровые от пламени*, *красные куртки музыкантов на эстраде*, *густой розовый суп*, *огнеглазый лакей-сицилиец*, коридорный Луиджи в красном переднике, лестницы, *устланные красными коврами*. Чёрный цвет репрезентирован в образах чёрной толпы, чёрного огнеглазого сицилийца, слуг-негров, чёрного трюма, чёрных костюмов людей на верхней палубе, чёрных волос человека из пары, нанятой капитаном «играть любовь». Можно заметить, что чёрный и красный цвета сопутствуют друг другу в описаниях корабля и лиц на нём, такое сочетание обладает угнетающим воздействием. Именно с помощью этих цветов автор передает в тексте трагизм цивилизации, воплощением которой и являются корабль и сам господин, таким образом можно говорить о смыслообразующей роли колоративов в тексте.

Итак, в рассказе И.А. Бунина представлены разнообразные цветовые номинации. Цветовая лексика в тексте обладает высокой частотностью и многообразием: 75 вариантов словоупотреблений, из 28 страниц текста колоративы отсутствуют только на трёх. Что касается цветов, то основными выступают золотой как символ богатства, роскоши, красный как символ торжественности (красные дорожки, красные костюмы служащих) и символ угрозы (малиновая краснота лиц, красные языки пламени в топках, огненные глаза-иллюминаторы корабля) и чёрный как символ чего-то мрачного, тёмного, гибели. Колоративы в данном тексте используются довольно специфично и выполняют ряд функций: описательная (описание внешности героя), информационная (сообщают о состоянии здоровья господина), сюжетообразующая (образы природы и изменение цвета предвосхищают основные события), смыслообразующая (выступающие в комплексе колоративы красный и чёрный помогают автору передать трагизм цивилизации, воплощением которой является корабль). В контексте цветообозначения приобретают особую коннотацию, отличную от первоначальной словарной.

Литература

1. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова // Эл. ресурс. – Т.1 – М.: Советская энциклопедия, 1935. – 1566с. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>

2. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186 с.
3. Губенко Е.В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б.Н. Пастернака: дисс. канд. фил. наук. – М.: 1999. – 246 с.
4. Карташова Ю.А. Функционально-семантическое цвето-световое поле в лирике Игоря Северянина: дисс. канд. фил. наук. – Бийск, 2004. – 167 с.
5. Шкиль С.В. Колоратив как стилистическая категория в лирических идиостилиях И.А. Бунина и М.А. Кузьмина: дисс. канд. фил. наук. – Петрозаводск, 2005. – 291 с.

Abstract. The article is devoted to the analysis and description of color nominations in the story of I.A. Bunin «The gentleman from San Francisco». The specifics of the use and symbols of coloratives in the artistic text, their frequency and functions are studied.

Keywords: coloration, connotation, symbolism, functions.

Тарасова О.А.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И.А. БРОДСКОГО

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
810326@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические средства выразительности, встречающиеся в поэтических текстах И. Бродского, которые наиболее ярко представляют особенности стиля поэта. Особое внимание уделено средствам собственно поэтического синтаксиса – лексическому повтору, парцелляции, анафоре, эпифоре, многосоюзию, бессоюзию. На примере текстов И. Бродского показано, как при помощи использования стилистических фигур достигается повышенная насыщенность синтаксической конструкции.

Ключевые слова: стилистические средства выразительности, стилистические фигуры, поэтический текст.

Поэтические тексты И.А. Бродского имеют новаторский характер: стилистика поэта изменялась в сторону абстрагирования эмоций и анонимности изложения. В поэтических текстах автор репрезентирует новые возможности выразительности слова и обращения к адресату. Для придания тексту особого смысла, красоты и глубины слова И.А. Бродский использует стилистические средства выразительности, помогающие выразить свое отношение к действительности, обратить внимание на уникальные черты предмета, события или явления. Специфика поэтических текстов И.А. Бродского обусловлена стилистическими средствами выразительности, используя которые, автор добивается коннотативного и экспрессивного восприятия, репрезентируя феноменальный уровень поэтического мастерства, речевую культуру, идиостиль. К стилистическим средствам выразительности мы относим уникальные обороты речи, особое синтаксическое построение, к которому И.А. Бродский прибегает для усиления восприятия поэтического

слова. При помощи стилистических средств выразительности автор усиливает не только экспрессивность речи, но и силу ее воздействия на читателя, поэтому стилистические фигуры преобладают в пространстве текста. Рассмотрим некоторые из перечисленных фигур, которые наиболее частотны для поэтических текстов И. Бродского.

Лексические антонимы отличаются контрастностью значений, привлекающей внимания читателя в первую очередь. Именно поэтому лексические антонимы – одно из наиболее ярких выразительных средств языка и речи:

*Летит состав, во тьме не видно лиц.
Зато холмы – холмы вокруг не мнимы,
и волны от пути то вверх, то вниз
несутся, как лучи от ламп равнины...
Я рассуждал: зевай иль примечай,
но всё равно о малом и великом
мы, если узнаём, то невзначай.*

(«Исаак и Авраам»)

Лексические антонимы – это основа для двух приемов поэтического синтаксиса: антитезы и оксюморона: так, в антитезе противопоставление понятий, образов доводится до максимального уровня, и их экспрессия основана на полярности изображаемого, в оксюморе противопоставление слито в одно целое, общее для обоих составляющих его элементов.

Антитеза обеспечивает контраст, резкое противопоставление понятий, положений, образов, состояний:

*Руками обняв колени,
смотрели они в облака.
Внизу у кино калеки
ждали грузовика.*

(«Холмы»)

Средствами собственно поэтического синтаксиса, или стилистическими фигурами, обладающими наибольшим экспрессивным потенциалом в поэтических текстах, является повтор, параллелизм, эллипсис, парцелляция, анафора, эпифора, хиазм, многосоюзие, бессоюзие.

Лексические повторы, анафора, эпифора – выразительные языковые средства, которые включают повтор какой-либо части предложения в начале, конце или на стыке со следующим, как пример:

*Затем. Затем торопишься пожить.
Затем, что это юмор неуместный,
затем, что наши головы кружит
двадцатый век, безумное спортсменство.*

(«Зачем опять меняемся местами...»)

Градация – использование в предложении ряда слов, расположенных по степени нарастания или угасания признака, например:

С Богом!

*По лестнице, на улицу, во тьму...
Перед тобой – окраины в дыму,
простор болот, вечерняя прохлада.
(«Вполголоса, конечно, не во весь...»)*

Оксюморон – соединение несопоставимых, противоречащих друг другу по смыслу понятий, которые не могут употребляться в одной композиции:

*слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал чёрной толью гумна
и не пил только сухую воду.
(«Я входил вместо дикого зверя в клетку...»)*

Инверсия – нарушение классического порядка слов в предложении. Например:

*Был в лампочке повышенный накал,
невыгодный для мебели истёртой...
(«Я обнял эти плечи и взглянул...»)*

Парцелляция – это единое по смыслу предложение, разделенное на несколько частей: *Я сижу у окна. За окном осина./ Я любил немногих. Однако – сильно («Я всегда твердил, что судьба – игра...»)*

Бессоюзие – отсутствие союзов при однородных членах предложения: *так моллюск фосфоресцирует на океанском дне,/ так молчанье в себя вбирает всю скорость звука,/ так довольно спички, чтобы разжечь плиту,/ так стенные часы, сердцебиенью вторя,/ остановившись по эту, продолжают идти по ту /сторону моря («Шведская музыка»).*

Риторический вопрос – это вопрос, не требующий ответа, но имеющий лирико-эмоциональное значение:

*Зачем лгала ты? И зачем мой слух
уже не отличает лжи от правды,
а требует каких-то новых слов...
(«Элегия»)*

Для многих поэтических текстов И.А. Бродского характерен такой стилистический прием, как сравнение. «Сравнение – образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета» (Квятковский, 1966: 280). В сравнениях И.А. Бродского всегда обнаруживается некая развернутость. У И.А. Бродского, как правило, сближаются объекты настолько далекие вне данного поэтического контекста, что без уточняющего распространения не воспринимаются читателем как сопоставления:

*деревья, как легкие
река, как блузка
мозг, как башня небоскреба*

Распространение, зачастую метафорическое, обнажает для читателя логическую мотивированность сравнения: *Голые деревья, как легкие на школьной диаграмме.*

В поэтических текстах И.А. Бродский использует многогранные стилистические фигуры, однако каждое стилистическое средство получает функциональную парадигму экспрессивности только в рамках конкретного текста, поэтому рассмотрение средств создания образности должно консолидировать в контексте рассмотрения авторского замысла и авторской идеи, переданной в тексте.

Литература

1. Квятковский, А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
2. Крепс, М.Б. О поэзии Иосифа Бродского. – Ann Arbor: Ardis Publishers, 1984. 278 с.

Abstract. The article deals with stylistic means of expressiveness, encountered in poetic texts of J. Brodsky, who most clearly represent the features of the poet's style. Particular attention is given to the means of the actual poetic syntax – lexical repetition, parcellation, anaphora, epiphory, multi-union, and union. On the example of J. Brodsky shows how, by using stylistic figures, an increased saturation of the syntactic structure is achieved. It is determined that stylistic means of expressiveness help the poet express his moods and thoughts.

Keywords: stylistic means of expressiveness, stylistic figures, poetry, J. Brodsky.

Царева Я.А.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕРМИНА «ИДИОСТИЛЬ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
961271@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы изучения концепции термина «идиостиль», описывается пять основных подходов изучения данного термина, представленных в лингвистике. Установление идиостилистических особенностей Н. В. Гоголя на материале одной из повестей цикла «Миргород».

Ключевые слова: идиостиль, художественный текст, языковая личность, индивидуально-авторская картина мира, концепт.

Анализ языка писателя и его литературно-художественного произведения должен начаться с рассмотрения концепции идиостиля. По мнению М.Ю.Лотмана, «в тексте скрывается сам автор, текст есть свидетельство о нём, каждое творение содержит в себе – в том или ином виде – своего творца (Лотман 1993: 123). Это происходит в связи с тем, что каждый художник использует свои, специфические для его художественной системы элементы – не «сверх» тех, что для неё необходимы и достаточны, а путём открытия их новых возможностей и путём сочетания, комбинирования речевых, сюжетных, композиционных ресурсов (Цилевич 1988: 13). Следовательно, художественный текст

всегда отмечен авторской индивидуальностью, что «позволяет говорить об авторском идиостиле». (Ашимова 2013: 8).

Однако, отсутствие общепринятой точки зрения на понимание идиостиля, как лингвистического явления, составляет важную проблему в современной лингвистике. В своих работах А.И. Ефимов начинает развивать данное понятие и определяет его как «индивидуальную систему построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественных произведений», а также как «характерную для писателя манеру выбора и употребления слов», выражающую мировоззрение автора. В широкое научное применение термин идиостиль был введен В. Григорьевым. Тем не менее, большинство авторов исследований, посвященных анализу индивидуальных проявлений языковой личности в тексте, опираются на терминологическое понятие индивидуального стиля, предложенное В.В. Виноградовым – «структурно единую и внутренне связанную систему средств и форм словесного выражения» и расширяют представления о подходах к его изучению в лингвистике.

Ученые выделяют три основных подхода к изучению идиостиля с точки зрения соотношения лингвистической и экстралингвистической составляющих: во-первых, в узком лингвистическом смысле, идиостиль – это «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя»; во-вторых, согласно точке зрения коммуникативной стилистики, идиостиль – «творческая индивидуальность автора». При этом его исследование основано на специфическом языковом материале, в основном лексической структуре текста (Н. С. Болотова); в-третьих, в широком понимании, идиостиль – «творческая индивидуальность автора, языковые средства ее выражения». На основе современных исследований стилистической оригинальности литературного текста можно говорить о его внутренней и внешней составляющих. Опираясь на точки зрения разных авторов, приведем следующие пояснения понятию «идиостиль»:

1. Идиостиль – это «система языковых средств, подчиненных эстетическим и коммуникативным задачам художественного произведения, посредством которых создается индивидуально-авторская картина мира» (Грибова 2010: 7).

2. А. И. Грищенко определяет идиостиль как «неотъемлемую составляющую художественного мира писателя: это система индивидуальных особенностей автора как художника слова в их языковом выражении; это способ отражения и преломления в художественной речи фактов внутреннего мира конкретного писателя – носителя языка в конкретный исторический период» (Грищенко 2008: 4).

3. М. Р. Напцок определяет идиостиль следующим образом: «...идиостиль – это системно организованная совокупность индивидуальных языковых средств (компонентов), определяющих специфику художественной системы писателя» (Напцок 2005: 331).

4. «Идиостиль художественного текста – актуализация писательской языковой личности в собственном стиле изложения, представленном индивидуальным сочетанием текстовых экстра- и интралингвистических (внешних и внутренних) параметров, каждый из которых основан на соответствующем типе референтных отношений, представляющих мотивационный базис создания художественного текста и репрезентативный базис актуализации в нем авторского замысла».

Ученые выделяют следующие подходы к анализу авторского стиля:

1. Семантико-стилистический (В. В. Виноградов, Л. С. Захидова, Л. И. Донецких, Г. А. Лилич и др.). Рассматривают идиостиль как систему «индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения», а также систему «эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения различных речевых элементов» (Виноградов 1961: 85). При таком понимании идиостиля основная задача исследователя языка художественных произведений писателя – семантико-стилистический анализ системы словесных форм в их эстетической организации. В настоящее время в рамках данного подхода широкое распространение получила авторская лексикография и создание словарей языка писателей.

2. Лингво-поэтический (В.П. Григорьев, Н.А. Фатеева, Л.Л. Шестакова, Е.А. Некрасова и др.) Ориентируется на формально-стилистические параметры идиостиля. Е.А. Некрасова трактует идиостиль как «сложную систему взаимообусловленных языковых приемов, участвующих в построении художественного мира поэта» (Некрасова 1991: 123). Будучи направленным на лексикоцентризм, лингвопоэтический подход к идиостилю имеет целью выявление общих закономерностей в словоупотреблении писателей.

3. Системно-структурный (Ю.М. Лотман, О.И. Северская, С.Т. Золян и др.) Идиостиль трактуется как «особый модус лингвистического конструирования миров, некоторую функцию, которая соотносит принимающие различные состояния языка с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром» (Золян 1989: 258).

4. Коммуникативно-деятельностный (Ю.Н. Караулов, Н.С. Болотнова, А.Н. Васильева, Л.Г. Бабенко, В.А. Салимовский и др.) Термин идиостиль приравнивает к «экстралингвистическому понятию «творческая индивидуальность автора». В рамках этого направления идиостиль исследуется с точки зрения того, как конкретная языковая личность автора организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» (Болотнова 2012: 3).

5. Когнитивный (В. А. Пищальникова, И. А. Тарасова, Е. Г. Фоменко и др.). В рамках когнитивного подхода идиостиль рассматрива-

ется как система средств выражения, «которая соотносит внутренний мир поэта (поэтическое мировидение, ментальный мир) с художественной действительностью, художественным миром текста, творимым поэтическим языком». Ментальный мир при этом трактуется как индивидуальная поэтическая концептосфера, а ключевым является понятие индивидуально-авторского концепта. Таким образом, в рамках когнитивного подхода исследование идиостиля идет с опорой на первичную коммуникативную деятельность автора. При этом изучаются отдельные концепты и анализируются формы их репрезентации, исследуются системы концептов-доминант и семантические и ассоциативные поля, выявляются «доминантные личностные смыслы».

Разнообразие определений и различных точек зрения на феномен идиостиля нуждаются в обобщении. Мы будем понимать идиостиль, опираясь на семантико-стилистический и когнитивный подходы. Таким образом, идиостиль – это система принципов моделирования индивидуальной авторской картины мира, которая осуществляется путем формирования содержания литературного текста, подбора языковых единиц и образных средств выражения, основанных на характеристиках сознания языковой идентичности и ее представлениях о реальности.

Дальнейшая цель нашей работы состоит в установлении идиостилистических особенностей Н. В. Гоголя, базируясь на основных положениях семантико-стилистического и когнитивного подходов к изучению авторского идиостиля, на материале одной из повестей цикла «Миргород» – повесть «Старосветские помещики».

«Белинский исчерпывающе сформулировал основную особенность «слога» Гоголя, т. е. его языка и стиля: «Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их. Каждое слово, каждая фраза резко, определенно, рельефно выражает у него мысль, и тщетно бы хотели вы придумать другое слово, или другую фразу для выражений этой мысли» (Цит. по: Степанов, 1955: 145).

Повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» – это отражение индивидуальной картины мира автора.

Автор воссоздает менталитет и сложившийся образ тихой жизни малороссиян, которая уходит в прошлое. Отдаленные уголки Малороссии исполнены комизма и самобытности. Отразить взгляды Н.В. Гоголя на реальность окружающей среды и ее обитателей можно через призму изучения жизни героев истории – Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. В повести писатель большое внимание уделяет описанию бытового окружения персонажей, в котором они проживают. С большим мастерством Гоголь использует детали повседневной жизни, для выявления значимых особенностей жизни персонажей и их психологии. «Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и двери заводили свой разногласный концерт, они уже си-

дели за столиком и пили кофий. Напившись кофею, Афанасий Иванович выходил в сени и, стряхнувши платком, говорил: «Киш, киш! пошли, гуси, с крыльца!» На дворе ему обыкновенно попадался приказчик. Он, по обыкновению, вступал с ним в разговор, расспрашивал о работах, с величайшею подробностью» (Гоголь, 1937: 15). В том же духе описан распорядок дня и Пульхерии Ивановны. «Хозяйство Пульхерии Ивановны состояло в беспрестанном отпирании и запираании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений» (Гоголь, 1937: 13).

В повести «Старосветские помещики» особую тематическую группу составляют продукты питания, которые в свою очередь делятся на подгруппы:

1. Напитки (кофей, киселек, узвар с сушеными грушами, водка на персиковых листьях, на черемуховом цвете, на золототысячнике).

2. Закуски (рыжики соленые, грибки, сушеные рыбки).

3. Мучные изделия (коржики с салом, пирожки с маком, вареники с ягодами).

4. Сладости (варенье, желе, пастила, мед, сахар) и др.

Стоит отметить, что данная группа является самой многочисленной. Сам рассказчик видит в семье Товстогузов черты застоя и духовного ограничения. Ориентация на потребности организма (пищи, тепла, отдыха) сделала их жизнь пародией на жизнь человечества.

Вместе со многими концептами, отражение которых мы можем найти в тексте повести (например, концепт «дома», «еды»), можно говорить о центральном концепте – концепте «смерти». С помощью перифразы, автор говорит нам о «печальном событии», т.е. печальное событие – это смерть. «Но повествование мое приближается к весьма печальному событию, изменившему навсегда жизнь этого мирного уголка» (Гоголь, 1937: 23). «Печальное событие» в повести – это смерть Пульхерии Ивановны.

Таким образом, через всю повесть отражается взаимосвязь неизменности в поведении самих героев и стагнации помещичьего быта. Это позволяет проследить медлительный и ленивый темп жизни действующих лиц. Комично переосмыслены автором все стороны уединенной жизни: ежедневная рутинная обстановка обозначена пятью диалогами о еде, мотив сонного ступора и ужасного чревоугодия всех (от ключницы и свиньи до старика-вдовца) проходит через весь текст. Смерть является символом разрушения идиллии «старосветского мира».

Язык Гоголя сочетает в себе простоту и разнообразие разговорной речи, язык литературы, русского и украинского языков. Автор стремится к наиболее полной и точной характеристике речи персонажей своего произведения. В. Виноградова отмечал, что Гоголь «глубоко и всесторонне изучает живую народную русскую речь во всех ее социальных проявлениях. Он ищет в словах, оборотах, выражениях разговорной речи отпечатки вкусов и характерных признаков профес-

сии, социального положения» (В. Виноградов, 1952: 95). Все вышеперечисленное и делает узнаваемым стиль творческой манеры Н.В. Гоголя и позволяет нам говорить об авторском идиостиле.

Литература

1. Ашимова, А.Ф., Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго» / А.Ф. Ашимова // «Вестник Мининского университета». – № 3. – 2013.
2. Болотнова, Н. С. Новые подходы к изучению идиостиля языковой личности в коммуникативной стилистике. – СПб.: Изд. дом «МИРС», 2012. 638 с.
3. Виноградов, В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. – М.: Наука, 2003. 390 с.
4. Виноградов, В. В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Гослитиздат, 1961. 616 с.
5. Грибова, Н. Н. Реализация концепта «искусство» как проявление идиостиля писателя (на материале произведений Э. Т. А. Гофмана и М. А. Булгакова). – Саратов, 2010. 216 с.
6. Грищенко, А. И. Идиостиль Николая Моршена. – М., 2008. 348 с.
7. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах (1937–1952 гг.) М.: Издательство АН СССР, 1937. – Т. 2. – 764 с.
8. Золян, С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля. – В кн.: Язык русской поэзии XX в. Сб. научных трудов. – М., 1989. С. 63.
9. Лотман, М.Ю. Манделъштам и Пастернак (попытка контрастивной поэтики). – Таллинн: Aleksandra, 1996, с. 175
10. Напцок, М. Р. Идиостиль, идиолект, словотворчество: к вопросу о соотношении понятий // Наука. Образование. Молодежь: материалы II науч. конф. молодых ученых АГУ (10–11 февраля 2005 г.). Майкоп, 2005. С. 331.
11. Некрасова, Е.А. Приёмы языковой изобразительности в стихотворных текстах. – М.: Наука, 1991. 93 с.
12. Степанов, А. Н. «Николай Васильевич Гоголь. Биография писателя». – Л: «Просвещение», 1966. 146 с.
13. Цилевич, Л.М. Принципы анализа литературного произведения как художественной системы / Л.М.Цилевич // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – М.: Высшая школа, 1988 – №1. С.9 – 14.

Abstract. The article examines the problems of studying the term «idiostyle», describes five basic approaches to the study of this term, presented in linguistics. The establishment of idiostylistic features of N.V. Gogol on the basis of one of the novels of the cycle «Mirgorod».

Key words: idiostyle, artistic text, linguistic personality, individual author's picture of the world, concept.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Бекорюкова Е.А.

ПЕРЦЕПТИВНАЯ МЕТАФОРА В СТИХОТВОРЕНИИ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «НИКОГО НЕ БУДЕТ В ДОМЕ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
lizabek@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется перцептивная метафора в стихотворении Б.Л. Пастернака «Никого не будет в доме». Дается представление об идиостиле поэта. Исследуется музыкальность стихотворения, усиливает которую синестезия текста. Описываются языковые приемы, раскрывающие необходимое впечатление.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, перцептивная метафора, идиостиль, музыкальность стихотворения, синестезия, языковые приемы

В творчестве Б.Л. Пастернака – крупнейшего поэта XX века – слышны отголоски импрессионизма: будучи художником, поэт мастерски запечатлевал мгновение – он создавал цепочку метафор, тем самым, обозревая явление во всем его многообразии, останавливая его.

Для того чтобы аргументировано анализировать фрагмент художественного творчества Б.Л. Пастернака, обратимся к термину *идиостиль*, который служит в современной лингвистике для описания специфики творчества поэта. В настоящее время существует большое количество определений идиостиля, а также дефиниций, обозначающих данное понятие.

Формирование понятия идиостиля происходит одновременно с формированием понятия языковой личности, определением которой занимались такие лингвисты, как В.В. Виноградов, Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Тынянов и другие. Более обобщенное истолкование данного понятия можно представить следующим образом: *идиостиль (индивидуальный стиль)* – система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения. Творчество Бориса Пастернака отличается живописная и звуковая выразительность стиха, индивидуальная неповторимость образной системы. Писатель поэтизировал «прозу жизни», внешне неярким фактам человеческого бытия он придавал возвышенный характер и колоритность, которые не могли оставить равнодушным ни одного читателя. Все это определяется языковыми факторами: для поэзии Пастернака характерна необычная лексика и синтаксические конструкции. В своих произведениях поэт хотел избежать привычных форм и литературных штампов, выработать способность к авторской оригинальности, гармонично вписывающейся в контекст литературного произведения.

Творчеству поэта свойственна нарочитая метафоричность, образность. Отсюда особенность его лирики – она трудна для восприятия читателей, понимания его мыслей и чувств. Однако особое место в творчестве поэта занимает *перцептивная метафора*. В.В. Гридасов определяет ее как метафору, основанную на чувственно-воспринимаемых признаках (Гридасов, 1999: 2). Перцептивная метафора отличается от сочетаний слов, содержащих лексику с компонентом значения чувственного восприятия, которые Н.В. Юдина называет экзистенциально-перцептивными. Значения в таких сочетаниях «выводятся на основе знаний, полученных при непосредственном восприятии объектов окружающего мира органами чувств – осязания, зрения, обоняния, вкуса» (Юдина, 2006: 311).

Положение о том, что Пастернак – это поэт ощущения, уже давно стало трюизмом. Одним из самых выразительных стихотворений, в котором отразилась эта тонкость чувств поэта, является стихотворение «Никого не будет в доме...». В сознании советского и постсоветского человека это стихотворение ассоциируется с песней из легендарного кинофильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Художественный текст был переложен на музыку известным советским композитором Микаэлом Таривердиевым, а прозвучал в исполнении Сергея Никитина.

Музыкальность стихотворения не поддается сомнению – она создается через музыкальность звука, но синестезия текста усиливает эту музыкальность. Нами были выделены перцептивные метафоры, связанные с такими органами чувств, как слух и зрение. Так, возникают возможные тона звука и цвета, которые, только соединившись, в цельности могут передать некий тайный смысл, заложенный автором. Таким образом, можно говорить о хромостезии (акустико-цветовой синестезии).

Стихотворение можно разделить на две смысловые части: одиночество лирического героя (первые 4 строфы) и появление героини (две последние строфы).

Для передачи необходимого впечатления в первой части используется несколько языковых приемов, которые мы попытаемся описать.

Отрицание.

В первом четверостишье создается иллюзия зимнего пейзажа и ощущение полного отсутствия кого-либо, безлюдности. Его передает отрицательное местоимение *никого*, которое повторяется в тексте два раза. В соответствии с разрядом оно указывает на полное отсутствие кого-либо (Ожегов, 1990: 415). Усиливается полное ощущение отсутствия движения (действия) и настойчивым повторением в тексте отрицательной частицы *не* (*не будет, не задернутых, не отпущенной*).

Ограничительная рамка.

Рамка из ограничительных формантов – дважды использованный предлог *кроме*, частица *один*, выделительно-ограничительная ча-

стица *только* – создает впечатление полной тишины и безлюдия. Поясним эту мысль.

Предлог *кроме* указывает на определенное ограничение – в доме нет никого, кроме сумерек; причем сумерки, благодаря «одушевленности» местоимения *никого*, здесь олицетворяются и представляются как живое существо.

На безлюдие не только в доме, но и в природе указывает ограничительная частица *один* (*Зимний день в сквозном проеме Незадрнутых гардин*).

Выделительно-ограничительная частица *только* во второй строфе представлена как анафора и указывает на наличие лишь определенных предметов и явлений, которые сливаются среди снега и полутьмы: *Только белых мокрых комьев/ Быстрый промельк моховой,/ Только крыши, снег, и, кроме/ Крыши и снега, никого.*

Синестезия.

Синестетический образ создается сочетанием звуковых и цветовых характеристик. Доминирует ощущение белого цвета, хотя в первой части прилагательное *белый* употреблено только единожды. Имплицитное представление о белом и серебристом цветах содержат лексемы *зима, снег, иней. Крыши* зданий в зимнее время также ассоциируются с так называемыми «белыми шапками».

Грамматически выраженная «иллюзия полутонов».

Возникшее в начале стихотворения ощущение полутонов подтверждается в различных поэтических вариантах. Обратимся к словарной дефиниции лексемы *сумерки*: в словаре Ожегова она определяется как «полутьма между заходом солнца и наступлением ночи» (Ожегов, 1990: 778). Словосочетание *сквозной проем* метафорически связано с легким дуновением ветра и указывает на неполноту действия, так же, как и синтагма *быстрый промельк*, указывающая на мимолетность действия. Звук падения снега ассоциируется с чем-то негромким, тихим, легким и таинственным.

Грамматически выраженная *неподвижность – подвижность*.

В третьей строфе начинается убыстрение действия: *И опять зачертит иней,/ И опять завертит мной*. Это достигается благодаря наличию глаголов со значением активного действия. Если до этого момента чувства выражались опосредованно, только через природу и пейзаж, то здесь возникает образ человека: личное местоименное *мной*.

Звукопись.

Для создания особого звуко-мелодического рисунка стихотворения поэт использует звукопись. В истолковании семантики звуков мы будем опираться на исследование А.П. Журавлева «Звук и смысл». В начале стихотворения обнаруживается частотность таких гласных, как *А, О*. Буква *А* символизирует отдаление, долготу, протяженность действия, как же, как и *О*: выражает сильные и глубокие чувства, по-

требность в самопознании, стремление понять свое предназначение; боль от утраты. Звук *Е*, который сопровождает произведение, может говорить о мягкости, легкости, невесомости; также буква связывается с женственностью, о которой нам говорит поэт. Во второй строфе особо видна аллитерация: повторение *К, Р, Ч*, что создает фоновый рисунок прерывности, смятения, перечисления, неустойчивости и колебаний. В конце произведения появляются плавные и шипящие, которые создают атмосферу загадочности, таинственности и гармонии.

Метафоричность.

Особый интерес представляет метафора *голод дровяной*. С одной стороны, данная метафора активизирует фоновые знания, связанные с жизнью писателя. *Голод дровяной* наводит на мысль о зимах восемнадцатого и девятнадцатого, с их отчаянием и скудостью. С другой стороны, строки *«И опять кольнут доньне/ Не отпущенной виной,/ И окно по крестовине/ Сдавит голод дровяной»* заставляют задуматься о страданиях, боли, муках совести, чувстве вины, которые подчеркиваются анафорой (*и опять*). *Дела зимы иной* для лирического героя уподобляются ножу, который его касается, причиняя боль. Крест (*по крестовине*) – это символ очищения, отпущения и искупления грехов, которые чувствует за собой герой.

Все эти приемы нивелируются во второй части текста. С прихода лирической героини начинается вторая смысловая часть. Ее появление внезапно (*нежданно*), окутано тайной, но это *вторжение* в авторской интерпретации отличается от общепринятой дефиниции лексемы *вторгаться* ('насиловать входить', 'врываться') (ТСРЯ, 1935: 420). Ее появление – это нарушение привычного одиночества, тишины героя, это не что-то громогласное, а легкое (*дрожь*), словно произошедшее чудо. Ее шаги нарушают привычную героем тишину (*тишину шагами меря*). Привычное состояние одиночества и покоя сменяется на слуховое ощущение героем звуков, которые связаны с появлением возлюбленной. Возникновение образа лирической героини связывается с будущим героя, с «новой» жизнью (*Ты, как будущность, войдешь*). Примечательно, что в данном стихотворении, по словам Д.Л. Быкова, все устремлено в будущее – и написано в будущем времени, – и впервые это будущее предстает столь праздничным и таинственным одновременно за это предощущение счастья и тайны (Быков, 2007: 282). Героиня появляется *в чем-то белом*, что создает аллюзию подвенечного платья. Поэт уже эксплицитно выражает цвет предмета, в отличие от имплицитных аллюзий на цвет в первой части стихотворения. Сравнение одежд с материями *из которых хлопья шьют* можно трактовать как легкость, простоту, невинность и чистоту героини, которая появляется в жизни лирического героя.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1) творчество Бориса Пастернака отличается живописная и звуковая выразительность стиха, индивидуальная неповторимость образной системы;

2) стихотворение «Никого не будет в доме» музыкально, однако усиливает эту музыкальность акустико-цветовая синестезия;

3) на протяжении всего творчества, поэт отдавал метафоре особое место, однако более специфичную роль выполняет перцептивная метафора;

4) в стихотворении все языковые средства подчинены приходу лирической героини. Это связывается со сменяющейся тишиной на приход героини как вторжение. Также полутона (от черных тонов к более светлым, белым) сменяются на представление в тексте одного явного цвета – белого;

5) особую роль в придании музыкальности играет звукопись, которая создает особые звуковые ощущения и настроения;

6) специфичен и размер (четырёхстопный хорей), который исторически был связан с народной лирической песнью.

Литература

1. Быков Д.Л. Борис Пастернак. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 599 с.: – ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1061).

2. Гридасов, В.В. Перцептивная метафора как лексико-семантическая категория: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 / В.В. Гридасов; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 1999. – 16 с.

3. Журавлев А. П. Звук и смысл: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1990. – 917 с.

5. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1: А – Кюрины / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т. «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. – 1562 с.

6. Юдина, Н.В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте: монография / Н.В. Юдина. – М.-Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006. – 427 с.

Abstract. In article is analyzed the perceptual metaphor in the poem by B.L. Pasternak «In the house there will be no one». An idea of the idiosyle of the poet is given. The musicality of the poem which is enhanced by a text synesthesia is investigated. The language receptions opening a necessary impression are described.

Keywords: B.L. Pasternak, perceptual metaphor, idiosyle, musicality of the poem, synesthesia, language receptions.

Левина Э.М.

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНТРОПОНИМА КАК ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ)**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
elevina@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются функционально-семантические особенности прецедентных имен на материале поэтических текстов белгородских авторов – Ланы Ясновой, В.К. Харченко, И. А. Чернухина, Н. Дроздовой. Это антропонимы, названия их произведений, имена литературных персонажей, мифоантропонимы. Отмечается, что общим признаком прецедентных включений является узнаваемость и отсутствие необходимости ссылки на текст или авторов.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентные имена, поэтический текст, антропонимы, поэтонимы, мифоантропонимы структурно-языковое содержание имени.

Деление имен существительных на собственные и нарицательные является общепринятым и имеет давнюю традицию. Оно связано с особенностями значения и функционирования указанных классов субстантивов. Но провести четкую демаркационную линию между ними не всегда оказывается возможным.

Какие имена собственные могут становиться прецедентными? Феномен прецедентности основывается на общности фоновых знаний адресата и адресанта – социальных, культурных или языковых. Понятие прецедентности основывается на выражении именем определенного понятия. Термином понятие принято обозначать «совокупность общих и существенных признаков предмета» (Суперанская, 2012: 34), но специфика имен собственных как раз и состоит в том, что их смысловое содержание не связывается с понятием в указанном смысле. Так, лингвисты, сравнивая структурно-языковое содержание имен собственных с понятийным по своей сущности содержанием имен нарицательных, находят, что семантика имен собственных беднее из-за неявной представленности в ней понятийного начала. А.В. Суперанская отмечает, что «семантический треугольник в случае с именем собственным превращается в линию: слово – вещь» (Суперанская, 1969: 124).

Среди собственных имен выделяются те, которые обозначают общеизвестные предметы или лица – *индивидуальные* имена собственные, или имена собственные с *индивидуальными коннотациями* (*Ньютон, Пушкин*), и *общие* имена собственные, или имена собственные без *индивидуальных коннотаций* (*Елена, Сергей*) (Сokolova, 2003). За индивидуальными именами собственными всегда стоит определенное лицо, на имя переходят и признаки его носителя, поэтому в речи оно может употребляться как прецедентный феномен:

*Под музыку Вивальди изысканным барокко,
Почти по-королевски и женственно весьма,
С неистовою страстью отчаянность порока
И чью-то непорочность приветствует зима.* (Лана Яснова);

Внешность нежная, без маски,

Без усилий авангарда,

Женщина – живые краски

Тонкой кисти Леонарда. (В.К. Харченко).

– предварительной экспликации признаков не требуется, имена **Леонарда и Вивальди** является ключом ко всему комплексу соответствующих представлений. Здесь только следует добавить, что в стихотворении Л. Ясновой используется не только прецедентный антропоним, но в целом прецедентное высказывание «**Под музыку Вивальди**» – строка-рефрен из известной песни Виктора Берковского и Сергея Никитина на слова Александра Величанского, тонкого поэта и переводчика.

Личные имена собственные также использованы как прецедентные феномены в следующих случаях:

Если сын уезжает, меняется зона ночлега,

Словно кошка, свернувшись клубком, грею место, где спал хозяин,

*Так костер стерегли. Так, наверное, ждали **Олега,***

***Святополка, Мстислава...**измененный семейный дизайн.*

(В.К. Харченко);

*Я – **Фауст.** Вот моя примета:*

Я – дос, я знаю жизнь давно... (Лана Яснова).

В период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе данного отрезка времени.

Отличительной особенностью функционирования прецедентных имен является их способность употребляться в качестве символа, культурного знака:

*На **Куликовом поле** снова*

Конь у реки призывно ржал.

*От взгляда **Дмитрия Донского***

Мороз по коже пробежал.

Вновь поединок вижу гордый

Через пространство сотен лет:

*Пал **Челубей** на землю мёртвый*

*И стал бессмертен **Пересвет.*** (И. Чернухин).

В этом случае при использовании происходит обращение к дифференциальным признакам этого имени, составляющим ядро инварианта восприятия прецедентного имени, при таком функционировании прецедентного имени не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации или текста, признак

отделяется от своего референта, сам культурный знак оказывается самодостаточным, чтобы выразить гораздо большее, чем очевидное значение знака.

С точки зрения прецедентности представляет несомненный интерес стихотворение И. Чернухина «Любовь». Игорь Чернухин, воочию изображая земной мир, показывает, что весь этот мир стоит на любви, и без неё ничего немислимо, невозможно. Обращает на себя внимание дата создания этого произведения — 1963-1991 годы. Без малого тридцать лет. Обычно так долго пишутся крупные эпические произведения. Возможно, что это стихотворение писалось и переписывалось по мере каких-то обстоятельств, переживаний, накопленного жизненного опыта, пока, наконец, его автор не нашёл для него своеобразного логического завершения:

*...И была она сильнее денег
И царей, и **ватиканских** слуг –
Хохотала бледная **Медея**,
Плакал **Демон** – злой и гордый дух.*

*И, как звёзды, прямо через годы
Крик летел **Отелло** над землёй,
И лицо светилось **Квазимодо**
Тихой, но великой красотой. (И.А. Чернухин).*

Количество прецедентных имен и отсылок к мифологии и литературе в приведенном фрагменте «зашкаливает». *Универсально-прецедентные* мифонимы (**Де́мон** — сверхъестественное существо; **Демон** был влюблен в царицу Тамару, **Медея** — в древнегреческой мифологии колхидская царевна, волшебница и возлюбленная аргоната Ясона. Влюбившись в Ясона, она помогла ему завладеть золотым руном и бежала с ним из Колхиды в Грецию. Когда же он впоследствии задумал жениться на другой, Медея погубила соперницу, убила двух своих детей от Ясона и скрылась на крылатой колеснице). Поэтические строки И.Чернухина содержат литературные имена-символы, указывающие на некоторую эталонную совокупность определенных качеств. **Отелло** — венецианский мавр — герой трагедийной пьесы Уильяма Шекспира, написанной около 1604 года. Главный герой не в силах вынести известия о том, что он своими руками убил любящую и верную супругу, разбил своё счастье, выносит сам себе смертный приговор и закалывается. **Квазимодо** — герой романа В.Гюго "Собор парижской богородицы", горбун и урод, влюбленный в Эсмиральду, искренне любивший ее. То есть все это не просто прецедентные имена, но имена героев историй о любви (мифологических и литературных произведений). Таким образом, включение таких имен в текст вызывает ассоциативные связи с сюжетами, в которых они фигурируют. Так текст стихотворения о любви Игоря Чернухина становится и глубже, и шире. При употреблении литературного прецедентного имени происходит актуализация одного из дифференциальных признаков или их некоторой совокупности.

В следующих строках автор отсылает нас к фрагменту из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», используя для характеристики Наполеона Бонапарта метафорическое употребление прецедентного поэтонима **Фарлаф** как символа воина не настоящего, бежавшего с поля боя (завоеватель, да не настоящий), что демонстрирует совпадение понимания прецедентных поэтонимов в тексте-источнике и тексте-реципиенте.

*И стал он что **Фарлаф** перед **Людмилой** спящей –
завоеватель, да не настоящий!*

Прецедентные имена и именованья способны выступать как средство объединения и организации текста, их использование способствует привлечению внимания читателя (слушателя) к форме текста, снижению напряженности общения и делает диалог с читателем менее формальным.

Употребление прецедентного имени в тексте как не прецедентного является частным случаем языковой игры – для достижения известного стилистического эффекта: *Перед ним сидел **Шиллер**, – не тот **Шиллер**, который написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны»; но известный **Шиллер**, жестяных дел мастер в Мещанской улице* (Н. Гоголь).

Естественно, что прецедентные имена, поскольку они уже являются выразителями определенного понятия, могут использоваться и во множественном числе: *Являлись перед ним застрелившиеся, повесившиеся и удавившиеся **Вертеры*** (И. Гончаров); *Нынешние **Раскольниковы** не убивают старух-процентщиц топором, но терзаются перед той же чертой – переступить?* (Ю. Трифонов).

Поэтические тексты дают большое количество примеров обращения к прецедентным именам. Это лишь несколько фрагментов из художественных текстов, в которых фигурируют имена литературных героев: в этих случаях при употреблении того или иного прецедентного имени из всего многообразия характеристик данного феномена выделяется некий весьма ограниченный набор признаков, остальные же отбрасываются как несущественные. При этом **Обломов** оказывается только лишь лентяем, **Анна Каренина** – женщиной, бросившейся под поезд, а **Раскольников** – молодым человеком, убившим старушку. Безусловно, образ каждого из этих героев гораздо многограннее, но в художественных текстах обращаются к ним, как к «максимально редуцированным и минимизированным представлениям».

В белгородской поэзии наблюдаем различные случаи употребления прецедентных имен и именованья, при чем отметим нередкое их использование в сильной позиции (эпиграф, первая и последняя фразы текста и др.), разнообразие прецедентных феноменов по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным признакам, расцентрованность прецедентных феноменов, то есть их присутствие в различных частях текста, взаимодействие с иными образными средствами (метафорическое употребление, антитеза, аллюзия, и др.).

Таким образом, чем больше внутритекстовых и экстралингвистических связей удастся установить и обосновать, тем глубже понимание исследуемого текста, и именно в этом ключе может быть наиболее адекватно «прочитана» индивидуально-авторская картина мира.

В качестве особенностей прецедентных онимов и аргументов самого факта их прецедентности мы полагаем значимыми следующие параметры: 1) регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах, связанность соответствующих имен с классическими произведениями; 2) общеизвестность соответствующих феноменов или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества [Караулов, 1987]; 3) неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака, связь с известной ситуацией (прецедентная ситуация); имена способны метонимически обозначать некие события, людей, эпохи, время и др., в этом случае прецедентность выступает как результат метонимического переноса.

Литература

1. Караулов Ю.Н., Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Соколова О.И., Атрибутивная валентность личных имен собственных : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : Владимир, 2003. 178 с.
3. Суперанская А.В., Структура имени собственного: (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. 207.
3. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. , Общая терминология: Вопросы теории. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.

Abstract. This article discusses a functional-semantic features of the precedent name on the material of poetic texts of the authors Belgorod – Lana Osnovoy, V. K. Kharchenko, I. A. Chernukhina, N. Drozdova. This anthroponyms, names of their works, names of literary characters, metatropolis. It is noted that a common feature of the case law of the inclusions is known and no need to the text or authors.

Keywords: precedent, precedent names, poetic text, anthroponyms, peacene-my, lipoatophy, structural-linguistic content name.

Мальшева М.С.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЭТА И.А. ЧЕРНУХИНА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
malysheva_m@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье на материале творчества регионального поэта И.А. Чернухина рассматривается, как историческое событие (перестройка и развал СССР) преломляется сквозь призму индивидуально-авторской картины мира.

Ключевые слова: региональный поэт; И.А. Чернухин; событие текста; историческое событие; поэтический дискурс; исторический дискурс.

При рассмотрении текста как лингвистической категории, являющейся продуктом взаимообратных дискурсивных процессов – производства и потребления, следует учитывать два важнейших понятия, характеризующих любой текст – событие текста и ситуация текста.

Мы говорим о тексте как о продукте разных дискурсов, сопоставляя внутритекстовые ситуации, характерные для пересекающихся дискурсивных формаций (исторической и поэтической), что позволяет увидеть событие текста (в том числе и историческое событие) не только глазами читателя, но и автора данного конкретного текста (исторического или же поэтического) и определить «дискурсивно обусловленные» принципиальные различия между ними. Ситуация здесь выступает в качестве условия для описания текстового факта – исторического события, к которому автор обращается в поэтическом произведении.

Прагматические условия приемлемости (уместности) и семантические условия истинности высказываний определяются понятием «событие текста». В.З. Демьянков выделяет внутри этого понятия три разновидности:

а) *событие как идея*, в качестве аналога которого, видимо, может выступать интенционал имени или дескрипции, а два неидентичных идеи-события в пространстве и времени способны полностью накладываться друг на друга;

б) *собственно событие, или референтное событие*, в качестве аналога которого выступает конкретный референт (экстенционал) имени, имеющий конкретное положение в пространстве-времени (Степанов, 1981: 11) и являющийся прообразом для идеи-события, являющегося в свою очередь его интерпретацией;

в) *текстовое событие* в его атрибутах, «осциллирующих» в интерпретации (отдаленная аналогия его – «звуковая оболочка» имени). Так, в текстовом событии может присутствовать плавное течение событий, без возврата к началу и без исправлений, но оно может быть переполнено противоречивыми деталями, принуждающими к выбору то одной, то другой гипотетической интерпретации, то есть соотносить текстовое событие то с одной идеей-событием, то с другой, при этом то предполагая наличие референтных событий, то полностью осознавая их невозможность (Демьянков, 1981-1982).

Мы акцентируем внимание на том, как историческое событие (перестройка и развал СССР) преломляется сквозь призму индивидуально-авторской картины мира регионального поэта И.А. Чернухина, обратившись к стихотворениям «Россия» (1988), «Мозаика мистерий» (1993), «Чужая осень» (1994). Рассматривая событие текста как описание исторических фактов, к которым поэт обращается в анализируемых стихотворениях, условием для описания данного факта мы в этом случае считаем ситуацию.

Итак, **сопоставляемое текстовое событие**: перестройка в СССР 1987-1990 годы и распад СССР в 1991 году.

Сопоставляемые тексты:

1. Словарная статья «Перестройка» (Политика. Толковый словарь / под общ. ред. И.М. Осадчей. – М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир». 2001) – **исторический дискурс**;

2. «Россия», «Мозаика мистерий», «Чужая осень» – стихотворения, написанные региональным поэтом И.А. Чернухиным в период с 1988 по 1997 годы, «на злобу дня», отражающие отношение поэта к политическим изменениям в СССР и России – **поэтический дискурс**.

Внутритекстовая ситуация (исторический дискурс).

Вот как представлена внутритекстовая ситуация в тексте исторического дискурса:

Названная русским словом, означающим «реконструкция», **«перестройка»** была принята в качестве официальной политики **Коммунистической партии Советского Союза** после **апрельского пленума ЦК 1987 г.** Хотя термин и не был новым в **советской политической лексике**, в **общественном мнении политика**, названная так, неразрывно связана с именем **Михаила Горбачева**. Однако ее смысл до сих пор остается предметом горячих споров.

С точки зрения многих комментаторов, **перестройка** была очередной попыткой укрепить **советский строй**, поощряя **инициативу широких масс**, но не ставя при этом под сомнение **власть** самой **Коммунистической партии**. По мнению других, **перестройка** была попыткой **отдельных групп в руководстве**, разыграв **демократическую карту**, улучшить свое положение по отношению к соперникам в кругах элиты и группам **непокорной бюрократии**. <...> В любом случае **результатом перестройки** стали **демократизация** и формулировка требований, выходявших далеко за пределы возможностей контроля со стороны **Коммунистической партии**. **Перестройка** позволила положить конец **холодной войне** и разделению Европы и привела к **прекращению существования** самого **Советского Союза** (Политика. Толковый словарь, 2001: 76).

В тексте присутствуют характерные для исторического дискурса маркеры – хронотоп: время происходящих событий (указан год апрельского пленума ЦК – 1987), событийное пространство (фигурируют наименования – маркеры эпохи: **Советский Союз, Михаил Горбачев, Коммунистическая партия, ЦК**); атрибутика: использование политической (**официальная политика, демократическая карта, холодная война, разделение Европы, перестройка**) и публицистической (с точки зрения многих комментаторов, поощряя **инициативу широких масс**) лексики подчеркивает масштабность и значимость для страны описываемого исторического события.

Внутритекстовая ситуация (поэтический дискурс).

События 1990-х были хорошо известны И.А. Чернухину – в современной терминологии можно сказать, что под пером поэта они подверглись поэтическому освещению в режиме онлайн. Для регио-

нального поэта творчество указанного десятилетия – это прежде всего возможность выразить свое субъективное отношение и отношение своих современников к происходящим событиям, в результате которых Россия оказалась на распутье, стране и людям предстояло выбрать дальнейший путь развития. Перестройка и распад СССР были восприняты И.А. Чернухиным крайне негативно, чему свидетельство само название его стихотворений: «Бег», «Бездорожье», «Чужая осень» и др., – и употребляемые для характеристики эпохи эпитеты (*времечко смутное, звериный топот*) и метафоры (*на рынках мира продано тепло*). В стихотворениях 1988-1997 г.г. поэт обращается не столько к фактологическому историческому материалу (описание политических преобразований как таковых неважно для И.А. Чернухина), сколько заполняет пространство поэтического текста личным отношением к окружающей действительности: в стихотворениях показаны страшные реалии перестройки и постсоветского периода российской истории – коррупция, спекуляция, проституция.

Исторические события, которые легли в основу стихотворений регионального поэта, – перестройка и распад СССР – у И.А. Чернухина лишены подробных описаний действий советского и российского правительства, конкретики и сути экономических и политических преобразований в СССР и России, более того, в текстах указанных стихотворений ни персоналии, ни исторические события не конкретизированы. Эти произведения представляют собой эмоциональное отношение поэта к происходящим на его глазах событиям. В стихотворении 1988 года «Россия», написанного на начальном этапе перестройки, И.А. Чернухин предвосхищает трагические для Союза последствия нового политического курса:

*На **сходках** тебя закричали,
Где льются и дёготь
и мёд...
Печальница,
Сколько печалей
Ещё над тобою взойдёт?!
Клянутся и левый
и правый
Тебе в бесконечной любви.
Раскарканы совесть и слава,
И вся ты стоишь
на крови. (Чернухин, 2003: 36).*

В стихотворении уже намечены грядущие перемены, появляются «левые» и «правые». Особая семантическая насыщенность слов в стихотворении способствует «укрупнению» информации плана выражения поэтического знака. Характеризуя Россию конца 1980-х, поэт использует такие семантически емкие метафоры, как «*вся ты стоишь на крови*», «*раскарканы совесть и слава*», окказиональное олицетворение «*печальница*», создавая тем самым не конкретные образы исто-

рической эпохи, а обобщенную негативную характеристику перестройки.

Как подтверждение заявленного в стихотворении «Россия» (1988) «тезиса» звучит второе стихотворение поэтического цикла «Мозаика мистерий» (1993), в котором И.А. Чернухин рисует реалии «новой России»:

Суверенности. Гласность. Россия.

Как от улиц тошнит...

от газет!..

Демократия...

Рэкет.

Мессия.

Будки. Лавочки. Платный клозет.

— *Покупайте французское чудо:*

Класс-косметику... Наполеон!..

— *Из Богемии супер-посуду!..*

— *Вы меня обсчитали.*

— *Пардон.*

— *Ах, ты ягодка, дева-малина!*

Не пройтись ли нам до жилья?..

— *Сколько просит, Китай, за мальвину?*

— *Десять тысяча — жинса твоя!..*

— *Эй, налей-ка, корнет Оболенский! —*

Торганули на славу... Шабаш!

— *Бомж, не жмись...*

и не будь деревенским!

— **Три бутылки...**

и ваучер ваш (Чернухин, 2003: 44).

Подробное описание и точное указание низменных ценностей: рэкет, коммерциализация (*платный клозет, ваучер*), спекуляция (*французское чудо, супер-посуда, мальвина* — китайские джинсы), моральное и нравственное падение русского народа (*дева-малина* — проститутка, *бомж*) — становится для И.А. Чернухина отправной точкой его повествования о событиях, произошедших в России в 1990-е годы, а также является выражением авторского отношения к описываемым реалиям, которое достигает своей кульминации в стихотворении «Чужая осень» (1994):

И день не мой,

и час не мой,

И мой язык проходим не понятен.

Среди воря,

дельцов

и новой знати

Я человек далёкий и чужой.

Нет денег у меня

и власти нет.

И что с того, что есть слова живые?..

Пока бросают бардам чаевые,

Кому нужны стихи твои, поэт?

Что торгашам Высоцкий и Тальков,

Что совесть им

и честь больной России?

Всё с молотка:

Иконы расписные

И души молодых и стариков (Чернухин, 2003: 42).

Внутритекстовая коммуникативная ситуация лирического повествования реализуется в форме прямого вербального выражения неприятия исторических событий лирическим героем, подчеркивающим, что все происходящее ему чуждо и неприемлемо (*и день не мой, и час не мой; я человек далекий и чужой*). Антиподом лирическому герою выступают описываемые поэтом «новые социальные группы» – ворье, дельцы, новая знать, торгаши, – вызывающие у него ярко негативное отношение.

И.А. Чернухин разворачивает изображение событий 1990-х годов в ряд отдельных сцен, которые занимают все текстовое пространство стихотворений. Посредством прямой и косвенной речи поэт не только номинирует реалии и передает последовательность исторических событий, но и выражает отношение лирического героя (и свое собственное) к изображаемым явлениям.

Неслучайно, показывая реалии «новой России», поэт постоянно обращается к номинации России в разных ее вариациях (*на сходках тебя закричали; печальница; Суверенности. Гласность. Россия; больная Россия*) – это не только зарисовка событий «смутного времени 1990-х», но своеобразное изображение жизни России на рубеже 1980-х – 1990-х г.г.

В авторской интерпретации исторического события И.А. Чернухин концепт «Россия» реализует различные смыслы: Россия – ‘жертва времени’ (*На сходках тебя закричали, / Где льются и дёготь и мёд...*), Россия – ‘многострадальное государство’ (*Печальница, / Сколько печалей / Ещё над тобою взойдёт?!), Россия – ‘пространство войны’ (Раскарканы совесть и слава, / И вся ты стоишь на крови), Россия – ‘новое политическое образование’ (Суверенности. Гласность. Россия. / Как от улиц тошнит... / от газет!.. / Демократия... / Рэкет. / Мессия.), Россия – ‘торговое пространство’ (Будки. Лавочки. Платный клозет. / — Покупайте французское чудо: / Класс-косметику... Наполеон!.. / — Из Богемии супер-посуду!.. / — Вы меня обсчитали. / — Пардон. <...> — Сколько просит, Китай, за мальвину? / — Десять тысяча — жинса твоя!..), Россия – ‘социальный институт’ (— Ах, ты ягодка, дева-малина! / Не пройтись ли нам до жилья?.. <...> — Бомж, не жмись... / и не будь деревенским!; Среди ворья, / дельцов / и новой*

знати / Я человек далёкий и чужой). Россия в стихотворениях регионального поэта выступает как отельный концепт. Она не только создает пространственно-временную организацию текста, но и выступает как герой, живущий своей жизнью.

Событийное время. Исторический дискурс в стихотворении И.А. Чернухина «*Чужая осень*» пересекается с поэтическим уже в самом заглавии стихотворения: поэт однозначно указывает время разворачивающихся событий, обращаясь к истории распада СССР и жизнь России после августа 1991 года. Семантическая многоплановость лексемы *Россия* дана в основной части текста стихотворения, где поэт рисует реалии 1990-х и выражает свое отношение к происходящим событиям.

Активизация адресата текста (читателя) в стихотворениях И.А. Чернухина активизация читателя связана, прежде всего, с общей героической тональностью лирического повествования. Как отмечает Е.В. Падучева, «фигура читателя возникает в представлении смысла текста всякий раз, когда оказывается, что повествователь не является последней инстанцией в его художественной композиции <...> – это феномен, который можно представить как запланированное автором участие читателя в интерпретации текста» (Падучева, 1996: 216).

И.А. Чернухин прибегает и к собственно повествовательным приемам вовлечения читателя. Детализация в описании новых русских реалий побуждает адресата вообразить себя непосредственным участником описываемых событий, свидетелем политической и социальной неразберихи, которую довелось увидеть лирическому герою. Во втором стихотворении поэтического цикла «*Мозаика мистерий*» изображение демократической Россия достигает своей предельной концентрации: поэт показывает все негативные явления, возникшие в стране после распада СССР и ставшие современниками для России 1990-х г.г. В связи с этим меняется и пространственно-временная организация произведения: если для пространства есть точное указание – Россия, то время в стихотворении И.А. Чернухина становится более абстрактной категорией, на него лишь косвенно указывают называемые поэтом политические и социальные реалии изображаемой эпохи (*Суверенности. Гласность. Россия. / Как от улиц тошнит... / от газет!.. / Демократия... / Рэкет. / Мессия. / Будки. Лавочки. Платный клозет*). Намеренное употребление назывных предложений способствует активизации адресата стихотворений, включает читателя в диалог времен, как бы перемещая его из современности в постсоветское пространство и время 1990-х.

Стратегия, выбранная И.А. Чернухиным для создания образа исторического события, в целом соответствует избранной поэтом форме лирического стихотворения: региональный поэт рисует не только и не столько сами исторические события, сколько субъективное отношение к происходящему. Этим обусловлена востребованность в стихотворе-

нии таких характерных для лирики особенностей, как включение читателя в диалог времен, абстрактность и обобщение в изображении исторических событий, эмоциональный пафос описания реального исторического события, активизация адресата текста.

Литература

1. Демьянков, В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации). – Изв. АН СССР: Сер. лит. и языка. – 1982. Т. 41. № 4.
2. Демьянков, В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания. – Изв. АН СССР: Сер. лит. и языка. 1981. Т. 40. № 4.
3. Падучева, Е.В. Семантические исследования. – М.: Логос, 1996. 345 с.
4. Политика. Толковый словарь / под общ. ред. И.М. Осадчей. – М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2001.
5. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М., 1981.
6. Чернухин, И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. – Белгород: «Отчий край», 2003. 444 с.

Abstract. The article is considered as the historical event (reorganization and the collapse of the USSR) refracts through a prism of an individual and author's picture of the world.

Keywords: regional poet; I.A. Chernukhin; text event; historical event; poetic discourse; historical discourse.

Мальцева Г.Ю.

АЛЛЮЗИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИГРОВОЙ ПОЭТИКИ В РАССКАЗЕ «ИСТРЕБЛЕНИЕ ТИРАНОВ» В.В. НАБОКОВА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
malceva-82@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды аллюзий, способы их введения в текст рассказа «Истребление тиранов» В.В. Набокова, особенности взаимодействия аллюзий и текста-источника в рамках игровой поэтики дискурса В.В. Набокова.

Ключевые слова: аллюзия, аллюзивное имя собственное, аллюзивный факт, интертекстуальность, прецедентный текст.

Интертекстуальность рассматривают как соприкосновение в тексте двух и более текстов, что делает его способным «взаимодействовать, обмениваться элементами смысловой структуры с другими текстами» [Шадурский, 2004: 4]. В набоковском дискурсе тексты не просто соприкасаются, а вплетаются друг в друга, создавая неповторимый узор. Это дает возможность читателю стать в позицию исследователя: следовать по меткам, оставленным автором, чтобы распутать «клубок». Хитросплетение словес рождает художественный текст, интертексты в дискурсе протягивают смысловые нити через время и про-

странство в пульсирующие точки прошедших веков – к нетленным текстам гениев. Позиция читателя постмодернистского текста в декодировании интертекстуальных посылов подобна позиции лирического героя «Парижской поэмы» В.В. Набокова: «... с далеким найдя соответствие, / Очутиться в начале пути, / Наклониться – и в собственном детстве / Кончик спутанной нити найти. / И распутать себя осторожно, / Как подарок, как чудо, и стать / Серединою многодорожного / Громогласного мира опять...» [Набоков, 1991: 278]. Если лирический герой становится «серединою мира», то текст, осмысленный читателем, – центром культурного поля со множеством протянутых от него нитей к другим текстам.

Важным элементом интертекстуальности, излюбленным приемом В. Набокова для создания атмосферы игры является аллюзия.

Изучением феномена аллюзии занимались многие ученые, среди которых Н.Г. Владимирова, И.Р. Гальперин, И.В. Гюббенет, Н.С. Олизько, Г.Г. Слышкина и др.

Аллюзия как понятие трактуется учеными по-разному. И.Р. Гальперин считает, что «аллюзии – это ссылки на исторические, мифологические, библейские и бытовые факты» [Гальперин, 1958: 75].

Н.Г. Владимирова определяет аллюзию как двунаправленный прием, который формирует «многообразные по своим функциям и формам связи как с микроконтекстом отдельного образа и произведения, так и с макроконтекстом литературной традиции, жанра, стилевого течения или литературного наследия и культуры в целом» [Владимирова, 1998: 186].

Н.С. Олизько в своем диссертационном исследовании разделяет аллюзию на следующие виды: упоминание, аллюзивные имена собственные, аллюзивные реалии, аллюзивные факты и аллюзивные сюжеты [Олизько, 2002: 98].

Рассказы сборника «Весна в Фиальте» насыщены аллюзиями из художественного мира А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, У. Шекспира и др. Интертекстуальные связи дискурса В. Набокова с предшествующими культурными эпохами обстоятельно исследованы в трудах А. Долинина, В. Старка и др.

В задачу нашего исследования не входит анализ всего интертекста. Мы остановимся на подробном анализе одной литературной аллюзии в одном литературном источнике – аллюзии на гениальную трагедию «Гамлет» У. Шекспира в рассказе «Истребление тиранов», на особенностях ее введения в текст.

Аллюзивное имя собственное. Первым сигналом, отсылающим читателя к прецедентному тексту шекспировской трагедии, является имя Гамлет. Герой рассказа «Истребление тиранов», не имеющий собственного имени в произведении, в монологе взывает к самому себе как Гамлету: «*Но какие бы объяснения я ни подыскивал своей нерешительности, было бы неразумно скрыть от себя, что я должен*

его истребить, и что я его истреблю, – о, Гамлет, о лунный олух...» [ИТ: 400]. Единичное в литературе, имя Гамлет направляет внимание читателя к прецедентному тексту. Трагедия «Гамлет», вершина творчества У. Шекспира, сыграла особую роль в развитии системы вечных образов и в европейской, и в русской культуре, потому можно говорить о феномене «Русского Гамлета».

О том, что В.В. Набоков высоко оценивал творчество У. Шекспира, можно судить по стихотворению «Шекспир» и неоконченной попытке перевода трагедии «Гамлет» (был переведен монолог Гамлета). «Стоустым и немислимым поэтом», «богом ямбического грома» величает Шекспира поэт другого века – Сирин, : «...твоего величия не тронет / Молвы мирской бесстыдное клеймо, / ... навсегда в пыли столетий зыбкой / Пребудешь ты безликим, как само / бессмертие ...» [Набоков, 1991: 381].

В эмоциональном воззвании «<...> о, Гамлет, о лунный олух...» [ИТ: 400] скрыто одновременно два адресата: это литературный герой, Гамлет, и сам рассказчик «Истребления тиранов». Предыдущая реплика, выражающая уверенность героя в том, что он сможет истребить тирана («... что я должен его истребить, и что я его истреблю ...»), в контексте с последующим обращением к Гамлету выявляет нерешительность рассказчика, его медлительность, критикуемую им самим через вечный образ Гамлета.

Второе упоминание имени Гамлет встречается в контексте «я вял и толст, как шекспировский Гамлет. Что я могу?» [ИТ: 393]. Здесь аллюзивное имя собственное дополняется портретной характеристикой, сближающей двух героев. Внешние данные *вялый* и *толстый* соединяются в устах рассказчика «Истребления тиранов» с его внутренним состоянием, роднящим его с вечным образом Гамлета: медлительностью и нерешительностью.

Таким образом, аллюзивное имя собственное Гамлет становится узловым центром, соединяющим два текста, позволяет читателю через прецедентный текст познать характер героя «Истребления тиранов» в сопоставлении с вечным образом.

Аллюзивные факты. Аллюзия на шекспировскую трагедию проявляется также и в фактическом материале, когда детали мира «Гамлета» появляются и в рассказе «Истребление тиранов». Факт безумства Гамлета проявлен в словосочетании «*корона безумия*», относящемуся к герою «Истребления тиранов», где лексема *корона* отсылает к высокому происхождению Гамлета. «*Как статистики наглядно показывают его восхождение, изображая число его приверженцев в виде постепенно увеличивающейся фигурки, фигуры, фигурищи, моя ненависть к нему, так же как он скрестив руки, грозно раздувалась посреди поля моей души, покуда не заполнила ее почти всю, оставив мне лишь тонкий светящийся обод (напоминающий больше корону безумия, чем венчик мученичества); но я предвижу и полное свое затмение*» [ИТ: 384].

В последней главе «Истребления тиранов» игра раскрывается, читатель выясняет подлог, подмену: рассказчик, ведущий диалог с собой и читателем на протяжении всего рассказа, оказывается за чертой жизни, он *«достиг той высоты, откуда видно как на ладони смешное»* [ИТ: 404]. А все повествование – это записи героя, которые он перечитывает вместе с читателем. Указанием на то, что герой находится в потустороннем мире, является словосочетание «тень без костей»: *«Я же, «тень без костей», буду рад, если плод моих забытых бессонниц послужит на долгие времена неким тайным средством против будущих тиранов, тигроидов, полоумных мучителей человека»* [ИТ: 405].

В шекспировской трагедии Гамлет говорит: *«о, тяжкий груз из мяса и костей, когда б ты мог исчезнуть, испариться!»* [Шекспир, 2009:143]. Считаем, что словосочетание *тень без костей* является аллюзивным фактом, итогом и убитого принца Гамлета, и безымянного героя «Истребления тиранов», называющего себя Гамлетом.

Аллюзия как важный элемент интертекстуальности в дискурсе В.В. Набокова выступает инструментом игровой поэтики, позволяя не только играть с читателем, будить его воображение, но и, направляя внимание к прецедентным текстам, удерживать «времен связующую нить».

Аллюзивная игра, отсылая к образу шекспировского Гамлета, заставляет читателя, *«пройдя все ступени ненависти и отчаяния»* [ИТ:404] к самому себе, очиститься, преобразиться духовно. Гамлетовская жажда мести, истребления тирана-отцеубийцы у В. Набокова переносится в личность нарратора, оказывается борьбой души и тела-оболочки, тела-тюрьмы.

Литература

1. Владимирова Н.Г. Категория интертекстуальности в современном литературоведении / Н.Г. Владимирова // Литературоведение на пороге XXI в.: материалы международной научной конференции. – Рандеву – АМ, 1998. – 395 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1958. – 459 с.
3. Гюннебет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста / И.В. Гюннебет. – М., 1981. – 112 с.
4. Набоков В.В. Собрание сочинений в 4 томах. Том 4. – М.: Правда, 1990. – 477 с. – (ИТ).
5. Набоков В.В. Стихотворения и поэмы / Из поэтического наследия XX века. – М.: Современник, 1991. – 574 с.
6. Олизько Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса (на материале произведений Дж. Барта): дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Олизько. – Челябинск, 2002. – 194 с.
7. Шекспир У. Трагедии. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
8. Шадурский В.В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова: Учеб. пособие. Великий Новгород, 2004. – 95 с.

Abstract. The types of allusions and the ways of their introduction into the text of the story «Tyrants Destroyed» of V. Nabokov, features of the interaction of allusions and text within the gaming poetics of discourse are considered in the article.

Keywords: allusion, allusive proper name, allusive fact, intertextuality, precedent text.

Огнева Е.А.

СИНЕРГИЯ В ПЕЙЗАЖНОЙ МОДЕЛИ «СТЕПЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлена авторская концепция интерпретации текстовой пейзажной модели. Рассматриваются особенности моделирования исследовательского конструкта «Степь», репрезентированного в произведении М. Шолохова «Поднятая целина». Представлена классификация базовых компонентов модели, определена их частотность.

Ключевые слова: концепт, художественный текст, текстовая пейзажная модель, маркер, полярность, частотность, хронема, проксема

В современном языкознании накоплен достаточно обширный интерпретативный материал о тексте как многогранном источнике информации, тем не менее, текст, по-прежнему, находится в фокусе фундаментальных и прикладных исследований. По мнению Н.И. Панасенко, «исследование текста как самостоятельного лингвистического объекта, обладающего особыми чертами смысловой и структурной организации, делает возможным членение текста на составляющие его фразовые единства и их сочетания, в которых отдельные фразы стянуты друг с другом при помощи контактных и дистальных межфразовых связей» (Панасенко, 2006: 396).

Е. Книпкенс и Р.А. Зван обращают внимание на то, что «понимание текста базируется на двух аспектах: эмоциональном и когнитивном» (Кнееркенис, Зваан 1995). Ж. Борковски указывает на значимость, прежде всего, культурного контекста в структуре художественного текста (Borkowski 2013).

В орбиту наших исследований входит художественный текст, архитектура которого рассматривается в виде концептосферы как совокупности художественных концептов, среди которых особое место занимает концепт «Пейзаж» вследствие специфики его функциональной значимости, стилистического оформления и особенностей моделирования в виде исследовательского конструкта, который, например В.Н. Левина рассматривает как «особую текстовую единицу, которая имеет свою семантику, в первую очередь изобразительную, грамматическую выраженность средствами разных уровней языка, а также функциональную значимость для всего содержания текста» (Левина, 2011: 22).

Проведённые нами исследования выявили, что номинативное поле модели концепта «Пейзаж» может репрезентировать три вида пейзажа: а) пейзаж земной поверхности (лесной, степной и т.п.), б) водный пейзаж (морской, речной и т.п.), в) пейзаж воздушного пространства (пейзаж ночного неба и т.п.). Установлено, что в ряде моделей реализуется синергия различных видов пейзажа, что обусловлено идиостилем писателей.

В соответствии с авторской концепцией интерпретации архитектоники пейзажных моделей, представленной в 2013 году в статье «Структурирование концептосферы художественного текста», «важными компонентами номинативного поля являются: а) маркеры времени, репрезентирующие, к примеру, осенний пейзаж; б) социумные маркеры, репрезентирующие, например, сельский пейзаж, монастырский пейзаж и т.п.; в) маркеры светогаммы, репрезентирующие, например, закат солнца на морском побережье; г) маркеры цветогаммы, репрезентирующие, к примеру, пейзаж июльской степи» (Огнева, 2013: 616).

Дальнейшие исследования показали необходимость выделения в отдельную группу номинантов, репрезентирующих пространственные параметры. Подчеркнём тот факт, что на первом этапе реализации концепции проксема рассматривались нами в составе вышеперечисленных маркеров в качестве компонентов их структуры. Также возникла необходимость дополнить перечень маркеров сенсемами, выделение которых в отдельную группу номинантов способствует созданию более детальной интерпретации пейзажных моделей, которые, как известно, в подавляющем большинстве художественных текстов выполняют эстетическую функцию, вспомогательную к основной, сюжетообразующей. Более того, изучение концептосфер произведений, включающих большое количество пейзажных моделей, выявило высокую частотность сенсем, что также говорит в пользу решения о выделении их в отдельную группу маркеров.

В данной статье представим некоторые результаты рассмотрения архитектоники пейзажной модели «Степь», репрезентированной в произведении М. Шолохова «Поднятая целина». Прежде всего, подчеркнём тот факт, что название рассматриваемой пейзажной модели является гиперонимом к одному из компонентов в названии самого произведения – к слову «целина». Как показало исследование материала, номинативное поле пейзажной модели «Степь» репрезентировано в многочисленных контекстах произведения, один из которых и рассматривается в статье: *В конце января, овечьи первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады. В полдень где-нибудь в затишке (если пригревает солнце) грустный, чуть внятный запах вишневой коры поднимается с пресной сыростью талого снега, с могучим и древним духом проглянувшей из-под снега, из-под мертвой листвы земли. Тонкий многоцветный аромат устойчиво держится над са-*

дами до голубых потемок, до поры, пока не просунется сквозь голызины ветвей крытый прозеленью рог месяца, пока не кинут на снег жирующие зайцы опушенных крапин следов... А потом ветер принесет в сады со степного гребня тончайшее дыхание опаленной морозами полыни, заглохнут дневные запахи и звуки, и по чернобылу, по бурьянам, по выцветшей на стернях брице, по волнистым буграм зяби неслышно, серой волчицей придет с востока ночь, – как следы, оставляя за собой по степи выволочки сумеречных теней (Шолохов, 2011: 3).

Рассматриваемый контекст представляет собой совокупность номинантов, репрезентирующих степь в конце января. По нашему мнению, стиль описания январской степи М. Шолоховым позволяет рассматривать контекст в качестве яркого примера лирической прозы. Е.Г. Озерова в своих исследованиях подчёркивает тот факт, что «языковые средства текста лирической прозы имеют многогранное построение, специфика которого зиждется на поэтической образности, авторской маркированности выразительных и изобразительных средств, коннотативной имплицитности и смысловой целостности» (Озерова, 2017: 616). Все перечисленные параметры лирической прозы выявлены нами в исследуемом контексте посредством комплексного когнитивно-герменевтического анализа материала. Перечислим особенности построения данного лиричного сегмента архитектоники текстовой пейзажной модели «Степь».

Хронемы. В исследуемом сегменте номинативного поля модели «Степь» выявлена высокая частотность хронем – девять, среди которых две точечные хронемы: *в конце января, в полдень*; три предельные хронемы: (1) *до голубых потемок*, (2) *до поры, пока не просунется рог месяца*, (3) *пока не кинут на снег жирующие зайцы опушенных крапин следов*; три обобщающие хронемы: *ночь, сумеречные тени, древний (дух)/дневные (запахи)*; (4) одна пролонгированная: *аромат устойчиво держится*.

Среди выявленных хронем заслуживает особого внимания структура предельных хронем, примечательных тем, что одна из них *до голубых потемок* является темпоральным гиперонимом к двум другим, которые, в свою очередь, примечательны тем, что структура хронемы *до поры, пока не просунется рог месяца* персонифицирована, тогда как хронема *пока не кинут на снег жирующие зайцы опушенных крапин следов* репрезентирует, в том числе, и пространственно-временную специфику, где слово снег – это хронема, а словосочетание *крапины следов* – это проксема, вербализующая горизонтальную пространственную ось. Обратим внимание и на структуру обобщающей хронемы, репрезентирующей связь настоящего и прошлого бытия степи, *древний (дух)/дневные (запахи)*. Хронема *древний (дух)* – мифологема, обладающая поэтической энергией, коррелирующую со стилем Сказаний о степи как значимом историко-культурологическом про-

странстве пребывания нашего народа, что подтверждает мнение Н.Ф. Алефиренко о том, что «дискурсивно-когнитивные истоки поэтической энергии слова обращены, прежде всего, к коммуникативным процессам в культуре» (Алефиренко, 2015: 50) как части исторического делания народа.

Социумные маркеры. В исследуемой модели выявлено три социумных маркера: *вишневые сады, волнистые бугры зяби, выцветшая на стернях брица*, указывающих на описание сельского степного пейзажа. Примечательно, что маркер *вишнёвые сады* имеет три контекстуальных повтора *вишневая кора, над садами, в сады со степного гребня*. Последний из перечисленных номинантов *в сады со степного гребня* репрезентирует синергию двух типов пейзажа земной поверхности, а именно сельского степного пейзажа и пейзажа дикой степной природы. Синергия двух типов пейзажей в номинанте иллюстрирует тесную взаимосвязь человека и природы, взаимосвязь двух пространств: пространства человека и пространства дикой природы с вектором воздействия со стороны природы, который полярен вектору взаимодействия, отражённому в названии произведения «Поднятая целина», где репрезентирована синергия взаимодействия человека и дикой природы при ведущей роли человека, трансформирующего природу.

В структуре двух других социумных маркеров *волнистые бугры зяби* и *выцветшая на стернях брица* выявлены лингвокультуремы, репрезентирующие реалии сельского быта: (1) *зябрь – вспаханное осенью поле под весенний посев*, (2) *стерня – нижняя часть стеблей злаков оставшихся на корню после жатвы*, (3) *брица – степное растение*. Очевидно, что наличие перечисленных социумных маркеров *вишневые сады, волнистые бугры зяби, выцветшая на стернях брица* в исследуемом контексте подчеркивает лингвокультурологический аспект в номинативном поле пейзажной модели «Степь».

Маркеры светогаммы. Выявлено три маркера светогаммы, из которых две репрезентируют дневной свет: *солнце, дневной* и один маркер репрезентирует свет в ночи: *рог месяца*. Примечательно, что сочетание дневного и ночного света в рамках одной пейзажной модели довольно-таки частотно, как показывают проведённые ранее исследования концептосфер различных художественных произведений.

Маркеры цветогаммы. Особенностью маркеров цветогаммы в данной модели является преобладание не прямой номинации цвета посредством словосочетаний: *мертвая листва, снег и крапины следов, выцветшая на стернях брица, бугры зяби (цвет вспаханной степной почвы), сумеречные тени*. И только три маркера цветогаммы – это прямые цветообозначения: *голубые потемки, крытый прозеленью рог месяца, серая волчица*.

Проксемы. В рассматриваемой пейзажной модели выявлена высокая частотность проксем – десять, среди которых одна точечная

проксема: *где-нибудь в затишке*, одна проксема – маркер синергии вертикальной и горизонтальной пространственных осей: *аромат устойчиво держится над садами*, две проксеммы – маркеры горизонтальной пространственной оси: *кинут на снег зайцы опушенных крапин следов; по чернобылу, по бурьянам, по выцветшей на стернях брице, по волнистым буграм зяби*. Примечательно, что в состав последней из перечисленных проксемм входит два фитонима *чернобыл и брица*.

Установлено, что шесть хронем репрезентируют динамику в архитектонике пейзажной модели, а именно: четыре проксеммы – маркеры движения по вертикальной пространственной оси: *запах поднимается, проглянувшей из-под снега, из-под мертвой листвы, просунется сквозь голызины ветвей рог месяца*; две проксеммы – маркеры движения по горизонтальной пространственной оси: *ветер принесет в сады со степного гребня; придет с востока ночь, следы, оставляя за собой по степи*.

Проксеммы, репрезентирующие динамику пейзажной модели, являются одновременно и яркими маркерами лирического стиля изложения.

Сенсеммы. Выявлена высокая частотность сенсем – шесть, из которых три номинанта – это сенсеммы со знаком «+»: *хорошо пахнут вишневые сады; могучий и древний дух листвы; тонкий многоцветный аромат устойчиво держится над садами*; три номинанта – сенсеммы со знаком «-»: *пресная сыростью талого снега; тончайшее дыхание опаленной морозами полыни, грустный, чуть вмятый запах вишневой коры*. Примечательно, что две последние сенсеммы персонифицированы: *дыхание полыни* и *грустный запах*. Полярность сенсем, по нашему мнению, также придаёт динамизм внутримодельным связям.

Таким образом, в результате когнитивно-герменевтического анализа материала произведения М. Шолохова «Поднятая целина» было выявлено, что важной особенностью рассмотренного лирического сегмента пейзажной модели «Степь» является:

- (1) сочетание высокой частотности хронем, проксем, сенсем,
- (2) синергия двух пейзажей: сельского степного и дикого степного,
- (3) наличие лингвокультурем в структуре социумных маркеров,
- (4) полярность векторов взаимодействия человека и природы в социумных маркерах модели,
- (5) полярность сенсем со значением «+» и «-»,
- (6) наличие хронемы – мифологемы как маркера взаимосвязи времён (прошлого и настоящего) в бытии степи,
- (7) высокая частотность проксем, репрезентирующих динамику пейзажной модели.

Установленные особенности номинативного поля текстовой пейзажной модели «Степь», репрезентированные посредством поэтической энергии слова, являются яркими маркерами идиостиля М. Шолохова.

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Язык» и «текст» культуры // Litera. 2015. № 4. С. 50-58. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_18245.html (дата обращения 08.01.2018).

Левина В.Н. Принципы классификации текстовых пейзажных единиц // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 3. С. 21-26/

Огнева Е.А. Структурирование концептосферы художественного текста // Когнитивные исследования языка. № 13. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 614-625.

Озерова Е.Г. Лингвопоэтика текста лирической прозы // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 616-618.

Шолохов М. Поднятая целина. – М.: Эксмо, 2011. 640 с.

Панасенко Н.И. Семантическое пространство художественного текста // Семантика мови і тексту. Мат-ли ІХ міжнар. наук.-практичної конф. 26-28 вересня 2006 р. – Івано-Франківськ: ЦІТ, 2006. С. 394-396.

Borkowski J. What Is the Cultural Context of a Literary Text? Reflections on Literary and Cultural Criticism. Würzburg: Königshausen & Neumann 2013. URL: <http://www.jltonline.de/index.php/reviews/article/view/631/1> (дата обращения 02.05.2016).

Kneepkens E.W.E.M, Zwaan R.A. Emotional and literary text comprehension // Poetics. Vol. 23. Issues 1-2 January 1995. Pp 125-138.

Abstract. The article deals with the author's conception «Interpreting of textual landscape model». Specific features of research construct modeling named «Steppe» in the novel «Virgin Soil Upturned» by M. Sholokhov is presented. Frequency of basic model components is identified. Classification of basic model components is presented.

Keywords: concept, literary text, textual landscape model, marker, opposition, frequency, chroneme, proxeme.

Осадчая М.Н.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА В АВТОРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
o_miroslava@bk.ru

Аннотация. В статье с позиции когнитивно-прагматического подхода рассматриваются механизмы моделирования пространственных ориентиров, формирующих хронотопные модели в условиях художественного дискурса. Показано, как в художественном дискурсе О. Мандельштама маркеры пространства участвуют в формировании аксиологического потенциала уникальных дискурсивных единиц.

Ключевые слова: пространственные номинации; когнитивные структуры; авторский художественный дискурс; словообразование.

В художественной коммуникации актуализация текстового смысла является процессом многоуровневым. Наше исследование базируется на понимании авторского художественного дискурса как единого «процесса образно-речевого мышления автора и читателя» (Алефиренко, 2012: 33). Удалённое пространственно и во времени

взаимодействие автора и читателя представляет собой общение, не равное реальной коммуникации. Поэтому вербальное и образное воссоздание художественного вымышленного мира предоставляет коммуникантам значительный простор для генерирования дополнительных смысловых построений, добавляя тем самым интерпретативный потенциал художественному тексту.

Интенциональность языкового сознания, обращённого к художественному тексту, обеспечивает языковой личности «выход» за пределы буквального прочтения текста, то есть, содержательное наполнение сообщения читателем не рассматривается как однозначное. Подобным же образом и автор, создавая текст художественного произведения, не предполагает «документального» отображения континуума окружающей реальности. Иными словами, в поле внимания автора попадает тот предметный мир, который интенционально значим для авторского сознания. Исходя из сказанного, в нашем исследовании художественный дискурс рассматривается как эстетически ориентированное лингвоментальное пространство, обеспечивающее реализацию языкового сознания участников художественной коммуникации в ходе моделирования вторичной субъективной реальности.

Хотя общепризнанно, что грамматика организует языковую память говорящего, как раз в художественном творчестве нарушение стандартного словоупотребления и экспериментирование с грамматическим узусом «является важнейшей чертой художественного метода» (Ремчукова, 2016: 30). Поэтому чёткие лингвистически выраженные параметры выступают как упорядочивающие факторы в синергетическом пространстве художественного дискурса. Именно категория хронотопа, как категория когнитивная, связана и с синтаксическим уровнем языковой системы, и с грамматическими параметрами лексических номинаций.

Изначально М.М. Бахтин использовал понятие хронотопа, понимая под ним «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (Бахтин, 1975: 238), то есть, имеющих относительно устойчивую форму и типологическое значение. Однако специфика лирики несколько корректирует устойчивость пространственно-временных моделей, поскольку в лирике сюжетобразующее событие, как правило, не эксплицировано. Соответственно, лежащее в основе сюжетности лирического произведения авторское размышление о мире обеспечивает организацию хронотопа вокруг субъекта. Исследования художественных прозаических текстов также показывают, что свойственное художественному нарративу «моделирование референта и предиката с определённой точки зрения» (Радбиль, 2017: 29) неизбежно включает в категорию хронотопа и субъекта.

Читателю, погружающемуся в художественный текст, открывается развёртывание образа в его динамике, поэтому зачастую именно

«глаголом интерпретируется особое восприятие времени и пространства в едином хронотопе» (Кубрякова, 2004: 267). Например, поэт Осип Мандельштам в стихотворении 1918 года говорит о новой послереволюционной столице – Москве (глаголы выделены подчёркиванием):

«...Качнулась в путь – и полвселенной давит

Её базаров бабья ширина» (Мандельштам, 1993: 137). Видно, что ирреальная модальность обеспечивается не глагольной семантикой, а метафоризацией образа столицы. Данный пример показывает, как в условиях художественного дискурса содержательное наполнение авторских номинаций (реальные пространственные указатели выделены полужирным шрифтом) осложняется влиянием ценностно-смыслового фактора. Выявляется устойчивое взаимодействие нескольких пространственных планов: исторически-конкретного пространства столицы, измеряемого «бытового» пространства базара и субъективного пространства авторского «неприятия» изображаемого мира, явленного уже в первой строке приведённого стихотворения:

«*Всё чуждо нам в столице непотребной:*

Её сухая чёрствая земля,

*И буйный торг на **Сухаревке** хлебной,*

И страшный вид разбойного Кремля» (Мандельштам, 1993: 136). Исторически точный топоним *Сухаревка* (разговорное название Сухаревского рынка в Москве) в приведённом контексте используется в составе оксюморонных словосочетаний: *Сухаревка хлебная* – оксюморон актуализируется посредством смыслового расогласования корневых морфем, приобретая тем самым негативные коннотации. Таким образом, отчётливо видно, как положительный эпитет «хлебный» становится в голодном 1918 году в тексте Мандельштама негативной характеристикой рынка, где поэт не мог позволить себе купить хлеба, (как и большинство москвичей).

Очевидно, что воплощённый в тексте мир произведения неизбежно фрагментарен, поэтому пространственные указатели помимо создания художественной образности выполняют и ориентирующую функцию, компенсируя дискретность изображаемой псевдо-реальности. При этом следует учитывать, что трансформация общеязыкового значения слова в дискурсивной среде может усложнять процессы смыслоформирования.

Специфику функционирования пространственных указателей в авторском художественном дискурсе можно продемонстрировать на примере анализа топонимических номинаций. Особенно показательны для примеров фрагменты тех стихотворений Мандельштама, которые написаны в ноябре-декабре 1920 года, в период знакомства с актрисой О.Н. Арбениной-Гильдебрандт.

В тексте имя актрисы Ольги Арбениной, которой это стихотворение посвящено, не названо – это частый приём в стихах Мандельштама-лирика, зашифровывавшего своих адресатов:

«...И бессмертных роз огромный ворох

У **Киприды** на руках» (Мандельштам, 1993: 149). Как раз топонимическое обозначение пространства включено в этимологию имени *Киприда* – это одно из именовании Афродиты, которая «появляется из воздушной морской пены вблизи Кипра» (Лосев, 2000: 133). Однако пространственным маркером художественного дискурса данную номинацию считать нет оснований, поскольку в трёх восьмистишиях текста нет интертекстуальных переключек с античностью. Нам видится в именовании *Киприда* переключка с текстом стихотворения А.С. Пушкина, созданного в 1819 году и адресованного знакомой даме великого поэта, светской красавице Ольге Массон: «*Ольга, крестница Киприды, Ольга, чудо красоты,...*» (Пушкин, 1985: 197).

Подобная аллюзия позволяет легко прочесть зашифрованный Мандельштамом намёк на имя Ольги Арбениной. Вполне возможно в данном контексте подразумеваемое имя О. Арбениной рассматривать как маркер художественного пространства, связанного с Александринским театром. Таким образом, семантический аспект авторской номинации с использованием топонимов может не актуализировать дополнительных смысловых приращений. В то время как пространство театра обретает аксиологические трансформации: в текстах Мандельштама, написанных после 1916 года, театр выступает своеобразной 'декорацией умирания':

«На театре и на праздном вече

Умирает человек» (Мандельштам, 1993: 145). Очевидно, что семантика пространства может включаться в ценностный слой индивидуально-авторского художественного дискурса.

Как показывает наше исследование маркеров пространства в авторском художественном дискурсе, их ценностно-моделирующий потенциал не однороден и зачастую обусловлен биографически. Так, тематические связи с театром объяснимы биографическим контекстом: в это время Мандельштам часто бывает в театре вместе с Н. Гумилёвым, ухаживавшим за актрисой Ольгой Арбениной. С этой внешней событийной стороной поэтических текстов Мандельштама связаны многие детали: *разъезды карет, костры «советской ночи», розы для актрисы* и т.п. При этом, не все детали в авторском поэтическом тексте коннотативно нагружены. К примеру, строка о патрулировании столицы лишена угрожающей семантики:

«...Мне не надо **пропуска** ночного,

Часовых я не боюсь» (Мандельштам, 1993: 149). В мемуарной литературе часто встречаются страшные воспоминания о вседозволенности ночных патрульных. Или упоминаемые, например, в воспоминаниях Ирины Одоевцевой о зиме 1920-1921 года «холод, голод, аресты, расстрелы» (Одоевцева, 1988: 133) характеризуют иным образом обстановку подобных ночных прогулок. В то время у Арбениной «как у актрисы, был ночной пропуск» (Гильдебрандт-Арбенина,

2007: 161), но даже такая деталь не объясняет фарсовые интонации текста Мандельштама. Как отмечает М.М. Бахтин, «временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены» (Бахтин, 1975: 391). Подтверждая сказанное, приведённый анализ демонстрирует роль ценностного авторского восприятия в моделировании хронотопа данного художественного текста.

С другой стороны, осмысление Мандельштамом происходящих в стране социально-исторических перемен воплощается в текстах с явно неодобрительной авторской коннотацией. Поэтому тот же хронотоп «Театра» предстаёт локусом действия «*возбуждённой игрой черни*» (Мандельштам, 1993: 136), проявляя архетипическую амбивалентность «десакрализованного» балаганного пространства, поскольку в балагане «веселье и разгул могут происходить лишь на месте некогда совершённого жертвоприношения» (Хренов, 2006: 281). Именно в свете сказанного по-иному воспринимается начало стихотворения:

В Петербурге мы сойдёмся снова,

Словно солнце мы похоронили в нём (Мандельштам, 1993: 149).

Вполне объяснимо анахронизм топонима *Петербург* (город двумя годами ранее был переименован в Петроград) реализуется в произведении Мандельштама как номинация абстрактного пространства – архетипического места жертвоприношения, где жертвой стало *солнце*.

Думается, именно таким авторским пониманием происходящих событий объясняются многие «театральные» детали стихотворений Мандельштама, написанных в этот период, например:

«Захлестнула шёлком Мельпомена

Окна храмины своей» (Мандельштам, 1993: 148). Или *бархат*, как традиционная деталь театрального декора в тексте Мандельштама предстаёт «*бархатом всемирной пустоты*» (Мандельштам, 1993: 149); *кареты* для разъезжающихся зрителей стоят «*чёрным табором*» (Мандельштам, 1993: 148). Видно, что пространственные ориентиры не просто задают хронотоп произведения, но и связаны с ценностными аспектами авторского мировосприятия:

«Когда-нибудь в столице шалой

На скифском празднике, на берегу Невы,

При звуках омерзительного бала

Сорвут платок с прекрасной головы...» (Мандельштам, 1993: 132). Данное четверостишие, написанное в декабре 1917 года, наполнено пространственными конкретизаторами, однако вместо привязки к историческим ориентирам такая коннотация пространственных маркеров позволяет видеть в тексте ирреальную реализацию разгульного «балагана», синтаксическими средствами «продлённого» в будущее время при явно эсхатологической семантике авторских лексических номинаций. Подобные примеры подтверждают, что «хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент» (Бах-

тин, 1975: 341), тем самым (1) обуславливается доминирование отдельных хронотопных моделей в творчестве конкретного автора, а также (2) получает текстовое выражение авторская индивидуальность.

Для исследования механизмов и синтаксических аспектов моделирования хронотопа в анализируемых текстах важно заметить, что хронологически первым своеобразное «разделение» пространства театра на условно 'сакральное' и 'балаганное' (для черни) в поэзии Мандельштама появляется в тексте, написанном в конце 1915 года:

«...Уйдём, покуда **зрители-шакалы / На растерзанье Музы не пришли!**» (Мандельштам, 1993: 117). В этом стихотворении Мандельштама о постановке «Федры» приведённая фраза вложена в уста персонажа. Но хотя «художественная речь <...> всегда объективирована», автор не может абсолютно дистанцироваться от слов персонажа, поскольку «полного разрыва связи между производителем и субъектом речи не происходит» (Солганик, 2010: 74). И позже, спустя два года, в стихотворениях Мандельштама появляются послереволюционные реалии, в этих поздних текстах авторская оценка становится эксплицитной, а образный ряд его поэзии перекликается с сюрреалистическими сюжетами картин И. Босха:

«...И театров широкие зевы

Возвращают толпу площадям...» (Мандельштам, 1993: 136). Явно видно, как появившееся у автора в 1915-м году «предчувствие» смерти прежнего «Театра» реализуется в текстах 1917-1918 года уже глаголами настоящего времени. Действительно, «семантика порождаемого предложения <...> всегда возникает как нечто сопутствующее» (Золян, 2014: 55) основному концептуальному содержанию авторского замысла. Иными словами, синтаксические конструкции реализуются в художественном тексте как «формальная экспликация» (Золян, 2014: 55) вербализованного концепта. Соответственно, абстрактная синтаксическая модель с предикативно-актантной схемой входит в когнитивную базу языкового сознания коммуникантов, включая потенциальные слоты ситуации. Из этого следует, что для когнитивного анализа наиболее важны в авторском тексте те пространственные маркеры, которые значимы для вербализации текстообразующего концепта.

Можно сделать выводы о том, что воплощение в тексте семантического потенциала, обеспечивающего дополнительное смысловое наполнение, осуществляется под влиянием «дискурсивной интенции», актуализирующей мировоззренческий фактор именно «в аспекте индивидуально-авторского сознания» (Семененко, 2016: 125). Таким образом, моделируемая в художественном дискурсе хронотопная модель непосредственно связана с авторским восприятием ситуации. Субъективные авторские модели, по которым строятся синтаксические единицы, обусловлены в большей степени законами языковой системы, нежели авторской свободой, аксиологические же аспекты

семантики авторских номинаций связаны с мировоззренческими установками авторского сознания.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Словесные символы и образы художественного текста // Текст и дискурс / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жуль. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. С. 22-49.
2. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 237-407.
3. Гильдебрандт-Арбенина, О.Н. «Девочка, катящая серсо...»: мемуарные записи. – М.: Молодая гвардия, 2007. 349 с.
4. Золян, С.Т. Семантика и структура поэтического текста. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 336 с.
5. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004, 560 с.
6. Лосев, А.Ф. Афродита // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х томах. Т. 1. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 132-136.
7. Мандельштам, О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.1. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: «Арт-Бизнес-Центр», 1993. 368 с.
8. Одоевцева, И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары / И.В. Одоевцева. – М.: Художественная литература, 1988. 334 с.
9. Пушкин, А.С. Сочинения в трёх томах. Т. 1. Стихотворения; Сказки. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.
10. Радбиль, Т.Б. Коммуникативные и когнитивные основы теории нарратива в современном гуманитарном знании // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 23-35.
11. Ремчукова, Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: монография / Е.Н. Ремчукова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 224 с.
12. Семенов, Н.Н. Фактор содержательно-оценочной семантизации поговорки в аспекте моделирования дискурсивной интенции // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования. – Вологда, 2016. С. 124-126.
13. Солганик, Г.Я. Очерки модалного синтаксиса. – М.: Наука: Флинта, 2010. 136 с.
14. Хренов, Н.А. Балаганный универсум: мифологическое пространство // Кино: реабилитация архетипической реальности. – М.: Аграф, 2006. С. 271-301.

Abstract. In this article within cognitive approach of studying mechanisms of modeling of text space are considered as instrument of mean-making. In sphere of O. Mandelstam's literary discourse space nominations create pragmatically potential of unique discursive units.

Keywords: space nominations; cognitive structure; author's artistic discourse; meaning-making.

Проскурнина Л.В.
ФУНКЦИИ КОЛОРАТИВОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ
И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
proskurnina@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию особенностей функционирования колоративов в исторических романах И.И. Лажечникова. Цель исследования связана с выявлением роли цветообозначений в индивидуально-авторской картине мира писателя.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, цветообозначение, колоратив, исторический роман.

Изучением цвета занимаются ученые разных научных областей – физики, психологи, философы, культурологи. В современной науке возрос интерес к цвету с лингвокультурологических позиций, то есть цвет рассматривается как концепт, потому что «имеет аналог в объективной реальности, влияет на физическое и психоэмоциональное состояние человека, содержит ресурсы логического и чувственно-образного познания мира, является эстетической и морально-нравственной категорией и элементом мифа, культа, реализуется в цветообозначениях, словосочетаниях, идиомах» (Астахова, 2014: 27). Важное значение концепт «Цвет» играет в художественном тексте, выражая одну из составляющих индивидуально-авторского восприятия действительности, воплощаясь в языковой картине мира писателя, то есть в его идиостиле. Нередко посредством колоративов автор детально передает настроения героев – их чувства и эмоции. А. Вежбицкая утверждает, что «несмотря на то, что цветовое восприятие и является одним для всех групп людей, но языковая концептуализация различна в разных культурах, хоть здесь и есть поразительные элементы сходства» (Вежбицкая, 1996: 238). Каждый цвет может быть понят по-разному, поэтому его можно истолковать как определенный символ или знак. Понятие и истолкование цвета может быть как субъективным (индивидуальным), так и коллективным (общим для определенной этнокультуры). Таким образом, концепт «Цвет» является одним из компонентов языковой картины мира. Это «сложное многоуровневое образование, отображающее объёмный семантический спектр оттенков и вариантов основного цветоименования, являющегося ядром концепта, и представляющее глубинные пласты информационной базы о данном цвете, в котором представлены отличительные национально-специфические особенности менталитета определённого этноса» (Капнина, Коротяева, 2016: 23). По мнению И.И. Чумак-Жунь, «лексико-семантическое поле цвета в художественном тексте является образованием, которому свойственны сложность, многоаспектность и неоднозначность состава, структуры и самого языкового статуса» (Чумак-Жунь, 1996: 174).

Мы рассматриваем реализацию концепта «Цвет» в исторических романах И.И. Лажечникова «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман». Цветообозначения, и это в целом характерно для художественного творчества, служат для отражения в тексте индивидуально-авторской картины мира. Именно цветопись позволяет определить те ключевые эмоциональные сгустки, которые характерны для каждого из романов И.И. Лажечникова. В целом цветообозначения в его творчестве представлены достаточно активно. В романах И.И. Лажечникова используются обозначения *красного, синего, желтого, зеленого, черного, белого цветов*.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) *красного цвета* представлена лексемами *красный, алый, червленький, малиновый, румяный, кровавый, коралловый, пурпурный, пунцовый, розовый*. ЛСГ *синего цвета* представлена лексемами *синий, голубой, лазоревый*. ЛСГ *желтого цвета* представлена лексемами *желтый, палевый, золотой / золотистый, янтарный*. Единичными номинациями представлено поле *зеленого, белого и черного цветов*.

В работе мы рассмотрим функции и характер цветописи у И.И. Лажечникова. Функции цветообозначений:

1) перцептивная функция: *червленький бархат на золоте, с подкладкою синего чамлата*¹;

2) эмотивная функция: *пара голубых глаз, исполненных огня и привлекательной задумчивости; когда эта музыка соединялась в адский хор и статуи, при сверкании красноватой молнии, выступали из мрака вперед, тогда и молодец, с крепкими мышцами и бестрепетным сердцем, проезжая этими местами, невольно должен был прочесть молитву;*

3) эстетическая функция: *алая заря улыбнулась ему дома; левую сторону долины обвели несколько зеленых холмов, иные вповину обнаженные, другие осененные красивыми рощами, примыкавшими к густому лесу, из которого чернелось ущелье привидения.*

В соответствии с концептуальной заданностью каждого романа цветообозначения используются автором по-разному. В романе «Последний Новик» И.И. Лажечников описывает события Северной войны между Россией и Швецией, поэтому при изображении военных действий доминируют обозначения *красного цвета*, который для автора является символом крови, смерти, опасности. Типичным для романа является «сгущение цвета»: *Новый, красноватый свет разлился по земле, и кругом небосклона встали огненные столбы: это были зарева пожаров. Из тишины ночи поднялись вопли жителей, ограбленных, лишенных крова и тысячами забираемых в плен. В данном контексте ужасы войны передают лексемы красноватый, огненный, зарево пожаров, причем цветовой эффект усиливается звуко-*

¹ Художественные тексты цитируются по следующему изданию: Лажечников, И.И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Можайск – Тера, 1994.

вым: из *тишины* ночи поднялись *вопли* жителей. С одной стороны, война расцвечена красным цветом, но, с другой, она забирает цвет, обескровливает. Смерть предстает в неярко выраженном цвете – с помощью лексем *бледный, бледность, бледнеть: смертная бледность* покрывает ее лицо; по лицу офицера, чрезвычайно выразительному, бежит уже *смертная бледность*.

С другой стороны, в русском ментальном сознании лексемой *красный* обозначалось все самое красивое, прекрасное. В словаре В.И. Даля к определению красного цвета дается ряд синонимов: 'рудой, алый, кирпичный, малиновый, огневой и других разных оттенков и густоты, если говорить о цвете; или как красивый, прекрасный; превосходный, лучший, если говорить о доброте, красоте' (Даль, 1979: II, 187). Подобные примеры представлены и в романах И.И. Лажечникова: *Хабар – пригож, светел, как божий красный день; отговариваться не стану: я не красная девица, которую ведут к венцу; Бир явится будто красное солнышко из-за гор*. Все эти сочетания являются устойчивыми фольклорно-поэтическими оборотами, в которых представлены эстетические ценности русского народа. В частности, устойчивое сочетание *красна девица* имеет в русском национальном сознании положительную коннотацию и является символом женской молодости и красоты. Наибольшее количество подобных устойчивых словосочетаний представлено в романе «Басурман». И.И. Лажечников изображает Россию в привычных для русского человека, но не характерных для «басурмана» лингвопоэтических образах. Там же, в «Басурмане», передается и значение *красного цвета* как всего редкого, почетного, официально высокого. И.И. Лажечниковым представлены описания элементов боярского дома: *несколько крылец, из которых красное отличалось каменными уступами и резными украшениями, сходило на площадь; в узорочной резьбе на подзорах и над красными окнами*. Красным крыльцом назывался главный вход в боярскую или княжескую усадьбу. Красные окна были снаружи раскрашены и украшены резьбой. Схожую модальность имеет и словосочетание *красные, райские дни*, которое писатель использует в значении 'праздничные, веселые, радостные дни': *бунтующий ад или красные, райские дни*. Таким образом, прилагательное *красный* в представленных контекстах романов И.И. Лажечникова связано по происхождению с лексемами *прекрасный, замечательный, превосходный* (Фасмер, 1967: 368).

В романах лексема *красный* представлена широким синонимическим рядом. Употребления ограничены контекстуально. Так, при описании природы: *АЛЫЙ – алая заря улыбнулась ему дома; КРОВАВЫЙ – вещун недобрый кровавый месяц; РОЗОВЫЙ – небо подернулось розовою чешуей*. При описании внешности героев: *АЛЫЙ – баронесса то белела, как полотно, то краснела, как сукно алое; МАЛИНОВЫЙ – царь-государь миловал бы тебя, целовал бы*

во малиновы уста; РУМЯНЫЙ – два пажика с румяными щечками, как два розана; КРОВАВЫЙ – обшарив сверкающими, кровавыми глазами во всех углах; КОРАЛЛОВЫЙ – любовалась правильностью коралловых губ; ПУНЦОВЫЙ – покраснев, как пунцовый мак; РОЗОВЫЙ – прелестные творения с полными розовыми щечками. В следующем примере красный цвет сближается с цветом малины: *щеки – что твоя малина, в глазах огонь соколиный.* При описании внешности человека, помимо прилагательных, красный цвет передается глаголом *рдеть*, который означает ‘краснеть, отливать красным цветом’ (Ожегов, 1988: 548): *рдели щеки его; лицо старушки зарделось слегка.* При описании одежды: ЧЕРВЛЕННЫЙ – *червленый бархат на золоте; МАЛИНОВЫЙ – на нем бархатный малиновый берет; КРОВАВЫЙ – широкая мантия, исписанная кабалистическими знаками кровавого цвета; ПУНЦОВЫЙ – в мундире с бархатным пунцовым воротником; РОЗОВЫЙ – еще умильнее указывал на мальчика лет десяти, свежее, розовое; она убрана была в чепец с розовыми лентами.* При описании интерьера: МАЛИНОВЫЙ – *она сидела в пышных креслах, с дивною резьбою, обитых малиновым бархатом; ПУНЦОВЫЙ – было открыто окно и в нем развевалось пунцовое покрывало; РОЗОВЫЙ – розовые шелковые шторы были опущены.*

Вариант обозначения синего цвета – голубой – является в русской культуре символом религии и веры. Это цветобозначение в текстах И.И. Лажечникова является неотъемлемым элементом пейзажных описаний: *А странник все далее и далее. Еще долго видел он голубое небо своей родины.* Голубой цвет отражает внутреннее состояние Антона Эренштейна, главного героя романа «Басурман». Лекарь печальным взглядом окидывает родную Богемию, «серебряную битть разгульной Эльбы, пирамидальные тополи, ставшие на страже берега, и цветущие кисти черешни, которые дерзко ломились в окно его комнаты», отправляясь в Москву, ко двору Иоанна III. Среди обозначений синего цвета преобладает не доминанта (прилагательное *синий*), а обозначение оттенка цвета – *голубой*. В русской культуре, русском менталитете прототипом синего (*голубого*) цвета является цвет озер, рек, морей, океанов, а также цвет неба, глаз и т.п., что отражено в романах И.И. Лажечникова: цвет моря – *не поверх одного моря синего ложится туман; цвет неба – ночь с ее голубым небом; цвет глаз – в больших голубых глазах его вы могли ясно видеть, что ум был всегда на страже у этого любимца божьего.*

В русской языковой картине мира синие и голубые глаза являются признаком добра, чистоты и красоты, что подтверждают примеры из романов И.И. Лажечникова: *голубые, умные глаза его горели непостижимым участием к Эренштейну; женщина в пышном расцвете лет и красоты, с голубыми глазами.* В представленных контекстах голубые глаза являются символом прекрасного, привлека-

тельного, доброго, умного. Также при описании соматизма *глаза* И.И. Лажечников использует колоратив *серый* – **эти серые, тусклые глаза, в которых отражалось кошачье смирение.**

В романе «Ледяной дом» в описании внешности Мариорицы Лелемико преобладает черный цвет: *останавливала на нем **черные глаза** свои; он липнет к горячим устам ее и **черные кудри** целует; взоры княжны застилаются **черными длинными ресницами**; **черные длинные косы** пали ей на колена.* Это не случайно, поскольку молдавнская княжна по происхождению является цыганкой. Чёрный цвет в представленных микроконтекстах содержит позитивный оценочный компонент.

Как вариант *синего* используются цветообозначения *лазурный / лазоревый*. В романах И.И. Лажечникова встретились лишь одна эта лексема: *А теперь, если б ты ведал, добрый человек, теперь **у моего камышка самоцветного, лазоревого**, ни лучья нету, ни искорки.*

Прилагательные *золотой* и *серебряный* часто в романах И.И. Лажечникова используются и как относительные (*как шли к ней на ее черных волосах этот веночек из цветов и эта **золотая диадема**; это был большой **серебряный крест***), и как качественные – в переносном, метафорическом значении – как оттенок желтого и оттенок белого (*по обеим сторонам стояли бояре, будто **снопы золотые**; на открытой голове его небольшой ряд **серебряных волос***). В этих примерах цветообозначения несут преимущественно эстетическую нагрузку.

Важное место в русской языковой картине мира и в романах И.И. Лажечникова, в частности, занимают обозначения *золотого* цвета, символизирующие православную Русь: *здесь Коломенское, а здесь **золотоглавая Москва** с ее храмами и белокаменными палатами, с ее святынею и благолепием; потух **золотой крест** на Печорском монастыре.*

В некоторых словосочетаниях атрибутив *золотой* приобретает семантику ‘лучший, прекрасный, счастливый’: *недаром **слывут наши пословицы золотыми**; и потомство прибавит **золотую страницу** в истории вашей; старое **золотое время** было всегдашним предметом ее разговоров.*

Обозначение *желтого* цвета, в отличие от *золотого*, в романах И.И. Лажечникова является частью пейзажной живописи, встречаясь в описаниях природы: *с какою негой раскидывается солнышко по мураве их, на которой время подобрало оттенки зеленого, **желтого**, ржавого и дикого цветов!* В данном контексте наблюдаем наличие нескольких колоративов – *зеленый, желтый, ржавый* (‘красно-оранжевый, красно-бурый цвет, напоминающий цвет оксида железа, ржавчины’ (Ожегов, 1988: 555)) и *дикий* (стальные или серебристые оттенки серого цвета). Такое сочетание цветов придает особое очарование пейзажу. Немногочисленны контексты с обозначением оттен-

ков желтого цвета: **желто-глинистый бок** горы, до самого низу, обселся в виде прямого, как стена, утеса. Можно предположить, что перед нами и оттенок – *глиняный* (цвет глины), и структура склона горы – из глины. Представлена одна лексема, выражающая вариант желтого цвета – *палевый* ('бледно-желтый с розоватым оттенком' (Ожегов, 1988: 395)): *заря подбирала уж тень к тени из палевых шелков*.

Зеленый является цветом растительности, поэтому приобретает положительную коннотацию, символизируя весеннее пробуждение и возрождение природы, светлые надежды, молодость и т.п.; «зеленое – это маркер позитивной выделенности объекта, характеризуемого соответствующим колоративом» (Хроленко, 2008: 178). В романе «Басурман» зарождение любви главных героев – Анастасии и Антона Эренштейна – связано с наступлением весны, с зарождением новой жизни в природе: *Сады по скату городской горы и роцци замоскворецкие оперялись; казалось, они покрыты были зеленою сетью; Москва-река, свободная от ледяных оков своих, отдергивала полог тумана, чтобы показать и спесивую красоту полногрудых вод своих, и свежую зелень своих берегов*. В данном контексте И.И. Лажечников интенсифицирует *зеленый цвет*, поскольку в одном предложении присутствует и прилагательное *зеленый* – *зеленая сеть*, и существительное *зелень* – *свежая зелень*, что передает победоносное шествие весны. Помимо этого, словосочетание *роцци замоскворецкие оперились* также имплицитно передает цвет, то есть покрылись свежей молодой зеленью. В ряде контекстов *зеленый* характеризует пейзаж и элементы ландшафта: *роцци замоскворецкие покрыты были зеленою сетью; левую сторону долины обсели несколько зеленых холмо; с какою негою раскидывается солнышко по мураве их, на которой время подобрало оттенки зеленого, желтого, ржавого и дикого цветов*.

Для романов И.И. Лажечникова также характерно традиционное метафорическое использование атрибутива *черный* в значении 'мрачный', 'тяжелый', 'безотрадный', 'зловещий': *иногда находила опять, по привычке, черная мысль, что она очарована Антоном; не запятнанное ни одним черным делом*. В микроконтексте *избавь от желез, от черного позора* происходит усиление отрицательной коннотативной окраски, поскольку лексема *черный* (в значении 'тяжелый') сочетается с лексемой *позор*, изначально имеющей отрицательную семантику ('бесчестье, постыдное, унижительное положение' (Ожегов, 1988: 444)). Усиление происходит и при использовании прилагательного *черный* в прямом значении: *черный ворон вместе с ними прокричал городу смерть*. В пейзажных зарисовках *черный* также выполняет функцию нагнетания мрачной атмосферы: *не поверх одного моря синего ложится туман, черна мгла, не одну господню землю кроет темна ноченька, осенняя*.

Колоратив *белый* используется писателем в переносном значении 'ясный', 'чистый', 'светлый': *едва выглядывая на белый свет*.

Прилагательное *бледный* в значении 'слабо окрашенный' также можно отнести к колоративам. И.И. Лажечников часто использует его при характеристике соматизмов: *иногда улыбка бродила по бледным устам его; Ян с бледным лицом вошел к своему господину; поцеловав в бледное чело ее и в глаза*.

Таким образом, индивидуально-авторская картина мира в романах И.И. Лажечникова формируется при помощи колоративов, употребленных как в прямом, так и в переносном значении. В контексте они приобретают дополнительные семантические оттенки и создают цветовые символы.

Литература

1. Астахова, Я. Цветообозначения в русской языковой картине мира : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Астахова Яна Алексеевна. – М., 2014. 234 с.
2. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. С. 231-290.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в IV т. – М.: Русский язык, 1979.
4. Капнина, Г.И., Коротяева, И.Б. Концепт «цвет» в языковой картине мира // Филология и лингвистика. – 2016. – № 1. С. 20-23.
5. Лажечников, И.И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Можайск – Тера, 1994.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. 750 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в IV т. – М.: Прогресс. Т. II.
8. Хроленко, А.Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. 229 с.
9. Чумак-Жунь, И.И. лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав, структура, функционирование: Дис ... канд. филол. наук. – Киев, 1996. – 214 с.

Abstract. The article is devoted to the linguocultural study of the functioning of coloratives in historical novels by I.I. Lazhechnikov. The purpose of the study is related to the identification of the role of the colour names in the author's individual picture of the world of the writer.

Keywords: individual-author's world picture, colour, colorative, historical novel.

Чумак-Жунь И.И.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Chumak@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье речь идет об особенностях анализа художественного текста. Описано существование классического художественного текста в культурном контексте. Приводится пример прагматического использования текста А.А. Блока в рекламном тексте.

Ключевые слова: поэтический текст, культурный контекст, толкование значений, манипуляция.

Анализ художественного текста оказался сегодня в числе самых актуальных проблем филологии.

Вариации названия – филологический, лингвистический, литературоведческий – не меняют сути: с одной стороны, анализ текста требует особого подхода, с другой – текст – это особая единица с особыми свойствами. Ученые пишут о связности, когезии, континуальности, оформленности, цельности, интертекстуальности – и это только малая часть описанных текстовых характеристик. Текст как единица исследования настолько сложен и многослоен, что говорить о наличии единого подхода сегодня не приходится. Осложняет ситуацию и то, что текст – это смыслопорождающее устройство (вспомним классику – «Текст как смыслопорождающее устройство» у М.Ю. Лотмана), а смысл, в отличие от значения, всегда субъективен. Тот очевидно следующий из этого факт, что толкование текста как нахождение его смыслов во многом субъективно, влечет за собой как проблемы анализа, так и преимущества. Проблема – то, что при любой методически-методологической четкости конкретного анализа избежать упреков в субъективности практически невозможно, а преимущество заключается в том, что текст (классический художественный) практически неисчерпаем в интерпретации и понимании и со временем, как показывает практика, это понимание не только не исчерпывается, а углубляется, обростает новыми смыслами.

В какой-то степени обезопасить себя от упреков в субъективности при анализе поэтического текста позволит использование понятия *дискурс*, которое сегодня уже традиционно определяется как текст, погруженный в жизнь, то есть текст в совокупности его различных когнитивных, коммуникативных, социальных, культурных и других характеристик.

Итак, при дискурсивном анализе текста важно учитывать два фактора: 1) текст существует по отношению к создающему и принимающему сознанию; 2) текст существует в пространстве культуры.

Существование классического художественного текста в культурном контексте обусловлено 1) локально (текст, по справедливому замечанию В.Н. Топорова размещается в «реальном» пространстве, как это свойственно большинству сообщений, составляющих основной фонд человеческой культуры (Топоров, 2006: 544)), 2) темпорально (в каждый конкретный момент текст располагается на условной оси условного времени) и 3) социально (текст существует в воспринимающем сознании, обогащая личностную поэтическую картину мира). Так как классический текст за годы (века) существования обростает новыми смыслами – интерпретациями, то интерпретационный потенциал понятия *поэтическая картина мира* в полной мере реализуется относительно воспринимающего сознания.

Иначе говоря, существование текста в пространстве культуры обусловлено дискурсивно. Происходит своеобразный круговорот – старые и новые, индивидуальные и коллективные – текстовые смыслы транслируются в коммуникативную среду. В определенной дискур-

сивной точке (время+пространство+сознание) смыслы фиксируются, что способствует порождению новых текстов. Смыслы актуализируются в результате гармоничного слияния внутри- и внетекстовой ситуации во внутреннем бытии индивидуального и массового сознания (то есть текстуальная означенность некой внетекстовой реальности, по мнению адресата, в действительности совпадает с внетекстовой реальностью). Этот сложный смысло- и текстопорождающий процесс возникает в диалоге передающего и принимающего сознаний.

Наиболее очевидна эта трансляция смыслов из дискурса поэтического, так как лирические тексты, представляющие собой непосредственную материальную данность, обозримые и наблюдаемые в самых мелких своих деталях, чаще и легче, чем другие любые тексты, заучиваются «наизусть», активно пополняя культурный национальный фонд. Кроме того, поэтические тексты, как известно, обладают большой воздействующей силой, так как языковая энергия преобразуется в них в текстовую (поэтическую). Включаясь в этнокультурную реальность, в мир межличностных связей, поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система воздействует на читателя, стимулируя в нем соответствующие эмоции, иногда частично преобразуя существующую в его сознании картину мира. Создавая «возможные миры», художественный дискурс «открывает» читателю возможность общения в ином измерении. Познавая многомерность реального мира, читатель преодолевает его пространственно-временные рамки, погружаясь в один из «возможных миров». Активное мысленное взаимодействие с ним, рефлексия над прочитанным ведут к открытиям и откровениям, расширяющим ментальное пространство за счет проникновения «чужих» концептов и образов. Если реальное общение и образование последовательно формируют личность, то воображаемое общение может многое изменить в сознании мгновенно, как результат озарения – такова сила образа, логика фантазии. Здесь смысл бытия обретается не в результате долгих поисков, а преподносится как дар – готовая мудрость жизни. Как рефлексивная монологическая речь поэтический дискурс является стимулом для активации и развития какого-либо элемента системы базовых ценностей. Такие важные характеристики текста, как его отдельность, выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность способствуют тому, что тексты активно закрепляются в национальном коммуникативном сознании.

Закрепляются они в виде прецедентных текстов («*Ночь, улица, фонарь, аптека...*»), в виде модификаций с элементами народной смеховой стихии («*Ночь, улица, фонарь, аптека, Нужна была Вам ипотека?...*», «*Ночь, улица, фонарь, аптека, Вот и нету человека...*»), в виде интертекстуальных вкраплений «*Он прав – опять фонарь, аптека, Нева, безмолвие, гранит... Как памятник началу века, Там этот человек стоит – Когда он Пушкинскому Дому, Прощаясь, помахал рукой И принял смертную истому Как незаслуженный покой*» (А. Ахматова).

Поэтические тексты используются как культурный маркер, причем текстовые смыслы могут быть трансформированы до неузнаваемости. В интернет-статье со знаковым названием «Ночь. Улица. Но нет аптеки...» смыслы блоковского текста сужаются до конкретной, важной для автора ситуации: *Будущее российской фармацевтической отрасли видится во все более мрачных тонах. Мы утверждаем, что развиваем медицину и заботимся о здоровье нации, но производим лекарств на душу населения в 66 раз меньше, чем США, в 31 раз меньше, чем Германия. Это отставание качественно больше, чем в других отраслях, что говорит о наплевательском отношении к отрасли. В точности по Блоку:*

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.*

Кроме того, поэтические тексты перекодируются в другие образно-семиотические системы. Блоковское стихотворение обладает особой архитектурной завершенностью, нерасторжимое целое произведения создает замкнутый композиционный круг. Каждый из иллюстраторов названного блоковского текста – будь то известный художник (Ю. Чистяков или М. Добужинский, например) или автор современных карикатурных изображения или фотографий, – переводя восприятие текста в визуальную систему, осуществляет художественную рефлексию своего внутреннего мира, отражает этот мир, используя доступные ему выразительные средства. То же можно сказать и о переводе в музыкальную знаковую систему.

Именно совокупность этих коммуникативных свойств поэтического текста – выразительность, яркость («эстетичность»), воспроизводимость, транслируемость, полисемантность – сделала возможным (в прагматическом отношении необходимым) использование его в иных – нехудожественных – дискурсах. Речь идет о дискурсах политическом и рекламном. Особенно интересно было бы рассмотреть дискурс рекламный, который активно использует поэтический текст в собственных целях, причем нередко трансформируя его с помощью иных образно-семиотических систем. На первый план нередко выходит перцептивная метафора.

Перцептивная метафора занимает особое место в метафорических исследованиях, поскольку основана на непосредственной реакции человека на явления внешнего мира. Психолингвистическими экспериментами подтверждено, что, по сравнению с репрезентацией знаний в отдельных перцепциях, кодирование информации в синестезии закладывается в долговременную память. Подача объекта в форме синестетической метафоры отличается новизной, оригинальностью, производимостью, она переводит объект за пределы стандартного восприятия. В синестетическом сочетании возникает образность, па-

радоксально связанная, а) – с ее разноmodalностью, б) – с доминированием одной перцепции. Активное распространение синестетической метафоры в рекламном дискурсе обусловлено и лингвистическими (специфическим характером образности), и психологическими (синестезия – общезначимое свойство нашей психики) факторами.

В рекламе синестетические метафоры, как и любые другие, выполняют манипулятивную роль, но их воздействие интенсивнее, т.к. их понимание осуществляется в форме удвоения чувственности. Объясним это на примерах взаимопересечения синестетических метафор в рекламном и художественном дискурсах. Мы говорим о взаимопересечении, имея в виду использование в рекламном дискурсе яркой, узнаваемой авторской метафоры (в нашем случае перцептивной), служащей для создания художественного образа. В качестве модели подобного предельно прозрачного использования можно представить известную рекламу МТС начала 2000-х годов, которая включает единственный художественный образ – стихотворение А.А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». Рассмотрим механизм превращения чисто художественного образа в рекламный продукт.

Интериоризация образа происходит по двум каналам, т.к. текст одновременно существует в различных дискурсивных формациях, коммуникативно-прагматические составляющие которых не совпадают. Если следовать за мыслью В.И. Карасика, который утверждает, что компонентная структура любого дискурса включает: 1) участников, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематику), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формы (Карасик, 2000: 6), то оказывается, что художественный (здесь – поэтический) и рекламный дискурс соотносятся соответственно как: 1) предельно личный – предельно безличный (обезличенный); 2) вневременной – одномоментный; 3) эстетически ориентированный – прагматически ориентированный; 4) пропагандирующий вечные духовные ценности – пропагандирующий (явно или скрыто) ценности общества потребления; 5) использующий стратегии, «расширяющие ментальное пространство» читателя-собеседника – использующий стратегии манипуляции над сознанием потребителя.

Важно отметить, что в рекламном дискурсе 1) преобладают ситуативно-доминирующие жанры – информативный, императивный, оценочный, аргументирующий и 2) обязательно воздействие на сознание через эмоциональную сферу.

Итак, в вышеназванном рекламном ролике реализуется эмоционально-образное воздействие на адресата. Исходный образ и его глубочайшие идейно-эстетические смыслы (*безысходность существования, вечность, повторяемость, красота*), изначально облеченные в гармоничную музыкально-поэтическую форму с доминированием зрительной составляющей – зыбкий переливающийся ночной свет

(ночь, фонарь, свет, рябь канала), облекается в новую форму – семиотическую и сюжетную. Перекодирование текста заключается, во-первых, в его семиотической креолизации. Текст Блока иллюстрируется семиотически разнородными средствами вербального и невербального характера – приятный мужественный голос чтеца сопровождается выразительным видеорядом, который включает знаки текста Блока из внешнего мира, и классической музыкой. Решающим в эмоциональном восприятии блоковского текста является цветовой образ, он следует классическому восприятию блоковского «страшного мира», представленного в стихотворении. Поликодовость, синестетичность позволяет резко усиливать воздействие рекламного текста на адресата. Вторым элементом механизма перекодирования является «включение» художественного текста в современный сюжет (молодой человек диктует по телефону товарищу блоковский текст – подсказка на экзамене). Создатели рекламы манипулируют сознанием получателя: доминантой станет современная реальность, восприятие классического текста включается в сюжет «обман на экзамене», что меняет ценностное восприятие; за текстом следует грамотный рекламный слоган: «Мы делаем все, чтобы ни одно слово не потерялось. МТС. Люди говорят». Особенно важным для нас является смена перцептивного восприятия: единственным ярким пятном оказывается реклама МТС.

Так эстетизация рекламы создает у потребителя непроизвольный эффект доверия. Когнитивной основой его является механизм переработки информации, создание синестетического образа с восприятием на бессознательном уровне, за счет чего не создается впечатления навязчивости, поддерживается узнаваемость бренда и эмоциональное удовлетворение от потребления рекламируемого продукта.

Таким образом, классический поэтический текст в современном культурном контексте традиционно выполняет важные смыслопорождающую и текстопорождающую функции, но его существование не ограничивается эстетически-игровой ролью. Современная постмодернистская эпоха предполагает перекодирование и креолизацию смыслов, что, вероятнее всего, приводит к сдвигу ценностных ориентиров.

Литература

1. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–6.
2. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. М: Языки славянских культур, 2006. 544 с.

Abstract. The article deals with the existence of a classical poetic text in the modern social and cultural context, the mechanisms of its transformation, the conscious processes of manipulating the public consciousness with the help of a poetic metaphor, the mutual orientation, mutual complement and influence of "synaesthetic" metaphors in advertising and artistic discourses.

Key words: poetic text, cultural context, translation of meanings, manipulative.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гиголаева А.Т.

**ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ПЕТРА ПЕРВОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР I»)**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
an.gigolaeva@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются языковые единицы, формирующие образ Петра Первого в анализируемом произведении. Выявлены речевые средства и их роль в создании эмоционального, поэтического восприятия созданного мира художественной действительности.

Ключевые слова: образный строй, художественный текст, лингвистический анализ.

Работа выполнена на основе идеи языкового образа человека. Понятие образа и образности используется в качестве ключевого в исследованиях, выполненных в рамках самых разных наук – философии, психологии, литературоведения, лингвистики, а также целого комплекса научно-прикладных работ, связанных с созданием искусственного интеллекта. Являясь одним из этапов познания, образ играет основную роль в ментальной обработке информации об окружающей действительности.

В лингвистике и литературоведении обсуждается образ и образность, а не восприятие образа получателем информации. При этом возникает понятие «художественного» образа, которое определяется как «способ и форма освоения действительности в искусстве, характеризующиеся неразложимым единством чувств и смысловых моментов» (СЭС, с. 907). Отметим, что именно в лингвистике и литературоведении появляется идея целостности образа, и его неразложимости на составные части.

Процессы формирования подобных (художественных) образов с психологической точки зрения являются точной параллелью процессов формирования образов и представлений тех объектов материального мира, которые воспринимаются органами чувств человека. Единственная разница заключается в том, что в случае формирования художественного образа вся необходимая информация не регистрируется в процессе чувственного восприятия и не поступает непосредственно из окружающей действительности, а предоставляется автором художественного произведения в языковой (словесной) форме.

В художественном тексте персонажи соотнесены друг с другом, образуя своего рода систему, которая является центром произведения, важнейшим аспектом композиции. Личность автора проявляется в художественном тексте многопланово и на разных уровнях: в языке, сюжете, изображённых характерах, темах, идеях. Проецируя новую

реальность, автор концентрирует глубинные смыслы в законченный образ, который выражает определённую авторскую позицию в тексте. Сознание автора получает способность совмещаться с сознанием каждого из героев. Автора нельзя отделять от образа персонажа, так как он входит в состав этого образа как неотъемлемая часть. В то же время персонаж – это художественный образ человека, совершающего поступки в определённой ситуации. В составе образа персонажа можно выделить духовное составляющее – эмоциональный мир, формы сознания и поведения, идейную позицию, круг жизненных интересов.

Образ Петра складывается в романе постепенно на фоне важнейших исторических событий конца XVII века. Толстой изображает сонную, нищую, неповоротливую допетровскую Русь, над которой висят *«столетние сумерки – нищета, холопство, бездолие»* (с. 47).

Лексемы **нищета**, которая в словаре В.И. Даля трактуется как ‘крайняя бедность, убожество, скудность, нужда’, **холопство** – ‘рабство’, **бездолие** – ‘несчастье’ ярко рисуют социально-политическое, экономическое и духовное состояние страны в допетровский период. Россия в описываемый период погрязла не только в материальной нужде, но и духовной, что объясняет стремление Петра избавиться от былого застоя и внести изменения в жизнь страны.

Писатель показывает, как рождаются и переплетаются личные и социально-исторические мотивы поступков будущего царя. В душе Петра появляется и укрепляется неприятие старого уклада русской жизни, старых порядков. Сначала властолюбивая сестра Софья олицетворяет для него старозаветную Россию, и Петр вынужден бороться с сестрой буквально не на жизнь, а на смерть. Постепенно страх за свою жизнь в душе Петра перерастает в осознанную ненависть не к отдельным людям, но вообще к старым порядкам. В этой эволюции важны несколько эпизодов, например, сцена в Архангельске, когда Петр посещает иноземный торговый корабль: *«Уж до того жалки показались домодельные карбасы, когда проплывали мимо высоких бортов кораблей... Стыдно! Все это почувствовали: и помрачневшие бояре, и любезные иноземцы на берегу, и капитаны, и выстроившиеся на шканцах матерые, обветренные океаном моряки...»* (с.207)

Обратим внимание на лексему **жалки** – ‘несчастный, возбуждающий сострадание, жалость, достойный жалости’. Были жалкими не только карбасы – ‘сибирские грузовые суда’, но состояние, в котором находилась страна, то состояние, за которое испытывал стыд Петр I.

По возвращении из Архангельска Петр решает, что должен ближе познакомиться с Европой, и поэтому отправляется туда под именем Петра Алексеева в свите Великого посольства. Жестокой и непримиримой была борьба Петра с боярами; он сломал уклад старой боярской думы, теперь в ней сидели адмиралы, инженеры, генералы, иностранцы – все они были единомышленниками молодого царя.

Подробно описывает А. Н. Толстой глубокие изменения в сознании Петра после поездки за границу. Много там было необычайного и

дивного для русского глаза. Вспоминалась Петру сонная, нищая и неповоротливая Россия, не знает он пока, «какими силами растолкать людей, продрать им глаза... Черт привел родиться царем в такой стране!». Все эти мысли вызывают в нем бешеную злобу на своих и зависть к иностранцам. Первый порыв – перевешать, перепороть. «Но кого, кого? Враг невидим, неохватим, враг – повсюду, враг – в нем самом...»

Образу Петра I в романе противопоставляется образ шведского короля Карла XII, увлеченного идеей покорения соседних государств. Карл XII изображен Толстым как фанатик войны. Увлеченный битвами, он зачастую пренебрегает разумом и осторожностью, забывая об интересах своей страны. Все действия Петра, напротив, направлены на защиту интересов России.

«– Король Карл отважен, но не умен, весьма лишь высокомерен, – заговорил он, с медлительностью, – по-московски, – произнося слова. – В семисотом году фортуна свою упустил. А мог быть с фортуной, мы бы здесь ренское не пили. Конфузия под Нарвой пошла нам на великую пользу. От битья железо крепнет, человек мужает... Но разумно ли, утвердась в Питербурхе, вечно отбиваться от шведов на Сестре-реке да на Котлине острове? Ждать, когда Карл, наскуча воевать с одними своими мечтами да сновидениями, повернет из Европы на нас свои войска? Тогда нас здесь, пожалуй, и бог Нептун не спасет. Здесь сердце наше, а встречать Карла надо на дальних окраинах, в тяжелых крепостях... Надобно идти за реку Нарову, брать Нарву на сей раз без конфузии. Готовиться к походу тотчас, камрады. Промедление смерти подобно». (с. 592)

Но одни архаизмы не смогли бы в полной мере дать почувствовать читателю языковой колорит Петровской Эпохи. Толстой вводит в текст ряд варваризмов: «виктория», «конфузия», «политес», «делать талант», «плезир», «куафер», «презантай», «мажордом».

Толстой изображает Петровскую эпоху в движении, в борьбе нового со старым, эпоху, полную глубоких противоречий. Художник дает почувствовать читателю и историческое развитие языка Петровского времени: отмирают старые слова, связанные с допетровской Русью, появляются новые, вызванные насущными требованиями жизни. С трудом переваривается «хаос иностранных слов», одни из них отмирают, другие прочно «врастают» в русский язык.

Так, описывая в первой книге крымские походы Голицына, Толстой указывает на его чин «большого воеводы», говорит о войске, состоящем из дворян-ополченцев, ратников, стрельцов, собранных в дружины. Их вооружение – мушкеты и алебарды. Не употребляет писатель слов «фланг», «авангард», они появятся позднее в связи с реформами Петра. А пока мы находим в тексте выражения, говорящие о старой тактике, — «передовой полк», «войско с конницей на правом и левом крыле». Во второй книге, рассказывая о войне со шведами,

Петр употребляет иные слова: «регулярная армия», «солдаты, соединенные в «батальоны» и «дивизии». В его языке появляются новые слова, обозначающие командный состав, – «фельдмаршалы» (вместо «больших воевод»), генералы, капитаны, появляются и такие слова, как «конфузил», «виктория», «диспозиция». О коренной перестройке армии свидетельствуют и такие новые слова, как артиллерия, батарея, гарнизон, командовать, пароль, рапортовать и другие.

А. Н. Толстой тонко улавливает изменения в языке Петровской эпохи и дает их почувствовать читателю.

В лексике Петра звучит народная, живая русская речь. Короткие фразы, не свойственные книжному языку, частая инверсия, характерная для обычной народной речи, лексика романа, далекая от тяжеловесного книжного языка XVII века, изобиловавшего церковнославянскими, свидетельствуют о том, что в основе романа лежит народная разговорная речь. Очень часто Петром Первым употребляются просторечия и в авторской речи, и в речи его окружения. Использование их в романе дает возможность автору передать аромат изображаемой эпохи, дать почувствовать живую народную речь.

Мы можем сами подобрать ряд примеров разговорной речи Петра просторечия, затем указать, чем вызвано их употребление. Вот несколько примеров. *«Люди, разинув рты, глядели на его парчовую шубу»*; *«Алексашку растирало веселиться»*; *«полки... так тесно поперли на мост, что понтоны осели»*; *«Петр... до того испугался – едва не дернул на улицу»*. *«Князь-папа тюкнул яйцом по темени Романа Борисовича»*. Подобных примеров мы найдем в тексте много.

Иногда язык Петра по манере повествования приближается к народному сказу. Этому способствует такое построение фраз, которое характерно для произведений устного народного творчества. Например: *«Снимает боярин шапку о сорока соболей, снимают шапку дворяне, низко кланяются с той стороны»*; *«...государь-батюшка, пропала твоя головушка... собирается сила несметная, точат ножи булатные»*; В последнем предложении писатель вместе с Петром прибегает и к инверсии.

Участие А. Н. Толстого в борьбе за чистоту языка литературы свидетельствует о правильности и тонкости понимания им природы языка, о твердости его реалистических убеждений. История литературы показала, что формализм и натурализм в вопросах языка, проповедь затрудненности или небрежности в области художественной формы по существу антинародны и несовместимы с принципами реализма. Они закономерно приводят к искажению действительности.

В романе А. Н. Толстого по-новому проявилось величие русского языка, богатство его словарного фонда, красота и сила. Язык Петра поистине народен, живую русскую разговорную речь читатель ощущает постоянно и поражается богатству ее оттенков.

Язык исторического романа А. Н. Толстого был высоко оценен современниками писателя. «Петр Первый», написан чисто национальным чисто народным языком.

Литература

1. Вовк Е. Б. Образная номинация (внутриязыковой и межъязыковой аспекты) : автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 24 с.
2. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.
3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – М. : Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. – 596 с
4. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – 1600 с.
5. Спасская Е. Л. Семантика и структура образа в поэтических текстах французских сюрреалистов : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 171 с.
6. Толстой А.Н. Петр Первый. – СПб: Азбука, 2016. – 704 с.
7. Lakoff, G. & Johnson, M. Metaphors We Live by. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980 – 242 p.
8. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things. What categories reveal about the mind. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1990. – 614 p.
9. Longman Dictionary of English Idioms. – London : Longman, 1980. – 387 p

Abstract. The article is devoted to the description of linguistic units forming the image of Peter I in the novel under analysis. There were distinguished speech means and their role in creation of emotional and poetic perception of the created world of art reality.

Key words: figurative system, literary text, linguistic analysis.

Иванова И.Д.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ivanova-i1a1@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается понятие языковой личности с точки зрения лингвокультурологии.

Ключевые слова: личность, языковая личность, культура.

Связь языка и личности вызывала интерес уже в античное время. Еще Пифагор "для познания нравов какого ни есть народа" советовал, прежде всего, изучить его язык. Также связь языка велика с культурой и поведением народа.

Человек является личностью лишь тогда, когда у него есть стремление к развитию. Личность – прижизненное системное образование, отражающее социальную сущность реального человека как сознательного субъекта познания и активного преобразователя мира (Белановская, 2001:10).

Из этого понятия следует, что помимо наделенных качеств, образования, человек должен быть социально адаптированным и должен активно познавать и преобразовывать мир. То есть человек дол-

жен быть коммуникабельным, а также внести какой-то вклад в развитие нашего общества, государства, мира.

Можно сказать, во-первых, любой человек живет в социуме, т.е. он умеет общаться с людьми, во-вторых, каждый получает образование, в-третьих, все люди талантливы в разной степени.

Получается, что человек является уникальным существом на планете. Но вместе с тем, планетарные масштабы жизнедеятельности человеку помогают ему становиться личностью. Личностью человек не рождается, а становится ей в результате освоения правил поведения в нормативных ситуациях.

Языковая личность – это любой (усреднённый или индивидуальный) носитель того или иного языка, речевые способности которого формируются в процессе производимых им текстов.

Теоретиком языковой личности считается Г. И. Богин, создавший модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (Богин, 2001:171-203). Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю. Н. Караулов. В его интерпретации, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать различные тексты. Ему же принадлежит и разработанная уровневая модель языковой личности, разработанная в ходе анализа авторского художественного текста (Караулов, 1987: 161).

По его мнению, языковая личность состоит из 3-х структурных уровней.

Первый уровень – вербально-семантический. Данный структурный уровень отражает способность владения и использование языка в обыденной жизни.

Второй уровень – когнитивный. На данном уровне происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности и ее культуры.

Третий уровень – прагматический. Этот уровень включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Рассмотрим языковую личность на примере Воланда, как одного из главных героев романа Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Воланд – это повелитель сил Тьмы в романе. Это мистический герой, который предстает в романе как реальное лицо. Воланд является перед нами как очень учтивый, вежливый, высокоинтеллектуальный иностранец. При этом он разговаривает загадками, за что его и принижают чудачком (беседа у Патриарших прудов с Бездомным и Берлиозом). Проанализируем его по уровням языковой личности:

1. **Вербально-семантический.** Несмотря на высокоинтеллектуальные фразы, речь Воланда раскрывается по-новому в рассказе о Понтии Пилате: «Трепаться, братишка, тоже нечего было». Именно в данных рассказах, где он выступает рассказчиком, можно увидеть обыденность и простоту речи.

2. **Когнитивный.** Речь Воланда, четкая и ясная, говорит он правильно и мудро, создавая впечатление грамотного человека, при этом использует в речи как обыденные фразы, так и фразы высокого уровня. Воланду присуще излишняя выразительность и вежливость. Он часто использует в речи: извините, извольте спросить, пожалуйста.

3. **Прагматический.** Воланд очень умный человек. Он выявляет своей речью пороки человека. При этом, совсем не используя повышенную интонацию. Воланд профессионально владеет языком, являясь полиглотом. Он сумеет заставить человека делать то, что ему нужно. В романе Воланд подразумевается как темная сторона. Однако его роль можно оценить в качестве персонажа, посланного для осознания человеческих ошибок и пороков. Он обладает речью высокого уровня интеллекта.

Итак, языковая личность — социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов. Однако при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего лингвокультурного багажа, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей — из индивидуальных языковых особенностей. Личность структурирует мир вокруг себя по-разному, по крайней мере, в языке, который она использует для описания этого мира (Алефиренко, 2010:59)

Итак, языковая личность — это та личность, которая является носителем и пользователем языка, помогающая в формировании языковых норм и правил, а также грамотно использующая речевые ресурсы в своей деятельности (внешней и внутренней). Языковая личность формируется и развивается в коллективе и индивидуально. Она использует свой личный жизненный опыт для понимания и развития своего «Я» и мира. А также она действует в кругу людей (в коллективе, сообществе), используя уже пройденный опыт для познания себя и мира.

Таким образом, языковая личность представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное. Языковая личность влияет на культуру в целом. Именно по ней формируют свое мнение о культуре данного народа.

Культура страны — это, прежде всего народ, населяющий ее, который должен обладать определенными качествами. Естественно, что

о культуре страны судят по говорящим людям, т.е. языковой личности, которая должна обладать богатым словарным запасом, а также уметь грамотно применять его. Только в этом случае можно с уверенностью говорить о том, что культура населения данной страны будет неумолимо расти и развиваться.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М: Флинта, Наука, 2010. 59 с.
2. Белановская, О.В. Психология личности / Под ред. Ю. Н. Карандашев, Т.В. Сенько. – МН.: БГПУ им М. Танка, 2001. 10 с.
3. Богин, Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. – Тверь, 2001. 171-203 с.
4. Булгаков, М.А. Мастер и маргарита : роман / Михаил Булгаков. – СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 480 с.
5. Ерасов, Б.С. Социальная культурология. – М.: Аспект Пресс, 2000. 191 с.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. 161 с.

Abstract. A concept of linguistic identity as an object of culture sled.

Keywords: personality, linguistic personality, culture.

Кинаш А.А.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА Б. АХМАДУЛИНОЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, группа 02031710.
litlpir.2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена специфика поэтики Беллы Ахмадулиной во взаимодействии с пространственно-временными факторами, благодаря которым раскрываются особенности структуры авторской модели мира.

Ключевые слова: поэтика, Белла Ахмадулина, поэтический текст.

Известность и значимость фигуры Беллы Ахмадулиной в литературном мире 60-ых годов неоспоримы. Русский поэт и переводчик, Белла Ахмадулина завершила обучение в Литературном институте. Являлась почетным членом и представителем Американской Академии искусств, автором многочисленных книг и сборников стихов. Ею был создан и ряд литературных очерков, посвященных личностям и судьбам А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова. Белла Ахмадулина – признанный мастер глубокого, наполненного метафорами поэтического текста.

Обыденная речь в ее литературном воплощении превращалась в возвышенную архаику, а причудливые и нестандартные образы в ее стихах легко перетекали в красочные аллегории.

Лирический герой автора также был нестандартен, – его отличительной особенностью была сосредоточенность на своих внутренних переживаниях, иногда чрезмерная тяга к самоанализу.

Очевидно прослеживаемая тенденция к переосмыслению судьбы личности и общества, стремление продолжить и насытить новыми красками традиции отечественной культуры, отчетливо проявилась в творчестве Б. Ахмадулиной. Автор стремился в какой-то степени поднять уровень поэтической культуры того времени, воплотить в своих текстах синтез традиций классической допушкинской поэтики и литературы модернизма.

В итоге, мы видим, что некоторые стихотворения Б.Ахмадулиной напоминают собой развернутую метафору, осмысление которой трудоемко из-за огромного количества внешних и внутренних пластов смысла.

Б.Ахмадулина в своей поэтике почти полностью отказалась от сюжетности, в классическом её понимании. Тема и идея в ее стихах не столько задаются, сколько отыскиваются в ходе разложения поэтической эмоции.

Еще одной ключевой особенностью поэтики автора можно назвать своеобразное интертекстуальное цитирование, присвоение всего, что дорого, перед чем она преклоняется.

В поэтике Б.Ахмадулиной присвоенное – это, прежде всего пропущенное через себя, вызвавшее глубокое потрясение. Открывая для себя какого-либо автора, Б.Ахмадулина так глубоко погружалась в его художественный мир, что неизбежно преобразовывала под влиянием этого мира свое собственное творчество. В текстах поэта без труда можно выделить лермонтовскую, пушкинскую, цветаевскую традиции.

В своих текстах Б.Ахмадулина жестокости и тирании реального мира противопоставляет силу человечности, силу сказанного слова.

В своем видении современного мира автор выступает неким защитником слабых и беззащитных, хранителем нравственных принципов своего народа. С осязаемой долей печали Б.Ахмадулина пишет об изломанной жизни многих поколений, об угнетенном и измученном состоянии своей родины. В мрачных тонах выдержана картина, которую рисует автор в своем стихотворении «Так дружно весна началась...».

Если говорить о первых отчетливых проявлениях своеобразия художественного мира Б.Ахмадулиной, то нельзя не вспомнить первую книгу стихов автора «Струна». Книга вышла в свет в 1962 году, и именно в ней был четко обозначен принцип выбора предметов изображения.

Так, с некоторой самоуверенностью звучат строки стихотворения под названием «Молоко»:

Вот течет молоко. Вы питаетесь им.

Запиваете твердые пряники.

Захочу – и его вам открою иным,

драгоценным и редким, как праздники.

Необъятна земля, но в ней нет ничего.

Если вы ничего не заметите.

[Ахмадулина, 1962, с. 7-8]

Кроме того, сборник струна отличается от других, более поздних сборников автора еще и тем, что здесь еще можно увидеть первоначальное стремление Б. Ахмадулиной к внешней, явной сюжетности. Отчасти это можно объяснить тем, что данный сборник наиболее близок к осмыслению реальности через эстетику «эстрадного» направления.

Сборник открывает текст под названием «Светофоры». Он интересен тем, что в нем противопоставляются две категории бытия – динамика и статика. Мы можем видеть, как авторская тяга к движению и свободе ограничена преградой, которую олицетворяют собой светофоры. Здесь, в этом противостоянии движения и покоя, предпочтение лирический герой отдает первому: «Отдаю себя на съеденье этой скорости впереди» [Ахмадулина, 1962: 52].

Обратимся к периоду с 1963 по 1965 годы. Социальная и историческая тематика были воплощены в цикле «Из целинной тетради», в стихотворениях «Новая домна на КМК», поэме «Моря родословная» и ряде других, немногочисленных поэтических текстов.

В этот раз ключевой особенностью композиции становится противопоставление. Так, в тексте «Из целинной тетради» перед нами разворачивается противопоставление внутреннего мира лирического героя и огромного внешнего мира целины.

Б. Ахмадулина недаром неоднократно говорила о своем стремлении опозитизировать реальность. В ее литературном мире любой, даже, казалось бы незначительный предмет, становился стержнем поэтического текста. Как правило, произведения автора были посвящены какому-то реальному факту, событию. Зачастую эти события были обыденны, ординарны.

Однако, Б. Ахмадулиной удавалось изобразить реальность с новой стороны, показать ее особенности. В этом ей помогло использование смелых ассоциаций, эпитетов и сравнений. В стихотворениях Б. Ахмадулиной даже автомат с лимонадом превращается в крестьянку, утоляющую жажду странника. Любое заурядное событие автор приравняет в своих текстах к чуду, таинству.

Интересен также тот факт, что именно в начальные периоды творчества Б.Ахмадулиной, появилось большее количество стихотворений, посвященных любовной тематике. Ведь существует же мнение, что у Б.А. Ахмадулиной «нет любовной лирики в общепринятом значении слова», что «...чаще всего она передает чувство любви не к конкретному человеку, а людям вообще, к окружающему миру, друзьям, деревьям, собакам, зиме и так далее» [Мустафин, 1985: 250].

Действительно, заметно, что автор достаточно сдержанно говорит о любви, как эмоции. Любовь интерпретируется автором не как страсть, а как духовный симбиоз, единокровие в прямом смысле этого

слова. Любовная лирика Б. Ахмадулиной пронизано мотивом страдания, тихой грусти. Любовь героев выражается через образы внешнего «вещного» мира, пейзажные наброски.

Обратимся к стихотворению «Мы расстаемся и одновременно...», в котором была изображена картина мира лирической героини после расставания с любимым. Проявляется два плана повествования: реальный и метафизический, основывающийся на эмоциях и чувствах.

Создавая пейзажные наброски, автор умело работает с образами. Это и неразрывные явления (речной берег, небо и облака) и явления целостные (белый цвет). Все эти образы призваны показать окружающий мир, как сосредоточие гармонии, единства, любви. Метаморфозы, происходящие в природе, отражают процесс расставания:

...берегами брезгает река,
охладевают к небу облака,
кивает правой левая рука
и ей надменно говорит: – Пока!
Апрель уже не предвещает мая...
...и распадается иван-да-марья...
долготы отстранились от широт...
[Ахмадулина, 1962: 65]

Разрушение гармоничности находит свое отражение и в изменении природной палитры: «И белого не существует цвета –остались семь его цветных сирот» [там же: 65].

Заключительная часть текста во многом перекликается с первой, она возвращает читателя к действительности. Начальное «мы» заменяет собой «я» и «ты». Такая перестановка местоимений становится очередным свидетельством расставания и разлада между героями. Оппозиция местоимений в какой-то степени содержит в себе смысл произведения. Каждый из героев остается сам по себе, в своем одиночестве.

Отметим и то, что нередко автор обращается и к проблеме дружеского чувства. Эта особенность поэтики, есть не что иное, как дань почтения пушкинской традиции. Здесь в качестве примера можно выделить стихотворение «Когда моих товарищей корят...», ставшее своеобразным манифестом:

Да будем мы к своим друзьям пристрастны!
Да будем думать, что они прекрасны!
Терять их страшно, Бог не приведи!
[Ахмадулина, 2000: 127]

Автор интерпретирует дружбу, как одно из самых сильных и таинственных человеческих чувств. Для этого Б. Ахмадулина использует

в своем тексте слово «люблю»: «Люблю смотреть, как, прыгнув из дверей, выходит мальчик с резвостью жонглера. По правилам московского жаргона люблю ему сказать: «Привет, Андрей!»» [там же: 127].

Так, в стихотворении «Гостить у художника» лирический герой закрепляет за собой статус «товарища» не только с помощью прямых деклараций, но и через художественные детали, такие, например, как «напяленные» героиней калоши:

И вот, аспирином задобрив недуг,
напялив калоши, – скорее, скорее
туда, где, румяные щеки надув,
художник умеет играть на свирели.

[Ахмадулина, 1962, с. 154]

Б.А. Ахмадулина разработала поэтику дружбы: ее клятв и заповедей, вещих снов, встреч и разлук. Чтобы структурировать модель мира Б.А. Ахмадулиной, следует исходить из того, что центральным объектом авторских рефлексий является творческая деятельность человека. В результате соотношение «человек и мир» оказывается тождественным соотношению «художник и мир», так как лирический субъект в поэзии Б.А. Ахмадулиной, как правило, прежде всего, творческая личность. Таким образом, пространственно-временные представления, раскрывающие особенности структуры авторской модели мира, основываются на... тройственном союзе труда, природы и культуры».

Список литературы

1. Алешка Т.В. Пушкинские традиции в поэзии Б. Ахмадулиной // Вестн. Белорус, ун-та. – Сер. 4. – 1992. – № 2. – С. 15-18.
2. Ахмадулина Б. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 448 с.
3. Ахмадулина Б. Сны о Грузии. – Тбилиси: Изд-во «Мераки», 1977.– 213 с.
4. Ахмадулина Б.А. Стихотворения. Эссе. – М.: 2000. – 470 с.
5. . Ахмадулина Б.А. Соч.: В 3 т. – М.: Пан; Корона-принт, 1997. – Т. 1: Стихотворения: 1954-1979. Переводы из грузинской поэзии. Рассказы. – 630 с.
6. Ахмадулина Б.А. Соч.: В 3 т. – М.: Пан; Корона-принт, 1997. – Т. 2: Стихотворения 1980-1996. Переводы. Воспоминания. – 638 с.
7. Ахмадулина Б.А. Соч.: В 3 т. – М.: Пан; Корона-принт, 1997. – Т. 3: Поэмы. Поэтические посвящения и дарственные надписи. Стихи детям. Переводы. Из европейской поэзии. Поэт о поэте. Статьи и выступления. Рецензии. «Посвящение». – 614 с.
8. Ахмадулина Б.А. Божьей милостью: К юбилею М. Цветаевой // Лит.газ. - 1992. – 1 янв. – Сб.

Abstract. In his article the author turns to the consideration of the key features of Bella Akhmadulina's poetics. The main periods of the poet's work are considered on the example of selected poems.

Keywords: Bella Akhmadulina, poems, Russian literature.

Харченко В.К.

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА):
АКТУАЛЬНОЕ ДЛЯ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова): сочетание цитирования документов и пересказа, повествования, рассуждения и описания, использование различных когнитивных шифтеров, высокий коэффициент лексического разнообразия текста.

Ключевые слова: митрополит Макарий (Булгаков), «История русской церкви», когнитивные шифтеры, удвоение эпитетов, риторические фигуры.

Лингвистическое изучение трудов митрополита Макария (Булгакова) (Харченко 2017; Харченко 2018) высветило ряд злободневных позиций, непосредственно касающихся современного состояния гуманитарного знания. Обнаружить эти позиции помогло внимательное изучение «Истории русской церкви» как основного труда митрополита в восьми томах (Митрополит Макарий 1998). Заметим, что этот труд создавался отнюдь не кабинетным учёным. Свои архиерейские обязанности митрополит выполнял в Тамбовской, затем в Харьковской, потом в Виленской, после чего в Московской и Коломенской областях, расценивая это как долг монастырского послушания. Подводило здоровье. Были и иные, не менее острые неприятности. Чего стоило обвинение, например, в изготовлении фальшивых денег! Однако история русской церкви была написана и издана. Этот огромный труд, помимо множества исторических сведений, характеризуется филигранной отточенностью стиля и уникальной пластикой изложения. Обращает на себя внимание разумное сочетание цитирования документов и их пересказа. Сочетание повествовательных фрагментов, рассужденческих и описательных. Отказ от гипо- и гиперкритики при изложении данных истории, но вместе с тем повествование никак нельзя признать индифферентным. Предельное богатство языка: процент новых слов, единожды употребленных в том или ином отрывке, остаётся высоким по мере развития темы. Предельное разнообразие грамматических форм. Преобладание женского типа ударности в повествовательных фрагментах, однако при большем сопоставлении обнаруживается равенство женских, мужских и дактилических типов ударности, что способствует лёгкости чтения текста в целом. Вставка в текст когнитивных скреп, также разнообразных шифтеров, облегчала понимание отрывка. *Что касается до причетников, т.е. дьячков и пономарей... Надобно, однако ж, помнить, что тогда в России... А потому очень естественно, что... Достоинно замечания, что... Надобно присовокупить, что... Обратимся теперь к... О церквах соборных мы упоминали ещё... Спустя год после смерти царевича Ди-*

митрия... Повтор (из пастырской практики!) главных характеристик, удвоение мысли за счёт близких по смыслу слов. *Как кончил митрополит Варлаам своё поприще, летописи наши говорят кратко и глухо* [ИРЦ. Кн.IV. ч. 1: 93]. *...Людям премудрым и благочестивым, а не стропотным и развращённым* [ИРЦ. Кн.IV. ч. 1: 108]. *Вообще, к архимандриту Сергию и его товарищам в Соловецком монастыре относились недоверчиво и неприязненно* [ИРЦ. Кн.VII: 334]. Мы здесь сталкиваемся с важным лингвоэтическим моментом исторического изложения. Дубль-характеристики реализуют процесс воспитания фактами истории, почему митрополит не экономил на оценочных эпитетах. Приведём ещё один пример будто бы избыточного дублирования мысли и согласимся, что, вынесенная в рематическую часть, да ещё и дважды выраженная мысль хорошо запечатлевается в сознании. *Но как возражения первого, так и опровержения последних были самые обыкновенные и общеизвестные* [ИРЦ. Кн.VI: 335]. Из социальных институтов церковь ближе всего к нравственности, и не случайно, что в общий ритм повествования включаются: (а) сугубо этические зарисовки или эпизоды, (б) много места отводится характеристикам исторических персонажей, то есть персоналиям, (в) автору приходится высказывать подчас весьма тонкую, продуманную оценку поступкам исторических лиц: *Осудим ли тогдашних святителей наших за то, что они покорились самозванцу? Это было бы несправедливо* [ИРЦ. Кн.VI: 77]. Особое внимание уделено начальным предложениям, завораживающим читателя и побуждающим читать далее. *Кроме того, грамота имеет важный литературный: она почти единственный памятник духовной литературы в Западно-русской Церкви от 2-й половины XV в., хотя, правда, памятник не высокого достоинства, потому что при всей обширности своей скудна содержанием и отличается необычайным многословием и растянутостью, крайней напыщенностью и повторениями одного и того же* [ИРЦ. Кн.V: 39]. Это пишет человек, сумевший гениально создать огромный текст истории русской церкви без многословия, растянутости, напыщенности и повторения. И, тем не менее, можно выделить излюбленную авторскую скрепу, характерную для стиля митрополита Макария: *достойно замечания*. Не исключено, что частотность этой скрепы объясняется вообще весьма распространённым в ИРЦ концептом «Достоинство». Продолжим перечень. Умело использует автор приём каталогизации, необходимый при изложении церковных событий. Когда каталог небольшой по объёму, он не только не мешает пластике повествования, но добавляет красок своей конкретикой. *Братия ежедневно собирались в церковь и отправляли полунощницу, утреню, часы, вечерню и повечерие, а часто и молебствия* [ИРЦ. Кн.III: 111]. *Многие верили в Волхов и волшебниц, в их заклинания, чародеяния, ворожбу, нащёптывания, узлы, зелия и подобное* [ИРЦ. Кн.III: 314]. Разумеется, принцип каталогизации повествова-

ния придаёт необходимую системность изложению, без которой трудно себе представить историографический опус. Но, согласимся, каталогизация усложняет повествование, делает его перенасыщенным, избыточно (но не излишне!) подробным. Вот почему и необходимы такие переключатели регистра, как скрепы, инверсии, комментарии. Сюда же относим и «поэтический» арсенал (эпитеты, метафоры). Пластика ввода метафор для митрополита Макария означает, прежде всего, уместность метафоризации текста. В своём подробном анализе сочинений Кирилла Туровского митрополит Макарий не единожды пеняет автору о чрезмерном увлечении метафорами. Что касается перифраз, то у митрополита в истории русской церкви были представлены все четыре, как мы насчитали, функции перифразы, вызывающей эффекты: а) украшения; б) аналитизма формы; в) некоторой загадки, кода; г) большего позитива изложения. Остановим перечень особенностей «Истории русской церкви». Сказанного уже достаточно, чтобы подчеркнуть главное. Всё это легко истолковывается как «умение писать историю», однако это умение, как видим, складывается из весьма сложных величин, требующих развития «языковой личности» историка, и пример митрополита Макария блестящее тому подтверждение.

Литература

1. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 8 книгах. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995-1996.
2. Харченко, В.К. Митрополит Макарий (Булгаков): пластика языка и стиля: Монография // Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2017. 224 с.
3. Харченко, В.К. Митрополит Макарий (Булгаков): уроки благородства // М.: Национальная гильдия профессиональных консультантов, 2018. 24 с.

Abstract. The article deals with linguistic characteristics of the 12 volume “History of Russian Church” by Makarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. The autor determines individual peculiarities of its objectification: the phenomenon of clarity and transparency of narration, lexical diversity (the coefficient of lexical diversity is calculated), the presence of cognitive staples, appropriate quoting, double epithets, rhetorical figures.

Key words: Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov), “The History of Russian Church”, coefficient of lexical diversity, cognitive staples, double epithets, quotations, rhetorical figures.

Грекова Л. В.
УНИВЕРБАЦИЯ КАК СПОСОБ КОМПРЕССИВНОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
717182@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается особый способ компрессивного словообразования – универбация. Выделены тематические группы универбатов, отмечены изменения в их составе, *приведены примеры современных универбатов.*

Ключевые слова: компрессивное словообразование, универбация, тематические группы, универбаты.

Для функционирования русского языка в настоящее время, по мнению большинства лингвистов, характерен «функциональный динамизм», который выражается в перемещении периферийных языковых явлений (сниженной лексики, разговорных конструкций) в сферы, обслуживаемые кодифицированным литературным языком (Земская, 1985: 91). Одним из проявлений такого функционального динамизма можно считать интенсивное употребление сокращённых единиц (аббревиатур, субстантиватов, усечённых слов и т.п.), проникающих из сфер профессиональной или бытовой коммуникации в кодифицированный язык. Среди них наиболее продуктивным следует признать производство универбатов – существительных, созданных на базе свёрнутых словосочетаний (маршрутка – маршрутное такси).

В лингвистической литературе используются разные обозначения для данного словообразовательного явления: «синтетическое сжатие», «стяжение», «семантическая конденсация», «включение», «универбация» или «универбизация» (Лопатин, 1978: 72). В данной работе мы употребляем термин «универбация», так как он является наиболее распространённым обозначением данного феномена.

Универбация – вид компрессивного словообразования. В компрессивное словообразование включаются разные деривационные способы: суффиксальная универбация, сложносокращенный способ, аббревиация. Суффиксальные универбаты характерны, преимущественно, для разговорной и профессиональной речи. Например, такие сложносокращенные слова, как *античка* – античная литература (из речи студентов), *обнажёнка* – обнажённая натура (из речи художников), *чертёжка* – чертежная комната (из армейского жаргона), употребляются, прежде всего, в профессиональной речи. Аббревиатуры, как правило, свойственны книжному литературному языку (Земская, 1992: 9). Для указанных способов словообразования характерно то, что они в первую очередь отвечают требованиям языковой экономии.

Универбаты возникают в различных областях человеческой деятельности, поэтому тематические группы подобного рода лексики

многочисленны и разнообразны. Однако последние исследования касались, в основном, языкового материала конца XX в., извлеченного из текстов газетной публицистики. Активное создание и функционирование универбатов, отмечаемые в настоящее время, требуют сбора и систематизации нового языкового материала. Этим определяется актуальность данной работы, цель которой – расширить тематические группы универбатов, основываясь на новом фактическом материале.

Материалом для выделения тематических групп (ТГ) универбатов послужили тексты газетной публицистики, данные Национального корпуса русского языка, живой разговорной речи, а также толковых словарей русского языка. В результате мы пришли к выводу, что современная речь предоставляет разнообразные и многочисленные примеры универбатов, которые можно распределить по различным тематическим группам. Остановимся на тех группах, которые не получили в настоящее время полного и разноаспектного описания. Так, среди бытовой лексики можно выделить несколько тематических групп, таких, например, как активно пополняемая в настоящее время ТГ «Косметические средства» (*гигиеничка* – гигиеническая помада, *тональник* (*тонак*, *тоналка*) – тональный крем, *минералка* – минеральная косметика, *декоративка* – декоративная косметика, *гиалуронка* – гиалуроновая кислота и др.).

Кроме того, это продуктивная группа «Спорт, игры» (*смешанка* – смешанная эстафета, *произволка* – произвольная программа, *настолка* – настольная игра, *горнолыжка* – горнолыжный спорт, *ориентирка* – спортивное ориентирование). Как особенность отметим, что её пополнение осуществляется как через профессиональную речь спортсменов, так и через устную речь дикторов и комментаторов спортивных репортажей. Подобные единицы довольно активно употребляются и в публицистических текстах.

Одной из крупных тематических групп универбатов, выделяемых в настоящее время, является ТГ «Технические устройства». Эта группа выделялась и ранее, но ее пополнение происходит непрерывно, причём наиболее активно – в последнее десятилетие: *стиралка* – стиральная машина, *микроволновка* – микроволновая печь, *мультиварка* – мультиварная печь, *посудомойка* – посудомоечная машина, *мобильник* (*мобилка*) – мобильный телефон, *цифровик* – цифровой фотоаппарат и др.

Если еще в конце XX в. в России компьютер с выходом в Интернет был довольно редким явлением в повседневной жизни человека, то сейчас это практически незаменимое устройство. Влияние этого социального фактора обусловило соответственно развитие новых тематических групп: ТГ «Компьютер и его комплектующие» (*настольник* – настольный компьютер, *системник* – системный блок, *материнка* – материнская плата, *оперативка* – оперативная память, *звуковуха* – звуковая карта, *учетка* – учетная запись, *антивирусник* – антивирусная программа) и ТГ «Интернет» (*поисковик* – поисковая система, *элек-*

тронка – электронная почта, *личка* – личные сообщения, *глобалка* – глобальная сеть, *социалка* – социальная сеть, *внешка* – внешняя ссылка, *безлимитка* – безлимитный Интернет и др.).

Часть этих универбатов, вероятно, возникла как жаргонизмы в профессиональной сфере IT-специалистов, системных администраторов и т.п. (*звуклуха*, *материнка*, *учетка*) (Барт, 2009: 57–58), другие пришли из лексикона постоянных пользователей, особенно это касается сферы Интернет-коммуникации (*личка*, *электронка*). В целом провести четкую границу между областями возникновения этих дериватов представляется сложным, поскольку постоянные пользователи Интернета употребляют лексемы компьютерного сленга практически наравне со специалистами.

Динамика социокультурной жизни вызывает появление соответствующих дериватов, например, появляются номинации различных социальных, юридических, политических и экономических явлений (*ювеналка* – ювенальная юстиция, *оффшорка* – оффшорная зона, *шенгенка* – шенгенская виза), общественных мероприятий (*корпоративка* – корпоративная вечеринка), учебных заведений и форм обучения (*воскреска* – воскресная школа, *коррекционка* – коррекционная педагогика, *внебюджетка* – внебюджетное обучение), книжной, компьютерной или видеопродукции (*лицензионка* – лицензионная версия, *демка* – демонстрационная версия, *пиратка* – пиратский контент). Т.Б. Радбиль трактует подобные случаи как «инновационные тенденции в русском языке, которые соответствуют определенным способам языковой концептуализации мира, характерным именно для русского языкового менталитета» (Радбиль, 2012: 246), а именно – широкое использование моделей специфически русского экспрессивного словообразования, включающих момент субъективной эмоциональной или нравственной оценочности в обозначении вещей и событий.

Таким образом, в тематическом плане универбаты представляют собой разнородный пласт лексики, что объясняется продуктивностью моделей универбации практически во всех сферах общественной деятельности и коммуникации. Тематические группы продолжают активно пополняться новыми производными, что во многом обусловлено социально-политическими, экономическими и культурными факторами, а также динамизмом современной жизни. Универбаты активно функционируют не только в разговорной речи. Они связаны с разными типами дискурсов – политическим, экономическим, правовым, военным, спортивным, медицинским и т.д. Это говорит о большом потенциале словообразовательных моделей универбации и о прогнозируемом пополнении словарного состава русского языка новыми компрессивными номинациями.

Литература

1. Барт, М.В. Компрессивное словообразование в современном русском компьютерном жаргоне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2 (4). – С. 55–60.

2. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: «Языки русской культуры», 2000 С. 90–141.

3. Лопатин, В.В. 1978: Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. Новые слова и словари новых слов. Отв. ред. Н.З. Котелова. Ленинград: Наука. с. 72-80.

4. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 328 с.

Abstract. The article by way of compressive word formation as univerbation. The author singles out the thematic groups of univerbs, notes the changes in their structure, examples of modern univerbs.

Keywords: word-formation compression, univerbation, thematic group.

Куреева Ю.Н.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ
ПРЕПОЗИТИВНЫХ ФОРМАНТОВ СВЕРХ-, ПОЛУ-, СУПЕР-
В СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ В. ТОКАРЕВОЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский университет кооперации,
экономики и права
Neverreplay@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу структурно-семантических и функциональных особенностей индивидуально-авторских новообразований с препозитивными формантами *сверх-*, *полу-*, *супер-* в прозе В. Токаревой. Исследуемые единицы могут обладать отрицательной или положительной коннотацией, они служат важной деталью при создании необычных образов и ситуаций. Новообразования подобного рода можно считать эстетически значимыми элементами художественного текста.

Ключевые слова: индивидуально-авторское слово, словообразовательный формант, словотворчество, идиостиль.

Слово репрезентирует индивидуальное мировидение и миропонимание писателя. Только через язык можно постичь специфику индивидуальной языковой личности и творчества автора в целом. Особый интерес представляют произведения современного писателя Виктории Токаревой. Её «женская проза» (Гордович 2003; Черняк 2008) более пятидесяти лет востребована широким кругом читателей. Бытописательные произведения с элементами психологизма и драматизма основаны на достоверном отражении современной русской жизни.

Одним из основных компонентов идиостиля В. Токаревой можно считать индивидуально-авторские новообразования (ИАН), под которыми нами понимаются отсутствующие в языковой традиции слова, созданные с определёнными художественными целями и подчёркивающие оригинальность и новизну художественного решения. Авторское слово особым образом связано со своим создателем, оно занимает центральное место при художественном отражении действительности.

Собранный языковой материал свидетельствует о высокой активности отдельных словообразовательных элементов, которые участ-

вуют в словопроизводстве ИАН разных частей речи. К ним относятся препозитивные форманты *сверх-*, *полу-*, *супер-*. Новообразования с указанными формантами позволяют передать эмоциональное состояние героя, выразить субъективное отношение, создать неповторимый образ, представить запоминающуюся деталь, например: *Официанты – полудети, вчерашние школьники, а может, старшеклассники, подрабатывающие по вечерам* (Токарева, 2011б: 108); *Для такого танца требуется такое супермастерство, чтобы его не было заметно вообще* (Токарева, 2004: 9); *И мама Феликса, хоть и актриса, – тоже не из сложных, полудеревенская девушка* (Токарева, 2014: 11); *На тарелках лежала суперъеда* (Токарева, 2011в: 155) и др.

С помощью препозитивных формантов в прозе В. Токаревой создается большое количество новообразований разных частей речи. Большая часть зафиксированных нами индивидуально-авторских новообразований с формантами *сверх-*, *супер-*, *полу-* относится к именам существительным (65% от общего количества ИАН с указанными формантами). В словообразовании авторских существительных особую продуктивность проявляет препозитивный формант *супер-*. Необходимо обратить внимание на то, что в современном русском языке многими исследователями отмечается рост именной префиксации (Земская 2010; Потапова 2010; Рацибурская 2015).

Форманты *сверх-* и *супер-* вносят в производное слово увеличительное значение. Общее значение слов подобного рода – «что-либо важное, непреходящее», «что-либо очень хорошего качества», «чрезмерно заметное», «превосходящее подобное». Благодаря данным словообразовательным формантам в производном слове появляется оценочное значение, что, на наш взгляд, объясняет словообразовательную активность данных формантов в психологически насыщенной женской прозе В. Токаревой (Тертычная 2013).

Как отмечает Г.А. Потапова, развитие семантики оценочности в значении препозитивного форманта *супер-* «можно объяснить наметившейся в начале 90-х гг. XX в. общей тенденцией к экспрессивизации речи и возрастанием в ней личностного начала» (Потапова, 2010: 291). Деривационная активность данного заимствованного препозитивного форманта отмечена современными исследователями (Рацибурская 2015). Основное значение заимствованного форманта *супер-* – «крайняя степень признака, очень высокие качества предмета» (Лопатин, 1998: 687), например: *Он сделает суперремонт, купит мебель из светлой сосны в скандинавском стиле* (Токарева, 2011б: 327).

Лексические новообразования с указанными формантами способны вызывать в сознании читателя яркие зрительные и чувственные образы. В отдельных примерах автор обращает внимание на оригинальность и неповторимость созданного слова, ср.: *Это был уже сверхпрезидентский уровень, если только такой существует* (Токарева, 2011б: 48). Ясность значения слов подобного рода спо-

способствует более живому восприятию текста, ср.: *Голос у певца был могучий, **супермужской** – должно быть, певец ассоциировал себя с самим Степаном Разиным* (Токарева, 2011: 47). Более ярко и зримо представить отличительные особенности героя помогают лексическая инновация *супермужской* и прецедентное имя *Степан Разин*.

Новообразования с препозитивными формантами *полу-*, *сверх-*, *супер-* в отдельных случаях способствуют появлению юмористического эффекта, например: *И уже когда ел – знал, что его ждёт **суперризжога*** (Токарева, 2004: 176). Внимание к незначительной проблеме отдельного человека, рассмотренной сквозь призму лёгкого юмора, входит в формулу читательского успеха В. Токаревой. Особым экспрессивным характером обладают новообразования, которые служат средством языковой игры, например: *Значит, водка-экстра, **сверхводка*** (Токарева, 2011в: 190).

Анализ ИАН с препозитивным формантом *полу-* показал, что семантика слов подобного рода отличается большим разнообразием. Так, формант *полу-* обозначает сочетание двух признаков в одном лице или предмете, схожесть, мнимость, отклонение от нормы. Отметим, что данный формант, как правило, вносит отрицательный оттенок в лексическое значение авторского слова, например: *Её мать готовила плохо. Детей **полулюбила*** (Токарева, 2011б: 186). Экспрессивность инновации с данными формантом обусловлена структурой.

В большинстве случаев в контексте представлена мотивирующая база для ИАН, что помогает выявить значение, вносимое препозитивным форматом, например: *Потом какие-то машины, куда-то ехали, и опять всё сначала – в закрытом помещении, с музыкой, танцами, круговертью **талантов, полуталантов, спекулянтов, жаждавших духовности, красивых женщин, никому не пригодившихся по-настоящему*** (Токарева, 2004: 64-65). Препозитивный формант выступает репрезентантом признака «посредственный, ненастоящий, неспособный».

В отдельных случаях автор использует лексический повтор ИАН, например: *Каждое утро он входил, **полувбегал** в палату. **Полувбегала** в палату её жизнь, и из её глаз, из макушки, как фонтанчики воды у кита, разбрызгивались флюиды счастья* (Токарева, 2004: 197-198). Повтор авторского слова является ярким выразительным средством, позволяющим усилить впечатление от прочитанного, сконцентрировать внимание на самом действии, а также провести ассоциативные связи.

Таким образом, индивидуально-авторские новообразования с продуктивными препозитивными формантами *сверх-*, *полу-*, *супер-* можно рассматривать как эстетически значимые элементы художественного текста В. Токаревой. Они являются результатом креативной деятельности писателя и отражают особенности авторского мировидения. Авторские слова выполняют функцию достоверного и точного

отражения многогранной картины жизни. ИАН подобного рода в значительной степени повышают экспрессивность художественной прозы В. Токаревой.

Литература

1. Гордович, К.Д. Русская литература конца XX века. – СПб.: Изд-во Петербургский институт печати, 2003. 184 с.
2. Земская, Е.А. Литературная норма и неузואальное словообразование // Современный русский язык: Система — норма — узус. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 207-270.
3. Лопатин, В.В. Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1998. 832 с.
4. Потапова, Г.А. Именная префиксация как активный деривационный процесс словообразования современного русского языка // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2. № 3. С. 290-295.
5. Рацибурская, Л.В. Динамика языковых изменений: интернационализация в современном русском словообразовании // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. 2015. С. 186-191.
6. Тертычная, Н.Н. Психологизм прозы В. Токаревой (о некоторых аспектах проблемы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1 (27). С. 161-165.
7. Токарева, В.С. Лиловый костюм. – М.: АСТ, 2011а. 315 с.
8. Токарева, В.С. Между небом и землёй. – М.: АСТ, 2014. 320 с.
9. Токарева, В.С. Перелом. – М.: АСТ, 2004. 315 с.
10. Токарева, В.С. Птица счастья. – М.: АСТ, 2011б. 380 с.
11. Токарева, В.С. Террор любовью. – М.: АСТ, 2011в. 318 с.
12. Черняк, М.А. «Женский почерк» в современной прозе // Современная русская литература. – М.: Форум, 2008. С. 161-181.

Abstract. This article is devoted to the analysis of structural-semantic and functional features of individual-author's words with prefixes super-, polu-, sverh-. It is noted that the words under study possess, as a rule, a negative or positive connotation. New words can be considered important elements of idiosstyle.

Keywords: individual-author's word, word-formant, word-creation, idiosstyle.

Коробских Л.С.

СПЕЦИФИКА СУБСТАНТИВНОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
korobskih@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются новые слова – имена существительные, зафиксированные в текстах газетной публицистики. Анализируются их структурно-семантические особенности и функциональная предназначенность

Ключевые слова: новые слова, текст газеты, словообразовательная структура, функциональное назначение

Проблема возникновения и употребления новых слов интересовала лингвистов всегда, но особую актуальность она приобрела в современную эпоху, отличительными чертами которой стали раскрепощенность носителей языка, ослабление «внутреннего цензора» и, как следствие, обилие всевозможных новообразований. Изменяющаяся действительность, требуя новых наименований, активизирует, в свою очередь, отдельные звенья словообразовательной системы языка. Многие исследователи отмечают своеобразный «неологический взрыв» в современных средствах массовой информации. События второй половины 90-х годов XX в., по мнению Е. А. Земской, по своему воздействию на язык и общество подобны революции (Земская, 2000). Сбор и изучение новых слов представляет особую важность, так как «в целом новообразования на газетной полосе не только свидетельствуют о значительных переменах, происходящих в жизни нашего общества, но и выявляют те изменения, которые произошли в языке под влиянием социальных факторов» (Плотникова, 2003: 264).

Динамизм и открытость – сущностные признаки лексической системы любого языка – всегда привлекали внимание исследователей, но лавинообразный характер процесса неологизации русского языка на рубеже веков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию в постсоветском пространстве, образно определяемую как «праздник вербальной свободы», обусловили актуализацию проблем, связанных с анализом языковых инноваций.

Неологический бум последних десятилетий находит яркое отражение в публицистике, в языке средств массовой информации и литературной критике, которые особенно быстро реагируют на изменения в общественной жизни и языке. Язык средств массовой информации стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, пронизанных элементами жаргона и просторечия.

Извлеченный нами из текстов газетной публицистики языковой материал позволяет сделать определённые выводы. Так, субстантивы составляют большую часть всех зафиксированных нами лексических новообразований (более 50 %). Данное положение в общем соответствует общеязыковой тенденции, т.к. существительное считается «самой неогенной» частью речи. Зафиксированные новые слова – субстантивы отличаются разнообразной деривационной структурой. Наиболее частотны среди них композиты – сложные слова, являющиеся продуктом сложения. Подробно типы композитов рассматриваются в статье А.А. Горбова. Он выделяет пять типов именных композитов: 1) композиты с атрибутивным компонентом – существительным, заимствованным из английского языка: видеохостинг, спин-офф; 2) композиты с атрибутивным компонентом – буквенной аббревиатурой или буквенным классификационным обозначением, записываемым латиницей или кириллицей: ЛГБТ-активист, USB-порт,

СМС-пытка; 3) композиты с атрибутивным компонентом — заимствованной из английского языка предложной группой с адвербиальным значением хай-миддл. оффлайн-просмотр, таймшер; 4) композиты с атрибутивными компонентами *интим-*, *элит-*, *эконом-*, *штрих-*, образованными от прилагательных с относительно давно заимствованными корнями: эконом-класс, штрих-код; 5) композиты с аппозитивным элементом — именем собственным (личным именем, коммерческим наименованием) или русским неизменяемым словом: фейсбук-плакальщик, Низорал шампунь, *геймдизайнер* (Горбов, 2011:10). Данная классификация позволяет сделать вывод, что среди продуктивных аффиксов возрастает удельный вес аффиксов иноязычного происхождения. Заимствованные префиксы присоединяются к именным основам. В современную эпоху «амероглобализации» (Е.И. Коряковцева), которая сменила трехсотлетнюю эпоху европейской глобализации, в разных языках наряду с латино-греческими элементами активно функционируют слова и морфемы английского происхождения» (Коряковцева, 2009:184).

Так же в связи с либерализацией общественных отношений исследователи говорят о тенденции к демократизации в современном русском языке. Эта тенденция связана с усилением влияния устной речи на письменную и вызвана демократическими преобразованиями в общественной жизни. Происходит актуализация жаргонной, арготической и просторечной лексики не только в разговорной, но и публичной речи. Стирание стилевых границ ученые видят в образовании слов по стилистически маркированным моделям, в сочетаемости стилистически нейтральных или книжных основ с разговорно-оценочными аффиксами. Распространены в текстах СМИ существительные с разговорными и жаргонно-просторечными суффиксами –ш(а), -ух(а), -л(а), -лов(о), -ак(-як): *В сети Навальный получил все: должность «мер Москвы» по версии интернет-пользователей, максимум доверия по сетевым опросам, восторги блоггерш* (Собеседник, 2015, №7); *Жил себе тихо, спокойно, но для меня это был бы **зрустняк*** (Культура, 03-15.08.2015); *Я в Европу даже уже не езжу, там **скучняк** полный* (Московский комсомолец, 24-31.07.2016).

Широко представлены в российских медийных текстах новообразования с экспрессивно-оценочными аффиксами, к которым относятся размерно-оценочные суффиксы: *Только дай им **шансок** – изображают из себя многозначительных персонажей* (Собеседник, 2017, №6); *Ну такой маленький **трепеток*** (Комсомольская правда, 10-02.09.2017).

Раскрепощенность – один из основных показателей современного речевого поведения коммуникантов способствует активизации процессов словотворчества в медийной речи, приводят к появлению большого количества новообразований, которые становятся ярким экспрессивно-эмоциональным средством в текстах средств массовой

информации. Основные эмоциональные доминанты многих текстов СМИ определяются объективными социально-политическими и экономическими процессами в обществе.

Литература

1. Горбов А.А. Веб-решения для бизнес-коммуникации: о «новой технологии» создания сложных слов в русском языке // <http://www.grammar.ru/RUS/?id=1.73>

2. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 35-41.

3. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // *Prezjawy internacjonalizacji w jezykach slowianskich.*-Siedlce, 2009.-С.179-199.

4. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.

Abstract. The article considers new words – nouns, fixed in the texts of newspaper journalism. Their structural-semantic features and functional purpose are analyzed.

Keywords: new words, text of the newspaper, derivational structure, functional purpose.

Плотникова Л.И.

О СПОСОБАХ КОМПРЕССИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Plotnikova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы компрессивного словообразования, основу которого составляет принцип экономии речевых усилий. На основе языкового материала описываются разнословное сложение, универбация, аббревиация и контаминация.

Ключевые слова: экономия речевых усилий, компрессия, способы словообразования

Язык как живая и функционирующая система находится в непрерывном движении и развитии. Скорость этого движения обуславливает действие закона экономии речевых усилий, на что обращается особое внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

Приоритет разработки проблемы экономии речевых усилий в отечественной науке принадлежит В.А. Богородицкому, который рассмотрел её применительно к морфологическим процессам и, в частности, к процессу опрощения. Исследователь обращал внимание на то, что «есть целый ряд слов, которые уже настолько подверглись опрощению, что, несмотря на сложность своего морфологического состава, уже не поддаются легко разложению, а представляются для чутья говорящих как простые, например, «воздух», «забыть», «восток», «запад», «вместе» и

т.д. (Богородицкий, 2010: 160). Однако принцип экономии речевых усилий нашёл своё выражение не только в морфологии.

Свидетельством динамичных языковых процессов является расширение словарного состава за счёт новых лексических единиц. Лексические новообразования характеризуют особый, творческий аспект изучения языка: они реализуют «индивидуальную творческую компетенцию говорящего» [Земская, 1992: 180], демонстрируют его способность к лингвокреативному мышлению. Вместе с тем, в процессах словотворчества раскрывается словообразовательный потенциал языка, отражаются определённые тенденции его развития.

В поисках необходимого слова говорящий в первую очередь обращается к лексикону как хранителю готовых языковых единиц. Б.Ю. Норман, анализируя построение лексикона в сознании носителя языка, указывает, что лексические объединения строятся по принципу поля: «В центре группы находится слово (или слова) с максимальной концентрацией соответствующих сем, а по направлению от центра к периферии располагаются лексемы, для которых эти семы являются «неяркими», второстепенными, образующими неполный набор или же вступающими в сочетание с иными, посторонними семами. Выбирая некоторое семантическое поле, говорящий тем самым автоматически выбирает его центр (ядро, доминанту и т.п.), и лишь затем происходит специальный поиск и отбор конкретной леммы, наиболее отвечающей всем искомым условиям» [Норман, 1994: 42].

В процессе речепроизводства слова функционируют как готовые языковые знаки, которые не требуют специального обращения к их внутренней структуре. В идеальной своей форме речевая деятельность представляет собой использование системы готовых знаков. Однако параллельно работе этого лексического уровня функционирует и морфемный уровень, включающий в себя словообразовательные элементы и правила их сочетаемости. В обычной ситуации словообразовательные связи не более чем фон, но, как отмечает Б.Ю. Норман, «в определенные моменты словообразовательная составляющая «выходит на поверхность», становится явной, демонстрирует свою относительную автономность» [Норман, 1994: 60]. Подобное отмечается, как правило, в следующих случаях. Во-первых, деривационное значение может напрямую соотноситься с замыслом говорящего и определенной коммуникативной ситуацией и потому опережать выбор конкретного лексического значения. Во-вторых, словообразовательные связи «помогают» говорящему, когда выбор конкретной леммы по каким-либо причинам задерживается: это может быть связано с «выпадением» из памяти нужного слова, отсутствием его в языковой традиции или с действием тех или иных стилистических запретов. В данном случае создается новообразование, отвечающее требованиям коммуникативного акта.

Активизация определенных словопроизводственных процессов обусловлена в первую очередь различными социокультурными фак-

торами. Одной из ведущих тенденций, активно проявляющих себя в настоящее время, является тенденция к экономии речевых усилий. Её проявлением можно считать значительное увеличение количества композитов различных типов.

Язык текстов газетной публицистики, живая разговорная речь свидетельствуют о резком увеличении так называемых разнословных сложений. Исследователи по-разному определяют статус данных образований и используют самые различные термины. Так, М.А. Дрога использует термин составное наименование, которое определяет «как особый феномен в системе лексики и словообразования, представляющий собой сложение двух самостоятельных узуальных слов в одно цельное наименование, при этом оно выступает как целостная единица номинации, предназначенная для выражения качественно нового значения (Дрога, 2010: 5-6). Язык современных медиатекстов свидетельствует о значительной активизации подобного рода слов в последнее десятилетие. Вышедший в 2014 году «Словарь составных наименований русского языка (по материалам прессы 2000-2014 гг.)» включает более 1.500 слов, извлечённых из текстов газетной публицистики последнего десятилетия. Особенности структуры подобного рода слов находят отражение в их значении: объединяя в одно наименование два самостоятельно употребляющихся в языке слова, они несут новую смысловую нагрузку, которая в большинстве случаев выявляется только в условиях определённого контекста с учётом фоновых знаний и опыта языковой личности, ср.: *На базе запатентованного средства разрабатывается аналогичный по составу препарат, даже с похожим названием – просто название может отличаться на несколько букв. А что в нём содержится на самом деле, мало кто знает – за качеством таких **лекарств-близнецов** следят очень плохо.* – Собеседник, 2014; **Банкоматы-отморозки** (заголовок): *Из-за холодов электроника выходит из-под контроля, грабит россиян и не пускает их домой. При низких температурах даёт сбой механизм банкомата, который с помощью присосок вынимает деньги из кассет и выдает их клиенту. На морозе присоски теряют эластичность, нарушается их работа. Это происходит уже при 20 градусах ниже нуля. Замерзшие банкоматы, которые не выдают купюры, могут доставить массу неприятностей владельцу карточки.* – Труд, 2009.

Язык газетной публицистики предоставляет исследователю многочисленные примеры разнословных сложений, которые отражают практически все сферы жизни: *мальш-белгородец, аптека-музей, бабушка-ябеда, ботинки-уроды, вор-альпинист, гены-мигранты, дачники-гипертоники, женщина-зонд, засуха-чрезвычайка, камень-шпион, кровопийца-начальник, модник-бюрократ, очки-экраны, президент-надежда* и др.

К числу активных способов создания лексических новообразований, отражающих принцип экономии речевых усилий,

по-прежнему относится универбация, при которой происходит сокращение словосочетания в одно слово с сохранением его смыслового объёма: гуманитарная помощь – *гуманитарка*, фондовая биржа – *фондовка*; наружное наблюдение – *наружка*; шенгенская виза – *шенгенка*; дисконтная карта – *дисконтка*; криминальная газета – *криминалка*; муниципальный транспорт – *муниципалка*, виртуальная реальность – *виртуалка*, материнская плата – *материнка* и др. Собранный языковой материал подтверждает высокую активность отмеченной словообразовательной модели. Активность создания и употребления подобного рода слов обусловлена их компактной формой по сравнению со словосочетанием или развёрнутым описанием, на базе которых универбаты были созданы. Такие слова относят к стилистически сниженной лексике, однако в повседневной речи их функциональную предназначенность трудно переоценить, ср.: *мобильник*, *антивирусник*, *микроволновка*, *социалка*, *электронка*, *личка* и др.

Продолжают проявлять активность аббревиатуры различного типа. Языковой материал свидетельствует о количественном преобладании инициальных аббревиатур – названий учреждений, организаций различных типов: общественных, государственных, партийных, например: *НПФ* – негосударственные пенсионные фонды; *ГНИ* – городская налоговая инспекция, *МКЦ* – Молодёжный культурный центр, *ЦМИ* – Центр молодежных инициатив, *ЦД* – Центр досуга и др. Процесс аббревиации – это особый процесс, в основе которого лежит действие механизма компрессии, сворачивающего многословное наименование в особую сокращённую форму.

Одним из ярких проявлений компрессионного словообразования можно считать контаминированные образования, которые свидетельствуют о творческом подходе к словопроизводству. Подобного рода слова оригинальны, нестандартны, рассчитаны на эффект неожиданности, они «преимущественно выполняют характеризующе-оценочную функцию с преобладанием осуждающей, иронической и юмористической тональностей (КРР, 2003: 273). Значение таких слов определяется с опорой на содержательно-концептуальную информацию целого текста. Например: *ВУЗники* (вуз + узник); *СМИшные* (СМИ + смешные); *пьянварь* (пьяный + январь); *брэдить* (бредить + Брэд Питт); *пожюристь* (жюри + пожуристь); *Кремлетрясение* (Кремль + землетрясение); *крышеловка* (крыша + мышеловка) и т.д.

Таким образом, принцип экономии речевых усилий находит яркое проявление в компрессионном словообразовании. Это выражается в сокращении развёрнутых наименований в более компактные формы. Компрессия как одно из универсальных свойств языковой способности человека лежит в основе таких способов словообразования, как разнословное сложение, суффиксация (явление универбизации), аб-

бревиация и контаминация, которые проявляют довольно высокую активность в настоящее время. Созданные данными способами дериваты отличаются не только компактной формой, но и смысловой ёмкостью, используются для более точного выражения мысли, а также выявляют определённые тенденции в современном словообразовании.

Литература

1. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. (Лингвистическое наследие XX века). – 346 с.
2. Дрога М.А. Составные наименования в русском языке (ономазиологический и функциональный аспекты). Автореф. ... канд. филол. н. – Белгород, 2010. – 22 с.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 220 с.
4. Культура русской речи (КРР): Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. – М., 2003.
5. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 228 с.
6. Словарь составных наименований русского языка (по материалам прессы 2000-2014 гг.). / Дрога М.А., Плотникова Л.И. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014 – 52 с.

Abstract. In article ways of compressive word formation are considered. The principle of economy of speech efforts is their basis. On the basis of language material addition of words, a univerbation, abbreviation and contamination are described.

Keywords: economy of speech efforts, compression, ways of word formation.

Плотникова Ю.В.
СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(на материале произведений В. Молчанова)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
258241@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности авторских слов современного белгородского поэта В. Молчанова. Созданные слова отличаются разнообразной словообразовательной структурой, способствуют созданию ярких и неповторимых словесных образов

Ключевые слова: словотворчество, авторские слова, словообразовательная структура, поэтический текст

Одним из основных источников лингвокреативной деятельности художников слова является поэтический текст. Лексические новообразования отражают авторский путь объективации референта, однако «...творя и создавая свой индивидуальный язык, писатель в то же самое время отражает массовый язык своего времени, выступая скорее в роли резонатора общих тенденций» (Ирисханова, 2003: 9). Именно эта связь индивидуального и общенародного делает возможным процесс словотворчества, на что в свое время обращал внимание Ф.И. Буслаев: «... язык, пока живет в народе, никогда не утратит своей животворной силы; и всякое замечательное в литературе явление есть как бы новая попытка творчества в языке, есть возрождение той же самой силы, которая первоначально двинула язык к образованию» (Буслаев, 1848: 7-8).

Исследователи поэтического языка сходятся во мнении, что поэтическое слово никогда не бывает чисто логическим знаком. Оно отличается многообразием смысловых оттенков, особой выразительностью и экспрессивностью. Именно этим оно и привлекает читателя, будит его воображение.

В поэтических текстах чрезвычайно велика роль креативного аспекта языка как орудия познания души человека, что позволяет моделировать в них очень сложные явления психики человека. Креативный аспект ярко демонстрируется в явлениях словотворчества, традиционно присущих стихотворному тексту. Поэтический язык ориентирован на поиск, на творчество. По утверждению Л.П. Якубинского, именно в поэтическом языке языкотворчество становится сознательным и активным. Языковые средства вкупе со смыслом поэтического текста вызывают сопереживание такой силы, что «очищают» душу читателя (Якубинский, 1986: 195).

Анализ лексических новообразований, извлеченных из поэтических текстов современного белгородского поэта В. Молчанова, выявляет эстетическую нагрузку авторских слов в поэтическом тексте, даёт представление о выборе автором из множества имеющихся вариантов

того единственного, который в большей степени соответствует его внутренней системе представлений о мире.

Владимир Ефимович Молчанов родился 9 февраля 1947 года в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине, в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. В 1976 году закончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Первые его стихотворения появились в 1966 году в газетах Белгородской области. В дальнейшем Владимир Молчанов печатался во многих центральных журналах – «Новый мир», «Дружба», «Юность», «Подъем». С 1992 года Владимир Ефимович является председателем Белгородского регионального отделения «Союза писателей России». Руководит литературной студией «Слово», помогает молодым авторам. Литературное творчество Владимира Молчанова известно не только на белгородской земле, но и далеко за ее пределами. Его книги издавались в Москве, Воронеже, Белгороде, Харькове, переведены на немецкий, болгарский, польский, азербайджанский, украинский языки.

Собранный языковой материал из произведений В. Молчанова свидетельствует о том, что более половины от общего количества лексических новообразований составляют имена существительные (51%). Наиболее продуктивным деривационным способом создания авторских субстантивов является сложение. Довольно ярко среди композитов представлены так называемые разнословные сложения, созданные соединением двух (и более) самостоятельных узуальных слов в номинацию с дефисным написанием. Например: *Ох, грустна твоя вода, / Речка-старица. / Где успела и когда / Ты состариться?* (Ох, грустна твоя вода...); *Тыща двести танков!.. Пыль / С кровью смешана, с угаром. / С каждым грохотом-ударом / В небеса взлетал ковыль* (Танковое поле); *Кораблики-листья / Плывут по воде, / Гонимые ветром, / Навстречу беде* (Кораблики-листья...).

Как особенность отметим, что способ разнословного сложения отмечается в анализируемых текстах В. Молчанова практически среди всех знаменательных частей речи, например: *Я верил людям. И – напрасно! / Не раз обманут был в судьбе. / Теперь живу бездумно-праздно, / Не верю даже сам себе* (Не скрою этого, не скрою...). Довольно часто в разнословных сложениях один из компонентов даёт оценку предмету или явлению: *Время осени – к закату. / И глупышки-воробьи / Трусовато, воровато / Пьют водицу из бадьи* (Время осени – к закату...). Многочисленность разнословных сложений обусловлена, на наш взгляд, тем, что подобного рода слова очень удобны для краткого, но ёмкого выражения того или иного понятия, они способствуют созданию ярких художественных образов. Интересно, что преобладают те композиты, которые основываются на метафорическом соединении компонентов: *Чтоб летела песня-парус, /*

Как ветла, светла. / И меня она хоть малость / Пережить смогла... (Мыслям – вольно...). Среди словосложений-субстантивов отметим также следующие: облака-острова, дождь-старожил, пчёлка-жужжалка, первенец-снег, подросток-пионер, штемпель-треугольник, напёрсток-колпачок, тайга-дикарка и др. В отдельных случаях в состав разнословного сложения в качестве одного компонента включается лексическое новообразование: *Может, охотник, / а, может, рыбак / Или какой-то / **Бездомник-чудак?*** (Сопка как сопка).

В целом разнословные сложения характеризуются смысловой ёмкостью и компактной формой, они используются для более точного и яркого выражения авторской мысли, способствуют созданию неповторимых словесных образов.

Отмечены имена существительные, созданные суффиксальным способом, среди них преобладают субстантивы со значением отвлечённого признака, например: *А над морем облака, облака, / Чайка в небе далека, высока. / В безнадежной **бескрылости** дней / Не угнаться за чайкой моей, / Оттого и на сердце тоска* (Улыбка мамы, её чистый смех...); *Чёрт возьми! И что за наважденье? – / Всякий возраст людям не под стать: / В детстве мы стремимся к **повзрослению**, / В зрелости – детьми желаем стать* (Чёрт возьми! И что за наважденье...).

В поэтических текстах В. Молчанова отмечены слова, созданные сложносуффиксальным способом: *И пред тем, как вечно кануть / В **белоснежье** кутерьмы, / На прощанье клёны тянут / Золотые пятерни... (Жухнут травы, стыннут росы..).*

Особую активность проявляет препозитивный формант *полу-*, причём он также отмечен среди слов разных частей речи, например: *Бывает так: в томах негусто / Блеснувших строчек, но зато / На **полумысли, получувства** / Надето модное пальто* (Бывает так: часами кряду...); *Опять предстал во всём значенье / На стыке света с темнотой / Средь неба тонкий луч вечерний / **Полуночной, полудневной*** (Опять предстал во всём значенье...).

Среди префиксально-суффиксальных существительных выделяется группа производных субстантивов, образованных по модели без...-ј- (э): *Уже почти потухшие / За временем былмы, / но так же непослушные / С **бездумьем** молодым* (Опять зима завьюжила...); *И опять до темна / Скрыт тобой надёжно. / Тишь... / **Беззвездье**... / Луна... / И за всё тревожно* (Меркнет солнца глава...); *Лишь неба снежного **безлунье**, / Да одинокая ветла...* (Мне темь глаза открыла шире...).

В данной работе мы ограничились авторскими слова – именами существительными, однако словотворчество В. Молчанова широко представлено и другими знаменательными частями речи. Их разнообразие позволяет говорить о том, что лексические новообразования

можно считать одной из важных и значимых составляющих идиолекта поэта. В созданных автором словах проявляется своеобразие его языковой личности, особенности авторского мировидения, особый словотворческий потенциал.

Литература

1. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. – М.: Университетская тип., 1848. – 211 с.
2. Ирисханова О.К. Лингвокреативный аспект деятельности человека // Филология и культура /Материалы IV Международной научной конференции. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 8-10.
3. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – 208 с.

Abstract. In article features of author's words of the modern Belgorod poet V. Molchanov are considered. The created words differ in various word-formation structure, promote creation of bright and unique verbal characters.

Keywords: word creation, author's words, word-formation structure, poetic text.

Тимашова Ж.Е., Ульяненко Е.Н.

СЛОЖНЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СИМВОЛИСТОВ

Россия, Белгородская обл., редакция газеты «Знамя труда»,
Засосенская средняя школа
zhannchik1@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются индивидуально-авторские новообразования, созданные поэтами-символистами Андреем Белым и Вячеславом Ивановым. Анализируются лексические инновации, образованные путём сложения.

Ключевые слова: символист, поэзия, новообразования, сложение.

В творчестве поэтов-символистов нашли прямое отражение как наиболее общие черты символизма, так и специфические особенности, выразившиеся прежде всего в создании новых слов. Различные лексические новообразования выступают в качестве способа воплощения в тексте индивидуальной картины мира художника, поэтому словотворчество является значимым в системе поэтических текстов.

Лексические новообразования, извлечённые из поэтических текстов Андрея Белого и Вячеслава Иванова, представляют собой все знаменательные части речи. Наиболее продуктивным способом образования имён прилагательных и существительных в анализируемых текстах является сложение. В таких лексических инновациях наиболее ярко репрезентируется индивидуальная языковая картина мира художников слова, например: «Мысли **пугливо-неверные**, Как длинные, зыбкие тени, Неимоверные, Несоразмерные,- Крадутся» (Иванов, 1974: 307); «Плачем ли тайно в скорбях, грудь ли тоскою теснима – в **ясноне-мых** небесах мы узнаем Серафима (Белый, 2005: 96).

Для поэтического языка символистов характерно частое использование цветowych обозначений при создании прилагательных-биноминов, например: *красно-пурпурный, бурно-огнево́й, алмазисто-синий*. Мы можем предположить, что это позволяет художникам подчеркнуть значимые для понимания текста ключевые слова, выполняющие функции символов. Например, использование продуктивного компонента *яркий* в разнословных сложениях связано с эстетической установкой символистов на теургическое преобразование жизни, ср.: «Славят, ответные <...> Вас, семицветные Арки эфирные, **Ярко-просветные!**» (Иванов, 1971: 750); «Над ними мраморный амур. У ног – ручной, пуховый кролик. Льёт **ярко-рдяный** абажур Свой **ярко-рдяный** свет на столик» (Белый, 2005: 173).

Продуктивной для образования сложных прилагательных является модель «основа прилагательного + основа прилагательного»: *чёрнопольный, рыжеконный, тёмноогненный* и др. Подобного рода композиты отражают многообразие красок природных явлений и предметов действительности, подчёркивают стремление автора создать необычный образ, отражающий особое миропонимание художника-символиста. В структуре новых слов могут использоваться старославянизмы и архаичные слова, которые функционируют в качестве фонетических синонимов, ср.: «**золотокарие** гари зари» и «**облаков златокарих** края» (Белый, 2005: 179; 169).

Преимущественно разнословное сложение характерно и для образования инноваций-существительных в поэтических текстах А. Белого и В. Иванова, например: «Но урони, смеясь сквозь боль. Туда, где **облака-скитальцы**, – Ну, урони желтофиоль В мои трясущиеся пальцы!» (Белый, 2005: 171); «По радужным лестницам Сойти к вам захочется **Зверям-погубителям, Царям-опалителям, Огням-небожителям**» (Иванов, 1974: 261).

В отдельных случаях существительные-биномины могут служить средством создания особого национального колорита, например: «нападали **силы-прелести бесовские**» (Белый, 2005: 146); «спешит **боббль-Сиротинка**» (Белый, 2005: 141); «занеси над серебристой **Серп-булат**» (Иванов, 1974: 320). Подобные новообразования выполняют функцию стилистических маркеров в тексте, сочетая в себе особенности русской разговорной речи и народной песенной традиции, склонной к гиперболизации.

Интерес представляют сложные имена собственные, в которых функционируют образы мировой, преимущественно античной, культуры, например: *Цирцея-Смерть, Церера-мать, Финист-птица, Феникс-жертва, Дант-орёл, Плувий-Юпитер*. С помощью подобных поэтических номинаций в составе поэтического текста осуществляется интерпретация зрительного впечатления, конкретизация сложного понятия.

Среди чистых сложений выделяется группа новообразований-существительных, в которых в качестве компонента, предшествующего опорному, выступает основа существительного *огонь*, в результате чего инновации приобретают яркую цветовую окраску и отличаются сказочностью, фантастичностью: *огнерог*, *огнетень*, *огнесклон*, *огнепричастье*.

Интерес представляют сложные новообразования-наречия, значение которых достаточно прозрачно, так как они объединяют узуальные слова: «*Кипи **фосфорически-бурно**, Земли огневое ядро!*» (Белый, 2005: 105); «*Как **детски-пристально** и гордо Глядит насупленный глазок*» (Иванов, 1979: 47).

Для глагольных новообразований данный словообразовательный способ непродуктивен, однако в поэтическом идиолекте А. Белого отмечены разнословные сложения глаголов, состоящие из двух и даже трёх компонентов: «*буря **плескала-кидала** Дрожащий, безлиственный куст*»; «*трепаком, душа, **ходи-валяй-вали***» (Белый, 2005: 134; 140). Подобные лексические инновации (наряду с другими просторечными словами и звукоподражаниями) служат средством стилизации стихотворений, объединяют в одном слове разные действия.

Таким образом, сложные индивидуально-авторские новообразования, функционирующие в поэтических текстах А. Белого и В. Иванова, часто выступают уникальным средством выражения авторской позиции, характеристики того или иного образа, идеала, символа, играют немаловажную роль в формировании идиолектов.

Литература

1. Белый, А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: Стихотворения / Послесл. А. Науменко-Порохина; состав. С. Александрович. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. 256 с.
2. Белый, А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6: Стихотворения и поэмы / Состав. С. Александрович. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. 304 с.
3. Иванов, Вяч. Собрание сочинений. В 4-х томах. Т. 1 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, 1971. 872 с.
4. Иванов, Вяч. Собрание сочинений. В 4-х томах. Т. 2 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, 1974. 852 с.
5. Иванов, Вяч. Собрание сочинений. В 4-х томах. Т. 3 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. – Брюссель, 1979. 896 с.

Abstract. The article discusses individually more tumors, created by the poets-symbolists Andrei Bely and Vyacheslav Ivanov. Analyses of lexical innovation formed by adding.

Keywords: symbolist, poetry, tumors, addition.

Топоркова И.С.
К ВОПРОСУ О ДЕТСКОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Россия, Белгородская область,
МАДОУ «Д/с комбинированного вида № 7»
madou-7@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности детского словотворчества, описываются примеры субстантивного словопроизводства, выявляются наиболее продуктивные модели новых слов

Ключевые слова: детская речь, словотворчество, новые слова, словообразовательные модели

Детскую речь считают своеобразным психолингвистическим феноменом, изучение которого позволяет объяснить многие проблемы лингвистики. Специфика детской речи состоит в том, что ребёнок не владеет всей системой языка, его словарный запас недостаточно богат, кроме того, ребёнок не видит сложную связь всех сторон языковой системы, для него пока ещё не понятны значения многих слов. Познавая мир, ребёнок познаёт язык, его закономерности, связи, составные части. «Ребёнок нащупывает отдельные языковые закономерности, но в его собственной речи они не всегда действуют правильно, то есть в соответствии с нормой литературного языка» (Радзиховская, 1969: 74).

У ребёнка в возрасте около года запас слов исчисляется единицами, к концу второго года достигает 250 – 300 слов, а к концу третьего года доходит до тысячи, то есть получается, что всего за один год ребёнок утраивает свой словарный запас. Однако ему необходимо овладеть и грамматическими формами русского языка. Ребёнок овладевает ими в возрасте от двух до пяти лет. Наиболее ярко творческие способности малыша проявляются в образовании новых слов (лексических новообразований), то есть слов, отсутствующих в языковой традиции и созданных в определённой речевой ситуации. Если внимательно отнестись к детской речи, можно зафиксировать разнообразные по структуре новые слова, с помощью которых ребёнок пытается выразить своё отношение к окружающему его миру: *Я сегодня сам иду и иду / Я хороший / потому что я идун, да?* (Максим, 4,5); *Миша играет мячом. Он такой футбольник* (Алина, 4).

Долгое время считалось, что в основе овладения языком лежит имитативный принцип. Ребёнок слышит слова, определяет грамматические конструкции и подмечает, к каким ситуациям они относятся. Но имитативная теория овладения языком занижает роль активности ребёнка, его творческие способности. С.Н. Цейтлин вполне справедливо считает, что наличие в речи большого числа «инноваций», то есть самостоятельно созданных ими языковых единиц или модифицированных единиц взрослого языка – факт совершенно неоспоримый и привлекающий внимание родителей, педагогов и, разумеется, лингви-

стов» (Цейтлин, 2000:159). Общеизвестно, что ведущим механизмом такого рода образования является аналогия, ср.: *Утром я читал и был читатель / а сейчас я сломал машину / значит / я теперь ломатель* (Саша, 6): *Давай играть в магазин / Только поделим так / ты будешь покупатель / а я продаватель* (Марина, 5).

Д. Слобин, исследуя особенности детского словотворчества, называл созданные детьми слова «маленьким чудом русской речи. В самом деле, любой ребёнок, овладевающий русским языком, сочиняет большое количество новых слов и непривычных для нашего слуха новых форм уже существующих слов. Выражаясь языком современной лингвистики, дети отличаются особой лингвокреативностью» (Слобин, 1976: 221).

Т.Н. Ушакова выделяет три основных принципа, в соответствии с которыми дети образуют новые слова: 1) часть какого-нибудь слова используется как целое слово («осколки слов»); 2) к корню одного слова присоединяется окончание другого («чужие» окончания); 3) одно слово составляется из двух («синтетические слова») (Ушакова, 2000: 222). Подтверждением этому служат следующие примеры. «Слова-осколки»: *склень – Мы всё это склеили и получилась эта склень*; «чужие» окончания: *пургинки* (снежинки): *Пурги нет, остались пургинки* (Дошк. воспит.); «синтетические слова»: *малипутка* (маленькая + лилипутка): *Ой, какая малюсенькая! Прямо малипутка!* (Соня, 6).

Многолетняя работа с детьми-дошкольниками позволяет нам заключить, что созданные детьми слова весьма многочисленны и разнообразны по словообразовательной структуре. Необходимо отметить, что собранный нами языковой материал представлен основными знаменательными частями речи – именами существительными, прилагательными, глаголами и наречиями. В количественном отношении преобладают существительные, которые составляют более половины созданных слов. В рамках данной статьи не представляется возможным остановиться на всех частях речи, поэтому охарактеризуем созданные детьми субстантивы.

Среди имён существительных наиболее многочисленны суффиксальные образования со значением лица. Подобного рода слова создаются по продуктивным моделям с суффиксами:

- тель**: *Не буду брать его с собой! / я не братель* (Артём, 5);
- ник**: *Очень люблю колбаску! / Я колбасник* (Андрей, 4);
- щик** / (**ль**)**щик**: *Буду идти впереди / потому что я светильщик / у меня фонарик!* (Артём, 5);
- ист**: *Будем играть в снежки! / Мы с тобой снежкисты* (Миша, 4);
- ун**: *И не будите меня! / я спун!* (Максим, 5);
- ач**: *Вот как он кувыркнулся / кувыркач!* (Алина, 5).

Среди субстантивов, обозначающих предметы или орудия, наиболее частотен суффикс **-ник**: *Поставьте **звонильник** на завтра / а то простим!* (Саша, 6); *Света нет / как же мы включим **нагревательник**?* (Настя, 5).

Зафиксированы существительные с суффиксом **-лк(а)**, которые называют неодушевленный предмет, предназначенный для выполнения действия: *Где-то здесь была кнопочка / **заводилка** такая для машинки* (Аня, 4); *Принесите мне **замерялку** / температура у меня / наверное* (Миша, 4); *А где у нас была такая белая **мазилка** / буквы замазывать?* (Соня, 6).

Языковой материал демонстрирует различные примеры композитов. В сложных словах в роли второго компонента довольно часто выступают существительные со значением лица (иногда созданные самим же ребёнком), например: *Я в резиновых сапогах / поэтому я **лужеходитель*** (Антон, 6); *Сейчас принесу пакет / я **пакетоприноситель*** (Артём, 5); *Пойду помогать маме гвозди забивать / Я буду **гвоздезабиватель*** (Стас, 6).

Наиболее ярко творческие способности проявляются в контаминированных образованиях: *Сегодня такой сильный дождь и **громния!*** – гром + молния (Дошк. воспит.); *Мама, возьми **питанцию*** (квитанцию за питание) – (Олег, 4).

Исследования показали, что конструирование новых слов начинается уже в трёхлетнем возрасте. Пик приходится на 5-7 лет, однако к 10 годам он угасает. Наиболее продуктивным способом в детском словотворчестве является суффиксальный способ, отличающийся большим разнообразием деривационных средств. Каждое из созданных детьми слов представляет для исследователя особый интерес и может стать предметом специального анализа.

Литература

1. Радзиховская В.К. Об изучении детской речи // Дошкольное воспитание, 1969. № 8. – С. 73-77.
2. Слобин Д. Психолингвистика. – М., 1976.
3. Ушакова Т.Н. Психолингвистика. Учебное пособие. – М., 2000. – 240 с.
4. Цейтлин С.Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

Abstract. In article features of children's word creation are considered, examples of a substantive word creation are described, the most productive models of new words are established

Keywords: children's speech, word creation, new words, word-formation models.

Францевская Е.И.

О СПЕЦИФИКЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВА З. ГИППИУС

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Kataya5448@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности словотворчества З. Гиппиус. Описываются авторские слова – имена существительные, определяются особенности их структуры и семантики

Ключевые слова: словотворчество, поэтический текст, авторские слова, словообразовательная структура

Словотворчество художников слова в разные времена привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей. Это обусловлено тем, что лексические новообразования, или авторские слова, являются особой формой выражения индивидуального смысла, несут значительную идейно-смысловую нагрузку, свидетельствуют о творческой индивидуальности поэта или писателя. Фиксация и систематизация авторских слов представляет особую важность, так как они выявляют активность тех или иных деривационных моделей, демонстрируют тенденции развития словообразовательной системы на определённом этапе её развития.

В современных исследованиях словотворчество определяется как «деятельность, в ходе которой реализуются креативные возможности языковой системы и создаются новые выразительные средства, отражающие речевые намерения говорящего (или пишущего), и являющиеся речевой материализацией индивидуального внутреннего образа» (Санникова, 2005: 30). При этом необходимо учитывать, что словотворчество отражается в индивидуальной манере письма автора, находится в прямой зависимости от всего словоупотребления, типичного для его индивидуального слога. «Механизм, определяющий творческую природу речевой деятельности индивидуума, имеет сложную структуру и в первую очередь связан с мышлением, – отмечает Л.И. Плотникова. – Поиск и выбор необходимого слова в определенной речевой ситуации – это творческий процесс, который определяется замыслом говорящего. В поиске слова индивидуум в первую очередь обращается к лексикону как хранителю готовых языковых единиц. Если поиск не приносит необходимого результата, он служит импульсом к созданию нового слова. В действие «включается» механизм словопроизводства, в результате которого конструируется необходимое новообразование, отвечающее требованиям коммуникативного акта (Плотникова, 2003: 55).

Поэтический текст является той благодатной почвой, на которой активно «произрастают» авторские слова. В данной работе лексические новообразования определяются как отсутствующие в языковой традиции слова, созданные автором с определённой художественной

установкой. При этом учитывается, что на словообразовательном уровне они подразделяются на потенциальные слова (созданные по продуктивным моделям русского языка) и окказиональные слова (созданные с нарушением правил русского словообразования). Для того чтобы выявить отдельные особенности поэтического словотворчества, обратимся к творчеству Зинаиды Гиппиус.

З. Гиппиус (1869-1945) стояла у истоков русского символизма и была одним из его негласных лидеров. Исследователи справедливо считают, что её поэзия отмечена выразительным сочетанием интеллектуальной глубины и психологической подвижности, ритмической изысканностью и стилистическим мастерством. Сбор и описание авторских слов поэта позволили нам глубже понять её чувства и мысли через необычную, конструируемую форму. В целом можно говорить о том, что работа над необычными авторскими словами оставалась важной для поэта в течение всего творческого пути. Квантитативный приём выявил преобладание имён существительных (около 35%) над словами других частей речи – прилагательными, глаголами и наречиями. Остановимся на примерах авторских субстантивов.

Среди зафиксированных нами существительных выделяется группа суффиксальных производных, причём довольно активна модель с суффиксом -ост': *И в тесности, в перекрестности, – / Хочу, не хочу ли я, – / Чёрную топь неизвестности / Режет моя ладья* (Непредвиденное); *Через тропинку в лес, в уютности* приветной, / *Весельем солнечным и тенью облита, / Нить паутинная, упруга и чиста, / Повисла в небесах...* (Спасение); *И в каждом – зари розовень,* / *Сливалась зеленость* травная; / *И были, в зеркальном мгновеньи,* / *Земное и горнее – равны.* (Зеркала). Подобного рода слова можно отнести к разряду потенциальных, то есть таких, которые могут быть образованы по образцу высокопродуктивных словообразовательных типов. Таким словам свойственно общее значение отвлечённого (опредмеченного) признака.

Отмечены образования с нулевой суффиксацией: *В запутанных узлах, как избрань* страстью ложной, / *Мы ищем тонкости, не веря, что возможно / Величье с простотой в душе соединить.* (Нить); *Как скользки улицы отвратные, / Какая стыдь!* / *Как в эти дни невероятные / Позорно жить!* (Сейчас).

Довольно яркой представляется группа сложных существительных. В каждом из композитов ощущается стремление автора выразить сложный и неповторимый образ особым словом, отличающимся ёмкой семантикой: *Как ветроворот* мокрый, ты бьешься в ставни, / *Как ветер* черный, поешь: ты мой! / *Я древний хаос, я друг твой давний,* / *Твой друг* единый, - открой, открой! (Нелюбовь).

С точки зрения словотворчества особый интерес представляет стихотворение З. Гиппиус «Что есть грех?», в котором представлен целый каскад авторских слов – композитов различного типа:

*Грех – маломыслие и малодянье,
Самонелюбие – самовлюблённость,
И равнодушное саморассеянье,
И успокоенная упоённость.*

*Грех – легкочувствие и легкодумие,
Полупроказливость – полуволненье.
Благоразумное полубезумие,
Полувнимание – полузабвенье...*

*К стыду и гордости – равнопрезрение...
Всему покорственный привет без битвы...
Тяжелее всех грехов – Богоубьение,
Жизнь без проклятия – и без молитвы.*

Отвечая на важный для себя вопрос, вынесенный в заглавие, поэт прибегает к словотворчеству, чтобы выплеснуть в неожиданных словах свои чувства и переживания.

Особую группу авторских слов З. Гиппиус составляют разнословные сложения, которые также позволяют автору передать сложные, неповторимые образы: *Не бледный халкидон – заветный камень мой, / Но **гиацинт-огонь** мне дан в удел земной* (Овен и стрелец) и др. Среди зафиксированных слов отмечены также префиксальные и префиксально-суффиксальные существительные.

Каждое из созданных слов отличается особой структурой и значением. Анализ авторских слов позволяет говорить о том, что они являются важной составляющей поэтического языка З. Гиппиус.

Литература

1. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.
2. Санникова Н.Ю. Словотворчество Евгения Евтушенко: На материале имён существительных: дисс.... канд. филол. н. – М., 2005. – 227 с.

Abstract. In article are considered specifics of word creation of Z. Gippius. Author's words – nouns are described, features of their structure and semantics are established.

Keywords: word creation, poetic text, author's words, word-formation structure.

Цзи Гуаньшэн
НОВЫЕ СОСТАВНЫЕ СЛОВА
В РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

Китай, г. Циндао, Китайский нефтяной университет
1019630169@qq.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются составные слова в функции газетных заголовков. Современная пресса пестрит подобными названиями, отличающимися емкостью, необычным значением и креативностью.

Ключевые слова: газетный текст, составные наименования, заголовки, словотворчество.

В настоящее время газеты выдают большое количество составных наименований или разнословных сложений. Значительно выросло количество новых составных слов, вынесенных в заголовки, ср.: *города-пещеры, дерево-доктор, доллары-фантики, человек-тень* и др. (Дрога, 2014). Особенности структуры подобного рода слов находят отражение в их значении: объединяя в одно наименование два самостоятельно употребляющихся в языке слова, составные наименования выражают не сумму значений двух слов – они несут новую смысловую нагрузку, которая выявляется в условиях определенного контекста с учетом фоновых знаний и опыта языковой личности. Например:

«*Серьги-талисман*»: Олимпийская чемпионка продала серьги-талисман, чтобы спасти больную раком. – КП, 03.02.2017. В данном примере вместо созданного составного слова «серьги-талисман» могло быть употреблено развернутое описание «серьги, приносящие удачу».

«*Враг-«тихоня»*»: Опасный враг-«тихоня» коварен, но победим. О борьбе с туберкулезом в Липецке. – КП, 22.03.2017. Употребление разнословного сложения в данном случае заменяет описание «болезнь, которую можно не заметить».

«*Колонии-«курорты»*» – КП, 03.03.2017. В этом случае второй компонент составного слова «курорты» обозначает «колонии, в которых для заключенных смягчили режим».

Не менее важной причиной словотворчества следует назвать стремление говорящих нарушить языковой автоматизм (один знак – одно значение). Требование выразительности обусловлено тем, что речь – это не только средство передачи информации, но и орудие психологического воздействия, прежде всего, на читателя. Именно в этом направлении идет поиск журналистами новых, более выразительных номинаций. Так, многие из составных наименований дают не только развернутую характеристику, но и оценку (чаще негативную или с ироническим подтекстом) тех или иных представителей общества: *звезда-«однодневка», человек-станция, друзья-оптимисты* и т. п. Примерами также могут послужить:

«*Доктор-робот*»: об операциях с помощью машин. – Аргументы и факты, 2016, №47.

«*Девочка-калькулятор*»: Восьмилетняя школьница из Омска за секунду складывает в уме трехзначные числа. – КП, 02.02.2017.

«*Коты-шпионы*»: Для прослушки советских дипломатов ЦРУ приготовило котов-шпионов. Но потом американцы были вынуждены признать: двадцать миллионов долларов оказались выброшены коту под хвост. – КП, 20.04.2016.

Сила воздействия, которая определяется степенью выразительности речи, выявляет «тенденцию к употреблению более экспрессивных обозначений известных явлений, во многом обусловленную грандиозными свершениями нашего времени». Большое количество разнословных сложений, созданных журналистами на страницах печатных изданий, – «нечто ранее неизвестное, демонстрирующее процесс лингвокреативного мышления» (Сенько, 2007: 81).

Среди «традиционных» составных слов из двух существительных есть наименования, компоненты которых связаны отношениями семантического равноправия, сочинения: *игра-семинар, бар-кафе*. Это, как правило, названия предметов, явлений «двойного назначения». Есть подгруппа образований, компоненты которых связаны отношениями семантического подчинения, когда второе слово конкретизирует разновидность того, что названо первым: *стол-трансформер, банк-эмитент, река-каток, служба-бонус, театр-обуза* и т.п. «В таких наименованиях («биноминах») компоненты сохраняют известную семантическую самостоятельность» (Козельская, 1996: 39).

Как показывает анализ фактического материала, составные наименования в русском языке обладают самостоятельной номинативной значимостью. Они нередко служат для более конкретного, дифференцированного обозначения предметов и явлений. На страницах российской прессы нам встретились наименования, один из компонентов которых представляет собой неизменяемую часть – слово (чаще всего, англицизм) или аббревиатуру: *ДНК-паспорт, физкульт-доза, фитнес-закуски, 3D-горы* и т.п.

«*В Госдуме хотят узаконить беби-боксы*». – КП, 15.02.2017. В новостной ленте речь шла о специально оборудованных местах для анонимного оставления новорожденных.

Некоторые исследователи отмечают потенциал слов-неологизмов при использовании их в качестве товарных знаков или других коммерческих названий: *пати-зона, бар-драфт, ёлки-палки* и др. «Именно в этом заключается специфика коммерческих названий – это лексические единицы, которые по своей сути близки к тексту, поскольку содержат внутри себя какое-то развернутое сообщение» (Новичихина, 2008: 210).

«*Водопроводчик-кутюрье: днем – трубы, вечером – платья*». – КП, 22.02.2017. Это необычное составное наименование выступает в качестве заголовка статьи об уникальном человеке: по профессии он – инженер, но его любимое дело – создание модных шедевров.

Как мы упоминали ранее, составные наименования в текстах газетной публицистики могут быть предназначены для привлечения внимания читателей. С этой целью авторы зачастую используют различные приемы языковой игры (Журавлева, 2002). Составное наименование в данном случае становится для автора своеобразным способом самовыражения: *кот-экстрасенс, картошка-марсианка, лиса-рыболов, работа-судьба, мороз-художник* и др. Собранные языковые факты доказывают, что образование подобных слов «обусловлено неустанной креативной работой человеческого сознания, бесконечным познавательным процессом» (Касьянова, 2009: 12).

«*Веснушки-татушки*»: Быть конопатым модно: пятнышки на щеках теперь специально рисуют в салонах. – КП, 23.03.2017.

Таким образом, словотворчество – это процесс сложный, многогранный, он направлен на выбор или конструирование необходимой лексической единицы, отсутствующей в языке и индивидуальном лексиконе. Одним из средств, позволяющих заполнить пустые клетки языковой системы, являются составные наименования. Новые составные слова, извлеченные из газетных текстов последних десятилетий, характеризуются своей неожиданностью и новизной, демонстрируют результат творческого мышления автора, ср.: *любовь-наркоз, время-наркотик, цены-«декабристы», учитель-«пират*» и многие другие.

Довольно часто составные наименования употребляются авторами в качестве заголовков текстов газетной публицистики, для которых характерна яркая полемичность и высокая степень оценочности. «Словообразовательная система языка реагирует на политическую, культурную, языковую, социально-психологическую ситуации в обществе. При создании таких слов выражается эмоциональная оценка происходящего, разрушение известных стереотипов, обнародование мнения, снятие напряжения» (Замальдинов, 2016: 25). Время выступает критерием новизны, а креативность – причиной появления новых наименований. «Жизнь» или дальнейшая судьба новых слов в языке зависит от многих факторов, немаловажным из которых является востребованность описываемого человека, предмета или события.

Литература

1. Дрога М.А., Плотникова Л.И. Словарь составных наименований русского языка (по материалам прессы 2000-2014 гг.) / М.А. Дрога, Л.И. Плотникова. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. 52 с.
2. Журавлева, О. В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002. 22 с.
3. Замальдинов, В.Е. Структурные особенности типовых новообразований в медийном словотворчестве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – №4. С. 23-25.

4. Касьянова, Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Астрахань, 2009. 47с.

5. Козельская, Н.А. Новые составные слова в русском языке // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: материалы всероссийской научно-методической конференции. Ч. 2. – Воронеж, изд-во ВГПУ, 1996. С. 38-39.

6. Новичихина, М.Е. Об использовании слов-неологизмов при создании товарного знака // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10. С. 209-212.

7. Сенько, Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. – СПб.: Наука, 2007. 354 с.

Abstract. This article deals with the compound word in function of the headlines. Modern press is full of similar names with different capacity, extraordinary meaning and creativity.

Keywords: newspaper text, compound names, headline, word creation.

Шаталова Ю.Н.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ СУБСТАНТИВОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
shatalova_yu@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме словотворчества в языке рекламы. Автор исследует лексические инновации, зафиксированные в рекламных текстах; выявляет наиболее продуктивные способы образования субстантивов и их структурно-семантические особенности.

Ключевые слова: язык рекламы, рекламный текст, словотворчество, лексические новообразования, окказионализм.

Современный рекламный дискурс является своего рода полигоном языкового творчества. Одним из проявлений этого процесса является словотворчество в рекламном тексте. Лексические инновации служат неиссякаемым источником экспрессии в языке рекламы. Они способны привлекать внимание потенциального покупателя, оказывать на него воздействие, что, в конечном счете, определяет коммуникативную эффективность рекламы.

Лексические инновации в рекламе охватывают все части речи, однако, выявляя тенденции в их количественном соотношении, стоит заметить, что постоянный поиск рекламистами наиболее эффективных форм речевого воздействия на потребителя обуславливает довольно быстрые изменения в системе языка рекламы. То, что сегодня является тенденцией, уже завтра может оказаться за рамками активного использования. Так, в работе 2009 г. исследователь языка рекламы Л.П. Амири отмечала, что «окказиональные существительные в рекламе представляют одну из самых малочисленных групп окказио-

нальных инноваций» (Ильясова, Амири, 2009: 212). Однако уже в 2011 г. наблюдения за происходящими изменениями позволили лингвисту утверждать иное: как и в языке в целом, существительные – самая неогенная часть речи в языке рекламы (Амири, 2011: 45).

Анализ рекламных текстов последних трех лет позволяет нам согласиться с выводом о преобладании среди рекламных лексических новообразований имен существительных. В данной работе мы попытаемся рассмотреть наиболее частотные модели образования субстантивов в современной рекламе.

Одним из важных признаков рекламного текста является компрессия, проявляющаяся в уменьшении объема текста, сжатии языковых единиц без потери значимой информации. Максимальная информационная плотность текста объясняется не только высокой стоимостью рекламного пространства, но и особенностями рекламного дискурса (кратковременность контакта, информационный шум, непроизвольное внимание адресата и др.) (Аниськина, Колышкина, 2013: 27). Требование компрессии смысла обуславливает актуальность для рекламного словотворчества таких способов образования новых слов, как *сложение*, *контаминация*, *субституция* (или *заменительная деривация*), позволяющих при помощи одной лексической единицы донести сложный, двойственный смысл.

Одну из наиболее обширных групп составляют новообразования, созданные словосложением. В основном, это композиты с абстрактной семантикой, представленные сложением с подчинительным отношением основ. Таково, например, новообразование **котозависимость**, обозначающее сильную привязанность кого-либо к кошке и активно использовавшееся в текстах рекламной кампании бренда Whiskas в 2017 г.

Целый ряд новообразований с компонентом *кото-* предложен в ходе рекламной акции другого производителя корма для кошек – бренда Kitekat: *Конкурс в клубе кота Бориса. 1. Создай котоселфи и отправь его на конкурс. 2. Собирай лайки – получай котомонеты. 3. Обменивай котомонеты на призы в котомагазине.*

Производитель корма для животных Purina One использует в рекламных текстах новообразование **котозож** (ЗОЖ – здоровый образ жизни): *Участуйте в Манифесте Purina One за здоровый образ жизни #котозож и выиграйте ценные призы!*

Не одно десятилетие высокую продуктивность в русском языке демонстрирует компонент *-мания* (Плотникова, 2003; Шаталова, 2012). Он активно используется для создания слов с общим значением чрезмерного пристрастия, болезненного влечения к чему-либо. Данная тенденция характерна и для рекламных текстов. Интересно, что изначально присущая образованиям на *-мания* негативная коннотация (ср., *графомания*, *клеттомания*, *наркомания* и пр.) в рекламных неологизмах полностью утрачивается. Такие существительные стано-

вятся наименованиями явлений, которые охватывают всех, сулят выгоды и к которым нужно присоединиться: **Подаркомания!** -30% на все аксессуары для сна! (реклама интернет-магазина «Территория сна»); **Помадомания!** Пять лучших помад. Выбери свою (реклама помады Avon); **Станьте обладателем 1 000 000 бонусов СПАСИБО,** приняв участие в нашем новом проекте «**СПАСИБОМАНИЯ**»! (реклама проекта «Сбербанка»); **Участвуй в тушемании от Divage.** Принеси любую тушь и купи тушь Divage Tube Your Lashes за 99 р.; **Тушемания** в «Рив Гош»! До 40% на туши!; **Невероятная BARKITOмания!** 5 дней СУПЕРцен на одежду BARKITO! (реклама сети магазинов «Кораблик»)

Довольно распространенным в рекламных текстах стало существительное **скидкомания**, обозначающее акцию по снижению цены товара. Приведем некоторые примеры: **Скидкомания в ЦУМе!** 28.09 и 30.09 скидка 20%; **Скидкомания.** Округляем цены (реклама бренда косметики Yves Rocher); **Зимняя скидкомания.** Только 1 день до 60% + промокод 15% на все скидки (реклама интернет-магазина wildberries.ru).

В числе продуктивных компонентов для создания сложных слов, указывающих на снижение цен, следует отметить и компонент **кибер-**: **КиберДни** начались! Только до 14.12.2017 скидки до 80% (сеть магазинов «Детский мир»); **Акция «Киберчетверг»** действует в интернет-магазине detmir.ru; **Киберскидки!** Вся электроника и бытовая техника (интернет-магазин Ozon.ru); **Киберскидки** на Royal Canin (интернет-магазин Petshop.ru). Подобные новообразования восходят к неологизму **киберпонеделник**, обозначающему понедельник после «чёрной пятницы», когда онлайн-магазины предлагают товары по сниженным ценам.

Высокую частотность в рекламных объявлениях о снижении цен демонстрирует словосложение **шок-цена**: **Участвуйте в акции «Порошок по шок-цене!»** (сеть магазинов «Заодно»), **Шок-цены на колготки.** От 79 руб.! (сеть магазинов «Санги Стиль»); **Шок-цена! Все по 499 рублей!** (интернет-магазин Wildberries.ru).

Одновременное использование разными рекламодателями словосложений типа **шок-цена**, **скидкомания** и др. свидетельствует об их полноценном вхождении в язык рекламы. Такие слова можно рассматривать как неологическую рекламную лексику, что отличает их от инноваций, образованных при помощи контаминации. Контаминанты, как правило, остаются на стадии окказиональной лексики, так как создаются именно как слова, индивидуализирующие конкретную рекламную кампанию рекламодателя.

Для контаминации характерно объединение мотивирующих основ без участия словообразовательного форманта, сопровождаемое частичным наложением в месте соединения. Например, новообразование **распродача** образовано наложением усеченной части слова

распродажа и слова дача: **Распродажа** до -30%! Товары со значком «**Бесплатная доставка**» привезем за наш счет – домой и даже на дачу! (реклама магазина «М-видео»).

Подобные окказионализмы оригинальны и хорошо запоминаются, однако для рекламного словотворчества важно, чтобы новообразование такого типа обязательно включало в себя слово, обозначающее значимую рекламную единицу, а полученный в результате контаминации производный смысл имел отношение к объекту рекламы. Возникающий дополнительный смысл должен легко «считываться» целевой аудиторией.

Так, например, в новообразовании **обниМилка**, созданном в качестве названия рекламного конкурса от производителя шоколада Milka, наблюдаем наложение формы императива глагола и названия шоколада (*обними* + «*Милка*»). Выбор производящих слов объясняется содержанием рекламной акции: участник присылает фотографию, на которой он с кем-либо обнимается; обязательное условие – присутствие на фото изображения шоколада Milka.

Еще одним примером контаминации может служить название конкурса от бренда дезодорантов Rexona – «*Непотек*»: **Непотек**. *Больше движений – меньше ипотека. Покажи, как много ты двигаешься, и Rexona поможет погасить твою ипотеку и кредит!* Данное новообразование является результатом наложения основы глагола *потеть* с отрицательной частицей *не*, отсылающего к основному предназначению дезодоранта, и существительного *ипотека*, погашение которой заявлено в качестве приза конкурса.

Ориентированность рекламного текста на массовую аудиторию обуславливает необходимость создания новообразований, отвечающих не только требованиям аттрактивности, оригинальности, но и понятности, прозрачности внутренней формы. Этим объясняется распространённость в рекламном словообразовании субститутивного способа, т.е. создания слов по конкретному образцу.

Заметим, что выделение слов, образованных способом субституции, вне контекста связано с некоторыми трудностями: далеко не всегда можно однозначно утверждать, образовано ли слово по образцу или же оно создано узуальным способом. Например, в определении способа образования рекламного неологизма *ценопад* возможна двойная мотивация – сложение с нулевой суффиксацией или образование по образцу слов *снегопад*, *листопад*.

Субститутивный способ определяется однозначно в случае, если в тексте присутствует само слово-образец или слово, вызывающее ощутимые ассоциации с вытесненной частью, что и способствует правильной идентификации новообразования.

Например, как субститутивные дериваты мы рассматриваем слова **бонусопад**, **скидкопад**. Наличие в рекламном тексте прилагательного *осенний* свидетельствует о том, что словом-образцом высту-

пило существительное *листопад*): **Осенний бонусопад**: при заказе до 24.09 подарим до 500 рублей бонусами; Продолжаем осенний **бонусопад**! До 500 рублей бонусов в подарок при онлайн-оплате заказа в эти выходные! (интернет-магазин unizoo.ru); **Только 5 дней! Осенний скидкопад**! С 9 по 13 октября (магазин «М-видео»).

Аналогичным образом создано новообразование **китекиада**, послужившее названием конкурса от бренда Kitekat. Образцом в данном случае выступило слово *олимпиада*, освещение которой в тот момент было в центре внимания СМИ.

По образцу названий асан, принятых в йоге (асана – поза, положение тела), образованы слова, использовавшиеся в серии рекламных роликов о «котойоге» в ходе рекламной кампании производителя кошачьего корма Perfect Fit: **котасана, хвостасана, валясана** (ср., названия асан в йоге: *вирасана, шавасана* и др.).

Таким образом, лексические инновации, используемые в языке современной российской рекламы, создаются как узуальными, так и незузальными способами деривации. Созданные слова призваны выполнять целый ряд прагматических функций: привлекать внимание непривычностью формы; компактно выражать сложные имплицитные смыслы; формировать положительное восприятие рекламы адресатом, получающим интеллектуальное удовольствие от декодирования игрового приема; способствовать запоминаемости объекта рекламы.

Литература

1. Амири, Л.П. Словообразовательная игра: к вопросу о количественном соотношении окказиональных существительных, прилагательных и глаголов в текстах рекламного дискурса // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 3. С. 44-54.
2. Аниськина, Н.В., Колышкина, Т.Б. Модели анализа рекламного текста. – М.: ФОРУМ; НИЦ ИНФРА-М, 2013. 304 с.
3. Ильясова, С.В., Амири, Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М.: Флинта, 2009. 296 с.
4. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 332 с.
5. Шаталова, Ю.Н. Новообразования-субстантивы в живой разговорной речи: узуальные способы деривации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 5. С. 204-210.

Abstract. The article is devoted to the problem of word creation in advertising language. The author researches lexical innovations recorded in advertising texts, reveals the most productive methods of substantives derivation, and analyzes structural-semantic features of new nouns.

Keywords: advertising language, advertising text, word creation, lexical innovations, occasionalism.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Виниченко М.А.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПЬЕСЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ИСПАНЦЫ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
vinichenko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ игрового поведения романтического героя драматургии XIX века в общеевропейском историческом контексте на примере пьесы М.Ю. Лермонтова «Испанцы». Рассмотрены языковые и неязыковые средства, раскрывающие непосредственно игровой подтекст поведения героя. Описана эволюция развития романтического героя как личности данного исторического контекста.

Ключевые слова: Романтический герой, игра, драматургия, культура, общеевропейский литературный контекст, исторический контекст.

Тема игры будет актуальна и интересна человечеству до тех пор, пока существует общество, так как именно в нем может реализовываться идея социальной игры людей.

В предлагаемой статье рассматривается реализация игрового поведения личности в определенных условиях: объективном историческом контексте существования и субъективном мире переживаний. В качестве эмпирического материала мы опираемся на культурное наследие общеевропейской и отечественной литературы, проводя психологический анализ игрового поведения персонажей драматургии XIX века.

Если обратить свой взгляд на функцию игры в культуре, то ее можно найти как заданную величину, сопровождающую и пронизывающую ее с самого начала вплоть до той фазы культуры, в которой мы живем. Всюду можно заметить присутствие игры как определенного качества деятельности, отличного от «обыденной» жизни.

Искусство и действительность – два противоположных полюса, граница пространства человеческой деятельности. В пределах этого пространства и разворачивается все разнообразие поступков человека. Объективно искусство всегда тем или иным способом отражает явления жизни.

Так, классицизм разгораживал искусство и жизнь непреодолимой гранью. Это приводило к тому, что, восхищаясь театральными героями, зритель понимал, что их место – на сцене, и не мог, не рискуя показаться смешным, подражать им в жизни. Законы и того, и другого были строги и неукоснительны для художественного или реального пространства.

Между тем, в начале XIX века грань между искусством и бытовым поведением зрителей была разрушена. Театр вторгся в жизнь, ак-

тивно перестраивая бытовое поведение людей. Монолог проникает в письмо, дневник и бытовую речь. Люди ведут себя в жизни как на сцене. Повторяют поведение героев, известных им по многочисленным отражениям в театре, поэзии, изобразительном искусстве.

Искусство становится моделью, которой жизнь подражает. «Особенную роль в культуре XIX века в общеевропейском масштабе сыграл театр. Это тем более показательно, что роль театра ни в коей мере в эту эпоху не пропорциональна месту драматургии в общей системе литературных тестов. Театрализуется эпоха в целом. Специфические формы сценичности сходят с театральной площадки и подчиняют себе жизнь» [Лотман, 1994: 48].

Трагедия, разыгравшаяся на полях Европы, активно формировала психологию людей начала XIX века, в частности, приучала их смотреть на себя как на действующих лиц истории, приучала к сознанию собственного величия. Показательно предложение К. Рылеева, выходя 14 декабря на площадь, надеть «русский кафтан». Здесь был значим факт перевоплощения, поскольку Рылеев, конечно, не рассчитывал, что его в таком костюме могут посчитать человеком из народа. Неслучайно Николай Бестужев назвал этот план «маскарадом» [Лотман, 1994: 203].

Эстетическая игровая сущность такого поведения заключалась в том, что, становясь Брутом или Демоном и ведя себя в соответствии с этой принятой на себя ролью, русский дворянин не переставал одновременно быть именно русским дворянином своей эпохи. Эта двойственность поведения становится символом эпохи. Двойственность, ярко проявляющаяся и свойственная целому поколению.

Показательно устойчивое стремление осмыслить законы жизни дворянского общества через призму наиболее условных форм театрального спектакля – маскарада, кукольной комедии и балагана, с чем постоянно встречаемся в литературе конца XVIII – начала XIX веков. К наиболее ранним сопоставлениям света и маскарада относится место в «Почте духов» Крылова: «...сей свет есть не что иное, как обширное здание, в котором собрано великое множество маскированных людей, из коих, может быть, большая часть под наружную личиною в сердцах своих носят обман, злобу и вероломство» [Лотман, 1994: 284].

Взгляд на реальную жизнь как спектакль не только давал человеку возможность избирать амплуа индивидуального поведения, но и наполнял его ожиданием событий. Сюжетность, то есть возможность неожиданных происшествий, неожиданных поворотов становилась нормой. Именно модель театрального поведения, превращая человека в *действующее* лицо, освобождала его от автоматической власти группового поведения, обычая.

«В любом человеческом поведении присутствует момент представления, игры. Ожидания окружающих и собственные представления личности об этих ожиданиях заставляют ее учитывать их в своем поведении» [Кон, 1999: 126].

Поиски смысла жизни индивидуального существования упираются в вопрос о том, куда идет общество в целом, во что верить, к чему стремиться.

Проблема «личность и общество» стала одной из ключевых в литературе 30–х годов XIX века в России. В связи с «театрализованностью» отношений в обществе, лицемерие которых повседневно разоблачается жизнью, чувство противоречия, двойственности испытывает Лермонтов и все его поколение. В центре внимания Лермонтова-драматурга – внутренняя опустошенность личности, своеобразно преломляющая в себе духовный кризис господствующей идеологии.

Драматургический конфликт лермонтовских пьес основан на трагическом столкновении благородного героя с враждебным окружением; герой как бы вырастает из всего предшествующего романтического творчества писателя: человек сильных и ярких страстей, «с тяжкой ношей самопознания», постигающий несовершенство мира, одинокий, непонятый. Драмы Лермонтова проникнуты общими для всего его творчества темами и мотивами. Ведущими мотивами драматургии Лермонтова являются мотивы игры, которые занимают в творчестве Лермонтова заметное место и могут быть поняты лишь в обще-европейском литературном контексте.

Драматургическое наследие Лермонтова составляют пять пьес (не считая отрывка «Цыганы»), написанных в период 1830 – 1836 годов: незавершенная стихотворная трагедия «Испанцы» (1830), драмы «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти», 1830), «Станный человек» (1831), «Маскарад» (1835), «Два брата» (1836), а также многочисленные наброски нереализованных сюжетов.

«Испанцы» – первое законченное драматическое произведение Лермонтова (1830), трагедия. Интерес к испанской теме характерен для Лермонтова («Две невольницы», «Исповедь» и другие) и отражает общественное внимание тех лет к событиям Испанской революции 1820 – 1823 годов.

В сюжете трагедии соединены приметы разных периодов испанского средневековья (XV – XVII вв.), которое служило для Лермонтова своего рода символом жестокой, антигуманной сущности жизни и открывало простор для политических аналогий с русской действительностью. Обобщенность и романтическая условность изображения сочетаются с конкретностью исторических деталей и национального колорита.

В «Испанцах», как и полагается романтической драме, один герой. Остальные действующие лица призваны как бы разъяснить его внутреннюю драму.

В пьесе реализуются и мотивы игры. Необходимо отметить, что нашим «путеводителем» в определении игрового поведения персонажей будут служить в первую очередь авторские ремарки, типа – «в

сторону», «один», «про себя» и прочие, которые помогут нам выявить в тексте драмы игровое поведение персонажа.

В «Испанцах» носителем игрового характера является отец Соррини.

Итак, отец Соррини – представитель церкви, святой инквизиции средневековья. Его игра являет собой социального рода игру, обусловленную выполняемой им в обществе функцией – ролью священнослужителя. Данный вид игры, социальной игры, не находит своего отражения в классификации Ю.В. Манна, однако в нашей работе его выделение необходимо, так как мы сталкиваемся с ним при анализе произведения.

Уже с первого своего появления в пьесе Соррини обнаруживает чувства (авторская ремарка), не соответствующие его роли, но непременно от него ожидаемые окружающими.

Алварец

Как поживаете, святой служитель божий?

Соррини

(кланяясь, **с притворством**¹ глаза к небу)

Помилуйте, я лишь смиренный раб его

И ваш слуга покорнейший.

Поскольку необходимый – ожидаемый – ритуал приветствия завершен, можно предаться и собственным переживаниям.

Соррини

(в сторону)

Так жалко, что его карманы пусты,

А то набил бы я свои потуже.

Обратимся к другой, не менее интересной сцене, где Соррини, подобно актеру, добросовестно выучившему свою роль, демонстрирует всю гибкость своего таланта.

Слуга Соррини входит с письмом и отдает его своему господину.

Слуга.

Отец Соррини! вот письмо от бедной.

Соррини.

Да от кого письмо, – какая крайность?

Слуга.

От бедной женщины, которую прогнали

Намедни вы...

Соррини.

(прерывает его)

И нынче приходит велел.

Слуга.

О, господин мой, как она жалка;

Я, слыша речь ее, расплакался...<...>

¹ Здесь и далее выделение шрифтом авторское – Виниченко М.А.

Соррини.
Молчи, молчи – не то и я заплачу!... <...>
 (слуге **громко**)
Дай пять серебряных монет – да от меня –
 Слуга смотрит на него. Соррини подходит и говорит **тихо**.
Ступай; дай ей одну!..
 Слуга
Да сжальтесь!..
 Соррини.
 (топнув, **громко**)
Как? Много?
Добра не делаем мы никогда довольно...

(IV, 136 – 137).

Таким образом, используемое в самом начале драмы лермонтовское – «с притворством» в представлении Соррини не случайно. Оно получает свое развитие по мере действия в пьесе, обнаруживая игровое поведение Соррини, которое разворачивается и ремарками «тихо» – «громко». Соррини ведет себя как профессиональный актер, хорошо знающий сценарий действия и регулирующий в нужных местах, в зависимости от значимости сообщаемого, интонацию своей речи.

Соррини по истине трагический персонаж. Зная всю подноготную «святой инквизиции», он разуверился не только в величии Церкви, но и в могуществе Божьем, раз он позволяет существовать такому мироустройству, где все и вся решает «металл, в земле открытый». Бога нет в этом мире, так как любой ценою золото может претендовать на его промысел: и карать, и прощать.

Что значит золото? – оно важней людей,
мы можем,
Купивши индугенцию,
Грешить без всяких дальнейших опасений
И, несмотря на то, попасть в рай.
купить еще на десять лет
И больше отпущения грехов!
Грехов! ха! ха! ха! ха! – на что оно годится
Для тех, которые ему душой не верят?
А я и без него умею обойтись.

(IV, 156 – 157).

В монологе слышится горечь разочарованного человека. Душа Соррини не нуждается даже в «отпущении грехов», потому что «на что оно годится», если все вершит золото и он может «купить» это отпущение.

Следующий момент не менее важен в понимании сущности игрового поведения Соррини.

История посвящения Соррини такова, что его насильно постригли в монахи и определили на службу Богу. Но юноша вскоре разоча-

ровался: сначала в форме служения, а потом и в объекте служения. Но «выбор» сделан и обратной дороги нет. Соррини искусно приспособляется к «святой» среде, презирая ее, но живя по ее законам. Соррини отделили от мира реальной действительности – сделали священником, другие люди, но уже сам он прошел полный путь отчуждения от Бога.

Пробивается наружу демоническое начало Соррини – он отказывается от Бога. Но и в этом отказе сокрыто трагическое противоречие: отказался от бога под его же началом и вынужден пребывать во власти законов религии, помимо того, что он существует в своем мире, созданном по своему подобию.

Как и любой лермонтовский герой, Соррини задается извечным вопросом: зачем я жил? – в мучительных поисках ответа.

(смотрит на часы.)

Я жил! Зачем я жил?

[IV, 168].

Соррини не находит смысл своей жизни и противопоставляет себя богу, создавая свой мир, свою религию, свою веру:

О наслажденье! я твой раб, твой господин!

[IV,172].

Соррини живет в своем мире как творец и в то же время как раб, но живет он по своим законам, в собственном созданном мире, куда нет доступа ни богу, ни человеку. Он один!

Как бы противоречиво не выглядел и не чувствовал себя человек в разных ситуациях, он все-таки остается самим собой, в его поступках есть известная последовательность, а в мотивах – внутренняя логика. Даже «отчуждая» некоторую часть своих переживаний, представляя их в виде внешней «маски», человек не отказывается от своего «авторства».

Человек не может без серьезного ущерба для себя, своей психики длительное время жить в атмосфере внутреннего разлада. Рано или поздно он должен сделать выбор. И то, что первоначально кажется просто приспособительным механизмом, с течением времени закрепляется и усваивается. Именно этот процесс – полной интериоризации игровой ситуации – представлен в драме М.Ю. Лермонтова «Испанцы».

Таким образом, общество, класс, социальный институт обладают целой системой воздействий и фильтров, которые формируют и отбирают типы характеров, наиболее пригодных для той или иной деятельности. Вместе с тем, каждый из них имеет и какое-то внутреннее отношение к своей собственной роли.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – СПб.: Специальная литература. – 1996. 256 с.

2. Кон И.С. Социологическая психология. Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК» (Серия «Психология Отечества»). – 1999. 560 с.

3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х т. – Л., 1980.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции рус. дворянства (XVIII-начала XIX века). – СПб.: Изд-во «СПБ». – 1994. 544 с.

Abstract. The article presents an analysis of play behavior romantic hero of the nineteenth century drama in European historical context on the example of the play of Mikhail Lermontov "the Spaniards". Describes the linguistic and non-linguistic means, revealing directly the subtext of the characters' behavior. Describes the evolution of the romantic hero as the personality of this historical context.

Keywords: Romantic hero, play, drama, culture, European literary context, historical context.

Кругляк А.В.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СБОРНИКЕ Н.В.ГОГОЛЯ
«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
976343@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению фантастического в повестях Н.В. Гоголя, в которых выражены представления самого народа, его бесхитростную веру в нереальные создания. Подобно героям народных сказок, враждебные человеку действия показаны в виде «нечистой силы», носителями зла в повестях Н.В.Гоголя выступают мифические персонажи – черти, ведьмы, русалки. Главная задача фантастики здесь, это ярче высветить тонкий психологизм и провести идеи победы блага над злом, доказать, собственно все тайное становится явным, и грехи рано или поздно наказываются.

Ключевые слова: фантастика, нечистая сила, быт, национальное своеобразие, поэтика, романтизм, фольклор, мифология.

Фантастические и мистические темы широко распространены в российской традиционной и прогрессивной литературе. Будучи еще древнее письменного слова, темы эти уходят собственными корнями в фольклорные и мифологические системы славянских и других языков.

В творчестве Н.В. Гоголя мы встречаемся с частыми обращениями к фантастическим мотивам, этому может служить его сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». Как и любой писатель, переосмысливающий в процессе творческой работы первоначальный материал, Н.В. Гоголь не просто перенес на бумагу народные сказания, но сделал на их основе и на основе увиденной им действительности новое, поистине художественное произведение.

В неповторимом сочетании в «Вечерах...» предстают народные легенды и быт, реальное и фантастическое, история и наше время. Н.В. Гоголь искусно перемежает фантастику с яркими реально-бытовыми образами. Рисуя бытовые сцены и картины, писатель насыщает повествование народными сказаниями, которые выступают как неотделимая часть, как значимый эпизод характеристики героев.

Для начала стоит отметить, что Н.В. Гоголь трудился над рассказами исключительно в свободное от службы и других дел время, поздно вечером, когда никто не мешал. Вечер – время воодушевления, располагающего к задумчивости и мечтательности, единению с миром вокруг нас. Вечер – время надежды чудесного, иррационального. Вечер неудержимо впадает в ночь, а это уже вершина таинственного и нереального. Ночь – время высших философских откровений, но одновременно и пик сверхъестественного, когда сам древний хаос встречается с нашей душой. Быть может, потому так вдохновенны «сны» в повестях Н.В. Гоголя. На ночь выпадают необыкновенные действия «Сорочинской ярмарки», ночью совершается убийство в «Вечере накануне Ивана Купала», сведение счетов в «Страшной мести». По ночам строят козни героям черти в «Пропавшей грамоте» и «Заколдованном месте» (Бочаров С.Г. Гоголь в русской критике: Аннотация. М.: Фортуна ЭЛ, 2008.).

Использование фантастики в русской литературе соединено с романтизмом. Романтики высоко предпочитали мощь ее воздействия на читателя. В «Вечерах...» Н.В. Гоголь довел до совершенства романтическое умение перевода обычного в необычное, перевоплощение реального в сновидение, сказку. Границы между реальным и фантастическим, к примеру, у Н.В. Гоголя неуловимы – разве чуть усиливается музыкальность и поэтичность авторской речи, она незаметно проникается переживаниями героя и вроде бы освобождается от конкретности и «телесности», становится легкой, «невесомой» в повести «Майская ночь, или утопленница»:

«Непреодолимый сон быстро стал смыкать ему зеницы, усталые члены готовы были забыться и онеметь; голова клонилась... «Нет, эдак я засну еще здесь!» – говорил он, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась перед ним еще блистательнее. Какое-то странное упоительное сияние примешалось к блеску месяца.» (Белый Андрей. Мастерство Гоголя. Исследование. М.: Книговек, 2011, с. 78) – далее реальное все более «отступает», и разворачивается чудесный сон Левка. Поэзия Н.В. Гоголя в первой книге отображает не только таинственную музыку романтической мечты, но и насыщенные, сверкающие краски (описание летнего дня в Малороссии). Буйство красок, богатство света, внезапные контрасты и смена ослепительно-ярких, лучистых и темных тонов «овеществляют» романтические мысли сборника, несут внутри себя оптимистическую, мажорную устремленность (Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Собр.соч. в 3 т. М.: Просвещение, 1948.).

В творениях Н.В. Гоголя «фантастическое» соединено с фольклором, карнавальная традиция. Фольклорное начало осязаемо и в фантастике «Вечеров...». Н.В. Гоголь изображает жизнь, преображенную народной фантазией. Но фантастическое – не просто «объект изображения». Оно ценно для Н.В. Гоголя свободным, творческим

изображением мира, верой в его «чуждость» и потому соприкасается с определенными гранями эстетического идеала писателя. Создавая веселый мир мечты, Н.В. Гоголь часто обращается к «нестрашной» комической фантазии, так часто встречающейся в народных сказках. Фантастические персонажи в «Вечерах...» имеют все шансы помочь человеку (панночка – утопленница в «Майской ночи») или пытаются ему навредить, хотя при этом в большинстве случаев оказываются побежденными смелостью, разумом, находчивостью гоголевских героев (черт в «Ночи перед Рождеством») (Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. М.: АСТ, 2013.).

В гоголевских повестях «фантастическое» мыслится как последствие воздействия определенных «носителей фантастики».

Исходя из данного выделим следующие разновидности фантастики:

1) «очевидная» фантастика – «носители фантастики» принимают конкретное участие в развитии сюжета. Воздействие повести относится к минувшему, а необыкновенные деяния сообщаются либо автором-повествователем, или персонажем, выступающим основным повествователем. В этом случае «умопомрачительное» смешивается с «настоящим». Согласно заявлению В.Г. Белинского, возникает особый мир «поэтической действительности, в которой никак не узнаешь, что в ней быль и что сказка, но все поневоле принимаешь за быль» (Золотусский И.П. Гоголь в Диканьке. М.: Алгоритм, 2007. 240 с., с. 114).

Броский комический эффект производит авторский прием «обытовления» фантастического. Черты и ведьмы в «Вечерах...» перенимают ухватки, манеру поведения обычных жителей нашей планеты, вернее, комедийных персонажей;

2) «неявная» («завуалированная») фантастика – нет прямого указания на нереальность действия, влияние доводится в реальном, создается воспоминание, что создатель стремится сгладить чувство нереальности действия. Фантастика сообщается через басни, которые почти всегда размещаются в вступлении, эпилоге, вставных основополагающих;

3) особая разновидность фантастики – «нефантастическая» – свойственна для более поздних творений Н.В. Гоголя. Единственная повесть из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», в какой в большей степени появляются черты данного вида фантастики, это «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Повесть располагается вне демонологии, и единственной фантазмагорией считается сон Шпоньки перед женитьбой (ТерцАбрам (Андрей Синявский). В тени Гоголя. М.: КоЛибри, 2009).

Итак, «реальное» и «фантастическое» в процессе авторской переработки мифологических архетипов сближаются и попадают друг в друга. Грани между ними стираются, они переплетаются между собой,

дополняют друг друга, и трудно становится представить себе одно в отсутствии другого. Фантастика переходит в бытовой план.

Н.В. Гоголь был родоначальником данного «фантастически-мистического» вида прозы, у которого появились последователи в русской литературе. Одним из самых ярчайших писателей данного стиля считается Михаил Булгаков. У Н.В. Гоголя чрезвычайно тонко и гармонически смешиваются данные два мира – потусторонний и реальный – между ними нет грани, да, наверное, ее и вовсе не быть может.

Литература

1. Бочаров С.Г. Гоголь в русской критике: Аннотация. М.: Фортуна ЭЛ, 2008. 723 с.
2. Белый Андрей. Мастерство Гоголя. Исследование. М.: Книговек, 2011. 416 с.
3. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Собр.соч. в 3 т. М.: Просвещение, 1948. 524 с.
4. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. М.: АСТ, 2013. 444 с.
5. Золотуский И.П. Гоголь в Диканьке. М.: Алгоритм, 2007. 240 с.
6. Манн Ю. В. Постигая Гоголя. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс. 2005. 206 с.
7. ТерцАбрам (Андрей Синявский). В тени Гоголя. М.: КоЛибри, 2009. 672 с.

Abstract: The article is devoted to the study of the fantastic in the novels of N.V. Gogol, in which the representations of the people, his simple-minded faith in unreal creatures are expressed. Like the heroes of folk tales, actions hostile to man are shown in the form of "evil spirit", carriers of evil in the novels of N.V. Gogol act mythical characters – devils, witches, mermaids. The main task of science fiction here, it is brighter to highlight the subtle psychologism and to hold the ideas of the victory of good over evil, to prove, in fact, all the secret becomes obvious, and the sins of the summer early or summer are punished late.

Keywords: fiction, gogol, unclean force, way of life, farm, national originality, poetics, romanticism, folklore, mythology.

Ночевка Е.И.

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
970938@bsu.edu.ru

Аннотация. Цель данной научной работы – репрезентировать тему «маленького человека» в историко-литературном контексте и продемонстрировать, как тема униженного эпического героя реализуется и трансформируется в произведении Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Макар Девушкин, Варенька Доброселова, «Бедные люди», «маленький человек», трансформация образа.

Тема «маленького человека» в русской литературе периода XIX–XX веков являлась одной из основополагающих и резонирующих

в обществе, в то же время, не утрачивая своей актуальности и в современном мире. Впервые в русской литературе образ «маленького человека» представил Н.М. Карамзин в повести «Бедная Лиза». Продолжателем темы стал А.С. Пушкин в повестях «Станционный смотритель» «Гробовщик» и поэме «Медный всадник». В дальнейшем тема получила свое развитие в произведениях Н.В. Гоголя «Шинель», Ф.М. Достоевского «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», А.П. Чехова «Человек в футляре», М. Горького «Макар Чудра» и т.д.

Фактически, внимание окружающих во все времена не привлекали всеми униженные и оскорбленные люди. Их жизнь, их маленькие радости и большие беды кажутся всем ничтожными, недостойными внимания. Жестокое время заставляло «маленьких» людей замыкаться в себе, полностью уходить в свою страдающую душу с наболевшими проблемами того периода, жить незаметной жизнью и так же незаметно умирать.

Петр Вайль очень верно определил: «Маленький человек из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров герои Кафки, Беккета, Камю.

Советская культура сбросила башмачкинскую шинель – на плечи живого Маленького человека, который никуда конечно не делся, просто убрался с идеологической поверхности, умер в литературе» (Вайль, 1992: 228).

В данной статье мы проследили эволюцию темы «маленького человека» на материале романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и выявили особенности авторского видения и толкования проблемы типажа. Ф.М. Достоевский предстает перед читателями не только продолжателем традиций в русской литературе, он расширяет анализ одной из главенствующих проблем – «маленького человека», трансформируя ее в тему «бедных людей», «униженных и оскорбленных». В связи с этим творчество Достоевского тематически цельно и логично.

Как и многие выдающиеся русские писатели, Достоевский уже в первом своем романе «Бедные люди» (1846) обращается к теме «маленького человека». Главный герой романа – Макар Деушкин – бедный чиновник, подавленный горем, нуждой и социальным бесправием. Как и Гоголь в повести «Шинель», Достоевский сосредоточился на теме бесправного, безмерно униженного и забитого «маленького человека», живущего своей внутренней жизнью в условиях, грубо пренебрегающих достоинством личности.

В то же время, уникальность романа заключается в том, что «маленький человек» впервые заговорил самостоятельно, а не от лица стороннего наблюдателя. Макар Деушкин и Варенька Доброселова

предстают перед читателем как люди невероятной душевной чистоты и доброты. Каждый из них готов отдать последнее ради друг друга. Макар – это человек, способный сочувствовать, сопереживать, мыслить и рассуждать, а, по мнению самого Достоевского, это лучшие качества «маленького человека». Для «бедного» человека самоцелью является уважение и небольшое, но все же место в обществе, а в результате приходит понимание – это невозможно: «И ведомо каждому, Варенька, что бедный человек хуже ветошки и никакого ни от кого уважения получить не может, что уж там не пиши» (Достоевский, 2016: 19). Протест Макара Алексеевича против чудовищной несправедливости абсолютно безнадежен

Во время прочтения пушкинского «Станционного смотрителя» и гоголевской «Шинели» Девушкин испытывает потрясение и обнаруживает в героях произведений самого себя: «...ведь скажу вам, маточка, случится же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя, как по пальцам разложена» (Достоевский, 2016: 39).

Литературовед Гус считает: «Несмотря на крайнюю бедность, нравственно подавляющую его, на полную зависимость и робость перед начальством, мелкий чиновник у Достоевского не только осознает, но и внутренне защищает на уровне своих понятий и принципов свое человеческое достоинство, глубоко затаенную гордость маленького, незаметного, но честного труженика, которую Макар называет «амбицией» (Гус, 1962, 135). Макар не без гордости констатирует: «Служу безукоризненно, поведение трезвого, в беспорядках никогда не замечен» (Достоевский, 2016: 21). Как гражданин считает себя имеющим свои недостатки, но вместе с тем и добродетелем: «Амбиция моя мне дороже всего» (Достоевский, 2016: 23). Увидев на улице шарманщика, который «милостыни просить не хочет» и «хоть целый день ходит да мается – зато сам себе господин, сам себя кормит» (Достоевский, 2016: 28), Девушкин пишет о себе: «Вот и я точно так же, как этот шарманщик... в своем смысле, в благородном-то, в дворянском-то отношении точно так же, как и он по мере сил тружусь, чем могу, дескать» (Достоевский, 2016: 28).

В самоанализе своего якобы незначительного, но в то же время честного и бескорыстного труда, Макар Алексеевич порой подводит себя к осознанию невероятных контрастов социальной жизни, одновременно подавляя в себе это явное «вольнодумство», но прослеживается тенденция – он не в состоянии полностью отречься от собственных рассуждений. Особенно беспокоит его судьба бедной Вареньки: «От чего вы, Варенька такая несчастная... От чего это так все случается, что вот хороший то человек в запустении находится, а другому кому счастья само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что нехорошо это думать, что это вольнодумство...» (Достоевский, 2016: 19).

Особенности типажа «маленького человека» у Достоевского проявляются в его способности к «погружению в себя самого», в попытке

психологического самоанализа, рефлексии и стремлении сделать соответствующие обобщения. «Он, бедный-то человек, он взыскателен, он и на свет-то божий иначе смотрит... да вокруг-то себя смущенным взором поводит, да прислушивается к каждому слову, – дескать, не про него ли там говорят? Что вот, дескать, что же он такой незаметный?» (Достоевский, 2016: 41). Даже в лучшую минуту жизни, когда начальник дал ему из жалости 100 рублей, он не может не страдать: «Мне, впрочем, покойно, очень покойно. Только душу ломит, и слышно – там в глубине душа моя дрожит, трепещет, шевелится» (Достоевский, 2016: 32).

В совокупности характера и положения одинокого, пожилого, бедного чиновника вполне естественна и логична внезапно пробудившаяся в нем нежная привязанность к такой же бедной и униженной Вареньке – молодой девушке, «изнуряемой» мечтательностью, переживаниями, и «болезненными впечатлениями», у которой «душа так часто просит слез» (Достоевский, 2016: 13). Девушка признается: «Как вы мне явились, так вы всю мою жизнь осветили темную» (Достоевский, 2016: 26). Но тем драматичнее для них становится вынужденный брак Вареньки со своим обидчиком, помещиком Быковым, и возникшая вследствие этого внезапная разлука с Девушкиным.

Трогательная переписка героев, являющая собой гармоничный симбиоз искренности, душевных изменений и сердечных надрывов, представляет собой непосредственно проявления внутреннего мира «маленьких людей». Характерен и язык писем – Девушкин говорит спотыкающимся, затрудненным языком с неоправданными повторами и бесчисленными уменьшительными словами («маточка», «придумочка», «сердчишку моему»), демонстрирующими не только ласковый тон его речи, но и устоявшуюся привычку к самоуничижению.

Отношение Девушкина к Вареньке сродни отцовскому чувству Самсона Вырина к Дуне, он близок пушкинскому герою в своей готовности защитить ближнего, еще «меньшего» человека, в чувстве собственного достоинства. Макар Девушкин очень любит Вареньку: покупает ей то, о чем она мечтает, хотя девушка об этом не просит, а сам остается фактически без пищи, становится должником хозяйки дома. В свою очередь Варенька, узнав о беде Макара, пытается ему помочь: высылает деньги, чтобы он смог расплатиться с хозяйкой и чего-нибудь себе купить. Следует отметить, что она отдает далеко не лишние деньги, заработанные ее кропотливым трудом. Жалость и доброта свойственны этой нежной девушке, зеркально отражаясь в характере Макара, спасшего Вареньку от злобной родственницы. В их отношениях первоочередную роль играет взаимовыручка, т.к. исключительно на нее и могут надеяться «бедные» люди.

Отсюда идут тонкие нити, связывающие Макара Девушкина с другими людьми, непреодолимое стремление помочь беззащитной, обездоленной Вареньке, избавив ее от нищеты, уберечь от скверных посягательств на ее честь. Ему, живущему в доме, где «люди так и

мрут» (Достоевский, 2016: 8), дана сердечная способность помочь страждущему. Гораздо больше, чем от осознания собственной бедности, с которой он готов примириться, Девушкин страдает от невозможности облегчить участь близкого человека, бедняка-соседа Горшкова, нищего ребенка на улице. Подобные источники страдания возвышают Девушкина, превращают его, несмотря на его слабости, в подлинно положительную личность, великого «маленького человека». Продемонстрировав страшную драму «маленького человека», Ф.М. Достоевский все же возвышает ее до трагедии.

Гуманистическая ориентация «Бедных людей» была замечена критикой. В.Г. Белинский восторженно приветствовал Достоевского: «Это талант необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первым произведением своим, резко отделился от всей толпы наших писателей...» (Белинский, 1948: 163). В то же время, по мнению исследователя Храмцева, «влияние А.С. Пушкина в «Бедных людях» оказывается вторично – Н.В. Гоголь пишет с оглядкой на Пушкина, а Ф.М. Достоевский перенимает взгляды на Гоголя и его «Шинель» (Храмцев, 2004: 37). Общие черты развития темы Пушкиным, Гоголем и Достоевским – это схожие трактовки образа маленького человека, постановка проблемы, интерес к исповедальности.

Достоевский продолжил исследования души «маленького человека», углубился в его внутренний мир. «Маленький человек» Ф.М. Достоевского полностью осознает свою ненужность, бесполезность как для общества в целом, так и для конкретных, близких ему людей. Но писатель считал, что «маленький человек» не заслуживает подобного к себе обращения. «Маленький человек» Достоевского не только «униженный и оскорбленный», понимающий свое ничтожество, он еще и философ, ставящий перед обществом вопросы величайшей важности, подтверждающие его стремление к рассуждению и самоанализу.

Литература

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Том III. Статьи и рецензии 1843-1848. – М.: ОГИЗ, 1948. 549 с.
2. Вайль П. Смерть героя // Знамя, № 11, 1992. С. 228.
3. Гус М.С. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. – М., 1962. 512 с.
4. Достоевский Ф.М. Бедные люди. – М.: Искатель, 2016. 96 с.
5. Храмцев Д.В. Пушкин и Достоевский // Журнал Самиздат от 06.09.2004. С.37.

Abstract. The aim of this scientific work is to present the theme of a «small man» in the historical and literary context and shows how the theme of a humiliated epical hero is implemented in this work by Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky, Makar Devushkin, Varvara Dobroselova, “The Poor People”, “small man”.

Солдатова К. Э.

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
788922@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлено изучение мотивной структуры романа Е. Водолазкина «Авиатор». Определены сюжетобразующие мотивы, особенности их взаимодействия и формы художественного воплощения. Анализ мотивов позволяет определить проблематику романа, выявить индивидуальность стиля писателя, а также включить произведение в контекст отечественного литературного процесса.

Ключевые слова: мотивная структура, мотив, сюжетобразующий, смысловая оппозиция, стиль, роман, «Авиатор», Е. Водолазкин.

Роман Е. Водолазкина «Авиатор», вышедший в 2016 году, сразу вошел в список номинантов нескольких престижных литературных премий: «Русский Букер», «Книга года», «Большая книга». Большинство критиков сходятся во мнении, что новая книга писателя отличается от его предшествующих произведений: она нова по форме, по героям, по языку.

На наш взгляд, наиболее адекватен сложной по сюжетостроению и стилю прозе Е. Водолазкина «мотивный» подход. В этом мы солидарны с Е. Р. Кобзарь, автором статьи «Сотериологические мотивы в романах В. Набокова «Лолита» и Е. Водолазкина «Лавр» (Кобзарь, 2015). Других исследований мотивной структуры романов Е. Водолазкина до настоящего времени не предпринималось, в том числе не изучена мотивика романа «Авиатор». Анализ мотивной структуры произведения позволяет выявить, с одной стороны, самобытность творчества отдельного писателя, с другой стороны, целостность отечественного литературного процесса.

В связи с этим цель данной работы состоит в рассмотрении ряда мотивов в романе «Авиатор», выявлении особенностей их взаимодействия и форм их художественного воплощения, что позволит говорить о проблематике романа и особенностях стиля писателя.

Вслед за И. В. Силантьевым мы определяем повествовательный мотив как «повторяющийся элемент повествования» (Силантьев, 2004: 15). По мнению Б. М. Гаспарова, «в роли мотива может выступать любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и.т.д.» (Гаспаров, 1994: 30).

Мотивная структура произведения образуется в результате взаимодействия мотивов в тексте. Смысловое насыщение мотива обусловлено соотношением его вариантов и сочетаниями с другими мотивами.

Б. М. Гаспаров, говоря об интертекстуальном анализе, отмечает, что «текст есть смысловая «сетка связей» (Гаспаров, 1994: 285), и в то же

время текст есть «сетка мотивов» (Гаспаров, 1994: 288); мотивы и обеспечивают смысловые связи текста – как внутри, так и за его пределами. В своей работе мы будем опираться на данный научный подход.

Принцип лейтмотивного построения повествования определяет смысловую структуру «Авиатора». Е. Водолазкин использует прием концентрации мотивов вокруг образа центрального героя. Главный герой – Иннокентий Платонов, замороженный во время сталинских репрессий в Соловецком лагере и воскресший в 1999 году благодаря медицинским новшествам.

Бинарное мышление автора находит воплощение в поэтике романа. Это проявляется в использовании парных сюжетообразующих мотивов: смерть-воскрешение, преступление-наказание, преступник-жертва, возмездие-прощение, свой-чужой.

Мотивы смерти и воскрешения являются ключевыми и подчиняют себе структуру романа. Смерть забирает всех близких Иннокентия – отца, мать, Анастасию, ее отца, кумира детства, летчика Фролова. Отбывая наказание на Соловках, молодой человек осознанно выбирает заморозку как безболезненный способ уйти из жизни.

Смысловая оппозиция «смерть-воскрешение» воплощается в контексте по-разному. В памяти героя всплывают воспоминания о лаборатории ЛАЗАРЬ, которая замораживает живые организмы с целью их дальнейшего воскрешения. Название лаборатории отсылает к библейскому образу Лазаря из Вифании, которого Иисус Христос воскресил через четыре дня после смерти. Не случайно Иннокентий неоднократно сравнивает себя с ним: «у обоих было время подготовиться», «...мысли перед уходом были, возможно, одни и те же» (Водолазкин, 2016: 286).

Герой видит в своем воскрешении Божий промысел, так как «для всякого возвращения должны быть веские причины» (Водолазкин, 2016: 287). Лазарь «свидетельствовал о всемогуществе Господнем» (Водолазкин, 2016: 287), Иннокентий – живое свидетельство, «воскрешение» своего времени.

Мотивы смерти и воскрешения реализуются и в любовном сюжете. Благодаря Насте Платонов получает второй шанс на любовь. Молодой человек отмечает, что Настино имя тоже говорит о воскрешении (Анастасия – греч. «воскресшая»). С одной стороны, Настя в своем лице воскресила для героя его первую любовь – умершую Анастасию, с другой стороны, своей любовью она возвращает Иннокентия к жизни.

Иннокентий Платонов – своеобразная аллюзия на Родиона Раскольникова. Для обоих героев евангельская притча об умершем и вновь воскресшем Лазаре становится знаковой. Оба героя воскресают, открыв в себе любовь к девушке.

Мотивы смерти-воскрешения представляют собой не только перемещение героя из области смерти в область жизни, но и своеобразное оживление, воскрешение души, исцеление греха. Это подчеркива-

ется сцеплением бинарных мотивов – преступление-наказание, преступник-жертва, возмездие-прощение, свой-чужой.

Иннокентий Платонов совершает преступление: убивает доносчика Зарецкого, из-за которого был арестован и расстрелян отец его любимой. Убийство происходит с помощью статуэтки Фемиды – символа возмездия, не раз появляющегося в повествовании. Впервые Иннокентий упоминает об этом в детских воспоминаниях: статуэтка стояла на шкафу, но мальчику не нравились весы, «они не качались» (Водолазкин, 2016: 39), и спустя время он отломил их. Вспоминая себя в подростковом возрасте, Платонов думает о том, как «брал ее (статуэтку) в руку <...> любовался совершенством формы на ощупь» (Водолазкин, 2016: 193). «Одна из немногих вещей, сохранившихся от старого времени» (Водолазкин, 2016: 215) – говорит ему Настя. Гейгер, наблюдая за пациентом, также отмечает, что «что-то у них с Фемидой, видимо, связано» (Водолазкин, 2016: 298).

Только в финале романа мужчина признается: «Статуэтка, которая раньше использовалась исключительно в мирных целях, вдруг превратилась в орудие возмездия. Пока шел вдоль Ждановки, ощупывал статуэтку за пазухой, и была она холодной, как топор» (Водолазкин, 2016: 405). Упоминание о топоре – это прямая аллюзия на Раскольникова. Пытаясь увериться в своих силах, герой Водолазкина, как и герой Достоевского, думает о справедливости и правосудии: «Кто и что будет взвешивать, да и кому теперь это нужно? У моей Фемиды оставался только меч» (Водолазкин, 2016: 122).

Образы главных героев воскрешают мотив Каина, первого убийцы на земле. Каин, убив брата, становится вечным изгнанником на родной земле. То же самое происходит и с Раскольниковым: совершив убийство, герой чувствует отчуждение от окружающего мира. Та же участь ждет и Иннокентия, который совершает преступление ради возмездия и получает законное наказание – попадает на Соловки, готовится к смерти и теряет свое родное время: «А я лишился своего родного времени – и тоже ведь за грехи» (Водолазкин, 2016: 297).

Главенствующий прием в романе – сопоставление. Воскреснув в новом времени, Иннокентий отчаянно осознает свою чуждость этому миру. Это усиливается воплощением в художественной ткани романа мотивов свой-чужой. Они реализуются, прежде всего, через образ Робинзона Крузо.

Любимая книга маленького Платоши в детстве – «Робинзон Крузо», Гейгер приносит её Платонову, когда тот приходит в себя: «Я листал книгу и узнавал страницу за страницей. С каждой строкой воскресало всё...кашель бабушки, звон упавшего ножа...дым отцовской папиросы» (Водолазкин, 2016: 34). Иннокентий многократно думает о Робинзоне, представляет себе его, рассуждает о его жизни. Не случайно происходит отождествление себя с героем книги: «Подумал вдруг о лишенных времени и пространства: да ведь это мертвецы. Получается,

что мы с Робинзоном – полумертвые» (Водолазкин, 2016: 297). Так автор объясняет положение ожившего авиатора: Робинзон Крузо, как и Платонов, оказывается в чужом и диком для него мире и времени и не может стать его полноправной частью – «прежние привычки нужно либо забыть, либо воссоздать весь утраченный мир, что очень непросто» (Водолазкин, 2016: 42).

Оппозиция свое-чужое раскрывается и в пространственных описаниях Платонова: «Старые здания даже в таком состоянии не столь удручающи...А новые – непрочные, ненастоящие, сразу видно, что подделка» (Водолазкин, 2016: 169), «Ходил из комнаты в комнату. Всё было совершенно другим – полы, двери, рамы» (Водолазкин, 2016: 151).

Мотив памяти является одним из ключевых: умершие в сознании Иннокентия живут своей жизнью, художественное время в романе обратимо и многомерно, а потому неподвластно исчезновению. Встреча с 93-летней Анастасией в больнице, попытка увидеться с Терентием Осиповичем на кладбище – Платонов отчаянно пытается соединить два разорванных времени и сохранить «своих». Не случайно лейтмотивом станут фразы – «ровесник века» и «не нынешнего века человек», характеризующие Иннокентия и отсылающие к И. А. Бунину.

Попытка сохранить «свое» время находит отражение также в мотивах рисования и ведения дневника: герой вспоминает, что в прошлой жизни обучался живописи в Академии художеств, но утратил способности в процессе размораживания. Однако живописец всё еще живет внутри Платонова – он так же любит словесные описания. Но они, по мнению Иннокентия, должны идти от сердца и быть зафиксированы. Мотив искусства заложен в номинацию «жизнеописатель» – так называет пациента доктор Гейгер, когда просит вести дневник, в котором стоит фиксировать воспоминания и впечатления, это своеобразные знаки оживания героя, его обретения себя. По мнению Платонова, «картины», то есть описания, – это единственное, что остается в потоке времени.

Не находя себя в этом времени, ровесник века меняет роль преступника на роль жертвы: снимается в рекламе замороженных овощей, вынужден помогать чиновникам, хвалить директора газовой компании на корпоративе – «...это снижает трагизм жизни Иннокентия» (Водолазкин, 2016: 243).

Но Водолазкин, как и Достоевский, оставляет своему герою возможность нравственного воскрешения, возможность признания вины и преодоления пропасти, что лежит между ним и окружающим миром.

Таким образом, логика композиции романа прочерчена от греха до раскаяния. Иннокентий просит прощения и у Бога, и у убитого. «О какой справедливости здесь можно говорить?» (Водолазкин, 2016:

404) – понимает теперь Платонов. Мотив прощения реализуется и во встрече главного героя с «лагерным подонком» Ворониным, с которым тесно связаны мотивы свой-чужой, преступник-жертва: «Воронин оказался единственным, кто остался, чтобы свидетельствовать о моем времени. <...> И нет между нами ненависти. Появляется... что-то вроде солидарности. Так на необитаемом острове находишь общий язык даже с дикарем» (Водолазкин, 2016: 364). Платонов отмечает, что «теперь он (Воронин) не столько преступник, сколько свидетель» (Водолазкин, 2016: 364). О прощении говорит и имя Иннокентия (Иннокентий – лат. «невинный»), которым его награждает автор, размышляя о вине и невиновности героя.

Мотив личной вины в романе воплощается в размышлениях Иннокентия о революции 1917-го, которые связаны с мыслью автора о персональной ответственности каждого человека за свои поступки и свой выбор. Общественные и политические события, по мнению героя, только возможность, благодаря которой проявляются индивидуальные человеческие страсти.

Мотив приближающейся смерти Платонова в финале реализует мысль о том, что теперь она осмысливается как христианское понимание вечной, преображенной жизни души. В русле христианской этики меняется и отношение к убитому Зарецкому: «Он, даже самый плохой, становится твоим произведением, ты принимаешь его в себя и начинаешь чувствовать ответственность за него и его грехи» (Водолазкин, 2016: 356). Обращаясь вновь к искусству и рисуя портрет Зарецкого, Платонов уже видит в нем не преступника, а жертву, которая вызывает у него сочувствие: «Он освобождает Зарецкого. Избавляет от его страшной роли – быть мокрицей» (Водолазкин, 2016: 385).

С принятием себя и искуплением своего греха тесно связан мотив полета, возникающий в новых сочетаниях на протяжении всего сюжетного повествования. Сначала он получает свое воплощение в детской мечте Иннокентия стать авиатором: «Его звучание соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь. Это было прекрасное слово» (Водолазкин, 2016: 92). Затем мотив полета реализуется в сцене с Фроловым, детским кумиром. Автор описывает момент гибели летчика, увиденный глазами ребенка. Не случайно в тексте неоднократно цитируется стихотворение А. Блока «Авиатор». Неестественно вывернутая рука будет прямой отсылкой к блоковскому стихотворению: «рука – мертвое рычага» (Водолазкин, 2016: 272). Не осуществив свою детскую мечту, не став авиатором с профессиональной точки зрения, Иннокентий становится им, когда оказывается как бы над временем и пространством. Мотив полета реализуется в образе авиатора, символизирующего процесс духовного становления главного героя, обретения и понимания себя: «Все мы здесь как бы придавлены... А в небе – там всё по-другому» (Водолазкин, 2016: 155).

Таким образом, все представленные мотивы, с одной стороны, включают роман в систему ассоциаций и архетипов отечественной

культуры, а с другой стороны, являются воплощением индивидуального авторского стиля. Через мотивы смерть-воскрешение, преступление-наказание, преступник-жертва, возмездие-прощение, свой-чужой автор анализирует проблемы человека и истории, человека и времени, жизни и смерти, преступления и наказания, любви и прощения.

Литература

1. Водолазкин, Е. Г. Авиатор. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.
2. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. – М.: Наука: Вост. лит., 1994. 304 с.
3. Кобзарь, Е. Р. Сотериологические мотивы в романах В. Набокова «Лолита» и Е. Водолазкина «Лавр // Филологический класс. – 2015. – № 39. С. 105-109.
4. Силантьев, И. В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

Abstract. The article represents the study of the motive structure of the novel «Aviator» by E. Vodolazkin. The plot-forming motifs, the features of their interaction and the forms of artistic embodiment are determined. The analysis of the motifs allows to determine the problems of the novel, to reveal the individuality of the writer's style, and also to include the work in the context of the national literary process.

Keywords: motive structure, motif, plot-forming, semantic opposition, style, novel, «Aviator», E. Vodolazkin.

Трошина Е.А.

ОБРАЗ РУССКОГО ОФИЦЕРА В РОМАНАХ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
1005424@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются образы офицеров в романах «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, что позволяет проследить эволюцию образа офицера в русской литературе первой половины XIX века.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», Гринев, Швабрин, капитан Миронов, Зурин, Печорин, Максим Максимыч, Грушницкий, офицер, трансформация, полемика, интерпретация.

В романе «Капитанская дочка», написанном в 1836 году, А.С. Пушкин создает образ офицера Петра Андреевича Гринева, имеющего незыблемые нравственные устои, настоящего патриота, верно присягнувшего и дворянской чести. Гринев верен семейным и сословным традициям. В этом его превосходство.

«Гринев осмыслен писателем как своеобразный литератор-дворянин», – считает В.Б. Шкловский (Шкловский, 1955: 64). Иссле-

дователь указывает на то, что Гринев связан с многими традициями, но при этом отделен от автора. Примечательно, что «речь Гринева несколько архаична. Особенно архаичны стихи, нравящиеся Гриневу; они примитивны даже для конца XVIII века» (Шкловский, 1955: 64). Ю.М. Лотман также подчеркивает, что «Гринев – не рупор идей Пушкина. Он русский дворянин, человек XVIII века с печатью своей эпохи на челе» (Лотман, 1988: 19-20).

Для первой половины XIX века было характерно чувство одиночества, духовная пассивность, растворенность в течении жизни. Время царствования Николая I обусловило подавление личности, ограничение свободы во всех проявлениях жизни. Поэтому в литературе актуальной становится проблема личности.

«Воцарение Николая I привело к резкому изменению нравственного «климата» дворянского общества, к забвению просветительских традиций XVIII века» (Гиллельсон, Мушина, 1977: 62). Пушкин поставил задачу: сопоставить нравственный опыт разных поколений. Александр Сергеевич изобразил в «Капитанской дочке» нравы русского общества в царствование Екатерины II. «Единственное спасение от официозной правительственной морали, которая усиленно насаждалась в годы последекабрьской реакции» он видит в «верности просветительским идеалам и высоким нравственным образцам» (Гиллельсон, Мушина, 1977: 62). «Представителям «новой знати» Пушкин противопоставляет людей, нравственно цельных, не затронутых жаждой чинов, орденов и наживы» (Гиллельсон, Мушина, 1977: 62).

Петр Гринев уже представлял себя на службе в петербургской гвардии и начал было грезить о жизни в столице, но по воле своего отца Андрея Петровича (офицера в отставке), написавшего письмо генералу с просьбой определить сына в армию, попадает в Оренбург. С помощью такого решения строгий по характеру Андрей Петрович хочет привить сыну понятия достоинства и чести.

В Оренбурге Гринев знакомится с Алексеем Ивановичем Швабриным. Исследователь В.С. Листов отмечает, что «в сцене знакомства Швабрина и Гринева громко звучит следующий, XIX век» (Листов, 2015: 290). Войдя в комнату, Алексей Иванович сразу заговаривает по-французски. «В историческое время, когда происходит диалог, а это самое начало 70-х гг. XVIII века, – французский язык был далеко не так широко распространен в российском благородном сословии, как среди дворян-современников Пушкина». (Листов, 2015: 289).

Швабрин принадлежит столичному гвардейскому кругу. Он – представитель нового дворянства, не имеет представлений о чести, «без остатка умещается в игре социальных сил своего времени» (Лотман, 1988: 20).

На становление характеров молодых людей повлияло детство. Петр и Алексей получили разное воспитание. Если Петра Андреевича любили родители, он не испытывал одиночества и ни в чем не нуждался, то Швабрин был лишен родительской заботы. Алексей по-

своему усвоил понятия совести, чести, морали. Ему присущи такие черты как циничность, лживость, коварство и карьеризм в сочетании с потребительским отношением к жизни.

Среди других офицеров «Капитанской дочки» отдельного внимания заслуживает комендант Белогорской крепости – капитан Иван Кузьмич Миронов, который на службе уже 40 лет. В романе он характеризуется как простой, необразованный, но бесхитростный, прямодушный человек с мягким характером. Н.Е. Прянишников отмечает, что «портрет капитана Миронова с упоминанием «колпака» и «китайчатого халата» (при исполнении служебных обязанностей)» является «эмблемой патриархального добродушия», а «подчеркивание «бодрости»» – «признаком скрытого в нем активного «верноподданничества»» (Прянишников, 1939: 10-11).

Веселый и неунывающий гусар Зурин также является честным офицером, но при этом ему нравится офицерская разгульная жизнь. Сравнивая Швабрина и Зурина, М.Ю. Лотман приходит к выводу, что «Швабрин хуже, чем рядовой дворянин Зурин, который, воспитанный в кругу сословных представлений, не чувствует их бесчеловечности, но служит тому, в справедливость чего верит» (Лотман, 1988: 20).

Таким образом, Петр Гринев содержит «черты более высокой, более гуманной человеческой организации, выходящей за пределы его времени», в этом М.Ю. Лотман видит «отсвет пушкинской мечты о подлинно человеческих общественных отношениях». Пушкин предлагает «приподняться над «жестоким веком», сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни других людей» (Лотман, 1988: 20). Пословица «Береги честь смолоду» служит эпиграфом к роману. Именно этот завет усваивает Гринев.

Будто в полемике с пушкинским идеалом М.Ю. Лермонтов через 4 года публикует «Героя нашего времени» (1840) и представляет офицера Григория Александровича Печорина.

Печорин – странствующий офицер, дворянин-интеллектуал.

Невозможность применения своих способностей в жизни современного ему общества порождает в его душе холодность, равнодушие и эгоцентризм. Лермонтов создал собирательный портрет офицера последекабрьской эпохи XIX века. Печорин вобрал в себя пороки «всего поколения в полном их развитии». Автор диагностирует «болезнь века» (Лермонтов, 1964: 7-8).

В отличие от Петра Гринева принцип, которому следует Григорий Печорин, содержит в себе неверие, сомнение, отрицание. Он дискредитирует традицию и существующую до него мораль. Печорин, как крайний индивидуалист, признает только собственное сознание. Все решения он принимает по собственному волеизъявлению. Печорин приносит в жертву своему эгоизму судьбы и жизни окружающих его людей.

Е.Н. Иваницкая в своей статье характеризует «печоринство» как «режим несвободы», «вид приспособления к авторитаризму» эпохи

правления Николая I, а самого Печорина называет позером и фразером (Иваницкая, 2009: 217).

По мнению Е.Н. Иваницкой, Григорий Александрович «принимает две ключевые установки несвободы: отказывается от взрослости и ответственности», «все перед ним виноваты» (Иваницкая, 2009: 219).

«В определении истинного характера противоречий между личностью и обществом», по мнению Е.П. Абрамова, «Лермонтов не только овладел сделанным декабристами и А.С. Пушкиным, но и значительно развил достигнутое ими» (Абрамов, 2009: 6). Писатель рассмотрел свободу человека во всех ее аспектах.

Михаил Юрьевич дорожил честью русского офицера. Он обратил внимание на текущее положение армии в обществе. Военная служба была престижным занятием. Особое расположение в обществе приобреталось благодаря мундиру.

Н.А. Логунова, рассматривая типологию воинской личности, отмечает разные типы офицеров – это ««старый кавказский служака», закаленный в опасностях, трудах и битвах (Максим Максимыч), так называемые «слётки», приехавшие на Кавказ за чинами (Грушницкий), и те, кто оказался здесь волею обстоятельств (Печорин)» (Логунова, 2013: 29).

Максим Максимыч воплощает лучшие национальные качества русского народа, но наряду с этим ему также свойственны инертность, ограниченность умственного кругозора. С.П. Шевырев писал о Максиме Максимыче как о «цельном характере коренного русского добряка, в которого не проникла тонкая зараза западного образования». Он «при мнимой наружной холодности воина, нагладевшего на опасности, сохранил весь пыл, всю жизнь души» (Шевырев, 1841: 530).

«Лермонтов выделяет типы людей, для которых желание создать карьеру и найти удачную партию, пользуясь тяготами войны, важнее морально-этических и социальных аспектов народного бедствия. – отмечает Н.А. Логунова. – Таков, например, Грушницкий». «Война для Грушницкого – романтическая завеса истинных корыстолюбивых намерений, а не воинский долг или трагическая необходимость» (Логунова, 2013: 33).

Грушницкий принадлежит кавказскому офицерству из среды помещного дворянства. Он стремится выделиться, не обладая ни талантом, ни особыми личными качествами.

С.П. Шевырев характеризует Грушницкого как «пустого малого», отмечает его тщеславность: «в нем даже нет и того чувства, которым отличались прежние наши военные, – чувства чести. Это какой-то выродок из их общества, способный к самому подлому и черному поступку. Автор примиряет нас несколько с этим созданием своим, незадолго перед смертью, когда Грушницкий сам сознается в том, что презирает себя» (Шевырев, 1841: 522).

Таким же предстает и драгунский капитан. По словам В.В. Набокова «этот злой гений Грушницкого, едва ли поднимается выше заурядного комического персонажа» (Набоков, 2004: 207)

Для Печорина военная карьера ценности не представляла. Ему не свойственны ни «карьеризм и военное честолюбие (как в случае с Грушницким)», ни «солдатская дисциплинированность (как у Максим Максимыча)» (Логунова, 2013: 34). Н.А. Логунова считает, что «отсутствие высокой цели сделало его пассивным и безразличным» (Логунова, 2013: 34).

Итак, для богатого офицера-аристократа война – это способ быстрого карьерного роста или поиска сильных ощущений. Для незнатного офицера война становится «тяжелой необходимостью, средством для обеспечения условий существования» (Логунова, 2013: 34).

Печорин сознает несовершенство мира и пытается найти выход, а Максим Максимыч еще не испытывает внутреннего противоречия. Как офицер старого поколения он не понимает Печорина. Так, с одной стороны, рушится основанный на вековых традициях наивный цельный мир, с другой растет неудовлетворенность собственной жизнью интеллектуального героя.

Таким образом, мы проследили эволюцию образа офицера в русской литературе первой половины XIX века на примере персонажей в романах «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

А.С. Пушкин стремился воссоздать нравственно цельные образы офицеров прошлого века в качестве образцов воинской доблести и чести. М.Ю. Лермонтов же изобразил типичных офицеров николаевской эпохи, для которых стало характерно падение морально-нравственных устоев.

Завершая сравнительный анализ, добавим, что Гринев ищет успокоения в тихом семейном счастье. Печорин, напротив, ищет бури, испытаний, так как тишина и покой не для него. Его натура жаждет приключений. В итоге, Гринев все-таки обретает семейное счастье, а путь Печорина ведёт к самоистреблению. Григорий Александрович становится героем своего времени, отказавшегося от духовных основ.

Литература

1. Абрамов, Е.П. Образ русского офицера в ранних произведениях М.Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – 2009: Сб. ст. Спб. Лики России, 2010. С. 4-13

2. Гиллельсон, М.И., Мушина, И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: комментарий. Пособие для учителя / М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина. – Ленинград, Просвещение, 1977. 192 с.

3. Иваницкая, Е. Н. Ни в ком зло не бывает так привлекательно...: несколько тезисов о романе «Герой нашего времени». – Нева, 2009. – № 10. С. 211 – 220

4. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / И. Л. Андроников, Ю. Г. Оксман. – М.: Художественная литература, 1964. Т.1. 695 с.

5. Листов, В.С. Голос музыки темной... К истолкованию творчества и биографии А.С. Пушкина. – М.: Жираф, 2015. 416 с.

6. Логунова, Н.А. Типология воинской личности в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник МГГУ им. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 28-36

7. Лотман, Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки». – В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962. 124 с.

8. Набоков, В.В. Из предисловия к английскому переводу романа «Герой нашего времени» // Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / Сост. и вступ. ст. С.Р. Федякина. – М., 2004. С. 200-212

9. Прянишников, Н.Е. Проза Пушкина и Л. Толстого: Поэтика «Капитанской дочки» Пушкина; О некоторых особенностях писательской манеры Л. Толстого. – Чкалов : Областное издательство, 1939. 64 с.

10. Шевырев, С. П «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова // Москвитянин. 1841.Ч.1. № 2.– С. 515 – 538.

11. Шкловский, В. Б. Заметки о прозе русских классиков: О произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чехова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Советский писатель, 1955. 460 с.

Abstract. The article compares the images of officers in the novels «The Captain's Daughter» by A.S. Pushkin and «The Hero of Our Time» by M.Yu. Lermontov, which allows you to trace the transformation of the image of the officer in Russian literature of the first half of the 19th century.

Keywords: Pushkin, «The Captain's Daughter», Lermontov, «The Hero of Our Time», Grinev, Shvabrin, Captain Mironov, Zurin, Pechorin, Maxim Maksimych, Grushnitsky, officer, transformation, polemic, interpretation, 19th century.

Лебедева В.Ю.
«ШАХМАТНЫЙ КОНЬ» В. НАБОКОВА:
ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Россия, г. Елец, Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина
vikkktoria2@yandex.ru

Аннотация. В набоковском стихотворении «Шахматный конь» (1927) поднимается проблема одержимости игрой, имеющая фатальные последствия. Автор показывает финальный этап метафизического распада старого шахматиста, который можно интерпретировать двояко: как сумасшествие и как уподобление inferнальным силам.

Ключевые слова: смертность, оппозиция, русскоязычный дискурс В. Набокова, хронотоп

В. Набоков, в молодости назвавший себя «скромным, но пламенным поклонником Каиссы» (Набоков, 2009: 645), на протяжении всей жизни был равнодушен к шахматам. Достаточно сказать, что один из наиболее известных и популярных его романов – «Защита Лужина» (1929) – посвящен трагической судьбе шахматиста-лудомана. Художественный – и метафизический – интерес к этой игре проявился уже в ранней набоковской лирике.

Одним из предтекстов «Защиты Лужина» можно смело считать стихотворение «Шахматный конь» (1927), а главного героя романа – своего рода «наследником» старого игрока, лишившегося разума: «Круглогривый, тяжелый, суконцем подбитый, / шахматный конь в коробке уснул, – / а давно ли, давно ли в пивной знаменитой / стоял живой человеческий гул?» (Набоков, 2009: 558). Произведение начинается с танатологической ситуации – в финале выяснится, что этой фигурой стал считать себя пожилой игрок. Сюжетное предупреждение – один из базовых набоковских приемов, однако «предсказания» автора становятся ясны, как правило, постфактум. Не то, чтобы Набоков их тщательно шифровал – скорее наоборот, – но он мастерски умеет недоговаривать, а также играть на стереотипах мышления читателей, жонглируя многозначностью слов и с завидной регулярностью «подсовывая» под видом яркой и оригинальной метафоры прямое высказывание метафизического толка.

В рассматриваемой строфе, однако, неплохой подсказкой служит оппозиция «витальное vs смертное»: уснувшему коню противопоставлен «живой» и «человеческий» гул. Пространства тоже в ней участвуют – «шахматная коробка (деревянный ящик – по сути, гроб) vs пивная». Кроме того, в тексте говорится об одной-единственной фигуре, в то время как по окончании шахматной партии убираются все.

Характеристики «коня» тоже танатологичны. В текстах, посвященных творчеству высоко ценимого им Н. Гоголя, Набоков называет полный круг порочным кругом. Придавая физическому – и метафизическому – облику своих героев «округлость», писатель идет за литературным предшественником след-в-след, о чем свидетельствует, в частности, его анализ образа Чичикова. Набоков сравнивает его с нарисованным на довоенном европейском плакате (реклама шин) человекоподобным созданием «из резиновых колец»: «Так и округлый Чичиков кажется мне тугим, кольчатым, телесного цвета червем» (Набоков, 2009: 457). Подытоживая мысль, он осуществляет прорыв в метафизику: «И, не предупредив читателя, Гоголь описывает вовсе не внутренность шкатулки [принадлежащей Чичикову – В.Л.], а круг ада и точную модель округлой чичиковской души» (Набоков, 2009: 468). Сопоставление «Мертвых душ» с «Адом» из «Божественной комедии» – общее место в гоголеведении. А.А. Григорьев в свое время назвал и «исполинские образы двух братьев Карпатских гор, осужденных на страшную казнь за гробом» из раннего творчества писателя «дантовскими образами народных преданий» (Григорьев, 2018). Не всем критикам и исследователям близка эта интертекстуальная параллель, но Набоков явно не из их числа. Чуть ниже мы убедимся, что в «Шахматной коне» дантевский код тоже присутствует.

Тяжесть в дискурсе писателя также пребывает на смертном поле, знаменуя связь персонажа с Нижним миром и соответствующую обреченность по законам метафизической гравитации.

Еще одна важная идея, содержащаяся в этом эпизоде и раскрывающая специфику танатологии Набокова – идея физической смертности как сна (который, с точки зрения христианства, сменится воскрешением умерших накануне Страшного Суда). Смерть души в его художественном сознании тоже сопоставляется со сном.

Помещая в один контекст шахматы и пивную, автор являет их элементами одной системы: лудомания / игромания, алкоголизм, курение и наркомания составляют в набоковском дискурсе «аддиктивную квадриаду». «Старый маэстро» сидел там с друзьями, вспоминаяшими его прежние турниры и хвалившими его мастерство, а он в то же самое время ощущал «бархатный стук в голове» – звук ходящих фигур. Здесь вскрывается диссонанс между внешне-социальной и внутренней жизнью шахматиста, и автор намекает на начало захвата сознания героя. Еще одним намеком служит акцентирование хронологической детали – плиточного пола с «темными и светлыми квадратами», причем неизвестно, действительно ли он выглядел так, или это галлюцинации персонажа.

Вскоре Набоков открывает читателю мысли «старого маэстро»: «“Кто-то, а кто – я понять не могу, / переставляет в мозгу, / как тяжелую мебель, фигуры, / и пешка одна со вчерашнего дня / черною куклой идет на меня”» (Набоков, 2009: 559). Здесь герой

предстает уже не субъектом, а объектом, которому не принадлежит собственный разум. Если оценивать его состояние с земных позиций, то психиатрическое объяснение, конечно, найдется. Набоков смотрит на ситуацию под иным углом, являя образы представителей темных сил. Первый из них лишен обличья, неопределен, однако достаточно силен для того, чтобы влиять на чужой разум, а второй показывает себя в виде пешки, и цвет ее – классический маркер зла (в дискурсе Набокова, в том числе).

Состояние героя усугубляется: *«Вдруг черный король, подкрепив проходную / пешку свою, подошел вплотную»* (Набоков, 2009: 559). Здесь надо заметить, что генезис Набокова восходит, в том числе, к дискурсу англоязычного классика Дж. Баньяна. В его аллегорическом романе «Духовная война» / “The Holy War” (1682) описывается атака демонических сил на Город Души, задуманный как «чертог Царя» (Бога), и имеющий цитаделью сердце, воротами – пять чувств, а жителями – разум, волю, совесть, мысли и эмоции. Антагонистами являются Дьяволос со сподвижниками, и первый прямо именуется в тексте королем черных – *“king of the blacks”*. Важно заметить, что Набоков в своем стихотворении позиционирует героя именно как объекта атаки: *«шахматный бред»* на него *«нападает»* (в вышеупомянутом романе «Защита Лужина» интертекстуальные параллели с «Духовной войной» только усилятся).

Квадраты на полу в пивной, вместе с тем, уже не темные и светлые, а черные и белые. Становится понятно, что автор показывает пространство через искаженную оптику зацикленного героя – этот прием заимствован им, в частности, у Гоголя (см., например, «Шинель»).

На лице старого маэстро появился «деревянный отблеск», а сам он *«сгорбился, шею надул, прижал / напряженные локти к ребрам / и прыгать пошел по квадратам большим, / <...> и это была не пустая забава, / и недолго смеялись над ним»* (Набоков, 2009: 559). В набоковском художественном мире метафизика непременно выдает себя через эмпирику, и «стигматы» духовного распада проявляются во внешнем облике. Кроме того, в этом отрывке содержится явная аллюзия на «Божественную комедию» Данте: в двадцать пятой песни «Ада» (седьмой ров) говорится о взаимном превращении человека в змея, и наоборот. Одно из подробно описанных там движений совпадает почти буквально: *«Суставы рук вошли до кулака / Под мышки, между тем как удлинялись / Коротенькие лапки у зверька»* (Inf. XXV, 112) (Данте, 2018). В набоковском тексте превращение тоже было не односторонним, как могло бы показаться на первый взгляд, – достаточно вспомнить, что к шахматисту явились, как минимум, черный король и пешка. Уподобление неодушевленному предмету – одна из ведущих танатологических ситуаций в дискурсе писателя, если речь идет о метафизической смерти, а аллюзия на дантевский «Ад» намекает на более глубокий уровень духовной редукции – демоноуподобление.

В финале старый шахматный маэстро оказывается «в молчании чистой палаты», куда уводит его черный король, и пол там «необъяснимо» (мистическая отсылка) делится на шестьдесят четыре квадрата: «И эдак, и так – до последнего часа – / в бредовых комбинациях, ночью и днем, / прыгал маэстро, старик седовласый, / белым конем» (Набоков, 2009: 559). Если следовать «горизонтальной» версии, то игрок был определен в психиатрическую лечебницу. Однако превращение в шахматного коня произошло после появления черного короля и, по большому счету, было им вызвано. Если вспомнить начало стихотворения, где говорится о засыпании в «коробке», ассоциирующемся со смертью, то напрашивается вывод о том, что «палата» – место помертного пребывания старого маэстро (понятие «последний час» можно трактовать и как момент Страшного Суда), а его специфика обусловлена типом одержимостью души.

Литература

1. Григорьев А.А. Гоголь и его последняя книга. [Электронный ресурс]. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/gogol-i-ego-poslednyaya-kniga.htm>. (дата обращения: 14.01.2018).

2. Данте А. Божественная комедия. [Электронный ресурс]. URL: http://wikilivres.ru_XXV. (дата обращения: 14.01.2018).

3. Набоков В.В. Е.А. Зноско-Боровский. «Капабланка и Алехин» // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2009. 644-645.

4. Набоков В.В. Николай Гоголь // Набоков В.В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2009. С. 400-522.

5. Набоков В.В. Шахматный конь // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2009. 558-559.

Abstract. In the poem “The Chess Knight” (1927) Nabokov puts the problem of game addiction, which has fatal consequences. The author shows the final stage of the metaphysical dying process of the old chess player. This stage can be interpreted in two ways: either as dementia or as likening to infernal forces.

Keywords: mortality, opposition, V. Nabokov’s Russian discourse, chronotope.

Обухова Е.А.

ПОЛЕМИКА КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ «КОММЕНТАРИЕВ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» В.В. НАБОКОВА И Н.Л. БРОДСКОГО)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
676311@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается полемика, завязавшаяся между двумя такими именитыми исследователями, как В.В. Набоков и Н.Л. Бродский. Результатом подобных научных изысканий становится наиболее полный анализ фрагментов романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Сопоставительный анализ «Комментариев...» В.В. Набокова и Н.Л. Бродского позволяет получить

полную картину художественного пространства романа и выяснить значение вызывающих наибольшее затруднение лексических единиц.

Ключевые слова: полемика, художественный текст, комментарий, В.В. Набоков, Н.Л. Бродский, «Евгений Онегин», А.С. Пушкин

Роман А.С. Пушкина является одним из немногих произведений, исследовательский интерес к которым не угасает и в наше время. Многие деятели науки так или иначе, но обращались к этому роману, в результате общественности были преподнесены многие варианты анализа данного произведения. Труды таких исследователей, как В.В. Набоков, Н.Л. Бродский вызывают наибольший интерес, поскольку на страницах этих научных трудов не только анализируется роман «Евгений Онегин», но и по той причине, что сам В.В. Набоков неоднократно ссылается на своего оппонента, при этом чаще всего его отсылки к Н.Л. Бродскому носят скорее негативный характер, чем положительную оценку его труда. Для того, чтобы видеть наиболее полную картину противостояния таких исследователей, как В.В. Набоков и Н.Л. Бродский, необходимо провести сравнительный анализ их комментариев.

В своем исследовательском труде В.В. Набоков не раз упоминает имя Н.Л. Бродского, при этом позволяя себе различные зачастую нелестные высказывания в его сторону. Сюда можно отнести следующие цитаты из его «Комментария...»: «в бредовой трактовке Бродского», «аскетический Н. Бродский», «немыслимый Бродский», «бедный Бродский», «Бродский со свойственным ему идиотизмом». В своем «Комментарии..» В.В. Набоков не единожды подвергает сомнению точность интерпретации значения некоторых слов, выбранных Н.Л. Бродским из строк романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в качестве материала для анализа. В гл.1, V, 7 встречается слово «педант», относительно значения которого В.В. Набоков не разделяет мнение Н.Л. Бродского. В понимании Н.Л. Бродского, который по словам В.В. Набокова стремится «выставить Онегина образцом прогрессивной добродетели», слово «педант» означает «человека строгих правил, несколько старомодного». В.В. Набоков же отрицает то, что это слово могло обозначать человека честного, или же по другому предположению Н.Л. Бродского при Фонвизине «педант» означало «политический бунтовщик».

Похожий пример мы можем найти в гл.1. XXVIII, 14 относительно выражения «модные жены». У Н.Л. Бродского мы находим следующее пояснение значения этого словосочетания, исследователь утверждает, что оно применялось к «замужним женщинам, ветреным и развращенным» [Бродский: 90]. В «Комментарии...» В.В. Набокова мы можем увидеть резкую критику в адрес этого исследователя, поскольку в отличие от Н.Л. Бродского он вовсе не считает, что выражение «модные жены» несет в себе какую-либо «распущенность». В.В. Набоков утверждает, что это явный европеизм и значение словосочетания следует искать в первоисточниках, т. е. рассмотреть

смысл английского выражения «fashionable women» или «modish wives», но это никак не будет обозначать «depraved wives». В этом случае значение будет сводиться к приверженности женщин моде, но никак не к их порочности и распущенности.

Однако мы можем встретить у Н.Л. Бродского не только неверно истолкованные слова, но и заимствованные цитаты. К таковым можно цитату из шекспировского «Гамлета», использованную А.С. Пушкиным во гл.2, XXXVII, 6. Примечание к этому отрывку Н.Л. Бродский приписывает именно перу А.С. Пушкина, при этом подмечая как автор «тонко раскрывал свое ироническое отношение к Ленскому неуместном применении имени английского шута к бригадиру Ларину». На самом же деле это примечание было взято из издания с летурнеровским переводом «Гамлета». В оригинале это примечание выглядит так: « Alas, poor Yorick! Tout le monde se souvient et du chapitre de Sterne, où il cite ce passage d'Hamlet, et comment dans le Voyage Sentimental [перевод Френэ, 1769], il s'est, à ce propos, donné à lui-même le nom d'Yorick»[«Oeuvres complètes de Shakespeare», vol. 1. Paris, 1821]. Это примечание соответствует использованному А.С. Пушкиным русскому переводу.

Однако полемика В.В. Набокова с Н.Л. Бродским строится не только на разногласиях в интерпретации значений определенных лексических единиц, но прежде всего на том, в чем разница восприятия ими культурологического и исторического пласта информации, заложенной А.С. Пушкиным в его роман «Евгений Онегин». В частности В.В. Набоков крайне негативно воспринимает те моменты, когда Н.Л. Бродский анализируя фрагменты романа, где упоминаются французские романы. Исследователь при анализе опирается не на первоисточники на французском языке, а на русский перевод. При этом теряется значительная часть заложенного смысла, поскольку сначала информацию перерабатывает переводчик, привнося в текст тот смысл, который он видит в романе. И только после этого сам исследователь проводит анализ текста. Именно по этой причине использование Н.Л. Бродским переведенных на русский язык романов, по мнению В.В. Набокова не позволяет утверждать, что анализ подобных французских романов, упоминаемых в «Евгении Онегине», по своей сути бесполезен, поскольку главные герои произведения А.С. Пушкина имеют значимый социальный статус, а значит романы они читали в оригинале. Перевод же предназначается для тех, кто относится к непривилегированным слоям населения.

В плане отображения исторических реалий в «Евгении Онегине» широко рассматривается тема крепостничества. Данную тему не мог пропустить при анализе романа ни В.В. Набоков, ни Н.Л. Бродский. В комментариях к гл.2, IV, 6-7 В.В. Набоков дает определение терминам «барщина» и «оброк», а также высказывает свое мнение по поводу крепостного права вообще и о гуманности его отмены, при этом остро воспринимая комментарий Н.Л. Бродского, в котором подобное лояльное отношение к крестьянам со стороны Онегина рассматривается как не-

дворянское. Н.Л. Бродский пишет об этом так: «По словам Пушкина, Евгений, «порядка враг и расточитель» учреждает «новый порядок», «чтоб только время проводить», но это не исключает возможности считать пушкинского героя примыкающим к либеральным течениям 20-х годов» [Бродский: 127]. В.В. Набоков комментирует это так: «По этому поводу ужасно кипятится Н.Л. Бродский, посвящая четыре страницы кошмарным рассуждениям на темы вроде: «Как мог дворянин Онегин осуществлять недворянскую программу?» И умудряется даже ответить на свой вопрос» [Набоков: 221]. В комментарии к гл. 4, XLIII у Н.Л. Бродского содержится не просто выражение его отношения к тяготам крестьянской жизни, но и к крепостничеству в целом, а также к пришедшей после революции новой власти. Он пишет о том, что А.С. Пушкин «по цензурным причинам не мог включить в печатный текст своих раздумий о крепостной деревне» [Бродский: 217]. В.В. Набоков, комментируя эту часть «Евгения Онегина», не может не проанализировать такое отношение своего оппонента: «Бродский, конечно же, в восторге от этого намека на тяготы крестьянской жизни в прежние лета, до Ленина со Сталиным. [Набоков: 386].

В итоге можно с уверенностью утверждать, что В.В. Набоков не воспринимал всерьез исследования Бродского, поскольку именно на этого исследователя он обрушил наибольший поток критики. В.В. Набоков не просто не соглашается с результатами анализа «Евгения Онегина» Н.Л. Бродским, но и всячески опровергает каждый вывод, сделанный им, причем в некоторых случаях у В.В. Набокова сомнения возникают не только в правдивости суждений Н.Л. Бродского относительно той или иной строки романа А.С. Пушкина, но и в интерпретации всей картины художественного произведения в целом.

Литература

1. Бродский, Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1950. – 410 с.
2. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: «Искусство-СПБ»; «Набоковский фонд», 1999. – 928 с.
3. Набоков, В.В. Пушкин, или Правда и правдоподобие // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Изд-во Независимая Газета, 2001.-С. 411-424.
4. «Oeuvres complètes de Shakespeare», vol. 1. Paris, 1821.

Abstract. This article discusses polemics between two such eminent researchers, such as V.V. Nabokov and NL Brodsky. The result of such scientific research is the most complete analysis of fragments of the novel "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin. Comparative analysis of "Comments ..." V.V. Nabokov and NL Brodsky allows you to get a complete picture of the artistic space of the novel and to find out the significance of the lexical units causing the greatest difficulty.

Keywords: polemic, artistic text, commentary, V.V. Nabokov, N.L. Brodsky, "Eugene Onegin", A.S. Pushkin.

Заговеньева В.Ю.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЯ «КОЛЕБАНИЯ» С ДРУГИМИ
МОДАЛЬНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В ТЕКСТАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

Аннотация. Взаимодействие значения колебания с другими модальными значениями: сомнением, возможностью, вероятностью, кажимостью, оценкой.

Ключевые слова: модальность, колебание, сомнение, возможность, вероятность, кажимость, оценка, Ф.М. Достоевский.

Значение колебания тесно взаимодействует с другими модальными значениями: сомнением, возможностью, вероятностью, предположительностью, кажимостью, оценкой. Данные значения находятся в оппозиции со значением уверенности. Колебание репрезентирует себя, через данные микрополя. Рассмотрим некоторые из них.

Колебание – сомнение

Большой толковый словарь дает следующее определение сомнению: «сомнение – неуверенность в истинности, возможности чего-либо, отсутствие твердой веры в кого-либо, что-либо» [4, с. 1354]. Категория сомнения отражает отношение к истинности. Герой сомневается в определенном действии, то есть подвергает его проверке на истинность. Колебание же в свою очередь показывает свое состояние выбора между несколькими действиями. Также колебание и сомнение во многом пересекаются, они указывают на неопределенность ситуации, также они являются интеллектуальной эмоцией человека. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о вероятном несоответствии факта действительности. Сомнение, как и колебание, – это кваликативный смысл, призванный актуализировать коммуникативно оформленный результат осмысления события субъектом [5, с.45].

Так Ф.М. Достоевский репрезентирует ситуацию сомнения: *Фразу, то вы, наверно, думаете, что я все еще сомневаюсь и не уверен, что это я, а не в самом деле бес? (Бесы); Весь дом был в страхе. Доктор **сомнительно** качал головою. Через два часа я вошла в кабинет Петра Александровича. (Неточка Незванова).*

Хочется отметить, что Ф.М. Достоевский довольно часто использует данную ситуацию сомнения в своих произведениях в отличие от других ситуаций.

Колебание – возможность

Возможность подразумевает под собой осмысленную субъектом ситуацию, находящуюся в определенный момент пространства и времени и подразумевает вопрос может ли данная ситуация быть в определенных условиях, то есть является более объективной, чем ситуация

колебания. Так о ней пишет Л.В. Антонова «реально существующая, но скрытая тенденция данной действительности» [1, с. 9]. Колебание и возможность происходят в определенное время, в определенном месте, они рассматривают дальнейшее развитие событий в какой-либо ситуации. Различны они в том, что возможность может зависеть от других субъектов, в то время как колебание принадлежит исключительно одному герою. *Осмотрели худое место и уверились, что оно сейчас только сделано ножом, а было в пол аршина длиною; засунули руку в изъяни вытащили, **вероятно**, впопыхах брошенный там хозяйский кухонный нож, которым взрезан был тюфяк. (Господин Прохарчин); Я отказался от половины решительно и окончательно и объявил, что для других не могу играть не потому, чтоб не желал, а потому, что **наверное** проиграю. (Игрок)*

Колебание – предположение

Предположение выражается субъектом при помощи высказывания своего мнения. Предполагая герой, мыслит об определенной ситуации, желая выразить истинное суждение. В ситуации же колебание пытается принять правильное решение из нескольких вариантов. Предположение может быть подкреплено определенным знанием, то есть является обоснованным, и вызывает меньшую долю неуверенности, чем предположение, не содержащее за собой никакой базы знаний. Предположение, не подкрепленное ничем, находится ближе всего к ситуации колебания, так как герой не знает, как лучше поступить. Различны они в том, что, предполагая, человек сделал выбор в пользу какого-то мнения, колеблясь субъект не знает, что является лучшим вариантом в его вопросе, он сомневается, в том, как нужно действовать. *О, нет-с; вчера мои мысли были в беспорядке... но сегодня я уже **не предполагаю** контррекарировать хотя бы в чем-нибудь ваши **предположения**. (Идиот); Он заглядывал мне в глаза, но, кажется, **не предполагал**, что мне что-нибудь более вчерашнего известно. (Подросток).*

Колебание – неуверенность

Неуверенность подразумевает под собой отсутствие эмоциональной удовлетворенности к определенному явлению. Неуверенность пересекается с колебанием в том, что человек сомневается в своих силах. Он боится принять решение, так как не знает, что за собой повлечет его выбор. Неуверенность содержит более отрицательную семантику, чем колебание. Герой склоняется в большей степени к ложности определенной ситуации. Автор показывает, что герой более склонен принять другую позицию, чем предлагается. Неуверенность все же в большей степени свойственна характеру героя. Колебание же – это действие происходит в сознании, человек пытается сделать рациональный выбор. *Если изволили предпринять путь отдаленный, то докладываю, будучи **неуверен** в здешнем народишке, в особенности по глухим переулкам, а паче всего за рекой, – не утерпел он еще раз.*

(Бесы); Значит, она **совсем не так уверена** в виновности Мити! (Братья Карамазовы) – Нет, я не говорил ей ни слова и даже **не совсем уверен**, дома ли она теперь? (Идиот).

Колебание – кажимость

Кажимость – это субъективное восприятие реальности. Кажимость и колебание отражают момент действительности, они показывают внутреннее состояние субъекта в ситуации, его поведение. Различны же они в том, что кажимость характеризуется для языковой личности с преимущественно чувственным, а не аналитическим восприятием действительности. Арутюнова говорит о том, что кажимость «маркирует то, что не видно, а привиделось, не слышно, а послышалось. Для нее характерен ситуативный антураж сумерек и тумана, снов и видений. Сравнение осуществляется не столько путем соположения, сколько методом наложения образов, улавливания одного в другом, отсутствующего в том, что находится in praesentia» [2, с. 834]. Колебание же рационально, в нем нет смутного восприятия события, в данной ситуации можно увидеть несколько вариантов, из которых следует сделать выбор. **Кажется**, что на Алешу произвел сильнейшее впечатление приезд его обоих братьев, которых он до того совершенно не знал. (Братья Карамазовы); – Не знаю, как вам сказать, – ответил князь, – только мне **показалось**, что в нем много страсти и даже какой-то больной страсти. (Идиот); Мелькал предо мною и образ Полины; я помнил и сознавал, что иду к ней, сейчас с ней сойду и буду ей рассказывать, покажу... но я уже едва вспомнил о том, что она мне давеча говорила, и зачем я пошел, и все те недавние ощущения, бывшие всего полтора часа назад, **казались мне** уж теперь чем-то давно прошедшим, исправленным, устаревшим – о чем мы уже не будем более поминать, потому что теперь начнется все сызнова. (Подросток).

Колебание – оценка

Оценка представляет собой мыслительный процесс, направленный на поиск положительных и отрицательных моментов в ситуации. Оценивая что-то человек, исходит из своих знаний представлений на предмет. Колебание тесно связано с оценкой, так как, колеблясь человек, ищет хорошие или плохие для себя моменты в том или ином варианте. Оценка включена в процесс колебания. Различны они тем, что оценивая, человек, уже, дает определенное положение явлению. Колеблясь же, человек не может сделать выбор, он ищет варианты решений. Существуют разные точки зрения на категорию оценки. Оценка может быть эстетической, этической, утилитарной, истинностной [3, с. 64]. Также ее делят на эмоциональную и рациональную. Часто говорят о двух видах оценки – абсолютной и сравнительной. В формулировках первой используются такие термины, как «хорошо/плохо», второй – «лучше/хуже».

Хотя бы я имел важность, личную **оценку** в их мнении, внушал больше уважения, на их глаза, они бы простили тебе! (Неточка Незванова). То есть в том смысле, что чем **хуже**, тем **лучше**, я понимаю, понимаю, Варвара Петровна. (Бесы).

Колебание подразумевает под собой четкую семантику своего значения, выражает конкретное действие колебания героя. Взаимодействуя с другими модальными значениями, смысловая сторона предложения со значением колебания усложняется и приобретает дополнительные модальные оттенки, которые помогают более обширно выразить ситуацию колебания.

Литература

1. Антонова Л.В. Лингвокультурологический анализ модальности возможности (на материале современного английского языка) [Текст]: автореферат/канд. филол. наук. Уфа, 2007. 25 с.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [Текст]: учебник/ – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст]: учебное пособие // Вопросы языкознания. 1995. № 1. – 37-68 с.

4. Большой толковый словарь русского языка [Текст]: учебное пособие/Состав. И гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.

5. Нагорный, И.А. Долженкова А.И. Колебание и средства его репрезентации в русском языке. НИУ БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – №18(113), вып.11.- С. 37-44.

Abstract. The interaction values of the fluctuations with other modal meanings: doubt, possibility, probability, kazhim, assessment.

Keywords: modality, fluctuation, doubt, possibility, probability, kazhim, assessment, F. M. Dostoevsky.

Иванюта К.В.

ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ Н.В. ГОГОЛЯ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Ch.Kris93@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрена важная лингвистическая проблема – специфика функционирования языковых и внеязыковых средств и способов экспрессивизации художественного текста. Лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические экспрессивизаторы представляют собой совокупную систему дискурсивно-текстового пространства, являющуюся составляющей антропоцентрического аспекта.

Ключевые слова: экспрессия, экспрессивизаторы, антропоцентризм, идиостиль.

Развитие науки о языке привело к тому, что, начиная с середины XX века, лингвистика от изучения языковых единиц (т.е. статики) пе-

переходит к рассмотрению различных аспектов, связанных с использованием этих единиц человеком (т.е. динамики) (Болдырев, 2006: 4).

По выражению В.Г. Гака, лингвистика ставит человека в центр научного творчества (1999: 204). Следовательно, ведущий принцип при изучении языковых явлений – антропоцентризм. Именно с этого времени все вопросы, связанные с субъективным началом в языке, вызывают обостренный интерес ученых.

В исследованиях последних лет особое внимание уделяется изучению экспрессивных элементов в структуре высказывания. Поэтому правомерным представляется анализ функционирования таких компонентов текста, которые благодаря своей языковой природе активно способствуют осуществлению того прагматического воздействия, которое отправитель сообщения желает достичь по отношению к получателю текста (Прохоров, 2004: 10).

Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка.

Под экспрессивной функцией понимается способность языка выражать чувства или волю говорящего или пишущего и вызывать на них определенную реакцию, то есть когда происходит экспрессивное воздействие через языковые средства в соответствии с языковыми уровнями: лексическим, словообразовательным, морфологическим и синтаксическим (Галина – Федорук, 1958: 104).

Идиостиль Николая Васильевича Гоголя – это особое и насыщенное поле для исследования экспрессивизаторов всех уровней языка.

В произведениях Н.В. Гоголя экспрессия выражена, в первую очередь, посредством использования лексических стилистических приемов.

Высокой частотой использования отличаются эпитеты. Они употребляются для характеристики того или иного предмета или явления и способны выражать различные чувства, эмоции и оценки.

- *Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!* (Сорочинская ярмарка) (Гоголь, 1994: 5).

Выраженные краткими прилагательными эпитеты «упоителен» и «роскошен» выполняют дескриптивную, эстетическую и эмоционально-оценочную функции: они дают яркое, выразительное описание летнего дня, выражая при этом восхищение повествователя.

- *Чудная, ненаглядная Оксана (Ночь перед Рождеством)* (Там же, 1994: 56).

Метафоры обладают высоким уровнем образности и способностью давать емкие характеристики, ярко выражать чувства, эмоции и оценки:

- *Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа* (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 5).

Помимо метафор и эпитетов достаточно высокой экспрессивностью в произведениях Н.В. Гоголя обладают сравнения:

- *глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить* (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 15).

Еще одним видом экспрессивизатора, используемым Н.В. Гоголем, является гипербола, заключающаяся в преднамеренном преувеличении:

- он **до смерти** не любил пересказывать одно и то же (Вечер накануне Ивана Купала) (Там же, 1994: 24).

Несколько меньшей выразительностью отличается оценочная лексика, (единицы, сами по себе содержащие некую оценку (положительную либо отрицательную) независимо от контекста):

- дьявольская **сволочь** не держит постов (Пропавшая грамота) (Там же, 1994: 48).

Лексическая единица «сволочь» также несет в себе негативную оценку.

Еще одна группа лексических экспрессивизаторов – лексика с экспрессивным значением:

*Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, **осененные** каким-то едва приметным огненно-розовым светом* (Сорочинская Ярмарка) (Там же, 1994: 11).

Словообразовательные средства создания экспрессивности – разнообразные аффиксы, способные придать слову дополнительный оттенок значения (как правило, эмоциональности или оценочности):

- *кочуют по его **неизмеримости*** (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 5).

Приставка «не-» в данном случае подчеркивает огромный размер поля, как чего-то, что нельзя измерить (средство выражения оценки и восхищения).

- *Много прохожих **поглядывало** с завистью на высокого гончара* (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 6).

Приставка «по-» придает новый оттенок смысла слову. Она подчеркивает, что действие осуществлялось неявно, «исподтишка». Данный экспрессивизатор подчеркивает чувство зависти:

- *Чуб почувствовал **пребольной** удар в плечо* (Ночь перед Рождеством) (Там же, 1994: 59).

Приставка «пре-» подчеркивает силу испытываемой боли. Здесь экспрессивизатор выполняет изобразительную и информативную функцию, сообщая, что боль была очень сильной.

Высокой частотой употребления отличаются разнообразные уменьшительно-ласкательные суффиксы:

- *на возу сидела хорошенькая дочка с круглым **личиком** ... с беспечно улыбавшимся розовыми **губками*** (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 116).

В данном отрывке используются суффиксы «-ик», «-к» и «-ам». Данные элементы придают существительным «личико» и «губки» ласковое звучание, подчеркивая красоту и очарование милой девушки. Экспрессивизаторы выполняют изобразительную, прагматическую и эмоционально-оценочную функции, выражая симпатию автора к героине.

Еще одним часто используемым в целях экспрессивизации словообразовательным аффиксом является суффикс «-оньк». Рассмотрим примеры его употребления:

- *Дом новехонький* (Майская ночь или утопленница) (Там же, 1994: 41).

Суффикс подчеркивает положительную оценку дома и выраженную персонажем похвалу.

Морфологический уровень языка тесно связан с лексическим и словообразовательным уровнями. Данному уровню принадлежат морфемы (к которым относятся словообразовательные элементы), грамматические словоформы и части речи. Рассмотрим некоторые из них.

Самую обширную группу составляют имена существительные:

- *представилась твоя **рожа** барабаном* (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 17).

Существительное «рожа» несет в себе негативное оценочное значение.

Высокой степенью экспрессивности обладают глаголы:

- *неутомимый язык ее **трещал** и **болтался** во рту* (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 7).

Использование глаголов, выступающих в качестве однородных членов предложения, подчеркивает активность движения языка женщины и выполняет изобразительную функцию.

В качестве экспрессивизаторов широко используются имена прилагательные, дающие характеристику тому или иному предмету или явлению. Например:

- *все было ей **чудно, ново...*** (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 6).

Краткие прилагательные выполняют информативную и эмоционально-оценочную функцию, сообщая о впечатлениях девушки, впервые попавшей на ярмарку.

Высокой степенью экспрессивности обладают такие морфологические средства, как междометья:

- *«**Ай! ай! ай!**»* – *отчаянно закричал один* (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 15).

Повторяющееся междометье выражает страх говорящего.

Синтаксические средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства основываются на использовании в экспрессивных целях определенных синтаксических конструкций. Например:

- *Девушка восемнадцать лет в первый раз на ярмарке!* (Сорочинская ярмарка) (Там же, 1994: 6).

Восклицание выполняет прагматическую функцию. Автор стремится заставить читателя прочувствовать чувства и эмоции юной девушки, оказавшейся впервые на ярмарке, и обращается к реципиентам текста посредством восклицательной конструкции.

Еще одну группу синтаксических средств, создающих в тексте экспрессию, составляют вопросы в повествовании:

- Что бы это значило? Положим, запорожца взяла нечистая сила; кто же коней? (Пропавшая грамота) (Там же, 1994: 46).

Вопросы выражают удивление и провоцируют читателя на размышления и предположения относительно случившегося, привлекая тем самым внимание к ходу повествования.

Все четыре вида экспрессивизаторов находятся в тесной взаимосвязи и часто функционируют совместно. Так, словообразовательные элементы и морфологические характеристики принадлежат лексическим единицам и неотделимы от них. Синтаксические же конструкции содержат в своей структуре лексические единицы со всеми их характеристиками и семантикой.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2.
2. Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999.
3. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сб. статей по языкознанию. – М., 1958.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в девяти томах. Т.1. М.: "Русская книга", 1994.
5. Прохоров Е.Ю. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Наука, 2004.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.

Abstract. In this article VA remote linguistic problem – the functioning of specific linguistic and extralinguistic means and methods expression of the artistic text. Lexi, derivational, morphological and syntactic expressive pose soup system discussion-text space, which is a component of the Patrick aspect.

Key words: expression, expressive, anthropocentrism, DSL.

Ивахненко Ю.В.

ФУНКЦИИ МОДАЛЬНО-ПЕРСУАЗИВНЫХ ЧАСТИЦ В ТЕКСТЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. В статье анализируются модально-персуазивные частицы с точки зрения их участия в семантической организации текстового пространства. Приводится описание текстовых функций модально-персуазивных частиц.

Ключевые слова: модально-персуазивные частицы, персуазивность, модальная шкала степеней достоверности, текст, высказывание.

Модально-персуазивные частицы являются одним из основных средств выражения субъективно-модальных значений достоверности – вероятности. Указанный разряд частиц – обширный инструментарий для выражения степени авторской уверенности в сообщаемом: многообразие слов данных групп, их яркая семантика способны передать весь спектр возможных оттенков уверенности / сомнения говорящего.

Модальная характеристика, вносимая в высказывание посредством модально-персуазивных частиц, – так называемый второй семантический пласт высказывания, содержащий в себе авторскую позицию в связи с сообщаемой им информацией. Следовательно, цельный и связный комплекс таких высказываний (текст) образован не только с помощью некоторой тема-рематической последовательностью, но и с помощью ряда субъективно-модальных значений, выражающих точку зрения говорящего, поскольку каждое «появление» такой языковой единицы в высказывании – это прямая отсылка к субъекту речи, к его мнению, к его отношению к ситуации. Другими словами, экспликации авторского мнения – такие же полноправные инструменты, участвующие в организации текста, поскольку являются указателями на производителя речи как на главенствующий для текста фактор, так как ментальная сфера говорящего оказывает самое непосредственное влияние на текст, его создание. В связи с этим целесообразно рассмотреть ряд функций модально-персуазивных частиц.

Модально-персуазивные частицы имеют способность вводить высказывание в разряд квалификативных. Модальная частица как субъективный квалификатор способна перевести нейтральное высказывание в разряд модально окрашенных, придать ему оценочную линию. Модально-персуазивные частицы выступают здесь как репрезентаторы точки зрения говорящего [1].

Высказывания с модальными частицами обладают контрастной субъективностью, позиция говорящего в них намеренно актуализирована, такое высказывание коммуникативно выразительно. Стоит учитывать, что в различных коммуникативных ситуациях одна и та же модальная частица может эксплицитировать разную степень достоверности сообщаемого с позиций говорящего. Вводя в своё высказывание модальный квалификатор, автор имеет целью обозначить не определенную степень вероятности, а именно факт вероятности как интерпретацию своего мнения относительно сообщаемого. Ошибка словно отрезвила его, он встал, подвинулся к покойнику и, придерживая бороду, наклонился над ним (Максим Горький) – нахождение модальной частицы в высказывании квалифицирует его по показателю достоверности / недостоверности сообщаемого, вносится семантика обоснованного предположения. Может, разум и заблуждается в исканиях своих, но бараном жить едва ли достойно и праведно для человека (Максим Горький) – в высказывание привнесена оценка с точки зрения достоверности сообщаемого, говорящим выражается обоснованное сомнение в достоверности. В хлопотах и дорожных сборах она как будто совсем не помнила горя (И.А. Гончаров) – высказывание содержит модально-персуазивную квалификацию, выражается слабо обоснованное предположение. Игра в «носки» была едва ли не единственным развлечением стариков (В.Я. Брюсов) – выражается семантика избыточного предположения.

Модально-персуазивные частицы также обладают корректирующей функцией» [2]: способны фиксировать высказывание на так называемой модальной шкале степеней достоверности. Модальные частицы – выразители самого разного рода смыслов уверенности / неуверенности в высказывании, степени авторской уверенности в сообщаемом. В смысловом пространстве проблематической достоверности высказывания с модально-персуазивными частицами имеют своё местоположение, близкое к положению высказываний с модальными словами проблематической достоверности. Например, собственно-предположительными и сравнительно-предположительными модальными частицами выражается подобная степень проблематической достоверности, что и модальными словами *наверное, возможно, может быть*, соответственно, на модальной шкале степеней достоверности высказывание с собственно-предположительными модальными частицами условно располагается там же, где и высказывания с упомянутыми модальными словами. Это говорит о том, что данные модальные слова и частицы в совокупности представляют одну и ту же градуальную ступень авторского сомнения, иными словами – аналогичную степень авторского сомнения. *Ступай, батюшка, отсюда, зайди куда-нибудь, встань за дверь в угол и поплачь, вспомни свою прежнюю невинность, авось бог простит* (Ф.М. Достоевский) – модальная частица смещает высказывание в семантическое поле проблематической достоверности в пределах модальной шкалы степеней достоверности, выражается предположение говорящего. *Сам-то небось тоже, как воробей, влюблен – отец с сыном в один предмет* (Ф.М. Достоевский) – высказывание в пределах модальной шкалы степеней достоверности располагается в семантическом поле проблематической достоверности, имеет место семантика предположительности – обоснованное предположение. *Холодный пот выступил на лице его; он хотел отойти, но чувствовал, что ноги его как будто приросли к земле* (Н.В. Гоголь) – высказывание фиксируется в зоне проблематической достоверности, выражается обоснованное предположение, присутствует оттенок кажимости. *Странное дело – тяжело, а воспоминания как будто приятные* (Ф.М. Достоевский) – высказывание со слабо обоснованным предположением. *Ошибка словно отрезвила его, он встал, подвинулся к покойнику и, придерживая бороду, наклонился над ним* (Максим Горький) – выражается обоснованное предположение. Таким образом, выявляется, что важную роль в определении степени авторской уверенности играет контекст: одна и та же модальная частица под влиянием контекста выражает разную степень проблематической достоверности. Обоснованное и слабо обоснованное предположение – показатели градуальности авторского взгляда, несмотря на то, что оба эти высказывания будут находиться в смысловом пространстве проблематической достоверности в пределах модальной шкалы степеней достоверности, слабо обоснованное предположение будет больше смещено к смысловому полюсу отрицания.

В свою очередь сомнительно-предположительные модальные частицы в сравнении с предыдущими упомянутыми разрядами – проявление другой степени проблематической достоверности. Говорящий в этом случае не просто выдвигает предположение относительно положения дел, но и в изрядной степени сомневается в возможности происхождения события, проявления признака. В пределах модальной шкалы степеней достоверности высказывание с такими частицами будет занимать позицию еще более приближенную к полюсу отрицания. Можно сказать, что по ступени проявления проблематической достоверности частицы едва ли, вряд ли могут быть заменены на *«скорее всего не..»*: Доктор, захавший после обеда, объявил, что вряд ли Матвей Егорыч проживет до утра (*И.И. Панаев*) (вряд ли проживет до утра – скорее всего не проживет до утра); Дерево вряд ли даже годилось на дрова (*Д.В. Григорович*); Десять нумеров – это едва ли одна стомиллионная часть массы Единого Государства, при практических расчетах – это бесконечно малая третьего порядка (*Е.И. Замятин*) – *обоснованное сомнение*.

Модальные частицы эвиденциально-предположительного разряда также относятся к семантическому полю проблематической достоверности. Несмотря на то, что употребляются такие модальные частицы с целью указать на источник речи, семантика проблематической достоверности всё же выявляется. Происходит это потому, что говорящий намеренно избрал данный способ преподнесения информации: он предупреждает о том, что передает информацию *«из чужих уст»*, что уже само по себе может обозначать, что достоверность данного высказывания либо точность его формулировки под вопросом. Указывая на источник информации, говорящий может снимать с себя ответственность за достоверность сообщаемого. Небось, не спросил обо мне: что, дескать, жива ли тетка (*И.С. Тургенев*); Обеспечь меня, дескать, во всем, чтобы я блистала в обществе, тогда я тебя и стану любить (*А.Н. Островский*).

Посредством модально-персуазивных частиц также осуществляется речевое воздействие на адресата [1]. Сопоставление нейтрального высказывания с утверждением / отрицанием и высказывания с модально-персуазивными частицами показывает, что вторые высказывания обладают яркой оценочностью, передают авторскую точку зрения относительно происходящего и таким образом призывают адресата к этой точке зрения присоединиться. Говорящий обладает богатым инструментарием, комплексом речевых ресурсов для того, чтобы передать даже тонкие оттенки своей оценки, эмоциональную окраску своего мнения относительно сообщаемой информации. Эмоционально и оценочно окрашивая своё высказывание говорящий стремится сформировать и столь же эмоциональный отклик у лица, воспринимающего текст. Это можно расценить, как организацию текста на его «выходе», т. е. на уровне восприятия текста адресатом. Говорящий та-

ким образом будто указывает, как именно воспринимать и интерпретировать информацию адресату. *Мне решительно всё равно, но на детей такие выходки **едва ли** могут действовать воспитательно* (Л.Н. Андреев.) – обоснованное сомнение с оттенком неодобрения; ***Будто** нельзя договориться и обойтись без вооруженного захвата* (Н.А. Островский) – предположение с оттенком недоумения; – *А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу **как будто** прыщик* (Н.В. Гоголь); – обоснованное предположение с оттенком кажимости; ***Авось** в другой раз будете поосторожней и не станете делать ненужных глупостей* (А.П. Чехов) – предположение с оттенком поучительности; ***Кабы** ты не лез, куда тебе не следует, да не болтал бы чепухи девчонке, ничего бы худого не случилось* (А.И. Куприн) – обоснованное предположение с оттенком неодобрения; *Дети...когда я думаю о них, у меня в груди **точно** колокол звучит...дети, дети* (Максим Горький) – предположение-гиперболизация, сравнение. – ***Кабы** этот ваш мужичок поторопился прийти к нам* (Максим Горький) – пренебрежение, неодобрение;

Таким образом, выясняется, что модальные частицы со значением персуазивности эксплицируют в высказывание семантику разной степени проблематической достоверности: от собственно предположения до глубокого сомнения, вплоть до непосредственной близости к отрицанию. Также посредством модально-персуазивных частиц высказывание получает яркую субъективную окрашенность, воздействующую на воспринимающего текст, его состояние. Это позволяет говорить о динамичности модально-оценочных значений, вносимых модальными частицами, что вызывает интерес к данной группе модальных частиц и делает актуальными исследования реализации модальных значений персуазивности в тексте.

Литература

1. Нагорный, И.А. Коммуникативно-прагматические функции русских частиц как инструментариев межкультурной коммуникации / И.А. Нагорный / Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017. – № 1 (21). С. 15–24.
2. Нагорный, И.А. Корректирующая функция модально-персуазивных частиц [Текст] / И.А. Нагорный // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). Вып. 24. С. 13-21.
3. Словарь структурных слов русского языка / Под ред. .В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997.
4. Стародумова, Е.А. Русские частицы : Учебное пособие [Текст] /Е.А. Стародумова. – Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 68 с.

Annotation. The article analyzes modal-persuasive particles from the point of view of their participation in the semantic organization of the text space. A description of the text functions of modal-persuasive particles is given.

Keywords: modal-persuasive particles, persuasiveness, modal scale of degrees of reliability, text, utterance.

Ивницкий Е. И.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КВАЛИФИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные со средствами выражения квалификативной категории модальности. В качестве основных средств выражения субъективного значения модальности представляются субъектно-предикатные отношения, с учетом позиции говорящего. А данные отношения предполагают и другие не менее важные средства: вводные слова, частицы, интонация и др.

Ключевые слова: квалификативная категория, модальность, субъективность, предикат, вводные слова, частицы, интонация.

Модальное значение достоверности в высказывании играет роль квалификатора сообщаемого как истинностного или вероятностного значения. В предложении значение достоверности часто выражается имплицитно, и тогда в роли его репрезентатора выступает интонация. Эксплицируется же данное значение различными языковыми средствами, например, вводными словами, частицами, среди которых не только модальные, но и отрицательные и утвердительные слова, а также сложными предложениями. На уровне высказывания субъективная модальность может выражаться интонационно, при этом следует учитывать определенные законы языковой экономии, о которой говорил еще А.М. Пешковский [1]. Так, при наличии лексико-грамматических показателей субъективной модальности нет необходимости в ее интонационном выделении и наоборот. Поэтому обязательным компонентом для любого коммуникативно значимого высказывания является наличие субъективной модальности как квалификативной модальной категории, которая квалифицирует высказывание со стороны субъекта как достоверное/недостоверное, и данное значение имеет разноуровневые языковые средства выражения.

Кваликативная категория модальности – это квалифицирующий субъект, квалифицируемая денотативная ситуация и модальное отношение к сообщаемой информации, заключающееся в предикате, а оттенки этого значения так или иначе присутствуют в коммуникативной ситуации.

Основным языковым средством выражения модального значения достоверности являются вводные слова и конструкции, которые всегда придают высказыванию истинностное или вероятностное модальное значение. Например: *Вот говорит, какое богатое добрище, а все пойдет, безусловно, прахом и к чертовой бабушке* (М. Зощенко); *Конечно, привычка много значит; Наверное, она страдала за свою дочь, и это страдание вылезало наружу такой вот бурой пеной* (В. Токарева).

Говоря о формальном аспекте квалификативной категории модальности, следует иметь в виду, прежде всего, лексико-грамматический предикат и семантический субъект, которые образуют на коммуникативном уровне модальное значение. Как уже было сказано, субъективная модальность (или квалификативная модальность) входит в семантику предиката, и в высказывании, учитывая прагматическую ситуацию, можно видеть, как актуализируется значение достоверности/недостоверности (сомнения) ситуации: *Верхний слой почвы **может** быть уже сухим, а в нижних слоях влаги достаточно* (Т. Булгакова); *А **может** вы считаете, что только вы собственно на этом форуме делом занимаетесь* (Коллект. форум). В данных примерах предикативное слово *может* употребляется в роли вводного словосочетания *может быть* и актуализирует тем самым субъективное модальное значение недостоверности, вероятности. Кроме того, в первом предложении грамматический субъект не участвует в формировании субъективного значения, а квалификация производится от лица говорящего; во втором предложении квалификация недостоверности производится также говорящим, но при участии грамматического субъекта, который является и производителем действия.

Следует отметить и роль частиц в формировании степени достоверности сообщаемого. Частицы не выделяются запятыми, так как их дополнительные смыслы не столько субъективны, сколько объективны, вернее кроме субъективных значений, они выражают и объективные, основанные на объективной оценке и на пресуппозиции. ***Вот так** история, смех да и только. **Да**, домишко очень не дурен!* (Н. Гоголь); ***Да** в нашей реке и рыбы- **то** нету* (И. Тургенев); *В лице Анатолия было выражение душевной силы, **да** именно силы* (А. Фадеев); *Я с этим согласен, **да!*** (Н. Островский). Частицы указывают на степень достоверности сообщаемой информации, говорящий выражает степень познания денотативной ситуации, соединяя зачастую познание с модально-оценочным отношением.

На крайней периферии поля квалификативной категории модальности находится категория утверждения/отрицания, которая, выражая основное значение (утверждение и отрицание), но может выступать как квалификатор достоверности в семантической структуре предложения. В высказывании слова *да, нет* могут использоваться как квалификаторы истинности/ложности сообщаемого.

Таким образом, средством выражения квалификативной категории модальности является лексико-грамматический предикат и семантический субъект. Вводные слова и частицы эксплицируют субъективное значение в субъектно-предикатных отношениях, и значение достоверности\недостоверности в таких случаях часто актуализируется с субъективными категориями оценочности, эмоциональности. Кроме того, субъективное значение достоверности может содержаться в семантике предикативных слов и, соответственно, не иметь необхо-

димости в дополнительных средствах экспликации. Следовательно, субъективное значение в высказывании является его неотъемлемой составляющей и наряду с субъектом речи нуждается в более детальном исследовании.

Литература

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956.
2. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Том II – М: Издательство «Наука», 1980. – 714 с.
3. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. – 264 с.
4. Белошапкина В.А. Современный русский язык: Учеб. Для филол. спец. ун-ов. – 2-е изд. – М.: Выш.шк., 1989. – 800 с.
5. Нагорный И.А. Корректирующая функция модально-персуазивных частиц / И. А. Нагорный // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – № 26 (197). Вып.24.С. 13-22.
6. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: Изд. МГУ, 1972

Abstract. The article discusses the problems associated with the means of expression qualificational category of modality. As the main means of expressing subjective modality values are represented subject-predicate relations, taking into account the position of the speaker. And these relations imply other important tools: introductory words, particles, intonation, etc.

Keywords: qualificational category, modality, subject-ness, predicate, introductory words, particles, intonation.

Нагорный И.А.

ЛЕКСИЧЕСКИ ОПУСТОШЕННЫЕ СЛОВА *ТАКОЙ* И *КАК БЫ* В РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ СФЕРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

Аннотация. В статье исследуются коммуникативно-прагматические аспекты функционального описания семантически опустошенных слов *такой* и *как бы* в русской речевой сфере. Языково-речевые компоненты описываются как десемантизированные элементы, фиксаторы точки зрения квалифицирующего субъекта, служащие для привлечения внимания собеседника к авторскому «я». Устанавливается, что частичная семантическая опустошенность слов в русском языке не является препятствием их функционирования в речи как знаков коммуникативно ориентированных, фиксирующих высказывание применительно к речевой ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

Ключевые слова: функция, десемантизация, модальность, модус, говорящий, адресат, коммуникативно-прагматическая ситуация.

Начало XXI века – период активного оживления языковой системы, обусловленный фактором глобализации, проявившем себя во многих сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в сфере

коммуникации. Указанный временной период характеризуется массовым проникновением в русский язык англицизмов, сленговых элементов, новообразований. Характерным оказывается в этом плане и процесс семантического опустошения слов. В частности, в молодежной среде начинает проявляться процесс трансформации значения слов *такой* и *как бы*.

Функционально-прагматический подход к исследованию речевых процессов [Теория функциональной грамматики, 1990; Виноградов, 1972], вербализуемых языковыми элементами, – задача, несомненно, важная. В русле решения данной задачи слова *такой* и *как бы* представляют собой интересные образцы полнозначных слов, изначально наделенных в языке богатыми семантическими потенциями, элементов, с которыми в последние два десятилетия произошли серьезные смысловые и функциональные трансформации.

Местоимение *такой* и модальная частица *как бы* вплоть до конца 90-х годов прошлого столетия применялись в языке и речи сугубо для квалификации автором высказываемого в определительном и предположительном аспектах. При этом атрибутивная или модально-квалификативная составляющая в данных словах превалировала над всеми другими семантико-прагматическими составляющими: *Это был такой милый, необыкновенный человек, которым все вокруг восхищались* (Д.Донцова); *Да, по всей видимости, план был такой* (С.Снегов); *Он все еще держал руку согнутой и морщился. Врач, натолкнувшись на него, даже как бы растерялся – он думал, что нервный пациент ушел, а он тут* (В.Шукшин); *Мы оба с ней как бы дематериализовались друг для друга* (Г.Семенов); *Он как бы какую-то неумолимой отчетливостью увидел вдали железный мост, над которым струился горячий воздух* (А.Ким).

К началу XXI века в молодежной среде начинает проявляться процесс трансформационного развития значения слов *такой* и *как бы*. Рассмотрим данный процесс применительно к указанным языковым элементам более детально.

Трансформация первичного значения, а затем появление нового, и, наконец, разделение активного лексико-грамматического потенциала слова *такой* получили свое развитие в том, что к настоящему времени мы имеем фактически два омонимичных языково-речевых эквивалента – знаменательное, «полновесное» местоимение *такой* с присущей ему атрибутивной или предикативной семантикой [Шведова, 1998] и семантически опустошенный звуковой эквивалент *такой* с частично нивелированным атрибутивным и развившимся выделительным значением. Если знаменательное слово *такой* – это стабильный элемент языковой системы с четко выраженной лексико-грамматической и коммуникативно-прагматической статусной составляющей, то семантически опустошенный эквивалент *такой* – это совершенно новый по историческим меркам, сугубо речевой элемент,

в различных речевых контекстах градуируемый как полностью или частично семантически трансформированный: *-Я такая ему говорю: «Приду». А он такой мне отвечает: «Зачем»? -Я такой ему говорю, что так делать нельзя, а он глазами хлопает.*

Трансформация семантики обнаруживает яркий диссонанс между логико-понятийным, структурно-модельным и семантико-прагматическим статусами компонента *такой* в нормированной языковой сфере и живой разговорной речи. В языке слово *такой* – это семантически и грамматически полноценный, нормированный, функционально стабильный элемент. В речи функции слова *такой* значительно расширены вплоть до полного нивелирования базовой семантической составляющей и появления фактически омонимичного звукового комплекса с оригинальными и только ему присущими коммуникативно-прагматическими свойствами. Актуализация этого сложного вопроса позволяет предположить, что подобные рассматриваемому новообразования в русском языке являются общностью функционально-прагматической.

Отметим, что у слова *такой*, с одной стороны, нивелирована значительная часть первоначального функционально-прагматического потенциала: снижена либо сведена к нулю степень констатационно-информативного воздействия на адресата, уменьшен или отсутствует аспект донесения до адресата базового атрибутивного смысла. Атрибутивная или предикативная семантика исходного местоимения *такой* остается, таким образом, не актуализированной.

С другой стороны, слово-омоним *такой* приобретает возможность выполнять в речевом высказывании ряд важных коммуникативно-прагматических функций.

Во-первых, это функция актуализации говорящим при помощи слова *такой* смыслов выделения, акцентивации авторского «я» (Ср.: *Я такая с ним разговариваю, а он – ноль внимания*). Автор в данном случае использует семантически опустошенное слово *такой* для донесения оценочного модусного смысла личной заинтересованности в происходящем до адресата.

С данной функцией тесно связана другая функция слова *такой* – ограничительно-сочетаемостная. При выполнении данной функции десемантизированное слово *такой* приобретает возможность сочетаться лишь с личными местоимениями и собственными наименованиями субъектов, в то время как сочетаемостные параметры омонима – знаменательного слова – значительно шире.

Еще одна весьма показательная функция – это употребление семантически опустошенного слова *такой* только в сфере активного диалога, в ситуации рассказа о произошедших событиях, к которым говорящий имеет или имел прямое отношение (например, ситуация личного участия), или имеет эвиденциальное представление о данных событиях, проявляет заинтересованность в донесении оценочной информации об указанных событиях до адресата.

Отдельно стоит отметить функцию скрепа, характерную для де-семантизатора *такой* и проявляющуюся в сфере речевой коммуникации. Выступая в роли скрепа, компонент *такой* полностью теряет предикативную и дополнительно приобретает атрибутивно-акцентивационную составляющую своего значения: *Море зовет, луна поет, А мы такие зажигаем; А девчонки такие тут же отвечают: «Да мы скоро уйдем, не беспокойтесь»*.

И наконец, в некоторых случаях намеренное введение в речь семантически опустошенного слова *такой* может трактоваться как желание говорящего причислить себя к избранной сфере. Однако необходимо отметить, что к настоящему времени уже частично утеряна составляющая «избранности» в семантико-прагматической сфере опустошенного слова *такой*, а само слово получило распространение в качестве элемента паузных связок, в некоторых случаях достигнув уровня речевых слов-паразитов. Данное явление, несомненно интересное, должно стать, как нам представляется, предметом самостоятельных изысканий в русистике.

Исследование коммуникативно-прагматических функций семантически опустошенного слова *такой* подводит к выводу относительно того, что данный речевой элемент является фиксатором точки зрения квалифицирующего субъекта в плане авторской акцентивации какого-либо из элементов описываемого высказыванием события. Таким образом, частичная семантическая опустошенность слова *такой* не является препятствием его функционирования как знака коммуникативно ориентированного, при помощи которого говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к коммуникативной ситуации в координатах «я – здесь – сейчас» [Нагорный, 2000].

В плане детализации актуализированных проблем необходимо актуализировать и вопрос о степенях опустошенности служебного элемента, в частности слова *такой*. Крайняя степень семантической опустошенности представлена тогда, когда указанное слово выполняет речевую функцию скрепа при заполнении пауз. В том случае, если данная функция превалирует над всеми остальными, слово *такой* уподобляется либо слоговым паузам, либо разного рода словам-паразитам. В иных случаях целесообразно вести речь лишь о частичной смысловой опустошенности слова *такой*, имея при этом в виду то, что функция замещения смыслового потенциала проявляет себя порой очень ярко в речевом коммуникативном акте.

Смыслы, вводимые подобного рода элементами, иногда достаточно важны для процесса коммуникации, так как выражают авторскую позицию, доносят ее до адресата, что для речевого высказывания, в отличие от предложения, является определяющим. В речевых высказываниях с лексически опустошенным словом *такой* объективный и субъективный слои смысла сближены, представляют собой синтез двух единств. Объективные предложенческие смыслы при помощи

описываемого слова «притягивается» к модусу, используется говорящим для речевых нужд, в результате чего субъективные смыслы внедряются в диктум, усложняя его смысловую структуру. Семантически опустошенные компоненты как элементы модуса могут трансформировать семантические поля пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов.

Нивелирование первичного модального значения частицы *как бы*, активизация новых функциональных характеристик, и, наконец, разделение активного грамматико-лексического потенциала данной частицы получили свое развитие в том, что к настоящему времени мы также сталкиваемся с фактически омонимичными эквивалентами – грамматически служебной модальной частицей *как бы* и ее семантически опустошенным звуковым эквивалентом с нивелированным предположительным и актуализированным выделительным значением. Если модальная частица *как бы* – это языковой элемент с выраженной грамматической статусной составляющей [Стародумова, 1997], то ее семантически опустошенный эквивалент – это исторически новый речевой элемент, в контекстах градуируемый как полностью или частично семантически трансформированный: *Я вчера как бы иду по улице, вижу его, а он ко мне не подходит* (Интернет); *В этом планшете как бы четыре гигабайта оперативной памяти. Это немало. И процессор четырехядерный* (Интернет).

При помощи модальной частицы *как бы* говорящим, как известно, переосмысливается факт осуществления связей между событиями, который приобретает в этом случае признаки потенциально осуществимого или предполагаемого: *Это был вроде как бы пароль* (А.Казанцев); *Цивилизации Древнего Египта, шумеров (Месопотамия) и ольмеков возникли как бы внезапно, словно получили какой-то неожиданный культурный импульс от неизвестной нам цивилизации Древнего мира* (газет.текст); *К Сухово-Кобылину... как бы вдруг начали прислушиваться* (газет.текст). Модусная квалификативная операция сравнительного предположения производится субъектом и распространяется на оценку объективных связей, отношений как возможных или вероятных.

Однако при функционировании в речи модальная частица *как бы* может десемантизироваться и нивелировать таким образом свою исходную семантическую составляющую. В этом случае она уже представляет собой элемент, с которым в результате действия процесса десемантизации произошли смысловые и функциональные трансформации.

Трансформация семантики частицы *как бы* обнаруживает диссонанс между субъективно-модальным и семантико-прагматическим функциональными параметрами компонента в языке и речи. Модальная частица *как бы* – это грамматически служебный и функционально стабильный элемент языка. При речевой десемантизации функции частицы *как бы* ограничиваются вплоть до полного нивелирования

базовой семантической составляющей и появления омонимичного звукового комплекса с оригинальными и только ему присущими коммуникативно-прагматическими свойствами.

В плане вышесказанного отметим, что у семантически десемантизированной частицы *как бы*, с одной стороны, утрачена значительная часть первоначального не только системно-грамматического (модельно-обслуживающего), но и исходного модусного функционально-прагматического модального потенциала: снижена либо сведена к нулю степень квалификативно-информативного воздействия на адресата-коммуниканта, уменьшен либо отсутствует аспект донесения до адресата базового субъективно-модального смысла сравнительного предположения. Модальная семантика частицы *как бы* остается, таким образом, не актуализированной у ее десемантизированного эквивалента.

С другой стороны, семантически опустошенная частица *как бы* приобретает возможность выполнять в речевой сфере ряд новых прагматических функций. Детализируем их.

Во-первых, отметим функцию развития говорящим при помощи *как бы* смыслов выделения, акцентуализации авторского «я» (Ср.: *Я же сказал, я как бы приду сюда завтра в восемь часов; Ты как бы не расслабляйся; Я как бы не считаю, что к ней стоит прислушаться*). Говорящий в данном случае использует семантически опустошенную частицу *как бы* для акцентуализации собственного мнения и в то же время донесения оценочного модусного смысла некатегоричности до адресата.

С данной функцией связана ограничительно-сочетаемостная функция десемантизатора *как бы*. При выполнении этой функции семантически опустошенная частица приобретает возможность прикрепляться к или предикату, или к компоненту высказывания, который говорящий желает выделить в смысловом аспекте, при этом семантически данный компонент актуализируется за счет нивелирования исходной семантики самой частицы: *Ты как бы помолчи, если написать в ответ нечего* (Интернет); *Да как бы не к нему Сергей приходил* (Интернет). Модальная частица *как бы* в этом случае проявляет себя совершенно по-иному: репрезентируемые ею субъективно-модальные смыслы, хотя и являются оказывают корректирующее воздействие на семантическое поле взаимодействующего с частицей компонента, однако осмысляются как прагматически ценные для говорящего и коммуникативного процесса в целом, поскольку направлены на квалификацию события и донесение данной квалификационной характеристики до адресата.

Отдельно стоит отметить функцию скрепа, характерную для десемантизатора *как бы* в сфере речевого диалога. Выступая в роли скрепа, рассматриваемая частица теряет свою субъективно-модальную грамматическую составляющую и семантически опустошается. В этом случае при помощи введения в высказывание десемантизатора *как бы*

говорящий заполняет паузы, выравнивая таким образом речевые лакуны при раздумье.

Отметим еще один важный момент. Частицы вообще, и модально-предположительные частицы в частности, – это крайне востребованный в речевом процессе класс слов. По частотности употребления частицы очень продуктивны в сфере обыденного речевого общения. Русская разговорная речь насыщена ими, а несомненная прагматическая составляющая в значении частиц позволяет служебному слову выполнять в речевой сфере ведущую коммуникативно-прагматическую функцию донесения до адресата прагматически важных модусных смыслов. В этом плане у десемантизатора *как бы* нивелирована значительная часть функционально-прагматического потенциала модальной частицы: значительно снижена функция воздействия на адресата, фактически сведен к нулю аспект донесения автором до адресата ведущих в коммуникативном аспекте смыслов. В противовес этому десемантизатор *как бы* приобретает возможность выполнять функцию скрепа в речевом потоке.

Затронутые в статье проблемы являются, на наш взгляд, интересными в своем историческом развитии и современном состоянии, так как актуализируют одну из граней языковой прагматики в аспекте изучения степеней семантической опустошенности языковых элементов в разговорной речи. Последнее открывает перед исследователем достаточно обширные перспективы описания функций языковых элементов в речевой сфере. Актуализированные в статье проблемы являются, как нам кажется, интересными для пристального изучения лингвистами, поскольку проявляют область человеческого фактора в языке.

Литература

1. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В.Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
4. Нагорный, И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц / И.А.Нагорный. – Барнаул: Издательство БГПУ, 2000. – 310 с.
5. Стародумова Е.А. Русские частицы / Е.А. Стародумова. – Владивосток: Изд. ДГУ, 1997. – 68 с.

Abstract. The article examines the communicative and pragmatic aspects of functional descriptions semantically devastated words such as in Russian speech area. Language and speech components are described as desemantization elements, the retainers point of view, the qualifying entity that serve to attract the attention of the interlocutor to the author's "I". It is established that partial semantic emptiness of the words in the Russian language does not preclude their functioning in speech as signs of communicative oriented, the locking statement in relation to the speech situation in the coordinates of the "I – here – now".

Key words: function, desemantization, the modality, the modus, the speaker, the addressee, the communicative-pragmatic situation.

Чересюк П.А.
МЕТАФОРА И ЕЕ ФУНКЦИИ В СОЗДАНИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
cheresuck.polina@yandex.ru

Аннотация. Художественный текст представляет собой основную сферу функционирования метафоры. Это напрямую связано с задачами художественного текста, который направлен на воображение читателя, а также передачу мыслей и чувств героев, воспроизведение особого видения мира автором. Целью работы является определить роль метафоры в создании и наполнении художественного текста.

Ключевые слова: метафора, функция, роль, художественный текст, образные средства

Проблема метафорических наименований привлекает к себе пристальное внимание исследователей на протяжении долгого времени. К данной проблеме обращались такие видные ученые, как Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский, А.Н. Гвоздев, А.А. Шахматов, Е.С. Скобликова, М.А. Ганшина и многие другие. При этом лингвистов интересовало, что собою представляют метафоры с функциональной точки зрения, каково их положение и назначение в предложении и тексте в целом. Однако изучение научного наследия по вопросу о метафорических наименованиях демонстрирует, что, каждый из лингвистов, занимаясь данным вопросом, так или иначе, разрешал его в зависимости от исходного материала.

При изучении метафоры исследователи обращали внимание на то, что она, во-первых, является средством создания различных функциональных стилей и образности художественной речи. А во-вторых, метафора дает обозначение тому, чему еще нет названия – выступает как средство номинации. Это привело к тому, что в науке до сих пор отсутствует четкое представление о том, каковы основные функции метафоры, и какую роль она выполняет при создании текста.

Для понимания, какие функции метафора может выполнять в художественном произведении, необходимо обозначить, что же является функцией.

Если мы обратимся к этимологии слова, то увидим, что оно происходит от латинского слова «functio», что может трактоваться как роль, обязанность, назначение, характер деятельности или исполнение обязанностей. В языкознании термин «функция» описывается, как способность языковой формы к выполнению того или иного назначения (Большая советская энциклопедия, 1969-1978: http://). Если говорить об образных средствах русского языка, то они играют важнейшую роль внутри предложения, придавая ему дополнительную

яркость, живость и эмоциональность. Каждая языковая единица существует исключительно потому, что она, в отличие от другой языковой единицы, служит известной цели, то есть выполняет определённую, присущую только ей, функцию.

В художественных текстах, где образность занимает одно из первых мест в создании произведения, слово в предложении начинает выполнять другую роль, отличительную от обыденной речи. Здесь каждая языковая единица участвует в создании конкретно-чувственного образа, и её значение в тексте не сводится к прямому семантическому, которое мы привыкли слушать и использовать. Благодаря ассоциативности мышления читатель видит приращения значения слова в контексте художественной речи и вместе с тем понимает, что за приведенным словоупотреблением стоит синтез общепринятой национальной традиции и индивидуально-авторского способа воспринимать и изображать окружающий мир.

Основа образной системы художественного текста и способ создания поэтической картины мира – это метафоры. Преобладание в художественных произведениях метафор Н.Д. Арутюнова объясняет тем, что «поэт отталкивается от обыденного взгляда на мир, он не мыслит в терминах широких классов», и именно в метафоре «заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира... необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета» (Арутюнова, 1990: 17).

Рассмотрение функций метафоры в лингвистике традиционно связывается с определением её назначения и роли в тексте и системе языка. Отсюда возможно выделение двух подходов к описанию метафорических функций, каждый из которых оперирует своей единицей анализа:

1) лексикологический, который в качестве единицы анализа выбирает единичную метафору как средство языка и как фигуру речи – троп. Метафора служит образным средством для описания чего-либо;

2) текстоцентрический, который обращается к явлению метафоризации как средству целого текстопостроения. Метафора охватывает все произведение и «ведет» за собой читателя от начала до конца.

Однако следует отметить, что выделение данных подходов не отрицает возможности существования функциональных вариантов, когда одновременно реализуются оба подхода, поэтому в рамках лексикологического и текстоцентрического подходов их взаимосвязь очевидна.

Назначение или роль метафоры в художественном тексте, в первую очередь, это то, что она может выразить неподдающиеся описанию в виде прямых номинаций, например состояние души человека. В этом случае метафора служит средством создания образности речи – тропом. Например, через метафорические единицы можно проследить цепочку чувств и эмоций, которые испытывают главные герои на

протяжении всего произведения. Так, в романе «Анна Каренина» Л. Толстой через метафоры показывает читателю динамику чувств Анны Карениной к Вронскому, которые она никогда не испытала к мужу: «<...> я – как **голодный человек**, которому дали есть» (Толстой, 2015: 237). «Каждый раз, как он говорил с Анной, в глазах ее **вспыхивал** радостный **блеск**, и улыбка счастья **изгибала** ее румяные губы» (Толстой, 2015: 115). «Он стоял на коленях и, положив голову на сгиб ее руки, которая жгла его **огнем** через кофту» (Толстой, 2015: 488). Постепенно любовное настроение сменяется паническим и тревожным: «<...> не было того оживления, <...>: напротив, теперь **огонь** казался потушенным в ней или где-то далеко припрятанным» (Толстой, 2015: 149). «А она чувствовала, что рядом с любовью, <...>, установился между ними **злой дух** какой-то борьбы, которого она не могла **изгнать** ни из его, еще менее, из своего сердца» (Толстой, 2015: 814). Не смотря на то, что любовные чувства главных героев угасли, и их охватила волна ненависти и отчаяния, не означает, что и метафоры стали «бледными», наоборот. Самой яркой и «мгновенной» была последняя метафора Анны Карениной, последнее ее «воплощение», осветившее всю ее быструю и несчастную жизнь: «И **свеча**, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла» (Толстой, 2015: 882). Метафора «свеча» означает жизнь, которую героиня прожила ярко, но не долго.

Следовательно, мы можем говорить о том, что единичные метафоры связываются с художественными формами отражения мира, с внутренним состоянием героев, что способствует описанию их чувств, порождая соответствующие эмоции.

Метафора может играть заметную роль не только внутри предложения, но и в создании сюжета всего художественного текста. Здесь метафора работает как средство для текстопостроения. Отметим, что Л. Толстой является тонким психологом, поэтому каждый поворот сюжета в романе автора имеет свою идею. При детальном изучении романа можно уловить связь метафор в общем контексте. Герой Левин «чувствовал <...>, что **лодка** его **течет**, но он не находил и не искал течи» (Толстой, 2015: 387). «На каждом шагу он испытывал то, что испытывал бы человек, любовавшийся плавным, счастливым ходом **лодочки** по озеру, после того, как он бы сам сел в эту лодочку. <...> не забывая, куда **плыть**» (Толстой, 2015: 562). Метафоры «лодка течет» и «плыть» описывают плавную и размеренную жизнь Левина, когда все в его жизни идет своим чередом, как и должно быть.

Подобную метафору можно встретить и в описании жизни Анны и Вронского. Они испытывают «чувство, подобное чувству мореплавателя, видящего по компасу, что направление, по которому он

быстро движется, <...> остановить движение не в его силах, что каждая минута удаляет его больше и больше от должного направления и что признаться себе в отступлении – все равно, что признаться в гибели» (Толстой, 2015: 232). Данный пример – это развернутая метафора, которая описывает быструю и непонятную жизнь главных героев. Они гораздо дальше от «берега», чем Левин. Они не могут прекратить свои отношения, иначе друг без друга погибнут, но и продолжать их не в силах.

Третий фрагмент из жизни мужа Анны – Каренина. Л. Толстой представил героя, который спокойно жил, был не ревнив *«теперь он испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидавший, что этот мост разобран и что там пучина»* (Толстой, 2015: 183). «Пучина» эта была – сама жизнь героя, а «мост» – та искусственная жизнь, которую прожил Алексей Каренин. Пучиной можно назвать и ревность, которую начал испытывать герой.

Анна не любила вспоминать о муже, потому что в эти моменты ее мучила совесть: *«Воспоминание о зле, причиненном мужу, возбуждало в ней чувство, похожее на отвращение и подобное тому, какое испытывал бы тонувший человек, оторвавшийся от себя вцепившегося в него человека. Человек этот утонул»* (Толстой, 2015: 543-544).

Приведенные примеры серии метафор: «лодка», «пучина», «движение», «плыть», «компас» – не только помогают соединить сюжетные нити романа по крупницам, который автор разделил на три части (жизнь Левина, Жизнь Анны и Вронского, жизнь Каренина), но и непосредственно воздействуют на читателя. Мастерство Л. Толстова заключается в том, что он посредством метафор заложил определенный нравственно-философский смысл в роман и заставляет читателя задуматься, ведь совесть действует так же, как и стрелка компаса, упомянутая в одном из примеров. Стрелка двигается с места только тогда, когда тот, кто несет компас, сходит с того пути, на который она показывает. То же и с совестью: она молчит, пока человек делает то, что должно. Но стоит человеку сойти с настоящего пути, и совесть показывает человеку, куда и насколько он сбился (Толстой, 2004: <http://>).

Таким образом, мы видим, что метафора как единичный троп, рассматриваемый в лексикологическом подходе постепенно перетекает в текстоцентрический подход и служит вереницей средств для создания всего художественного произведения. Ее роль – иносказательность. К метафоре начинают обращаться тогда, когда авторское мышление находится в поисках решения возникающей проблемы, а готовые соединения слов не несут в себе однозначного ответа. Из всех средств для создания художественного образа, метафора превращается в способ формирования недостающих языку определений и выступает в качестве универсального орудия для описания ситуаций и создания произведения.

Литература

1. Аругюнова Н.Д. Метафора. // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 296-297.
2. Бабаев Э.Г. Комментарии. Л.Н. Толстой. // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1982. Т. 9. С. 417-449.
3. Богданова Е.С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация. // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-hudozhestvennom-tekste-funktsii-vozpriyatie-interpretatsiya> (Дата обращения: 21.01.2018).
4. Которова Е.Г. Семантический объем термина «метафора». / Общее и сопоставительное языкознание. – М.: Просвещение. – 1986. – С. 29-36.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/> (Дата обращения: 20.01.2018).
6. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Эксмо, 2015. – 960 с. – 960 с.
7. Lib ru: Библиотека Максима Мошкова. Путь жизни: Толстой Лев Николаевич. // Л.Н. Толстой, 1910. Обновлено: 23.09.2004. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0540.shtml (Дата обращения: 20.01.2018).

Abstract. A literary text is the major sphere of metaphor functioning. This is primarily connected with the purposes of a literary text which is aimed at the reader's imagination and revealing of characters' thoughts and feelings, reproduction of the author's individual world view. The aim of the work is to define the role of metaphor in the literary text in order to describe the characters' state of mind and to characterize the reality which surrounds them.

Keywords: metaphor, function, role, literary text, figurative means.

**РЕЧЕВЫЕ НОРМЫ И ИХ ДИНАМИКА
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Буцкая А.В.
**РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ТЕКСТАХ СТАТУСОВ «ВКОНТАКТЕ»**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
726627@bsu.edu.ru

Аннотация. Виртуальная жизнь в мире сети Интернет характеризуется выходом за пределы официальных регламентаций, и языковая игра становится одной из преобладающих форм выражения языка интернет-коммуникации. Отражение языковой игры в пространстве социальных сетей наблюдается в текстах статусов «ВКонтакте».

Ключевые слова: статус, языковая игра, языковой уровень, интернет-коммуникация, лингвокультура.

Языковая игра есть форма лингвокреативной мыслительно-речевой деятельности языковой личности, то есть ее естественный способ и творческий процесс эксплицитного и имплицитного самовыражения.

Отличительным свойством языковой игры является ее коммуникативность и антропоцентричность. Помимо этого, игровые приемы используются коммуникантами прямо интенционально: с одной стороны, для того чтобы удовлетворить потребность в реализации своего личностного творческого начала, с другой – максимально продуктивно достичь определенного перлокутивного эффекта и соответствующего прагматического воздействия. В данном контексте речь идет, безусловно, о «прагматическом уровне языковых личностей адресата и адресанта языковой игры» (Бахтиозина 2011: 58).

Статус – особый элемент персональной страницы пользователя, выполняющий функцию краткого «заголовочного» обозначения важной для пользователя информации (Марченко 2013).

Эффективное использование игровых средств на разных языковых уровнях в текстах статусов «ВКонтакте» показывает желание пользователей социальной сети продемонстрировать нестандартным образом свои лингвокреативные способности, целевые установки, интенции, личностные ориентации, а также установить опосредованный контакт с равноценным читателем, «захватить» его внимание и воздействовать на его интеллектуальную и эмоциональную сферу.

В понимании современных лингвистов языковая игра не сводится исключительно к игре слов на лексико-семантическом уровне, а представляет собой довольно сложное явление, обладающее как стилистической, так и разноуровневой лингвистической и макротекстовой репрезентацией, продуктивность которых проявляется в тех или иных текстах не в равной степени.

На графическом уровне особую роль в текстах статусов выполняют также скобки «()» «[]», символы звездочка «*» или слеш «/». Эти знаки уточняют и поясняют мысль, высказанную в одной части статусной реплики.

Иногда пользователь скобками выделяет свои комментарии по поводу затрагиваемой темы статуса:

- *Море, у кого-нибудь есть с собой море? [мне все надоело]*
- *Куда подевался стыд? (наверно, не завезли)*
- *Даже потеряв все, я продолжу идти вперед [Даже потеряв все, я не остановлюсь]*

Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом читающий также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. (Санников 2003: 247).

Попытки описательно отразить условия коммуникации приводит к *функции зачеркивания*. Интернет-зачеркивание обозначает не текст, который должен быть уничтожен. Зачеркивают как раз то, что имеют в виду – главную мысль, то, что хочет сказать пользователь. Автор проговаривается сознательно, но маскирует свою фразу в виде зачеркивания:

- *Ну да, ушел я. А Босс игнорщик :/ Старик Тогушка опечален.*
- *вас послушаешь, далеко не уедешь всем добра*
- *звучит как-то не так и уж больно обидно несеу редкостную глупость*

В отличие от авторских ремарок в пьесах, помещение в «*» или «/» производит дополнительный игровой эффект, так как автором ремарки и производителем действия является в реальности одно и то же лицо. В виртуальной реальности это создает «эффект раздвоения личности», который является одним из признаков языковой игры (Асмус 2005: 17)

Текст в интернет-пространстве приобретает новые возможности за счет графической трансформации.

Например:

- *Я нАЕлсЯ рОзОВЫх хОМЯчкОв И пОшЁл гУЛяТЬ с ЛЕНИНЫМ*
- пользователь указал все буквы, обозначающие гласные звуки, заглавными.

- *wij zijn Ajaxwij zijn Ajax* – текст набран английской раскладкой клавиатуры.

- *蜡纸印刷 или все хорошо...* – пользователь использовал иероглифы в сочетании с русским алфавитом. Для пользователя иероглифы не имеют никакого смысла, они как символ неразрешенных и путанных дел в жизни коммуниканта.

С помощью подобных приемов графической трансформации пользователи создают интересные и запоминающиеся статус-сообщения, выделяющиеся на фоне других своей необычностью.

Лексико-семантические средства в виртуальном пространстве прежде всего направлены на поиск определенной социальной группы или сообщества, которая совпадает с интересами пользователя. В Интернет-коммуникации идентификация близких по тем или иным причинам сообществ, в нашем же случае, персональных страниц пользователей, обусловлена рядом языковых особенностей на уровне лексики и семантики, проявляющихся в текстах пользователей.

Иноязычные номинации очень привлекательны для пользователей социальных сетей и в виртуальной коммуникации способствуют эффекту новизны нарочитому выделению среди других, т.е. самопрезентации.

Пользователи в текстах статусов часто используют англицизмы, набранные кириллицей, которые не нуждаются ни в переводе, ни в дополнительных комментариях среди участников виртуального пространства:

- *Поставь песню на реплей!* (реплей – «replay» – «повтор»)
- *Этот бойзбэнд достоин уважения=)* (бойзбэнд – «boys band» – «группа, состоящая из парней»)
- *Айдолы прекрасны*О** (айдол – «idol» – идол, предмет поклонения, кумир)

Язык интернет-пространства стабильно пополняется новыми словами – **неологизмами**. Они появляются с целью обозначения новых предметов или понятий. В современном русском языке различают лексические неологизмы, т.е. только созданные с помощью словообразовательных средств языка, а также семантические неологизмы – к ним относятся новые значения уже известных слов, придающие форму языковой игры. Также существуют и индивидуально-авторские или окказиональные неологизмы.

Нами были рассмотрены тексты статусов пользователей, активно использующих неологизмы.

Приведем несколько примеров с лексическими неологизмами:

- *трололо в школе* – (трололо – «весельчак, балагур»)
- *по жизни один покерфейс* – (покерфейс – «лишенное эмоции, неэмоциональное лицо»)
- *кэп по жизни* – (кэп – «постоянно говорящий те факты, о которых все уже знают»)
- *лагает все, надоело* (лагать – «тормозить»)
- *яоминь* – (яоминь – «ну да, конечно»)
- *Мимимишная мордашка получилась, смотрите!* (мимимишный – «умилительный»)

Рассмотрим несколько статусов с семантическими неологизмами:

- *филоло в шоке* – (филоло от «филолог» в значении – «чувствительный к грамотности»)

- *ooo..это такой баян...*(баян в значении «вновь опубликованная шутка»)

- *доска сломалась T_T, пользуюсь электронной T_T* (доска в значении «компьютерная клавиатура»)

- *зачетный вышел фильм* (зачетный в значении «хороший», «отличный»)

Реализация языковой игры в текстах статусов «ВКонтакте» формирует культурно-прагматический потенциал текстов социальной сети в целом в совокупности с комментариями других пользователей к нему; отражает социокультурные стремления языковой личности пользователя.

Языковая игра как лингвистический эксперимент выявляет гибкое устройство знаковой системы, настроенное на самообновление и саморазвитие, и потенциальные возможности языковых моделей к «аномальному, асимметричному» использованию на фоне нормы и канона, позволяющему языковой личности продемонстрировать свои творческие способности перед и познать двойственную сущность языка, реализовать не востребуемые нормой языковые ресурсы.

Литература

1. Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: диссертация на соискание ученой степени к. ф. н./ Н.Г. Асмус. – Челябинск, 2005. 125 с.

2. Бахтиозина, М.Г. Формирование и декодирование образа автора в процессе коммуникации «автор-читатель» / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. 9 с.

3. Марченко, Н.Г. Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект: Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ф.н [Электронный ресурс] / Н.Г. Марченко. – Ростов-на-Дону, 2013. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-set-v-kontakte-lingvopragmaticheskii-aspect>

4. Санников, В.З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. М., 2003. 560 с.

Abstract. Virtual life in the world of the Internet is characterized by going beyond official regulations, and linguistic game becomes one of the prevailing forms of expressing the language of Internet communication. Reflection of the linguistic game in the space of social networks is observed in the texts of the statuses «VKontakte».

Keywords: status, linguistic game, linguistic level, Internet communication, linguoculture.

Голева Н.М. Воронкова Л.С.

ЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
goleva@bsu.edu.ru

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, МБОУ «СОШ №50»

Аннотация. В статье рассматриваются логические компаративные конструкции, которые представляют собой когнитивные ментальные структуры. Среди них, в зависимости имплицитности/эксплицитности выражения составляющих, выделяются различные модели.

Ключевые слова: компаративные (сравнительные) конструкции, предмет сравнения, образ, признак сравнения.

Логический подход при изучении компаративных конструкций и их когнитивной функции необходим, так как язык анализируется как система, которая отображает мышление человека, в процессе чего выявляется смысловая составляющая сравнительных конструкций.

Проанализируем логическую систему компаративных конструкций в русском языке. Эта система представлена различными моделями:

– модель 1-го типа представляет собой с точки зрения грамматики трёхкомпонентную модель и характеризуется структурой «П = П», то есть предмет сравнивается с самим собой, но в разных временных соотношениях: – *Сейчас я красивее, чем в молодости* (РР – здесь и далее – разговорная речь). В данном примере тождественны предмет и образ сравнения – Я, а признак сравнения основывается на качестве, характеризующем внешность.

– модель типа 2 представляет собой двухкомпонентную модель и является сравнением разных объектов, имеющих сходство. Это тип имеет подтипы: А – сравниваются однородные предметы: – *Соловей поёт лучше кукушки* (РР) – или же имеют одну номинацию, относящуюся к разным субъектам: – *Мой голос напевнее, чем твой* (РР). Б – сравниваются разнородные предметы: – *И ваши волосы нежнее шёлка* (Реклама). В – процесс сравнения является симметричным в рамках номинальных и естественных классов: – *Человек защищён в машине во время дождя более надёжно, чем в открытом поле или же под деревом* (Газета «Верись ли ты?», №10 (26), 2016) Г – в рамках номинальных и естественных классов наблюдается асимметричное сравнение, которое предполагает асимметрию между предметом и образом сравнения – один из компонентов является «лидером», эталоном: – *Худой мир лучше доброй ссоры* (Пословица).

– модель типа 3 характеризуется сравнением уподобленных друг другу предмета и образа сравнения: П -**ее**, чем П есть на самом деле – КПС (где П – предмет сравнения, КПС – качественный признак сравнения, то есть модуль сравнения): – *Шампунь «Лошадиная сила» –*

это более сильный шампунь, чем можно предположить (Реклама из уст пользователя).

– модель 4-го типа представляет собой сравнение различных образов предмета, уподобленных друг другу. В разное время, в разных пространственных плоскостях выражается один и тот же носитель образа предмета: КПС1 -**ее**, чем КПС2 является, считается, кажется: – *Тогда фильм мне показался интереснее, чем сейчас* (РР).

Представленная типология составлена на основе классификации логических моделей Ю.Л. Воротникова (1999).

Для того чтобы выявить различие, необходимо сравнить как минимум два предмета, явления действительности. Участки, которые мы сравниваем, могут быть как подобны друг другу по каким-либо основаниям, так и тождественны.

Отметим точку зрения А.П. Бабушкина, который подчеркивал, что в сравнении как в ментальной структуре нужно выделять «концепты-фреймы, представляющие собой совокупность хранимых в памяти типичных ассоциаций» (Бабушкин, 1996: 19). Компаративные модели «с такой памятью» имеют как вербально выраженные, так и имплицитные компоненты: – *По экономическому благосостоянию и по количеству населения город Москва значительно превышает своих периферийных друзей* (АиФ, 2015, №5). Перед нами когнитивная компаративная ситуация, поверхностная структура, в которой представлены все компоненты: предмет – *Москва*, образ – *периферийные друзья*, основание для сравнения – *экономическое благосостояние и количество населения*. В предложении позиция превосходства. В компаративной структуре – *Вы идёте как павлин* (РР) – также эксплицитно выражены все четыре составляющих: предмет – *вы*, образ – *павлин*, основание для сравнения – *походка*, союз – *как*. Союз *как* выражает пропозицию эквивалентности. Наблюдаются конструкции и с другими случаями экспликации компонентов: – *Книга небольшая – всего 73 страницы* (РР). Предмет – *книга*, образ – логическая пропозиция неясная, она распределяется между словами *небольшая* и *всего 73 страницы*, признак – *небольшая*, параметром признака является объём. Таким образом, эталон сравнения не выражен, является имплицитным. Сравнительная ситуация основывается на когниции – *данная книга уступает по объёму другим книгам, понимаем, какие книги считаются большими*.

Рассмотрим и другие синтаксические варианты поверхностной реализации компаративных конструкций. Следующая модель предполагает формальное исключение из компаративной конструкции одного элемента, а именно союза, выражающего сравнительные отношения. – *Мальчик подошёл к волку и взял его за загривок... Христор приклонился к сосне и внимательно смотрел на Арсения. Когда они двинулись в сторону дома, волк пошёл за ними. **Красным флажком всё так же свешивался его язык*** (Е. Водолазкин). В

данном высказывании в наличии предмет сравнения – *язык*, распространённый образ – *красным флажком*, признак – *расслабленность* – выражается глаголом *свешивался*. В предложении прослеживаются отношения сходства: *язык – красный флажок*. Однако, как мы уже отметили, имплицитен оператор логической связи. Он отсутствует формально, а на процесс сопоставления указывает форма творительного падежа, так называемый творительный сравнения.

Обратимся к структуре поверхностной реализации компаративных отношений, в которой имплицитным является не только формальный маркер (союз), другими словами, логическая пропозиция, но и отсутствует признак сравнения. – *О! Это не борщ!* (РР). Здесь сравнение с настоящим борщом: *красный, со сметаной, с чесноком, наваристый, с мясом*. А предмет сравнения *это* не соответствует настоящему образу сравнения – *борщу*. Двойная импликация также характерна для данной конструкции.

В нашей картотеке имеются конструкции, в которых отмечается максимальная импликация, при отсутствии таких составляющих, как образ, основание для сравнения – признак и собственно компаратив, союз. – *Нет, мы в театрах не бывали! Нам не до этого. Особенно в пору страды*. (РР). Как видим, эксплицитно представлен только предмет сравнения – *МЫ*, тем не менее, глубинная структура компаративной конструкции чётко прослеживается: *Мы, возможно, хуже/невежественнее по сравнению с другими*. ИЛИ *Мы народ занятой, нам не до развлечений* (таковым заведением считают в деревне театр). Актуальным и важным в данном примере является различие, дихотомия *МЫ* (условно) хуже – *ОНИ* лучше.

Литература

1. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 2001. – 86 с.
2. Воротников, Ю.Л. Степени качества в современном русском языке. – М.: Азбуковник, 1999. – 278 с.

Abstract. The article deals with logical comparative constructions, which are cognitive mental structures. Among them, depending on the implicitness / explicitness of the expression of components, different models are distinguished.

Keywords: comparative constructions, a subject of comparison, an image, a sign of comparison.

Заходякина О. М.

КУЛЬТУРА ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
olga.zakhodyakina@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена важному аспекту культуры письма – этимологическому анализу, который способствует формированию интереса к русскому языку, активизации мыслительной деятельности обучающихся.

Изучение орфографии через этимологию важно и потому, что школьники, выполняя такую работу, расширяют не только лингвистический, но общий свой кругозор.

Ключевые слова: орфография/правописание, этимологический анализ, лексическое значение слова.

Лексические возможности русского языка богаты и разнообразны. В связи с этим возникает сложность в изучении орфографических норм: исключения из большого количества правил вызывают трудности. Долгое время самым распространённым приёмом правописания являлось запоминание графического облика слова. Однако неосмысленное механическое запоминание представляет собой достаточно трудную и малоэффективную форму получения знаний, так как не активизирует мыслительные процессы, в связи с чем интерес к русскому языку ослабевает.

На важность знания этимологии слова указывал К.Д. Ушинский, который отмечал, что уже ученики начальной школы должны знать о происхождении слова *прозрачный*: оно происходит от слова *зракъ* (2).

На необходимость этимологического анализа словарных лексем указывал Л.В. Щерба: «Наша орфография, будучи почти последовательно этимологической, дает этому богатейшую пищу. Она заставляет разлагать слова на составные части, подыскивать им родственные формы» (Щерба, 1957: 56).

В настоящее время учитель школы, вводя этимологический анализ слова как необходимый компонент при изучении орфографии, доводя происхождение слова до сознания ребёнка, добивается расширения словарного запаса ученика, способствует формированию связной речи, вводит искомую лексему в активный словарь, но и самое главное – способствует улучшению орфографической зоркости учащихся.

«Задачи этимологии неодинаковы по отношению к разрядам разных слов. С генетической точки зрения в словарном составе современного русского языка можно выделить два основных пласта: исконную лексику и заимствованную...» (Зубарева, 2009: 58).

В рамках предпринятого нами исследования был проведен анализ учебника М.М. Разумовской, который показал, что раздел «Этимология» представлен следующим образом.

1. Материал упражнения 2 знакомит с понятиями *этимология* и *этимологический анализ*. Упражнение 4 знакомит с исторически родственными словами *родной, родинка, народ, природа, родина* и др. Упражнение 73 содержит задания на обозначение современного и морфемного состава слов *желудок, мешок, перчатка, пещера, чернила*; в упражнении 74 представлено доказательство исторически родственных слов *белье* и *береза, колея, колесо* и *околица, наперсток* и *перчатки, впечатление, печаль, печать, печка* и *пещера*; упражнение 87 предполагает составление предложения или словосочетания с иноязычными словами *адъютант, объективный, субъективный*;

упражнение 161 направлено на установление происхождения слова *вежливый*; упражнение 171 содержит объяснение, от каких устаревших слов образованы слова *вежливый, внезапный, наперсток, питомник, вдребезги, вопреки, второпях, нахрапом, дотла, набекрень*.

Работа над изучением непроверяемых гласных в слове представлена также в упражнениях 51, 114, 144, 209, 290 и др. с целью механического запоминания, использование этимологического анализа слов в орфографических целях не предполагается.

2. ЗСП (значение, структура, правописание слов) 2 знакомит с происхождением слов *подражание, возражение*; ЗСП 4 – с греческим словообразовательным элементом *хроно-*, ЗСП 5 – с греческим словообразовательным элементом *демо-*.

3. В теме «Словарное богатство русского языка» перечислены разные группы слов, в том числе исконно русские слова, заимствованная лексика.

4. В учебнике представлен этимологический словарь, включающий 39 слов с краткой информацией о происхождении слова. При этом в этимологическом словаре отсутствует источник происхождения слова.

В соответствии с происхождением слов нами были выделены следующие группы лексем:

✓ общеславянские (*бродячий, величие, гнездиться, выразительный, заграница, зарницы, знаменовать, издавна, корабль, валять, лебеда, неправдоподобный, печальный, плащ, свирепый, спаленный, студень, увеличить, широкий, замечание, трепетать, увенчанный*);

✓ исконно русские (*безмятежный, дремучий, довольно, замечание, личинка, маяк, наизусть, проворно, палатка, случай, торопиться, шиповник, циновка*);

✓ старославянизмы (*блаженно, могущество, внимание, забвение, настоящий, вредитель, восточный*);

✓ латинские (*аккуратность, полярный, цитрусовый, насекомые*);

✓ греческие (*горизонт, металлургический, циклон*);

✓ немецкие (*секунда, цемент*);

✓ французские (*шоссе, цивилизация, жасмин, масса, партер, минута*);

✓ тюркские (*караван*).

В ходе исследования учебника для учащихся 7-го класса под ред. М.М. Разумовской было установлено, что правописание 46% слов с непроверяемыми гласными требуют этимологического комментария.

В процессе работы над словами с непроверяемыми безударными гласными использование этимологического анализа позволяет задействовать сознание и мышление учащихся, благодаря чему изучение словарных слов становится более эффективным. Знакомство с этимоло-

логией слов оказывает положительное влияние не только на формирование орфографических навыков (правописание словарных слов, их содержательную сторону и форму), усвоение терминов, но и позволяет установить причинно-следственные связи при познании явлений окружающего мира, организовать внимание и воображение.

Литература

1. Зубарева, Н.Н. Компьютерная поддержка при изучении непроверяемых безударных гласных с применением этимологического анализа слов (6 класс): диссертация ... кандидата педагогических наук. – Елец, 2009. 229 с.
2. Ушинский, К.Д. Собрание сочинений в 11 томах. Т.2. – М.: Академия педагогических наук, 1947. 655 с.
3. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку. Государственное учебно-педагогическое изд-во мин-ва просвещения РСФСР. – М.: 1957. 188 с.

Abstract. This article is devoted to an important aspect of the culture of writing – etymological analysis, which contributes to the formation of interest in the Russian language, the activation of the thinking activity of students. The study of spelling through etymology is also important because schoolchildren, by doing such work, expand not only linguistic, but their general outlook.

Keywords: spelling, etymological analysis, lexical meaning of the word.

Макарова А.Г.

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ЕЕ ОТКЛОНЕНИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ И ОБЪЯВЛЕНИЯХ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
1049923@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее типичные отклонения от языковой нормы в современных рекламных текстах и объявлениях Прохоровского района Белгородской области. В ходе исследования материалов муниципальной печати выявляются орфографические, пунктуационные, лексические и грамматические ошибки. В результате анализа выясняется, что язык рекламы является отражением современного состояния русской речи.

Ключевые слова: ненормированная речевая коммуникация, реклама, рекламист, рекламодаделец, орфография, пунктограмма, грамматические нормы, лексическая сочетаемость.

Обеднение, засорение русского языка – серьезнейшая проблема наших дней, поскольку русский литературный язык испытывает серьезное давление ненормированной речевой коммуникации. К сожалению, современная печать, электронные средства массовой информации, реклама дают обильные примеры таких ошибок.

Проанализируем типичные ошибки, отмеченные нами в текстах рекламы Прохоровского района Белгородской области. В ходе исследования языкового материала было выявлено, что в текстах районных реклам встречаются орфографические, пунктуационные, лексические

и грамматические ошибки. Следует отметить, что наиболее частотными являются орфографические ошибки. Орфография – раздел науки о языке, в котором излагается система правил написания слов (Антипов, 2002: 54). Примером таких ошибок может стать рекламная вывеска «Осчастливь иммунитет с Actimel» (пгт. Прохоровка, ул. Пионерская). Текст рекламы не содержит непроизносимую согласную 'т', утверждая любителей йогурта в мысли, что языковая норма не обязательна. Следующий пример: рекламное объявление в газете «Истоки» Прохоровского района сообщает о том, что компания устанавливает «Алюминевые витражи и балконы». Допущены две ошибки в слове «алюминевые»: правописание удвоенной *л* и суффикса *-и*. Правописание приставок также является темой, которая репрезентирует отклонения от языковой нормы. Следует помнить, что любая часть слова имеет значение как грамматическое, так и лексическое. На улице Советской в пгт. Прохоровка есть небольшое кафе с вывеской «Разливные напитки». На первый взгляд, ничего особенного, но есть четкое разделение значений приставок *рас-рос* в подобном употреблении: если подразумевается, что напитки наливают с собой, то это называется «Напитки в рОзлив», причем приставка находится под ударением, а приставка *рАс* (*з*) – при похожем употреблении обозначает, что напитки сделали лужу на полу. Подобные отклонения от нормы обнаруживают низкий культурно-речевой уровень рекламистов и демонстрируют низкий уровень владения языковой нормой в современной лингвокультуре.

На втором месте по частотности ошибок в рекламной продукции – грамматические ошибки. Грамматические ошибки – это несоблюдения норм в образовании слов и формообразования, норм синтаксической связи между словами в словосочетании и предложении (Гольдин, 1998: 135). Примером стилистических ошибок в рекламе могут служить вывески предприятий сферы обслуживания Прохоровского района: «Мир брюков», «Аптечный пункт от аптеки №2». Первое объявление содержит неправильную грамматическую форму существительного «брюки» во множественном числе, которое имеет нулевую флексию, эта ошибка довольно часто допускается в обыденной речи людьми: например, много «чулков» – вместо «чулок», «делов» вместо «дел», «макаронов» вместо «макарон».

В следующем примере мы видим типичный пример тавтологии: аптечный – аптека. Неправильный порядок слов в предложении также может привести к ошибке. Например, в рекламе магазина женской одежды предлагается «Одежда и аксессуары для будущих мам и детей». Данный текст двусмыслен: слово *будущих* является общим определением для лексем *мама* и *дети*. Получается, что магазин предлагает товары для будущих (тех, которых еще нет) детей. Аналогичная ошибка встречается в следующем тексте рекламы: «Выставка-продажа одежды из кожи, в том числе детской». Если исходить из

смысла данного предложения, то фирма предлагает одежду, сшитую из кожи детей.

Приведенные примеры нарушений грамматических норм в текстах рекламы свидетельствуют о том, что данные ошибки являются довольно распространенными. Недостаточно строгое отношение составителей реклам к своей речи может отрицательно повлиять на речевую культуру читателей, так как рекламные тексты входят в сознание адресата.

Пунктуация – раздел науки о языке, в котором излагается система знаков препинания и правила их постановки. Пунктограммы помогают пишущему выразить свои мысли и чувства, а читающему – точнее понять текст и выразительно прочесть его (Антипов, 2002: 63). Примером таких ошибок может служить текст вывески на одном из рынков птг. Прохоровка «Всегда свежее потому что рядом», в котором отсутствует запятая после слова «свежее». Или, наоборот, тексты содержат лишние запятые: «Уже через час, Вы получите ответ о принятом решении» (рекламный щит Россельхозбанка).

Соблюдение норм правописания является важным для развития профессиональных качеств и навыков рекламодателей. Многочисленные пунктуационные ошибки возмущают читателей, могут повредить восприятию рекламы, ее усвоению и действенности (Кара-Мурза, 2008: 13).

Лексические ошибки также встречаются в рекламных текстах, причиной данного вида ошибок чаще всего является непонимание значения и нарушение лексической сочетаемости: употребление слова в несвойственном ему контексте; употребление знаменательных и служебных слов без учета их семантики; выбор слов-понятий с различным основанием деления; неправильное употребление паронимов (Гольдин, 1998: 137). Нарушение лексической сочетаемости: «В разгар сезона цена еще дешевле!». Согласно языковой норме дешевле могут быть товары, лексема «цена» имеет лексическую сочетаемость – ниже.

Следует отметить, что для районной рекламы частотным является необоснованное использование иностранных слов. Русский язык богат и многообразен: к каждому иностранному слову, используемому в разговорной речи, если постараться, можно найти несколько русских синонимов (Введенская, 2001: 179). Поэтому функционирование иностранной лексики в рекламе, на наш взгляд, способствует засорению родного языка. Например, на рекламном щите фирмы «Гарант-сервис» фиксируем следующее высказывание: «Фирма предлагает гарантийное и сервисное обслуживание». Отметим, что значение слова *сервис* – *обслуживание*. Подобные ошибки обнаруживают низкий культурно-речевой уровень создателей рекламы, «подрывают уважение и к сообщению, и к рекламодателю» (Росшпер, 2000: 341). Кроме того бесцельное, неумелое, не вызванное необходимостью употребление средств языковой экспрессии может вызвать у адресата реакцию, противоположную желаемой.

Итак, рассмотрение отклонений от языковой нормы в современных рекламных текстах и объявлениях Прохоровского района Белгородской области демонстрирует, к сожалению, низкий уровень владения кодифицированными средствами и является отражением современного состояния речи.

Литература

1. Русский язык и культура речи: Учебно-методический комплекс для вузов / Под ред. А.Г. Антипова. — М.: Едиториал, 2002. 171 с.
2. Гольдин, В.Е., Сиротина В.Е. Речевая культура. — М.: Просвещение, 1998. 375 с.
3. Введенская, Л.А. Русский язык и культура речи. — Ростов н/Дону: Феникс, 2001. 448 с.
4. Кара-Мурза, Е.С. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов // Российская газета. — 2008. — 15 октября. — С. 13.
5. Россшпер, Дж. Р., Перси, Л. Реклама и продвижение товаров / Пер. М. Бугаев. — СПб.: Питер, 2000. 656 с.

Abstract. The article considers the most visible and typical deviations of the linguistic standards in modern commercial in the Prokhorovsky district of the Belgorod region. In the process of study, the materials of the local press, spelling, punctuation, lexical and grammatical errors are emphasized. As a result of the research, it turns out that the language of advertising is a reflection of the current state of Russian speech.

Keywords: non-standard speech communication, advertising, ad maker, advertiser, spelling, punctuation, grammatical standards, co-occurrence range.

Сидельникова Н. С.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕКСТАХ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Kira.naruti@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена языковой игре в текстах газетной публицистики, в ней рассматриваются примеры словообразовательной игры, отмечаются особенности использования прецедентных текстов

Ключевые слова: языковая игра, лексические новообразования, словообразовательная игра, прецедентные тексты

Анализ языковой специфики текстов газетной публицистики свидетельствует об активных словотворческих процессах, результатом которых являются лексические новообразования различной деривационной структуры. Фиксация таких слов, разноаспектное исследование представляет особую важность, потому что лексические инновации позволяют определить основные тенденции, характеризующие язык наших дней. Тематически лексические новообразования отражают все изменения, которые происходят в социокультурной жизни. «Применение количественного метода в исследовании лексических новообразований позволяет судить о степени динамичности неологических процессов, о векторе неологизации, о преобладании тех или

иных аспектов обновления словарного состава, о деривационных предпочтениях современной неологике» (Плотникова, 2003 : 87).

Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что в основе словопроизводства инноваций лежит языковая игра. В современной лингвистике языковая игра традиционно понимается как «сознательный эксперимент, имеющий установку на творчество» (Ильясова, Амири, 2009: 28). Широкое распространение получила точка зрения В. З. Санникова: «Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) тоже должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. Только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего» (Санников, 2002: 23).

Целью данной статьи является рассмотрение отдельных видов языковой игры, которые особенно часто используются в газетных и журнальных заголовках, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать его и вызвать у него желание продолжать чтение.

Успешность языковой игры обеспечивается использованием всего богатства средств языка: фонетических, графических, словообразовательных, лексических, синтаксических, стилистических – направленных на разрушение стереотипных высказываний и порожденных этими стереотипами ожиданий реципиента коммуникации. При столкновении с языковой игрой у читателя появляется интерес к публикации. Именно он побуждает адресата к активной мыслительной работе, направленной на разрешение языковой «загадки».

Словообразовательным приемом создания языковой игры являются лексические новообразования. Они возникают под влиянием контекста при особом коммуникативном задании, они специально «придумываются». Повышенная выразительность окказионализмов обеспечивается их необычностью на фоне нормативных образований: *Снеговикенд* (Maxim №12, 2017) образовано путем сложения с интерфиксацией и суффиксацией.

Большую активность в настоящее время приобрели образования от *SMS*, например: *SMSка*, *SMSиться*, *SMSно* и др. Играя со словом, авторы образуют производные слова с использованием латиницы: ***BeSMSленно*** и ***беспощадно***. *Любителя текстовых сообщений отправили лечиться* – Моск. комс. Компоненты производных слов могут быть выделены графически: *Школа: объЕГЭрят* всех. – АиФ; ***РасКРАБленное*** море. – Комс. пр.; *Я такой страны теперь не знаю, где так ЛЬГОТно дышит человек!* – Комс. пр.; *Дискри МЕН-Тация*. – Версия; ***БЕСПеРЕДЕЛ***. – АиФ. Особенностью подобного рода слов является то, что они наиболее ярко демонстрируют индивиду-

ально-творческий подход к словопроизводству. В их создании наиболее выразительно раскрываются творческие возможности человека: *кока-колонизация, первопроходимцы, сроссиянить, ценизм* и др.

Контаминированные образования всё чаще выступают в роли заголовков, то есть в сильной позиции. Как особенность отметим, что подобного рода слова в силу своей необычности требуют дополнительного толкования. Эту функцию зачастую выполняют подзаголовки, ср.: **ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЛОГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ** (заголовок). *Российская власть решила сыграть с активными пользователями Рунета на их поле* (подзаголовок). – Версия.

Современной публицистике свойственна интертекстуальность, одним из вариантов проявления которой считается широкое применение прецедентных текстов – поэтических и прозаических цитат, строк из популярных песен, названий художественных произведений и фильмов, пословиц, поговорок, фразеологических оборотов и других выражений, являющихся элементом «культурной памяти» народа. Как отмечает Е.А. Земская, прецедентные тексты особенно широко используются в газетных заголовках, так как «характеризуют и менталитет автора-журналиста, и его уровень, а также психологию и коммуникативную компетенцию читателя-адресата» (Земская, 2004: 554). Использование прецедентных текстов в газетных заголовках является одним из проявлений языковой игры, благодаря экспрессивности и оценочности подобных заголовков, а «экспрессивный эффект значительно усиливается в результате разного рода трансформаций, которые происходят в прецедентных феноменах по воле автора» (Ильясова, Амири, 2009: 226-227). Яркий экспрессивно-стилистический эффект создаётся за счёт ассоциаций, которые возникают у читателя при сопоставлении преобразованного текста с общеизвестным источником.

Трансформация прецедентных текстов чаще всего осуществляется путём замены одного или нескольких слов на слово, значимое для содержания статьи, например: **как у Деда Мороза за пазухой; поколение на горошине** (Maxim №12, 2017); **рыцари круглого кольца** (Maxim №9, 2017).

Таким образом, анализ языкового материала позволяет говорить о том, что языковая игра как средство передачи мыслей, чувств, эмоций, ощущений, невербализованных идей автора становится все более востребованной в газетном тексте. Данный факт можно считать свидетельством поиска новых средств выражения экспрессивности и оценочности.

Литература

1. Земская, Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
2. Ильясова, С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
3. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. Белгород, 2003.
3. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Abstract. This article discusses a language game on the example of texts of newspaper journalism, the examples of graphics, word-building and language play in the contemporary publications.

Keywords: language game, game graphics, journalism, word-building game.

Шаповалова Ю.Ю.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА И ЧИСТОТА РЕЧИ

Россия, г. Белгород, МБОУ «СОШ № 41»
julie0705@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена глобальной проблеме в условиях современной языковой ситуации – чрезмерному увлечению лексикой, заимствованной из других языков. Предпринята попытка выработки правил корректного употребления заимствованной лексики, определения условий, в которых эта лексика может употребляться, не разрушая чистоту речи.

Ключевые слова: заимствования, лексическое значение, чистота речи, неотермины, окказионализмы.

Современная языковая ситуация характеризуется неумеренным потоком слов-пришельцев в русский язык. Процесс заимствования русским языком является мощным и, к сожалению, односторонним. И поэтому учёные-лингвисты бьют тревогу, так как в наш язык вливается беспрецедентное количество иностранной лексики, а русскими лексемами другие языки свой словарный запас не пополняют. Немотивированное употребление «чужой» лексики приводит к разрушению важного коммуникативного качества речи, каким является чистота речи, к тому, что расширяются группы некодифицированной лексики, куда мы относим и варваризмы.

Чрезмерное увлечение иноязычной лексикой охватывает все слои населения, что значительно осложняет коммуникацию, снижает её эффективность. В связи с этим видится, что борьба с неуместным употреблением заимствованных слов – это борьба за соблюдение коммуникативных качеств речи, так как нарушение одного свойства речи приводит к нарушению другого: разрушается чистота – не работают такие свойства, как уместность, правильность, доступность речи, а также взаимопонимаемость коммуникантов. «Язык – это хранитель менталитета народа на разных этапах его развития, средство самоидентификации нации. Именно поэтому русский язык был и остаётся столь притягательным для носителей других языков и культур, так как это форма и средство приобщения к России, к её многовековой истории и богатейшей культуре» (Ремнёва, 2004: 23).

В.И. Даль считал, что иноязычные слова мешают понимать истинный народный дух родного языка, поэтому не одобрял иностранные слова, хотя не отметал заимствованную лексику вовсе. В его «Словарь живого великорусского языка» включены чужеземные лексемы с указанием «отечества»: *бисквит* – франц., *бифштекс* – англ.,

академия – греч., *абстрактный* – лат., *хрусталь* – нем., *эстрада* – итал., *серенада* – испан. и другие. Автор словаря признавался, что сведения «на отечество» чужих слов «неполны и поверхностны», «составитель указывает только на ближайший источник.., откуда слово перешло к нам...» (Даль, 2005: 15).

Автор словаря помещает в словарную статью и окказиональную лексику, существование которой трактует так: «Но при толкованиях, а иногда и в числе производных слов могли попадаться и такие, которые доселе не писались, а может быть, даже и не говорились. Я не могу провести такой строгой черты между словами, читанными или слышанными когда и где-нибудь, и между сложившимися под пером, при истолковании других слов» (Даль, 2005: 16). Например: *ажур* – со сквозниною, сквозничный, прорезной, дырчатый; *азарт* – задор, вспыл, вспых, горячность, запальчивость.

К некоторым заимствованным словам лексикограф рекомендует русские синонимы, в том числе и диалектные слова: *интервал* (франц.) – промежуток, промежек, прогалина, пролёт, проём, отступ, проулок; *портьера* (франц.) – запон перед дверьми, завес, завес, полстина, дверницы.

В наш век глобализации и информатизации трудно не употреблять заимствованную лексику терминологического характера.

Присоединяясь к точке зрения исследователя Л.П. Крысина, отметим случаи оправданного появления терминов в русском языке, подтверждая выделенные группы своими примерами:

1. Русский язык не имеет в своём арсенале номинации для нового предмета, нового явления: *дискета*, *винчестер*.

2. Появляется необходимость заимствовать лексему, чтобы различать семантически близкие, но все же имеющие оттенки в значении, в лексической сочетаемости понятия: *проверить* – *ревизовать*.

3. Необходимость конкретизации функций того или иного понятия в в определённой сфере деятельности, для тех или иных целей: *продавец* – *мерчиндайзер*.

4. Случаи языковой экономии, когда нужно заменить многословную номинацию предмета, явления цельным, нерасчлененным понятием: *пластиковые конвертики для хранения документов* – *файл*.

5. Причины и факторы социально-психологического характера: восприятие всем коллективом говорящих или его частью иноязычного слова как более престижного, современного, красиво звучащего, а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия: *ресепшн* вместо приёмная, регистратура, администрация в гостиницах, *бэби-бокс* вместо ящик для младенца. (Крысин, 2007: 54).

По нашим наблюдениям, имеются и неоправданные причины заимствования терминов:

- реклама сомнительного товара от бизнесменов с целью запутать покупателя;
- бездумное употребление неотерминов современной молодёжью;
- употребление варваризмов и производных от них слов;
- желание масс-медиа выделиться;
- незнание русских понятных слов-синонимов;
- желание сказать «оригинально».

Мы назвали случаи употребления новых слов, когда статью на русском языке надо читать со словарём.

Итак, из перечисленных случаев уместного, корректного употребления иностранных неологизмов следуют и правила, определяющие норму при использовании их в речи. Самым главным правилом всегда было и остаётся уместное употребление заимствованных слов, знание их семантики, оттенков значения, соответствие ситуации общения, господствующему стилю изложения.

Литература

1. Даль, В.И. Словарь живого великорусского языка. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 700 с.
2. Крысин, Л.П. О некоторых иноязычно-русских лексических соответствиях // Русская речь. – 2007. – №1. С. 51-62.
3. Ремнёва М.Л. Язык и культура. //Русский язык: исторические судьбы и современность. М., МГУ, 2004. С. 23-24.

Abstract. The article is devoted to the global problem in the conditions of the modern language situation – excessive interest for vocabulary borrowed from other languages. An attempt has been made to develop rules for the correct use of borrowed vocabulary, to determine the conditions in which this vocabulary can be used without destroying the purity of speech.

Keywords: borrowings (borrowed vocabulary), lexical meaning, purity of speech, non-determinants, occasionalisms.

Глазунова И.В.

**ЭПИТЕТ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
irishka_glazunova_7@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается эпитет как средство развития выразительности речи младших школьников на уроках русского языка. Приведены упражнения, которые способствуют формированию выразительности речи младших школьников и могут быть использованы учителями в начальном языковом образовании.

Ключевые слова: выразительность речи, эпитет, выразительные средства.

На сегодняшний день в условиях развития языка и общей культуры общества не теряет своей актуальности проблема овладения детьми культурой речи родного языка, в том числе и ее выразительностью. Высокий уровень речевой культуры письменной и разговорной речи, хорошее знание языка, умение пользоваться его выразительными средствами, стилистическим многообразием является самой важной рекомендацией для каждого человека в его профессиональной деятельности и общественной жизни.

Проблема развития выразительности речи младших школьников имеет особую значимость в сфере начального языкового образования. Только развитая выразительная речь позволит учащимся свободно и эффективно общаться с окружающими людьми в различных коммуникативных ситуациях, точно и лаконично выражать свои чувства и мысли, понимать собеседника, ярче проявлять себя в разных видах деятельности, и прежде всего, в игровой и художественной. Выразительность характеризует не только уровень формирования детской речи, но и особенности личности: эмоциональность, общительность, открытость.

Проблемой совершенствования речевой культуры носителей языка, развитием выразительности их речи занимались такие известные ученые, как Аниськина Н.В., Залевская А.А., Карасик В.И., Кубасова О.В., Ладыженская Т.А., Леонтьев А.Н., Львов М.Р., Михальская А.К., Пелих В.М., Рубинштейн С.Л., Селиванова Е.А., Спивак Д.Л., Хрусталёв О.Н. и др.

Выразительность речи связана с осознанием точности, богатства, уместности, образности использования языковых средств в процессе речевого общения. Б.Н. Головин справедливо отмечал, что выразительностью речи называются такие особенности ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя (Головин, 1998:182). Задача учителя на начальном этапе языкового образования младших

школьников состоит в том, чтобы обращать внимание учащихся на особенности использования изобразительных средств языка в текстах художественных произведений в процессе их изучения. Литературно-художественные тексты в книгах для чтения дают многочисленные примеры и образцы, позволяющие знакомить младших школьников со стилистическим богатством русского языка.

Одним из основных средств выразительности, с которым знакомятся учащиеся начальной школы, является эпитет. Степень выразительности речи младших школьников во многом зависит от умения использовать эпитеты в речи.

К определению понятия эпитета существуют разные подходы. Так, одни исследователи придерживаются узкого понимания термина «эпитет», относя его к явлениям чисто стилистического порядка. Эпитеты, по их мнению, это определяющие слова, обладающие особой художественной выразительностью, выражающие чувства автора к изображаемому предмету, создающие живое представление о предмете и т.п. Таким образом, эпитет в этом понимании – только красочное, образное определение, возникающее обычно на основе переносного значения слова. Другие ученые рассматривают термин «эпитет» в широком смысле, считая эпитетом любое прилагательное, характеризующее предмет. При этом учитывается, что эпитеты свойственны не только поэзии, но и прозаической, даже обиходно-разговорной речи (Горбачевич, 2002: 5). В рамках нашей работы целесообразнее придерживаться второй точки зрения относительно эпитета, так как младшие школьники только начинают овладевать средствами языковой выразительности, и им бывает достаточно трудно подобрать образные определения.

Как правило, эпитет выражается именем прилагательным, но также может быть представлен именем существительным, глаголом и наречием. При помощи этого выразительного средства удается ярко и образно охарактеризовать вещь или же явление. Сама выразительность речи характеризуется тем, как красиво и точно учащиеся могут использовать эпитеты в своей речевой практике. Именно эпитеты дают возможность точно выразить свое отношение к предмету, насытить свою речь эмоциями.

Эпитеты развивают воображение детей, делают язык живым, красочным и образным. Для того, чтобы подчеркнуть наше восхищение или же, наоборот, неприязнь по отношению к какому-либо объекту, мы всегда используем эпитеты. Чем больше эпитетов можно подобрать при описании чего-либо, тем лучше дети будут понимать чувства человека и представлять себе описываемую ситуацию.

В качестве примера можно предложить следующие упражнения, которые направлены на развитие у учащихся умений использовать эпитеты в речи как средство выразительности.

Упражнение № 1. Какие из приведенных ниже имен прилагательных оценочного характера вы используете: 1) для характеристики

положительных качеств человека; 2) для описания хорошего настроения; 3) для выражения своего отношения к другу?

Благородный, бодрый, вежливый, веселый, великолепный, гордый, деятельный, дисциплинированный, добрый, доброжелательный, довольный, душевный, заботливый, искренний, ласковый, любимый, милый, мужественный, настойчивый, находчивый, нежный, отважный, отзывчивый, отличный, правдивый, прекрасный, превосходный, приподнятый, радостный, решительный, серьезный, скромный, справедливый, способный, требовательный, трудолюбивый, чудесный, чуткий, хороший, энергичный.

Упражнение № 2. Прочитайте текст. Найдите в тексте эпитеты. Выпишите их. Попробуйте прочитать текст без эпитетов. Как он изменился?

С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра ... (И.С. Тургенев)

Упражнение № 3. Прочитайте текст, в нем нет эпитетов. Подберите нужные по смыслу слова и запишите восстановленный текст.

Заглянуло лето в ... сад, развесило на ветвях ... яблоки, ... груши. В лесу под деревьями лето рассадило много грибов. В ... березняке – подберезовики с ... корешками, в ... шапочках; в осиннике – подосиновики с ... шапочками. На ... поляне будто цветы расцвели, раскрыли свои зонтики мухоморы.

Предложенные упражнения позволяют говорить об эпитете как чрезвычайно важном средстве языковой выразительности, использование которого позволяет автору не только передать информацию о явлении, но и рассказать о впечатлении, которое тот производит. В практике начальной школы необходимо проводить целенаправленную работу по обогащению лексики младших школьников эпитетами, употребление которых делает речь образной, эмоциональной, воздействующей.

Литература

1. Головин, Б.Н. Основы культуры речи. – М.: Высшая школа, 1998. 182 с.
2. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: Норинт, 2002. С. 4-5.

Abstract. In this article, the epithet is considered as a means of developing the expressiveness of the speech of younger schoolchildren in the lessons of the Russian language. The exercises that contribute to the formation of the expressiveness of the speech of junior schoolchildren are given and can be used by teachers in the initial language education.

Keywords: expressiveness of speech, epithet, expressive means.

Головчанская С.В.

УРОК СЛОВЕСНОСТИ – УРОК ДОБРА И КРАСОТЫ

Россия, Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
803465@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье говорится об организации уроков словесности, приводится пример подобного урока на материале классических произведений и произведений современных писателей, подчеркивается значение организации групповой формы работы, поднимаются вопросы духовно-нравственного воспитания учащихся.

Ключевые слова: анализ текста, «толстый» и «тонкий» вопросы, иллюстрирование, групповая работа.

Современные школьники обладают значительным запасом знаний, но не всегда имеют возможность применить их в практической деятельности. Решить эту проблему могут интегрированные уроки, к которым относят и уроки словесности. В педагогических литературных источниках интеграция рассматривается как процесс, в ходе которого разрозненные элементы синтезируются в одну, общую систему, являющуюся целостной. Вопросы интегрированного обучения на сегодняшний день особенно актуальны, т.к. знание механизмов интегрирования значительно повышает компетенцию словесника, способствует реализации новых задач образования, направленных на всестороннее развитие личности ребенка.

Преимущество таких уроков заключается в том, что они способствуют: 1) повышению мотивации учения; 2) формированию познавательного интереса учащихся; 3) становлению в их сознании целостной научной картины мира; 4) в большей степени, чем обычные уроки, способствуют развитию речи, формированию умения учащихся сравнивать, обобщать, делать выводы; 5) не только углубляют представление о предмете, расширяют кругозор, но и способствуют формированию разносторонне развитой, интеллектуально развитой языковой личности, обладающей богатой и выразительной речью. Благодаря нетрадиционным формам работы с учениками, которые востребованы новым стандартом, дети в полной мере могут проявлять свои творческие способности, могут самостоятельно ставить и решать посильные именно им задачи. Именно поэтому все наши уроки разнообразны по формам и методам работы с детьми.

Представленный в данном методическом материале урок был проведен в рамках мероприятий Всероссийского научно-методического форума в Белгороде «Классика и современность на уроках литературы и во внеклассной работе» (в апреле 2017 г.), осуществленного совместно с редколлегией журнала «Литература в школе». Журнал издается уже более 100 лет, но всегда его приоритетами были уроки словесности, направленные на развитие художественно-творческих способностей и

умений юных читателей. Этой установке старались следовать и мы при разработке и проведении урока словесности.

Тема урока словесности: **«Красота в классике и сегодня».**

Цель деятельности учителя на уроке была направлена на то, чтобы познакомить учащихся с художественными произведениями, не входящими в программу; научить выявлять особенности внутренней и внешней красоты человека с опорой на художественные тексты; воспитывать нравственные чувства и вырабатывать нравственные ориентиры детей.

Деятельность учащихся на уроке опиралась на классические произведения и на произведения современных писателей: стихотворение Н.А. Заболоцкого «Некрасивая девочка», стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Два богача», рассказ В.Н. Крупина «Сбрось мешок», «Сказка о старой вазе» Н. Абрамцевой.

Учащиеся пятого класса изначально были разделены на пять групп по собственному желанию. Групповые задания носили творческий характер, поэтому объединение детей в группы по симпатиям в данном случае только способствует плодотворной деятельности на уроке. Групповая форма организации работы позволила активно включать учащихся в атмосферу сотворчества, создавала мотивацию обучения. Пятиклассники оказались в условиях, когда им хотелось высказаться, т.к. в микроколлективе каждый ощущает свою личностную значимость, он видит: от него зависят результаты работы всей группы.

После организации и постановки задач дети попытались выразить восприятие данных произведений через цвет. Этот приём помогает учащимся в нетрадиционной форме рассказать о непосредственном впечатлении, полученном после прочтения текста. Кроме того, приём настраивает учащихся на работу, концентрирует их внимание.

Затем учащиеся получили задания в группах. Каждая группа получила индивидуальное задание:

1 группа: *дописать финал стихотворения «Некрасивая девочка» (можно, конечно, и в прозе) – таким, каким бы вам хотелось его видеть.*

Это уже по-настоящему творческое задание, позволяющее детям раскрыть свои способности в письме, повысить уровень не только правильной, но и выразительной речи. Кроме того, данное групповое задание позволяет каждому члену группы высказать свою точку зрения и путем дискуссий прийти к общему мнению. Дописать финал – значит выразить своё отношение к происходящему, представить свои впечатления и желания, что отражает нравственные особенности детей.

2 группа: *составить 4 «тонких»¹, 4 «толстых» вопроса.*

¹«Толстые и тонкие вопросы» – это способ организации взаимопроса учащихся по теме, при котором «тонкий» вопрос предполагает репродуктивный однозначный ответ (чаще это «да» или «нет»), а «толстый» (проблемный) требует глубокого осмысления задания, рациональных рассуждений, поиска дополнительных знаний и анализ информации.

Этот прием взят нами из технологии развития критического мышления, часто используется для организации взаимопроса. Стратегия позволяет формировать: 1) умение формулировать вопросы; 2) умение соотносить понятия. «Тонкий вопрос» предполагает однозначный краткий ответ. «Толстый вопрос» предполагает ответ развернутый, аргументированный.

После изучения всех произведений, детям предлагается сформулировать по четыре «тонких» и четыре «толстых» вопроса, связанных с содержанием текстов. Затем они опрашивают участников других групп, т.е. выступают в роли оценщиков, «жюри».

Этот прием показывает, во-первых, знание текста учениками; во-вторых, умение определить главное в произведении; в-третьих, умение четко ответить на поставленный вопрос, ориентируясь в тексте. Всё это необходимо, поскольку осмысленный анализ текста произведения – главная составляющая на аттестационных испытаниях в выпускном классе.

3 группа: *найдите и выпишите из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Два богача» ключевые слова. Используя свой жизненный опыт, приведите примеры подобных историй.*

Данное задание развивает у учащихся умение выделить главное в тексте, а также провести аналогии, показывая, таким образом, насколько хорошо ученики усвоили основную мысль текста. Очень важна опора на жизненный опыт и впечатления пятиклассников.

4 группа: *подумайте, что объединяет «Сказку о старой вазе» с остальными произведениями, к которым мы сегодня обращаемся? Какие образы возникли в вашем сознании, когда вы читали это произведение? Нарисуйте то, что вы представили.*

Иллюстрирование – эффективный приём проникновения в содержание произведения. Этот приём широко используется на уроках литературного чтения. Его значение для обучения и развития школьников трудно переоценить: во-первых, дети в этом возрасте любят рисовать, во-вторых, это смена деятельности, в-третьих, чтобы создать иллюстрацию, надо глубоко вникнуть в смысл текста.

В зависимости от средств, с помощью которых создаётся иллюстрация, «в методике различают три основных вида иллюстрирования: словесное, графическое и музыкальное» [Мали 2013: 53]. Мы обратились к приему графического иллюстрирования. Графическое иллюстрирование – это выполнение картины красками, карандашами, а также создание аппликации.

Для 5-ой группы предложено задание по рассказу В.Н. Крупина «Сбрось мешок». *Подумайте, что объединяет этот рассказ с остальными произведениями урока? Почему он так «странно» называется? Какие еще у вас возникли вопросы? Напишите письмо писателю В.Н. Крупину, в котором задать самому автору возникшие вопросы¹.*

¹ Писатель В.Н. Крупин лично присутствовал на Всероссийском форуме в Белгороде и получил письма детей.

Данный прием позволяет, во-первых, повторить алгоритм составления письма (а это осуществление межпредметных связей); во-вторых, учащиеся начинают задумываться над тем, что им осталось непонятно, стараются грамотно выразить свои мысли.

В процессе выполнения работ в группах абсолютно все учащиеся формулируют вопросы, отвечают, дополняют ответы – таким образом происходит работа с каждым произведением в различных формах.

Затем подводятся итоги. Учащиеся каждый по-своему отвечают на вопрос: «**В чем же красота?**». Каждый пишет на листочке только одно слово («Доброта», «Милосердие», «Сердце», «Тепло», «Помощь» и др.) и прикрепляет к «дереву» на доске. Чаще других появляется на «дереве» листочек со словом «Доброта» ...

Думается, содержание текстов и выводы, к которым пришли участники, способствовали формированию их нравственных взглядов, развитию доброжелательности, доверия и внимательности к людям, готовности к сотрудничеству и дружбе, оказанию помощи тем, кто в ней нуждается, умению ценить красоту природы и красоту человеческой души.

Литература

1. Мали, Л.Д. Творческие работы на уроках литературного чтения в начальных классах // Начальная школа плюс до и после. – 2013. – № 8. С. 52 – 56.

2. Литература: учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений: в 2 частях / автор-сост. Г.С. Меркин. 3-е изд. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. 325 с.

Abstract. The article refers to the organization of literature classes, is an example of such a lesson on the classical works and works of contemporary writers, emphasize the importance of organization of group work, raising questions about spiritually-moral education of pupils.

Keywords: text analysis, "thick" and "thin" questions, illustrating, group work.

Голубчикова И.А.

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ НАД СЛОВОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ira-golubchikova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты работы по формированию исследовательских умений младших школьников в процессе изучения лексики на уроках русского языка. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенные материалы могут использоваться учителями в образовательном процессе.

Ключевые слова: исследовательские умения, слово, лексическое значение, словарно-орфографическая работа.

Одной из важнейших задач современного образования является развитие у младших школьников исследовательских умений. Необходимо с раннего детства создавать условия для формирования личности, которая обладает такими качествами, как активность, самостоятельность, инициативность, умение творчески подходить к решению возникающих проблем, умение формулировать собственную точку зрения.

Как отмечает известный педагог А.И. Савенков, «детская потребность в исследовательском поиске обусловлена биологически» (Савенков, 2004:17). Практически каждый ребенок стремится к познанию мира, ему хочется знать больше о тех или иных вещах, в зависимости от того, что именно вызывает у него интерес. Дети проявляют исследовательскую активность, они хотят быть в роли исследователя. По мнению ученого, «именно это внутреннее стремление к познанию через исследование порождает исследовательское поведение и создает условия для исследовательского обучения» (Савенков, 2004:18).

Методические и теоретические аспекты организации учебно-исследовательской деятельности школьников, формирования у них исследовательских умений нашли отражение в трудах таких ученых, как Андреев В.И., Вахтеров В.П., Зимняя И.А., Иодко А.Г., Лернер И.Я., Махмутов М.И., Митрош О.И., Новиков Н.И., Райков Б.Е., Семенова Н.А., Савенков А.И., Скаткин М.Н., Ушачев В.П.

Опираясь на классификацию А.И. Савенкова, мы определили перечень умений, необходимых при решении исследовательских задач: умение видеть проблему и задавать вопросы; умения выдвигать гипотезу и давать определение понятиям; умение работать с информацией и структурировать материал; умения классифицировать, доказывать и защищать свои идеи, делать выводы и умозаключения; умение представить результат своей работы.

Богатыми возможностями для формирования исследовательских умений и навыков у младших школьников обладают уроки русского языка.

В данной статье мы рассмотрим некоторые аспекты организации работы по развитию исследовательских умений у младших школьников в процессе изучения слова.

Целесообразно регулярно проводить специальную работу над словом с целью получения как можно больше новых сведений о нем. Для этого могут быть использованы различные источники информации: базы данных библиотек, учебная и научная литература, художественная литература, базы данных сети Интернет. После сбора всей информации необходимо ее обобщить, систематизировать и выделить самое главное, что будет использовано при дальнейшей работе с конкретной лексической единицей.

Обращение к лексическому значению слова, особенностям его написания и сочетаемости, способности входить в разные тематиче-

ские группы, этимологии, стилистической характеристике может происходить на этапе словарно-орфографической работы на уроках русского языка в начальной школе, а также при чтении текстов различной стилевой направленности, в процессе работы над разными группами лексики. Важно организовать работу так, чтобы учащиеся самостоятельно, без помощи учителя, смогли увидеть проблему, собрать всю информацию о слове и структурировать материал; сделать выводы и умозаключения; представить результат своей работы. Учитель лишь должен контролировать этот процесс.

В объяснении значений слов необходимо руководствоваться общей дидактической задачей повышения степени сформированности исследовательских умений и навыков, самостоятельности и познавательной активности самих учащихся. Почти в каждом классе есть как минимум один ребенок, который понимает значения практически всех новых слов. Но мало понимать, очень важно также уметь объяснять значение тех или иных лексем.

Например, работу по формированию исследовательских умений младших школьников в процессе изучения лексики на уроках русского языка можно организовать, предложив учащимся следующие задания.

Задание 1. Прочитайте словосочетания, определите, во всех ли из них слово «золотой» употреблено в прямом значении? Сформулируйте проблему и гипотезу. Определите цель и задачи. Найдите способы решения проблемы. Приведите аргументы для подтверждения своей гипотезы. Сформулируйте вывод.

Золотое кольцо, золотые руки, золотые волосы, золотой голос.

Задание 2. Прочитайте стихотворение В. Остена «Дорога». Выясните, является ли слово «дорога» многозначным. Продумайте ход решения данной проблемы. Докажите или опровергните свое предположение.

Подумайте только, как много
Значений у слова «дорога».
Дорогой зовут автостраду,
И тропку, бегущую рядом.
И шлях, что лежит на равнине,
И путь каравана в пустыне,
И шаг альпиниста по круче
К вершине, упрятанной в тучах,
И след корабля над волнами,
И синие выси над нами...
А вскоре пополнится новым
Значеньем привычное слово.
Представьте: готова ракета
К прыжку на другую планету.
Прощаясь с её экипажем,
Стоящим у звёзд на пороге,

Мы просто и буднично скажем:
- До встречи! Счастливой дороги!
Подумайте только, как много
Значений у слова «дорога».

В данной статье представлены лишь некоторые из возможных упражнений, которые следует применять в работе по формированию исследовательских умений младших школьников в процессе изучения лексики на уроках русского языка. Работа со словом и его значением крайне важна, так как учащимся прививается интерес к изучению родного языка, постигается роль слова в художественных текстах, развивается речь учащихся начальной школы. Выполнение же заданий поискового характера направлено на развитие у младших школьников исследовательских умений, которые будут способствовать их дальнейшему успешному обучению в школе, а также эффективной профессиональной деятельности в будущем.

Литература

1. Савенков, А.И. Методика исследовательского обучения младших школьников. – Самара: Учебная литература, 2004. 80 с.

Abstract. The article examines some aspects of the work on the formation of research skills of junior schoolchildren in the process of studying vocabulary in Russian language lessons. The practical importance of the work is that the materials offered can be used by teachers in the educational process.

Keywords: research skills, word, lexical meaning, vocabulary.

Демичева В.В., Лазарева О.С.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В РАБОТЕ ПО ОБОГАЩЕНИЮ СЛОВАРЯ УЧАЩИХСЯ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СЛОВ ГРУППЫ «ТЕАТР»)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Demicheva@bsu.edu.ru

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Skudina@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу слов тематической группы «Театр», встречающихся в учебниках для начальной школы, с точки зрения происхождения, структуры и сферы употребления. Рассматривается возможность использования данной лексики для обогащения словаря младших школьников.

Ключевые слова: системная организация лексики, парадигматические отношения, словарная работа, заимствованные слова, тематическая и лексико-семантическая группа слов, гиперсема, заимствованные слова, семантизация.

Методика обогащения словаря учащихся основывается на ряде дидактических принципов, важнейшим из которых является парадигматический, требующий при проведении словарной работы учи-

тывать наличие парадигматических связей и отношений, существующих в лексическом составе языка. В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос о том, в какой мере лингвистический анализ определённой группы лексики может служить базой для практической работы по обогащению словарного запаса учащихся.

Лексика русского языка представляет собой определенным образом организованную систему. Одним из проявления системности лексики является наличие в ней тематических групп. В соответствии со сложившейся традицией под тематической группой понимается, объединение слов, основывающихся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, иначе говоря, «по темам или сферам употребления, почти безотносительно к тому, в каких отношениях друг к другу находятся слова по их значению» (Филин, 1981:125).

Достаточно многочисленную группу составляют в русском языке слова, связанные с театральным искусством. Они не только составляют часть активного словарного запаса, но и в большом количестве представлены на страницах учебников по русскому языку для начальной школы, более того, многие из этих слов даются детям младших классов для запоминания как словарные. Именно поэтому мы проанализировали лексику названной тематической группы, выписав эти слова методом сплошной выборки из учебников «Русский язык» 2 и 3 класс (авторы С.В. Иванов и др.). Всего, по нашим подсчётам, в этих учебниках содержится более 87 неповторяющихся лексем.

Все номинации, относящиеся к группе «театральная лексика», характеризуются наличием в их семантике общей эксплицитной гиперсемы (родовой семы), которая и дает основание для выделения всех анализируемых номинаций в одну группу. Такой родовой семой является: «имеет отношение к театру, театральной деятельности».

Поскольку данная группа довольно многочисленна, то внутри ее можно выделить несколько подгрупп, например:

- жанры и формы театрального искусства: *комедия, драма, водевиль, трагедия, трагикомедия, мюзикл, опера, оперетта, пьеса, премьера, представление, бенефис, пантомима;*
- названия актеров: *актер, актриса, шут, трагик, мим;*
- названия театральных помещений: *фойе, гримерная, костюмерная, сцена, зал, кулуары, буфет, гардероб;*
- название театральных действий и их частей: *акт, антракт, действие, явление;*
- названия лиц, обслуживающих театральное действие: *костюмер, гример, гардеробщица, постановщик, художник, дирижер, декоратор;*
- названия атрибутов театрального действия: *занавес, кулиса,*

декорация, контромарка;

- название частей театрального зала: *партер, галерка, ложа, амфитеатр.*

Следует отметить, что внутри анализируемой группы можно выделить гипер-гипонимические парадигмы, например, слово *пьеса* выступает как гипероним к гипонимы: *драма, трагедия, комедия.*

С точки зрения происхождения большинство слов принадлежит заимствованной лексике. Так, само слово *театр* пришло в русский язык из французского в Петровскую эпоху. В современном русском языке, согласно всем лексикографическим источникам, лексема *театр* функционирует как многозначная. Среди заимствованных лексем самую большую группу составляют заимствования из французского языка. К галлицизмам относятся следующие номинации: *кулуары, грим, контрамарка, антракт, афиша, водевиль, дебют, дирижер, спектакль, кулиса, ложа, орация, режиссер, премьера, фойе, анонс.* К словам итальянского происхождения относятся: *опера, оперетта, балет, балерина, дива, примадонна, прима-балерина.* Заимствования из других языков носят единичный характер. Это пришедшие через польский слова *публика, комедия.*

Причины заимствования слов, относящихся к театральной лексике, в основном экстралингвистические. Как отмечает Б.Н. Асеев, «театральная жизнь России этого времени многообразна: ведущее место занимает общедоступный городской театр, идейно-эстетическим запросам придворной и дворянской публики отвечают придворные и крепостные театры с их различными труппами, продолжают свою деятельность губернские и любительские театры. Театральные подмошки в этот период являются одновременно и ареной борьбы различных литературно-художественных и театральных направлений» (Асеев, 1977:541-542).

Заслуживает внимание тот факт, что анализируемая тематическая группа в последнее время стала пополняться новыми заимствованными наименованиями. В это случае театральная лексика отражает общие тенденции развития словарного состава русского языка последних десятилетий, когда «одним из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи, является процесс активизации употребления иноязычных слов» (Русский язык..., 2000: 142).

С точки зрения словообразования самыми продуктивными являются два способа:

- суффиксация: *зритель, актерка, костюмировка, массовка, программка;*

- сложение: *театроведение, радио-пьеса, мелодрама, трагикомедия, радио-постановка.*

Все производные наименования театральной лексики относятся к исконно русским номинациям: *трагик, костюмерша, гардеробщица, актриса, программка* и другие.,

Слова, образующие группу «театральная лексика», способны вступать и в синонимические отношения. Особого внимания заслуживает следующая синонимическая парадигма: *актер, артист, комедиант*. Как отмечает М.П. Яковлева, «в начале XIX века слова эти были семантически близки, что выразилось в их взаимопределяемости в словарях и взаимозаменяемости в контекстах» (Яковлева, 1996: 12).

Антонимическая парадигма представлена единичными парами: *драма – комедия, трагедия – комедия, комедиант – трагик*.

Анализируемая тематическая группа включает лексемы, относящиеся как активному, так и пассивному запасу. Многие из номинаций «нуждаются» в семантизации. Поэтому проведенный структурно-семантический анализ имеет большое значение с лингвометодической точки зрения. Установление определенных взаимоотношений между словами, знание моделей, по которым создаются слова в языке, и законов, по которым происходят изменения в лексике, – все это необходимо тому, кто изучает язык, но еще в большей степени тому, кто его преподает. При проведении словарной работы с такими наименованиями учитель должен иметь четкое представление о семантике таких номинаций и тех типах парадигматических отношений, в которые эти слова вступают.

Литература

1. Асеев Б.Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XIX века / Б.Н. Асеев. – М.: Просвещение, 1977. – 321 с.
2. Русский язык конца XX столетия (1985-1995): коллективная монография – М.: «Наука», 2000. – 564 с.
3. Филин, Ф.П. Лексика русского литературного языка XIX – XX вв. / Ф.П. Филин – М.: «Наука», 1981. – 346 с.
4. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т. 1. / П.Я. Черных – М.: Рус.яз., 2001. – 235 с.
5. Яковлева, М.П. Развитие системы имен, обозначающих сценических исполнителей, в русском литературном языке XIX-XX вв. Автореф. диссер. ... канд. филол. наук / М.П. Яковлева. – М., 1996. – 16 с.

Abstract. The Article is devoted to analysis of words thematic group "Theater" which appeared in elementary school textbooks, from the point of view of the origin, structure and the sphere of consumption. The possibility of using this vocabulary for vocabulary enrichment younger students.

Key words: systemic organization of vocabulary, paradigmatic relations, the dictionary work borrowed words, thematic and lexical-semantic group of words, hypersemia, borrowed words, semantization.

Ильенко Н.М.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА В
ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С БУДУЩИМИ
ПЕДАГОГАМИ**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
Penko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования этнокультуроведческого подхода с целью подготовки будущих педагогов к формированию национального самосознания, культурной идентичности младшего школьника, приобщая его к народным традициям и обычаям, прежде всего через обучение родному языку.

Ключевые слова: этнокультуроведческий подход, культурная идентичность, родной язык, младший школьник, народные традиции.

В настоящее время в условиях активных преобразований в жизни нашего общества актуальными становятся проблемы формирования гражданской идентичности, национального самосознания в процессе воспитания подрастающего поколения. Благополучие и развитие России не могут не зависеть от мировоззренческих установок и отношения к духовным и культурным ценностям, как общечеловеческим, так и национальным, молодого поколения, особенно студентов-педагогов, которым предстоит посвятить жизнь формированию этого будущего, будущего новой России.

Осуществить поставленные образованием цели сможет только человек, прошедший процесс культурной идентификации, человек культуры. Но пока, по мнению А.С. Запесоцкого, нет «адекватной системы образования», идут «интенсивные поиски оптимальной модели образования, соответствующей складывающемуся типу культуры и отвечающей запросам современной цивилизации» (Запесоцкий, 2002: 13). Беспомощным в трансляции ценностей культуры считал современное образование Б.С. Гершунский (2001). Соответствующая потребностям общества система образования может сложиться только на базе национальной культуры, на базе веками проверенных и устоявшихся традиций народной педагогики. В таких только условиях возможна адекватная ситуации социализация молодёжи.

В.И. Андреев считает, что образование – это «введение человека в мир культуры, овладение культурой различных видов деятельности» (Андреев, 2012:17), важным моментом, по его мнению, является также социализация и самореализация в социуме (Андреев, 2012: 20), которые невозможны без вхождения в эту культуру, без способности творить в ней и по ее правилам. По мнению ученого, культурологический компонент в подготовке современного учителя явно недостаточен. Даже в тех вузах, где стали приобщать студентов – будущих учителей к достижениям отечественной и мировой культуры, это осуществляется в основном на

уровне «знаний», а не на уровне «умений и способностей», что явно недостаточно для развития и саморазвития человека культуры.

Вот почему при организации образовательного процесса в вузе целесообразно опираться на этнокультурологический и этнокультуроведческий подходы, которые тесно связаны между собой.

Этнокультурология изучает развитие культурных процессов у народов на протяжении их истории, занимается изучением форм образа жизни и культуры внутри этноса (Крысько, 2002).

Этнокультуроведение – одно из научных направлений, исследующее взаимосвязь, взаимовлияние этнографии, фольклористики, педагогики разных народов.

Этнокультуроведение тесно связано с этнопедагогикой, часто эти понятия употребляются как синонимы. Но, на наш взгляд, этнокультуроведение более широкое понятие, хотя его основу составляет именно этнопедагогика. Этнопедагогика, или народная педагогика – часть общей культуры, которая с детства окружает человека. Это совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх и игрушках, в атрибутах и символах.

А. Дистервег считал, что воспитать человека можно только в соответствии с культурой общества, в котором он живет, чтобы он мог соответствовать потребностям этого общества и комфортно существовать в нем. Велика роль педагога, являющегося организатором всей системы воспитания, образцом для подражания при культуросообразном воспитании.

Культурологический подход «позволяет рассматривать понятия «образование», «человек/личность», «культура» в качестве подсистем единой гуманитарной культурно-образовательной системы, которая, в свою очередь, может служить методологической основой разработки культурологических образовательных концепций, парадигм...» (Новикова, 2007). Родной язык служит инструментом познания окружающего мира, средством воспитания, позволяющим личности приобрести социальный и духовный опыт.

Вопросы взаимодействия языка и культуры всегда интересовали как отечественных, так и зарубежных лингвистов (В.А. Аврорин, Ф.И. Буслаев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.А. Кошарная, А.А. Потебня, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, З.К. Тарланов, Н.И. Толстой, Б. Уорф, А.Т. Хроленко и др.).

Культура, по Э. Сепиру, – это то, что данное общество делает и думает, а язык – то, как это общество думает. Язык по отношению к культуре обладает кумулятивным свойством накапливать культуру и наследовать ее. При этом самыми существенными формами сохранения культуры являются «поговорки, лечебные заклинания, стандартизированные молитвы, народные предания, родословные» (Сепир, 1993: 193). Язык является главным средством, с помощью которого

культура выполняет свои основные функции: освоения и преобразования окружающего мира, обмена социально значимой информацией, накопления и хранения информации, а также регламентации поведения людей в обществе, воздействия, адаптации и т.д.

Важно, что язык простирает свое влияние на самые разные сферы культуры, являясь вместе с языковым сообществом первичным пространством полномочного участия в создании культуры. Будучи одной из подсистем духовной и любой другой деятельности, язык воспроизводит способы освоения человеком (нацией) и природы, и социальной реальности. Любое общество, развиваясь, накапливает знания о мире, и эта информация полностью отражается и сохраняется в языке. Язык выступает и связующим звеном между поколениями, хранителем национального самосознания. Невозможно существование языка, не погружённого в контекст культуры, которая не имела бы в центре себя структуру языка.

Таким образом, язык есть часть культуры народа, живущего в определённых исторических, климатических, геополитических и прочих условиях, а потому в его словарном составе непременно находят отражение неязыковые элементы культуры. При этом и язык, и культура состоят из элементов разного времени возникновения: одни уходят в глубокое прошлое, как правило, семантика их затемнена, другие являются свидетелями недавних событий и историю их происхождения проследить значительно легче.

В рамках этнокультурного образования студенты изучают дисциплину «Этнокультуроведческий подход в начальном языковом образовании». В рамках этой дисциплины они знакомятся с такими темами, как: «Язык и культура, язык и менталитет», «Национальное коммуникативное поведение», «Тематическая организация лексики в русском языке», «Этнокультуроведческая лексика, ее классификация», «Изучение жанров устного народного творчества в начальной школе», «Реализация этнокультуроведческого подхода в процессе изучения фразеологизмов в начальной школе», «Этнокультуроведческий текст и методика его изучения в начальной школе», «Лингвокультуроведческий комментарий к произведениям, изучаемым в начальной школе».

Во внеурочное время со студентами организуются мероприятия на основе культурных традиций русского народа в соответствии с разработанной на факультете программой. Так, в марте проводится Масленичная ярмарка. Студенты узнают о традициях этого праздника, его языческих корнях, знакомятся с фольклорным материалом, сопровождающим этот праздник. В последней декаде марта студенты знакомятся с историей возникновения праздника «Жаворонки (Сороки)», с его языческими корнями и связью с православными традициями – праздником Сорока мучеников Севастийских, о которых вспоминает Русская Православная Церковь 22 марта. Этот праздник приходится на период

Великого поста, во время которого считалось грехом пение песен, развлечения, гуляния, хождение в гости, угощения, а потому весенние заклички не считались песнями, их не пели, а кричали, гукали, кликали. Студенты узнают, что обычай печь жаворонков существовал еще с языческих времен, но Церковь дала возможность народным традициям обрести новый, христианский смысл.

Из изложенного со всей очевидностью следует, что этнокультурологический подход вызван к жизни наличием объективной связи человека с культурой, представляющей собой систему ценностей. Человек является частью культуры и хранителем этой культуры. Он должен не только развиваться в освоенной им культуре, но и вносить в неё нечто принципиально новое, должен стать творцом новых элементов этой культуры.

Литература

1. Андреев, В.И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 608 с.
2. Гершунский, Б.С. Образование как религия третьего тысячелетия: гармония знания и веры. – М.: Педагогическое общество России, 2001. 127 с.
3. Запесоцкий, А.С. Образование: философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2002. 456 с.
4. Крысько, В.Г. Этническая психология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. 320 с.
5. Новикова, Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 296 с.
6. Сепир, Э. Язык и культура: избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Наука, 1993. 139 с.

Abstract. The article discusses the features of the use of ethno-cultural approach with the aim of training future teachers to the formation of national identity, cultural identity of the younger schoolboy, attaching it to the folk traditions and customs, primarily through the teaching of the native language.

Keywords: ethno-cultural approach, cultural identity, native language, the younger schoolboy, the folk traditions.

Корнейко Е.А.

«ДОРОГ ИЗМЕРЕНО НЕМАЛО...» (УРОК СЛОВЕСНОСТИ В 8 КЛАССЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ)

Россия, Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
helen.korneiko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема анализа концепта «дорога» на основе использования поэтических текстов Павла Савина, с помощью которых создаются условия для реализации лингвокультурологического аспекта при повторении раздела «Лексика»; приводятся примеры заданий по анализу текстов и фрагменты исследовательских работ школьников.

Ключевые слова: лексика, концепт, менталитет, лингвокультурологический аспект.

Лексикология как наука о языке способствует формированию деятельной языковой личности в условиях современной лингвистической ситуации. Важным направлением в современной методике преподавания русского языка является лингвокультурологический аспект, а также формирование компетенции в области русского национального менталитета и культуры.

В российской филологии и философии идея о взаимодействии языка и культуры разрабатывается практически с момента возникновения науки (в трудах М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского, И.И. Срезневского, В.Я. Стоюнина и др.) и продолжила развиваться в исследованиях ученых XX века (Ю.Д. Апресяна, В.Г. Костомарова, Е.М. Верещагина, Ю.Е. Прохорова, Ю.С. Степанова и др.).

Соизучение языка и культуры в современной методике преподавания русского языка трудно организовать без работы с концептами, так как для приобщения школьников к национальной культуре очень важно научить их видеть то многообразие смыслов, которое может храниться в слове. В школьном курсе языка мы не настаиваем на использовании термина *концепт*, но в профессиональном лексиконе учителя он уже имеется. Большинство словесников рассматривает концепт как понятие практической (обыденной) философии, являющееся результатом взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей (Сегал 2006: 95). Работая с текстом в старших классах становится трудно обходиться без понятия «концепт», как бы мы его ни называли: *концепт*, *слово-тема*, *слово-ключ* или просто *слово*.

Одним из значимых в русской культуре является концепт *дорога*. Приведём конспект урока повторения раздела «Лексика» в 8 классе, посвящённого анализу данного концепта, в условиях регионально-ориентированной методической системы. Дидактическими материалами послужили художественные тексты белгородского поэта Павла Савина, в которых слова тематической группы «дорога» имеют большое значение.

После организации начала урока учитель предлагает учащимся записать пословицу «*Всякому своя дорога*» как эпиграф и объяснить её значение. Примечательно то, что при толковании народной мудрости большинство школьников употребляли словосочетания «*жизненный путь*», «*дорога жизни*», «*дорога в жизнь*».

На этапе актуализации знаний школьникам предлагается выполнить следующие задания:

1. Записать предложение из стихотворения Павла Савина «Ключи от памяти», выбирая написание и расставляя знаки препинания, объяснить орфограммы и пунктограммы:

*Дорог немало пройдено,
И я порой дивлюсь,
Что тем милее родина,
Чем старше становлюсь.*

После взаимопроверки учитель предлагает ученикам ответить на вопросы для формулирования целей урока:

1. Каково значение слова *дорога* в стихотворении Павла Савина?
2. Какие синонимы к слову *дорога* вы можете подобрать, если оно употребляется в прямом значении? А в переносном?
3. Какие цели мы поставим перед собой на уроке, чтобы выполнить лексический разбор слова *дорога*?

Для повторения основных лексических понятий, изученных в 5-8 классах, и определения их роли в поэтическом тексте организуется групповая деятельность учащихся на уроке.

Задания для группы № 1. Пользуясь словарём синонимов и толковым словарём русского языка, составьте синонимический ряд к существительному *дорога*.

Задания для группы № 2. Из стихотворений Павла Савина выпишите синонимы к слову *дорога*. Укажите, в прямом или переносном значении употребляются данные существительные.

1) *Уходит вдаль тропа моя крутая,
В глухую неизведанность маня...*(«Над озимью...»)

2) *Проходит память
Часом поздним
По исковерканной стезе,
Где свежей краской
Пахнут звёзды
Над обелисками друзей.* («Однополчанам»)

3) *Не спеши до поры замести
Все тропинки мои и дороги.
Я ещё половины пути
Не прошёл до последнего срока.* («Ранний снег»)

Задания для группы № 3. Из стихотворений Павла Савина выпишите слова, которые употреблены в переносном значении. Какие художественные приёмы использованы поэтом?

1) *Дорога с бурьяном обочин
Змеится цыганским кнутом.* («Полевая дорога»)

2) *Вы крепко «баранки» держали
В своих огрубевших руках...
Пожаром дороги дышали,
А иней залёг на висках.* («Шофёрам войны»)

Задания для группы № 4. Из стихотворения «Дорога» выпишите фразеологизм. Что вы знаете о его этимологии? Вспомните пословицы, в которых употребляется слово *дорога*.

Дорога! Ямщицкими песнями

*Ты шла от столба до столба
Мечта моя давняя детская
И взрослая боль и судьба.*

*Я выбрал тебя, как невесту,
Как линию жизни своей.
И крест мне нести свой совместно
С извечной тревогой твоей.*

После выполнения заданий командиры озвучивают результаты работы группы, а затем учащиеся коллективно заполняют пропуски в кластере «Лексика», представленном на карточках.

На уроке словесности учащиеся работали только с текстами Павла Савина. Для представления результатов исследования о роли концепта *дорога* в творчестве этого белгородского поэта учитель предоставляет слово группе школьников, которые занимались данной темой в рамках деятельности гимназического научного общества.

Первый исследователь знакомит своих одноклассников с творческой биографией Павла Савина. Второе выступление посвящено образу дороги в традиции русской классической литературы. Конечно, в 8 классе учащиеся не знакомы с поэмами «Мёртвые души», «Кому на Руси жить хорошо» и другими произведениями, в которых мотив дороги является основным, но знание стихотворения «Железная дорога» уже помогает осознать символичность и многозначность анализируемого образа.

Следующий ученик представляет результаты собственного исследования поэзии Павла Савина. В названии многих сборников автора есть указание на путешествие, пространственное перемещение лирического героя или же прямое употребление лексемы *дорога*: например, «Перехлёсты дорог» (1994), «Возвращение» (1999) или «У родного причала» (2004). На особое значение существительного *дорога* в творчестве Павла Ивановича Савина указывают и названия стихотворений: «В дороге», «Дорога», «Мои истоки», «Обратная дорога», «Полевая дорога», «Старая дорога», «Тропки юности», «Ведёт дорога», «Шофёрам войны».

Слова тематической группы «дорога» помогают поэту метафорически передать жизненный путь отдельного человека, его нелёгкую судьбу, поиски себя и своего предназначения. Конечно, нельзя ставить знака равенства между поэтом П. Савиным и его лирическим героем, но стихотворения помогают создать образ человека, умудрённого опытом, прожившего непростую жизнь, наполненную трудностями и невзгодами, несущего своё крест покорно и благодарного жизни за всё.

Автор искренне признаётся, что дорога домой – это то, что ценно в его жизни:

*Где б ни шлялся в местах незнакомых
И в каких бы я ни был краях -
Нет дороги дорожке до дома,*

Звонче нет своего соловья. («Дорога»)

Во многих произведениях Павел Савин прославляет не только Россию, но и малую родину – Белгородчину. И вновь возникает образ дороги: судьба отдельного человека неотделима от Родины, и пусть жизнь человека не большая дорога, а всего лишь тропка:

Мы проходим по вечности с мамой,

Наша тропка бежит и бежит...

И я верю: без родины малой

И большая не сможет прожить. («Всё память подносит упрямо...»)

Таким образом, лирику Павла Савина можно назвать патриотической, потому что в ней поэт предстает как человек, живущий одной судьбой со страной: он не только восторгается, восхищается Родиной, Россией, её силой и красотой, но тревожится и заботится о её будущем.

Стихи о любви в творчестве Павла Савина отличаются исповедальностью. В проанализированных стихотворениях белгородского поэта лексемы тематической группы «дорога» преобладающе символизируют неудачно сложившиеся отношения между любимыми, например:

Вот только обидно немножко

Мне будет цветущей весной,

Что две наши стёжки-дорожки

Не стали дорогой одной... («А нам и встречаться не стоит...»)

Таким образом, образ дороги в произведениях Павла Ивановича Савина объединяет все сферы проявления национального сознания – это пути жизни, творчества, любви, путь духовный, судьба России.

Лексический анализ слов создаёт условия также для работы по развитию речи учащихся, поэтому в качестве домашнего задания учитель предлагает написать мини-сочинение «Как найти свою дорогу в жизни?»

Таким образом, повторение лексических понятий с опорой на произведения белгородского поэта позволяет реализовать лингвокультурологический аспект в обучении русскому языку, способствует усилению воспитательных и развивающих аспектов в образовательном процессе.

Литература

1. Савин, П.И. Стихотворения: стихи / П.И.Савин. – Белгород: КОНСТАНТА, 2009. – 424 с.

2. Сегал, Н.А. Образ дороги в виртуальном политическом дискурсе / Н.А. Сегал // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 94. – С. 95–100.

Abstract. The article deals with the problem of analyzing the concept "road" based on the use of poetic texts by Pavel Savin at the Russian language lesson, with the help of which conditions for the realization of the linguistic and cultural aspect are created when repeating the section "Vocabulary", examples of tasks for analyzing texts and fragments research work of pupils.

Keywords: vocabulary; concept; mentality; lingvokulturologicheskyy aspect.

Наприенко И.В.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
naprienko@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с формированием лингворегионоведческой компетенции младших школьников. Дается определение ключевой компетенции, описываются методы и приемы ее формирования, предлагаются методические рекомендации.

Ключевые слова: лингворегионоведение, компетентностный подход, лингворегионоведческая компетенция, уроки русского языка.

Актуальность темы настоящего исследования определяется прямым ее отношением к числу важнейших социально-педагогических проблем, стоящих перед современной системой образования в области преподавания русского языка. В образовании школьников предусмотрено учебное время для реализации регионального компонента в содержании учебных предметов.

В связи с компетентностным подходом в языковом образовании мы выделяем лингворегионоведческую компетенцию: «...лингворегионоведческая компетенция предполагает осознание связи языка с историей и культурой региона. Это система знаний о культуре, истории, обычаях и традициях «малой» родины, извлеченная из регионально маркированных языковых единиц. Становление этого вида компетенции происходит в процессе знакомства с лингвокраеведением (диалектной речью, региональной ономастикой, фольклором и т.п.). Формирование лингворегионоведческой компетенции предполагает организацию наблюдений за языковыми особенностями региона, обогащение словаря учащихся региональной лексикой, развитие умений и навыков использования такой лексики в собственных высказываниях, в различных коммуникативных ситуациях» (Опыт аспектного анализа регионального языкового материала 2011: 18).

В нашей статье мы рассматриваем один из аспектов формирования лингворегионоведческой компетенции – использование топонимического материала на уроках русского языка в начальной школе как средства регионализации языкового образования младших школьников.

Формирование лингворегионоведческой компетенции предполагает организацию наблюдений за языковыми особенностями региона, обогащение словаря учащихся региональной лексикой, развитие умений и навыков использования такой лексики в собственных высказываниях, в различных коммуникативных ситуациях.

Под нашим руководством была организована и проведена экспериментальная работа по формированию у учащихся начальных классов лингворегионоведческой компетенции. Нами были организованы

разного типа уроки русского языка, на которых в качестве лингворегионоведческого материала использовалась информация по региональной топонимике. В ходе эксперимента использовались различные формы работы с лингворегионоведческим материалом. Это, прежде всего, словарная работа, в ходе которой выполнялись следующие задания: этимологический анализ некоторых топонимов, узнать топоним по его описанию, найти в словаре значение слова, лежащего в основе топонима, составление словаря топонимов и т.д. Использовалась также работа с лингворегионоведческими текстами, в частности, выполнение упражнений и мини-диктантов «Почему носит такое название?». Еще одной формой работы являлся лингвистический анализ текста, содержащего лингворегионоведческий материал и работа с текстами-информаторами, которые использовались для проведения различного рода диктантов (Яковлева и др. 2017: 35). Наиболее значимая форма работы по лингворегионоведению – это продуцирование собственных текстов, которая включала следующие задания: передача содержания текста, развернутый ответ на вопрос, изложения с творческим заданием, сочинения, например, написать письмо другу, в котором содержится рассказ об истории того или иного топонима. В процессе эксперимента мы использовали уже ставший традиционным путь введения лингворегионоведческого материала – это тематическая организация урока, на котором обязательно использовалась работа с текстом. Подбор текстов осуществлялся не только с учетом их насыщенности орфограммами и изучаемыми языковыми явлениями, но и с позиций их значимости для формирования регионального компонента. В нашем случае – это должны быть тексты, содержащие топонимическую лексику и сведения об истории происхождения региональных топонимов. Так, в процессе изучения темы «Имя существительное» мы провели беседу «Путешествие в страну топонимов», из которой дети узнали о том, что такое топонимы, на какие группы они делятся. Чтобы увлечь и заинтересовать детей этим материалом нами была проведена игра-путешествие по разным городам страны топонимов: город Гидронимов, город Оронимов, город Ойконимов и т.д., во время которой дети узнали об особенностях и типах топонимической лексики. Лексическая работа по обогащению словарного запаса младших школьников белгородскими топонимами проводилась и на внеклассных занятиях. В течение эксперимента были проведены следующие формы внеклассной работы: беседы, заседания кружка, викторина, устный журнал «Знакомые с детства названия», выпуск лингвистической газеты. В процессе внеклассной работы учащиеся занимались сбором регионального топонимического материала, составляли региональный топонимический словарь. Несколько младших школьников, проявивших особый интерес к топонимической лексике, выполняли индивидуальные задания. Так, учащиеся составляли словарь «Топонимия нашей области», в который вошли географические названия, связанные с жизнью каждого члена семьи. Сначала учащие-

ся должны были выяснить, где родились члены их семьи, выяснить истории топонимов, затем – где учились, где проходила дальнейшая жизнь и т.п. Топонимический материал собирался детьми в результате устного опроса населения, на основе собственных наблюдений, путем поиска нужной информации в справочной литературе.

Таким образом, в ходе работы, знакомя учащихся с регионально значимой топонимической лексикой, мы организовывали и проводили соответствующую работу на разных уровнях обучения, в различных организационных формах: на уроках русского языка при изучении программного материала, на уроках развития речи, на уроках внеклассного чтения, на разного рода внеклассных мероприятиях. Можно констатировать тот факт, что уровень лингвоэкономической компетенции детей повысился: дети узнали о многих топонимических явлениях, стали проявлять интерес к региональной лексике, создавать собственные тексты на определенную тему.

Литература

1. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере белгородской области): кол. монография; под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ». – 2011. – 228 с.

2. Яковлева, Т.В. Краеведческий подход в обучении русскому языку в начальной школе// Т.В. Яковлева, В.В. Демичева В.В., О.И. Еременко. – Германия, Ламберт. 2017. – 134 с.

Abstract. Discusses issues related to the formation lingvoeconomics competence of primary school students. The definition of key competencies describes the methods and techniques of its formation, methodical recommendations.

Keywords: lingvoeconomics, competence approach, competence lingvoeconomics, the lessons of the Russian language.

Новикова Т.Ф.

СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»

Россия, Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
tnovikova@bsu.edu.ru, mailto:o_miroslava@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к пониманию сущности словесности как предмета изучения в историческом аспекте и с позиций современных взглядов филологов на интегрированное преподавание русского языка и литературы в средних и высших учебных заведениях.

Ключевые слова: словесность, русский язык, литература, речь, анализ текста.

Проблема становления целостного филологического образования в школе и на следующих этапах образования, как нам видится, не имеет достаточного освещения в науке. Традиционно языковое и литературное образование рассматривались как составляющие гумани-

тарного образования, причем разные составляющие. Однако в отечественной науке, в трудах К. Д. Ушинского, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Л. В. Щербы, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина и других уже были намечены пути решения этой сложной проблемы: представлена теория словесности, дан анализ ее ответвлений – риторики, поэтики, грамматики, теории литературы и т.д. Понятие словесности всегда включало достаточно сложное представление о литературно-письменном языке, которое раскрывалось только в единстве содержания искусства речи (риторики) и сведений о родах и видах словесности. Курс теории словесности имел три источника: 1) систему школьных филологических дисциплин («тривиум»), 2) «всеобщую» (философскую) грамматику, 3) языковую дидактику (методику) (Аннушкин, 1994).

Под влиянием сопоставительных задач языковой дидактики в курсе теории словесности были развиты специальные категории универсального характера: категории родов, видов и форм словесности. Система этих категорий, выведенная из риторики, была обращена к **тексту как целому**. Так, благодаря разысканиям и обобщениям языковедов прошлого *теория словесности* сформировалась как **этико-философское учение о языковой деятельности**, на котором строятся **отношения человека и текста**.

Возрождаемая в XXI веке **словесность как учебная дисциплина** – дисциплина качественно другого уровня, нежели столетие назад, потому что в настоящее время она призвана решать проблемы развития речи и мышления школьников; «новая» суть «новой» дисциплины – современной словесности – видится в интеграции школьных предметов «Русский язык» и «Литература» в их нынешнем предметном виде. Перед словесниками конца XX – начала XXI вв. встала, по мнению Н.М. Шанского, новая задача, сформулированная ученым в современных терминах: «выработка у учащихся высокой коммуникативной, языковой, лингвистической, литературоведческой, эстетической и нравственной компетенции, формирования русского национального самосознания и духовного здоровья» (Шанский, 1994: 35).

В настоящее время большинство авторов учебных пособий по словесности (Р.И. Альбеткова, А.И. Власенков, А.И. Горшков, С.И. Львова и др.) приходят к единому мнению, что **объектом** русской словесности служит **литературный текст**, а под **предметом** словесности понимают изучение **в единстве содержания** художественного произведения и **способов выражения** этого содержания. Поэтому при составлении программ русской словесности и на уроках русской словесности большое значение придается отбору дидактического материала, в первую очередь, художественного, а также материала художественной («лирической») публицистики, литературоведческого, языковедческого, научно-популярного. В хрестоматиях по русской словесности используются литературные тексты произведений великих писателей-классиков, поэтов, оказавших большое влия-

ние на развитие русской словесно-художественной системы, на совершенствование русского литературного языка, тексты, обладающие эстетической и воспитательной ценностью. Подобные текстовые континуумы сосредоточиваются как в специальных учебниках по словесности, так и методических «копилках» учителей, захваченных идеей интегративного курса русского языка и литературы.

В связи с тем, что термин «словесность» («русская словесность») имеет уже иное значение, нежели столетие назад, одни ученые считают, что «словесность» обозначает способ соединения («стыковки», по определению А.И. Горшкова) двух самостоятельных учебных предметов, другие же выстраивают новый учебный предмет более сложно-структурно: «Очевидно, если мы рассматриваем текст, то его анализ должен идти по **категориям текста**, каковыми являются: *тема – идея – материал действительности – языковой материал – сюжет – архитектоника – композиция – словесный ряд – «лики образа автора» (в том числе и образ рассказчика) – образ автора*» (А.И. Горшков 1996:68. – Выд. автором). В данном варианте словесность максимально сближается с предметами «Литература», «Поэтика», так как не категории **языкового строя**, а категории **языкового употребления** становятся основным материалом исследования (Выд. нами. – Н.Т.). Следуя этой концепции, А.И. Горшков дает тексту следующее определение: «Это (1) выраженная в письменной или устной форме (2) упорядоченная последовательность языковых единиц, (3) отграниченная от других подобных последовательностей и не вошедшая в данную последовательность языкового материала, (4) заключающая в себе определенное содержание и (5) соотносимая с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности» (Горшков, 2010: 60). Нумерация в определении позволяет фиксировать существенные признаки понятия *текст* как критерии, по которым можно оценивать уже готовый или создавать новый текст. Несмотря на некоторую усложненность данного определения, им демонстрируется метод построения понятия, благодаря которому можно выстраивать методику работы с текстом.

Ведущим методом словесности является **комплексный анализ текста**, который ориентирован на исследование законов текстопостроения, где текст формулируется как последовательность знаков, выражающая конкретный смысл.

Метод *комплексного анализа текста* не следует путать с *лингвостилистическим*; точнее, А.И. Горшков называет этот анализ по-разному: лингвистический, лингвостилистический, стилистический, филологический, но справедливо считает, что такой вид анализа сводится к анализу не текста, а всего лишь языковых единиц в тексте (что представлено в пособиях и статьях Н.М. Шанского).

Современная словесность различает понятия **материал словесности** (фонетические, лексико-фразеологические, грамматиче-

ские языка элементы и способы их взаимодействия) и **произведение словесности** (т.е. собственно художественный текст). Комплексный анализ рождается из ситуативной конфигурации приемов лингвостилистического разбора, ориентированного на материал словесности, и литературоведческого анализа произведения словесности. Именно так двухчастно построен учебник А.И. Горшкова, имеющий красноречивый уточняющий подзаголовок «От слова – к словесности» (т.е. тексту). И в теоретической части учебника, и тем более в практической части продолжающего его пособия в виде сборника заданий и упражнений даны примерные образцы достаточно лаконичного, но доступного для учащихся анализа произведения словесности.

К основным приемам анализа материала словесности относят:

- **семантико-стилистический анализ:** по характеристике Л.В. Щербы, это анализ «тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка»; «разыскание значений слов, оборотов ритмов и тому подобных языковых элементов»;

- **стилистический (сопоставительно-стилистический анализ)** – соотношение предметно-логической и эмоционально-экспрессивной сторон содержания, ритмико-интонационное построение или средства выразительности в разного типа текстах (например, стихи и проза);

- **лингвостилистический эксперимент** – искусственно придумывание различных вариантов текста (смещение, замена деталей, элементов с целью понять их роль в тексте);

- **вероятностно-статистический языковой анализ** – исследование количественных показателей строения текста и др. (По: Власенков, 1998);

- **герменевтический анализ** разностилевых текстов как уточненный вид лингвостилистического эксперимента и семантического анализа представлен в статьях и пособиях Е.А. Антоновой «Тайна текста» (Антонова, 2000); на наш взгляд, опыты автора в полной мере отвечают современному видению анализа текста со школьниками разных возрастов и разной филологической подготовки.

В настоящее время ведутся активные поиски создания единого курса, сопрягающего два школьных предмета «Русский язык» и «Русская литература». Так, например, для 5-9 классов общеобразовательной школы созданы поклассные учебники «Русская словесность. От слова к словесности» Р.И. Альбетковой, «Уроки словесности» С.И. Львовой и др. В основу учебников положено понимание словесности как искусства слова, художественного творчества. Учебники вводят детей в мир словесности, закладывают основы знаний о ней, учат читать и понимать текст, анализировать его, вникая в каждое слово, предложение, раскрывают своеобразие языка художественной литературы, выразительных средств языка. Школьники учатся у великих писателей создавать текст, строить свою речь так, чтобы она оказывала

на слушателей или читателей воздействие, необходимое для достижения поставленной цели.

Для 10-11 классов школ, гимназий, лицеев гуманитарной направленности А. И. Горшковым создано учебное пособие «Русская словесность» с таким же подзаголовком: «От слова к словесности» (Горшков 2010 – одно из последних изданий). В нем рассматриваются основы словесности, объединяются и обобщаются сведения о языке как *материале словесности* и о *словесном произведении*, т.е. литературном тексте. Таким образом, содержание произведений словесности изучается в единстве со способами языкового выражения этого содержания.

Оригинальная концепция единого курса словесности в старшей школе предложена Н.М. Шанским (См.: Шанский 1994 и др. работы). В его курсе органически объединяются знания, умения и навыки по русскому языку со знаниями по русской литературе как словесному искусству и одновременно – как явлению общественной мысли и национальной культуры. Автор утверждает, что «комплексный анализ конкретных литературных произведений в курсе, наряду с работой по развитию речи, будет осуществляться: 1) в широком историко-литературном и словесно-образном контекстах и 2) с постоянным учетом данных диахронии, касающихся развивающейся системы русского языка и поэтической речи во всем многообразии их проявлений...» (Шанский 1994: 37-38).

Однако практическая реализация этой концепции, впрочем, как и концепции А. И. Горшкова, связана со значительными трудностями. В создании такого курса существует опасность утраты специфики интегрируемых курсов. Особенно велика она для литературы как учебной дисциплины, предполагающей глубокое проникновение в содержание литературного произведения на основе овладения специфическими для нее методами художественного познания. Н.М. Шанский же в своей концепции отказывается от систематического курса литературы в старших классах, признавая ее дисциплиной только основной образовательной школы.

В отношении непосредственно учебных предметов, связанных с русским языком и литературой, в кругах ученых-методистов бытует мнение, что наблюдение за выразительно-изобразительной стороной изучаемых явлений языка можно организовать и на *обычных уроках русского языка* через систему специальных заданий, активизирующих внимание учащихся к художественному тексту, в котором реализуется эстетическая функция языка, четко проявляется изобразительная роль определенного языкового явления, и к научному тексту (научно-учебному, научно-популярному и т.п.), понимать который необходимо для освоения других школьных дисциплин. Здесь современная словесность пересекается с современной риторикой и методикой развития речи. Однако реальная школьная практика показывает,

что это заблуждение, хотя бы потому, что сложившиеся учебные дисциплины «Русский язык» и «Литература» и складывающиеся «Риторика» и «Русская словесность» **концептуально не совместимы**.

Как показывает анализ, обосновывается по сути дела курс, подобный вузовскому «Филологическому анализу художественного произведения» в вузе с его практической направленностью на совершенствование языка учащихся и выработку у них настоящего вкуса к чтению.

«Русская словесность», которую предлагают многие, в т.ч. и названные выше авторы, в основу содержания одноименной дисциплины предлагают поставить **изучение и овладение художественной речью** как «**живым воплощением» родного языка** в высшей его форме. Цель, которую ставят упомянутые авторы, заключается в том, чтобы «научить и приучить учащихся читать художественные произведения *филологически вооруженным глазом*» (известное выражение акад. Н.М. Шанского). Именно поэтому появление учебных книг, внимание которых направлено на средние классы (и даже начальную школу!), где закладываются основы филологического взгляда на художественный текст и шире – мировоззренческой позиции целостного восприятия мира – может подвинуть нынешнюю школьную ситуацию в направлении создания нового предмета.

Еще одна интересная идея – это **система элективных курсов** для гуманитарных классов профильной школы (См.: Власенков, 1998). В целом в создаваемых в настоящее время различных интегрированных курсах русской словесности предметом изучения чаще оказывается русский язык, он изучается в его употреблении в различных типах текста, а художественный текст выступает как произведение словесного искусства. Они, как представляется, не могут заменить собой курсы русского языка и литературы, но позволяют глубже, всестороннее показать изобразительно-выразительные возможности родного языка и особенности их использования в лучших образцах отечественной литературы. В этих курсах формируется филологический взгляд на художественный текст, раскрывается эстетическая функция языка, остававшаяся вне поля зрения школьной практики последних десятилетий. В процессе анализа учащиеся овладевают определенной системой филологических понятий, которые помогают осознать языковые истоки образности и выразительности художественного текста.

Исследуя смысловые границы текстов, устанавливая правила обращения с текстом, теория словесности тем самым регулирует и отношения людей через языковую и другие виды знаковой деятельности.

Литература

1. Альбеткова Р. И. Русская словесность: От слова к словесности. 5 класс. Учебное пособие. 13-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2013. 206 с.
2. Аннушкин В. И. Что такое словесность (к определению научного термина и границ учебного предмета) // Русская словесность. 1994. № 5. С. 11-15.
3. Антонова Е.С. Тайна текста //Русский язык в школе. 2000. №5. С. 3-11; там же. – №6. С. 3-11.

4. Власенков А.И. Русская словесность. Интегрированное обучение русскому языку и литературе: Программы. Содержание работы по классам. У–УШ классы; IX – XI классы М.: АРКТИ, 1998. 96 с.

5. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности: Учебное пособие для уч-ся 10-11 кл. – М.: Просвещение, 2010. 492 с.

6. Львова С.И. Уроки словесности. 5-9 классы. 3-е изд., стер. М.: Дрофа, 2000. 413 с.

7. Шанский Н.М. О курсе «Русская словесность» на продвинутом этапе обучения (X–XI классы) // Русский язык в школе. 1994. №5. С. 35 – 39.

Abstract. The article discusses various approaches to understanding the essence of philology as a subject of study in the historical aspect and from the standpoint of the modern views of philologists on integrated teaching the Russian language and literature in secondary and higher educational institutions.

Keywords: philology, Russian language, literature, speech, text analysis.

Пашкова Г.И.

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ОРФОГРАФИИ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Pashkova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность изучения орфографии с использованием современных образовательных технологий. Представлены задания для индивидуальной, парной и групповой работы учащихся.

Ключевые слова: современные образовательные технологии, технологические приемы, орфография.

Современный урок в контексте стандарта второго поколения может быть представлен как образовательная технология, где цели и результаты урока связаны (воспроизводимы), а процесс зависит от типа урока и методов, выбранных учителем. Новые модели урока связаны с такими образовательными технологиями, как: педагогическая мастерская, обучение в сотрудничестве, кейс-технология, технология развития критического мышления, технология развивающего обучения и другие.

Особое место занимает технология открытого обучения, поскольку позволяет вовлечь учащихся в процесс вдумчивого постижения учебного материала, закрепить и обобщить теоретические знания индивидуально, в паре, в малой группе. При этом учитывается, что темп обучения каждого ученика индивидуален, каждый выбирает последовательность программы дня.

Открытая форма занятий – это работа по учебному плану (недельному, дневному), «свободная работа», работа над проектом, игра, где знания «добываются» самостоятельно. Кроме того, открытые формы обучения включают в себя начальный и заключительный круг, свободную организацию перемен, занятия в часовых блоках, разде-

ленных по педагогической необходимости, свободный доступ к полкам с дидактическим материалом и играми, передвижную мебель, открытую классную дверь. Открытая дверь считается признаком того, что в класс может войти любой человек и это не будет воспринято как нарушение порядка. Открытая классная дверь предоставляет родителям возможность присутствовать на занятии без предварительной договоренности с учителем.

В учебном плане выделяются два блока: обязательный и дополнительный (в дополнительном блоке должны быть упражнения занимательного характера: ребусы, кроссворды, загадки, игры и т. п.; задания дополнительного блока учащийся может выполнять, если выполнены все задания обязательного). Количество заданий изменяется в зависимости от их сложности и подготовленности класса.

Задания по орфографии отличаются своей интегративностью и большим разнообразием. Помимо работы с компьютером, с учебником, рабочими тетрадями, с пособиями для самостоятельной работы, различными словарями, справочниками, в план включаются также диктанты для индивидуальной и парной работы, задания по развитию речи.

Диктанты с самоконтролем. Основное назначение таких диктантов – формирование у детей навыков самоконтроля. По восприятию материала – это зрительные диктанты. По характеру записи текста – без изменения записи диктуемого (письмо по памяти). Материалом для диктантов могут служить как отдельные словосочетания, предложения (загадки, пословицы, поговорки, высказывания), так и хорошо запоминающиеся тексты (небольшие стихотворения, отрывки из художественной прозы). Такие тексты можно положить, в коробку, конверт, сумку и назвать их «диктант из коробки», «диктант из конверта», «диктант из сумки». «Диктант из коробки». Текст диктанта состоит из предложений, записанных на карточках. Школьник должен прочитать предложение, запомнить его и, перевернув карточку обратной стороной, записать в тетради. После этого проверить самого себя. «Диктант из конверта» развивает умение видеть орфограммы. Он представляет собой «разрисованный» текст (графическое обозначение в словах определенной орфограммы). Работа над «походным» диктантом проходит следующим образом. Текст вывешивается в разных местах класса. Ученик должен тихо, никому не мешая, подойти к тексту, прочитать и запомнить часть его, вернуться на место и записать то, что запомнил. Затем опять подойти к тексту и т. д. Написав диктант, школьник берет лист с текстом и сверяет его с тем, что написал. Ученикам могут быть предложены либо одинаковые, либо разные тексты. Ценность этих диктантов в том, что учащиеся пишут их сами, без учителя. При этом концентрируется внимание школьников, развивается их зрительная память, осуществляется самоконтроль.

Некоторые задания предполагают составление «свободных текстов»: стихотворений, историй, рассказов. Они служат одновременно задачам обучения правописанию и развитию речи. Например, учащимся 5-го класса предлагаются начала предложений к рассказам, которые что-либо сообщают об ученике (Если бы я был животным, то был бы... Мне нравится (мой, моя, мое)...Я знаю, как это делают (рисуют, пишут, танцуют)...Самое лучшее у моего животного – это... Я охотно бы учился, если бы... Это было действительно волнующе, когда... Я бы хотел сказать хорошее о ... и др. Ученики могут писать также рассказ с продолжением, большой рассказ из малого и наоборот, рассказ-открытие и др. Стихи (акrostих, «Я...», 11-словие, стихотворение по метафоре и др.), как рифмованные, так и «белые», может писать и один человек, и несколько.

Для работы по орфографии в малых группах можно предложить задания, нацеленные на активное усвоение учебного материала: создайте схему (составьте схему правописания наречий), объясните (переведите транскрипцию в графическое изображение с последующим объяснением выбора написания), сгруппируйте (сгруппируйте слова по принципу «сходного слога»), сопоставьте (сопоставьте группы слов с одинаковым написанием с целью выявления опознавательных признаков орфограммы), сравните (сравните два алгоритма правописания Н и НН в суффиксах отглагольных прилагательных, выберите верный), докажите (определите, чем вызваны орфографические ошибки учащихся, докажите свою позицию; докажите, что русская орфография – система правил правописания), выберите способ решения (определите, в каких случаях возможно слитное, раздельное и дефисное написание, выберите способ решения).

На занятиях открытого типа могут быть использованы приемы технологии развития критического мышления через чтение и письмо, которые способствуют формированию и развитию умений работать с информацией текста: «кластер», «синквейн», «инсерт», «толстые» и «тонкие» вопросы», «верные и неверные утверждения» и другие. Прием «кластер» заключается в выделении смысловых единиц текста и графическом их оформлении, например, предлагается составить кластер по теме «Правописание гласных в корнях с чередованием». Прием «синквейн» (синквейн – это небольшое нерифмованное стихотворение, написанное по определенным правилам) позволяет описывать суть понятия или осуществлять рефлекссию на основе полученных знаний. Тематика синквейнов по орфографии: орфограмма, орфографическое правило, диктант, орфографическая ошибка. Прием «инсерт» – это маркировка текста значками («+» – уже знал, «v» – новая информация, «-» думал иначе, «?» – есть вопросы, нужно разобраться) по ходу чтения параграфа или учебно-научного текста в учебнике. Данный прием дает возможность ученику классифицировать информацию в зависимости от своего опыта и знаний.

Прием «тонкие» и «толстые» вопросы» может быть использован на любом этапе урока. «Тонкие» вопросы требуют односложного ответа. «Толстые» вопросы требуют размышления – понимания изученного, являются способом диагностики знаний ученика, например: объясните, почему мягкий знак не пишется в сочетаниях шн, чн, нч; от чего зависит выбор написания н и nn в суффиксах причастий, предположите, что изменилось бы в системе правописания, если бы утвердилось «письмо по звонам»?

Прием «верные и неверные утверждения» можно использовать до или после изучения орфографической темы. Например: верно ли, что правописание гласных в корнях с чередованием зависит от суффикса; верно ли, что правописание мягкого знака у существительных зависит от склонения существительного?

Технология проектного обучения способствует активному овладению орфографическими знаниями умениями, формированию творческих способностей и компетенций. Проекты могут быть индивидуальными (Устное (письменное) лингвистическое рисование с использованием слов из орфографического словаря, выставка рисунков по словарным словам. Ошибкоопасные слова или Паронимы) и коллективными (Этимологическое объяснение правописания исконно русских слов. Этимологическое объяснение правописания иноязычных слов. Составление тематических словариков с использованием слов из орфографического словаря.).

Наш опыт позволяет утверждать, что обучение орфографии с использованием современных образовательных технологий является весьма эффективным. Это можно объяснить следующим: ученик работает активно и самостоятельно в пределах «подготовленной орфографической дидактической среды», индивидуализация и дифференциация обучения орфографии сочетаются с парными и групповыми формами работы, осуществляются рефлексивные действия, обучающийся реализует индивидуальный маршрут восполнения проблемных зон в учебной, метапредметной и лично ориентированной деятельности.

Литература

Пашкова Г.И. Открытые формы занятий в сочетании с компьютерными технологиями при обучении орфографии // Русский язык в школе. – 2004. – №5. – С.13 – 17.

Abstract. The article considers the possibility of studying the spelling with the help of modern educational technologies. The tasks for separate pair and group of pupils' work are presented.

Key words: modern educational technologies, technological method, spelling.

Петрова С.В., Сычева К.В.
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
petrova@bsu.edu.ru, kristina-sycheva97@mail.ru

Аннотация. В данной статье освещаются некоторые аспекты формирования познавательных учебных действий младших школьников средствами проектной деятельности. Представлена краткая характеристика познавательных УУД и проектной деятельности. Предложена модель проекта «Портрет слова «хлеб», проведение которого способствует развитию познавательных УУД на уроках русского языка.

Ключевые слова: познавательные универсальные учебные действия, проект, проектная деятельность.

В настоящее время современная система образования претерпевает изменения, появляются новые требования, согласно которым процесс развития личности должен быть направлен на развитие научно-практических знаний и умений учащихся, на формирование у них ценностных ориентаций. Качественно меняется методика обучения отдельным предметам, в центре внимания оказывается познавательная активность учащихся, их самостоятельность в овладении знаниями, способность применять в практической деятельности. В познавательной активности находит отражение интерес учащихся начальной школы к освоению новых знаний, приобретению умений и навыков, целеустремленность и потребность в использовании разных способов действия. Важной задачей, стоящей перед многими методистами, педагогами, является поиск путей, помогающих активизировать познавательную деятельность, развивать познавательные способности и самостоятельность учащихся начальной школы.

В связи с этим проблема формирования познавательных учебных действий (УУД) младших школьников является одной из актуальных и значимых в сфере педагогической теории и практики, находит отражение в ФГОС НОО второго поколения, где акцентируется внимание на формировании универсальных учебных действий (УУД) у младших школьников, на достижении личностных и метапредметных результатов.

Различные аспекты формирования универсальных учебных действий и познавательных учебных действий нашли отражение в трудах таких ученых, как Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А., Володарская О.А., Карабанова О.А., Петерсон Л.Г. и др.

Познавательные УУД входят в систему универсальных учебных действий, под которыми традиционно понимается комплекс способов изучения окружающей действительности, создания процесса поиска,

исследования информации. В широком понимании познавательные УУД включают в себя умения читать, слушать, отбирать нужные сведения, находить их в дополнительных источниках, в учебниках, формулировать цели и задачи исследования, анализировать, обобщать, делать выводы, понимать информацию, которая представлена в виде моделей, схем, изображений.

В пособии «Программы начального образования. Система Л.В. Занкова» представлен перечень познавательных УУД, которые необходимо формировать у учащихся каждого класса. Так, в 3-м классе младшие школьники должны овладеть следующими познавательными УУД: осуществлять поиск нужного текстового и иллюстративного материала в дополнительных изданиях с использованием ресурсов библиотек, медиаресурсов; записывать информацию о русском языке с помощью инструментов ИКТ; создавать и преобразовывать модели и схемы по заданиям учителя; строить сообщения в устной и письменной форме; самостоятельно находить разные способы решения учебной задачи; осуществлять сравнение, классификацию изученных объектов по самостоятельно выделенным основаниям; строить логическое рассуждение как связь простых суждений об объекте (Программы начального школьного образования. Система Л.В. Занкова, 2011: 45-46).

Эффективным средством формирования познавательных УУД младших школьников является выполнение проектов. Как справедливо отмечает Г.И. Щукина, «характер деятельности учащихся меняется от исполнительской, активно-исполнительской, активно-самостоятельной к творчески-самостоятельной. Педагоги должны обнажать в педагогическом процессе объективные возможности развития познавательных интересов, возбуждать и постоянно поддерживать у детей состояние активной заинтересованности окружающими явлениями, моральными, эстетическими, научными ценностями (Щукина, 1986: 55).

В исследованиях Н.В. Матяш проектная деятельность рассматривается как «форма учебно-познавательной активности школьников, заключающаяся в мотивированном достижении сознательно поставленной цели по созданию творческих проектов, обеспечивающая единство и преемственность различных сторон процесса обучения и являющаяся средством развития личности субъекта учения (Матяш, 2004: 56).

Работа над проектом представляет собой учебную деятельность, которая проводится под руководством учителя, однако, его роль заключается в организации субъект-субъектных отношений, в корректировке самостоятельной деятельности младших школьников. Правильно организованная проектная деятельность способствует развитию логического мышления и творческих способностей обучающихся.

Выполнение проекта включает в себя анализ проблемы, постановку цели, задач, выбор средств их достижения, поиск и обработку

информации, ее анализ и синтез, оценку полученных результатов и выводов, представление полученных результатов.

Так, например, работа над проектом «Портрет слова «хлеб» в 3-м классе может быть организована следующим образом. Данный исследовательский проект ориентирован на комплексное описание одного из ключевых понятий русской культуры. Работая над проектом, обучающиеся овладевают навыками лингвистического анализа, учатся извлекать и перерабатывать информацию из различных лексикографических и других источников, знакомятся с историей русской культуры.

Структура проекта включает следующие компоненты:

1. Название проекта: «Портрет слова «хлеб».

2. Учебный предмет, в рамках которого разрабатывается проект: русский язык.

3. Тип проекта: исследовательский, групповой.

4. Цель проекта: используя словари, научно-популярную литературу и другие источники, собрать разнообразную информацию об истории, значении, употреблении слова «хлеб» в русском языке.

5. Задачи проекта: собрать разнообразные сведения об истории и этимологии слова «хлеб»; проанализировать словарные статьи данного слова в различных словарях русского языка; изучить употребление слова «хлеб» в составе русских фразеологизмов, а также крылатых выражений и афоризмов выдающихся людей, в пословицах и поговорках; проанализировать особенности сочетаемости слова «хлеб», рассмотреть словообразовательные особенности данного слова.

6. Методы исследования: поисковый метод, сравнительно-сопоставительный.

7. Предполагаемый результат проекта: мини-словарь с комплексным описанием слова «хлеб».

Организуя каждый этап работы, учитель должен давать рекомендации обучающимся.

На подготовительном этапе учащимся необходимо под руководством учителя определить цели, задачи проекта, наметить конечный результат.

При планировании работы важно выделить этапы, подготовить план действий, определить, как будут называться страницы в мини-словаре и с какой страницы необходимо начать работу. Следует распределить обязанности между группами учащихся, каждая из которых может собирать и обобщать сведения для конкретной страницы мини-словаря.

Этимологическая страница должна содержать собранные и обобщенные сведения об истории и происхождении слова «хлеб».

Страница «Лексическое значение слова «хлеб» будет включать словарные статьи из разных толковых словарей русского языка. Необ-

ходимо отметить, в каком словаре лексическое значение слова описано более полно.

На странице сочетаемости необходимо рассмотреть возможности слова «хлеб» употребляться с разными словами, для работы также можно воспользоваться материалами «Словаря эпитетов русского языка» К.С. Горбачевича, в котором приведено достаточно большое количество примеров с данной лексической единицей.

На странице, демонстрирующей употребление слова «хлеб» в структуре фразеологизмов, крылатых выражений, пословиц и поговорок, необходимо привести примеры данных языковых единиц, которые представлены в большом количестве во фразеологических словарях, сборниках пословиц и поговорок.

На словообразовательной странице следует разместить сведения о слове, которые касаются его словообразовательных отношений. Используя словообразовательные словари, необходимо установить, какие слова образовались от слова «хлеб», какими значениями они обладают, в какую область знания входят.

На заключительном этапе выполнения проекта целесообразно проводить презентацию конечного результата. Весь подготовленный и собранный материал помещается в одну папку (книгу, презентацию), каждая группа готовит выступление перед классом с рассказом о своей странице мини-словаря. Учащиеся не только представляют конкретные результаты, сообщают новую информацию, но также говорят о способах приобретения информации. Работа завершается вопросами слушателей, оценкой результата проекта.

Применение метода проектов для формирования познавательных УУД младших школьников на уроках русского языка является достаточно эффективным средством, поскольку организованная таким образом деятельность предоставляет учащимся начальной школы большие возможности для проявления широкого круга интересов, для овладения различными способами действия, необходимыми для успешной учебной деятельности.

Литература

1. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского языка. – СПб.: Норинт, 2002. 224 с.
2. Матяш, Н.В. Проектная деятельность младших школьников. – М.: Вентана – Граф, 2004. 112 с.
3. Программы начального образования. Система Л.В. Занкова / Сост. Н.В. Нечаева, С.В. Бухалова. – Самара: Издательский дом «Федоров», 2011. 224 с.
4. Шукина, Г.И. Роль деятельности в учебном процессе. – М.: Просвещение, 1986. 144 с.

Abstract. In the given article some aspects of formation of cognitive educational actions of younger schoolboys by means of design activity are shined. A brief description of cognitive DU and project activity is presented. The model of the project "Portrait of the word" bread ", which conducts the development of cognitive methods of speech in the lessons of the Russian language, is proposed.

Keywords: cognitive universal educational activities, project, project activity.

Самосенкова Т.В., Назаренко Е.Б.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО
ПОВЕДЕНИЯ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В АДЕКВАТНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Россия, г. Белгород, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
samosenkova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы национальной специфики речевого поведения иностранных студентов, потому что на неповторимые особенности языка накладываются и особенности обрядов, привычек, всего принятого и не очень принятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете, следовательно, знание национально-культурных особенностей этикета, его речевых формул способствует адекватной коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: мультиязыковой подход, речевой этикет, речевое поведение, национально-культурные особенности.

Коммуникативное поведение нации обусловлено общей моделью национального коммуникативного поведения, неотъемлемым элементом которого является речевой этикет. При изучении языка иностранные студенты осваивают не только языковую систему, но и особенности её использования носителями, включая особенности их коммуникативного поведения.

Важным элементом речевого этикета считается выбор форм обращения. Рассмотрим эту проблему, используя мультиязыковой подход, так как невозможно представить себе языковую культуру, в которой не были бы представлены этикетные требования к речевой деятельности. Истоки речевого этикета лежат в истории языка. В архаическом социуме речевой этикет (как и этикет в целом) имел ритуальную подоплеку. Слову придавалось особое значение, связанное с магическими и обрядовыми представлениями, взаимоотношениями человека и космических сил. Поэтому речевая деятельность человека, с точки зрения членов архаического социума, могла оказывать непосредственное воздействие на людей, животных и окружающий мир. Регламентация этой деятельности была связана со стремлением вызвать те или иные события или, напротив, избежать их. Реликты этого состояния сохраняются в различных единицах речевого этикета. Например, многие устойчивые формулы представляют собой ритуальные пожелания, некогда воспринимавшиеся как действенные. Аналогично рассматриваются многие запреты на использование слов и конструкций, которые в современном языке воспринимаются как бранные и восходят к архаическим запретам – табу.

На древнейшие представления о действенности слова накладываются более поздние пласты, связанные с различными этапами в

эволюции общества и его структуры, с религиозными верованиями и т.д. Особо следует отметить достаточно сложную систему речевого этикета в иерархических социумах, где правила речевого общения вписываются в семиотику общественной иерархии. Примером может служить двор абсолютного монарха: средневековый Восток, Европа на рубеже Нового времени.

В современной, особенно городской культуре, культуре индустриального и постиндустриального общества место речевого этикета коренным образом переосмысливается. С одной стороны, подвергаются изменениям традиционные основы этого явления: мифологические и религиозные верования, представления о незыблемой социальной иерархии и т.п. Речевой этикет теперь рассматривается в чисто прагматическом аспекте, как средство достижения коммуникативной цели: привлечь внимание собеседника, продемонстрировать ему свое уважение, вызвать симпатию, создать комфортный климат для общения. С другой стороны, речевой этикет остается важной частью национального языка и культуры. Невозможно говорить о высоком уровне владения иностранным языком, если это владение не включает в себя знание правил речевого общения и умение применять эти правила на практике.

В речевом этикете практически всех народов можно выделить общие черты. Так, практически у всех народов существуют устойчивые формы приветствия и прощания, уважительного обращения к старшим и пр. Однако реализуются эти черты в каждой культуре по-своему. Как правило, наиболее развернутая система требований существует в традиционных культурах. При этом с известной долей условности можно сказать, что осмысление речевого этикета его носителями проходит как бы несколько стадий. Для замкнутой традиционной культуры характерна абсолютизация этикетных требований к поведению вообще и к речевому поведению в частности. Носитель другого речевого этикета воспринимается здесь как плохо воспитанный или безнравственный человек, либо как оскорбитель. В более открытых внешним контактам социумах обычно более развито представление о различии речевого этикета у разных народов, а навыки подражания чужому речевому поведению могут быть даже предметом гордости члена социума.

Отметим, что в английском языке нет формального разграничения между формами «ты» и «вы». Все регистры контактов от официальных до фамильярных передаются другими средствами языка – интонацией, выбором соответствующих слов и конструкций. Наиболее применяемой формой вежливого обращения является употребление сочетания Mr., Mrs., или Miss (для молодой девушки или незамужней женщины) + фамилия того (той), к кому обращаются: «Mr. Jones, I`d like to talk to you». Обращение «Miss» может употребляться школьниками, если их учительница – молодая женщина: «Good morning,

miss». Вежливая форма обращения к женщине – Madam. Например, продавец в магазине обращается к покупательнице: «Can I help you, madam?». Соответствующая форма обращения к мужчине (особенно стоящему выше по положению) «Sir»: так школьники обращаются к преподавателю – мужчине, военнослужащие в армии к старшим по званию, продавцы в магазине к покупателю, полицейский к прохожим. Обращение «Sir» употребляется без имени и фамилии. При групповом обращении оно заменяется словом «gentlemen», а «madam» – словом «ladies»: «ladies and gentlemen!». Вежливое обращение к людям, занятым медициной, обычно предполагает использования их профессиональных титулов. Так, обращением к врачу является «doctor». Что же касается понятия «медицинская сестра», то оно предусматривает следующие синонимы: обращение «nurse» употребляется по отношению к представителям обоих полов, выполняющим обязанности младшего медицинского персонала; к медсестре женского пола, занимающей более высокое служебное положение в больнице, уместно обращаться с помощью слова «sister»; обращение «matron» употребляется по отношению к старшей сестре больницы. В вооруженных силах обращение к военнослужащим, как правило, включает их звание (с фамилией или без нее): Admiral (Smith) , General, Colonel, Major, Captain, Lieutenant, Sergeant, Corporal. Обращение в форме «звание + фамилия» является более официальным. К полицейскому обращаются также по его званию: Sergeant («сержант полиции»), Inspector («инспектор полиции»). Разговорное обращение к полицейскому – Officer. В научном мире в официальных случаях принято обращаться по званию: Professor, Tutor и пр. Заметим, что некоторые обращения, напрямую связанные с названиями профессий, вряд ли можно считать вежливыми. Многие формы обращения во множественном числе звучат нейтрально. Так, в словах и выражениях everybody, both of you, all of you и т.д. акцент делается в большей степени на само выражение множественности, а не на вежливость или дружеское отношения. Обращения становятся значительно агрессивнее, если им предшествуют you: «You two», «You lot» и т.п. Общепринято интерпретировать большинство обращений типа «you + прилагательное + существительное» как негативные (недружественные, оскорбительные).

В Соединённых Штатах Америки самыми распространёнными формами обращения, особенно к незнакомым или старшим по возрасту людям, являются слова «Sir» и «Ma`am» (или «Madam»). Однако в США гораздо быстрее, чем в Британии, переходят к обращению по имени и, как правило, стараются избегать употребления титулов. Тем не менее, к Президенту США следует обращаться «Mr. President», к государственному секретарю «Mr. Secretary», к сенатору – «Senator», к члену палаты представителей конгресса США – «Congressman», к судье – «Your Honor» , к послу – «Mr. Ambassador». В Америке также

существует традиция обращаться к бывшим обладателям высоких постов по их прежнему титулу: «Mr. President» – к экс – президенту, «Senator» – к сенатору, который может уже давно оставить свой пост.

Во французском языке есть несколько способов обращения. На выбор обращения влияет степень знакомства с партнером по коммуникации: начальник-подчиненный, вышестоящий-нижестоящий. Французская исследовательница Д. Перре предлагает различать два понятия – «социальная дистанция» (*distance sociale*) и «социальная близость» (*familiarité sociale*). В ее концепции дистанция/близость представляют собой социально-психологические детерминанты, в значительной мере определяющие выбор социально приемлемых форм общения. Речь идет о социальной дистанции, когда собеседники не знакомы или когда один из них занимает более высокое социальное положение (по возрасту, должности). При общении знакомых людей или равных по социальному статусу собеседников имеет место социальная близость партнеров по общению. В случае формального общения между знакомыми, но не равными по положению возможен выбор между знаками абсолютного наименования социально-должностного ранга, типа – «baron», «chef», «Monsieur le Maire», «patron» и знаками установления относительной дистанции между социально-ранговыми положениями собеседников, а именно: «monsieur», «M. Dupont», «M. Jacques», «Dupont», «Jacques», *mon vieux*, *mon ami* etc.

Выбор вокативов регулируется в зависимости от осознания отношений равенства/неравенства между партнерами по общению. В случае равенства партнеров наблюдается симметричное употребление обращений, в случае неравенства – асимметричное. Асимметрия языковых средств есть отражение асимметрии в правах и обязанностях. Наибольшей свободой выбора средств обращения пользуется вышестоящий по отношению к нижестоящему. У последнего же при общении с человеком, стоящим выше его по служебной лестнице степень свободы минимальна. Он может обратиться к вышестоящему «Monsieur», «Monsieur + Nom», «Monsieur + fonction». Любая другая форма, включая и нулевую, расценивается как грубая, оскорбительная. Знаки абсолютного наименования социально-должностного ранга (*patron*, *chef*, *monsieur l'inspecteur*) значительно уступают социально-дистантным средствам по распространенности. Их употребление свойственно формальным ситуациям общения, в которых, однако, не так существенны иерархические отношения между партнерами (можно определить подобные ситуации как переходные от формального к неформальному общению). Кроме того, адресат может быть обозначен местоименной формой *pous* или неопределенным местоимением *on*.

В испанском языке существуют обращения на «ты», обращения на «вы» и обращения в третьем лице с использованием *senor*, *hoven*,

senora, senorita. В некоторых странах Латинской Америки наблюдаются различия в выборе и употреблении тех или иных местоименных форм обращения.

В арабском языке выбор местоименной формы обращения происходит в зависимости от рода и числа адресата. Существуют обращения на «ты» в мужском и женском роде единственного числа («ты» муж. род – انت , «ты» жен. род – انت) и «ты» во множественном числе – انتما . Имеются обращения на «вы» в мужском и женском роде единственного числа – «вы» муж. род – انتم , «вы» жен. род – انتن . Существуют обращения «они» в мужском и женском роде множественного числа – «они» муж. род – هم , «они» жен. род – هن .

Особенностью русского языка является наличие в нём двух местоимений «ты» и «вы». Выбор той или иной формы зависит от социального положения собеседников, характера их отношений, официальной или неофициальной обстановки. Обычно «ты» применяется при обращении к близкому человеку, в неофициальной обстановке и когда обращение грубовато-фамильярное; «вы» – в вежливом обращении, в официальной обстановке, в обращении к незнакомому, малознакомому человеку. Хотя здесь существует множество нюансов. У русских не принято называть присутствующее при разговоре третье лицо местоимением «он (она)». Русский речевой этикет предусматривает название третьего лица, присутствующего при разговоре по имени (и отчеству), если приходится при нем и за него говорить. Видимо, русские явно ощущают, что Я и Ты, Мы и Вы – это как бы включающие местоимения, то есть такие, которые выделяют собеседников из всех остальных, а Он, Она, Они – местоимения исключаяющие, указывающие не на того, с кем в данное время общаются, а на нечто третье.

Таким образом, речевой этикет – важный элемент всякой национальной культуры. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения отражается богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа. Речевой этикет представляет собой совокупность словесных форм учтивости, без которых просто нельзя обойтись.

Национальная специфика речевого поведения в каждой стране чрезвычайно ярка, потому что на неповторимые особенности языка здесь накладываются и особенности обрядов, привычек, всего принятого и не очень принятого в поведении, разрешенного и запрещенного в социальном этикете. Поэтому знание национально-культурных особенностей этикета, его речевых формул способствует адекватной коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г. Культурология: Учебник для студентов технических вузов. – М.: Высшая школа, 2002.
2. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. – Ростов: Феникс, 2007 .

3. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. – Норма, 2005.
4. Дунев А.И. под ред. Черняк В.Д. Русский язык и Культура речи. –М., 2002.
5. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989.

Abstract. The article examines the national specificity of speech behavior of foreign students, because features of ceremonies, habits, accepted and not so accepted behavior, permitted and prohibited in social etiquette, are imposed on the unique features of language, therefore knowledge of nationally-cultural peculiarities of etiquette and its speech formulas promotes adequate communication in the process of intercultural interaction.

Keywords: a multilingual approach, speech etiquette, speech behavior, nationally-cultural peculiarities.

Самосенкова Т.В., Цотова Д.Ю.
ЛИНГВОТЕАТРАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ –
ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
samosenkova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обучения русскому языку как иностранному, основанные на использовании ресурсов театральной педагогики, которая позволяет практически реализовать принципы личностно-деятельностного подхода.

Ключевые слова: лингвотеатральное обучение, личностно-деятельностный подход, РКИ, театральная педагогика, язык, коммуникация.

Обучение иностранному языку, основанное на использовании ресурсов театральной педагогики, позволяет практически реализовать принципы личностно-деятельностного подхода.

Идеи обучения через деятельность были предметом исследований многих российских и зарубежных психологов и педагогов. Американский педагог и философ Д. Дьюи еще в конце 19 – начале 20 вв. утверждал, что главной целью образования является создание условий, способствующих самореализации личности и направленных на развитие умений адаптироваться к воздействующей на нее среде. Такие умения могут быть сформированы только при наличии личного опыта человека, приобретенного в обучающей среде через деятельность. Благодатной почвой на Западе для развития данных идей явилось направление гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл), на основе которой был сформирован т.н. «подход, центрированный на обучающемся» (learner centered approach), подробно представленный Роджерсом в его работе «Свобода учиться» .

Различные аспекты отечественной концепции личностно-деятельностного подхода разрабатывались многими учеными-психологами, проводившими исследования в области психологии раз-

вития, обучения и воспитания. Они описаны в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконина, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова, Н.Ф. Талызиной, Зимней и др.

Личностно-деятельностный подход ставит в качестве основной задачи образования «создание условий развития гармоничной, нравственно совершенной, социально активной через активизацию внутренних резервов, профессионально компетентной и саморазвивающейся личности» [Зимняя, 2000: 89].

Как отмечал А.А. Леонтьев, деятельностный подход – это не столько «совокупность образовательных технологий или методических приемов», сколько философия развивающего образования, основанная на «глубинном понимании отношений человека и мира, личности и сознания, простого воспроизводства и творчества» [А.А.Леонтьев, 2001:4]. К центральным положениям философии личностно-деятельностного подхода, объединяющим различные опирающиеся на него теоретические системы, относятся следующие идеи:

- Учебный процесс всегда предполагает обучение конкретной деятельности, включающее сознательную постановку цели и мотивацию в достижении этой цели. При этом под деятельностью понимается активное целенаправленное взаимодействие человека с окружающим миром, в том числе с другими людьми, как ответ на потребность, которая вызвала это взаимодействие [Зимняя, 2000:80].

- В центре обучения находится личность обучающегося, что прежде всего означает учет его индивидуальных особенностей (возраст, пол, национальность), его опыта, способностей, интересов, стремлений.

- Обучение деятельности осуществляется как взаимодействие и сотрудничество личностей – субъектов обучения,

- Установка на творчество, постановка проблемных вопросов и поиск решений активизируют внутренние резервы и познавательную деятельность обучающихся.

Психолого-педагогическое осмысление и теоретическое обоснование личностно-деятельностного подхода с учетом методических и лингводидактических аспектов (исследования Б.В. Беляева, В.А. Артемова, А.А. Леонтьева, И.В. Рахманова, Е.И. Пассова, Г.А. Китайгородской и др.) представлено в целом ряде работ И.А. Зимней применительно к иноязычному обучению. Помимо общих методологических положений личностно-деятельностного подхода Зимняя включила дополнительные принципы характеризующих применение данного подхода в преподавании иностранного языка. К ним относятся: 1) коммуникативность обучения, при котором общение является формой взаимодействия в ходе всего учебного процесса; 2) личностная значимость предмета общения, т.е. интерес обучающегося к теме общения; 3) удовлетворенность обучающегося ситуацией общения в целом, включая тему, процесс, результат и партнера по общению; 4) по-

зитивное переживание обучающимся успеха общения как фактор подкрепления достигнутого; 5) рефлексивность обучающегося и 6) отсутствие социальных барьеров, сдерживающих общение на изучаемом языке (роль, статус, уровень компетентности, подготовленности и др.) [Зимняя 1991: 22].

Зимняя выделяет три существенные для понимания особенностей иностранного языка как учебного предмета характеристики, связанные с природой языка и в значительной степени определяющие разработку учебной программы и содержание учебных материалов: «беспредметность», «беспредельность», «неоднородность» [Зимняя, 1991:33-35].

Беспредметность языка как учебного предмета связана с тем, «что его усвоение не дает человеку непосредственных знаний о реальной действительности. «Другими словами, в области преподавания иностранных языков возникает специальная задача определения того, чему (из области культуры, этики, истории, искусства и т. д.) учить средствами иностранного языка, ибо изучение языковых средств (лексики, грамматики, фонетики) ради самих этих средств не отвечает актуальным познавательным и коммуникативным потребностям обучающихся». Лингвотеатральный подход, будучи гибкой методологической системой, предполагает учет запросов и целей обучающихся. В качестве главных ориентиров при составлении учебной программы следует назвать, во-первых, содержание речевой и лингвистической компетенции, предусмотренные стандартами обучения (А1, А2, В1, и т.д.) и, во-вторых, тематическая направленность, определяемая особенностью целевой группы или сферой интересов обучающихся (профессиональная, бытовая или связанная с конкретной сферой интересов, например, туризм, национальная кухня, здоровье и медицина и т.д.)

Беспредельность отражает проблему отсутствия тематического ограничения. Это особенно важно при определении тематических разделов учебного содержания. «Ограничение» учебного языкового материал основано на выделении релевантных «сфер общения», представляющих интерес для данного курса. Зимняя приводит пример разграничения таких «сфер общения», предложенное В. Л. Скалкиным и базирующееся на «анализе сочетаний трех показателей: а) характера речевого стимула в его связи с вызвавшей его потребностью, б) характера отношений между коммуникантами и в) обстановки общения».[Зимняя, 1991]. Такой прием, на наш взгляд, основателен, несмотря на то, что включение выделенных сфер (социально-бытовая, семейная, профессионально-трудовая, социально-культурная, сфера общественной деятельности, административно-правовая, сфера увлечения и зрелищно-массовая) зависит от конкретных целей целевых обучающихся.

Неоднородность языковых явлений является характеристикой речевой деятельности индивида. Именно последняя и есть основной

объект иноязычного обучения. В связи с этим мы вполне допускаем инцидентное включение языкового материала, выходящего за границы принятых стандартов речевых навыков и лексико-грамматического содержания, соответствующих данному уровню языковой компетенции.

К числу важнейших организационных аспектов преподавания иностранного языка относится плотность обучения, т.к. именно от этого показателя напрямую зависит возможность активизации личностных резервов личности и когнитивных возможностей обучающегося. Практически плотность обучения измеряется количеством коммуникативных контактов и объемом высказываний [Зимняя, 1991:28] обучающегося на изучаемом языке. Сниженная плотность обучения ведет к сужению сфер общения, уменьшению количества участников общения, сокращается возможность актуализации уже усвоенных языковых средств и отработки формулирования идей при помощи этих средств, в силу чего учащиеся не овладевают умением свободного изложения мыслей и понимания речи собеседника. Уровень плотности общения существенно зависит от продолжительности занятия и интервалов между ними. Продолжительность лингвотеатрального занятия составляет не менее 3 часов, в течение которых осуществляются алгоритм дидактической единицы, этапы которой предполагают постоянную включенность обучающегося в тот или иной вид деятельности, требующий творческого участия каждого и опирающийся на личностно значимое отношение обучающихся к содержательной стороне деятельности. Это позволяет создать высокую плотность коммуникативного обучения и вместе с тем обеспечивает низкую утомляемость в силу задействования эмоциональной сферы и особенностей функциональной динамики занятия. Таким образом, как деятельностный, так и личностный аспекты находят свою реализацию в формате лингвотеатрального подхода.

Овладение иностранным языком как инструментом межличностного взаимодействия подразумевает не столько изучение теоретических основ, как того требуют такие дисциплины, как физика, химия, биология и др., сколько приобретение умений, реализующихся в автоматизации навыков. В этом отношении умение общаться на иностранном языке больше напоминает умение управлять автомобилем, объединяющее владение целым комплексом знаний, и автоматических навыков в сочетании с индивидуальным стилем вождения. Данное умение находится в определенном соотношении с понятиями лингвистической и коммуникативной компетенций. Если лингвистическая компетенция связана с эффективным воспроизведением и пониманием речевых высказываний в соответствии с лексико-грамматическими правилами, то коммуникативная компетенция обнаруживает себя как способность контекстно и ситуативно воспроизводить и понимать речевые высказывания, в соответствии с коммуникативными целями говорящего. К. Нофри, продолжает метафориче-

ское сравнение владения иностранным языком с вождением автомобиля: подобно соблюдению указаний, предписываемых дорожными знаками, в коммуникативном употреблении языка мы стараемся соблюдать правила, регулирующие выбор соответствующих лексико-грамматических форм и структур. Если по ходу движения «в нашей полосе» нам встречается вопрос, маркированный вопросительным знаком и соответствующей вопросительной интонацией, то далее мы встретим и другие знаки на этом пути (например, вопросительные местоимения или наречия). Мы должны правильно интерпретировать их и сделать необходимый выбор, чтобы избежать «дорожных происшествий» (коммуникативных недоразумений) и безопасно достичь места назначения, т.е. полноценно осуществить коммуникативную цель – передать речевое сообщение, которое будет правильно интерпретировано нашим собеседником, а также понять переданное нам сообщение [Nofri2014: 13]. Лингвотеатральная методика уделяет пристальное внимание прагматическим компонентам речевой деятельности, т.е. осознанию учащимися факторов „что, где, когда, почему и как”, что является абсолютно необходимым для того, чтобы их речевая деятельность была осмысленной, естественной и правдоподобной.

Кроме того, как и в случае с вождением автомобиля, обучающемуся требуется выработать устойчивый, доведенный до автоматизма, навык выполнения мыслительных и словесных действий, необходимых для общения. Такой автоматизм приобретается в процессе целостного практического обучения, включающего физические (деятельностные), когнитивные и эмоциональные аспекты личности обучающегося.

Игровые и сценические упражнения генерируют высокую степень речевого и невербального взаимодействия между учащимися, а также между учащимися и преподавателем. Именно межличностное взаимодействие является здесь ключевым моментом. Сам акт общения вызван необходимостью взаимодействия: цель говорящего – передать сообщение другому человеку. В случае реальной коммуникации слушающий должен быть заинтересован в сообщении, и именно интерес к содержанию или форме сообщения вызывает у него ответную реакцию. Общение начинается с социального взаимодействия, создающего социально-смысловой контекст коммуникативной ситуации: например, вступающие в общение собеседники улыбаются друг другу,жимают руки, обнимаются, или наоборот, стараются не смотреть друг на друга, сдержаны в жестах и т.д. Речевое взаимодействие собеседников, помимо вербального обмена сообщениями, подкрепляется невербальными средствами, соответствующими данному контексту и позволяющими точнее декодировать сообщение и, таким образом, полнее понять идеи и точки зрения собеседника.

Для того, чтобы достичь естественности общения, что является в определенной степени возможным даже на начальных уровнях владения языком, учебная среда должна стимулировать интерес и внима-

ние учащегося более глубоко и в течение более длительного времени, чем это обычно позволяют упражнения и диалоги учебника. Только тогда учащиеся могут научиться говорить свободно и естественно, без постоянного контроля грамматической правильности. В этой связи нам хотелось бы еще раз подчеркнуть, что интерес к взаимодействию и желание общаться возможны лишь при низком уровне тревожности, поэтому преподавателю надо стремиться к созданию психологической атмосферы поощрения и безопасности и постоянно сводить к минимуму беспокойство учащихся о том, как они будут выглядеть в глазах других, смогут ли они говорить без ошибок и т.д.

Личностно-деятельностный подход предъявляет особые требования к преподавателю иностранного языка не только в отношении владения предметными знаниями, но и такими важнейшими качествами, как умение видеть и уважать в каждом обучающемся личность, предрасположенность к взаимодействию на основе партнерских взаимоотношений, создание условий для личностно-значимого общения с учетом опыта, интересов, интеллектуальных и эмоциональных особенностей обучающихся, а также творческая направленность всей деятельности преподавателя по планированию, организации обучения и управления учебным процессом, включая стимулирование речевой деятельности, «точечное» реагирование на различные ситуации устно-речевого общения в целях определенного воздействия (например, коррекция, поощрение, развитие или сворачивание ситуации и др.). Такой комплекс профессиональных и психолого-педагогических умений является обязательным для реализации лингвотеатрального обучения языку, в котором преподаватель не просто сообщает знания, а становится проводником этих знаний в процессе взаимодействия обучающихся между собой и с преподавателем. В рамках личностно-ориентированной педагогики преподаватель, с точки зрения его роли, часто называется фасилитатором [Зимняя, 2000: 89], т.е. он является не столько инструктивно обучающим, сколько содействующим реализации индивидуальных способностей и задатков обучающихся, поощряющим самостоятельность их действий и решений и, что является наиболее важным в контексте иноязычного обучения, мотивирующим обучающихся к творческому взаимодействию и создающим условия для подлинного общения в этом личностно значимом взаимодействии.

Из сказанного становится ясно, что урок иностранного языка – это место и время, где и когда обучающиеся получают возможность общаться через деятельность, в которую они вовлечены, преследуя достижение общей цели. По наблюдениям М. Ринволукри, европейский учитель в среднем говорит 60-70% времени на уроке иностранного языка, тогда как на долю учеников приходится всего около 35%. Вместе с тем, по мнению автора, действительное развитие устноречевой

коммуникации может иметь место только в том случае, если время говорения преподавателя составляет не более 5% .

Фундаментальное отличие иностранного языка от других предметов состоит в том, что он есть и средство, и в то же время цель обучения, и вследствие этого в процессе изучения языка усвоенный материал из цели переходит в средство овладения языковыми явлениями более высокого уровня. Зимняя считает, что «трудность состоит в том, чтобы точно определить переход от того, что в данный момент является целью, а завтра станет средством достижения другой, более сложной цели» [Зимняя, 1991:32]. По мнению К. Нофри, любой курс иностранного языка, «будь то индивидуальный или коллективный, устанавливает лингвистическую игру в том смысле, который предложен Витгенштейном для коммуникативной деятельности, управляемой контекстуальными правилами. Однако это особая игра, потому что она имеет „металингвистический” характер», поскольку изучаемый язык одновременно есть инструмент изучения и говорения [Nofri, 2014: 37]. Из этого утверждения следует, что цель «игры» заключается не в самом общении, а скорее в «обучении общению» в том смысле, что большая часть говорения на изучаемом языке во время занятия может часто представлять собой скорее обмен «металингвистическими» высказываниями, чем общение в коммуникативной ситуации. Эта функция языка, в которой возрастает доля говорения преподавателя, часто становится преобладающей и определяет почти всю устную речь класса или группы.

Лингвотеатральный подход, будучи личностно-деятельностным по своей сути, позволяет избежать чрезмерного использования языка в металингвистической функции и направить учебный процесс к достижению истинных коммуникативных целей.

Литература

1. Зимняя, И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов. – Издание второе, дополненное, исправленное и переработанное. – М.: Издательская корпорация "Логос", 2000. – 384 с.
3. Nofri C. The Glottodrama Method: an overview // Proceedings of International Conference Performing Arts in Language Learning, Roma: Edizioni Novacultur, 2014. – P. 190 – 199.
4. Леонтьев А.А. Что такое деятельностный подход в образовании? // Начальная школа: плюс-минус. – 2001. – № 1. – С. 3-6.
5. Rinvolucris M. Grammar Games: Cognitive, Affective and Drama Activities for ELF Students. Cambridge University Press, 2007. – 146 p.

Abstract. The article deals with the issues of teaching Russian as a foreign language based on the use of resources of theatrical pedagogy, which allows implementing practically the principles of personally active approach.

Keywords: linguo-theatrical training, personally active approach, Russian as a foreign language, theatre pedagogy, language, communication.

Табакаева Н.С.
УЧЕБНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ УУД МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА
УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
natashatabakaeva@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается учебный диалог как средство развития коммуникативных УУД младших школьников на уроках русского языка. Дается краткая характеристика коммуникативных УУД и учебного диалога. Приведены упражнения с использованием учебного диалога, которые способствуют развитию коммуникативных УУД учащихся начальной школы на уроках русского языка.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, коммуникативные УУД, учебный диалог.

В рамках школьного обучения коммуникация приобретает наибольшее значение при взаимодействии учителя с учеником или ученика с одноклассниками. Она предполагает обмен информацией, умение слушать и вести диалог, обеспечивает совместную деятельность участников общения, учит добиваться цели в общении, а также устанавливать контакты и понимать партнёра. Однако формируемые коммуникативные действия способствуют не только развитию навыков взаимодействия с людьми, прежде всего, они являются ресурсом эффективности и благополучия будущей взрослой жизни нынешних школьников, поэтому формирование коммуникативных универсальных учебных действий (УУД) занимает важное место в системе развития универсальных учебных действий.

Исследованием проблем становления коммуникативных УУД младших школьников занимались такие педагоги и психологи, как Амонашвили Ш.А., Асмолов А.Г., Гришанова И.А., Мудрик А.В., Цукерман Г.А., Эльконин Д.Б. и другие.

Коммуникативные УУД входят в классификацию УУД, которая включает также регулятивные, личностные и познавательные УУД. Само понятие «универсальные учебные действия» имеет множество определений. Но вслед за А.Г. Асмоловым мы будем понимать УУД как «умение учиться (в широком смысле), т.е. способность субъекта к саморазвитию и самосовершенствованию путем сознательного и активного присвоения нового социального опыта. В более узком смысле этот термин можно определить как совокупность способов действия учащегося (а также связанных с ними навыков учебной работы), обеспечивающих его способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая организацию этого процесса» (Асмолов, 2008: 27). В данной работе мы обратимся именно к коммуникативным УУД.

Существуют различные точки зрения на определение понятия «коммуникативные УУД». Мы же будем опираться на ту трактовку термина, которая приводится в Словаре терминов ФГОС: «коммуникативные УУД – умение эффективно сотрудничать с учителем и со сверстниками (умение планировать и согласованно выполнять совместную деятельность, распределять роли, уметь договариваться), умение учитывать позицию собеседника, понимание и уважение иной точки зрения, умение обосновывать и доказывать свое мнение, четко ставить вопросы и правильно выражать свои мысли, используя также невербальные средства общения (мимика, поза, жесты, интонация и др.)» (Словарь терминов ФГОС URL). С полным перечнем коммуникативных УУД можно ознакомиться в работах А.Г. Асмолова. В нашей статье мы остановим внимание на таком коммуникативном УУД как умение общаться и взаимодействовать с партнёрами по совместной деятельности и обмену информацией, которое будет формироваться в процессе учебного диалога на уроках русского языка.

Учебный диалог предоставляет большие возможности для формирования коммуникативных УУД, является эффективным средством развития подобных навыков, поскольку вся учебная деятельность в аспекте реализации коммуникативно-деятельностного подхода к обучению предполагает взаимодействие учителя и учащихся.

Вслед за Н.Ф. Виноградовой под учебным диалогом мы понимаем «диалогическую форму обсуждения, целью которой является коллективное «открытие» истины (Виноградова, 2010: 50). Учебный диалог призван решать проблему, создавать алгоритм её решения, открывать новое знание в процессе обсуждения, а не устанавливать то, как обучающиеся усвоили учебный материал. В процессе организации учебного диалога нужно задавать детям такие вопросы, которые помогут вовлечь их в активный мыслительный поиск: репродуктивные вопросы, вопросы-размышления и проблемные вопросы, включающие слова: «почему», «зачем», «для чего», «когда», «откуда». Учебный диалог начинается тогда, когда ученик делает высказывания, подобные следующим: «Я считаю...», «Мое мнение таково...», «Мне хочется добавить, что...», «Моя точка зрения заключается в следующем...».

В процессе работы над учебным диалогом мы разработали несколько упражнений, которые можно использовать на уроках русского языка для формирования коммуникативных УУД. За основу были взяты материалы учебников по русскому языку для начальной школы (УМК «Начальная школа XXI века»).

Упражнение №1: На доске записаны слова: «ненастный», «честный», «опасный», «красный». Учащиеся должны затранскрибировать эти слова у себя в тетрадях. Далее для организации учебного диалога учитель задает следующие вопросы: Что вы заметили? О какой орфо-

грамме пойдет речь на уроке? Сравните количество букв и звуков. Как нужно проверять непроизносимую согласную в корне?

Упражнение №2: На доске записаны слова и их транскрипция:

[ч'о́рный] – чёрный (черне́ть) [шо́рох] – шорох
[шо́рстка] – шёрстка (ше́рсть) [капюшо́н] – капюшон
[жо́лудь] – жёлудь (желуде́й)

Учебный диалог может возникнуть в результате проблемной ситуации. Для этого учитель задает следующие вопросы: Как обозначается звук [о] после шипящих в корне слова? Можно ли утверждать, что под ударением звук [о] после шипящих всегда обозначается одной и той же буквой? Можете ли вы определить закономерность выбора буквы «о» или «ё»? Давайте попробуем изменить слова. Что вы заметили? Итак, что мы будем изучать сегодня на уроке? Чему будем учиться?

На основе данных упражнений мы можем увидеть, что учебный диалог призван открывать новые знания учащихся, способствовать развитию мышления школьников, а также в процессе диалога дети учатся взаимодействию, взаимоуважению, развивают навыки слушания и умения принимать точку зрения другого человека. Таким образом, мы можем утверждать, что учебный диалог является эффективным средством формирования коммуникативных УУД.

Литература

1. Словарь терминов ФГОС. – URL: http://pushpravdasch1.edumsko.ru/activity/fgos/articles/slovar_terminov_fgos (дата обращения 15.01.2018).

2. Асмолов, А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2008. 151 с.

3. Виноградова, Н.Ф. Учебный диалог – эффективный метод развития младших школьников // Начальное образование. – М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2010. №1. С. 49-51.

4. Иванов, С.В. Русский язык – 4 класс. Ч.2. УМК «Начальная школа 21 века». ФГОС. М.: Вентана-Граф, 2012. 176 с.

5. Иванов, С.В. Русский язык – 3 класс. Ч.1, 2. УМК «Начальная школа 21 века». ФГОС. М.: Вентана-Граф, 2013. 192с.

Abstract. In this article, educational dialogue is considered as a means of developing communicative methods for the management of junior schoolchildren in Russian language lessons. A brief description of communicative methods of communication and educational dialogue is given. Exercises are provided with the use of the educational dialogue, which contribute to the development of communicative methods for students of primary school in Russian language lessons.

Keywords: universal educational activities, communicative methods of communication, educational dialogue.

Телкова В.А.

ОБ ОДНОМ ПРИЕМЕ РАБОТЫ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Елец, Елецкий государственный университет
Telkova.2014@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика изучения устойчивых единиц на уроках русского языка, выявляются проблемы в усвоении учащимися фразеологических оборотов, определяются пути преодоления возникающих трудностей, предлагается один из эффективных приемов работы с фразеологизмами.

Ключевые слова: фразеологические единицы, прием, контекст.

Нельзя воспитать сознательное отношение к языку, не воспитав внимания к его фразеологии. В речевом общении мы часто нуждаемся в устойчивых сочетаниях не менее, чем в словах. Они украшают речь, делают ее образной и точной. Многие из них являются единственным способом выражения обозначаемых ими понятий. Обогатить учащихся активным фразеологическим запасом так же важно, как научить их владеть необходимым запасом слов.

Активное усвоение фразеологических единиц возможно только при условии осознания их семантики.

Приемы ознакомления учащихся со значениями фразеологизмов многочисленны и разнообразны. Рассмотрим один из наиболее эффективных приемов: прием, основанный на использовании контекста.

Для определения значения фразеологических единиц большое значение имеет ситуативная сторона речи, контекст. Непонятный изолированный фразеологизм часто становится понятным в контексте. Сравните:

Рукой подать. – Кружным путем далеко, а лесными тропами до таежной речки *рукой подать*.

Как на ладони. – Смотришь на макет степной станицы, а она вся у тебя *как на ладони*.

На дружеской ноге. – «Литераторов часто вижу. С Пушкиным *на дружеской ноге*. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» (Гоголь).

Использование контекста, содержащего в себе фразеологизм и способствующего пониманию его значения, – довольно известный прием не только в методической литературе, но и в школьной практике.

Однако использование данного приема не всегда приводит к желаемым результатам, так как не всякий контекст способствует выявлению семантики устойчивых сочетаний.

В тех случаях, когда контекст, содержащий фразеологическую единицу, понять ее значение не помогает, следует использовать подсказывающий контекст, – такой, в котором содержится намек на смысловое содержание заключенного в нем фразеологизма или имеется слово, раскрывающее его значение:

«Миша приказал долго жить, – отвечал Кирилл Петрович, – умер славную смертью, от руки неприятеля» (Пушкин). «Варвару маменька точила-точила, а та не стерпела, да и была такова – взяла да и ушла» (Островский). «– И какая ты тощая! Кожа да кости...» (Чехов).

При усвоении труднодоступных или малоизвестных фразеологических единиц целесообразнее прибегать к использованию контекста, в котором автором раскрывается значение данного фразеологизма:

«Все снасти королевского флота, от самого толстого каната до тончайшей веревки, сучатся так, чтобы через них во всю длину проходила красная нить, которую нельзя выдернуть иначе, как распустив все остальное, так что даже по самому маленькому обрывку веревки можно узнать, что она принадлежит английской короне; точно так же через весь дневник Оттилии тянется красная нить симпатии и привязанности, все сочетающая воедино и знаменательная для целого». (Гете, перев. АН. Федоров).

Ценность подобных контекстов заключается в том, что они делают объяснение учителя запоминающимся, а усвоение школьниками семантики фразеологических единиц осознанным.

Прибегая к данному приему, нужно учитывать, что для выявления значения некоторых фразеологизмов необходимо знать не только их первичный контекст, но все произведение в целом, в котором они возникли: *как белка в колесе, великий комбинатор, щуку бросили в реку, блоху подковать* и др.

Такой путь раскрытия значений фразеологизмов не самый экономный, но зато самый надежный. Особенно продуктивен этот способ толкования фразеологизмов при изучении художественных произведений – на уроках литературы и в процессе внеклассных занятий.

Встречаясь с незнакомой фразеологической единицей, учащиеся, не осознавая ее структурно-семантической специфики, часто стремятся толковать ее по привычной для них схеме: общее значение слова или сочетания слов равно сумме значений составляющих их частей (морфем или лексем). Это самая распространенная ошибка при определении смыслового содержания устойчивых сочетаний, и ее необходимо предупреждать, наглядными примерами убеждая учащихся в том, что значение идиоматических сочетаний нельзя выводить из буквальных значений входящих в их состав слов, – иначе фразеологизм разрушится.

Действенным в этом отношении приемом является использование контекста, разрушающего фразеологизм. Вот несколько таких контекстов из книжки Эмиля Кроткого «Отрывки из ненаписанного»:

*Если бы все хватали звезды с неба, то не было бы звездных ночей.
Жег сердца глаголами и другими частями речи.*

Ему пришла в голову мысль, но, не застав никого, ушла.

Предупреждение ошибок в толковании устойчивых сочетаний неизбежно влечет за собой показ верного объяснения фразеологиз-

мов, образцов правильного употребления их в речи. Поэтому анализ контекста, разрушающего фразеологизм, необходимо сочетать с разбором контекста, в котором тот же фразеологизм употребляется с присутствующим ему в литературном языке значением:

1) Средний был ученик: звезд с неба не хватал, но и хуже других не был. 2) Восстань, пророк, И, обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей (Пушкин). 3) Ему пришла в голову мысль разбить парк за школой.

Значение фразеологических единиц типа: *чувство нового, учиться на ошибках, борьба за существование, ученый совет* – школьники представляют смутно и семантических особенностей их не осознают.

Полное понимание смысла фразеологизма – результат длительной и кропотливой работы, успех которой в значительной мере зависит от того, насколько активное участие принимают в ней сами школьники. С целью подготовки учащихся к самостоятельному толкованию фразеологических единиц успешно можно использовать контекст, организующий процесс обнаружения смысла фразеологизма или вводящий в него:

– А ты знаешь, что такое удельный вес?

Бабушка вытирала передником потный морщинистый лоб, поправляла платок и опрометчиво отвечала: – Ну, гиря, значит, такая ...

Павлушка с трудом подавлял в себе желание рассмеяться на неудачный ответ старушки и начинал объяснять: – Удельный вес – это вес... (Шабрин).

С учащимися, уже накопившими определенный опыт работы над семантикой фразеологических единиц, можно переходить к сопоставительному анализу нескольких контекстов.

С целью более глубокого понимания и прочного запоминания такой, например, фразы, как *Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?*, полезно сопоставить контекст, в котором возник данный фразеологизм, и контекст, в котором он употребляется в его обычном, уже прочно закрепившемся за ним значении:

То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учена голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – еще ничего, а как добрался до Александре Македонского, но я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и, что силы есть, хватить стулом об пол! Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? От этого убыток казне (Гоголь).

Перечисленные приемы не исчерпывают всех возможностей использования контекста. Но, опираясь на них, учитель сумеет отобрать нужные контексты и определить уместность их применения.

Abstract. The article deals with the specific character of learning stable phrases at the lessons of Russian, it also reveals problems in pupils' mastering phraseological units, defines the ways of getting over arising difficulties, offers one of the effective methods in working with phraseological units.

Key words: phraseological units, method, context.

Фадеева М.И.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Fadeeva@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье описывается методика патриотического воспитания младших школьников в процессе изучения русского языка; предлагаются основные направления работы, описываются приемы и формы обучения русскому языку.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотизм, младший школьник, уроки русского языка.

Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня в обществе ощущается «дефицит нравственности». Одним из характерных проявлений духовной опустошенности и низкой культуры является утрачивание патриотизма как одной из духовных ценностей народа. Само понятие «патриотизм» девальвировалось в обществе. И обесценивание произошло за счет того, что мнимые ценности стали приоритетными среди людей. Это наблюдается в отчуждении подрастающего поколения от отечественной культуры, общественно-исторического опыта своего народа, его традиций и духовной истории. Как известно, такое обнищание нации, потеря кровной связи между поколениями ведет к дикости и варварству.

В современных условиях на фоне очевидного упадка традиционных ценностей все больше осознается значение уважения и любви гражданина к своей стране, Родине, ее культуре и истории. Задачи патриотического воспитания должны решаться уже на уровне образовательного учреждения. «Однако существует ряд проблем, мешающих эффективной организации работы по патриотическому воспитанию детей и молодежи, а именно несовершенство законодательной базы по гражданскому и патриотическому воспитанию; недостаточное оснащение сохранившейся материально-технической базы образовательных учреждений, военно-патриотических клубов и объединений; отсутствие заинтересованности СМИ в пропаганде патриотического воспитания детей и молодежи, малочисленность высокопрофессиональных кадров в общественных военно-патриотических клубах и объединениях, образовательных учреждениях, занимающихся вопросами патриотического воспитания» (Кондакова, 2012: 54).

Важной проблемой является переосмысление сущности воспитания ребенка. Для того, чтобы научить ребенка любить Родину, необходимо обратиться к классике, которая всегда учила патриотизму, надо ознакомить его с традициями, обычаями, культурой своего народа через посещение музеев. «В человеческой жизни нет более значимых целей, чем свобода и независимость Отчизны, ее слава, могущество, честь и достоинство. С постижения этих категорий и начинается человек как личность» (Ильин, 1993: 112). Федеральный Государственный Образовательный Стандарт (ФГОС) начального общего образования направлен на обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся, становление их гражданской идентичности как основы развития гражданского общества; сохранения и развития культурного разнообразия в языковом наследии многонационального народа Российской Федерации; овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России.

Учитель должен уделять особое внимание патриотическому воспитанию младших школьников. Поэтому встает вопрос эффективности использования средств патриотического воспитания с учетом возрастных особенностей детей младшего школьного возраста. Одной из дисциплин, направленных на патриотическое воспитание детей в школе, является русский язык. Чтобы сформировать у младшего школьника чувство патриотизма, любовь к своей Родине и своему народу, гордость, уважение к событиям исторического прошлого, необходимо показать богатство и разнообразие языка, на котором он говорит, привить любовь к родному языку, научить детей понимать и анализировать отдельные языковые явления и факты, выработать у них внимание к своей и чужой речи. Воспитательные возможности уроков русского языка реализуются с помощью четкой организации познавательной деятельности школьников, создания атмосферы диалогового общения, взаимопомощи и взаимопонимания, привития любви и уважения к русскому языку, к русскому народу – носителю языка, ознакомления учащихся с богатыми лексическими, словообразовательными, синтаксическими и стилистическими языковыми средствами разнообразного дидактического материала.

Первое направление работы по патриотическому воспитанию – формирование любви к русскому языку и его создателю – русскому народу. С этой целью на уроках можно использовать в качестве эпиграфов высказывания известных писателей и поэтов о русском языке. Высказывания эти должны анализироваться, заучиваться, использоваться в качестве дидактического материала.

Второе направление – ознакомление детей с функциями русского языка как государственного, как языка русского народа. Решению этих задач способствует накопление представлений о том, что язык слов как речевое оформление выражения мыслей и чувств выделяет человека из природного мира и служит общению людей, являясь в то

же время его продуктом, воплощением совместного человеческого опыта по познанию, оценке, преобразованию окружающего; что «дар слова» в своем развитии через общение с другими людьми как сомыслие, сочувствие, содействие, а также самообщение позволяет человеку не просто осваивать систему словесных значений, но и перенимать в диалектике значений и смыслов воплощенные в этой системе духовные содержания и в том числе идеи, осознавать в ней мир и себя в нем (свои мысли, чувства, намерения, поступки по отношению к миру и себе), а соответственно ориентироваться в окружающей действительности, «вести» себя в ней.

Третье направление – знакомство детей с россиеведчески ценностной лексикой. Предположив возможность развития ценностного отношения младших школьников к русскому языку через придание родиноведческой направленности начальному курсу русского языка на основе раскрытия в его содержании той идеи, что «в языке одухотворяется народ и вся его родина» (К.Д. Ушинский), мы исследовали пути и средства донесения этой идеи до сознания учащихся.

Предлагаемые решения состоят в осуществлении лексических наблюдений с ориентацией на россиеведческую, национально маркированную лексику с использованием культурно-исторического комментария

На основе изучения психолого-педагогической литературы мы сделали вывод, что патриотическое воспитание представляет собой воспитание, направленное на формирование чувства любви к Родине, патриотической культуры и толерантности, реализуемое на различных уровнях функционирования системы образования. В процессе патриотического воспитания решаются такие задачи, как формирование национального самосознания, приобщение подрастающего поколения к системе социокультурных ценностей, отражающих богатство и своеобразие истории и культуры своего Отечества, создание конкретных условий для проявления гражданственности, патриотизма.

Литература

1. Ильин, И.А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 278 с.
2. Кондакова, Е.П. Формирование готовности учителя к патриотическому воспитанию в начальной школе: монография / Е.П. Кондакова, Т.М. Стручаева. – Белгород: Изд-во БелИПКППС, 2012. – 127 с.

Abstract. The article describes the technique of Patriotic education of younger schoolchildren in the process of studying the Russian language; the major areas of work are described the methods and forms of teaching the Russian language.

Keywords: Patriotic education, patriotism, the younger the student, the lessons of the Russian language.

Шаповалова А.Э.
УРОК РАЗВИТИЯ РЕЧИ ПО КАРТИНЕ С ОПОРОЙ
НА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОНЯТИЯ

Россия, Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
shapowalowaaleona@yandex.ru

Аннотация. В статье говорится об эффективном построении урока развития речи, приводится пример развивающего урока на примере картины Кустодиева на религиозную тематику, подчеркивается значение работы с национально-культурными понятиями для духовно-нравственного развития учащихся.

Ключевые слова: урок развития речи, сочинение по картине, национально-культурные понятия, память.

Урок является одним из основных способов получения знаний о русском языке и на русском языке. Но ведь урок проводится не только ради получения знаний – каждый урок должен дать толчок речевому и нравственно-духовному развитию учащегося. Уроки развития речи способствуют этому в большей степени, чем какие-то другие. Наша цель – показать, как урок анализа картины может стать этапом развития личности.

Проблема видового разнообразия уроков развития речи является традиционной для методики преподавания русского языка. Данной проблемой занимались такие ученые, как Т.А. Ладыженская, М.М. Разумовская, Б.Т. Панов, Н.А. Пленкин, Л.А.Ходякова и др. У методистов существуют две точки зрения на уроки данного типа: *узкое* – это уроки грамматики, фонетики с привлечением речевых упражнений на разных этапах работы с языковым материалом, и *широкое* – это специальные и контрольные уроки подготовки и написания сочинений и изложений. Таким образом, урок развития речи – это урок русского языка, на котором «моделируются различные речевые ситуации, решаются как личностно значимые коммуникативные задачи, так и социально значимые. Этот опыт приобретается на уроке в диалогах, в речевых играх, в драматизации и других формах учебного речевого общения, создается единая речевая среда с высоким развивающим потенциалом» – так их определял известный методист М.Т. Баранов (Баранов, 2000: 232).

Особой методики требуют уроки развития речи, связанные с устной или письменной творческой работой над картиной, каким-либо другим арт-объектом или с их репродукциями. Современный взгляд на тематику уроков и методику работы по подготовке к сочинениям на основе произведений живописи дан в пособиях и статьях Л.А. Ходяковой (Ходякова, 2000).

Как ни парадоксально, но иногда урок развития речи, например, по картине, следует начинать не с показа картины, а с обобщенной,

расширенной *словарной работы*, чтобы обучающиеся сами догадались, о чем пойдет речь на уроке, тем самым определив тему и цели урока. Безусловно, это способствует усилению мотивации к работе.

Урок развития речи по картине Б. Кустодиева «Пасхальный обряд. Христосование» мы предлагаем начать так:

- Послушайте, ребята, стихотворение русского поэта А. Майкова и предположите, о чем пойдет речь на нашем уроке.

*Повсюду благовест гудит,
Из всех церквей народ валит;
Заря глядит уже с небес:
Христос воскрес! Христос воскрес!
С полей уж снят покров снегов,
И реки рвутся из оков,
И зеленеет ближний лес:
Христос воскрес! Христос воскрес!
Вот просыпается земля,
И одеваются поля:
Весна идет, полна чудес!
Христос воскрес! Христос воскрес!*

- Благодаря каким словам вы догадались, о чем пойдет сегодня речь?

Учащиеся размышляют и обобщают, что, скорее всего, речь пойдет о весеннем празднике Пасхи, о колокольном звоне («благовесте»), о воскресении Господнем, о радости и восторге людей в эти праздничные дни.

И только теперь, после самостоятельного определения детьми темы и цели урока, можно переходить к показу картины. Ранее неизвестное детям слово «Христосование» объясняет подназвание картины: «Пасхальный обряд». Теперь нужно разобраться детально, что же это за обряд.

Ученикам предлагается внимательно посмотреть на картину и назвать ключевые слова, которые с ней связаны. Это, например, такие: *пасхальные яйца, крашеные яйца, пасха, кулич, праздник, поцелуй*. Учитель поясняет, что праздник пишется с прописной (большой) буквы – *Пасха*, а праздничные символы – *яйца, кулич* (в нашей местности его чаще называют «паска») пишутся со строчной, т.к. это нарицательные существительные. Также обращается внимание учеников на вид праздничной одежды людей.

Затем заранее подготовленный ученик должен рассказать о празднике Пасха и обряде христосования. Оказывается, «христосоваться» – это ... «целоваться» (!), но целоваться по-особому, троекратно, причем в особые, пасхальные дни, желая добра и счастья всем встречным, и знакомым, и незнакомым. Так целовал, желая всем добра, Иисус Христос, и теперь так делают верующие люди в память о Его добре и безграничной любви.

Следующее задание можно связать с работой со словами с национально-культурным компонентом значения. Учитель задает вопрос обучающимся: «Как вы считаете, какие слова отражают культуру нашего народа? Давайте найдем их и дадим толкование (праздник Воскресения Господня, Пасха, христосоваться, кулич и др.). Все ли слова у вас получилось трактовать правильно? Как нам это проверить?».

Дети должны активно воспользоваться Толковым словарем для проверки, т.к. важное, ключевое для понимания картины Кустодиева слово «христосоваться» подросткам вообще неизвестно. Что они находят?

ХРИСТОСОВАТЬСЯ. <...> ... у православных: троекратно целоваться, поздравляя друг друга с праздником Пасхи, говоря при этом: «Христос воскрес! – Воистину воскрес!» (См. 2 – Электронный словарь).

После рассказа учителя, рассматривания картины, справки по словарям они узнают детали: у православных принято троекратно целоваться, поздравляя друг друга с Пасхой, восклицая: «Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!» (2), да еще обмениваться во время этого обряда освященными в церкви крашеными (чаще красными) яйцами. Этот процесс можно, казалось бы, и показать, но вряд ли стоит инсценировать высокий обряд, чтобы не вызвать нежелательных, провоцирующих смех моментов, однако нелишне спросить, видели ли они, как это делают их родственники, знакомые, выходя после пасхальной службы, готовы ли они совершить этот обряд, когда наступит праздник.

- Теперь давайте определимся, чем отличается *пасха* и *кулич*.

Дети с помощью словаря или интернет ресурсов определяют, что *пасха* – праздничное кушание из творога в форме четырехгранной пирамиды, а *кулич* – высокий хлеб из сдобного теста, выпекаемый только раз в году, к празднику «Пасха». (Добавим: в нашем регионе куличи выпекают и после самого праздника, в ходе пасхальных торжеств: к праздникам «Красная горка», «Радунница», «Духов день» и др.).

Далее можно создать проблемную ситуацию. Попросить обучающихся найти различия в словах «христосоваться» и «христосовать». Обучающиеся легко ответят, что эти слова отличаются суффиксом (постфиксом) **-ся**. Далее можно задать вопрос: «Как вы считаете, данные слова отличаются по значению или нет?». Скорее всего, ответы будут отрицательные. И здесь нужно воспользоваться опять словарем и найти отличия. В словаре есть слова *христосовать*, *христосить* (с пометой диалектное), и оно означает «просить милостыню». Таким образом, делаем вывод о том, что даже от одной морфемы может зависеть значение слова, как в нашем случае, менять значение на иное, противоположное.

Затем нужно внимательно рассмотреть детали картины и составить небольшую таблицу со вспомогательным словарным материалом.

Деталь	Описание
Настроение	<i>Праздничное, веселое, приподнятое</i>
Обряды	<i>Христосование, объятия, поцелуи</i>
Люди	<i>Светлые лица, нарядная одежда, праздничное настроение, в руках пасхальное яйцо и др.</i>
Одежда	<i>Красное платье, яркий розовый расписной платок, узоры на платье, темный длинный сюртук, сапоги др.</i>
Стол	<i>Разноцветные пасхальные яйца, творожная пасха, куличи, цветы, белая скатерть</i>
Комната	<i>Голубые обои с узорами, на стене картина, под ногами разноцветный ковер</i>

- Давайте, ребята, попробуем словами описать изображенное красками.

Художник изображает на этой картине, как молодая девушка целует пожилого мужчину во время пасхального обряда. Лицо девушки мы не видим – она находится к нам спиной, а лицо старика выражает удовольствие от этого поцелуя. Одетый в длинный сюртук и черные блестящие сапоги, мужчина в руках держит крашеное яичко – символ праздника. На столе стоит высоченный кулич, украшенный сверху глазурью и розой. Рядом кулич пониже, тут же возвышается пирамидой блюдо из творога. Это и есть то, что называют пасхой. На большой тарелке – разноцветные яички. По случаю праздника на девушке шелковое красное платье с кружевным воротничком и большой расписной, розовый с кистями платок. Все: и люди, и их одежда, и убранство комнаты и стола – имеют особый, торжественный вид.

Далее нужно составить план, по которому обучающиеся будут писать сочинение по увиденной картине:

1) Вступление: о празднике Пасха, о религиозных и фольклорных темах в творчестве художника, плавный переход к картине Б. Кустодиева «Пасхальный обряд. Христосование».

2) Основная часть: описание комнаты, одежды людей, стола, того, что выставлено на столе, почему именно этими блюдами заставлен стол, какое настроение в доме?

3) Заключение: чем запомнилась и понравилась картина? Что даст нам обсуждение картины и связанных с изображенными на картине предметами и событиями?

Итак, благодаря подобному уроку развития речи обучающиеся будут не только учиться выражать свои мысли, опираясь на новую информацию, сведения о народных и религиозных событиях, на впечатления от ранее неизвестной картины, на стихотворение, но и «расти душой», изменяться внутренне, стремиться понимать свой народ, знать его историю и культуру. Так, развивая речь, мы стараемся развивать мышление и укреплять историческое сознание, память подрастающего поколения.

Литература

1. Методика преподавания русского языка в школе: учебн. для студ. высш. уч. заведений/под ред. М.Т. Баранова. – М.: Флинта, 2000. – С. 227-287.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://alcala.ru/slovar-ozhegova/slovar-Нк/73977.shtml>
3. Ходякова, Л.А. Живопись на уроках русского языка: теория и методические разработки уроков: учеб. пособие– М.: Флинта, 2000. 336 с.

Abstract. The article talks about the effective construction of the lesson the development of speech, is an example of developing a lesson on the example of Kustodiev paintings on religious themes, underlines the importance of working with national-cultural concepts for spiritual-moral development of students.

Keywords: lesson of the development of speech, the composition of the picture, national and cultural concepts, memory.

Шипицына Г.М.

УЧИТЕЛЮ О РАБОТЕ НАД ЯЗЫКОМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Россия, г. Белгород. Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Shipitsina@bsu.edu.ru

Аннотация. Русская классическая литература остается важным источником культуроведческой информации и средством воспитания молодежи. Однако в связи с развитием общества и языка многие фрагменты текстов этой литературы современным читателем воспринимаются неправильно под влиянием современности. Статья посвящена лингво-историческому и культуроведческому комментированию устаревших фразеологизмов в текстах русской классической литературы. Цель такого комментирования – воспроизведение того смысла фраз с устаревшим фразеологизмом, который вкладывал в них писатель. Анализируются текстовые фрагменты с фразеологизмами как *синь порох, кредитный билет, пойти в люди, поставить на барьер*.

Ключевые слова. Русская классическая литература, устаревшие фразеологизмы, семантика, прагматика, семантические изменения, смысл текстовых фрагментов, материальная и духовная культура прошлого.

Русская классическая литература сохраняет свою значимость не только как источник культуроведческой информации, но и как материал для воспитания у подрастающего поколения гражданских чувств и личностных качеств, востребованных в современной России, например, таких, как совесть и способность к состраданию, проявление чести и благородства сильным в отношении к более слабому и др. Однако в связи с непрерывным развитием русского литературного языка как следствия преобразований в обществе его носителей, возникают сложности в установлении того смысла текста произведений (или отдельного его фрагмента), который вкладывал в него писатель. Персонажи произведений действовали в обстоятельствах и предметном мире прежних эпох, имели иную картину мира. Однако современ-

менники склонны толковать смыслы текста прошлых эпох под влиянием уже новой концептосферы и новой семантической парадигмы. В.В. Виноградов писал об этом так: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» (Виноградов 1955: 27).

Культурно-исторический генезис и динамика развития сознания, психики и языка во многом обусловлены социальной средой и реалиями культуры. В наибольшей степени подвержены семантическим изменениям фразеологизмы, поскольку они составляют основной культуроносный слой языковой картины мира. Они живут в языке очень долго, и «за каждой фраземой стоят «живые» или забытые исторические или библейские, ритуальные события, устойчивые коммуникативные ситуации, обычаи, притчи или легенды» (Алефиренко, Золотых 2008: 6). Это делает фраземы информативно ценным языковым материалом. Однако воспроизведение всех смыслов фразем возможно при наличии соответствующих знаний о семантике и прагматике этих конструкций, напоминающих сжатый текст. Учителю необходимо проводить лингвистическое и культуроведческое комментирование устаревших фразем. Некоторые из них «подают сигналы» о такой необходимости.

В частности, такие: во фразеологизме имеются грамматические формы слов, не соответствующие современным, непонятные в своей сочетаемости и синтаксической функции в предложении. Например, *ни сень пороха* в значении «абсолютно ничего, ни малейшей пылинки»: *Сказано, порядок чтоб был, не ездит никто из домов, чтобы ни сень пороха не вывозить!* (Л.Н. Толстой. Война и мир, том 3). Или: *Что ж, говорит, лежит, говорит, белый, как бумага, чистый, ни сень пороха не пахнет* (Л.Н. Толстой. Война и мир, том 4). Образ, по которому было создано это выражение, уже забыт. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля говорится, что словом *сень* называлась руда синего цвета. Слово *порох* в древнерусский период означало «пыль», это же значение сохранилось у него в украинском языке. Можно предположить, что сочетание слов *ни сень пороха* имело исходное, прямое значение «ни пылинки руды синего цвета», от которого развилось значение «пылинка, порошок, то есть ничтожно малая величина». В этом значении его и употреблял Л.Н. Толстой. Однако позже от фразеологизма *сень порошок* образовалось другое выражение *сень порошок в глазу*. Его буквальное значение – «пылинка в глазу». Оно было переосмыслено и получило значение «то, что назойливо мешает, постоянно присутствует и беспокоит», и уже от него произошло значение «то, что всегда со мной безотлучно», а оно уже приобрело оттенок значения «единственный, дорогой, любимый». Фразеологизм (как) *сень порошок в глазу* тоже употребляется в произведениях русской классической литературы. Например, *Будет ли Прошка любить Вас так, как я? Поглядите, какой он озорник: ни*

одной женщине проходу не даст ... Вы у меня, что синь порох в глазу! (И.А. Гончаров. Обыкновенная история).

Особого внимания заслуживают такие фразеологизмы, которые состоят из имеющихся в современном языке слов и словоформ, но они уже изменили свои значения, что может привести к ошибочному пониманию текста. Например, М. Горький в своем рассказе пишет:

Челкаш мечтал о том, что загуляет завтра поутру, когда в его кармане явятся кредитные бумажки (М. Горький. Челкаш).

Писатель вовсе не имел в виду, что завтра Челкаш возьмет в банке кредит и будет гулять на эти деньги. Фразеологизмы *кредитная бумага, кредитный билет* раньше имели значение «бумажная денежная купюра», следовательно, Челкаш мечтал гульнуть на деньги, вырученные от продажи товара, который он сейчас ворует.

То же: *Петр Петрович протянул Соне десятирублевый кредитный билет, тщательно развернув* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Ошибочно понимается школьниками и такой устаревший оборот, как *идти в люди (жить в людях)* – «жить у чужих людей, работая на них за хлеб и кров»: Например, *Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне: «Ну, Алексей, ты не медаль, на шее у меня – не место тебе, а **иди-ка ты в люди ... И пошел я в люди*** (М. Горький. Детство). Дед не имел в виду то, чтобы Алексей *выходил в люди*, то есть «добивался высокого положения в жизни, в обществе», нет, конечно. Дед отправил внука самостоятельно искать себе способ прокормиться и где-то жить. Обычно это было так: в чужих людях жить из милости и работать на них за хлеб и кров. Еще пример: ... *для этого нужно уже расстройство чьего-нибудь «своего», собственного хозяйства, чтобы кто-нибудь захотел **идти в люди**, в чужой дом ...* (Г. И. Успенский. Письма с дороги (1887) г.).

Есть и такие фразеологизмы, компоненты которых – это вполне современные слова и правильно сочетаются, но в таком сочетании слов нет современного смысла. Не понимая значения фразы, нельзя понять и мысль писателя. Например, характеризуя далеко не благородные черты характера Евгения Онегина, А.С. Пушкин в одноименном романе пишет:

*Умел он весело поспорить, Остро и тупо отвечать, Порой расчетливо смолчать, Порой расчетливо повздорить, Друзей поссорить молодых **И на барьер поставит их. Иль помириться их заставить, Дабы позавтракать втроём, И после тайно обесславить Веселой шуткою, враньем*** (А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Глава У1).

Устаревшая фразема *поставить на барьер* имела значение «дovedи дело до дуэли». Вот и получается, что Онегин ссорил друзей, доводя дело даже до их дуэли, потом мирил их, но только ради того, чтобы их же и *обесславить*, при этом еще и приврать. Таков этот герой, оказывается.

Получается, что при подготовке уроков по классическим произведениям русской литературы учителю надо находить научно обоснованные сведения о значениях, употребленных в нем слов и устойчивых сочетаний, поскольку «слово более живуче, более долговечно, чем вещь и личность, и более изменчиво, чем они» (Виноградов 1955: 15).

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство ЭЛ-ПИС», 2008. 472 с.

2. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / Вопросы языкознания. – 1995. № 1. С. 5 – 37.

Annotation. Russian classical literature remains an important source of cultural information and a means of young people educating. However, due to the development of society and the language, many fragments of the texts of this literature are perceived incorrectly by the modern reader under the influence of modernity. The article is devoted to linguistic and cultural commenting on obsolete phraseological units in the texts of Russian classical literature. The purpose of such commenting is the reproduction of the meaning of obsolete phrases according to the sense imputed by the writer. Text fragments analyzed, with phraseologies like *синь порох, кредитный билет, пойти в люди, поставить на барьер*.

Keywords. Russian classical literature, obsolete phraseological units, semantics, pragmatics, semantic changes, the meaning of text fragments, the material and spiritual culture in the past.

Яковлева Т.В., Касилова Н.Н.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ «НАРЕЧИЕ»)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
casilova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема интеллектуального развития младших школьников. Изучение наречия как одной из сложнейших частей речи может способствовать интеллектуальному развитию. Предлагаются методические рекомендации по изучению наречия в начальной школе.

Ключевые слова: интеллектуальное развитие, младший школьник, уроки русского языка, наречие, части речи.

Многочисленные наблюдения педагогов, исследования психологов убедительно показали, что ребенок, не научившийся учиться, не овладевший приемами мыслительной деятельности в начальных классах школы, в средних обычно переходит в разряд неуспевающих. Одним из важных направлений в решении этой задачи выступает создание в начальных классах условий, обеспечивающих полноценное умственное развитие детей, связанное с формированием устойчивых познавательных интересов, умений и навыков мыслительной деятель-

ности, качеств ума, творческой инициативы и самостоятельности в поисках способов решения задач. Важнейшей задачей современного школьного образования является интеллектуальное развитие младших школьников, способных эффективно усваивать знания и продуктивно использовать их на практике. В связи с этим происходит изменение самой сути образования: обучение становится не дидактическим, основной целью которого является формирование знаний, умений и навыков в условиях социально-нормативного контроля, усвоение и воспроизведение образцов, а дидактико-психологическим, направленным на общее психическое развитие каждого ученика. Структура интеллектуальных свойств личности состоит из следующих составляющих: обобщенность мыслительной деятельности – ее направленность на абстрагирование и обобщение существенного в материале; осознанность мышления, определяемого соотношением его практической и словесно-логической сторон; гибкость мыслительной деятельности, самостоятельность мышления, его восприимчивость к помощи. Успехи в обучении зависят от уровня умственного развития ребенка, который усваивает содержание обучения в соответствии со сложившейся у него в данное время интеллектуальной структурой, связанной с развитием мышления. Таким образом, уже применительно к детям младшего школьного возраста нужно учитывать сложность структуры интеллекта: соотношение в нем наиболее общих и более специальных моментов.

По мнению М.А. Холодной, «интеллектуальное развитие происходит не само по себе, а в результате многостороннего взаимодействия ребёнка с другими людьми: в общении, в деятельности и, в частности, в учебной деятельности» (Холодная, 2002 :18). Пассивное восприятие и усвоение нового не могут быть опорой прочных знаний. Поэтому основной задачей учителя начальных классов является интеллектуальное развитие учащихся, вовлечение их в активную деятельность. В педагогике и психологии накоплен обширный материал, анализ которого позволяет утверждать, что интеллектуальное развитие детей младшего школьного возраста (В.В. Давыдов, Л.В. Занков, Н.Б. Истомина, А.И. Раев, Д.Б. Эльконин) зависит от характера, содержания и организации игровых и учебных программ. Поэтому педагог, ставящий перед собой задачу интеллектуального развития каждого учащегося, неизбежно сталкивается с необходимостью использования развивающих систем обучения, личностно ориентированных технологий и новых форм организации учебного процесса.

Русский язык – это предмет, которому принадлежит решающая роль в духовной жизни ребенка. Это инструмент познания, мышления, развития. Он богат возможностями творческого обогащения. Весь поток познания идет по каналам языка: через слова усваиваются понятия, в формах языка строится мысль и речь. Речь в свою очередь является каналом развития интеллекта. Вот почему основополагающим

в обучении русскому языку является интеллектуальное развитие ребенка. Русский язык – важнейший фактор развития умственных способностей учащихся, их речи, нравственных качеств и в целом личности ребенка. Многие прогрессивные общественные деятели, лингвисты, методисты XIX века (Ф.И. Буслаев, Л.И. Поливанов, Д.И. Тихомиров, Е.А. Обухова, Н.В. Дембицкая и др.) в своих трудах писали об огромном развивающем значении родного языка как школьного учебного предмета.

Современные методисты, учителя изучают проблему интеллектуального развития детей на уроках русского языка. Этой проблеме посвящены работы профессора Г.А. Бакулиной (Бакулина, 2008). По нашему мнению, сложнейшей частью речи русского языка является наречие. Лишь по некоторым программам для начальной школы эта часть речи изучается в курсе морфологии. Мы считаем, что именно при изучении наречия может происходить интеллектуальное развитие младших школьников. Даже определить наречие, проанализировать его, написать – вызывает определенные трудности. Успех интеллектуального развития школьника достигается главным образом на уроке, когда учитель остается один на один со своими воспитанниками.

Наречие как часть речи должно изучаться поэтапно: во 2 классе дети получают общее представление о наречии, в 3 классе – представление о самостоятельных (в том числе и о наречии) частях речи и служебных; в текстах учебников встречаются наречия, над ними ведутся наблюдения, анализ. В 4 классе наречие изучается по следующему плану: общее понятие, признаки наречия, введение наречий в контекст, правописание наречий.

С целью интеллектуального развития учащихся при изучении наречия следует использовать разнообразные приемы: анализ, синтез, проблемная ситуация, обобщение; упражнения должны отличаться разнообразием: проанализировать наречие как часть речи, выбрать из предложенных словосочетаний наречие, придумать предложение с наречиями, игровые задания. Эффективным средством формирования интеллектуальных качеств личности ребенка является использование метода проекта. Так, учащимся могут быть предложены исследовательские проекты: «Наречия в сказках Пушкина», «Наречия в произведениях М.Ю. Лермонтова». На уроках русского языка и внеурочных мероприятиях должна вестись индивидуальная работа: детям с различным уровнем интеллектуального развития предлагать карточки, учитель и сильные дети могут помогать слабым.

Можно сделать вывод, что от разумного сочетания разнообразных форм, при поэтапном изучении наречия, при разнообразных упражнениях уровень интеллектуального развития детей повышается.

Литература

1. Бакулина, Г.А. Комплексное интеллектуальное развитие младших школьников на уроках русского языка (1, 2, 3 кл.) / Г.А. Бакулина. – Киров, 2008. – 159 с.
2. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – 2-е изд. перераб. и доп. – СПб и др.: Питер, 2002. – 264 с.

Abstract. The article considers the problem of intellectual development of Junior schoolchildren. The study of language as one of the most difficult parts of speech can promote intellectual development. Methodical recommendations on the study of adverbs in elementary school.

Key words: intellectual development, schoolchild, Russian lessons, adverb, parts of speech.

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ
И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИЛОЛОГИИ**

**Сборник научных трудов по итогам
Международной научной конференции**

г. Белгород, 12-13 февраля 2018 г.

Подписано в печать 07.02.2018. Формат 60×84/16. Усл. п. л. 24,42.
Гарнитура Georgia, Times New Roman. Тираж 100 экз. Заказ № 70.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «ЭПИЦЕНТР».
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 1